Подарен
от глубоко у

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ

ВЪ ЕГО

УСТРОЙСТВѢ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ ПРОКУРОРСКОЙ СЛУЖБЫ.

Сей чинъ яко бы око Наше и стрянчій
о дѣлахъ государственныхъ.
Петръ Великій.

Н. В. Муравьева
Прокурора Московской Судебной Палаты.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

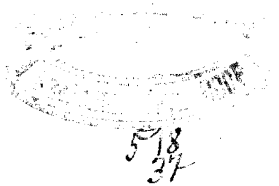
ПРОКУРАТУРА НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.

JK
1595

МОСКВА.
Университетская типографія, Страст. бул.
1889.

10 руб.

JK
1595



посвящается

Евгеніи Ивановнѣ

Муравьевой.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

От автора V

ВВЕДЕНІЕ.

О ПРОКУРАТУРѢ ВООБЩЕ.

§§

1. Опредѣленіе и общія понятія 1
2. Главныя задачи и руководящія начала прокурорской дѣятельности 11
3. Развитіе и главнѣйшіе типы прокуратуры 20
4. Научные вопросы и общее значеніе прокуратуры 26

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОКУРАТУРА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ГЛАВА I.

ДРЕВНІЙ МІРЪ И СРЕДНІЕ ВѢКА.

5. Востокъ и Греція 37
6. Римъ 40
7. Уголовное преслѣдованіе въ средніе вѣка. — Фискалатъ 47

ГЛАВА II.

ПРОКУРАТУРА ВО ФРАНЦІИ ДО НАПОЛЕОНА I.

8. Происхожденіе прокуратуры 54
9. Устройство до-революціонной прокуратуры 59
10. Дѣятельность до-революціонной прокуратуры 63
11. Прокуратура въ революціонный періодъ 71

ГЛАВА III.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОКУРАТУРА.

Отдѣлъ I:

12. **Источники и опредѣленія** 76

Отдѣлъ II:

13. **Устройство** 83

Отдѣлъ III: — **Дѣятельность по уголовнымъ дѣламъ:**

14. Уголовное преслѣдованіе и судебная полиція 95
15. Слѣдствіе и преданіе суду 103
16. Судебное разсмотрѣніе и обжалованіе 111

§§ Отдѣлъ IV: Стр.
17. **Дѣятельность по гражданскимъ дѣламъ**..... 122
Отдѣлъ V: — **Судебно-административная дѣятельность:**
18. Судебный надзоръ..... 127
19. Административныя обязанности..... 134
Отдѣлъ VI:
20. **Общая характеристика**..... 142

ГЛАВА IV.

ПРОКУРАТУРА ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ.

Отдѣлъ I. — **Законодательное и научное развитіе прокуратуры:**
21. Прокуратура до судебной реформы 70-хъ годовъ..... 151
22. Научная критика прокуратуры и ея положеніе передъ реформой 159
Отдѣлъ II. — **Австрійская прокуратура:**
23. Устройство 170
24. Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленій. 176
25. Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе..... 184
26. Особенныя обязанности. — Финансовая прокуратура..... 190
Отдѣлъ III. — **Германская прокуратура:**
27. Устройство 193
28. Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленій. 201
29. Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе. — Заключеніе..... 206

ГЛАВА V.

ВЕЛИКОБРИТАНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. — ПРОКУРАТУРА ВЪ ИСПАНІИ.

30. Уголовное преслѣдованіе въ Англіи..... 213
31. Движеніе въ пользу учрежденія публичныхъ обвинителей..... 223
32. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Англіи..... 229
33. Характеръ и пріемы публичнаго обвиненія въ Англіи..... 233
34. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Шотландіи..... 236
35. Прокуратура въ Испаніи 239

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА VI.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Отдѣлъ I. — **Учрежденіе фискаловъ:**
36. Происхожденіе и устройство..... 243
37. Дѣятельность. — Общая характеристика..... 253

§§ Отдѣлъ II. — **Учрежденіе прокуроровъ:** Стр.
38. Происхожденіе и развитіе 266
39. Устройство и дѣятельность 276
40. Параллель между фискалами и прокурорами 285

ГЛАВА VII.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ОТЪ ЕКАТЕРИНЫ II ДО ИЗДАНІЯ СВОДА ЗАКОНОВЪ.

Отдѣлъ I. — **Прокурорскій надзоръ при Екатеринѣ II:**
41. Прокурорскій надзоръ до „учрежденія о губерніяхъ“ 291
42. Прокурорскій надзоръ по „учрежденію о губерніяхъ“ 299
43. Прокурорскій надзоръ послѣ „учрежденія о губерніяхъ“ 309

Отдѣлъ II. — **Прокурорскій надзоръ послѣ Екатерины II:**
44. Прокурорскій надзоръ при Императорѣ Павлѣ 315
45. Прокурорскій надзоръ при Императорѣ Александрѣ I 319

ГЛАВА VIII.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПО СВОДУ ЗАКОНОВЪ.

46. Общая организація и составъ. — Высшій надзоръ 327
47. Мѣстный прокурорскій надзоръ и его устройство 335
48. Предметы и формы прокурорской дѣятельности вообще и по надзору въ частности 341
49. Судебно-исковая дѣятельность прокурорскаго надзора по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ 349
50. Отвѣтственность прокурорскаго надзора. — Характеристика его по Своду Законовъ вообще 355
51. Общій взглядъ на до-реформенный прокурорскій надзоръ 358

ГЛАВА IX.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПРИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Отдѣлъ I:
52. **Предварительныя работы и узаконенія** 363

Отдѣлъ II. — **Прокурорскій надзоръ по „Основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части“.**
53. „Основныя положенія“ вообще. — Гражданское судопроизводство 369
54. Уголовное судопроизводство 373
55. Судоустройство 380

§§ Отдѣлъ III. Стр.

56. **Прокурорскій надзоръ по замѣчаніямъ юристовъ и практиковъ на „Основныя положенія преобразованія судебной части“** 385

Отдѣлъ IV. — **Вопросы о прокурорскомъ надзорѣ при составленіи Судебныхъ Уставовъ:**

57. Проектъ учрежденія судебныхъ установленій 394
58. Проектъ устава гражданскаго судопроизводства 402
59. Проектъ устава уголовнаго судопроизводства. —Общія начала прокурорской дѣятельности 405
60. Предварительное изслѣдованіе преступленій 407
61. Преданіе суду 415
62. Судебное разсмотрѣніе и послѣдующія стадіи процесса 421
63. Изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства. — Отзывы западной науки 425

Отдѣлъ V:

64. **Введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ. — Прокурорскій надзоръ по переходнымъ узаконеніямъ** 430

Отдѣлъ VI.

65. **Общая характеристика отношенія судебной реформы къ прокурорскому надзору** 436

ГЛАВА X.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПОСЛѢ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ (1866—1888).

66. Законодательство 443
67. Руководящая практика 458
68. Литература 472

ГЛАВА XI.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННАГО ПРОКУРОРСКАГО НАДЗОРА.

69. Общее значеніе прокурорскаго надзора 492
70. Отношенія прокурорскаго надзора къ обществу и сопредѣльнымъ учрежденіямъ 509
71. Практическая постановка современной прокурорской службы 523

Приложеніе. Библіографическій указатель прокуратуры 535

ОТЪ АВТОРА.

Цѣль настоящаго труда уже отчасти указана въ его заглавіи: она состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ сжатой, но возможно полной разработки учрежденія прокурорскаго надзора въ его устройствѣ и дѣятельности дать пособіе для прокурорской службы. Необходимость въ немъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Правительственному дѣятелю, который интересуется и дорожитъ своимъ занятіемъ, нельзя довольствоваться знаніемъ текста соотвѣтствующихъ законовъ и примѣрами вседневной практики. Просвѣщенный взглядъ на дѣло и сознательное ему служеніе, эти два условія достойнаго успѣха, идутъ дальше, проникаютъ глубже, далеко за предѣлы юридической техники и канцелярскаго дѣлопроизводства. Историческое развитіе институтовъ, сопоставленіе ихъ различныхъ типовъ, научная ихъ доктрина и догма положительнаго законодательства, разсматриваемая въ связи съ потребностями жизни—все это требуетъ особаго вниманія и, расширяя профессіональный кругозоръ юриста, предохраняетъ его отъ казуистической сухости и бюрократическаго застоя. Это вполнѣ примѣнимо и къ особой области прокурорской службы. Прокуроръ долженъ знать, во имя чего онъ дѣйствуетъ, какъ сложились и видоизмѣняются различныя стороны его дѣятельности, въ чемъ заключаются задачи ея отдѣльныхъ проявленій, и въ принципѣ, и въ бытовой ихъ обстановкѣ. И не одному прокурору полезны познанія такого рода: юристъ всякой иной профессіи, учащійся или начинающій по судебной части, наконецъ просто любознательный читатель могутъ встрѣтить надобность въ систематическомъ изложеніи основаній прокурорскаго института, столь важнаго въ правительственно-общественномъ строѣ вообще и въ судебномъ въ частности.

Между тѣмъ на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ сочиненія, спеціально посвященнаго прокуратурѣ, кромѣ краткой брошюры покойнаго Н. А. Буцковскаго, изданной 22 года тому

назадъ и нынѣ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не удовлетворяющей вышеприведеннымъ требованіямъ. Отрывочныя данныя о прокурорскомъ надзорѣ приходится отыскивать по разнымъ произведеніямъ и журнальнымъ статьямъ, которыя непосредственно касаются другихъ учрежденій и только косвенно прокуратуры, или же имѣютъ своимъ предметомъ цѣлые отдѣлы правовѣдѣнія. Является, поэтому, умѣстнымъ и своевременнымъ восполнить этотъ пробѣлъ и тѣмъ облегчить пользованіе обширнымъ запасомъ свѣдѣній о государственномъ установленіи, которое, существуя въ Россіи болѣе полутораста лѣтъ, въ своемъ теперешнемъ видѣ дѣйствуетъ уже около четверти столѣтія.

Вспомогательный характеръ предлагаемыхъ очерковъ опредѣляетъ ихъ скромный планъ и направленіе. Это отнюдь не ученый трактатъ, а именно *пособіе*. Вовсе не претендуя быть всестороннимъ изслѣдованіемъ прокуратуры, оно представляетъ сводъ всѣхъ главнѣйшихъ свѣдѣній и данныхъ, нужныхъ или по крайней мѣрѣ полезныхъ для обстоятельнаго съ ней ознакомленія. Согласно такой цѣли, и методъ ихъ обработки принятъ смѣшанный, эклектическій: послѣдовательное, общее обозрѣніе исторіи, теоріи, догмы и практики прокуратуры какъ на Западѣ, такъ и въ особенности въ Россіи, учрежденія которой составляютъ центральный предметъ предпринятой работы.

Все сочиненіе раздѣляется на два тома, соединенныхъ внутреннимъ единствомъ содержанія, но могущихъ каждый имѣть свое отдѣльное значеніе. *Первый томъ* содержитъ въ себѣ такъ сказать общую часть, которая въ свою очередь распадается на два отдѣла или части. Въ первой изъ нихъ излагаются основныя понятія о прокуратурѣ, происхожденіе и ходъ ея развитія въ Западной Европѣ, а также современное положеніе ея въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, причемъ наиболѣе мѣста отведено отечеству прокуратуры, Франціи. Вторую часть того же тома занимаетъ историческій очеркъ русскаго прокурорскаго надзора, съ указаніемъ затѣмъ выдающихся сторонъ его по судебному преобразованію Императора Александра II, и въ ихъ практическомъ примѣненіи до нынѣшняго времени включительно. *Второй томъ* заду-

манъ какъ руководство собственно по русской прокурорской службѣ. Въ немъ шагъ за шагомъ подвергаются подробному разсмотрѣнію всѣ ея отрасли и виды, всѣ дѣйствія и отправленія изъ которыхъ она слагается. Матеріаломъ для этой особенной части главнымъ образомъ послужили: ученія дѣйствующаго права на основаніи точнаго смысла мотивовъ и оффиціальной интерпретаціи закона, разъясненія и мысли высказанныя въ нашей процессуальной литературѣ и многолѣтній личный опытъ автора на всѣхъ ступеняхъ прокурорскаго надзора двухъ столичныхъ судебныхъ округовъ. Сюда же присоединены практическія указанія по канцелярской техникѣ и прокурорскому дѣлопроизводству, вмѣстѣ съ его главнѣйшими формами и образцами.

Въ надлежащихъ мѣстахъ сочиненія сдѣланы ссылки на законодательные и литературные источники, а въ приложеніи помѣщенъ библіографическій указатель прокуратуры для справокъ на случай ближайшихъ и непосредственныхъ занятій ея вопросами. Въ текстѣ нерѣдко приводятся подлинными словами болѣе характеристическіе отзывы и мнѣнія ученыхъ и писателей; казалось предпочтительнѣе злоупотребить цитатами, чѣмъ перефразировать то, что уже раньше такъ хорошо и мѣтко выражено авторитетами. Всюду организаціонные вопросы трактуются по возможности отдѣльно отъ предметовъ дѣятельности, а въ тѣхъ и другихъ принципы теоріи поставлены на ряду съ выводами практики. Въ заботливости о простотѣ и цѣльности изложенія было приложено посильное стараніе не загромождать его излишними спеціальными подробностями, въ ущербъ капитальнымъ пунктамъ. Все то, что ниже сказано о прокуратурѣ, или принадлежитъ къ общимъ и кореннымъ понятіямъ о ней, или имѣетъ насущный смыслъ въ ея практическомъ существованіи и обиходѣ. Если и не удалось достичъ здѣсь многаго, то первая попытка, быть можетъ, проложитъ путь послѣдующимъ. Учрежденіе русскаго прокурорскаго надзора, со всѣми примыкающими къ нему вопросами, заслуживаетъ изученія и давно ужъ ждетъ изслѣдователей.

Еще одно замѣчаніе—pro domo sua. Своимъ трудомъ авторъ горячо желалъ бы принести хоть нѣкоторую долю пользы дѣлу,

которому имъ лично отдано не мало годовъ и силъ. Но искренняя преданность этому дѣлу, съ его высокими задачами, заставляетъ и въ самыхъ безкорыстныхъ пожеланіяхъ ему успѣха и процвѣтанія, быть осторожнымъ, сдержаннымъ; не нужно забывать той старой истины, что идеализація иногда вредитъ учрежденіямъ, также какъ и людямъ. Однакоже, именно въ этомъ отношеніи не идетъ ли настоящая работа на встрѣчу упрекамъ и порицанію? Не скажутъ ли автору, что онъ преувеличиваетъ значеніе и цѣнность прокуратуры, и въ кругѣ вѣдѣнія ея чиновъ рисуетъ перспективы трудно достижимыя? Отрицая справедливость такого нареканія и въ доказательство ссылаясь на все дальнѣйшее, гдѣ темное очерчено наравнѣ со свѣтлымъ, и опасности, ошибки, увлеченія отмѣчены рядомъ съ заслугами и преимуществами, авторъ тѣмъ не менѣе готовъ признать, что книга эта написана—не для восхваленія, но и не для приниженія прокурорской дѣятельности. Пособіе всегда имѣетъ въ извѣстной степени назначеніе учительное, дидактическое, а въ убѣжденномъ наставленіи не достаточно еще выяснить, *какъ* должно дѣйствовать, нужно показать, что *такъ* поступать велятъ долгъ совѣсти и благороднѣйшія побужденія души. Только то изображеніе службы государству и общественному благу плодотворно, которое, не скрывая правды, способно пробудить или поддержать живое сочувствіе къ изображаемому поприщу. Любовь къ дѣлу еще никогда, нигдѣ и ничего не портила, тогда какъ равнодушіе, апатія, рутина все искажаютъ и всему препятствуютъ. Поэтому, и въ самой прокурорской службѣ и въ изложеніи началъ ея, лучше все-таки, даже держась на среднемъ уровнѣ, стараться о приближеніи къ тому, который возвышается надъ обыденными, затягивающими шаблонами. Дѣйствительность и безъ того быстро и безпощадно беретъ свое. Но если идеалы высоки и крѣпки, то и неизбѣжное пониженіе ихъ до реальной почвы будетъ слабѣе, менѣе замѣтно и ощутительно...

ВВЕДЕНІЕ.

О ПРОКУРАТУРѢ ВООБЩЕ.

§ 1. Опредѣленіе и общія понятія.—§ 2. Главныя задачи и руководящія начала прокурорской дѣятельности.—§ 3. Развитіе и главнѣйшіе типы прокуратуры.—§ 4. Научные вопросы и общее значеніе прокуратуры.

§ 1. Опредѣленіе и общія понятія. Въ старинномъ обычаѣ предпосылать всякому юридическому изложенію краткое, но по возможности полное и точное опредѣленіе его предмета есть несомнѣнно много хорошаго. При всей растяжимости общихъ формулъ, первое ясное понятіе о правовомъ институтѣ дается всего легче именно вступительнымъ изображеніемъ его въ крупныхъ и выпуклыхъ очертаніяхъ. Если изъ многихъ описательныхъ признаковъ выбрать наиболѣе существенные, характеристическіе и наименѣе спорные, то сопоставленіе ихъ образуетъ средній типъ учрежденія, которымъ исчерпывается его соціально-юридическая природа. Логически развиваясь въ рядѣ послѣдствій, эти признаки обрисовываютъ предметъ съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія, и въ отвлеченномъ, теоретическомъ видѣ, и исторически, во времени, и сравнительно, въ пространствѣ. Такое элементарное опредѣленіе правоваго института прямо вводитъ въ кругъ относящихся къ нему общихъ понятій, основныхъ началъ и важнѣйшихъ явленій. На порогѣ догматическаго изученія и знакомства съ практикой выступаетъ наглядная картина общественныхъ и индивидуальныхъ потребностей, интересовъ, задачъ, отношеній, изъ взаимодѣйствія которыхъ и возникаетъ стройное государственное установленіе.

Въ составныхъ частяхъ юридическаго опредѣленія, удовлетворяющаго своему назначенію, долженъ заключаться краткій отвѣтъ

на вопросы: изъ *кого* состоитъ учрежденіе, *гдѣ* оно дѣйствуетъ, *какія задачи* лежатъ на немъ, и *въ чемъ*, главнымъ образомъ, проявляется его дѣятельность. Ставя эти вопросы относительно прокуратуры, мы получаемъ *a priori* слѣдующее общее ея опредѣленіе. Прокуратура есть *постоянное государственное установленіе правительственнаго характера, состоящее изъ іерархической системы единолично дѣйствующихъ должностныхъ лицъ, призванныхъ, по долгу службы, быть въ отведенной имъ преимущественно судебной области блюстителями закона, представителями публичныхъ интересовъ и органами правительства.* Дѣйствуя въ этомъ качествѣ, прокуратура вѣдаетъ: 1) *преслѣдованіе публичныхъ преступленій передъ уголовнымъ судомъ и* 2) *наблюденіе за охраненіемъ законовъ въ дѣятельности тѣхъ или другихъ учрежденій, вѣренныхъ ея надзору.*

Разсмотримъ ближе отдѣльныя части этого опредѣленія для того, чтобы выяснить примѣненіе его въ дѣйствительности.

Какъ *постоянное государственное установленіе правительственнаго характера*, прокуратура противополагается временному порученію, частному уполномочію и адвокатурѣ съ ея общественно-частнымъ характеромъ. Прокуратура является не только институтомъ государственнаго права, но и частью правительственнаго устройства, такимъ же дѣятелемъ государственнаго механизма, какъ войско, дипломатическій корпусъ, судъ въ тѣсномъ смыслѣ, администрація, полиція, финансовое вѣдомство. Неотъемлемою принадлежностью прокуратуры служитъ опредѣленная степень предоставленной ей *власти*, состоящая изъ цѣлой комбинаціи *правъ* и *обязанностей*. Пользуясь первыми, неся вторыя, прокуратура осуществляетъ присвоенную ей долю правительственной власти въ общей сферѣ государственной службы и въ обще-установленномъ порядкѣ правительственной дѣятельности. Поэтому прокуроръ есть должностное лицо, камера его—присутственное мѣсто, распоряженія и дѣйствія—оффиціальные правительственные акты.

Представляя собою *іерархическую систему единолично дѣйствующихъ чиновъ*, прокуратура тѣмъ самымъ прежде всего рѣзко отличается отъ всякаго коллегіальнаго установленія, члены котораго дѣйствуютъ всегда совмѣстно, съ общаго согласія и на совѣщательномъ основаніи, съ поглощеніемъ личности коллегіей, отдѣльныхъ мнѣній общимъ рѣшеніемъ. Напротивъ того, въ прокуратурѣ

каждый изъ чиновъ ея дѣйствуетъ самъ за себя, на свой личный страхъ и по крайнему разумѣнію своей личной совѣсти, посредствомъ напряженія своей единичной воли. Отсюда, однакоже, вовсе не слѣдуетъ, чтобы между отдѣльными дѣйствіями и дѣятелями прокуратуры не было связи, чтобы первые работали въ разбродъ, ничѣмъ не сплоченные, а послѣдніе не имѣли иного руководства, кромѣ личнаго импульса и пониманія. Уже изъ понятія о «іерархической системѣ» чиновъ, какъ существенномъ признакѣ прокурорскаго учрежденія, вытекаетъ внутренняя связь его членовъ, основанная на строгомъ проведеніи въ немъ такихъ началъ, которыя соединяютъ должностныхъ лицъ въ крѣпкое органическое цѣлое, способное къ спльному воздѣйствію и дружной дѣятельности. Начала эти—*іерархическая дисциплина* и *единство*. Дисциплина, связывающая прокурорскихъ чиновъ сверху внизъ и обратно, выражается въ *подчиненіи* низшихъ высшимъ и всѣхъ вмѣстѣ общему правительственному главенству. Это подчиненіе, обусловленное призваніемъ и положеніемъ прокурорской власти въ ряду другихъ властей и въ отношеніи правительства, отнюдь не механическое и безграничное: съ нимъ совмѣщается возможная свобода совѣсти и убѣжденія. Образуя строго дисциплинированную іерархію, подчиненіе не исключаетъ извѣстной независимости слова и дѣйствія тамъ, гдѣ это согласуется съ задачами учрежденія. *Единство* организаціи и дѣятельности прокуратуры облекаетъ разныхъ чиновъ ея одними и тѣми же служебными полномочіями и сообщаетъ имъ дѣловую солидарность. Объединенные другъ съ другомъ, они дѣйствуютъ въ принципѣ нераздѣльно, всѣ какъ одинъ и каждый какъ всѣ. Учрежденіе не заслоняетъ лица, подобно коллегіи, но стоитъ непосредственно за нимъ, поддерживая его своимъ неразрывнымъ съ нимъ единеніемъ, въ которомъ, по закону экономіи труда, скрывается одинъ изъ залоговъ силы. Прокуроръ говоритъ и пишетъ отъ имени всей прокуратуры. Но въ смыслѣ отвѣтственности это не значитъ, что дѣятель прикрывается институтомъ, а знаменуетъ лишь правильное ея распредѣленіе: отвѣтственность личная лежитъ на первомъ, общественная на второмъ, нравственная взаимно на обоихъ.

Прокуратура дѣйствуетъ *по долгу службы*, т.-е. обязательно, *ex officio*, не потому, что такъ хотятъ отдѣльные чины, а потому, что такъ предписываютъ законы объ ихъ обязанностяхъ. Этимъ при-

нудительнымъ или обязательнымъ свойствомъ прокурорская служба отличается отъ всякой частной самодѣятельности, хотя бы въ общественномъ интересѣ, изъ гражданскихъ побужденій. Если прокуроръ не исполняетъ своихъ обязанностей по производству дѣлъ, относящихся къ его вѣдѣнію, его понуждаетъ къ этому начальственное приказаніе, которое можетъ быть вызвано и частной жалобой заинтересованнаго лица. Бездѣйствіе прокурорской власти, при наличности поводовъ къ ея приложенію, есть нарушеніе долга службы и, смотря по важности, или дисциплинарное упущеніе, или даже преступленіе по должности. Но обязательно только вообще дѣйствовать въ установленномъ порядкѣ, самые же пріемы дѣйствія и предпочтеніе одного изъ нѣсколькихъ факультативны и подлежатъ усмотрѣнію того должностнаго лица, которое отвѣчаетъ за движеніе и исходъ предпринятаго производства.

Характеръ и предѣлы *области*, отводимой для дѣятельности прокуратуры и вліяющей на всю постановку ея учрежденія, зависятъ отъ взгляда законодателя на главнѣйшія, ниже излагаемыя ея задачи. Если изъ нихъ преобладаетъ функція законоохранительная, надзоръ, то въ виду его повсемѣстной необходимости и дѣятельность прокуратуры совершается въ огромной области *управленія* вообще. Сюда входитъ собственно администрація, судъ, финансовыя дѣла казны или фискъ. Вездѣ наблюденіе ввѣряется прокуратурѣ, все дѣлопроизводство поручается ея надзору, и институтъ ея получаетъ обще-контрольное значеніе. Прокуроръ является контролеромъ законнаго порядка во всѣхъ государственныхъ установленіяхъ, безъ различія вѣдомства. Совпадая съ кругомъ ихъ вѣдѣнія, такая прокурорская дѣятельность распредѣляется не по содержанію—оно одинаково и по судебнымъ, и по административнымъ дѣламъ,—а по объему правъ надзора (высшій, низшій, ближайшій, задерживающій, протестующій), и по пространству дѣйствія (центральный, коллегіальный, мѣстный). Эта постановка прокуратуры свойственна болѣе всего начальнымъ стадіямъ ея развитія, когда потребность правительственнаго надзора за присутственными мѣстами и постояннаго ихъ побужденія къ исполненію обязанностей особенно ощутительна, по молодости или несовершенству общественнаго строя, и сказывается сильнѣе всѣхъ другихъ интересовъ, удовлетворяемыхъ впослѣдствіи дѣятельностью того же учрежденія. Но по мѣрѣ того, какъ развиваются понятія о государственномъ

организмѣ и новыя условія общественнаго быта, вырабатывается убѣжденіе съ одной стороны, что въ такомъ общемъ и всюду проникающемъ надзорѣ нѣтъ настоятельной необходимости, а съ другой, что, благотворный на бумагѣ, въ дѣйствительности онъ весьма трудно достижимъ и недостаточно производителенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расчлененіе уголовно-судебныхъ функцій (на судейскую, обвинительную и защитительную) и надобность въ особомъ органѣ для публичнаго уголовнаго преслѣдованія въ судѣ открываютъ передъ прокуратурой *судебное поприще*, которое и становится преимущественной сферой ея дѣятельности, все болѣе и болѣе принимающей судебный характеръ. Замыкаясь въ этой сферѣ, занимаясь только, или главнымъ образомъ судебными дѣлами, прокуратура дѣлается учрежденіемъ, состоящимъ *при судѣ*, принадлежностью судебнаго вѣдомства. Члены ея входятъ въ составъ судебной магистратуры и подчиняются высшему органу завѣдыванія судебной частью, министру юстиціи. Это не устраняетъ, впрочемъ, нѣкотораго обмѣна разнородныхъ функцій между прокуратурой, построенной на судебной почвѣ, и сопредѣльнымъ ей административнымъ вѣдомствомъ. Въ своемъ устройствѣ прокуратура сохраняетъ многіе административные элементы, а въ своей дѣятельности служитъ живымъ соединительнымъ звеномъ между судомъ и управленіемъ. При этомъ ей иногда предоставляется, въ видѣ изъятія, нѣкоторое участіе въ дѣлахъ административныхъ, куда она вноситъ элементъ судебный, юридическій, спеціальное знаніе законовъ и охраненіе ихъ истиннаго разума при примѣненіи ихъ съ ея содѣйствіемъ.

Терминъ—*блюститель законовъ* (*conservator legis, gardien de la loi, Wächter des Gesetzes*) есть одинъ изъ коренныхъ эпитетовъ прокуратуры, выражающій собою одинъ изъ главнѣйшихъ ея атрибутовъ. Въ этомъ качествѣ прокуроръ слѣдитъ за исполненіемъ закона въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя ввѣрены его наблюденію. Это своего рода юридическая цензура, приставленная къ присутственнымъ мѣстамъ, непрерывный надзоръ за цѣлостью въ нихъ законнаго порядка. Примѣняя законъ, они, конечно, и сами обязаны неуклонно соблюдать всѣ его требованія. Но для большаго обезпеченія особый контроль въ этомъ отношеніи возлагается на прокуратуру, что какъ бы указываетъ на недовѣріе законодателя къ учрежденіямъ. Наблюдательная функція прокуратуры состоитъ

изъ двухъ логически связанныхъ частей: 1) наблюденія за тѣмъ, чтобы законный порядокъ не былъ нарушенъ, и 2) принятія мѣръ къ его возстановленію, когда нарушеніе уже послѣдовало. Отсюда двоякая дѣятельность прокуратуры: *предупредительная*, направленная къ тому, чтобы не допустить нарушенія, каковы просмотръ и пропускъ опредѣленій присутственныхъ мѣстъ, протесть на нихъ въ высшія инстанціи и другія средства контроля надъ производствомъ, и *карательная*, имѣющая цѣлью возстановить уже нарушенный порядокъ посредствомъ преслѣдованія нарушеній и нарушителей. Однимъ изъ видовъ этой послѣдней отрасли является и уголовное преслѣдованіе преступленій, которое также можно вывести изъ наблюденія за тѣмъ, чтобы граждане не нарушали запретительныхъ предписаній уголовнаго закона. Какъ блюститель закона, прокуроръ наблюдаетъ и за вѣрнымъ его пониманіемъ и толкованіемъ; это обязанность юрисконсульта, отправляемая, смотря по раіону дѣйствія, только при судѣ въ формѣ заключеній о примѣненіи закона, или также и при административныхъ учрежденіяхъ. Въ судѣ, прямомъ органѣ закона, призванномъ охранять его своими приговорами и рѣшеніями, консультативная обязанность прокуратуры можетъ имѣть значеніе не столько единоличнаго законномѣрнаго надзора, въ которомъ судъ теоретически едва ли и нуждается, сколько юридической помощи судьѣ со стороны правительства, заинтересованнаго въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него мѣрами ограждать и гарантировать правильное исполненіе закона. Въ охраненіи его прокуратурой слѣдуетъ отличать идею такого охраненія и самую наблюдательную функцію, посредствомъ которой оно проводится, причемъ эта идея даже въ отвлеченномъ своемъ видѣ для прокурорскаго института гораздо важнѣе и плодотворнѣе внѣшнихъ ея проявленій въ особыхъ обязанностяхъ. Послѣднихъ можетъ и не быть, но принципъ охраненія закона долженъ проникать всю дѣятельность прокуратуры, придавать и ей оттѣнокъ той высшей справедливости, которая воплощается въ законѣ.

Большая часть законовъ, съ которыми судъ имѣетъ дѣло, касается правъ и выгодъ государства или общественнаго блага. Поэтому, прокуроръ—блюститель законовъ естественно служитъ въ тоже время и *представителемъ публичныхъ интересовъ*. Всѣ вообще государственныя установленія болѣе или менѣе осуществляютъ ихъ въ своей дѣятельности, такъ какъ всѣ существуютъ для государ-

ственной и общественной пользы (*salus publica suprema lex*). Но именно на прокуратурѣ лежитъ спеціальная обязанность оберегать эти интересы въ судебномъ состязаніи или правовой борьбѣ сторонъ, составляющей форму и сущность современнаго процесса. Судъ предполагается спокойнымъ и безпристрастнымъ рѣшителемъ этого состязанія, въ которомъ прокуроръ выступаетъ какъ бы повѣреннымъ государства, адвокатомъ представляемаго имъ общаго блага. Таково положеніе прокуратуры прежде всего въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ интересъ государства заключается въ репрессіи доказаннаго преступленія. Нормальная формула уголовнаго процесса, единственно разумная и справедливая, сводится къ юридическому спору государства съ заподозрѣннымъ или обвиняемымъ, свободно защищающимъ себя по вопросамъ о виновности и наказаніи. Въ этомъ спорѣ прокуратурѣ принадлежитъ право и обязанность отъ имени государства доказывать виновность и требовать наказанія, иначе говоря власть обвинительная или уголовное преслѣдованіе. Въ томъ же публичномъ интересѣ дѣйствуетъ прокуроръ и въ гражданскомъ процессѣ, когда отстаиваетъ или разъясняетъ законныя права государства или лицъ (физическихъ и юридическихъ), которыя нуждаются въ особомъ его попеченіи по своей юридической безпомощности. Французская юриспруденція выработала по этому поводу цѣлую «теорію общественнаго порядка» (*theorie de l'ordre public*), защищаемаго прокуратурой при каждомъ случаѣ его нарушенія По этой теоріи, все, о чемъ въ законахъ постановлено ради общественнаго порядка (государственной пользы, общаго блага и проч.), все, что поэтому не можетъ быть окончательно разрѣшено соглашеніемъ частныхъ лицъ между собою, чѣмъ они не могутъ роспорядиться по своей частной волѣ или усмотрѣнію (*quod voluntate privatorum mutari non potest*),—все это подлежитъ вѣдѣнію суда не иначе, какъ съ участіемъ прокуратуры. Она вступается въ судебную борьбу, или сама ведетъ ее во имя публичныхъ интересовъ, представительство которыхъ кладетъ на всю прокурорскую дѣятельность безличный отпечатокъ дѣйствій, чуждыхъ всякой выгоды, разсчета или своекорыстія. А такъ какъ публичные интересы въ своемъ идеальномъ видѣ не должны ни въ чемъ расходиться съ справедливостью, то и дѣятельность эта пріобрѣтаетъ высокій нравственный оттѣнокъ. Не за себя, не за какого-либо реальнаго кліента съ его личными стремленіями и нуждами борется проку-

ромъ въ судебномъ производствѣ; онъ имѣетъ въ виду лишь благосостояніе и безопасность всѣхъ своихъ согражданъ, соединенныхъ въ общественный союзъ основными началами человѣческаго общежитія. Послѣдовательно проводя этотъ основной принципъ въ своей дѣятельности, прокуратура должна избѣгать всего, что несогласно съ нимъ или можетъ помѣшать его примѣненію. Для нея публичный интересъ вездѣ стоитъ на первомъ планѣ, и самое охраненіе закона въ ея дѣйствіяхъ достигаетъ своей цѣли въ томъ лишь случаѣ, если идетъ съ нимъ рука объ руку.

Какъ *органъ правительства* (*agent du gouvernement*, *Organ der Regierung*), прокуратура дѣйствуетъ уже и въ двухъ предъидущихъ качествахъ настолько, насколько вообще блюсти законы и ограждать публичные интересы относится къ ближайшему призванію правительства. Прокуратура есть непосредственное его орудіе; черезъ нее правительство слѣдитъ за соблюденіемъ закона въ своихъ учрежденіяхъ и оберегаетъ интересы общественнаго порядка въ различные моменты гражданской жизни. Такъ, если преступниковъ—нарушителей уголовнаго закона разсматривать, какъ внутреннихъ враговъ этого порядка, то правительство, при помощи полиціи и прокуратуры, защищаетъ отъ нихъ внутренній миръ и спокойствіе страны, подобно тому, какъ отъ внѣшнихъ враговъ ее защищаетъ войско. Уголовное преслѣдованіе признается въ современномъ государствѣ одною изъ правительственныхъ функцій; какъ таковая, она и исполняется правительственнымъ же органомъ—прокуратурой. Далѣе, правительство, завѣдуя казною и финансовыми интересами государства, поручаетъ ихъ судебную защиту, между прочимъ, и прокуратурѣ въ формѣ или активнаго представительства, или въ видѣ консультативнаго участія въ производствѣ. Наконецъ, въ судѣ и въ судебномъ вѣдомствѣ прокуратура занимаетъ положеніе правительственнаго уполномоченнаго и агента. Изъ огромной сферы общегосударственной власти волею верховнаго ея носителя выдѣляется самостоятельный судъ, творящій правосудіе по законамъ и по разумѣнію судейской совѣсти. Исходящее изъ того же высшаго источника правительство не вмѣшивается въ самое отправленіе правосудія, но обязано, для исполненія своихъ задачъ, принимать въ этой функціи обвинительное и наблюдательное участіе, что и достигается посредствомъ состоящаго при судахъ прокурорскаго института. Черезъ него правительство

сносится съ юстиціей, наблюдаетъ за ея дѣятельностью, пресѣкаетъ всякіе въ ней безпорядки и получаетъ всѣ свѣдѣнія, нужныя ему для управленія судебной частью. Прокуратура обыкновенно всюду подчинена министру юстиціи, стоящему у самаго кормила высшей правительственной власти. Прокуроръ не только «око», но и «рука» правительства въ дѣлѣ правосудія. Этимъ обусловливается прямая зависимость учрежденія и чиновъ прокуратуры отъ правительства, назначеніе и смѣняемость послѣднихъ по его усмотрѣнію, безпрекословное повиновеніе ихъ приказаніямъ свыше въ границахъ, впрочемъ, точно обозначенныхъ закономъ. Но такъ какъ и правительство можетъ состоять изъ людей, доступныхъ ошибкамъ или заблужденію, то, при естественной гибкости всякаго зависимаго орудія, возникаетъ опасность личнаго произвола, давленія на правосудіе, гнета или излишней податливости прокуроровъ. Опасность эта устраняется принципіально-правильною постановкою прокуратуры при практическомъ выполненіи ею указанныхъ ей задачъ. Между видами и намѣреніями правительства и требованіями закона и интересами общественнаго порядка не должно быть разлада, тѣ и другіе должны совпадать или, по крайней мѣрѣ, примиряться, не враждовать. Если въ прокурорѣ, въ видахъ поддержанія правомѣрности его дѣятельности, безпристрастный блюститель закона и безличный представитель публичныхъ интересовъ не уничтожаются органомъ правительства, то и этотъ послѣдній не имѣетъ поводовъ измѣнять справедливому и благонамѣренному образу дѣйствій.

Сложность основаній, на которыхъ построена прокурорская дѣятельность, вноситъ въ ея отправленіе нѣкоторую неизбѣжную двойственность. Какъ блюститель закона и представитель публичныхъ интересовъ, прокуроръ подчиняется только предписаніямъ закона и указаніямъ своей совѣсти; какъ органъ правительства, онъ находится въ полной отъ него зависимости. Для соглашенія и совмѣщенія этихъ двухъ положеній служитъ разграниченіе, берущее за исходный пунктъ тотъ или другой моментъ въ дѣятельности прокуратуры. Это разграниченіе принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ прокурорской службы, тѣмъ болѣе, что на практикѣ всякія подобныя границы часто неуловимы и легко стираются. Яснѣе и удобнѣе всѣхъ другихъ внѣшній признакъ, процессуальный моментъ времени: дѣятельность *внѣ и до суда*, отмѣченная по преимуществу харак-

теромъ распорядительнымъ, признается зависимою, всѣ же дѣйствія *передъ судомъ*, имѣющія своимъ предметомъ примѣненіе закона къ фактамъ въ публичномъ интересѣ, считаются свободными отъ всякаго начальственнаго стѣсненія.

Сообразно активному свойству правительственной функціи и прокуратура, какъ органъ ея, находится въ постоянномъ трудовомъ движеніи и борьбѣ. Уже одно уголовное преслѣдованіе требуетъ особой энергіи, всегдашняго напряженія и готовности къ нападенію и защитѣ, словомъ всѣхъ качествъ воинствующей, такъ сказать, дѣятельности. Она немыслима безъ тѣснаго обобщенія дѣятеля съ руководителемъ, т.-е. безъ полной солидарности между правительствомъ и прокуратурой, которой нужна могучая поддержка сверху для того, чтобы свободно и успѣшно дѣйствовать внизу. Правительство даетъ прокурорамъ инвеституру, правильное руководство, законныя порученія; прокуратура же обязана передъ правительствомъ разумнымъ повиновеніемъ, точностью въ исполненіи распоряженій, правдивостью въ донесеніяхъ. Правительство можетъ многаго достигнуть черезъ прокуратуру и должно имѣть возможность твердо опереться на нее. Но чѣмъ больше ея значеніе въ этомъ смыслѣ, тѣмъ выше должны быть ея законная самостоятельность и нравственный уровень, тѣмъ строже общественная ея отвѣтственность.

Такимъ образомъ всѣ три составныя части общаго призванія прокуратуры крѣпко другъ съ другомъ связаны. Разъединить ихъ можно, только разрушивъ цѣлость всего учрежденія и измѣнивъ его юридическую сущность и общественную физіономію. Такъ напр., безъ наблюденія за охраненіемъ законовъ, прокуратура останется лишь государственной адвокатурой или собраніемъ правительственныхъ повѣренныхъ, не имѣющихъ коренныхъ свойствъ магистратуры, какъ института или особаго сословія, предназначеннаго примѣнять и ограждать законы. Если же у прокуратуры отнять значеніе органа правительства, то она окажется учрежденіемъ, оторваннымъ отъ своего источника, и прокуроръ явится какъ бы добавочнымъ судьею, дѣйствующимъ и говорящимъ рядомъ съ настоящимъ судьею, слушающимъ и рѣшающимъ. Обѣ эти комбинаціи вполнѣ возможны, но ни одна изъ нихъ не составляетъ истинной прокуратуры, которая существуетъ лишь при одновременной наличности исчисленныхъ выше признаковъ и функцій.

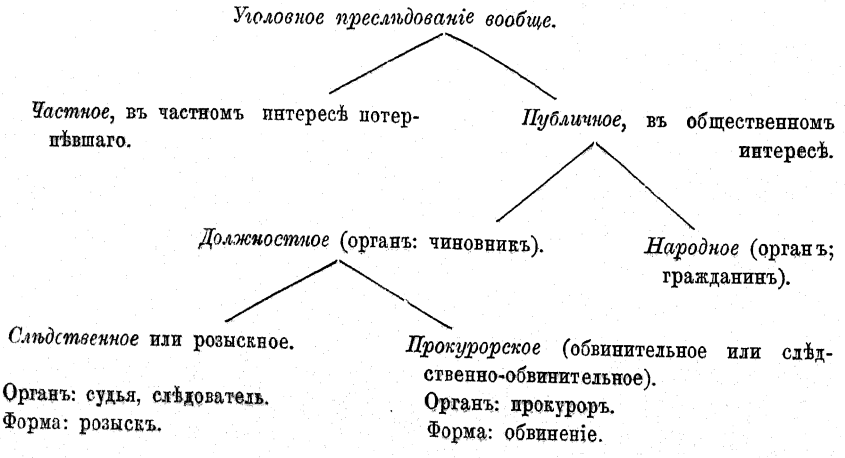
Мѣсто прокуратуры въ общей системѣ, а слѣдовательно и въ изученіи права опредѣляется ея принадлежностью въ обширномъ смыслѣ къ государственнымъ установленіямъ, а въ тѣсномъ—къ суду и въ то же время къ органамъ правительства, какъ власти исполнительной. Поэтому постановленія о ней включаются и въ государственное право, и въ судоустройство, составляющее часть судебнаго права, и въ другую часть его—процессъ. Обыкновенно, впрочемъ, ученіе о прокуратурѣ относятъ къ такъ называемому судебно-уголовному праву, или уголовному судопроизводству, съ эпизодическимъ выдѣленіемъ въ область гражданскаго процесса немногихъ ея обязанностей по участію въ немъ.

§ 2. **Главныя задачи и руководящія начала дѣятельности.** Первая и главная задача современной прокуратуры заключается въ *публичномъ уголовномъ преслѣдованіи*, подъ которымъ разумѣется дѣятельность, направленная къ изобличенію лица, виновнаго въ преступленіи, съ цѣлью подвергнуть это лицо назначенному въ законѣ наказанію. Дѣятельность эта, носящая названіе обвинительной, состоитъ изъ собиранія данныхъ для обвиненія и самого обвиненія передъ судомъ. Въ такомъ опредѣленіи уголовное преслѣдованіе, производимое прокуратурой, принадлежитъ къ научно-историческому типу, преобладающему въ юридической культурѣ цивилизованныхъ народовъ нашего времени. Въ основаніе уголовнаго преслѣдованія могутъ быть положены весьма различныя начала, сообразно которымъ и различается его форма, причемъ видимыми, отличительными ея признаками служатъ интересъ, во имя котораго преслѣдованіе ведется, и тотъ или другой его субъектъ или дѣятель. Исторія уголовнаго преслѣдованія въ его послѣдовательномъ развитіи указываетъ двѣ основныя его формы: 1) *частную*, когда оно производится частнымъ лицомъ, реально пострадавшимъ отъ преступленія, ищущимъ за него возмездія въ личномъ интересѣ, для возстановленія своего права или полученія того или другого удовлетворенія, и 2) *публичную*, когда идеальнымъ субъектомъ преслѣдованія выступаетъ общество или государство во имя отвлеченнаго блага и общественныхъ (публичныхъ) интересовъ, страдающихъ отъ преступленія. Публичное преслѣдованіе, смотря по непосредственному своему органу, можетъ быть: 1) *народное*, когда каждый гражданинъ, какъ таковой, пользуется правомъ и несетъ нравственную обязанность преслѣ-

довать въ общемъ интересѣ преступленіе, не имѣющее никакого личнаго къ нему отношенія, или 2) *оффиціальное, должностное*, когда преслѣдованіе дѣлается правомъ и юридическою обязанностью назначенныхъ государствомъ должностныхъ лицъ. Но и это послѣднее оффиціальное преслѣдованіе можетъ быть отправляемо черезъ различныхъ дѣятелей и различными способами. Оно или а) ввѣряется тому же *судьѣ-инквиренту*, который въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ всѣ функціи уголовнаго правосудія, т.-е. слѣдователя, обвинителя, защитника и судьи, и основывается на *розыскѣ* виновности и невинности. Или же преслѣдованіе б) возлагается на особое предназначенное къ тому государственное учрежденіе, отдѣльное отъ судебной власти въ тѣсномъ смыслѣ и состоящее при ней подъ именемъ *прокуратуры*. Въ противоположность розыскному, или слѣдственному преслѣдованію, къ которомъ начатіе и ходъ дѣла, а также и самъ обвиняемый предоставлены въ полное распоряженіе слѣдователя, прокурорское преслѣдованіе производится вполнѣ или отчасти въ порядкѣ болѣе или менѣе *обвинительномъ*, т.-е. въ формѣ разрѣшаемаго судомъ состязанія прокурора съ обвиняемымъ. По приведенной генеалогіи, видъ уголовнаго преслѣдованія вообще, преслѣдованіе публичное, есть понятіе родовое, заключающее въ себѣ два производныхъ или видовыхъ: первой степени—объ оффиціальномъ должностномъ преслѣдованіи и второй степени—объ обвинительномъ преслѣдованіи и о прокуратурѣ [1]).

---

[1]) Изложенная классификація можетъ быть выражена въ слѣдующей схемѣ:



Каждая изъ этихъ формъ преслѣдованія отвѣчаетъ и извѣстной формѣ уголовнаго процесса, характеризуя ее своимъ исключительнымъ господствомъ или преобладаніемъ. Частное преслѣдованіе есть институтъ простѣйшаго, состязательнаго процесса, который сводится въ личному спору двухъ частныхъ противниковъ передъ судьей, не идущимъ далѣе ихъ доказательствъ и требованій. При публичномъ преслѣдованіи въ этотъ споръ вступаетъ государство, какъ властный его участникъ или сторона, вносящая въ процессъ безличное начало общей пользы. Способы разрѣшенія спора усложняются, такъ какъ для удовлетворенія преслѣдующей стороны уже недостаточно условной истины, представляющей формальный выводъ изъ домогательствъ обѣихъ сторонъ; требуется открытіе истины матеріальной, дѣйствительной, которая предполагается болѣе доступной безпристрастному государственному чиновнику, нежели заинтересованной частной сторонѣ. Народное преслѣдованіе неразлучно съ широкими формами народнаго суда, рѣшающаго, кто правъ и виноватъ въ уголовномъ состязаніи гражданина-обвинителя съ гражданиномъ-обвиняемымъ. Въ оффиціальномъ преслѣдованіи отражается замѣна народнаго суда должностнымъ, назначеннымъ отъ государственной власти, которая беретъ въ свое вѣдѣніе все отправленіе правосудія. Споръ равноправныхъ сторонъ обращается въ розыскъ судьи надъ обвиняемымъ, получающій полное свое выраженіе въ такъ называемомъ инквизиціонномъ процессѣ. Когда же противъ этого послѣдняго, вслѣдствіе многочисленныхъ его недостатковъ, между прочимъ и смѣшенія уголовно-судебныхъ функцій, наступаетъ реакція, вызывающая возвращеніе къ прежнимъ обвинительнымъ формамъ процесса, то свойственное имъ раздѣленіе этихъ функцій и, между прочимъ, отдѣленіе преслѣдованія отъ постановленія приговора является однимъ изъ существенныхъ элементовъ новаго порядка вещей. При этомъ развившійся и окрѣпшій принципъ государственности уже не допускаетъ оставленія уголовнаго преслѣдованія въ частныхъ рукахъ и, признавая въ ней неотъемлемый аттрибутъ государственной власти, вручаетъ его прокуратурѣ. Какъ органъ уголовнаго правосудія, прокуратура подходитъ всего болѣе подъ смѣшанную форму процесса, въ которой начало обвинительное, ограждающее личную свободу частнаго лица, по возможности примиряется съ обезпечивающимъ общественные интересы нача-

ломъ оффиціальнаго розыска. Прокуратура легко совмѣщаетъ оба начала и способствуетъ ихъ соглашенію: она ведетъ оффиціальное преслѣдованіе, руководитъ первоначальнымъ розыскомъ, уживается и съ розыскнымъ и съ обвинительнымъ слѣдствіемъ и, наконецъ, поддерживаетъ на судѣ настоящее обвиненіе. Если же рѣшительно ограничить ея функцію только однимъ государственнымъ обвиненіемъ, т.-е. представительствомъ публичныхъ интересовъ въ уголовномъ судѣ, то она можетъ служить органомъ преслѣдованія и въ обвинительномъ процессѣ самаго чистаго типа. Въ новѣйшей конструкціи уголовной юстиціи судебная власть въ обширномъ смыслѣ расчленяется и, выдѣляя органы, вѣдающіе уголовно-судебныя функціи, распадается на *судъ*, или судебную власть въ тѣсномъ смыслѣ, *слѣдователя*, или власть слѣдственную, и *прокурора*, или власть обвинительную. Теоретическая организація этой послѣдней резюмируется слѣдующими общими положеніями.

Государство имѣетъ право и обязанность, для огражденія закона и публичныхъ интересовъ, преслѣдовать всѣ преступленія, кромѣ немногихъ уголовно-частныхъ правонарушеній; съ этою цѣлью, озабочиваясь наиболѣе правильнымъ и успѣшнымъ осуществленіемъ преслѣдованія, оно ввѣряетъ его особо для того предназначенному учрежденію—прокуратурѣ. Отдѣльная и независимая отъ суда, она состоитъ при немъ, имѣетъ судебный характеръ и обставлена какъ строгими условіями личнаго состава, такъ и гарантіями его отвѣтственности передъ закономъ и обществомъ. Организованная такимъ образомъ, прокуратура въ извѣстныхъ болѣе или менѣе широкихъ предѣлахъ свободно распоряжается преслѣдованіемъ и приводитъ въ дѣйствіе всѣ нужныя для него наступательныя средства, чему противополагается оборонительное дѣйствіе абсолютно или относительно равныхъ средствъ защиты. Регулированіе этой юридической борьбы и разрѣшеніе спора, составляющаго ея узелъ, исходитъ отъ независимаго суда, произносящаго свои безпристрастныя сужденія на основаніи оцѣнки по совѣсти доказательствъ, представленныхъ ему прокуратурой и защитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ устраненіе монополіи преслѣдованія, частное лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, пользуется правомъ не только отстаивать свои интересы на ряду и совмѣстно съ прокуратурой, но и всецѣло замѣнять ее въ случаѣ бездѣйствія или отступленія.

Въ итогѣ, изъ указаннаго выше тройственнаго призванія прокуратуры вообще, въ связи съ обвинительнымъ построеніемъ ея уголовной дѣятельности въ частности, оказывается, что по теоріи производимаго ею уголовнаго преслѣдованія, оно должно быть: *закономѣрное*, *цѣлесообразное для публичныхъ интересовъ*, *правительственное* и по возможности *обвинительное*, т. е. противопоставленное защитѣ.

Другая, *наблюдательная* или *охранительная* задача прокуратуры значительно уступаетъ первой, обвинительной и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Публичное уголовное преслѣдованіе само по себѣ такъ обширно и сложно, а производство его требуетъ отъ прокуратуры такъ много времени, силъ и труда, что на долю надзора остается только небольшая доля области ея вѣдѣнія. Но это результатъ только позднѣйшаго развитія прокурорскаго учрежденія. Въ его исторіи надзоръ за соблюденіемъ законнаго порядка и интересовъ казны обыкновенно предшествовалъ уголовному преслѣдованію, которое явилось уже однимъ изъ его послѣдствій и проявленій; теперь же надзоръ служитъ въ прокурорской дѣятельности какъ бы добавленіемъ къ преслѣдованію. Прежде законоохранительная функція господствовала, и надзоръ исчерпывалъ собою призваніе прокуратуры, выражаясь повсемѣстнымъ контролемъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій, протестомъ противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя прокуроръ признавалъ неправильными, и принятіемъ мѣръ къ пріостановленію ихъ исполненія, пока высшая власть, извѣщенная прокуроромъ, не выскажетъ своего рѣшенія. Теперь же, когда изъ правительственнаго надсмотрщика за соблюденіемъ законнаго порядка въ правительственномъ же дѣлопроизводствѣ, прокуроръ сдѣлался болѣе всего государственнымъ обвинителемъ, къ этой функціи свелись главнѣйшія задачи и были пріурочены всѣ принципы учрежденія. Что же касается до надзора, то онъ съ одной стороны замкнулся въ судебной сферѣ, сталъ наблюденіемъ за охраненіемъ порядка въ судебномъ вѣдомствѣ, а съ другой и здѣсь получилъ лишь крайне ограниченное примѣненіе въ видѣ возбужденія дисциплинарной отвѣтственности и донесенія по начальству о замѣченныхъ безпорядкахъ и упущеніяхъ въ судебныхъ мѣстахъ. Обязанность надзора вовсе не представляетъ необходимой принадлежности прокуратуры въ теоріи, послѣднее слово которой даже и заключается

въ освобожденіи ея отъ этой функціи и въ сосредоточеніи всѣхъ силъ ея на одномъ публичномъ преслѣдованіи. Новѣйшее законодательство (напр. Австрійское) дѣлаетъ опыты именно въ этомъ направленіи. Но самая идея закономѣрнаго надзора, будучи, какъ уже выше сказано, однимъ изъ коренныхъ понятій прокурорскаго института, неразлучна со всякой его организаціей и должна проникать собою всѣ его задачи, независимо отъ ихъ содержанія. Въ отношеніи обвинительной дѣятельности идея эта выражается въ слѣдующей краткой формулѣ: прокуратура, преслѣдуя виновныхъ, имѣетъ въ тоже время попеченіе о томъ, чтобы отъ законнаго порядка не было отступленій ни въ пользу обвиненія, ни въ пользу оправданія. На прокуратуру не возлагается несвойственная ей положительная защита законныхъ правъ обвиняемаго, но ей вмѣняется въ обязанность отрицательно наблюдать за тѣмъ, чтобы и эти права, какъ все основанное на законѣ и имъ охраняемое, не были нарушены.

Всякая правильно-организованная юридическая дѣятельность должна быть построена на извѣстномъ руководящемъ началѣ, которое систематически управляетъ ея дѣйствіями и ведетъ ихъ къ единой общей цѣли.

Для прокурорской дѣятельности такое руководящее начало заключается въ главномъ и первомъ призваніи прокуратуры: это *закономѣрность*, согласованіе съ закономъ всего, что отъ него уклонилось, начало законности, *Legalitätsprincip* нѣмецкой доктрины. Въ отведенной прокуратурѣ области она обязана всѣми имѣющимися въ распоряженіи ея средствами домогаться соблюденія вездѣ и всегда законнаго порядка, а при малѣйшемъ его нарушеніи—немедленнаго его возстановленія или наступленія опредѣленныхъ закономъ послѣдствій этого нарушенія. Исполненіе обѣихъ прокурорскихъ функцій, обвинительной и наблюдательной, есть осуществленіе одного и того же начала законномѣрности, такъ какъ и преслѣдуя преступленіе, т. е. нарушеніе закона, запрещенное подъ страхомъ наказанія, и принимая установленныя мѣры къ пресѣченію безпорядка въ дѣлахъ и учрежденіяхъ, прокуроръ стремится къ одному и тому же—къ возстановленію нарушенной законности. Изъ законномѣрности, какъ руководящаго принципа прокуратуры, вытекаетъ ея обязанность, въ предѣлахъ предоставленной ей власти, охранять законность всюду, гдѣ окажется хотя

бы малѣйшее отъ нея отступленіе, приступать къ законному воздѣйствію вездѣ, гдѣ того требуютъ какіе-либо признаки правонарушенія, и не оставлять этого воздѣйствія до тѣхъ поръ, пока не будутъ исчерпаны всѣ законныя средства къ возстановленію порядка. Неисполненіе прокуратурой такой обязанности представляетъ ничѣмъ не оправдываемое упущеніе, при какихъ бы обстоятельствахъ оно не произошло. Случайный недосмотръ, апатичное равнодушіе или умышленное послабленіе только квалифицируютъ или оттѣняютъ вину, которая равносильна презумпціи, сопровождающей каждое происшедшее въ кругѣ прокурорскаго вѣдѣнія правонарушеніе, если по поводу его прокуратура молчала или бездѣйствовала. Поэтому само собой разумѣется, что поставленная на стражѣ закона прокуратура должна строго соблюдать его и въ своей собственной дѣятельности. Прокуроръ, самъ нарушающій законъ— это своего рода *contradictio in adjecto*, явленіе, глубоко извращающее самую сущность прокурорскаго учрежденія и требующее, поэтому немедленнаго устраненія. Всѣ прокурорскія дѣйствія и распоряженія, въ которыхъ, какъ и въ судейскихъ, нѣтъ мѣста личному произволу, должны исходить изъ одного начала закономѣрности; въ немъ боевой лозунгъ и профессіональное знамя прокуратуры. При безусловномъ проведеніи этого начала въ обѣихъ отрасляхъ прокурорской дѣятельности, конечныя задачи каждой изъ нихъ ставятся весьма категорично. Прокуратура обязана: 1) преслѣдовать всѣ безъ исключенія наказуемыя дѣянія и 2) принимать зависящія отъ нея мѣры къ устраненію или исправленію всѣхъ безъ исключенія безпорядковъ или неправильностей по дѣлопроизводству, порученному ея надзору.

Строго говоря, никакія обстоятельства или соображенія, постороннія точному смыслу и даже буквѣ закона, не могутъ стѣснять прокуратуру ни въ самомъ приступѣ къ законнымъ дѣйствіямъ, ни въ дальнѣйшемъ ихъ производствѣ и окончательномъ завершеніи. Можно подумать, что съ исключительно легальной точки зрѣнія даже извѣстный тезисъ: *fiat justitia, pereat mundus* не является парадоксомъ для прокуратуры. Но, кромѣ легальной, есть еще и другая точка зрѣнія, нравственно-житейская, которую ни въ какомъ юридическомъ ученіи нельзя упускать изъ виду, подъ опасеніемъ впасть въ излишній ригоризмъ и мертвое доктринерство. *Summum*

jus summa injuria - азбучное положеніе, не менѣе заслуживающее вниманія. Жизнь не ждетъ закона и часто опережаетъ его или, выбиваясь изъ-подъ его мало-подвижныхъ, иногда механическихъ рамокъ, рядомъ съ нимъ создаетъ такія условія и комбинаціи, которыя не только сильно вліяютъ на степень и характеръ его исполненія, но даже фактически упраздняютъ или измѣняютъ его первоначальное значеніе. Далѣе, при самомъ примѣненіи закона возможны весьма нежелательныя крайности, согласныя съ его буквой, но глубоко противорѣчащія его духу и истиннымъ намѣреніямъ законодателя. Благоговѣйное исполненіе его предписаній на практикѣ можетъ выродиться въ мелочный педантизмъ, въ узкую казуистичность, при которыхъ исполнитель перестаетъ видѣть изъ-за формы внутреннее содержаніе. Отсюда, при подобныхъ столкновеніяхъ жизни съ закономъ, множество трудно разрѣшимыхъ коллизій и необходимость, для устраненія ихъ, держаться на той не легко уловимой границѣ, которая отдѣляетъ юриспруденцію отъ юридическаго буквоѣдства. Съ такими коллизіями приходится считаться каждому юристу практику, но прокуратура, этотъ спеціальный блюститель закономѣрнаго хода жизни въ должностной или судебно-уголовной области, встрѣчается съ ними особенно часто и притомъ иногда при трудныхъ и жгучихъ обстоятельствахъ. Живой органъ государственной власти, ея именемъ отстаивающій передъ судомъ справедливые интересы общества и правительства, прокуроръ обязанъ сообразоваться съ ними, а они, практическою силою вещей, рядомъ съ началомъ законности выдвигаютъ начало умѣстности и цѣлесообразности (*Opportunitätsprincip*). Начало это не нарушаетъ принципа законномѣрности, не должно ему противополагаться и по отношенію къ нему занимаетъ мѣсто подчиненное и второстепенное, но тѣмъ не менѣе служитъ могучимъ рычагомъ въ гражданскомъ оборотѣ и потому непремѣнно требуетъ себѣ признанія. Отказывая въ этомъ послѣднемъ, прокуратура вступила бы въ разладъ съ своими общественными задачами и нерѣдко дѣлалась бы, вмѣсто незамѣнимаго фактора общежитія, лишнимъ для него бременемъ и помѣхой. Такъ, бываютъ исключительные случаи, когда явленія дѣйствительности складываются въ формальные признаки преступленія, а между тѣмъ судебное его преслѣдованіе и приложеніе къ нему уголовной кары представлялось бы лишь безцѣльнымъ соблюденіемъ внѣшней об-

рядности или даже могло бы причинить обществу или отдѣльному лицу гораздо болѣе вреда, чѣмъ самое нарушеніе закона. Передъ такого рода случаями обвинительная дѣятельность прокуратуры должна остановиться и сложить оружіе, торжество котораго здѣсь не было бы торжествомъ справедливости и истинныхъ общественныхъ интересовъ. Не менѣе важна цѣлесообразная умѣстность дѣйствій прокуратуры по законоохранительному надзору, гдѣ факты обыкновенно не укладываются въ рамки карательныхъ постановленій, а наблюденіе за исполненіемъ закона другими легко можетъ проявиться въ видѣ придирчивости, которую въ житейскомъ обиходѣ отождествляютъ съ ябедничествомъ. Затѣмъ самые законы о прокурорской дѣятельности, какъ и всякіе другіе, не въ состояніи предусмотрѣть всего безконечнаго разнообразія жизни, всѣхъ казусовъ и затрудненій практики. Устанавливая только общія нормы и пункты, наиболѣе существенные или предѣльные, они отдаютъ все лежащее между ними во власть свободнаго самоопредѣленія отдѣльныхъ органовъ прокуратуры, отъ усмотрѣнія которыхъ зависитъ поступать такъ или иначе въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ. При всѣхъ подобныхъ условіяхъ прокуратурѣ слѣдуетъ руководствоваться началомъ умѣстности и цѣлесообразности, соображаясь уже не только съ текстомъ закона, но и съ общей справедливостью и пользой. Но понятіе о цѣлесообразности весьма уклончиво и эластично, почему и примѣненіе его можетъ быть сопряжено съ прямымъ ущербомъ для законности, что, конечно, въ высшей степени опасно, вредно и нежелательно. Во избѣжаніе этого и чтобы предупредить возможность неисполненія закона въ каждомъ данномъ случаѣ, прокуратура должна обладать правильнымъ и яснымъ критеріемъ, разрѣшающимъ сомнительные и сложные вопросы этой вообще щекотливой и трудной стороны въ репрессивной дѣятельности государства. Источникомъ такого критерія является чувство мѣры и такта при охраненіи законовъ и публичныхъ интересовъ, основанное на широкомъ и живомъ разумѣніи ихъ внутренняго истиннаго смысла. Это чувство, необходимо присущее всякому разумному правительственному мѣропріятію, не можетъ не вліять на прокурорское воздѣйствіе; оно опредѣляетъ его конкретные формы и способы, а иногда и прямо подсказываетъ его умѣстность или неудобство. Дѣйствуя по уполномочію государства, во исполненіе высшихъ предначертаній вла-

сти, имъ управляющей, прокуратура имѣетъ полное и законное право, согласно съ этими предначертаніями, и въ государственномъ или, по крайней мѣрѣ, общественномъ интересѣ, оставлять безъ судебнаго преслѣдованія извѣстные, формально-преступные факты. Это право ограничивается, однако же, въ пользу частнаго интереса лица потерпѣвшаго, жалоба котораго должна быть достаточнымъ поводомъ къ преслѣдованію. Руководствуясь началомъ цѣлесообразности, прокуратура, въ публичномъ интересѣ, свободно распоряжается преслѣдованіемъ, насколько его распоряженіемъ не нарушаются права частныхъ лицъ. Тоже и еще въ большей степени относится къ наблюденію за охраненіемъ законовъ въ правительственной, или судебной области, гдѣ прокуратура, будучи органомъ высшей государственной администраціи, обязана комбинировать свои дѣйствія съ ея взглядами и намѣреніями, не говоря уже о необходимости соразмѣрять принимаемыя мѣры съ значеніемъ и цѣнностью вѣроятныхъ ихъ послѣдствій. Наконецъ, въ отношеніи предметовъ, ближайшее опредѣленіе которыхъ предписаніями или даже молчаніемъ закона предоставлено усмотрѣнію его исполнителей, начало цѣлесообразности или умѣстности составляетъ все основаніе прокурорской дѣятельности, подчиняющейся тутъ лишь одному условію — согласованію съ общимъ духомъ закона и съ его видимыми, прямыми цѣлями.

§ 3. **Развитіе и главнѣйшіе типы прокуратуры.** Существующіе нынѣ главнѣйшіе типы прокуратуры выработались путемъ развитія и сочетанія въ различныхъ видахъ двухъ институтовъ: публичнаго уголовнаго преслѣдованія и представительства коронныхъ правъ и интересовъ передъ государственными учрежденіями. Собственно прокуратура окончательно сформировалась для цѣлей этого послѣдняго, но жизнь и силу ей дало первое, съ которымъ, поэтому, неразрывно связана ея исторія.

Частное преслѣдованіе преступленій, свойственное первобытному младенческому состоянію всякого народа, видоизмѣняется при первыхъ зачаткахъ государственности и впослѣдствіи мало по малу переходитъ въ преслѣдованіе публичное. Первоначально оно является,—какъ въ античномъ мірѣ,—въ формѣ преимущественно народной, исходя изъ нравственно-обязательной доблести каждаго истиннаго гражданина. Во времена Римской Имперіи эта

доблесть дѣлается фикціей, а преслѣдованіе—по необходимости оффиціальнымъ, розыскнымъ, ввѣреннымъ судьѣ-слѣдователю.

Въ каноническомъ судопроизводствѣ среднихъ вѣковъ этотъ видъ публичнаго преслѣдованія становится господствующимъ и скоро въ инквизиціонномъ процессѣ одерживаетъ окончательную побѣду. Одна Англія сохраняетъ у себя своеобразную комбинацію частнаго обвиненія съ народною формою преслѣдованія. Между тѣмъ извѣстная уже императорскому Риму идея судебнаго представительства монарха въ его имущественныхъ дѣлахъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ ведетъ къ образованію во Франціи съ XIV по XVIII столѣтіе института *«людей короля»* или прокуроровъ и адвокатовъ короны, защищающихъ всѣ ея нужды и интересы, въ томъ числѣ и интересъ публичнаго уголовнаго возмездія.

Въ то же время въ Германіи и Италіи мѣстами возникаетъ фискалатъ—недоразвившееся учрежденіе представителей казенныхъ интересовъ передъ судомъ и другими вѣдомствами. Но истиннымъ отечествомъ прокуратуры все-таки остается Франція. Въ ней, къ началу нынѣшняго столѣтія, обѣ функціи прокуратуры, обвинительная и наблюдательная, вполнѣ сложившіяся еще до революціи, выливаются въ твердыя и законченныя формы наполеоновскаго законодательства, которое и даетъ первообразъ европейской прокуратуры. Оттуда заимствуетъ готовые образцы и Германія 40-хъ годовъ, когда духъ времени и дружныя усилія науки вызываютъ реакцію противъ отжившихъ и жестокихъ порядковъ инквизиціоннаго судопроизводства. Глубокая научная критика и всестороннее изслѣдованіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, свойственныя германскому правовѣдѣнію, скоро обнаруживаютъ всѣ крайности и недостатки заимствованныхъ институтовъ и весь вредъ слѣпаго подражанія французскому судоустройству и судопроизводству. Вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстное изученіе англійскихъ судебныхъ учрежденій и процессуальныхъ формъ даетъ французскому вліянію необходимый противовѣсъ. Подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ факторовъ и во многомъ другъ другу противоположныхъ системъ французскаго и англійскаго процесса сложилось въ теоріи и нынѣ подвергается испытанію на практикѣ научное построеніе болѣе раціональной прокуратуры, воспроизводимое новѣйшими нѣмецкими законодательствами. Основанное на публично-обвинительномъ призваніи прокуратуры, это построеніе обстав-

ляетъ ее всевозможными гарантіями личной свободы частнаго лица и противополагаетъ защитѣ обвиняемаго. Наконецъ, въ самой Англіи, такъ долго и упорно державшейся частнаго обвиненія, усиленное движеніе въ пользу организованнаго публичнаго преслѣдованія черезъ особыхъ должностныхъ лицъ достигло въ наши дни извѣстнаго успѣха, который можетъ быть признанъ доказательствомъ рѣшительнаго и повсемѣстнаго преобладанія въ настоящее время прокурорской формы уголовнаго преслѣдованія, удобно и эластично поддающейся необходимымъ видоизмѣненіямъ. При этомъ въ континентальныхъ государствахъ западной Европы прокуратура и независимо отъ уголовнаго преслѣдованія еще не перестаетъ быть въ бо́льшей или меньшей степени органомъ закона, публичныхъ интересовъ и правительства.

Устройство и дѣятельность прокуратуры или соотвѣтствующихъ ей учрежденій въ различныя историческія эпохи и въ современномъ юридическомъ строѣ представляетъ значительную пестроту, въ которой, по родовымъ, типическимъ чертамъ, могутъ быть отмѣчены *пять* главныхъ группъ:

1) Старая, *фискально-контрольная прокуратура* съ простой малоразработанной организаціей въ лицѣ нѣсколькихъ повѣренныхъ короны при разныхъ установленіяхъ; въ ея дѣятельности надзоръ за дѣлопроизводствомъ поглощаетъ уголовное преслѣдованіе, и на первомъ мѣстѣ стоитъ попеченіе объ имущественныхъ выгодахъ казны. Такой прокуратурѣ, типомъ который служитъ до-реформенный германскій и нынѣшній шведско-норвежскій фискалатъ, не чуждо ни охраненіе закона, ни принципъ представительства публичныхъ интересовъ, но и то, и другое въ самомъ неразвитомъ, зачаточномъ видѣ, не позволяющемъ учрежденію занять въ государственной жизни ярко обрисованное и вліятельное положеніе.

2) *Французская* прокуратура, созданная наполеоновскимъ законодательствомъ на почвѣ прежнихъ учрежденій до-революціонной Франціи—типъ наиболѣе сложный и богатый содержаніемъ. Совмѣщая почти въ равной степени всѣ три вышеуказанныя призванія прокуратуры вообще, французскій институтъ имѣетъ не только судебный и судебно-административный, но и общегосударственный, даже отчасти политическій характеръ. Это могучій дѣятель слѣдственно-обвинительнаго преслѣдованія, необходимый участ-

никъ всѣхъ отправленій правосудія и власти и органъ правительственнаго надзора за судебнымъ вѣдомствомъ. По французскому образцу и лишь съ нѣкоторыми измѣненіями прокуратура образована во многихъ государствахъ: въ Италіи, Бельгіи, Голландіи, Греціи, Румыніи.

3) Въ странахъ, занятыхъ англосаксонской національностью: въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствуетъ *государственная адвокатура*, отличающаяся отъ прокуратуры отсутствіемъ въ ея функціи законоохранительнаго элемента и тѣмъ, что, не имѣя единообразной и строго правительственной организаціи, она представляетъ передъ судомъ публичные и главнымъ образомъ репрессивные интересы государства на томъ же почти основаніи, на какомъ адвокатъ защищаетъ частные интересы своего кліента.

4) Въ Германіи и Австріи новѣйшія судебныя преобразованія ввели *прокуратуру, реформированную и построенную на научныхъ основаніяхъ*, съ характеромъ только судебнымъ и съ призваніемъ единственно обвинительнымъ. Часть судебной магистратуры, подчиненная правительству, поставленная во главѣ судебной полиціи, она является исключительнымъ органомъ государственнаго уголовнаго преслѣдованія и, по возможности, строго проводитъ состязательный принципъ въ процессѣ, откуда полная независимость обвиненія отъ судебной власти и равноправность его съ защитой. Никакого надзора за судомъ и судьями нѣмецкой прокуратурѣ не присвоено, также какъ и административныхъ функцій. По устройству она близко подходитъ къ французскому типу, въ дѣятельности же, напротивъ, скорѣе придерживается началъ англо-шотландскаго публичнаго обвиненія.

5) *Русская* прокуратура представляетъ два послѣдовательныхъ, другъ друга смѣнившихъ учрежденія: старое, фискально-контрольнаго типа, до судебной реформы 1864 г. и новѣйшее по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II. Это послѣднее нельзя пріурочить ни къ одной изъ вышеназванныхъ группъ, такъ какъ съ одной стороны нашъ новый прокурорскій надзоръ сохранилъ если не черты, то хоть слѣды и традиціи до-реформеннаго института, а съ другой онъ образовался подъ непосредственнымъ вліяніемъ европейской науки и современныхъ его появленію европейскихъ учрежденій, въ числѣ которыхъ французская прокуратура

и англійскій процессъ были также, какъ и въ недавнее время для Германіи, равнодѣйствующими силами. Но русская дѣйствительность, отразившаяся на законѣ и еще больше на практикѣ его примѣненія, наложила на русскую прокуратуру настолько своеобразный отпечатокъ, что въ ней, быть можетъ, современемъ образуется новый, самостоятельный типъ этого учрежденія. Теперь же ея отличительными признаками можно считать усовершенствованіе и смягченіе французской организаціи, приспособленіе къ смѣшанному процессу, эклектическое соединеніе обѣихъ функцій—обвинительной и наблюдательной, и нѣкоторыя второстепенныя задачи административнаго характера. Помимо всякихъ теорій и европейскихъ образцовъ, въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ русскій народъ успѣлъ усвоить себѣ мысль о томъ, что на стражѣ закона и правосудія должны стоять особые чиновники, почему и понятіе о прокурорѣ, какъ о «царскомъ окѣ» могло расшириться, но не извратилось присоединеніемъ къ нему новѣйшаго представленія о государственномъ обвинителѣ.

Въ связи съ происхожденіемъ и развитіемъ различныхъ типовъ прокуратуры находится ея техническая *терминологія*, которая имѣетъ свое значеніе при изученіи всякаго института; правильно понимаемое названіе способствуетъ освѣщенію истинной сущности предмета и устраненію недоразумѣній, нерѣдко вызываемыхъ разнообразіемъ номенклатуры. Въ этомъ отношеніи наука законодательства и практика разныхъ странъ выработали рядъ терминовъ, по которымъ небезъинтересно прослѣдить стороны прокурорскаго учрежденія, принимаемыя за основаніе для его обозначенія.

Въ наукѣ и литературѣ оно носитъ общее названіе *прокуратуры*, происходящее отъ латинскаго глагола *procurare*, имѣть попеченіе о чемъ-либо, завѣдывать, управлять чѣмъ-либо, откуда производное существительное *procurator*, завѣдывающій, управляющій. Согласно этому, на старофранцузскомъ языкѣ стряпчій, повѣренный, завѣдывавшій дѣлами другого назывался *procurateur*, сократившееся, въ послѣдствіи, въ *procureur*.

Такимъ образомъ главный терминъ, *прокуроръ*, этимологически и исторически выражаетъ собою представительство однимъ дѣловыхъ интересовъ другого. Этотъ смыслъ получилъ распространительное значеніе, и въ настоящее время слово *прокуратура* во-

шло во всеобщее употребленіе, обозначая институтъ, представляющій передъ судомъ интересы государства. Тамъ, гдѣ прокурорское учрежденіе исходило изъ представительства дѣлъ и интересовъ собственно казны, фиска, *fiscus*, оно получило названіе *фискалата*, а члены его, уполномоченные казны—названіе *фискаловъ*, къ чему иногда прибавлялось *procurator fiscal*. Это наименованіе, сопровождавшее первые историческіе шаги и русской прокуратуры, до сихъ поръ сохранилось въ Швеціи, Даніи, Шотландіи и Испаніи.

Французское названіе прокуратуры, *ministère public*, въ буквальномъ переводѣ, замѣняетъ узкій эпитетъ «казеннаго» и даже болѣе широкій «государственнаго» общимъ понятіемъ, «общественнаго», публичнаго въ обширномъ смыслѣ. Другой техническій французскій терминъ для обозначенія прокуратуры, *parquet*— случайнаго историческаго происхожденія, отъ помѣщенія съ деревянною рѣзьбою половъ и стѣнъ, которое занимала въ XV и XVI столѣтіяхъ парижская прокуратура. Кромѣ того, во Франціи въ названіе прокуратуры введенъ былъ признакъ, связывающій ее съ правительствомъ, обозначающій, что она представляетъ государственную власть въ лицѣ ея носителя или формы правленія; таковы, смотря по эпохѣ, «прокуроръ короля, императорскій или республики», *procureur du roi, impérial, de la république*. На французскомъ же судебномъ жаргонѣ, *language du palais*, иногда называютъ прокуроровъ «стоячей магистратурой», *magistrature debout*, въ отличіе отъ судей, «магистратуры сидячей», *magistrature assise*. Этотъ неоффиціальный, но обще-употребительный терминъ, основанный на обязанности прокуроровъ говорить передъ судомъ стоя, перешелъ и въ другія страны и довольно часто встрѣчается въ судебной литературѣ.

Нѣмецкое названіе *Staatsanwaltschaft*, *Staatsanwalt*, въ переводѣ «повѣренный государства» ближе другихъ воспроизводитъ сущность современной прокуратуры, не выражая собою, впрочемъ, всѣхъ организаціонныхъ ея свойствъ, напр. постояннаго правительственнаго и должностнаго ея характера.

Русскій терминъ, *прокурорскій надзоръ*, обозначаетъ учрежденіе одною изъ его обязанностей, указывая тѣмъ на историческое его происхожденіе и первоначальную функцію, какъ органа правительственнаго контроля. Это оффиціальное названіе нашей проку-

ратуры, которое теперь уже отзывается анахронизмомъ, практика нерѣдко замѣняетъ другимъ названіемъ, довольно употребительнымъ въ обиходѣ уголовнаго процесса: *обвинительная власть*, въ смыслѣ совокупности облеченныхъ этою властью дѣятелей. Здѣсь терминологическимъ признакомъ служитъ уголовное преслѣдованіе, какъ важнѣйшій предметъ вѣдѣнія прокурорскаго надзора. Наше дѣйствующее законодательство, а за нимъ и дѣловой языкъ даютъ названіе прокурорскаго надзора самому учрежденію прокуратуры, отдѣльныхъ членовъ которой именуютъ «*лицами*» или «*чинами*» этого надзора, при чемъ, для краткости, обыкновенно примѣняютъ къ нимъ слово «*прокуроръ*», безъ различія іерархической степени.

§ 4. **Научные вопросы и общее значеніе прокуратуры.** По мѣрѣ того какъ институтъ прокуратуры укоренялся въ правовомъ сознаніи культурныхъ странъ, и юридическая наука все больше дѣлала его предметомъ своего вниманія. Тамъ, гдѣ его еще вовсе не было, она прямо указывала законодателю на необходимость его введенія, къ которому пролагала путь разработкой соотвѣтствующихъ предположеній. Такъ, въ Германіи именно изысканія людей науки привели къ повсемѣстному принятію этого учрежденія. Доводы теоретическаго изслѣдованія въ пользу прокуратуры были тѣмъ убѣдительнѣе, что они основывались на глубокомъ изученіи ея исторіи и строгой критикѣ существующихъ типовъ и системъ. Проводя мысль о томъ, что современный строй не можетъ обойтись безъ прокуратуры, наука съ полнымъ безпристрастіемъ показывала всѣ крайности и недостатки, въ которые впадаетъ невѣрная или устарѣлая ея постановка, причемъ прежній фискалатъ и нынѣшняя французская прокуратура съ нѣмецкими ея копіями эпохи 1848 г. доставляли обильный запасъ примѣровъ того, чему нигдѣ подражать не слѣдуетъ. Основательное же знакомство съ великобританскими учрежденіями, обогащая этотъ фактическій матеріалъ, внесло въ него новыя, уже положительныя данныя и образцы, которые наглядно помогали находить выходы изъ затрудненій. Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія возникло продолжающееся и до сихъ поръ сильное научное движеніе въ области вопросовъ, касающихся прокуратуры. Оно характеризуется исканіемъ такого ея типа, который удовлетворялъ бы, по возможности, идеальнымъ требованіямъ чистаго правосудія, безъ примѣси утилитарныхъ соображеній о томъ, чѣмъ еще прокуратура могла бы быть полезной въ

правительственномъ механизмѣ. Жертвуя всѣмъ трудноисполнимымъ въ практической дѣйствительности, наука стремится ограничить и упростить задачи прокуратуры, улучшить и упрочить ея организацію, обставить ее гарантіями справедливой и безвредной дѣятельности. Многое въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано германскими учеными, въ длинномъ ряду которыхъ достаточно назвать имена *Миттермайера*, *Гольцендорфа*, *Сюнделина*, *Шварце*, *Келлера*, *Гнейста*, *Глазера*. Нельзя не упомянуть и о заслугахъ по тому же предмету итальянскихъ криминалистовъ, преимущественно *Карминьяни* и *Каррары*, не мало поработавшихъ надъ теоріей государственнаго обвиненія. Сюда же примыкаютъ нѣкоторые труды нашихъ процессуалистовъ, въ особенности проф. *Фойницкаго и Сергѣевскаго*, между тѣмъ какъ обширная по количеству и содержанію работъ французская доктрина занималась до послѣдняго времени, главнымъ образомъ, лишь догмой своего положительнаго права.

Выше уже было приведено общее опредѣленіе, заключающее въ среднемъ выводѣ господствующія въ законодательствахъ и въ жизни элементарныя понятія о прокуратурѣ. Теперь же мы, не приводя всѣхъ разнообразныхъ научныхъ взглядовъ на вопросы прокурорской службы, бѣгло отмѣтимъ въ этой обширной и сложной аргументаціи тѣ выдающіеся пункты, по большей части спорные и далеко еще неисчерпанные, которые могутъ освѣтить нынѣшнее состояніе и характеръ общаго ученія о прокуратурѣ.

Долго, подъ вліяніемъ французскихъ институтовъ, главною задачею прокуратуры признавалось и отчасти признается еще донынѣ—охраненіе законовъ, а ея функціей—надзоръ за соблюденіемъ ихъ во всевозможныхъ проявленіяхъ, преимущественно, впрочемъ, въ судебномъ вѣдомствѣ, надъ которымъ прокуратура и ставилась въ качествѣ блюстителя законности судебныхъ дѣйствій и контролера правильнаго хода правосудія. Отсюда—надзоръ за судьями и судебными чинами, дѣятельное и властное участіе въ управленіи судебной частью и исполненіе многихъ вполнѣ административныхъ обязанностей. Новѣйшая наука рѣшительно отвергаетъ все это положеніе, доказывая, что оно излишне, вредно и для прокуратуры безъ надобности обременительно. Судъ самъ призванъ охранять законъ, и надзоръ за нимъ возможенъ лишь въ іерархическомъ порядкѣ судебныхъ же инстанцій. Наблюденіе за судомъ и судьями посторонняго полу-административнаго учрежденія, какимъ яв-

ляется прокуратура, дѣлаетъ ее какъ бы враждебнымъ суду органомъ, порождаетъ между ними недовѣріе и рознь, противорѣчитъ достоинству и независимости судей и можетъ перейти въ давленіе на юстицію. Наблюденіе это по большей части случайно и фиктивно, потому что прокуратура не въ состояніи усмотрѣть за всѣми сторонами судебнаго дѣлопроизводства, даже если будетъ проявлять крайне нежелательную придирчивую притязательность. Оно отяготительно и для самой прокуратуры, потому что отвлекаетъ ее отъ капитальной обвинительной ея задачи. Тѣ же соображенія относятся и ко всѣмъ вообще административнымъ отраслямъ прокурорской дѣятельности, также мѣшающимъ ей сосредоточиться въ томъ направленіи, въ которомъ она всего нужнѣе. Прокуратура должна быть только органомъ публичнаго преслѣдованія, посвящая ему всѣ свои труды и силы. Ограниченная въ объемѣ, сжатая и опредѣленная, дѣятельность ея тѣмъ самымъ выигрываетъ въ интенсивности и энергіи. Вслѣдствіе судебнаго характера уголовнаго преслѣдованія прокуратура, по выводамъ науки, должна состоять при судѣ, принадлежать къ магистратурѣ и быть столь же отдѣльною и независимою отъ администраціи, какъ и судебная власть. Всякія административныя обязанности вредятъ чистотѣ прокурорскаго призванія и подлежатъ отмѣнѣ. Не имѣютъ достаточнаго основанія и юрисконсультскія обязанности прокурора: судъ самъ знаетъ законы и не нуждается въ особомъ оффиціальномъ ихъ истолкователѣ. Не выдерживаетъ поэтому научной критики и участіе прокурора въ гражданскихъ дѣлахъ; кромѣ того, ему нѣтъ времени и возможности, да и не подобаетъ быть повѣреннымъ частныхъ матеріальныхъ интересовъ казны, которая можетъ для этой цѣли имѣть особыхъ уполномоченныхъ или обращаться, на правахъ простаго собственника, къ адвокатурѣ.

Такимъ образомъ теорія рекомендуетъ законодательствамъ видѣть въ прокуратурѣ исключительно спеціальный органъ публичнаго преслѣдованія, строго замкнутый въ этой сферѣ и измѣняющій своему назначенію, какъ только онъ изъ нея выходитъ.

Далѣе, въ наукѣ существуетъ теченіе, которое, абсолютно примѣняя вышеприведенный взглядъ, не только считаетъ прокуратуру интегральною частью суда и судебнаго вѣдомства, но и требуетъ для нея той же внутренней и внѣшней независимости, какая принадлежитъ судьямъ и выражается прежде всего въ ихъ несмѣняе-

мости. Прокуратура—гласитъ это ученіе—должна быть *органомъ* не правительства, а *правосудія* (*Organ der Rechtspflege*), зависимымъ единственно отъ закона, личной совѣсти ея чиновъ и общественнаго мнѣнія. Это достигается огражденіемъ ея отъ всякаго вліянія свыше и со стороны другихъ властей, такъ чтобы ни соблазнъ, ни страхъ потери должности не были двигателями ея дѣйствій. Такое воззрѣніе, впрочемъ, не принято еще ни однимъ законодательствомъ, и даже въ теоріи не пользуется особымъ кредитомъ, вызывая серьезныя и вѣскія возраженія съ точки зрѣнія самаго призванія прокуратуры. Противники полной прокурорской независимости справедливо находятъ, что она вовсе не нужна прокурорамъ въ той степени, какъ судьямъ, и совершенно несогласна съ отношеніемъ правительства къ обвинительной функціи. Прокуроръ не судья, а сторона, рѣшеній и приговоровъ онъ не произноситъ и судебной власти не имѣетъ, несамостоятельность его не можетъ принести того вреда, какъ зависимость судьи. Между тѣмъ возложенное на прокурора уголовное преслѣдованіе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ аттрибутовъ правительственной власти; неся за него отвѣтственность, она, очевидно, должна свободно распоряжаться порядкомъ и пріемами его производства, а слѣдовательно и лицами, его отправляющими. Всѣ ошибки или увлеченія ихъ встрѣтятъ надлежащій отпоръ или исправленіе отъ самостоятельнаго суда и его независимыхъ судей; дѣлать же прокуроровъ независимыми, значитъ связывать по рукамъ всю репрессивную дѣятельность правительства и низводить ее до отвлеченнаго юридическаго представленія. Изложенный взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ переживаемой нами историко-юридической эпохѣ и преобладаетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ проявляется больше всего заботливости о гарантіяхъ личной свободы гражданина противъ самой возможности неправыхъ или излишнихъ ея стѣсненій. Вездѣ прокуратура признается учрежденіемъ двойственнымъ, полу-судебнаго, полу-административнаго характера, стоящимъ посреди двухъ властей, ближе къ судебной, но съ административнымъ внутреннимъ устройствомъ. При этомъ логика и опытъ равно свидѣтельствуютъ, что только такое положеніе обусловливаетъ энергію, силу и подвижность—свойства, безъ которыхъ нельзя бороться съ преступленіемъ. Въ этомъ отношеніи прокуратура представляетъ извѣстную аналогію съ военною организаціей; та же дисциплина и та же сплоченность, необходимыя для борьбы съ врагомъ.

Къ ученію о зависимости прокуратуры относится и вопросъ о томъ, какое учрежденіе или должностное лицо слѣдуетъ поставить въ ея главѣ? Смотря по степени этой зависимости извнѣ и по развитію іерархическаго начала внутри прокуратуры, теорія указываетъ на три системы ея: коллегіальный надзоръ высшей судебной инстанціи въ данномъ раіонѣ, единоличное руководство прокурора при высшемъ въ странѣ судѣ, или же прямая начальственная власть министра, какъ органа высшаго государственнаго управленія. Законодательство до сего времени почти повсюду рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу послѣдней комбинаціи. У насъ же историческій ходъ его разрѣшился въ формѣ компромисса: министръ юстиціи, глава прокуратуры, считается вмѣстѣ съ тѣмъ и генералъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената.

Объявивъ уголовное преслѣдованіе единственною или, по меньшей мѣрѣ, главнѣйшею задачей прокуратуры, наука должна была подвергнуть ея обвинительную дѣятельность тщательной и всесторонней разработкѣ, которая въ германской литературѣ доведена до высокой степени совершенства. Теорія считаетъ доказаннымъ, что въ слѣдственномъ процессѣ не достигаются ни цѣли справедливости, ни огражденія личности и правъ частнаго лица; истина легко скрывается или извращается, потерпѣвшій поневолѣ безучастенъ, а обвиняемый отдается беззащитнымъ въ руки всемогущаго судьи—слѣдователя. Безпристрастіе его розыска неосуществимо, и практика давно уже обнаружила непригодность и опасность слѣдственнаго процесса. Научные противники его не жалѣютъ мрачныхъ красокъ и сильныхъ выраженій для его характеристики. «Нарождается — говоритъ Каррара — ненавистнѣйшая «личность фискальнаго инквизитора, вѣчнаго пособника тиранніи, «угнетателя невинности, бича народовъ и гасильника истины». Современная наука не удовлетворяется и средствами, которыми хотѣли обезпечить правомѣрное открытіе истины въ розыскномъ судѣ. Первоначально онъ былъ основанъ на *дуализмѣ задачи*, возложенной на слѣдователя, собирать одновременно доказательства обвиненія и защиты, а на судью – безпристрастно оцѣнивать тѣ и другія. Когда же убѣдились въ неисполнимости этой двойной задачи однимъ лицомъ, то думали поправить дѣло посредствомъ *дуализма органовъ изслѣдованія*: рядомъ съ слѣдователемъ и судьею былъ поставленъ прокуроръ, облеченный важными полномочіями

по полицейскому розыску и слѣдствію. Искусственность и неопредѣленность этой системы сказалась прежде всего въ разногласіи во взглядахъ на задачи прокуратуры въ такомъ смѣшанномъ процессѣ. Одни смотрѣли на прокурора, какъ на органъ закона, сдерживающій инквизитора и потому представляющаго идею защиты; другіе же, напротивъ, желали видѣть въ прокурорѣ при слѣдствіи представителя обвиненія, сдерживаемаго безпристрастіемъ слѣдователя-инквизитора. Въ томъ и другомъ случаѣ, по мнѣнію третьихъ, улучшеніе оказалось призрачнымъ и мнимымъ. Къ дуализму задачи органовъ изслѣдованія присоединился и *дуализмъ самаго процесса*, который распался на двѣ совершенно различныя части, построенныя на разныхъ и взаимно враждебныхъ началахъ и другъ друга парализующія: розыскное слѣдствіе и состязательный или обвинительный судъ. При первомъ, вмѣсто одного прежняго инквизитора, явилось два — слѣдователь и прокуроръ. На второмъ отразилась неизбѣжная дилемма: или центръ тяжести процесса помѣщается въ слѣдствіи, и оно сводитъ судъ къ простой формальности, или судъ, идя въ разрѣзъ со слѣдствіемъ, оказывается безсильнымъ возстановить или исправить то, что было своевременно упущено и испорчено. Въ обоихъ случаяхъ роль прокурора въ смѣшанномъ процессѣ обставлена непреодолимыми трудностями, и положеніе его, ложное и двойственное, не приноситъ той пользы, которой вправѣ ждать отъ него правосудіе. Изучивъ неблагопріятныя послѣдствія такого порядка на примѣрѣ французскаго процесса, наука пришла къ заключенію, что только возвращеніе къ обвинительному началу и послѣдовательное проведеніе его въ процессѣ способно правильно и радикально разрѣшить вопросъ. На этомъ началѣ должно быть основано не только судебное, но и предварительное производство, слѣдствіе, собирающее матеріалъ для преданія суду. Въ силу публичнаго характера современнаго уголовнаго судопроизводства, съ начала и до конца его прокуратура должна быть представителемъ обвиненія, снабженнымъ всѣми средствами для поддержанія его, но въ то же время и равноправнымъ съ защитою. Обвинительный принципъ, воплощаемый прокуратурой, долженъ проявляться въ слѣдующихъ главныхъ тезисахъ: 1) уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено безъ требованія о томъ прокуратуры, которая 2) имѣетъ право и обязанность собирать законными путями и предъявлять суду всевозможныя

доказательства для подкрѣпленія обвиненія, вслѣдствіе чего она руководитъ полицейскимъ розыскомъ и поддерживаетъ интересы обвиненія при слѣдствіи и на судѣ, причемъ однакоже 3) она во всякое время можетъ отказаться отъ обвиненія и 4) судъ, не выходящій изъ его предѣловъ, собственною властью не предпринимаетъ никакихъ розыскныхъ или слѣдственныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе равенства защиты съ обвиненіемъ, она наравнѣ съ нимъ допускается къ участію въ дѣлѣ съ момента возбужденія преслѣдованія противъ извѣстнаго лица. Для вящаго обезпеченія такой равноправности, въ Италіи, гдѣ еще не забыты средневѣковые общественные «адвокаты бѣдныхъ», *avvocati dei poveri*, возникла мысль даже придать защитѣ тотъ же публичный и оффиціальный характеръ. Такъ Каррара предлагаетъ, въ видѣ противовѣса прокуратурѣ—органу публичнаго обвиненія, учредить органъ публичной защиты—*трибунатъ*, состоящій изъ выбираемыхъ народомъ и оплачиваемыхъ общинами должностныхъ защитниковъ, которые дѣйствовали бы во всякомъ уголовномъ дѣлѣ параллельно съ прокуроромъ, собирая и поддерживая доказательства оправданія. Нигдѣ, однакоже, не было сдѣлано даже попытки привести въ исполненіе это мечтательное предположеніе. Да и самое ученіе о проведеніи въ дѣятельности прокуратуры обвинительнаго принципа въ его вышеописанномъ чистомъ видѣ еще далеко отъ практическаго осуществленія. Будучи слишкомъ отвлеченнымъ, оно сопряжено съ коренною ломкой существующихъ учрежденій и порядковъ, а главное—съ большимъ рискомъ ослабить уголовную репрессію, передъ чѣмъ и отступаютъ законодательства. Ближе всѣхъ подходитъ къ этому теоретическому типу новѣйшій австрійскій уголовный процессъ, въ которомъ прокуратура вѣдаетъ одни лишь интересы публичнаго преслѣдованія, а въ борьбѣ сторонъ занимаетъ равное съ защитой состязательное мѣсто.

Требуя для прокуратуры свободнаго распоряженія преслѣдованіемъ, наука вмѣстѣ съ тѣмъ горячо возстаетъ противъ монополіи его въ прокурорскихъ рукахъ, называя ее даже худшею изъ всѣхъ монополій. Прокуратурѣ, по ученію германскихъ процессуалистовъ, должно принадлежать преимущественное, но отнюдь не исключительное право на обвиненіе, въ которомъ нужно представить широкое участіе частной иниціативѣ и самодѣятельности. Прежде всего, конечно, потерпѣвшій отъ преступленія можетъ дѣйствовать

совмѣстно съ прокуратурой, поддерживая предъявленное ею обвиненіе въ личномъ своемъ интересѣ; въ случаѣ же ея отказа отъ обвиненія, онъ долженъ имѣть право всецѣло замѣнить ее во всякомъ положеніи процесса. Это «*субсидіарное*» частное обвиненіе въ различныхъ его формахъ есть необходимый коррективъ къ оффиціальному обвиненію, лучшая гарантія противъ его дѣйствія или преварикаціи (пристрастія къ обвиняемому). Но наука идетъ еще и дальше, не ограничиваясь построеніемъ субсидіарнаго обвиненія на одномъ лишь непосредственномъ личномъ интересѣ пострадавшаго отъ преступленія. Если не теперь, то въ будущемъ она предвидитъ возможность и полезность примѣненія и на европейскомъ континентѣ древне-римскаго и современнаго англійскаго принципа народнаго обвиненія, однимъ гражданиномъ другаго рядомъ съ прокуратурой, или взамѣнъ ея, при ея отказѣ. Впрочемъ, и сами сторонники этого института считаютъ его лишь за *pia desideria* теоріи, для наступленія которыхъ нужно много благопріятныхъ условій правильной гражданской самопомощи, еще отсутствующихъ въ большей части европейскаго общества.

Наконецъ, въ ученіяхъ о прокуратурѣ не прекращается оживленный споръ о томъ, должна ли обвинительная дѣятельность руководиться только началомъ законности, или также и началомъ цѣлесообразности? Сущность и взаимное соотношеніе этихъ началъ были уже приведены выше. Въ теоріи они враждуютъ, но на практикѣ силою вещей стремятся къ примиренію, ищутъ и всегда находятъ извѣстный вышеуказанный *modus vivendi*, отчего и весь споръ является скорѣе академическимъ, чѣмъ жизненнымъ. Но онъ имѣетъ весьма реальную подкладку въ видѣ вопроса о практическихъ отношеніяхъ прокуратуры, съ ея огромными обвинительными полномочіями, къ правительству, или точнѣе къ исполнительной, административной власти. Если послѣдняя будетъ по своему усмотрѣнію направлять дѣятельность прокуратуры, не сдѣлается ли она орудіемъ цѣлей политическихъ, не всегда совпадающихъ съ закономъ, справедливостью и правосудіемъ?—вотъ ядро этого жгучаго вопроса, сильно озабочивающаго западныхъ теоретиковъ. У нихъ всегда передъ глазами все тѣ же примѣры Франціи и Германіи эпохи 1848 года, гдѣ прокуратура, благодаря условіямъ, въ которыхъ она находилась, могла являться органомъ политической борьбы и служить видамъ той или другой политической партіи,

находившейся у власти. Наука справедливо протестуетъ противъ всякой политической окраски въ прокурорской дѣятельности, которая, какъ отрасль дѣятельности судебной, глубоко искажается привхожденіемъ подобныхъ элементовъ. Опасеніемъ этихъ примѣсей и объясняются главнымъ образомъ усиленныя требованія для прокуратуры исключительнаго господства законномѣрности, устраненія административнаго ея устройства и обязанностей, полнѣйшей независимости отъ всякаго давленія свыше и проч. Все это въ значительной степени теряетъ свое значеніе тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы политическихъ партій, гдѣ правительство отождествляется съ единою и нераздѣльною государственною властью, у которой нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ общихъ интересовъ государства и блага отечества, и которому нечего добиваться другихъ цѣлей, кромѣ цѣлости закона и торжества правосудія. Такъ въ Россіи вопросъ о политической тенденціозности прокурорской дѣятельности есть вопросъ праздный, и наша практическая дѣйствительность не представляетъ никакой почвы для чего-либо подобнаго. Враги правительства, съ которыми приходится бороться прокуратурѣ, въ то же время и въ той же степени и враги законнаго порядка. Правительству, которое его оберегаетъ, не представляется ни надобности, ни поводовъ пользоваться прокуратурой для достиженія какихъ-либо цѣлей, постороннихъ ея прямому назначенію; прокуратурѣ некому и не въ чемъ оказывать косвенныхъ услугъ политическаго свойства. Немного больше значенія имѣетъ и вопросъ о непопулярности прокуратуры—шаткій и условный признакъ, по которому, однако, западные изслѣдователи иногда судятъ о достоинствахъ этого учрежденія. Правда, несочувственное отношеніе къ нему общества часто вызывается политическою измѣнчивостью, неравномѣрностью, неумѣренною притязательностью или страстностью въ преслѣдованіи, а также склонностью вліять на судъ и подавлять обвиняемаго своею властью. Эти причины непопулярности несомнѣнно заслуживаютъ вниманія, когда не подлежитъ сомнѣнію, что именно отъ нихъ она происходитъ. Но весьма возможно также и недоброжелательство къ прокуратурѣ, обусловленное тѣмъ, что уже одною своею преслѣдовательскою миссіей она не можетъ не создавать въ публикѣ множества недовольныхъ и порицателей, число которыхъ всегда пропорціонально ея энергіи и силѣ. Такая непопулярность скорѣе

должна быть вмѣнена въ заслугу учрежденію, обязанному ставить законъ и общественные интересы непзмѣримо выше всякихъ преходящихъ вѣяній или впечатлѣній массы. Не столько о сочувствіи, сколько о довѣріи и уваженіи должна заботиться прокуратура, стремящаяся стоять на высотѣ своего общественнаго призванія. Путь къ этому единственный—добросовѣстное, твердое и ревностное исполненіе долга службы по закону, совѣсти и указаніямъ правительства. Два результата внѣшнимъ образомъ свидѣтельствуютъ объ успѣшномъ прохожденіи этого пути: охотное и довѣрчивое обращеніе гражданъ къ воздѣйствію прокуратуры и пріобрѣтенный ею серьезный, дѣловой авторитетъ въ тѣхъ установленіяхъ, гдѣ она дѣйствуетъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ общей нравственной цѣнности прокурорской службы и культурномъ значеніи прокурорскаго института.

Продуктъ вѣковаго историческаго роста правосознанія у европейскихъ народовъ, прокуратура возникаетъ изъ непреложныхъ потребностей государственнаго быта и жизненныхъ условій внутренняго гражданскаго оборота. Она зиждется на крѣпкомъ соединеніи справедливости и общественной пользы и до такой степени незамѣнима, что безъ нея теперь уже трудно представить себѣ обычное и нормальное, правильное общежитіе. Ея идея, принципы, устройство, дѣятельность, цѣли—все сообщаетъ ей возвышенныя черты и вліятельное, хотя и обоюдоострое положеніе въ государственномъ обиходѣ. Еще Монтескье восхищался ею, какъ учрежденіемъ, позволяющимъ государству преслѣдовать преступленія, безъ поощренія доносовъ и докащиковъ. Дѣйствительно, неустанно бороться со зломъ, выразившимся въ правонарушеніи, вести эту борьбу прямо и открыто, законными средствами и на виду у всѣхъ, во всеоружіи должностной власти, и при этомъ дѣйствовать безлично и безстрастно, во имя равнаго для всѣхъ закона и общаго всѣмъ блага—таково высокое назначеніе прокуратуры, вполнѣ достойное общаго уваженія и преданности тѣхъ, кто посвящаетъ ей свои труды. Какъ бы ни были поставлены эти задачи при ихъ ближайшемъ опредѣленіи, по самой ихъ природѣ прокуратура является въ обществѣ представителемъ и защитникомъ законности; прокурорская дѣятельность въ этомъ смыслѣ носитъ истинно охранительный, гражданско-воспитательный характеръ. Въ боевой же сторонѣ

ея есть и глубоко симпатичный нравственный элементъ: активное заступничество за безсильнаго потерпѣвшаго, безкорыстное въ смыслѣ личныхъ къ нему отношеній, идеальное въ смыслѣ защиты всѣхъ, общества, въ лицѣ одного. Для успѣшной борьбы со зломъ, которое обыкновенно бываетъ упорно и неуловимо, скрывается во мракѣ и тайнѣ, а иногда и обладаетъ большими средствами сопротивленія, нужно много искусства, подготовки, хладнокровія, энергіи, бодрости, даже самоотверженія — нужна и крайняя осторожность въ пользованіи могучими средствами этой борьбы. Отъ направленія и дѣйствія ихъ зависятъ свобода, доброе имя, имущественное благосостояніе, иногда самая жизнь частныхъ лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ судомъ. Прокуратура, по существу своего призванія, всегда находится какъ бы между двухъ огней: неприкосновенность правъ личности и охраненіе интересовъ общества одинаково требуютъ отъ нея подъема благороднѣйшихъ свойствъ и побужденій человѣческаго духа и разумнаго, спокойнаго и справедливаго отношенія къ сложнымъ предметамъ ея вѣдѣнія. Организація въ прокуратурѣ силы, удовлетворяющей всѣмъ этимъ требованіямъ, должна быть признана крупнымъ пріобрѣтеніемъ и цѣннымъ достояніемъ настоящаго соціально-юридическаго строя.

«*Учрежденіе публичнаго представителя или уполномоченнаго, обязаннаго по долгу службы наблюдать за поступками гражданъ, изобличать передъ судомъ всѣ нарушенія общественнаго порядка, привлекать вниманіе суда и кару закона на всѣ преступныя посягательства противъ этого порядка, есть одинъ изъ величайшихъ шаговъ человѣчества на пути къ цивилизаціи и прогрессу*» [1]).

---

[1]) *Henrion de Pansey.* De l'autorité judiciaire, chap. XIV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОКУРАТУРА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ГЛАВА I.

ДРЕВНІЙ МІРЪ И СРЕДНІЕ ВѢКА.

§ 5. Востокъ и Грецiя.—§ 6. Римъ.—§ 7. Уголовное преслѣдованіе въ среднiе вѣка.—Фискалатъ.

§ 5. Востокъ и Грецiя. Въ государствахъ древняго міра, не исключая и странъ классическихъ Греціи и Рима, не существовало учрежденія, подобнаго прокуратурѣ въ ея новѣйшемъ смыслѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, въ различныя эпохи, была извѣстна идея представительства публичныхъ интересовъ передъ судомъ, но она осталась лишь въ зародышѣ, изъ котораго нигдѣ не развилось постояннаго и правильно-организованнаго института. Древне-гражданское общество и его судебное устройство не заключали въ себѣ условій, при которыхъ могли бы образоваться основныя понятія нынѣшней прокуратуры. Преслѣдованіе преступленій принадлежало потерпѣвшему, а, съ усиленіемъ публичнаго начала, было предоставлено каждому гражданину, какъ таковому, или перешло къ тому же должностному лицу, которое, въ числѣ другихъ, частью совершенно административныхъ обязанностей, отправляло и правосудіе. Раздѣленіе уголовно-судебныхъ функцій на обвиненіе, защиту, слѣдствіе и судъ, если и примѣнялось (какъ напр. въ Римѣ), то исключительно въ видѣ правилъ процессуальнаго порядка, безъ

выдѣленія для каждой функціи особыхъ дожностныхъ органовъ. Самый судъ не являлся еще среди другихъ государственныхъ властей отраслью, настолько отдѣльною и спеціальною, чтобы оказалась надобность въ особомъ при немъ правительственномъ представительствѣ. На Востокѣ законъ, проникнутый сакральнымъ элементомъ, отождествлялся съ религіей, или съ велѣніями теократической царской власти, и потому огражденіе его, при простотѣ древнихъ отношеній, входило въ сферу непосредственнаго вѣдѣнія жрецовъ, царя и его слугъ. Въ Греціи и Римѣ, даже и въ обыкновенномъ гражданскомъ быту, охраненіе законовъ совпадало съ охраненіемъ цѣлости отечества, неприкосновенности его государственнаго строя и чистоты національныхъ нравовъ. Для наблюденія за этимъ существовали особыя магистратуры съ широкимъ кругомъ обязанностей контролирующаго характера, не всегда юридически опредѣленныхъ. Таковы, напр., были полномочія римскихъ цензоровъ, подавшія поводъ одному изъ французскихъ комментаторовъ прокуратуры выразить удивленіе, «что народъ, который создалъ у себя цензуру, не додумался до столь близкой къ этому мысли о публичномъ обвинителѣ» [1]).

Тѣмъ не менѣе, при отсутствіи въ древнемъ мірѣ всякаго развитія основной идеи прокурорскаго надзора, нельзя отрицать ея несомнѣнныхъ зачатковъ и слѣдовъ, разсѣянныхъ по многимъ моментамъ и установленіямъ древняго права. Если сложное призваніе современной прокуратуры разбить на его органическія составныя части, то почти всѣ онѣ найдутся, конечно съ примѣсями, въ предметахъ вѣдомства того или другаго института древности. Правда, сходство не идетъ дальше общей аналогіи, а историческая преемственность исчезаетъ въ огромномъ различіи времени, мѣста, взглядовъ и самой жизни, но все-таки обрисовывается извѣстная логическая связь явленій, вызванныхъ однѣми и тѣми же общественными потребностями.

Уже въ древнемъ *Египтѣ* памятники указываютъ на существованіе оффиціальнаго розыска преступниковъ, производившагося особыми, повидимому, полицейскими агентами, *Magiai*, начальники которыхъ собирали свѣдѣнія о преступленіяхъ и передавали ихъ

---

[1]) *Garat.* Ministère public (Répertoire de Merlin T. XX).

судьямъ для изслѣдованія и наказанія виновныхъ [1]). Основываясь на свидѣтельствѣ Плутарха, нѣкоторые авторы видятъ какъ бы признаки оффиціальнаго обвиненія и въ древней *Персіи*, гдѣ, какъ упоминается въ біографіи Кира, Артаксеркъ Лонгиманъ назначилъ для суда надъ возставшимъ противъ него сыномъ не только судей, но и особыхъ чиновниковъ, которымъ было поручено собираніе и изложеніе доказательствъ виновности [2]).

Въ *Спартѣ* главнѣйшіе сановники республики, *эфоры*, прежде чѣмъ сдѣлаться настоящими судьями, преслѣдовали, въ качествѣ обвинителей передъ судомъ геронтіи или сената, важнѣйшія преступленія, угрожавшія внутренней политической свободѣ; такова ихъ роль въ процессахъ противъ Павзанія, Агиса, Агезилая, Леонида и другихъ, описанныхъ у Плутарха и Корнелія Непота [3]).

Въ судебной исторіи *Аѳинъ* начало государственнаго преслѣдованія, сохраняя свои народныя формы, дѣлаетъ значительные успѣхи и опредѣляется вполнѣ явственными чертами. Рядъ учрежденій и должностныхъ лицъ, съ *ареопагомъ* и *архонтами* на первомъ планѣ, пользуются правомъ преслѣдовать въ судахъ разныя нарушенія государственнаго порядка [4]). Цѣлыя категоріи преступленій получаютъ значеніе публичныхъ, требующихъ публичнаго же ихъ изобличенія. Оно еще предоставляется любому изъ гражданъ, которые, по словамъ оратора Ликурга, «должны видѣть въ преступникахъ противъ государства личнаго своего врага»; но общій руководящій принципъ уголовнаго преслѣдованія уже провозглашенъ и дѣйствуетъ: «Пусть жалобы приносятся гражданиномъ»,—

---

[1]) *Delpon.* Essai sur l'histoire de l'action publique et du ministère public I p. 83—100 *Fabre.* De l'accusation publique chez les anciens peuples etc 1875 p. 23. *Thonissen*, Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens 1869 I p, 90—122, 174—176. II append B. p. 217—230. *Тонниссенъ* опровергаетъ черезъ-чуръ смѣлыя гипотезы египтолога Шаббаса, который на основаніи фрагментовъ такъ назыв. «волшебнаго» папируса Гарриса прямо усмотрѣлъ въ Египтѣ учрежденіе публичныхъ царскихъ обвинителей. Ср. *Prins et Pergameni.* Instruction criminelle 1871 p. 18 note.

[2]) *Delpon.* I p. 112—114.

[3]) *Delpon.* I p. 126, 127. *Duboys.* Histoire du droit criminel p. 114, 115. *Pastoret.* Histoire de la législation V p. 253—273. VI p. 1—7.

[4]) *Meier* und *Schömann.* Der attiche Process 1824 p. 564—567. *Delpon.* V p. 133—135. *Pastoret.* Hisioire de la législation VI 226, VII p. 4—13. *Duboys* I. 143, 152, 167. *F. Helie.* Traité de l'instruction criminelle ed. Nypels I § 4, 19. *Thonissen.* Histoire du droit criminel de la République Athénienne I p. 84—89.

восклицаетъ Демосѳенъ, «но настоящій потерпѣвшій есть вся республика»[1]).

За недостаткомъ такихъ частныхъ жалобщиковъ появляются изъ гражданъ же «*публичные*» обвинители или «*ораторы*», назначаемые для выдающихся дѣлъ ареопагомъ, сенатомъ пятисотъ, или народнымъ собраніемъ. Во время исполненія подобнаго порученія передъ судомъ «геліастовъ»—этихъ аѳинскихъ присяжныхъ—публичные ораторы, говорящіе отъ имени оскорбленной республики, облекаются какъ бы должностными полномочіями и, участвуя въ состязательномъ процессѣ, лишены однако же права, принадлежащаго всякому другому гражданину-обвинителю, прекращать дѣло примиреніемъ. На этомъ именно поприщѣ выступали на аѳинскомъ форумѣ («агора») величайшіе ораторы Греціи въ знаменитыхъ политическихъ процессахъ, служившихъ главною ареною общественной дѣятельности въ Аѳинахъ. Такъ ораторъ Ликонъ, по порученію сената, вмѣстѣ съ частнымъ обвинителемъ Мелитомъ обвинялъ Сократа въ предсмертномъ его процессѣ, а Демосѳенъ въ томъ же качествѣ произнесъ многія изъ лучшихъ своихъ рѣчей (напр. противъ Аристогитона).

§ 6. **Римъ**[2]). Весьма сходныя черты представляетъ юридическая жизнь древняго Рима. И въ этой колыбели большей части современныхъ судебныхъ учрежденій можно отыскать дѣйствіе многихъ функцій теперешней прокуратуры, хотя и нѣтъ никакого примѣненія ея принциповъ въ цѣломъ ихъ объемѣ. Публичное преслѣдо-

---

[1]) Thonissen ib. 77.

[2]) Главнѣйшіе источники цитированные уже: *Delpon.* I 149—265. *Duboys.* 308—711. *Fabre* 49—213. *F. Hélict* liv. I chap. III, IV liv II, chap. II § 100 и кромѣ того: *Geib.* Geschichte des römischen Criminalprocesses 1842.—*Zumpt*, Das Criminalrecht der römischen Republick 1865 — 69. *Zumpt* Der Criminalprocess der römischen Republick 1871. *Danz.* Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts 1873 II § 187—196. *Biener.* Beiträge zur Geschichte des Inquisitionsprocesses etc. 1827. *Mittermaier.* Das deutsche Strafverfahren etc. 1845 § 13, 31. *Zachariae.* Handbuch des deutchen Strafprocesses 1860 I, 85—105. *Binding.* De natura inquisitionis processus criminalis Romanorum etc. 1864. *Laboulaye.* Essai sur les lois criminelles des Romains concernant la responsabilité des magistrats 1845. *Mangin.* Traité de l'action publique et de l'action civile 1844 I, p. 4, 6. *Крыловъ* Н. И. Исторія римскаго права, лекціи 1868—69, 72, 77, 163, 170—172. *Загурскій.* Принципы римскаго гражданскаго и уголовнаго процесса 1874. *Монографіи* о прокуратурѣ (перечислены въ приложеніи): *Schenk, Ortolan* et *Ledeau, Ramm, Frey, Keller.—Poiret.* Essai sur l'éloquence judiciaire à Rome pendant la République 1887 chap. VII p. 182—202.

ваніе, въ интересѣ общественнаго блага, многихъ и при томъ наиболѣе важныхъ преступленій красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію римскаго уголовнаго процесса, усиливаясь и разрастаясь ко временамъ Имперіи. Въ силу чисто народнаго характера обвиненія органомъ его является каждый полноправный гражданинъ, *quivis*, *quilibet*, *unus ex populo*, какъ выражаются тексты [1]).

По мнѣнію такихъ авторитетовъ, какъ Цицеронъ и Квинтиліанъ, множествомъ обвинителей ограждалась безопасность и обезпечивалось благосостояніе общества [2]). Въ исключительныхъ случаяхъ репрессія, еще со временъ царей, ввѣрялась особо для того установленнымъ чиновникамъ, изъ которыхъ достаточно назвать— *duumviri perduellionis* и *questores parricidi* при царяхъ и *triumviri capitales* и *dictatores questionibus exercendis* въ республиканскую эпоху. Они были впрочемъ скорѣе слѣдователями и судьями въ экстраординарномъ процессѣ, чѣмъ должностными обвинителями. Въ этомъ послѣднемъ положеніи могли дѣйствовать въ судѣ народныхъ комицій квесторы, эдилы, трибуны и другіе магистраты, имѣвшіе право созывать эти собранія и передавать на ихъ разрѣшеніе извѣстныя дѣла, въ томъ числѣ и уголовныя обвиненія. Но и тутъ свободное народное обвиненіе однимъ гражданиномъ другаго не переставало быть общимъ правиломъ, которое исключало самую возможность образованія института государственныхъ обвинителей. Замѣчательно однако же, что въ постоянныхъ судахъ присяжныхъ (*questiones perpetuae*) составъ и дѣятельность народныхъ обвинителей были обусловлены важными гарантіями, которыя возвышали каждаго изъ нихъ, на время участія въ процессѣ, надъ остальными гражданами. Такъ для собиранія доказательствъ, *inquisitio*, въ первой предварительной стадіи процесса, *in jure*, обвинитель посредствомъ особаго *lex* получалъ отъ претора оффиціальныя полномочія и снабжался особымъ удостовѣреніемъ или открытымъ листомъ, *litterae*, въ силу

---

[1]) Inst. § 1. de public jud (IV 18) Publica autem dicta sunt quod cuivis ex populo executio eorum plerumque datur.

[2]) *Cicero* in Verrem prim et. XIII: accusatores multos esse in civitate utile est ut metu contineatur audacia.—*Quintilianus* Inst. orat. lib. XIII, 7 «leges ipsae nihil valeant, nisi actores idonea voce munitae etsi poenas scelerum expectare fas non est, prope est scelera ipsa permissa sint».

котораго онъ могъ добывать нужные ему документы даже принудительными мѣрами [1]).

Процвѣтаніе народнаго обвиненія было тѣсно связано съ судьбою римской республики. По мѣрѣ того, какъ она клонилась къ упадку, ослабѣвало и затемнялось прежде чуткое сознаніе общественной пользы и гражданскаго долга, которое лежало въ основаніи этой системы преслѣдованія, что и должно было привести къ ея паденію. Уже въ эпоху Цицерона народное обвиненіе изъ побужденій патріотизма и рвенія къ общему благу сдѣлалось явленіемъ рѣдкимъ и необычнымъ. Выпадая на долю лишь громкихъ выдающихся дѣлъ политическаго характера, оно и въ нихъ не могло считаться вполнѣ безкорыстнымъ, такъ какъ удовлетворяло больше всего политическому честолюбію и служило лучшимъ средствомъ политической же карьеры. Что касается до всей массы обыкновенныхъ преступленій, то здѣсь, отчасти во избѣжаніе ихъ безнаказанности, за отсутствіемъ обвинителей (по правилу—*sine accusatore nullus reus*), обвинительное усердіе искусственно поддерживалось въ гражданахъ прямою своекорыстною выгодою. Гражданское народное обвиненіе оплачивалось: счастливаго обвинителя ожидала награда—или денежная (*praemium*) изъ имущества обвиняемаго, въ размѣрѣ ея $^1/_4$ части, или почетная въ видѣ разныхъ политическихъ привиллегій. Отсюда возникъ особый классъ профессіональныхъ обвинителей, которые жили преслѣдованіемъ и нерѣдко даже вели его по найму. Подъ именемъ *quadruplatores*, они скоро стали язвою римскаго форума, вызывая въ народѣ презрѣніе къ себѣ и своимъ занятіямъ, *quos non sine causa contempsit* [2]),—говоритъ Цицеронъ, характеризующій ихъ самыми отталкивающими чертами [3]).

Тѣ же свойства и репутацію, но въ сильнѣйшей степени, унаслѣдовали во времена Имперіи извѣстные *delatores*, обвинители—

---

[1]) Извѣстный историческій примѣръ такой *inquisitio*—обширное изслѣдованіе, которое Цицеронъ произвелъ въ Сициліи, въ процессѣ Верреса, прежде чѣмъ выступить противъ него съ обвиненіемъ на судѣ, *in judicio*.

[2]) *Cicero* in Verrem (divinatio).

[3]) Онъ считаетъ ихъ «кляузными дѣльцами», *causidici*, и отмѣчая, что эти преемники аѳинскихъ «сикофантовъ» составляютъ весьма низко стоящій классъ мелкихъ ходатаевъ, иронически называетъ ихъ «лаятелями на клепсидру», *latratores ad clepsydram*, а характеръ ихъ рѣчей «собачьимъ кряснорѣчіемъ», *canina eloquentia*.

Стояновъ. Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ стр. 46 и слѣд.

доносщики по профессіи. Для нихъ открылось широкое поприще вслѣдствіе всевозможнаго поощренія и развитія доносовъ и преслѣдованія по дѣламъ объ оскорбленіяхъ величества, *laesio majestatis*. Новое извращеніе народнаго обвиненія далеко оставило за собою предшествующее. «Появился пагубный родъ людей»,—говоритъ Монтескье,— «толпа обвинителей по ремеслу. Всякій, кто сое- «динялъ въ себѣ много пороковъ и дарованій, низкую душу и «духъ честолюбія, отыскивалъ обвиняемаго, осужденіе котораго могло «быть пріятно цезарю, то былъ путь къ почестямъ и богатству [1]). Наступило, по словамъ Тацита, такое положеніе вещей, что, «всѣ «боялись не только другъ друга, но даже безмолвныхъ и «неодушевленныхъ предметовъ, кровель и стѣнъ; бѣжавшіе отъ «преслѣдованія сами возвращались обратно, напуганные уже «тѣмъ, что поддались страху». Историческая справка о *delatores* имѣетъ особое значеніе въ вопросѣ о возникновеніи прокуратуры, потому что именно существованіемъ этой послѣдней нѣкоторые старые писатели объясняютъ благотворное отсутствіе въ новомъ мірѣ столь вредоноснаго явленія [2]). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что злоупотребленіе политическими обвиненіями въ императорскомъ Римѣ нанесло тяжкій ударъ самому институту народнаго преслѣдованія. Чтобы не прибѣгать къ ненавистнымъ, продажнымъ обвинителямъ, немногіе цезари, которые, подобно Нервѣ, Траяну и др., заботились о правосудіи, обращались въ процессахъ государственной важности къ способу, который напоминаетъ обвинительную дѣятельность аѳинскихъ публичныхъ ораторовъ. Императоръ или сенатъ назначали, обыкновенно изъ сенаторовъ, оффиціальнаго обвинителя для преслѣдованія передъ сенатомъ же отдѣльныхъ крупныхъ преступленій, особенно служебныхъ. Такой обвинитель былъ и слѣдователемъ, собирая въ предварительной стадіи процесса доказательства виновности, которую затѣмъ онъ же доказывалъ и на судѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Плиній и

---

[1]) *Montesquieu.* Esprit des lois. Liv. VI chap. 8.

[2]) Такъ *Монтескье* (Esprit des lois ib.) назвавъ учрежденіе прокуратуры «достойнымъ восхищенія», admirable, и охарактеризовавъ его новѣйшее призваніе, заключаетъ: «и поэтому занятіе доносами у насъ неизвѣстно» (de sorte que la fonction des delateurs est inconnue parmis nous).

Тацитъ, между прочимъ и по собственному опыту, такъ какъ они оба вмѣстѣ именно на указанномъ основаніи обвиняли въ вымогательствѣ Марія Приска, проконсула, разорившаго управляемую имъ Африку. Независимо отъ чрезвычайныхъ мѣръ, съ паденіемъ народнаго обвиненія и возрастаніемъ преступленій въ качествѣ и количествѣ, интересы общественной безопасности, постоянно и повсюду угрожаемой, настоятельно требовали такой новой организаціи уголовнаго преслѣдованія, которая соотвѣтствовала бы измѣнившемуся государственному быту и уже не зависѣла отъ случайностей или частнаго произвола. Надъ этимъ бытомъ, объединяя и подавляя его, возвышался абсолютизмъ императорскаго правительства, которое, сохраняя еще внѣшнія формы стараго строя, въ дѣйствительности привлекало къ себѣ всѣ гражданскія и общественныя функціи. Къ нему перешло отъ гражданъ и отправленіе суда, и уголовное преслѣдованіе. Взявъ это послѣднее въ свои сильныя руки, государственная власть въ сущности лишь воспользовалась идеей, найденною среди развалинъ республики. Начало оффиціальнаго преслѣдованія, *publicae sollicitudinis curae*, помимо участія частныхъ лицъ, оказалось настолько жизненнымъ и практичнымъ, что быстро составило могучій противовѣсъ старой обвинительной системѣ преслѣдованія, *per accusationem*. Появилась въ законахъ и быстро окрѣпла на практикѣ слѣдственная форма процесса, представлявшая собою полный розыскъ, *inquisitio*, въ которомъ по многимъ противо-общественнымъ преступленіямъ совмѣщались слѣдствіе и судъ. Розыскъ производился разными должностными лицами, въ Римѣ—префектами города (*urbi*) и полиціи (*vigilum*) и вмѣнялся въ обязанность правителямъ провинцій и ихъ чиновникамъ [1]). На ряду съ розыскомъ, между нимъ и чисто-обвинительнымъ преслѣдованіемъ сложилась третья форма, намѣченная впрочемъ довольно слабо и какъ бы незаконченная—*delatio* или *denuntiatio publicorum personarum*, преслѣдованіе посредствомъ извѣщенія или донесеній особо для того назначенныхъ должностныхъ лицъ [2]).

---

[1]) Novella 128 cap. 18.

[2]) Форма эта, подобно розыску, прямо противополагается обыкновенному иску обвинителя—accusator qui se inscripsit. Cod. L. VI § 2, de custod. reorum IX, 4) L. VII de accusat. et inscript. (IX, 2).

Въ разное время для всей имперіи или только для извѣстныхъ ея мѣстностей были учреждаемы должностные органы разныхъ наименованій, въ совокупности обозначенные родовымъ терминомъ *personae publicae*, съ полицейскимъ кругомъ вѣдомства, въ который входила розыскная, а отчасти и обвинительная дѣятельность. При большомъ различіи въ служебномъ положеніи и аттрибутахъ, всѣ они были обязаны наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и безопасностью, слѣдить за подозрительными людьми, собирать предварительныя свѣдѣнія о преступленіяхъ и улики виновности, и затѣмъ весь матеріалъ обвиненія, а также и задержанныхъ обвиняемыхъ передавать въ уголовный судъ, которому и послѣ того они же содѣйствовали въ обнаруженіи виновныхъ. Дѣятельность эта заимствовала свои черты какъ отъ ординарнаго обвинительнаго, такъ и отъ экстраординарнаго розыскнаго или слѣдственнаго процесса. Вчиная преслѣдованіе своими сообщеніями суду (*notoria*, *elogia*), указанные чиновники были свободны отъ всякихъ формальностей правильнаго древне-римскаго обвиненія. Но при этомъ они все-таки несли безусловную обязанность доказывать основательность возбужденнаго ими преслѣдованія; въ случаѣ его лживости судъ могъ подвергнуть ихъ личной отвѣтственности какъ за *calumnia*, наравнѣ съ простыми обвинителями изъ гражданъ [1]).

Изъ числа *personae publicae* слѣдующіе органы заслуживаютъ вниманія по своему значенію и опредѣленности сохранившихся о нихъ свѣдѣній: 1) *praefectus vigilum*, начальникъ столичной полиціи, имѣлъ непосредственную юрисдикцію по маловажнымъ проступкамъ, по другимъ же, болѣе значительнымъ, производилъ розыскъ и преслѣдованіе передъ судомъ *praefectus urbi* и другихъ высшихъ магистратуръ; 2) такъ называемые *agentes in rebus*, *curiosi* и *stationarii* (*nuntiatores*), подчиненные полицейскіе агенты; изъ нихъ *curiosi*, объѣзжая провинціи по большимъ дорогамъ (*cursus publicus*), задерживали преступниковъ и передавали ихъ въ судъ *praesides provinciarum*, а *stationarii*, въ началѣ учрежденные для Рима, въ вѣдѣніи *praefectus urbi*, были впослѣдствіи размѣщены по всей имперіи на постахъ, для охраненія общественнаго спокойствія и сообщенія кому слѣдуетъ о его нарушеніи [2]).

---

[1]) Cod. L. 1 de curiosis et station. (XVI 23) L. VI § 2 de custod. reor (IX, 4) *Dig.* L V § 1 de custod. et exh. reor (XLVIII 3): § 3 Ad. Sct. Turpillianum (XLVIII, 16).

[2]) Ad tuendam populariam quietem et ad referendum ei quid ubi agatur.—*Binding* p. 22.

3) *Irenarchae* (съ греческаго «князья, вожди мира»), установленные при Адріанѣ выборные муниципальные чиновники, имѣли назначеніемъ охранять общественный миръ, спокойствіе и нравственность и съ этою цѣлію возбуждать и уголовное преслѣдованіе [1]). Наконецъ 4) *defensores civitatum*, учрежденные въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр. для Восточной Имперіи, избирались собраніемъ почетныхъ горожанъ для общаго наблюденія за дѣятельностью чиновниковъ, въ томъ числѣ и судей, которымъ иренархи, кромѣ того, должны были передавать свѣдѣнія о преступленіяхъ и жалобы потерпѣвшихъ [2]).

Ни одно изъ перечисленныхъ учрежденій, однако-же, не удовлетворяло усложнившимся интересамъ уголовной репрессіи, и ни одно поэтому не было долговременнымъ. Въ поискахъ лучшей конструкціи государственнаго преслѣдованія, сдѣлавшагося первостепенною потребностію общежитія, законодательство и юриспруденція послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ все-таки остановились на извѣстныхъ издавна слѣдственныхъ или розыскныхъ пріемахъ процесса. Въ нихъ функціи обвинителя, слѣдователя и судьи, съ удобствомъ для полицейскихъ видовъ правительства, соединялись въ одномъ органѣ. Это соединеніе получило дальнѣйшее развитіе, а затѣмъ и преобладаніе въ послѣдующую эпоху.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ должностномъ лицѣ императорскихъ учрежденій, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи происхожденія прокуратуры склонны видѣть ея историческаго предка [3]). Родство, впрочемъ, ограничивается весьма немногими общими чертами, да названіемъ. Должностное лицо это, *Procurator Caesaris* или *Rationalis*, былъ собственно, въ качествѣ уполномоченнаго императора, не болѣе какъ управляющимъ его личными имѣніями въ провинціяхъ, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи цезаря. Охраняя денежные интересы императорской казны, прокураторъ собиралъ слѣдовавшіе съ нее подати и доходы и вообще явился представителемъ *фиска*, когда съ развитіемъ конфискаціи имѣній осужденныхъ въ пользу цезаря образовалось это понятіе. Будучи важными и близкими слугами властителя, прокураторы пользовались высокимъ положеніемъ и, постепенно расширяя свою власть,

---

Cod. De Irenarchis X, 75.—*Dig.* L. 18 § 7 de muner. et honor. (L, 4).

[2]) *Cod.* de defensor. civitatum I, 55. L. 6 и 7. Novella XV Praefatio. *Siccama, Ramm, Schenk, Garat, Delpon* и друг.

нерѣдко дѣлались даже настоящими правителями провинцій. На ряду съ прокураторами стояли *advocati fisci*, юрисконсульты и повѣренные казны по всѣмъ фискальнымъ дѣламъ. Прокураторы завѣдывали императорскими доменами, адвокаты фиска выступали за нихъ на судѣ, ведя процессы, касавшіеся доменъ [1]). Ни тѣ, ни другіе не имѣли никакихъ общеуголовныхъ обвинительныхъ обязанностей и, если производили преслѣдованіе, то исключительно фискальныхъ нарушеній [2]).

Такимъ образомъ древній міръ, какъ уже было выше упомянуто, не выработалъ и не зналъ института прокуратуры. Но уже и въ учрежденіяхъ древности, и еще болѣе въ юридическомъ сознаніи культурныхъ ея народовъ, нашли себѣ мѣсто и признаніе задатки этого необходимаго элемента современной юстиціи, а именно: преслѣдованіе преступленій *публичное*, т. е. во имя общественныхъ интересовъ; производство его въ извѣстныхъ случаяхъ *должностными* или вообще особо уполномоченными на то лицами; наконецъ появленіе въ судахъ, хотя и по частнымъ поводамъ, *повѣренныхъ государства* или его главы. Отъ древняго міра задатки эти, при посредствѣ римскаго права, достались въ наслѣдство и послѣдующимъ эпохамъ.

§ 7. **Уголовное преслѣдованіе въ средніе вѣка.—Фискалатъ.** [3]). Варвары, завоевавшіе Западную Римскую Имперію, принесли съ собою строго обвинительныя формы преслѣдованія и процесса, которыя встрѣтились съ подобнымъ же началомъ древне-римскаго судопроизводства. Правило: *Wo kein Kläger ist auch kein Richter*, было основаніемъ суда у всѣхъ германскихъ народовъ, водворившихся на Западѣ. А такъ какъ по ихъ же юридическимъ поняті-

---

[1]) Dig. de officio Procurat. Caes. vel rationalis (I, 19) Cod. de advoc fisci (II, 18).

[2]) Въ «Церковной исторіи» *Сульпиція Севера* дошло до насъ единственное указаніе на производство «адвокатомъ фиска» обще-уголовнаго преслѣдованія по порученію императора Максима, противъ епископовъ Присциллиана и Инстанція, за принадлежность къ сектѣ Гностиковъ. Но случай этотъ, повидимому, совершенно единичный, и въ немъ выборъ императора палъ на «адвоката фиска» случайно, какъ на одного изъ сановниковъ имперіи, нерѣдко исполнявшихъ подобныя порученія (*Garat*).

[3]) Кромѣ источниковъ перечисленныхъ выше (стр. 40 прим. 2) *Duboys*. Histoire du droit criminel des peuples modernes. *Meyer*. Esprit origine et progrès des institutions judiciaires 1819 T. II. *Maurer*. Geschichte des altgermanischen Gerichtsverfahren. *Ortloff*. Der fiscaliche Strafprocess 1859. *Esmein*. Histoire de la procedure criminelle en France et spécialement de la procedure inquisitoire 1882.

ямъ обвиненіе всецѣло принадлежало частному лицу, потерпѣвшему отъ преступленія, то и не было почвы для обвиненія должностнаго.

Въ средневѣковомъ процессѣ публичные обвинители не могли появиться еще и потому, что съ одной стороны большая часть тяжебъ и споровъ между феодалами разрѣшалась оружіемъ, а съ другой, въ господствующей системѣ формальныхъ доказательствъ, посредствомъ суда Божьяго и ордалій, не было мѣста дѣятельности должностнаго обвинителя. «Не нашлось бы охотниковъ»— замѣчаетъ французскій историкъ судебной власти—«для должно-«сти, которая обязывала бы выступать въ бой (*en champ clos*) со «всякимъ обвиняемымъ» [1]). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ королевская и феодально-княжеская власть усиливалась до значенія государственной, *Landesobrigkeit*, а преступленія, возрастая числомъ, становились опаснѣе и вреднѣе, возникло представленіе о томъ, что многія изъ нихъ нарушаютъ законный «земскій миръ» (*Landes - Rechtsfrieden*), защита котораго лежитъ на властителѣ. Вслѣдствіе этого, въ случаѣ недостатка частныхъ обвинителей, преслѣдованіе преступленій общеопаснаго характера возлагалось, въ видѣ исключенія, на должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ охраненіемъ мира, иногда на одного изъ чиновъ мѣстнаго судебнаго установленія. Таковы были при Каролингахъ обязанности графовъ, *comes*, и въ особенности ихъ ближайшихъ помощниковъ по полицейской части, *centenarii*, *sculteti* (на старонѣмецкомъ нарѣчіи— *Schultheiss*), которые завѣдывали обнаруживаніемъ болѣе важныхъ преступленій [2]). Когда же непосредственные народные суды «свободныхъ людей», *boni homines*, *rachimburgii*, замѣнились постоянными судейскими коллегіями шеффеновъ (*scabini*, *echevins*), то одинъ изъ этихъ выборныхъ представителей власти и населенія выступалъ и обвинителемъ тяжкихъ преступленій [3]), остававшихся безгласными. Впослѣдствіи, въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ отдѣльныхъ германскихъ владѣніяхъ встрѣчается временное назначеніе

---

[1]) *Henrion de Pansey.* Da l'autorité judiciaire.

[2]) Лангобардскіе законы упоминаютъ о *scultetus* или *guastaldius regius* какъ о публичномъ обвинителѣ (*Keller* 5) *Garat* считаетъ такимъ же обвинителемъ у визиготовъ «саіона», *saio*, но по мнѣнію *Ortolan et Ledeau* онъ былъ только исполнителемъ судебныхъ приговоровъ. (Т. I, p. XXII), III ср. *Fabre* p. 244, 245.

[3]) Это въ особенности практиковалось въ получившихъ съ 13 столѣтія большое значеніе вестфальскихъ свободныхъ тайныхъ судилищахъ, *Vehmgerichte*, гдѣ обвинителемъ обыкновенно являлся одинъ изъ его членовъ, *Freischöffe*.

особыхъ чиновниковъ для преслѣдованія дѣяній, въ изобличеніи и наказаніи которыхъ государство или городская община считали себя заинтересованными [1]).

Около того же времени на всемъ пространствѣ Западной Европы постепенно вырабатывается новый порядокъ отправленія уголовнаго правосудія; совершается переходъ отъ прежнихъ обвинительныхъ принциповъ и формъ къ слѣдственному, инквизиціонному процессу, построенному прежде всего на оффиціальномъ преслѣдованіи. Побуждаемые необходимостью, приходятъ къ нему законодатели и практики, сначала въ смыслѣ изъятія изъ общаго порядка, *modus procedendi extraordinarius*, которое затѣмъ крѣпнетъ вмѣстѣ съ государственною властью и расширяется при помощи ея воздѣйствія. Соотвѣтствующее понятію о преступленіи, какъ о дѣяніи, противномъ миру божескому и гражданскому, выгодное правительству, въ вѣдѣніе котораго оно отдаетъ могучее внутреннее орудіе, преслѣдованіе *ex officio* оказывается удобнымъ и для частныхъ лицъ; оно избавляетъ ихъ отъ хлопотъ и опасностей обвиненія, вмѣсто котораго можно ограничиваться простымъ доносомъ, предоставляя властямъ все дальнѣйшее. Здѣсь не мѣсто излагать ходъ и фазисы развитія этой формы судопроизводства, быстро овладѣвшей всею областью уголовнаго правосудія и дожившей до нашихъ дней. Согласно нашей ближайшей задачѣ лишь отмѣчать болѣе явственные зачатки прокуратуры, мы ограничимся указаніемъ, что должностное преслѣдованіе въ средневѣковой Европѣ было въ значительной степени обусловлено ростомъ и значеніемъ канонической юстиціи, съ ея началомъ высшаго и отвлеченнаго интереса въ обнаруженіи и наказаніи преступленій, въ противоположность частному интересу обвинительнаго процесса. Уже въ XII вѣкѣ въ церковныхъ судахъ, постоянно стремившихся распространять свою юрисдикцію на возможно большій кругъ лицъ и дѣяній, на ряду съ первоначальнымъ древне-римскимъ частнымъ обвиненіемъ, *accusatio*, стояли доносъ или искаженное публичное обвиненіе, *denuntiatio*, и должностной розыскъ, *inquisitio* [2]).

---

[1]) *Keller*. Таковъ былъ *Malefizprocuratur* въ Пфальцѣ. *Ramm*, *Esmein* p. 312.

[2]) Въ каноническихъ постановленіяхъ-декреталіяхъ знаменитаго папы-законовѣда, Иннокентія III говорится: Tribus modis valet crimen opponi: denuntiando, excipiendo et accusando;—tribus modis procedi possit: per accusationem, per denuntiationem et per inquisitionem. (Decr. Gregorii Lib. V cap. XVI и XXXI.

Признаніе и примѣненіе этихъ трехъ способовъ производства юстиціи церкви заимствовала у римскаго права императорскаго періода и, въ свою очередь, передала ихъ свѣтскому правосудію, въ которомъ они восполнили существенный и весьма ощутительный пробѣлъ отъ недостатка въ обвинителяхъ. Въ дѣлахъ о важнѣйшихъ религіозныхъ преступленіяхъ, о ересяхъ, кощунствѣ, колдовствѣ и проч., каноническое право, въ предупрежденіе безнаказанности, логически должно было остановиться на оффиціальномъ преслѣдованіи, безъ котораго изобличеніе оскорбленій вѣры было бы немыслимо. Если, развивая до крайности такое преслѣдованіе, церковный судъ дошелъ до ужасовъ инквизиціи, то это было послѣдствіемъ фанатизма и многихъ другихъ условій времени, жестокаго и смутнаго, которыя, однако же, не помѣшали тому, что было въ этомъ процессуальномъ началѣ живаго и полезнаго, плодотворно повліять на общую постановку правосудія. Впослѣдствіи инквизиціонный процессъ не устоялъ передъ наплывомъ новыхъ идей прогресса и гуманности, но должностное преслѣдованіе осталось, пріобрѣтя обвинительный органъ въ прокуратурѣ. Нѣчто ей подобное существовало уже и въ каноническихъ судахъ (*cours de chrétienté*). Въ составъ ихъ, подъ главенствомъ духовнаго судьи—*оффиціала*, входилъ *promator inquisitionis* или *promovens inquisitionem*, носившій также громкій титулъ *vindex publicus religionis*, исполнявшій часто прокурорскія обязанности [1]). Онъ предлагалъ суду доносы и заявленія, *denuntiatio evangelica*, наблюдалъ за розыскомъ, требовалъ того или другого наказанія и даже имѣлъ право переносить рѣшонныя дѣла въ высшую инстанцію. Въ Испаніи такой *promator fiscal* появился въ началѣ XV вѣка въ судахъ инквизиціи, гдѣ онъ игралъ выдающуюся роль въ преслѣдованіи еретиковъ. Впрочемъ регулярная и повсемѣстная дѣятельность этихъ церковныхъ прокуроровъ относится къ сравнительно позднѣйшему періоду канонической юстиціи, когда во Франціи уже прочно организовалась и свѣтская прокуратура [2]).

Сверхъ сказаннаго, въ историческомъ развитіи средневѣковыхъ учрежденій вообще два явленія имѣютъ существенное значеніе для генезиса прокуратуры. Это во 1-хъ, заимствованное у римлянъ

---

[1]) *Фойницкій.* Курсъ I § 17, стр. 45.

[2]) *Fabre* p. 267.—*Esmein* p. 249.

представительство фискальныхъ интересовъ короны или государства и во 2-хъ, окончательная побѣда розыскнаго процесса надъ обвинительнымъ, который уже въ XVI столѣтіи въ Уголовномъ Уложеніи Карла V (Каролина) является теоретическою формой безъ дѣйствительнаго содержанія. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ факторовъ возникли немногіе проблески прокурорскаго института въ Италіи и въ имперскихъ странахъ. Еще въ капитуляріяхъ Меровинговъ, а потомъ и Карла Великаго и его преемниковъ, упоминается о фискальныхъ чиновникахъ, *actores* или *exactores regis*, *dominici* или *fisci*, которые, будучи прямыми преемниками римскихъ прокураторовъ и адвокатовъ фиска, оберегаютъ выгоды и ведутъ имущественныя дѣла казны и монарха. Затерявшись потомъ среди феодальной пестроты и розни или превратившись въ простыхъ частныхъ управляющихъ сюзереновъ-собственниковъ, они появляются вновь при успѣхахъ правительственной централизаціи, уже облеченные положеніемъ и полномочіями государственнаго характера. Въ Италіи, XIII столѣтіе застаетъ въ Венеціи вполнѣ организованное учрежденіе городскихъ стряпчихъ (*avogadori di commune*); позднѣе въ большихъ городахъ, Римѣ, Неаполѣ, Миланѣ, Флоренціи, дѣйствовалъ уполномоченный государства передъ судомъ (*consevatore di leggi*, *procurator fiscal etc.*), участвующій, какъ сторона, и въ уголовныхъ дѣлахъ [1]). Въ концѣ XVIII вѣка герцогъ Леопольдъ Тосканскій, въ числѣ другихъ судебно-уголовныхъ преобразованій, ввелъ въ своихъ владѣніяхъ институтъ *коронныхъ фискаловъ*, представлявшихъ передъ судебной властью не только коронные, но и обще-государственные интересы и въ этомъ послѣднемъ качествѣ наблюдавшихъ за производствомъ уголовныхъ дѣлъ. Въ Германіи такіе уполномоченные казны составили учрежденіе *фискалата*, существовавшее до начала нынѣшняго столѣтія, а въ скандинавскихъ государствахъ дѣйствующее и до сихъ поръ. Для защиты казенныхъ дѣлъ преимущественно финансоваго свойства при «имперскомъ каммергерихтѣ» и въ большей части отдѣльныхъ нѣмецкихъ территорій состояли фискалы, между которыми различались *advocatus* и *procurator fisci*. Одинъ изъ нихъ велъ письменную часть процесса, предоставляя

---

[1]) *Esmein* p. 291, 292.—*Frey* p. 227, 228.

другому устное ходатайство передъ судомъ [1]). Въ сферѣ собственно уголовной дѣятельности фискалы первоначально вѣдали преслѣдованіе однихъ фискальныхъ нарушеній, а другими занимались случайно и въ видѣ исключенія, по особен ному порученію правительства. Но, когда въ борьбѣ между обвинительнымъ и розыскнымъ, частнымъ и оффиціальнымъ началами процесса, выяснилась надобность какъ-нибудь согласить ихъ ради примиренія старыхъ традицій съ новыми требованіями правосудія, то формою такого соглашенія послужилъ такъ называемый смѣшанный процессъ, *processus mixtus*, а средствомъ — участіе въ немъ фискала, въ качествѣ должностнаго обвинителя. Партикулярныя нѣмецкія законодательства воспользовались готовымъ институтомъ фискалата для того, чтобы по всѣмъ или только по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ поручать ему веденіе преслѣдованія — *die Nothdurft accusandō zu wahren*, какъ опредѣлительно выражается Гессенское уголовное уложеніе въ XVIII-мъ столѣтіи. Наиболѣе цѣльно и ясно было такое назначеніе фискаловъ въ Гессенѣ, гдѣ они производили преслѣдованіе важныхъ преступленій, и въ курфиршествѣ Бранденбургскомъ [2]), гдѣ фискалату присвоено было даже право надзора за судами, не развившееся, по словамъ Савиньи, вслѣдствіе того, что сами судьи признавались преимущественными и истинными органами монаршей воли. Въ общемъ германскій фискалатъ не выработался въ постоянную и настоящую прокуратуру, хотя къ XIX столѣтію и усвоилъ себѣ весьма многія черты ея современной структуры. Произведеніе компромисса, въ видѣ послѣдней уступки вытѣсняемому состязательному процессу, обвинительная дѣятельность фискалата не могла удержаться противъ завоеваній письменности и розыскнаго начала. Сведеніе всей процедуры къ письменнымъ актамъ судьи—слѣдователя дѣлало ненужнымъ участіе особаго обвинителя, задача котораго вмѣстѣ съ задачею защиты исполнялась судомъ. Мало по малу уголовная функція фискаловъ превратилась въ безсодержательную формальность, а вслѣдъ за тѣмъ и вовсе была отмѣнена (въ Пруссіи напр. въ 1809 г.).

---

[1]) *Keller* s. 9, 10. *Frey* s. 7. *Ortloff* 1—15.

[2]) Corpus juris Fredericianum. Die Allgemeine Gerechtsordnung 1793.

Германская доктрина, склонная и въ юриспруденціи къ націонализму, придаетъ фискалату не только историко-юридическое, но и, такъ сказать, патріотическое значеніе. Оно выдвигается для объясненія и оправданія несомнѣннаго факта подражанія французскому образцу при устройствѣ новой германской прокуратуры. Основываясь на сходствѣ нѣмецкаго фискалата съ французской до-революціонной прокуратурой, нѣмецкіе изслѣдователи не безъ гордости утверждаютъ, что онъ кружнымъ путемъ черезъ Францію возвратился въ Германію, свое первоначальное отечество. Едва ли, впрочемъ, такое притязаніе основательно. Сходство, даже подобіе учрежденій, объясняемое одинаковыми условіями происхожденія, не доказываетъ еще ни ихъ преемственности, ни даже взаимнаго вліянія. Историческая связь самостоятельно возникшей французской прокуратуры съ нѣмецкимъ фискалатомъ рѣшительно ничѣмъ не подтверждается и болѣе чѣмъ гипотетична. Напротивъ того, первая и притомъ полная разработка новѣйшаго типа прокуратуры несомнѣнно принадлежитъ Франціи, у которой его заимствовала и Германія.

Къ средневѣковой исторіи прокурорскаго учрежденія должно быть отнесено и развитіе ея во Франціи съ XIV вѣка до эпохи Наполеонскаго законодательства. Но этотъ важнѣйшій для происхожденія современной прокуратуры историческій моментъ требуетъ болѣе подробнаго изложенія уже по тому, что ея прямымъ родоначальникомъ дѣйствительно былъ и признается всѣми именно *ministère public*, королевскіе прокуроры и адвокаты старой королевской Франціи. Среди французской юстиціи появилось новое, по выраженію Ф. Эли, «сильное и дѣятельное начало; изъ обломковъ средневѣко-«ваго строя возникло юное и крѣпкое учрежденіе прокуратуры, «которое не замедлило сообщить уголовному правосудію дотолѣ «несвойственную ему силу» [1]).

---

[1]) *F. Helie* § 74 № 360.

ГЛАВА II.

ПРОКУРАТУРА ВО ФРАНЦІИ ДО НАПОЛЕОНА I [1].

§ 8. Происхожденіе и развитіе. § 9. Устройство до-революціонной прокуратуры. § 10. Дѣятельность до-революціонной прокуратуры. § 11. Прокуратура въ революціонный періодъ.

§ 8. Происхожденіе и развитіе. Французская прокуратура возникла изъ потребностей и интересовъ королевской власти; съ ея постепеннымъ усиленіемъ и ростомъ связано все историческое развитіе этого учрежденія. На такое происхожденіе указываетъ и самое названіе его членовъ въ до-революціонный Франціи: «*люди короля*», его слуги и агенты, *gens du roi*, *gentes regis* (gentes Nostrae въ ордонансахъ XIV столѣтія). До конца XIII вѣка всѣ мѣстные

---

[1]) Главнѣйшіе источники: а) французскіе: *Delpon* I liv 6, II liv 7, 8. *Meyer* III chap. 15, 17, V chap. 7. *Ortolan et Ledeau* I. introd. *F. Helie* §§ 74, 101—103 и друг. *Fabre*. p. 273—275. *Esmein* chap. II p. 100 и др. *Dalloz* Répertoire XXXII p. 2. *Merlin*. Répertoire XX p. 214. *Henrion de Pansey*. Oeuvres judiciaires. 1843. De l'autorité judiciaire ch. IV p. 541. *Pardessus*. Essai historique sur l'organisation judiciaire etc. 1851 p. 190. *Bécot*. De l'organisation de la justice repressive etc. 1860. *Duboys*. Histoire du droit criminel de la France 1874. *Mangin*. Traité de l'action publique 1844, 2 ed. I p. 6. *Le Sellyer*. Traité de l'exercice et de l'extinction des actions publique et privée. 1874 I p. 10—18. *Schenk*. Traité sur le ministère public 1813 I p. 17. *Thezard* Le ministère public p. 10. *Frerejouan du Saint*. Le ministère public, aperçu historique 1875. *Debacq*. De l'action du ministère public en matière civile 1867 p. 5. *Merilhou*. Les parlements de France 1863. *Desmaze*. Le parlement de Paris 1863. Le Chatelet de Paris 1863. *Lebon*. Des principaux magistrats du parquet aux Parlements 1865. *Berriat S-t Prix*. La justice revolutionnaire 1870. *Campardon*. Le tribunal revolutionnaire de Paris 1866. б) Нѣмецкіе: l. c. *Biener, Maurer*; изслѣдованія о прокуратурѣ: *Ramm, Siccama, Frey, Sundelin, Keller, Holtzendorf*; руководства: *Mittermaier*, I p. 331. *Zachariae* I § 33. *Holtzendorf*. *Ullmann, Glaser, Warnkönig* und *Stein*. Französiche Staats und Reihtsgeschichte 1846 I p. 427, 566, III p. 387, 483.

дѣла и интересы короля—собственника и сюзерена другихъ феодальныхъ собственниковъ, вѣдали особые его чиновники: *бальи* (*baillis*) на сѣверѣ, *сенешалы* (*senechaux*) на югѣ Франціи. Они были управляющими и довѣренными короля и въ этомъ качествѣ носили титулъ *gentes regis*. Къ началу XIV столѣтія, положеніе и составъ ихъ сдѣлались недостаточными для успѣшнаго охраненія и представительства всѣхъ правъ короны. Ея матеріальные интересы, расширяясь, усложнялись и нерѣдко требовали, для юридической ихъ защиты, такихъ спеціальныхъ знаній и трудовъ, которые оказывались обременительны или недоступны бальи и сенешаламъ. Помимо слишкомъ обширнаго круга занятій, имъ недоставало и нужныхъ свѣдѣній, такъ какъ обыкновенно они назначались изъ среды несвѣдущаго въ правѣ феодальнаго дворянства. Кромѣ того уже при Людовикѣ Святомъ замѣчается стремленіе бальи и сенешаловъ къ усвоенію опредѣленныхъ должностныхъ функцій; изъ простыхъ агентовъ короля они становятся въ сферѣ управленія—главными администраторами, а въ сферѣ суда — настоящими судьями, единственно компетентными для дѣлъ, привлеченныхъ въ королевскую юрисдикцію подъ именемъ *cas royaux*, число которыхъ постоянно возрастало. Сдѣлавшись судьями, бальи и сенешалы не могли уже являться въ тоже время и стороною, представлять частные интересы короля предъ собственнымъ своимъ судомъ отъ его имени. Это противорѣчило бы основнымъ понятіямъ средневѣковаго права, которое въ дѣлахъ имущественныхъ, а слѣдовательно и фискальныхъ, не отличало короля отъ прочихъ собственниковъ. Тогда для достиженія цѣлей королевской власти возникла двойная надобность: дать королевскимъ органамъ въ лицѣ бальи и сенешаловъ знающихъ помощниковъ и совѣтниковъ—*легистовъ* (*conseil*) и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить судебное представительство королевскихъ интересовъ посредствомъ порученія его особымъ повѣреннымъ короны. Удовлетвореніемъ этой потребности и послужило назначеніе королевскихъ прокуроровъ и адвокатовъ, *procureurs et avocats du roi*, къ которымъ и перешло названіе *gens du roi*, принадлежавшее затѣмъ французской прокуратурѣ до самой революціи. Первоначально королевскіе прокуроры были такими же временными и случайными повѣренными короля, какихъ могли имѣть и другіе кліенты. Уже въ XIII столѣтіи при различныхъ судахъ состоялъ многочисленный классъ стряпчихъ,

procurateurs (названіе сократившееся въ *procureurs*), изучившихъ законы и отличавшихся особою длинною одеждой (*hommes de robe longue*). Они принимали на себя, на основаніи постановленій римскаго права, веденіе судебныхъ дѣлъ тяжущихся, особенно феодальныхъ владѣтелей, которые не могли лично дѣйствовать въ судахъ. Среди лучшихъ людей этого класса сталъ и король выбирать своихъ повѣренныхъ, о которыхъ вскользь упоминается уже въ памятникахъ второй половины XIII вѣка [1]). Такіе же повѣренные были нужны ему и при судахъ высшей юрисдикціи, парламентахъ, съ тѣхъ поръ, какъ они выдѣлились изъ странствующаго верховнаго суда, *cour du roi*, разъѣзжавшаго вслѣдъ за королемъ, и осѣдло основались въ нѣсколькихъ городахъ. Рядомъ съ *прокурорами*, занимавшимися письменною частью процесса, стояли *адвокаты*, устные защитники правъ своего кліента передъ судомъ, еще дѣйствовавшимъ въ порядкѣ состязательнаго процесса. Это раздѣленіе функцій, вошедшее и въ королевскую прокуратуру, въ своемъ первобытномъ видѣ есть въ сущности тоже самое различіе, которое въ нынѣшней французской адвокатурѣ отдѣляетъ *avoués*, стряпчихъ, отъ адвокатовъ [2]).

Прокуроры и адвокаты короля сдѣлались настоящими должностными лицами, принадлежащими къ составу магистратуры только въ XIV столѣтіи. Въ этомъ смыслѣ основателемъ французской прокуратуры принято считать Филиппа IV Красиваго, такъ какъ при немъ судебное представительство короны, посредствомъ особыхъ органовъ, фактически существовавшихъ и раньше, было впер-

---

[1]) По свидѣтельству *Delamarr*'а (Traité de la police), они дѣйствовали уже при Филиппѣ-Августѣ. См. также *Schenk* I p. 17. *Pardessus* p. 191. При Филиппѣ III Смѣломъ, въ 1271—1287 гг., при судѣ королевскаго сенешала въ Каркассонѣ состояли королевскіе прокуроры, которые выслушивались судомъ и принимали отъ частныхъ лицъ заявленія о неправосудіи.—*Delpon* I p. 371. *Duboys* II p. 29.—О королевскихъ прокурорахъ при парламентахъ (*gentes et procuratores regis*) говорится въ сборникѣ «*Olim*» въ рѣшеніяхъ за 1256—1296 гг. *Maurer* p. 147. *Biener* p. 198—270. Это первые еще весьма неясные историческіе слѣды, если не учрежденія прокуратуры, то ея зачатковъ и наименованія.

[2]) Первоначально только король и сюзерены могли вести судебныя дѣла черезъ повѣренныхъ; затѣмъ, когда и частныя лица получили это право, полное судебное представительство осталось все-таки только прерогативой короля, прокуроры котораго выступали за него передъ судомъ отъ своего имени. Отсюда старофранцузское юридическое изрѣченіе: «*nul ne plaide en France par procureur, hormis le roi*».

вые организовано закономъ. Въ ордонансѣ 25 марта 1302 г., первомъ по времени законодательномъ памятникѣ прокуратуры, опредѣляется положеніе постоянныхъ королевскихъ прокуроровъ при 3-хъ тогдашнихъ парламентахъ, въ Парижѣ, Турѣ и Руанѣ и при судахъ бальи и сенешаловъ Будучи уже должностнымъ, оно еще не разстается съ общею процессуальною отвѣтственностью частной стороны; такъ, принося присягу на вѣрность королю, его прокуроры даютъ и обычную, изъ римскаго права заимствованную, клятву истца въ добросовѣстной основательности иска (*juramentum calumniae*). Имъ запрещается вести дѣла частныхъ лицъ, а для содѣйствія въ королевскихъ дѣлахъ разрѣшается на свой счетъ брать себѣ помощниковъ, *субститутовъ*, не носящихъ еще никакого должностнаго званія. Въ то же время при парламентахъ появляются и первые королевскіе адвокаты [1]).

Съ тѣхъ поръ прокуратура прочно водворилась при всѣхъ высшихъ органахъ королевской юстиціи, (*parlements, baillages, senechaussées* и *prevotées*). По образцу ея дѣйствовали и при патримоніальныхъ судахъ феодальныхъ владѣтелей соотвѣтствовавшіе «людямъ короля» *gens du seigneur*; подобное же значеніе имѣли при каноническихъ судахъ епископовъ упомянутые выше *promotores inquisitionis*. Рядъ послѣдующихъ законовъ, съ XIV по XVII столѣтіе, завершившійся уголовнымъ ордонансомъ Людовика XIV, постепенно установлялъ ближайшимъ образомъ устройство, права и обязанности французской прокуратуры [2]). Законы эти имѣли характеръ ретроспективный. По замѣчанію Фостена Эли, они скорѣе регламентировали порядокъ уже существующій, чѣмъ вводили новый. Практика опережала законодательство и вырабатывала различныя черты прокурорскаго учрежденія раньше признанія ихъ

---

[1]) *Ordonance* 1302 art. 15, 20, 35 etc. Первымъ королевскимъ прокуроромъ при парижскомъ парламентѣ былъ *Guillaume de la Magdeleine*, а первыми королевскими адвокатами —*Pierre de Cugneres et Jean Pastouret.—Desmaze.* Le Parlement de Paris p. 409. *Merlin.* (Garat) p. 214 etc.

[2]) Важнѣйшіе для исторіи прокуратуры королевскіе ордонансы и эдикты: 1498, 1499, 1536, 1539, 1553, 1559, 1560, 1563, 1586 гг.—Со временъ Людовика XIV въ большей части парламентовъ издавались особые регламенты для прокуратуры, распредѣлявшіе обязанности между ея членами. У *Ortolan et Ledeau* (introd. p. XLVI) приведенъ одинъ такой регламентъ 1684 г. для Бретани, весьма напоминающій современныя инструкціи прокурорскому надзору,

закономъ [1]). Такъ, первый законъ объ устройствѣ прокуратуры, какъ должностнаго органа, относится къ 1586 г., тогда какъ она до этого существовала уже болѣе двухъ столѣтій. Начала прокуратуры не прививались, однакоже, сразу и безпрекословно. Они слишкомъ расходились съ частно-обвинительными принципами классическаго процесса и древняго права Франціи, вслѣдствіе чего долго не встрѣчали сочувствія со стороны привычныхъ къ старинѣ юристовъ. Знаменитый канцлеръ Франциска I, Лопиталь, *l'Hopital*, находилъ должность «людей короля» ненужною во Франціи и, приводя одобрительно этотъ отзывъ, писатель-практикъ конца XVI столѣтія Эро (*Ayrault*) не безъ плохо скрытаго недовѣрія относится къ чинамъ королевской прокуратуры [2]). «Все «чего ждутъ отъ нихъ», замѣчаетъ онъ—«ограничивается заклю«ченіями по существу дѣлъ (*en fin de cause*). Но еслибы даже они «не исполнили этой обязанности, неужели судья пренебрегъ бы сво«ей»? Тѣмъ не менѣе, несмотря на противодѣйствіе, новыя условія государственнаго строя и измѣнившіяся потребности общежитія сдѣлали свое дѣло. Развитіе прокуратуры шло настолько безостановочно, что къ началу XVII столѣтія она уже окончательно сложилась въ мощное государственное установленіе, съ ясно обрисованными обязанностями и обширнымъ кругомъ дѣйствія въ сферѣ судебнаго управленія и репрессіи. Отъ первоначальной постановки учрежденія шагъ былъ громадный и превращеніе глубокое, но и вполнѣ естественное. Пока король былъ только собственникомъ доменовъ и сюзереномъ своихъ вассаловъ—и прокуроръ его являлся простымъ фискальнымъ повѣреннымъ короны; когда же королевская власть сдѣлалась центромъ и носительницею государственныхъ и общественныхъ интересовъ, въ правовой области быстро утвердилось сознаніе, что охраненіе повсюду общаго мира и спокойствія должно исходить отъ короля, на которомъ, поэтому, лежитъ и наблюденіе за исполненіемъ законовъ и преслѣдованіе ихъ нарушителей. Для осуществленія этого королю нужны были уполномоченныя имъ лица, а такъ какъ частные интересы его уже стали совпадать съ публичными, то повѣренный первыхъ, королевскій прокуроръ,

---

[1]) *F. Hélie.* № 372.

[2]) *Ayrault.* L'ordre, formalité et instruction judiciaire etc. 1591 liv. II № 22.

сдѣлался и органомъ вторыхъ. Такъ совершилась необходимая эволюція въ задачахъ прокуратуры: огражденіе закона и уголовное преслѣдованіе совмѣстились въ ея функціи съ фискальнымъ представительствомъ, отодвинувъ его, по относительной важности предметовъ, на задній планъ. Исходный пунктъ былъ въ сущности одинъ и тотъ же, и цѣли въ концѣ-концовъ сливались; преслѣдуя преступленія и возстановляя законный порядокъ, прокуратура тѣмъ самымъ охраняла права и исполняла обязанности королевской власти; дѣйствуя же въ личныхъ ея интересахъ, она стремилась и къ благу общему. Въ этомъ новомъ элементѣ, проникшемъ въ юридическія формулы XIV и XVI столѣтій, Ф. Эли усматриваетъ «истинный источникъ прокуратуры» [1]). Въ тѣсной связи съ ея начальнымъ призваніемъ, еще и другія обстоятельства способствовали его расширенію. Королевскіе прокуроры имѣли попеченіе о правильномъ поступленіи доходовъ короля, значительная часть которыхъ слагалась изъ денежныхъ взысканій за многія преступленія, поэтому и преслѣдованіе послѣднихъ относилось къ фискальной дѣятельности прокуратуры. Наконецъ, ея участія въ уголовной репрессіи потребовали также происшедшія измѣненія и въ самой структурѣ уголовнаго процесса. Въ противоположность прежней строгой обвинительной формѣ, наиболѣе частымъ поводомъ къ начатію дѣла стало служить вмѣсто обвиненія безотвѣтственное для частнаго лица извѣщеніе судьи о преступленіи (*denonciation*), а собираніе и повѣрка доказательствъ производились уже путемъ оффиціальнаго изслѣдованія (*enquête*). Для того и для другого понадобилась энергическая и притомъ обязательная инициатива и такое должностное наблюденіе, которое бы побуждало и направляло инквирента. За отсутствіемъ частнаго обвинителя нужно было нѣчто, хотя отчасти его замѣняющее, сообразно новымъ процессуальнымъ понятіямъ. Все это старо-французское право нашло въ постановкѣ и развитіи прокурорской дѣятельности на почвѣ наблюденія за охраненіемъ законовъ и уголовнаго преслѣдованія.

§ 9. Устройство до-революціонной прокуратуры. Въ подробностяхъ этой постановки, при всемъ ея своеобразіи, уже содержатся главнѣйшія черты современнаго учрежденія, и притомъ въ комбинаціяхъ и проявленіяхъ, не лишенныхъ стройности, силы и величія. Воз-

[1]) *F. Hélie* № 368, 369.

никшее не столько изъ законодательнаго импульса, сколько путемъ историческаго и бытоваго наслоенія, институтъ *gens du roi* не отличался единствомъ и цѣльностью своего устройства. Прокуратура, не имѣя особаго начальника, кромѣ канцлера (*Chancelier de France*), общаго номинальнаго главы судебнаго вѣдомства, распредѣлялась по парламентамъ (*cours souveraines*) и низшимъ судамъ (*sieges inférieurs*) отдѣльными, между собою несплоченными корпораціями. Фактическая связь не была крѣпка даже между прокурорскими чинами одного и того же округа (*ressort*), хотя она и предполагалась въ теоріи, выводившей все учрежденіе изъ юридической личности короля. Это высказывалось и въ техническихъ формулахъ, обращаемыхъ къ суду: члены прокуратуры писали и говорили отъ имени короля (*«je requiers pour le roi, je n'entends empecher* или *j'empeche pour le roi»*), а въ торжественныхъ случаяхъ выражались всегда въ первомъ лицѣ множественнаго числа (*«nous»*). При обращеніи къ нимъ въ собраніяхъ и засѣданіяхъ ихъ называли: *«Messieurs les gens du roi»*; при представленіяхъ in corpore королю они преклоняли передъ нимъ колѣна съ словами: *Sire, ce sont vos gens.* При каждомъ парламентѣ состоялъ генералъ-прокуроръ, *procureur général*, съ нѣсколькими генералъ-адвокатами, *avocats généraux*, и субститутами; при судахъ низшаго ранга по одному королевскому прокурору *procureur du roi*, также съ королевскими адвокатами, *avocats du roi*, и субститутами. Юридически, во главѣ каждаго отдѣльнаго прокурорскаго учрежденія или «паркета» (*parquet*) [1]) стоялъ его прокуроръ, и всѣ прокурорскіе чины парламентскаго округа подчинялись генералъ-прокурору, какъ главному представителю короля; вслѣдствіе этого всѣ подчиненные дѣйствовали отъ его имени (*pour le procureur général*). Но такое подчиненіе было слабое и болѣе почетное, чѣмъ реальное (*superiorité d'honneur*). Въ извѣстныхъ случаяхъ прокуроръ-начальникъ былъ даже связанъ преобладающимъ мнѣніемъ другихъ членовъ паркета, изъ которыхъ генералъ и королевскіе адвокаты составляли какъ-бы его совѣтъ. По гражданскимъ дѣламъ онъ не имѣлъ права дѣйствовать безъ соглашенія съ ними, подъ опасеніемъ штра-

[1]) Совокупность людей короля получила перешедшее затѣмъ на весь институтъ названіе *parquet* отъ особаго помѣщенія съ деревянной рѣзьбой и мозаичнымъ поломъ (*parc de menuiserie*), которое занимала прокуратура при парижскомъ парламентѣ. *Desmaze.* Le Parlement de Paris p. 206.

фа или платежа убытковъ. Согласно основному различію между прокурорами и адвокатами, и въ средѣ «людей короля» первые вѣдали письменную часть и несли судебно-административныя обязанности, вторые же «пледировали», т. е. выступали передъ судомъ публично, съ устными рѣчами и заключеніями. А какъ уже съ XV столѣтія въ уголовномъ судопроизводствѣ господствовали письменность и тайна, въ XVII столѣтіи узаконенныя окончательно и безусловно, то уголовными дѣлами занимались исключительно прокуроры и по ихъ указаніямъ—субституты. Адвокаты же короля участвовали только въ гражданскихъ дѣлахъ и здѣсь были совершенно независимы въ своихъ мнѣніяхъ и заключеніяхъ. Таковъ именно смыслъ извѣстныхъ формулъ, опредѣлявшихъ какъ взаимныя отношенія между членами прокуратуры, такъ и характеръ той и другой отрасли ея дѣятельности: «*Le procureur général a «la plume; les avocats generaux ont la parole.—La plume est serve, «la parole est libre*» [1]). Входя вмѣстѣ съ прокурорами въ составъ магистратуры, адвокаты короля въ то же время не переставали фиктивно принадлежать и къ адвокатскому сословію, изъ котораго они долгое время набирались; первый генералъ-адвокатъ даже считался *ex officio* старшиною (*batonnier*) мѣстной адвокатской корпораціи. Отъ судовъ и судей прокуратура была вполнѣ отдѣльна и независима, что, однакоже, не выдѣляло ее изъ общаго подчиненія членовъ магистратуры почетному преимуществу (*preséance*) перваго президента парламента. Въ публичныхъ шествіяхъ и церемоніяхъ она слѣдовала за судьями, предшествуемая особымъ *huissier* [2]). Генералъ-прокуроръ занималъ мѣсто среди генералъ-адвокатовъ, что должно было означать ихъ совѣщательныя отношенія между собою или, какъ выражается одинъ старинный авторъ—«что генералъ-прокуроръ со всѣхъ сторонъ окруженъ добрыми совѣтами».

Первые «люди короля» вышли изъ адвокатскаго сословія. Впослѣдствіи на способѣ ихъ назначенія отразилось общее стремленіе

---

[1]) Генералъ-прокуроръ пишетъ, генералъ-адвокаты говорятъ. Перо зависимо, слово свободно.

[2]) Такъ, для того чтобы держать въ своихъ рукахъ важный постъ генералъ-прокурора Парижскаго парламента, Людовикъ XII купилъ эту должность у семейства умершаго ея собственника *де ла Бриффа*, и въ 1700 г. назначилъ на его мѣсто знаменитаго *Дагессо*, преемники котораго уже всѣ опредѣлялись по назначенію короля.

казны вездѣ отыскивать источники дохода: наравнѣ со всѣми другими судебными должностями (*charges de judicature*), и прокурорскія должности стали продаваться въ ея пользу, за исключеніемъ званій перваго и второго генералъ-адвокатовъ, которыхъ безплатно назначалъ и свободно увольнялъ король. Вознагражденіе за свои труды чины прокуратуры получали отъ дѣлъ, которыя они вели, въ видѣ судебныхъ пошлинъ съ тяжущихся и подсудимыхъ, въ размѣрахъ по опредѣленію суда. Однажды проданная королемъ должность считалась наслѣдственной собственностью купившаго, который въ свою очередь могъ продать ее другому или еще при жизни передать своему наслѣднику. Высшія должности обыкновенно оставались въ одномъ и томъ же родѣ, переходя отъ отца къ сыну, вслѣдствіе чего появилось такъ называемое «судебное дворянство» (*noblesse de robe*), представлявшее рядъ родовъ и семействъ, въ которыхъ передавались по наслѣдству не только званіе и обязанности, но и профессіональныя традиціи. Порядокъ этотъ укоренился прочно и, освященный временемъ и историческимъ обычаемъ, строго соблюдался самимъ королемъ. Если король хотѣлъ смѣстить одного изъ членовъ магистратуры, или ввести въ нее новое лицо, то для достиженія этого въ общемъ законномъ порядкѣ не было другаго средства, кромѣ покупки нужной должности у ея владѣльца, по добровольной сдѣлкѣ съ нимъ [1]). Эту продажность судебныхъ должностей, очевидно, нельзя разсматривать съ точки зрѣнія нашего времени и взглядовъ. Она была въ нравахъ своей эпохи и на ряду съ вредными и дурными сторонами имѣла и хорошія, хотя бы въ томъ, что содѣйствовала образованію магистратуры въ замкнутое и самостоятельное сословіе, среди котораго свободно развивалась юриспруденція, и свято хранились преданія корпоративной чести и достоинства. Въ отношеніи прокуратуры, продажность ея должностей, вызвавшая ихъ фактическую несмѣняемость и наслѣдственность, по единогласному свидѣтельству французскихъ ея историковъ, обусловила личную независимость ея чиновъ. Не будучи смѣняемы по усмотрѣнію власти, они могли смѣло руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только совѣстью и закономъ. Не измѣняя своему призванію быть «людьми короля», они смотрѣли на себя какъ на правомѣрныхъ представителей короны. Лучшіе

[1]) *Delpon* II, p. 167.

дѣятели изъ ихъ числа живо сознавали это свойство своей дѣятельности и не боялись говорить объ этомъ королямъ. Когда Франциск I, раздраженный независимостью и несговорчивостью своего генералъ-адвоката *де-Рюзе* (*de Rizé*), хотѣлъ замѣнить его другимъ и жаловался на то, что не можетъ, подобно всякому изъ своихъ подданныхъ, выбрать себѣ адвоката по своему желанію, *Анри де-Мемъ* (*Henri de Mesmes*), которому была предложена эта должность, сказалъ королю въ защиту де-Рюзе: «*Государь, онъ адвокатъ короны, слуга своихъ обязанностей, а не вашихъ страстей*». Позднѣе генералъ-адвокатъ *Омеръ Талонъ* (*Omer Talon*) выразилъ лишь общую мысль, обратившись въ 1649 г. къ Людовику XIV въ торжественной рѣчи отъ имени своихъ товарищей съ слѣдующими замѣчательными словами: «*Для славы короля мы должны быть людьми свободными, а не рабами; достоинство короны измѣряется качествами тѣхъ, кто ей служитъ*» [1]).

§ **10. Дѣятельность до-революціонной прокуратуры.** Функція прежней французской прокуратуры распадалась, по своему содержанію, на *судебную*, по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и *административно-политическую*.

По *гражданскимъ* дѣламъ, вѣрная своему фискальному происхожденію, прокуратура прежде всего защищала непосредственные интересы короны, а затѣмъ и ограждала права всѣхъ тѣхъ, юридическое представительство которыхъ принимало на себя государство, олицетворяемое въ королѣ. Сюда относились дѣла церкви, различныхъ свѣтскихъ и духовныхъ корпорацій, состоявшихъ подъ государственной охраной, и цѣлаго ряда лицъ безпомощныхъ, какъ напр. малолѣтнихъ, безумныхъ, отсутствующихъ, вообще всѣхъ тѣхъ, которые сами и лично не могли отвѣчать за себя на судѣ. Охраненіе слабыхъ и угнетенныхъ составляло одну изъ главныхъ обязанностей королевскихъ адвокатовъ. Они чрезвычайно дорожили этою высокою задачею своего учрежденія: «*Мы поставлены не для людей счастливыхъ, а для угнетенныхъ*», торжественно заявилъ въ громкомъ гражданскомъ процессѣ знаменитый гренобльскій генералъ-адвокатъ *Серванъ* (*Servan*) [2]), и эти прекрасныя слова и до сихъ поръ не потеряли своего значенія, какъ одинъ изъ идеальныхъ

---

[1]) *Lebon*, p. 65.

[2]) Въ 1767 г. въ заключеніи по дѣлу *Marie Robequin* съ мужемъ ея *Jaques'ом Roux*

принциповъ прокуратуры. Въ дѣлахъ казны и церкви представитель короны являлся настоящею стороною, съ правомъ обжалованія и съ обязанностью принимать всѣ мѣры къ огражденію ввѣренныхъ ему интересовъ, между прочимъ и къ исполненію постановленныхъ въ пользу ихъ рѣшеній. Вообще объемъ гражданской компетенціи прокуратуры опредѣлялся тѣмъ широкимъ признакомъ участія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общественнаго порядка (*tout ce qui interesse l'ordre public*), который широко примѣняется во французскомъ правѣ. Такъ какъ одни гражданскія дѣла производились устно и публично, то разсмотрѣніе ихъ и было главною школою краснорѣчія парламентскихъ генералъ-адвокатовъ, которые за XVII и XVIII столѣтія дали не мало превосходныхъ образцовъ его, одинаково сильныхъ и блескомъ формы, и глубиною мысли и эрудиціи. *Дагессо* слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу генералъ-адвоката короны въ гражданскомъ процессѣ: «безстрастный и строгій, «какъ охраняемый имъ законъ, исполненный достоинства, какъ «власть имъ представляемая, генералъ-адвокатъ долженъ выяснить «въ ихъ настоящемъ видѣ обстоятельства дѣла, слишкомъ часто «искажаемыя въ борьбѣ сторонъ, резюмировать передъ судьями тѣ «изъ ихъ аргументовъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ пред- «мету спора; разобрать или опровергнуть доводы неосновательные «или сомнительные, указать справедливые, наконецъ, предложить «мотивы, на которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ основать рѣшеніе. «Систематичность и ясность въ исполненіи первой изъ этихъ задачъ, «точность и безпристрастіе во второй, юридическія познанія и ло- «гичность разсужденія въ третьей—вотъ необходимыя свойства про- «курорскаго заключенія» [1]).

По дѣламъ *уголовнымъ* дѣятельность прокуратуры была не менѣе обширна, хотя, въ силу инквизиціоннаго начала, и менѣе значительна. Она блѣднѣла передъ розыскною дѣятельностью слѣдователя и суда, которые добивались истины независимо отъ сторонъ, посредствомъ собиранія уликъ главнымъ образомъ изъ пытки (*question préparatoire et préalable*) и допроса подсудимаго. Въ концѣ XVI и XVII столѣтій розыскныя полномочія судьи, непрерывно развиваясь, возросли до такой степени, что обвинительная часть прокуратуры сохранила лишь фиктивный и второстепенный, какъ

[1]) *d'Aguesseau.* Oeuvres vol. I p. 23.

бы вспомогательный характеръ, и въ практическомъ ученіи уголовнаго процесса получило полную силу и значеніе правило: *tout juge est procureur général*, или *officier du ministère public*, другими словами судья имѣетъ всѣ тѣ же права по уголовному преслѣдованію, какъ и прокуроръ. Въ нормальномъ старо-французскомъ уголовномъ процессѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣленъ въ ордонансѣ Людовика XIV 1670 г., роль прокуратуры сводилась къ участію въ возбужденіи преслѣдованія и къ предъявленію въ разные фазисы производства заключенія по существу его. За устраненіемъ публичнаго народнаго обвиненія и состязательнаго порядка, поводомъ къ возникновенію уголовныхъ дѣлъ служили: доносы незаинтересованныхъ въ дѣлѣ частныхъ лицъ (*denonciation*), жалобы (*plainte*) и преслѣдованіе по непосредственному распоряженію судебной власти (*poursuite d'office*). Доносы, поступавшіе къ прокуратурѣ, она передавала для изслѣдованія (*information*) надлежащему слѣдователю [1]). Жалобы были двоякаго рода: заявленія потерпѣвшаго отъ преступленія, *plainte de la partie civile* и предложенія прокуратуры о начатіи процесса, *plainte de la partie publique*. Такимъ образомъ прокуратура только участвовала въ возбужденіи преслѣдованія, но вовсе не имѣла ни монополіи его, ни даже преимущественнаго на него вліянія. Во всѣхъ же стадіяхъ дальнѣйшаго производства до самаго приговора полновластными распорядителями процесса являлись слѣдователь и судъ [2]). При допросахъ и вообще при слѣдствіи прокуратура не присутствовала, ограничиваясь предъявленіемъ письменныхъ заключеній въ извѣстные моменты процесса. Для этой цѣли ей сообщались акты дѣла и она троекратно высказывала свое мнѣніе и требованія; первый разъ—по окончаніи предварительнаго розыска (*information*—видоизмѣненная *enquête* или *inquisitio generalis*), второй разъ—послѣ формальнаго допроса обвиняемаго и передъ заключительнымъ фазисомъ слѣдствія (*reglement à l'extra ordinaire*) и наконецъ въ третій и послѣдній разъ, по окончаніи формальнаго слѣдствія

[1]) Предварительныя изслѣдованія уголовныхъ дѣлъ производились особыми *lieutenants criminels*, состоявшими при каждомъ бальи или сенешалѣ; въ Парижѣ для этой цѣли существовало обширное слѣдственное учрежденіе, *le Chatelet*.

[2]) Отсюда правило: *tout juge est procureur général*, выражающее не только независимость судей отъ прокуратуры, но и принадлежность первымъ всѣхъ правъ послѣдней по уголовному преслѣдованію.

(*inquisitio specialis*), передъ докладомъ дѣла (*rapport*) и постановленіемъ приговора. Эти послѣднія заключенія назывались окончательными (*definitives*), излагались обязательно безъ мотивовъ и въ запечатанномъ видѣ передавались въ канцелярію суда, который открывалъ и выслушивалъ ихъ уже послѣ доклада. По объясненію комментаторовъ указанныя мѣры имѣли цѣлью гарантировать судейское безпристрастіе; законодатель хотѣлъ оградить конечное сужденіе по дѣлу отъ всякаго давленія или преждевременнаго вліянія прокурорской аргументаціи [1]). Вообще чины прокуратуры не столько производили самое преслѣдованіе, сколько направляли его, дѣлая о немъ выводы и разработывая въ немъ обвинительныя указанія; *produnt atque indicant, sed non reprehendunt, neque arguunt*—такова была формула прокурорской дѣятельности въ уголовномъ процессѣ. Распоряженіями объ исполненіи приговора завершалась ея уголовная функція.

Недостатокъ собственно процессуальнаго содержанія пополнялся наблюдательною стороною: прокуратурѣ принадлежало общее, хотя довольно неопредѣленное наблюденіе за ходомъ уголовнаго судопроизводства и дѣятельностью судей. Наблюденіе находило себѣ осуществленіе и *въ административно-политическихъ* обязанностяхъ прокуратуры, какъ стража закона и органа правительства. Являясь посредницей между судомъ и королевской властью, она передавала и объявляла первому отъ имени второй новыя узаконенія и правительственныя распоряженія (*ordonances, édits, lettres patentes*). Правосудіе признавалось исходящимъ отъ короля (*«toute justice émane du roi»*) и отправлялось его именемъ; поэтому и «люди» его, прокуроры, имѣли надзоръ за дѣйствіемъ судовъ, контролирующій въ отношеніи судей и прямо начальственный надъ низшими исполнительными судебными чинами (*clercs, huissiers etc.*), Наблюдательная дѣятельность прокуратуры при мѣстныхъ судахъ второстепеннаго ранга не имѣла политическаго характера, которымъ, напротивъ, было рѣзко отмѣчено значеніе прокуратуры при парламентахъ, особенно парижскомъ, какъ ближайшемъ къ центру власти. Важное политическое положеніе парламентовъ, пріобрѣтенное ими посредствомъ вѣковой борьбы, не могло не отразиться и на положеніи ихъ прокуратуры,

---

[1]) *F. Hélie* §§ 88, 91. *Esmein* I chap. III p. 138. II ch. II p. 221.

которая заняла выдающееся мѣсто въ ряду высшихъ государственныхъ установленій. Генералъ-прокуроръ и генералъ-адвокаты парижскаго парламента имѣли свободный доступъ къ королю и личные ему доклады. Эти сношенія получили особую важность въ виду того, что парламентъ стремился присвоить себѣ непосредственное участіе въ законодательствѣ. По старо-французскому государственному праву, для того, чтобы королевское распоряженіе пріобрѣло силу закона и было обращено къ исполненію, его долженъ былъ предварительно принять и опубликовать парламентъ. Это называлось *enregistrement* и совершалось при помощи прокуратуры, которая предлагала ордонансы и эдикты на законное постановленіе парламентовъ. Послѣдніе признавали за собою право входить въ разсмотрѣніе предложенныхъ имъ законовъ, съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія основнымъ принципамъ государственнаго строя, и даже обсуждать степень ихъ полезности. Въ дебатахъ по этому поводу участвовала и прокуратура. Если парламентъ находилъ новый законъ несогласнымъ съ основными законами, то отказывалъ въ его принятіи, предоставляя прокурору о встрѣченныхъ затрудненіяхъ довести до свѣдѣнія короля. Точно также прокуратура повергала на его усмотрѣніе представленія парламентовъ о разныхъ неправильностяхъ, недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, обнаруженныхъ въ общемъ ходѣ государственной и общественной жизни. Дѣятельное участіе и уже самая передаточная роль въ этихъ парламентскихъ *remontrances* и *doléances* возводила высшую прокуратуру на степень настоящаго «публичнаго министерства», «*ministère public*», на что какъ бы указываетъ и смыслъ этого названія, вошедшаго въ XVIII столѣтіи въ общее техническое употребленіе.

Подобное же значеніе имѣла прокуратура и въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія. Предлагая на разсмотрѣніе парламентовъ папскіе буллы и бреветы, она высказывалась или въ пользу признанія ихъ королемъ (*placet*), безъ чего ни одно повелѣніе папы не могло быть дѣйствительно во Франціи, или же объ отклоненіи такого признанія, если находила въ нихъ что-либо несогласное съ прерогативами и интересами галликанской церкви. Въ общей гражданской сферѣ прокуратура имѣла право передавать на обсужденіе парламента всякое проявленіе произвола, насилія, нарушенія закона или неуваженія къ нему и требовать по этимъ пред-

метамъ, а также и для упорядоченія судебной практики, принятія общихъ регулятивныхъ мѣръ. Онѣ выражались въ изданіи парламентами общихъ постановленій, *dispositions reglementaires*, которыя, такимъ образомъ, находились въ зависимости не только отъ согласія, но и отъ иниціативы прокуратуры.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одной ея обязанности, исполненіе которой, обыкновенно весьма внимательное и просвѣщенное, возвышало умственный и нравственный авторитетъ института. Независимо отъ очередныхъ засѣданій по текущимъ дѣламъ, парламенты собирались въ полномъ составѣ въ засѣданія экстраординарныя. Одно изъ нихъ, такъ называемое *audience de rentrée*, имѣло мѣсто дважды въ году, передъ начатіемъ занятій послѣ вакацій, и происходило публично, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи судебныхъ чиновъ всѣхъ ранговъ и адвокатовъ. Въ этихъ засѣданіяхъ читались вновь изданные законы, и затѣмъ первый президентъ и одинъ изъ генералъ-адвокатовъ произносили въ назиданіе младшихъ слушателей рѣчи о какомъ-либо общественномъ вопросѣ или предметѣ теоретической и практической юриспруденціи. Темы для этихъ *discours de rentrée* выбирались сложныя и трудныя, часто самыя животрепещущія и современныя, и въ разработкѣ ихъ чины прокуратуры выказывали много учености и таланта, а иногда и истинное мужество въ требованіяхъ судебнаго процесса. Такъ въ лѣтописяхъ его составляетъ цѣлую эпоху знаменитая рѣчь упомянутаго уже Сервана «объ отправленіи уголовнаго правосудія», въ которой онъ, проникнутый гуманными философскими ученіями XVIII вѣка, мастерски охарактеризовалъ идеалы магистратуры и, нарисовавъ яркую картину судебныхъ порядковъ своего времени, не остановился передъ ихъ суровой критикой [1]). Другія общія засѣданія парламентовъ, извѣстныя подъ именемъ *mercuriales* (отъ *mercredi*, первой среды послѣ вакацій, въ которую они назначались), происходили непублично (*au huis clos*), при участіи только судей и прокуратуры. Эти оригинальныя собранія посвящались собственной повѣркѣ и даже самобичеванію. Генералъ-прокуроръ или одинъ изъ генералъ-адвокатовъ произносилъ рѣчь или читалъ отчетъ (предварительно раз-

[1]) *Servan.* Discours sur l'administration de la justice criminelle 1766 съ эпиграфомъ: *homo sum, nil humani a me alienum puto.*

смотрѣнный въ особо для этого избранной коммиссіи судей) о различныхъ замѣченныхъ прокуратурой въ теченіе года недостаткахъ и упущеніяхъ въ ходѣ правосудія и дѣлопроизводства. Темныя и слабыя стороны практики трактовались съ чрезвычайною, даже преувеличенною строгостью, причемъ указывались и средства къ ихъ исправленію. Парламентъ постановлялъ свои опредѣленія, которыя затѣмъ, черезъ канцлера, представлялись королю [1]).

Въ общемъ итогѣ задачу французской до-революціонной прокуратуры составляли совмѣстно и одновременно охраненіе законовъ, противодѣйствіе произволу, огражденіе угнетаемыхъ и преслѣдованіе преступленій [2]). Какъ учрежденіе, сложившееся исторически, она была поставлена своеобразно, широко и прочно, представляя совокупность непосредственныхъ органовъ короны въ судебномъ вѣдомствѣ и управленіи. Функціи ихъ распредѣлялись неравномѣрно: дѣятельность по уголовному преслѣдованію, стѣсненная инквизиціонными формами процесса, далеко уступала въ размѣрахъ и значеніи представительству закона и правительства по дѣламъ гражданскимъ, а также и политической роли въ перипетіяхъ борьбы парламентовъ за власть. Высшая прокуратура раздѣлила судьбы, а съ ними и увлеченіе этой борьбы, которая заслоняла судебный ея характеръ и положила на весь институтъ особый отпечатокъ. Были примѣры «людей короля», открыто выступавшихъ въ парламентахъ противъ отдѣльныхъ королевскихъ распоряженій, несогласныхъ съ общими законами или съ истинными интересами королевской власти, какъ ихъ понимали ея мужественные и независимые слуги. Духъ патріотизма и уваженія

---

[1]) *Henrion de Pansey*, Autorite judiciaire p. 198 такъ характеризуетъ эти засѣданія: «торжественные дни, въ которые особенно проявлялось важное значеніе прокуратуры, дни мужества и справедливости, когда судьи сами судили себя... всякая легкая небрежность выставлялась какъ значительное упущеніе, и тотъ, чей образъ дѣйствій или жизни являлся несоотвѣтствующимъ чести и достоинству магистратуры, изобличался безъ послабленія». *Desmaze*. Le Parlement de Paris p. 61, 64. *Lebon* p. 177.—По названію засѣданій и произносимыя въ нихъ рѣчи назывались *mercuriales*. Къ числу лучшихъ изъ нихъ принадлежатъ, между прочимъ, многія изъ рѣчей *D'Aguessau*.

[2]) Задача эта выражалась и въ словахъ присяги, которую приносили парламентскіе генералъ-прокуроры при вступленіи своемъ на должность: «defaire justice aux grands comme aux petits, aux étrangers comme aux concitoyens, sans acception de personne ou de nation, de garder et de conserver les droits du roi, sans néanmoins aucun préjudice des droits d'autrui». *Mangin* I. p. 215.

къ историческимъ и національнымъ традиціямъ страны сообщалъ имъ стойкость и давалъ опору во многихъ общественныхъ вопросахъ и дѣлахъ первостепенной важности [1]). Но, если въ этомъ отношеніи за старой французской прокуратурой не мало крупныхъ государственныхъ заслугъ и гражданскихъ подвиговъ, съ другой стороны въ исторіи ея нерѣдки случаи, когда чины ея, платя дань общему нравственному разложенію, напр. въ вѣкъ Людовиковъ XIV и XV, являлись послушными орудіями фаворитизма и произвола. То и другое было лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постановки и дѣятельности прокурорскаго учрежденія на почвѣ политической. Однако же и это уклоненіе отъ судебно-административнаго призванія прокуратуры сослужило ея развитію своего рода службу: выросло государственное ея значеніе, окрѣпло сознаніе ея необходимости среди элементовъ общественнаго строя, явился и отрицательный опытъ ея неправильнаго направленія. Не менѣе важна дидактическая, такъ сказать, цѣнность анналовъ до-революціоннаго «паркета». На ихъ страницахъ, полныхъ живаго интереса, записано множество заслуженно извѣстныхъ именъ и выдающихся трудовъ дѣятелей прокуратуры. Публичная жизнь и произведенія такихъ историческихъ ея представителей какъ *Анри де Мемъ*, *Омеръ и Денн Талоны*, *Эдуардъ и Матьё Моле*, *Дагессо*, *Дома*, *де-ла-Шалоте*, *Серванъ*, *Луи Сегье* и друг. представляютъ высокіе образцы краснорѣчія, эрудиціи, энергіи и твердости. «Среди украшеній судебнаго сословія»—говоритъ Беррье—«паркетъ, этотъ «органъ общественнаго слова, неизмѣнно поддерживалъ честь «учрежденій, къ которымъ онъ принадлежалъ». Въ исторіи прокуратуры это во всякомъ случаѣ эпоха героическая, время слав-

---

[1]) Таковы напр. *Жакъ де ла Гель*, возражающій противъ принятія патента Генриха IV объ изъятіи личныхъ его имѣній изъ доменовъ короны (по формулѣ: *j'empêche pour le roi*). *Омеръ Талонъ*, противодѣйствующій мѣрамъ кардинала Мазарини; *Дагессо*, энергическій противникъ вмѣшательства папы въ дѣла галликанской церкви; *де-ла-Шалоте*, возстающій противъ признанія и утвержденія іезуитовъ во Франціи и поплатившійся за это годами заключенія; *Серванъ*, изобличающій жестокости современнаго ему уголовнаго правосудія и требующій для него гуманныхъ реформъ и т. д. Выработалась даже особая, странно звучащая теперь формула «*par exprès commandement*» посредствомъ которой прокуроръ, внося въ парламентъ королевское повелѣніе, заявлялъ, что онъ исполняетъ только обязательное для него распоряженіе объ этомъ; въ заключеніи же своемъ по существу предмета онъ свободно высказываетъ свое юридическое мнѣніе, иногда прямо о незаконности повелѣнія, оканчивая словами: *j'empêche pour le roi*.

ныхъ и блестящихъ воспоминаній. Для потомковъ они поучительны и какъ уроки прошлаго, и какъ примѣры могучаго интеллектуальнаго подъема.

§ 11. **Прокуратура въ революціонный періодъ.** Къ концу XVIII вѣка, наканунѣ революціи, очерченное выше положеніе французской прокуратуры было выше и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, но въ политическихъ ученіяхъ и въ общественномъ мнѣніи противъ нея уже назрѣвала враждебная реакція. Въ качествѣ существенной принадлежности и произведенія отживающаго устройства, она вмѣстѣ съ нимъ возбуждала рѣзкую критику и осужденіе. Не смотря на исходившія изъ ея же собственной среды краснорѣчивыя филиппики противъ устарѣвшаго судоустройства и судопроизводства [1]), въ ней самой видѣли главное орудіе инквизиціоннаго процесса и политическаго гнета надъ правосудіемъ. Возникшій споръ вращался преимущественно вокругъ одного изъ основныхъ принциповъ прокуратуры—государственнаго преслѣдованія преступленій, которое подвергалось сомнѣнію и принижалось передъ восхваляемымъ древнимъ началомъ частнаго и народнаго обвиненія. Лучшимъ выразителемъ этого ученія можетъ служить итальянскій юристъ *Филанджіери*, который въ своемъ сочиненіи «О наукѣ законодательства» пространно развиваетъ преимущества римской системы обще-народнаго обвиненія и лишь для исключительныхъ случаевъ отсутствія обвинителей по важнымъ преступленіямъ допускаетъ дѣятельность «оффиціальныхъ обвинителей», избираемыхъ народомъ и отъ правительства все-таки независящихъ. Аргументація его впрочемъ сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы доказать необходимость предоставленія каждому гражданину права уголовнаго преслѣдованія помимо личнаго его участія въ дѣлѣ. «У большей части народовъ»—говоритъ Филанджіери—«сознаніе того, что всѣ члены общества одинаково «заинтересованы въ охраненіи порядка и, слѣдовательно, въ со«блюденіи законовъ, въ уменьшеніи числа преступленій и въ устра«шеніи злоумышленниковъ, привело просвѣщеннѣйшихъ законода«телей къ заключенію о невозможности отказать одному граждаанину въ правѣ преслѣдовать другаго» [2]). Противоположнаго

[1]) Рѣчи генералъ-адвокатовъ *Сервана* (1766) и *Геро-де-Сешеля* (1786).

[2]) *Filangieri*. Oeuvres trad. 1822. Science de la legislation II p. 238—283 (chap. 2 et 3).

воззрѣнія придерживается въ «Духѣ Законовъ» *Монтескьё*, которому собственно и возражаетъ Филанджіери. Становясь рѣшительно на сторону прокуратуры въ томъ видѣ, въ какомъ она была ему извѣстна въ до-революціонной Франціи, Монтескьё такъ резюмируетъ оцѣнку этому учрежденію: «У насъ есть нынѣ за«конъ, достойный восхищенія; это законъ, требующій, чтобы мо«нархъ, призванный исполнять законы, назначалъ въ каждый судъ «чиновника для преслѣдованія всѣхъ преступленій, вслѣдствіе чего «профессія доносчиковъ намъ неизвѣстна». . . . и далѣе: «по за«конамъ Платона тѣ, кто пренебрегли извѣщеніемъ властей о «преступленіи или оказаніемъ имъ содѣйствія, подлежатъ наказа«нію.—Нынѣ это уже не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени; «прокуратура *(la partie publique)* бодрствуетъ за гражданъ, она «дѣйствуетъ—и они спокойны» [1]). Между такими взглядами предстояло выбирать революціонному законодательству, когда въ общей ломкѣ стараго режима предпринято было и радикальное переустройство его судебной части. Ненависть къ прошедшему, боязнь всѣхъ учрежденій монархическаго строя и страсть къ подражанію древнимъ республиканскимъ формамъ побудили сначала склониться въ сторону свободнаго народнаго преслѣдованія.

Прежняя прокуратура исчезла сама собой вмѣстѣ съ огульно отмѣненными судебными установленіями стараго режима. На ряду съ жалобою потерпѣвшаго *(plainte* или *denonciation du droit personnel)* было поставлено обязательное гражданское извѣщеніе о преступленіи, *denonciation civique*, какъ поводъ и основаніе уголовнаго преслѣдованія во исполненіе долга гражданина (законы 1789 и 1791 гг.). Но учрежденіе прокуратуры уже такъ глубоко укоренилось въ общественномъ сознаніи и отвѣчало такимъ настоятельнымъ потребностямъ, что мѣсто ея не могло оставаться незанятымъ. Къ тому же и новое правительство, перемѣнивши принципы и имя, силою вещей должно было стремиться къ тѣмъ же цѣлямъ и, подобно прежнему, нуждалось въ средствахъ ихъ достиженія, между прочимъ и въ судебномъ представительствѣ государства или его фиктивнаго главы—народа. «Народное обвиненіе»—говорилъ *Type (Thouret)* въ учредительномъ собраніи въ августѣ 1790 г.—«представляетъ важныя неудобства. Когда всѣ

---

[1]) *Montesquieu.* Esprit des loix liv. VI ch. 8.

«обязываются бодрствовать, наступаетъ такой моментъ, когда въ «дѣйствительности никто не бодрствуетъ; если каждый можетъ об- «винять, духъ партій, предубѣжденіе, ходячіе предразсудки и лич- «ная месть могутъ легко нарушить общественное спокойствіе «подъ предлогомъ его защиты. Сохранимъ же мудрое установле- «ніе должностнаго лица, уполномоченнаго на уголовное преслѣдо- «ваніе» [1]).

Поэтому и доктринеры революціи отнюдь не отказались отъ учрежденія прокуратуры и послѣдовательно вводили ее, или по крайней мѣрѣ ея идею, въ свои многочисленные кодексы и конституціи. Въ теченіе 30-ти лѣтняго періода времени такъ называемаго «промежуточнаго» законодательства (*legislation intermediaire* 1789—1808), надъ нею былъ сдѣланъ рядъ законодательныхъ экспериментовъ, изъ которыхъ она вышла съ побѣдою и съ сохраненіемъ всего того, что въ старой ея организаціи было жизненнаго и сильнаго [2]).

Въ сущности конечныя преобразованія ея даже не были особенно значительны: имперія въ законахъ 1808—1810 гг. во многомъ возвратилась къ до-революціонному типу прокуратуры. Совершились лишь видоизмѣненія, вызванныя реформами процесса, да въ революціонной бурѣ исчезло съ выгодой для учрежденія непосредственно политическое его значеніе, уступивъ мѣсто исключительно общественно-судебному характеру его дѣятельности и устройства.

Не вдаваясь въ подробности, мы отмѣтимъ лишь въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ главные фазисы этихъ преобразованій. Въ нихъ между прочимъ отразилась и излюбленная теорія того времени о раздѣленіи повсюду властей и функцій. Законы 1790—1792 гг., вводя въ новый процессъ начала устности, состязательности и гласности, создали и новое, весьма впрочемъ недолговѣчное судебное устройство, въ которомъ судьи «избирались народомъ», но на извѣстный срокъ (*mais à temps*), а чины прокуратуры, получившіе названіе королевскихъ коммиссаровъ, «назначались королемъ, но пожизненно» (*mais à vie*). У этихъ *commissaires du roi* было отнято обвиненіе передъ судомъ, возложенное на особыхъ выборныхъ

---

[1]) *Mangin.* Traité de l'action publique X 2 éd. 1844 I p. 12.

[2]) За этотъ періодъ времени было издано болѣе 30 общихъ и частныхъ законовъ о прокуратурѣ. См. перечень ихъ у *Dalloz* Repert. T. XXXII. Ministère public p. 4 и 5.

публичныхъ обвинителей, *accusateurs publics*. Первые являлись стражами закона, вторые только поддерживали въ судебномъ засѣданіи обвиненіе, предварительно разсмотрѣнное и признанное вновь введенными «обвинительными присяжными» (*jury d'accusation*). Дѣятельное участіе въ преслѣдованіи преступленій путемъ первоначальнаго ихъ изслѣдованія принимали еще мировые судьи (*juges de paix*) и руководители упомянутыхъ присяжныхъ (*directeurs du jury*), впослѣдствіи видоизмѣнившіеся въ теперешнихъ «слѣдственныхъ судей», *juges d'instruction*. Съ провозглашеніемъ республики королевскіе коммиссары превратились въ «національныхъ», *commissaires nationaux*, обязанности которыхъ въ кровавую эпоху террора и конвента были переданы «публичнымъ обвинителямъ», и такимъ образомъ обѣ отрасли прокуратуры вновь соединились въ одну. Это страшное время дѣйствія по всей странѣ революціонныхъ трибуналовъ (1793—1795), посылавшихъ осужденныхъ массами на казнь, можно считать наиболѣе мрачнымъ и печальнымъ моментомъ въ исторіи публичнаго преслѣдованія. О какой-либо правильной его организаціи, конечно, не было и рѣчи. При каждомъ временно-устроенномъ революціонномъ судѣ состоялъ публичный обвинитель, этотъ, по выраженію Фабра, [1]) «оффиціальный поставщикъ эшафота», который не брезгалъ ни явною нелѣпостью, ни ложью для полученія смертныхъ приговоровъ въ угоду революціонной тиранніи [2]). Съ окончаніемъ террора возвратились судебные порядки первыхъ годовъ революціи, а съ ними и раздробленная прокуратура. На основаніи конституціи III года и составленнаго Мерленомъ «кодекса преступленій и наказаній 8 Брюмера IV года (*code des delits et des peines 8 Brumaire an IV*) дѣйствовали прежніе публичные обвинители и замѣнившіе національныхъ коммиссаровъ «коммиссары исполнительной власти» (*commissaire du pouvoir executif*), впослѣдствіи «коммиссары республики»; они уже не пользовались несмѣняемостью, а назначались и увольня-

[1]) Fabre p. 371.

[2]) Чудовищнымъ воплощеніемъ этого типа былъ *Фукье-Тенвиль*, свирѣпствовавшій при Парижскомъ революціонномъ трибуналѣ и съ одинаковымъ рвеніемъ добивавшійся казни, смотря по обстоятельствамъ, королевы Маріи-Антуанеты, Madame Elisabeth, Филиппа Орлеанскаго, Жирондистовъ, а потомъ и Дантона, Робеспьерра, С. Жюста и др. По справедливой превратности судьбы онъ самъ былъ впослѣдствіи судимъ и приговоренъ къ смерти въ томъ же самомъ парижскомъ трибуналѣ, при которомъ состоялъ публичнымъ обвинителемъ. См. *Domenget*. Fouquier Tinville et le tribunal revolutionnaire. 1878.

лись Директоріею. Въ дальнѣйшемъ движеніи законодательства, имѣвшемъ характеръ полной централизаціи властей въ рукахъ главы государства, сначала перваго консула, затѣмъ императора прокуратура быстро и рѣшительно слѣдуетъ тому же направленію и усвоиваетъ себѣ одну за другой свои теперешнія черты. Законы 22 фримёра и 27 вентоза VIII года окончательно уничтожаютъ ея двойственность и обязанности публичныхъ обвинителей, возлагаютъ вмѣстѣ съ уголовнымъ преслѣдованіемъ на «коммиссаровъ правительства» (*commissaires du gouvernement*), при каждомъ судѣ назначаемыхъ первымъ консуломъ. Они занимаютъ важное мѣсто въ системѣ органовъ уголовнаго изслѣдованія или «судебной полиціи» (*police judiciaire*) и по закону 7 плювіоза IX г. получаютъ мѣстныхъ помощниковъ (*substituts*), облеченныхъ настоящею розыскною функціею (*magistrats de sureté*) значительная часть которой впрочемъ скоро отходитъ къ слѣдственнымъ судьямъ. Органическій сенатусъ—консультъ 16 термидора X г. (art 84) связываетъ этихъ коммиссаровъ между собою началомъ строжайшаго подчиненія низшихъ высшимъ. Задачи и положеніе института такимъ образомъ выработаны, нисходящая отъ правительства система органовъ его готова—недостаетъ лишь законченной организаціи и воспроизведенія традиціоннаго названія. То и другое дала прокуратурѣ первая имперія, на рубежѣ которой органическій сенатусъ—консультъ XII г. (1804) превратилъ «правительственныхъ коммиссаровъ» въ *императорскихъ прокуроровъ* при судахъ всѣхъ ранговъ и инстанцій. Такъ появилось нынѣшнее учрежденіе прокуратуры, которую знаменитый ея дѣятель Дюпенъ не безъ основанія называетъ «по «преимуществу созданіемъ французскаго духа» (*essentiellement une création de l'esprit francais*). Дѣйствительно старая Франція передала новѣйшей широко разработанное понятіе объ этомъ институтѣ, доступное дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ. Нашему столѣтію предстояло сдѣлать изъ него цѣльное и стройное установленіе судебнаго права и правительственнаго устройства.

ГЛАВА III.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОКУРАТУРА [1]).

I. — § **12.** Источники и опредѣленія. — II. § **13.** Устройство. — III. Дѣятельность по уголовнымъ дѣламъ: § **14.** Уголовное преслѣдованіе и судебная полиція. — § **15.** Слѣдствіе и преданіе суду. — § **16.** Судебное разсмотрѣніе и обжалованіе. — IV. § **17.** Дѣятельность по гражданскимъ дѣламъ. — V. Судебно-административная дѣятельность:—§ **18.** Судебный надзоръ — § **19.** Административныя обязанности. — VI. — § **20.** Общая характеристика вопроса и прокуратуры въ его современномъ положеніи.

I.

§ **12. Источники и опредѣленія.** Главнѣйшія постановленія дѣйствующаго французскаго законодательства о прокуратурѣ заключаются въ *кодексѣ уголовнаго судопроизводства* (*code d'in-*

[1]) Важнѣйшіе источники цитированные уже: *Delpon, Schenk, Ortolan et Ledeau, F. Hélie, Fabre, Esmein, Merlin, Dalloz, Maugin, Morin, Thezart, Frey, Keller* etc и кромѣ того еще: *De-Molènes.* Traité pratique des fonctions du procureur du roi 1843 2 v. *Faure.* Repertoire administratif des parquets. 1843—1855. 3 v. *Massabiau.* Manuel du ministère public 3 vol. 4 ed. 1877. *Dutruc.* Memorial du ministère public. *Le Poitevin.* Dictionnaire formulaire des parquets 1885 3 v. *Debacq.* De l'action du ministère public en matière civile 1867. *Alglave.* Action du ministère public en matière civile 1874. *Projet de loi sur l'instruction criminelle* 1879—1886; комментаріи и замѣчанія *Jules Favre, Desjardins, Jaques Cotta* etc., въ особенности *Guillot.* Des principes du nouveau Code d'instruction criminelle 1884. *Учебники и руководства* по уголовному процессу; французскіе: *Boitard, Ortolan, Le-Sellyer* etc., бельгійскій *Haus,* нѣмецкіе: *Mittermaier, Zachariae, Ulmann, Holtzendorf, Glaser* III 23; русскіе: *Фойницкій.*—Курсъ. *Безродный.* Очеркъ слѣдственной части во Франціи 1869. *Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій.* Изданіе Министерства Юстиціи 1882 т. I, стр. 34—79.—*Орловъ.* О состояніи государственной прокуратуры въ Западной Европѣ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1866 № 4. *Dubuc.* Quelques considerations sur l'origine du ministère public et son rôle a l'audience civile 1887. *Robinet de Clery.* Des droits et obligations du parquet, agent du gouvernement 1888.

struction criminelle) 1808 г. и въ законѣ о судоустройствѣ (*loi sur l'organisation judiciaire*) 20 апрѣля 1810. Дальнѣйшее ея развитіе шло путемъ практической юриспруденціи посредствомъ разъясненія отдѣльныхъ казусовъ кассаціоннымъ судомъ и министерствомъ юстиціи. Уже въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка (1800—1810) она окончательно сложилась, получивъ свои теперешнія черты, въ которыя послѣдующее законодательство не внесло почти никакихъ измѣненій, если не считать двухъ-трехъ второстепенныхъ нововведеній временъ второй имперіи. (1856, 1863 и 1865 [1]). Послѣ устарѣвшей уже нынѣ инструкціи 1730 г. «королевскимъ коммиссарамъ» не было издано и общаго руководящаго наказа для прокуратуры, которая, по свидѣтельству Де-Молена и новѣйшихъ практиковъ, ощущаетъ большую потребность въ прочныхъ и единообразныхъ правилахъ внутренняго распорядка и дѣлопроизводства [2]). За недостаткомъ ихъ и въ пополненіе тѣхъ многочисленныхъ пробѣловъ въ законѣ, которые постепенно обнаруживались при его примѣненіи, образовалось цѣлое, если можно такъ выразиться, обычное право французской прокуратуры, основанное на интерпретаціи и практикѣ. Изученіе этого права доступно для начинающаго дѣятеля или для иностранца единственно при помощи пространныхъ руководствъ (Шенка, Ортолана и Ледо, Де-Молена, Фора, Массабьо, Ле-Пуатевена и друг.), въ которыхъ излагается сдѣлавшееся почти стереотипнымъ ученіе французской прокурорской службы. Вмѣстѣ съ кассаціонными рѣшеніями и министерскими циркулярами они составляютъ обязательную библіотеку каждаго «паркета», и на авторитетъ ихъ принято ссылаться даже въ оффиціальныхъ случаяхъ.

---

[1]) Приводимъ хронологическій перечень законовъ о прокуратурѣ: 1) нѣсколько постановленій гражданскаго кодекса (*code civil*) 1803. 2) стр. 83 и 84 кодекса гражд. судопроизводства (*code de procedure civile*) 1806. 3) ст. 22—47, 271—290 кодекса уголовнаго судопроизводства (*code d'instruction criminelle*) 1808. 4) ст. 79—89 декрета за мартъ 1808. 5) ст. 6, 43, 45—48, 55, 60, 61 закона 20 апрѣля 1810. 6) ст. 42—53 декрета 6 Іюля и ст. 16—23 декрета 18 августа 1810 г. Изъ послѣдующихъ слѣдуетъ указать лишь законы: 15 января 1826 (о внутреннемъ распорядкѣ въ кассац. судѣ), 17 Іюня 1856 (объ охранѣ совѣщательной камеры (*chambre du conseil*), 3 Іюня 1863 (о производствѣ при *flagrants delits correctionels*) и 14 Іюня 1865 (о принятіи при слѣдствіи мѣръ обезпеченія личности).

[2]) Существуетъ лишь весьма неполная инструкція по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ уголовнаго преслѣдованія, изложенная въ министерскомъ циркулярѣ 6 Декабря 1840.

Обстоятельства и условія, при которыхъ совершилось изданіе первыхъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ законовъ о прокуратурѣ, отразились на ихъ характерѣ и внѣшней формѣ. Они не обладаютъ ни цѣльностью, ни полнотой, но несомнѣнно отличаются практичностью. Наполеоновское законодательство спѣшило создать и пустить въ ходъ крѣпкую организацію, крайне существенную для строя, только-что пережившаго революціонныя смятенія. Въ ея постановкѣ сказалась мысль ясная и твердая, чуждая доктринерства, а въ выполненіи замѣчательно настойчивая и цѣлесообразная. Учрежденіе прокуратуры явилось дѣломъ могучей законодательной иниціативы, на почвѣ однакоже историческихъ традицій, которыя старались примирить съ новыми юридическими идеями, уже проникшими въ общественное сознаніе. Прокуратура должна была служить проводникомъ въ судебномъ вѣдомствѣ принциповъ единства и строгой дисциплины, осуществляемыхъ правительствомъ и исходящихъ изъ верховной власти императора. Тѣсно сплоченная цѣпь органовъ, напоминающая военную іерархію и связанная воинскимъ повиновеніемъ, какъ бы спустилась отъ полководца внизъ, на борьбу съ внутренними врагами охраняемаго имъ порядка. Противники наполеоновскаго режима называли и эти органы орудіями самовластія и гнета, но безпристрастное ознакомленіе съ предметомъ не допускаетъ такого односторонняго увлеченія однимъ моментомъ его возникновенія. Хотя «императорская» прокуратура и имѣла отчасти цѣлью поддержаніе личной власти Наполеона, но это не исказило истинныхъ основъ новаго установленія. Если не всегда на практикѣ, то въ теоріи, въ пониманіи юристовъ и по большей части въ самой ихъ дѣятельности стремленія и интересы, представляемые прокуратурою, отождествлялись съ законностью и порядкомъ, на стражѣ которыхъ она была поставлена. Ея учрежденіе, сверхъ того, сохраняло странѣ усвоенное въ революціонную эпоху необходимое отдѣленіе судейской дѣятельности по изслѣдованію преступленій отъ обвинительной функціи по ихъ преслѣдованію, которое получило спеціальнаго сильнаго органа, независящаго отъ частной мести, личныхъ разсчетовъ и страстей. Къ тому же и Франція уже настолько привыкла къ прокуратурѣ, что встрѣтила ея возстановленіе въ новой формѣ, какъ нѣчто давно знакомое и полезное. Все это, вліяя на обстановку, среди которой вступилъ въ жизнь возобновленный институтъ, вы-

звало очень сочувственное къ нему отношеніе. Въ сферахъ законодательныхъ и профессіональныхъ оно впадало даже въ значительную идеализацію. Прокуратуру превозносили, на нее возлагали обширныя и отчасти неисполнимыя надежды, ей рисовали самыя возвышенныя задачи. Дѣйствительность во многомъ не достигла идеала, но онъ имѣетъ и свою реальную цѣнность, какъ мѣрило для сужденій и сравненій. Поэтому не лишнимъ будетъ привести нѣкоторые изъ болѣе или менѣе восторженныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильныхъ отзывовъ объ общемъ значеніи французской прокуратуры. Въ нихъ выразились ея *pia desideria*, высокія и поучительныя даже въ самомъ ихъ преувеличеніи. Еще при разсмотрѣніи въ законодательномъ корпусѣ закона о судоустройствѣ (обнародованнаго 20 апрѣля 1810) правительственный докладчикъ *Трельяръ* (*Treilhard*) такъ формулировалъ мотивы постановленій о прокуратурѣ: «какимъ возвышеннымъ учрежденіемъ представляется въ «судахъ *публичная сторона* (*la partie publique*), призванная пре«слѣдовать преступленія отъ имени монарха, повелѣвающаго испол«неніемъ законовъ! Императоръ ввѣряетъ эту высокую обязанность «своимъ генералъ-прокурорамъ; они будутъ хранителями драго«цѣнныхъ благъ общественнаго порядка и возмездія за его нару«шеніе; гражданскій миръ и спокойствіе гражданъ будутъ зави«сѣть отъ ихъ мужества и честности; они должны непрестанно «бодрствовать для того, чтобы другіе могли предаваться отдыху. «Великую отвѣтственность несутъ эти чины магистратуры; отъ «нихъ ежечасно можно потребовать отчета не только въ томъ, что «они сдѣлали, но и въ томъ, что они упустили» [1]). Ту же мысль подчеркивалъ въ Государственномъ Совѣтѣ архи-канцлеръ *Камбасересъ*, заявляя, что «весь планъ учрежденія прокуратуры основанъ «на стремленіи дать ей какъ можно больше интенсивности». *Портали*съ называлъ ее «оплотомъ противъ судебныхъ случайностей и «несправедливостей, противъ насилія и злоупотребленій». Онъ находилъ ее въ большомъ государствѣ совершенно необходимою, какъ единственный институтъ, могущій дать: «закону—органъ, пра«восудію—регуляторъ, слабымъ и угнетеннымъ—ободряющую ихъ «поддержку, публичнымъ интересамъ—стража, обществу—представи«теля» и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигающій противъ злоумышленниковъ

[1]) *Mangin* I, 214.

«страшныхъ имъ обвинителей». Краснорѣчивую, хотя и весьма идеализированную характеристику требованій, предъявляемыхъ къ прокуратурѣ, приводитъ *Гара* въ юридическомъ «репертуарѣ» перваго генералъ-прокурора кассаціоннаго суда» *Мерлена*. «Сколько могучаго характера, какого соединенія качествъ и «способностей требуетъ достойное исполненіе прокурорскихъ «обязанностей! Какъ общественный обвинитель, прокуроръ долженъ преслѣдовать преступленія безостановочно и безпощадно. «Какъ органъ надзора за внутреннимъ порядкомъ въ судахъ, онъ «можетъ избавить гражданъ отъ многихъ золъ, а правосудіе—отъ «многихъ униженій. Онъ призванъ искоренять кляузничество, лихоимство, притѣсненія, замѣнять рутину порядкомъ, истреблять «предубѣжденія и предразсудки, возбуждать въ руководимыхъ имъ «чинахъ чувства чести, возвышающія ихъ надъ низменными разсчетами, внушать имъ стремленіе къ общественному уваженію. Какъ «стражъ и защитникъ законовъ, онъ долженъ предаваться глубокому и всестороннему ихъ изученію. Какъ публичный цензоръ, «онъ долженъ преслѣдовать въ судебномъ сословіи безнравственность, когда она доходитъ до скандала и, слѣдовательно, уже есть «своего рода преступленіе. Онъ долженъ напоминать магистратурѣ «о безусловномъ соблюденіи обязанностей и безукоризненномъ поведеніи. Магистратура естественно предназначена быть хранили«щемъ не только законовъ, но и добрыхъ нравовъ. Чины судебнаго сословія, можетъ сказать имъ публичный цензоръ, я говорю «вамъ о высотѣ вашего долга, какъ говорятъ другимъ о выгодахъ «или славѣ.... Вы не можете допустить въ вашей средѣ испорченности, не растлѣвая тѣмъ самымъ всей вашей эпохи. Законы «предписываютъ членамъ магистратуры честность и порядочность— «это еще самое умѣренное требованіе. Носитель законнаго воз«мездія не можетъ пренебрегать имъ при видѣ пороковъ или нарушеній долга. Его воздѣйствіе независимо,—оно должно быть му«жественно; поставленный высоко—онъ долженъ быть непрекло«ненъ».

Въ общихъ отзывахъ писателей о прокуратурѣ содержится и опредѣленіе ея назначенія, правъ и обязанностей. *Де-Моленъ*, назвавъ эти обязанности, если онѣ вѣрно поняты, «прекраснѣйшими изъ существующихъ», усматриваетъ суть ихъ въ томъ, чтобы «преслѣдовать преступленія, т. е. охранять общественный по-

«рядокъ посредствомъ наказанія его нарушителей; говорить сво-«бодно передъ судомъ въ интересахъ истины, т. е. дѣлать бла-«городнѣйшее употребленіе изъ дара убѣждать другихъ» [1]). Еще яснѣе и категоричнѣе высказываются авторы двухъ капитальнѣйшихъ руководствъ для французской прокуратуры. По словамъ *Ортолана* и *Ледо* она «является судебнымъ орга-«номъ, уполномоченнымъ отъ высшаго правительства, которое «облекло его въ судебной области долею своей исполнительной вла-«сти и призвало ограждать общественную безопасность и спокой-«ствіе; подъ ея охрану поставлены имущество, жизнь и честь каж-«даго гражданина. Она—орудіе закона, и ея вѣдомство распро-«страняется на все, въ чемъ общество заинтересовано» [2]).—«Ей «ввѣрены—говоритъ *Массабьо*—семейный миръ, безопасность граж-«данъ, охраненіе и поддержаніе законной свободы, почитаніе кон-«ституціи и законовъ. Въ качествѣ непрестанно бодрствующаго «передоваго стража общественнаго порядка, она раскрываетъ и «преслѣдуетъ всѣ посягательства на него, она сама подлежитъ «отвѣтственности, если порядокъ этотъ подвергается безнаказан-«ному нарушенію» [3]).

Уже изъ приведенныхъ выдержекъ можно видѣть, какъ широко французское понятіе о прокуратурѣ и какъ обширенъ кругъ ея задачъ и вѣдѣнія. Сообразно этому понятію, *Келлеръ* опредѣляетъ французскую прокуратуру, какъ «учрежденіе, представляющее пе-«редъ судомъ государственные интересы въ опредѣленныхъ зако-«номъ случаяхъ публичнаго и частнаго характера» и въ то же время какъ «органъ наблюденія за отправленіемъ правосудія и посред-«ничества между высшимъ государственнымъ управленіемъ и «юстиціей» [4]).

Самое же полное и подробное опредѣленіе прокуратуры даетъ *Шенкъ* въ своемъ трактатѣ о ней, относящемся къ 1813 г., т. е. къ самымъ первымъ годамъ новой ея организаціи: «прокуратура «есть совокупность должностныхъ лицъ, уполномоченныхъ и обя-«занныхъ представлять и защищать передъ судомъ интересы госу-

---

[1]) *De-Molènes* I, chap. I.
[2]) *Ortolan* et *Ledeau* II, 2.
[3]) *Massabiau* V preface de la 1 ed. (1837)
[4]) *Keller*, 319.

«дарства, правительства и общественнаго порядка; содѣйствовать «защитѣ лицъ, физическихъ и юридическихъ, которыя или вовсе не «могутъ защищаться или, по слабости своей, не могли бы защи- «щать себя удовлетворительно; заботиться объ исполненіи прави- «тельственныхъ распоряженій и опредѣленій судебныхъ мѣстъ; «наблюдать за исполненіемъ различными должностными лицами ихъ «обязанностей; служить посредниками между правительствомъ и «различными судебными властями; преслѣдовать преступленія и «проступки, нарушающіе порядокъ общественнаго строя; привле- «кать къ нимъ вниманіе суда и кару закона и, наконецъ, распо- «ряжаться исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ» [1]). По всѣмъ этимъ опредѣленіямъ коренное основаніе прокуратуры, ея верховный принципъ, есть *представительство передъ судомъ публичныхъ интересовъ вообще*. Въ кругъ ихъ входятъ, различаясь объемомъ и характеромъ, интересы государственные, правительственные и общественные. Противоположенія или розни между ними не предполагается, почему охраненіе ихъ и соединено въ однѣхъ рукахъ. А такъ какъ всѣ эти интересы воплощаются въ законѣ и осуществляются посредствомъ его примѣненія, то прокуратура и признается прежде всего *органомъ закона* (*organe de la loi*). На ряду съ этимъ она является *органомъ государства* или *общества* (*organe de la societé*) напр. въ уголовномъ преслѣдованіи, а также и *органомъ правительства* въ управленіи судебною частью (*administration de la justice*). Отсюда—огромные размѣры области, въ которой совершается ея дѣятельность, обнимающая собою множество разнообразныхъ дѣлъ, отмѣченныхъ такъ или иначе публичнымъ элементомъ. Уголовное преслѣдованіе составляетъ только одну изъ отраслей этой дѣятельности, если и преобладающую, то далеко не исключительно и лишь въ практическомъ отношеніи. Собственно надзоръ, судебно-административныя дѣла и гражданская часть требуютъ отъ французской прокуратуры почти не менѣе труда и времени, чѣмъ уголовная репрессія. Обиліе и пестрота разносторонних занятій объединяются одними и тѣми же *публичными* началами, которыя проходятъ черезъ всѣ функціи учрежденія и сказываются въ самомъ его устройствѣ. Это характеристическое соединеніе однородности и многообразія представляетъ, вмѣстѣ съ обшир-

[1]) *Schenk* I introd.

ностью сферы дѣйствія, оригинальную особенность французской прокуратуры, удачно выраженное оффиціальнымъ ея названіемъ— *ministère public* «публичное вѣдомство». Мы разсмотримъ его по роду предметовъ и для удобства ихъ обозрѣнія, со стороны *устройства*, *уголовной* (или обвинительной) *дѣятельности*, *участія* въ дѣлахъ *гражданскихъ* и *судебно-административныхъ* обязанностей прокуратуры.

II.

§ **13. Устройство.** Общія *условія службы* въ прокуратурѣ тѣже, что и для занятія всякой другой должности по магистратурѣ, т.-е. такой, которой присвоено собственно судебное званіе, достоинство *magistrat* [1]). Условія эти слѣдующія: 1) быть французскимъ гражданиномъ, 2) пользоваться правами личными, гражданскими и политическими (*civils, civiques et politiques*), 3) быть, по выраженію закона, безпорочнымъ (*de bonne vie et moeurs*), т.-е. не находиться въ положеніяхъ, формально опорочивающихъ гражданскую личность (напр. судимость, опека и проч.), 4) имѣть дипломъ «лиценціата правъ» (*licencié en droit*), соотвѣтствующій у насъ окончанію полнаго курса на юридическомъ факультетѣ, 5) имѣть званіе адвоката въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ и 6) имѣть извѣстный минимальный возрастъ, соотвѣтствующій данной должности. Послѣднее условіе для прокуратуры раздѣляется на 3 степени: нужно достигнуть для занятія должности генералъ-прокурора — 30 лѣтъ, товарища его и прокурора суда первой инстанціи — 25 лѣтъ и товарища его — 22 лѣтъ. Правила о возрастѣ не допускаютъ исключеній и строго соблюдаются. Далѣе, служба въ прокуратурѣ *несовмѣстима* ни съ какою другою должностью или профессіей, не исключая и преподаванія правъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Наконецъ, въ одномъ и томъ же судѣ не могутъ служить чины прокуратуры, находящіеся между собою или съ судьями въ близкомъ родствѣ или свойствѣ. На это, однакоже, можно исходатайствовать у правительства особое письменное разрѣшеніе (*dispense*).

---

[1]) Къ числу *magistrats* относятся только судьи и чины прокуратуры; званіемъ этимъ не пользуются такъ называемые *officiers ministeriels*, т.-е. секретари, нотаріусы, стряпчіе и судебные пристава.

Всѣ чины прокуратуры *назначаются* главою государства— нынѣ президентомъ республики — по представленіямъ министра юстиціи съ тою лишь особенностью, что назначеніе на должность генералъ-прокурора подвергается предварительному обсужденію въ совѣтѣ министровъ (*par decret rendu en conseil des ministres*). Низшихъ чиновъ представляютъ министру къ назначенію не только генералъ-прокуроры, но и первые президенты по обычаю, сохранившемуся еще отъ парламентскихъ временъ, причемъ выборъ дѣлается между тремя представленными кандидатами. Изъ общаго правила исполненія прокурорскихъ обязанностей только лицами, назначенными въ установленномъ порядкѣ на прокурорскую должность, допускаются слѣдующія исключенія. Въ случаѣ особой надобности, для временнаго замѣщенія отсутствующихъ чиновъ или при накопленіи дѣлъ, прокуроръ республики, согласно закону 10 декабря 1830 г., можетъ возложить обязанности своего субститута на извѣстный срокъ на одного или нѣсколькихъ изъ состоящихъ безъ содержанія при судѣ первой инстанціи сверхштатныхъ или дополнительныхъ судей, *juges suppléants*. Затѣмъ уставъ гражд. судопр. (ст. 84) уполномочиваетъ судъ поручать одному изъ своихъ членовъ временное по данному дѣлу исполненіе прокурорскихъ обязанностей, если при открытіи судебнаго засѣданія не оказалось на лицо ни одного изъ чиновъ прокуратуры. Впрочемъ на практикѣ порядокъ этотъ примѣняется крайне рѣдко, точно такъ же, какъ и другой, выработанный юриспруденціей, по которому при случайномъ совершенномъ отсутствіи прокурорскихъ чиновъ въ округѣ суда 1-й инстанціи, этотъ судъ назначаетъ для замѣны ихъ одного изъ своихъ членовъ [1]).

Сообразно дѣйствующему судоустройству, прокуратура, состоящая при каждомъ судебномъ мѣстѣ, распредѣляется, подъ общимъ главенствомъ министра юстиціи, по слѣдующимъ юрисдикціямъ и степенямъ. При *кассаціонномъ судѣ* (*cour de cassation*) въ Парижѣ состоитъ генералъ-прокуроръ и шесть генералъ-адвокатовъ, по двое при каждомъ изъ трехъ отдѣленій (*chambres*) суда. При каждомъ изъ 27 (не считая колоній) *апелляціонныхъ судовъ* (*cour d'appel*) также состоитъ генералъ-прокуроръ съ генералъ-адвокатами, по

[1]) По толкованію нѣкоторыхъ писателей, непримѣняемому, однако, на практикѣ, для этой цѣли можетъ быть назначенъ даже одинъ изъ мѣстныхъ адвокатовъ.

числу отдѣленій суда, и субститутами. Въ Парижѣ первыхъ 7, вторыхъ—11; въ апелляціонномъ судѣ низшаго разряда—по одному тѣхъ и другихъ. При каждомъ изъ *359 судовъ 1-й инстанціи* или *окружныхъ* (*tribunal de 1-re instance ou d'arrondissement*) дѣйствуетъ прокуроръ республики съ субститутами, число которыхъ опредѣляется разрядомъ суда; такъ въ Парижѣ ихъ 26, въ судахъ послѣдняго 6-го разряда по одному. [1]) По разрядамъ же судовъ устепеняется и содержаніе прокурорскихъ чиновъ, довольно крупное въ Парижѣ и весьма скромное въ провинціи [2]). При генералъ-прокурорахъ и прокурорахъ республики состоятъ вольнонаемныя *канцеляріи* въ завѣдываніи секретаря, *greffier*, обыкновенно не получившаго юридическаго образованія. Это простой канцелярскій чиновникъ, ведущій письмоводство и не имѣющій судебнаго званія.

Наравнѣ съ другими членами магистратуры прокуроры и ихъ товарищи пользуются извѣстными *преимуществами*, среди которыхъ занимаютъ не послѣднее мѣсто точныя правила внѣшняго почета подъ названіемъ *honneurs et preséances*. Обрядовая сторона, освященная временемъ и преданіями, имѣетъ вообще немаловажное значеніе въ строѣ и обиходѣ французскаго судебнаго сословія. Къ ней относятся, между прочимъ, распространяющіяся и на прокуратуру правила ношенія на службѣ *форменной одежды*, а также и особый порядокъ *вступленія въ должность*. Историческій костюмъ чиновъ французской магистратуры, носимый въ судебныхъ засѣданіяхъ, болѣе или менѣе извѣстенъ; онъ состоитъ изъ шерстяной мантіи съ широкими рукавами (*togue, robe*), надѣваемой сверхъ обыкновенной одежды, или форменной черной

---

[1]) Этихъ субститутовъ въ судебныхъ засѣданіяхъ принято называть *адвокатами республики, avocats de la république.*

[2]) Въ *Парижѣ* получаютъ: генералъ-прокуроръ апелляц. суда—25 т. фр., субститутъ его 11 т. фр., генералъ-адвокатъ—13 т. фр., прокуроръ республики—20 т., субститутъ его—8 т. Въ *провинціи* генералъ-прокуроръ получаетъ 18 т. фр., субститутъ его 6 т., генералъ-адвокатъ—8 т., прокуроръ республики, смотря по разряду суда отъ 5 до 10 т. фр., субституты отъ 2800 до 5 т. фр. Сообразно такому распредѣленію содержанія и въ виду какъ значенія службы въ важномъ пунктѣ и большомъ округѣ, такъ и преимуществъ жизни въ центрахъ, для субститута генералъ-прокурора и даже для генералъ-адвоката въ апелл. судѣ 4 и 3 разряда считается повышеніемъ получить должность прокурора республики при судѣ 2 или 1 разряда. Въ Парижѣ прокуроръ республики нерѣдко назначается изъ провинціальныхъ генералъ-прокуроровъ.

шелковой «симарры» и черной круглой шапки (*toque*) шерстяной или бархатной, съ галуномъ по рангамъ. Мантіи обыкновенно черныя; въ торжественныхъ же засѣданіяхъ и при публичныхъ церемоніяхъ чины апелляціонныхъ судовъ носятъ красныя, у перваго президента и генералъ-прокурора—съ горностаевымъ подбоемъ. При наружныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ, напр. при обыскахъ, осмотрахъ и проч., чины прокуратуры надѣваютъ сверхъ обыкновеннаго платья шелковые пояса, бѣлые и пунцовые, съ золотыми кистями. Вся эта традиціонная оффиціальная одежда не лишена внушительности; главное же ея значеніе заключается въ томъ, что къ ней въ теченіе столѣтій привыкъ глазъ населенія.

Вступленіе въ прокурорскую должность вновь назначеннаго на нее лица сопровождается двумя формальностями: принесеніемъ присяги, *serment* и принятіемъ въ составъ суда, въ особомъ его засѣданіи, *installation*, или *reception*. Обыкновенно оба обряда, совпадая, совершаются одновременно, но для высшихъ должностей они раздѣляются, и «принятіе» совершается въ торжественномъ засѣданіи общаго собранія (*en audience solennelle toutes les chambres reunies*). Если въ должность вступаетъ генералъ-прокуроръ, то къ присутствію въ засѣданіи приглашаются члены всѣхъ судебныхъ корпорацій, адвокатуры, нотаріата и проч. и важнѣйшія должностныя лица другихъ вѣдомствъ; первый президентъ и одинъ изъ генералъ-адвокатовъ привѣтствуютъ вступающаго (*recipendiaire*) рѣчами, на которыя онъ по обычаю отвѣчаетъ похвальнымъ словомъ своему предмѣстнику.

Приведенныя правила и условія относятся до главной организаціи. Внѣ ея стоитъ прокуратура при низшемъ, единоличномъ судѣ *мироваго судьи* и *мэра*, юрисдикція которыхъ по уголовнымъ дѣламъ называется судомъ *простой полиціи*, *tribunal de simple police*. Постоянной и отдѣльной прокуратуры здѣсь не существуетъ, прокурорскія же обязанности исполняются у мироваго судьи—мѣстнымъ полицейскимъ коммиссаромъ, а за отсутствіемъ его—мэромъ, или его товарищемъ (*adjoint*); въ судѣ мэра дѣйствуетъ въ качествѣ прокурора товарищъ мэра или одинъ изъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Если въ данной мѣстности полицейскихъ коммиссаровъ нѣсколько, то на каждый годъ генералъ-прокуроръ назначаетъ того изъ нихъ, кто долженъ быть представителемъ прокуратуры при мировомъ судѣ. По исполненію этихъ временныхъ своихъ

обязанностей названныя должностныя лица зависятъ отъ высшихъ чиновъ прокуратуры при окружномъ и апелляціонномъ судахъ.

Іерархическое строеніе прокуратуры вообще опредѣляется дисциплиною ея чиновъ. Они прежде всего органы исполнительной власти, которая въ судебномъ вѣдомствѣ ввѣряется министру юстиціи или, какъ его еще называютъ, «хранителю печатей» (*garde des sceaux*). Онъ поэтому и поставленъ во главѣ прокуратуры, хотя будучи ея начальникомъ, самъ не считается принадлежащимъ къ ея составу и никакими прокурорскими полномочіями не облеченъ. Отъ него начинается нисходящая іерархическая лѣстница прокуратуры, построенная на строгомъ *подчиненіи* низшихъ чиновъ высшимъ. На первой ея ступени стоитъ *генералъ-прокуроръ кассаціоннаго суда*, дѣйствующій и при учрежденномъ въ 1883 г. высшемъ дисциплинарномъ судѣ [1]). Кромѣ руководства (*direction*) своими генералъ-адвокатами онъ, не будучи начальникомъ остальной прокуратуры, имѣетъ, однакоже, общій надзоръ (*surveillance générale*) за генералъ-прокурорами апелляціонныхъ судовъ, а слѣдовательно и за подвѣдомственными имъ должностными лицами. Надзоръ этотъ чисто инструкціоннаго свойства и связанъ съ руководящею задачею и истолковательною дѣятельностью кассаціоннаго учрежденія. Онъ замыкается въ кругѣ обязательныхъ разъясненій и наставленій по вопросамъ, которые возникаютъ изъ дѣлъ и казусовъ, дошедшихъ до кассаціоннаго разсмотрѣнія, и не требуетъ самодѣятельной иниціативы высшаго сановника французской прокуратуры. Главою дальнѣйшей ея іерархіи является *генералъ-прокуроръ апелляціоннаго суда*,—центръ и источникъ всѣхъ прокурорскихъ полномочій, руководитель ихъ исполненія и прямой начальникъ прокуратуры своего округа. Всѣ прокурорскія обязанности лично и спеціально на него возложены (ст. 42 декрета 6 іюля 1810). Слѣдующіе затѣмъ прокурорскіе чины признаются его замѣстителями или помощниками, *substituts*, и дѣйствуютъ отъ его имени (*au nom du, pour le procureur général*). Ближайшіе помощники генералъ-прокурора дѣлятся на 2 разряда: 1) *генералъ-адвокаты*, (изъ которыхъ старшій до 1870 года назывался «первымъ»), распредѣляемые по отдѣленіямъ апелляціоннаго суда для участія

[1]) *Conseil supérieur de la magistrature*, соотвѣтствующій нашему соединенному присутствію 1-го и кассац. д-товъ и высшему дисциплинарному присутствію, образуется общимъ собраніемъ всѣхъ отдѣленій кассаціоннаго суда.

въ засѣданіяхъ (*pour le service des audiences*), и 2) *субституты*, для отправленія прокурорскаго дѣлопроизводства (*pour le service des parquets*). Первые нѣсколько возвышаются надъ вторыми и пользуются въ отношеніи генералъ-прокурора бо́льшею самостоятельностью, какъ бы въ память былой независимости и исключительно публичной дѣятельности прежнихъ парламентскихъ генералъ-адвокатовъ. Но этотъ оттѣнокъ, основанный на казуистическомъ различіи терминовъ *direction* и *surveillance* (руководство и надзоръ), употребляемыхъ для обозначенія подчиненія генералъ-прокурору его помощниковъ, [1]) имѣетъ значеніе преимущественно теоретическое. На практикѣ же тѣ и другіе безразлично исполняютъ одинаковыя обязанности по назначенію и указаніямъ генералъ-прокурора; они старшіе и младшіе только по получаемому содержанію и служебной карьерѣ.

Субститутомъ генералъ-прокурора считается и *прокуроръ республики* при судѣ 1-й инстанціи; отъ другихъ чиновъ онъ отличается тѣмъ, что, начальствуя надъ мѣстной прокуратурой, онъ дѣйствуетъ не по делегаціи генералъ-прокурора, а въ силу уполномочій, прямо возложенныхъ на него закономъ. По всѣмъ предметамъ прокурорской службы прокуроръ республики есть непосредственный органъ генералъ-прокурора, «его око», по выраженію Трельяра—какъ самъ генералъ-прокуроръ есть «око правительства» (*l'oeil du gouvernement*). Распоряжаясь своими субститутами, прокуроръ 1-й инстанціи однихъ назначаетъ для занятій въ камерѣ (*service du parquet*), а другимъ поручаетъ завѣдываніе судебною полиціей, что приближаетъ ихъ къ нашимъ участковымъ товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ, хотя вообще территоріальное распредѣленіе занятій не въ обычаяхъ французской прокуратуры [2]).

---

[1]) Субституты находятся подъ наблюденіемъ и руководствомъ (*sous la surveillance et la direction*) генералъ-прокурора; генералъ-адвокаты только подъ его руководствомъ (*sous la direction*). См. ст. 47 закона 20 Апрѣля и ст. 42 декрета 6 Іюля 1810 года.

[2]) Закономъ 20 Апрѣля 1810 г. (ст. 6) была учреждена, отмѣненная затѣмъ въ 1815 г., особая должность *императорскаго уголовнаго прокурора* въ каждомъ департаментѣ, *procureur imperial criminel*. Въ качествѣ сибститута генералъ-прокурора онъ поддерживалъ обвиненіе въ ассизахъ внѣ мѣстопребыванія апелляціоннаго суда и наблюдалъ за чинами судебной полиціи. Съ уничтоженіемъ этой должности обязанности ея были распредѣлены между генералъ-адвокатами и прокурорами при судахъ 1-й инстанціи.

Изъ дисциплины ея вытекаетъ и порядокъ *отвѣтственности* прокурорскихъ чиновъ за неправильныя дѣйствія и служебныя упущенія. Преступленія должности преслѣдуются на томъ же основаніи, какъ и служебныя преступленія судей, т. е. въ уголовномъ порядкѣ единственно при умышленности или корыстномъ характерѣ дѣянія. Добросовѣстныя же и неумышленныя ошибки или неправильности въ уголовную вину не вмѣняются, но могутъ повлечь за собою со стороны частныхъ лицъ искъ объ убыткахъ въ особой процедурѣ *prise a partie*. Въ отношеніи личной отвѣтственности за должностныя упущенія, вся область этихъ послѣднихъ входитъ въ дисциплинарную компетентность іерархическаго начальства. Въ маловажныхъ случаяхъ («предосудительнаго образа дѣйствій или поведенія», *conduite reprehensible*) генералъ-прокуроръ апелляціоннаго суда напоминаетъ провинившимся объ ихъ обязанностяхъ *(sont rappelés à leur devoir)* или объявляетъ имъ замѣчаніе *(sont reprimandés)*. При болѣе важныхъ нарушеніяхъ онъ доноситъ министру юстиціи, который или дѣлаетъ черезъ генералъ-прокурора надлежащія внушенія *(injonctions)* виновному, или для той же цѣли вызываетъ его къ себѣ, или, наконецъ, распоряжается переводомъ его въ другую мѣстность, или даже совершеннымъ увольненіемъ. Послѣднія двѣ мѣры практикуются рѣдко и больше всего по причинамъ политическаго свойства.

Сплоченная подчиненіемъ прокуратура скрѣпляется и *внутреннимъ единствомъ* и дѣловою *нераздѣльностью* ея чиновъ: «*le ministère public est un et indivisible*». Таково основное начало «паркета», въ единствѣ котораго, по словамъ Ф. Эли [1]), заключается и его сила. Нераздѣльность не смѣшиваетъ предѣловъ вѣдомства прокуратуры разныхъ ранговъ, а только, облекая равными полномочіями всѣхъ чиновъ той же инстанціи, допускаетъ замѣну одного другимъ во всякомъ положеніи процесса. Начало единства сообщаетъ прокурорской дѣятельности безличный характеръ: дѣйствуетъ или говоритъ не тотъ или другой единичный дѣятель, а въ лицѣ его—весь институтъ прокуратуры. Отсюда употребленіе въ рѣчи и на письмѣ множественнаго числа («*мы*») и коллективныхъ оборотовъ, напр.: дѣло такого-то «съ прокуратурой» и т. д.,

---

[1]) *F. Hélie*, I, № 682.

а также и обычай, по которому, при произнесеніи рѣчи представителемъ прокуратуры, всѣ другіе находящіеся въ засѣданіи чины ея присутствуютъ, стоя рядомъ съ говорящимъ.

Въ тѣсной связи съ очерченнымъ устройствомъ французской прокуратуры находится вопросъ о личной и дѣловой *независимости* ея чиновъ. Принципъ этотъ установленъ ясно и категорично въ томъ, что касается судовъ и судей; отъ нихъ прокуратура вполнѣ отдѣльна и независима. Усмотрѣвъ неправильныя дѣйствія прокурора, судъ можетъ только сообщить о нихъ его начальству и не вправѣ ни прямо, ни косвенно выразить свое порицаніе или неодобреніе. Всякія судебныя опредѣленія или распоряженія, содержащія въ себѣ что-либо подобное, кассаціонный судъ издавна признаетъ ничтожными и систематически ихъ отмѣняетъ. Проводя это положеніе строго и послѣдовательно, юриспруденція не допускаетъ никакого распространенія на чиновъ прокуратуры распорядительной власти предсѣдательствующаго въ засѣданіи, такъ называемой *police d'audience*. Напротивъ того, самъ прокуроръ призванъ всѣми мѣрами содѣйствовать поддержанію порядка въ засѣданіи и принимать въ этомъ живѣйшее участіе; между прочимъ онъ наблюдаетъ за порядкомъ въ залѣ засѣданія во время отсутствія президента, при перерывахъ или совѣщаніи судей. Французскимъ судебнымъ нравамъ противорѣчитъ даже предположеніе о томъ, что полицейская власть президента при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ могла быть направлена противъ прокурора—органа закона и правительства. Поэтому нѣтъ и помину о томъ, чтобы прокуроръ могъ быть лишенъ слова, прерванъ въ рѣчи или принужденъ выслушать замѣчаніе. Въ юридической публицистикѣ принято считать французскихъ президентовъ и прокуроровъ страстными и заносчивыми, но по крайней мѣрѣ другъ противъ друга имъ этихъ свойствъ проявлять не приходится, и отношенія ихъ характеризуются полнымъ взаимнымъ уваженіемъ. Вообще антагонизмъ и личныя пререканія между отдѣльными отраслями магистратуры, «сидячей» и «стоячей» представляютъ во Франціи явленіе рѣдкое и исключительное. Другъ отъ друга независимыя и отдѣльныя, онѣ соединены общими интересами дѣла и взаимныя точки соприкосновенія не обращаютъ въ поводы къ раздорамъ. При этомъ внѣшнія ихъ отношенія проникнуты полнымъ взаимнымъ уваженіемъ,

которое, со стороны прокуратуры, выражается и въ формальныхъ знакахъ почтенія къ суду [1]).

Внутри самой прокуратуры іерархическое подчиненіе начальству не исключаетъ личной независимости ея чиновъ и самостоятельности всего учрежденія. Но начала эти, настойчиво проводимыя доктриной, нигдѣ въ законѣ прямо не выражены и должны быть извлекаемы изъ его постановленій путемъ сложныхъ и иногда довольно отдаленныхъ толкованій, что вызываетъ многочисленныя контроверзы и, конечно, ослабляетъ и затрудняетъ практическое проявленіе свободы прокурорскаго слова и убѣжденія [2]).

Единственнымъ законодательнымъ указаніемъ по этому предмету служатъ предписанія декрета 6 іюля 1810 (ст. 48 и 49) объ отношеніяхъ между генералъ-прокуроромъ аппелляціоннаго суда и его товарищами. Въ дѣлахъ важныхъ, а также обращающихъ на себя личное вниманіе генералъ-прокурора, генералъ-адвокаты должны предварительно сообщать ему заключенія, которыя они предполагаютъ предъявить суду. Если генералъ-прокуроръ не согласенъ съ такимъ заключеніемъ, то вопросъ обсуждается въ общемъ совѣщаніи «паркета», и затѣмъ заключеніе предъявляется сообразно мнѣнію, высказанному большинствомъ голосовъ. При равенствѣ ихъ даетъ перевѣсъ мнѣніе генералъ-прокурора, который во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ преобладающій взглядъ его товарищей, можетъ взять дальнѣйшее веденіе дѣла на себя. Приведенныя правила недостаточно опредѣлительны въ отношеніи генералъ-адвокатовъ, вовсе не касаются субститутовъ и прокуратуры 1-й инстанціи и вообще не обнимаютъ собою множества случаевъ, возникающихъ на практикѣ. Съ другой стороны нельзя отказать и въ значеніи этой единственной въ европейскихъ законодательствахъ попыткѣ ввести коллегіально-совѣщательное обсужденіе важныхъ и сложныхъ казусовъ въ прокуратуру—учрежденіе, хотя

---

[1]) Такъ напр. вопросъ о томъ, долженъ ли прокуроръ обращаться къ суду не иначе какъ *стоя*, разрѣшенъ утвердительно министерскимъ распоряженіемъ еще 19 Мая 1818 г. и съ тѣхъ поръ не возбуждалъ никакихъ недоразумѣній.

[2]) Современные французскіе юристы съ живѣйшимъ одобреніемъ и сочувствіемъ останавливаются на нашихъ постановленіяхъ о существѣ независимости чиновъ прокурорскаго надзора (ст. 130 Учр. Суд. Уст., ст. 539 и 740 У. У. С.) и, находя ихъ весьма опредѣлительными и правильными, ставятъ въ примѣръ своему законодательству. (*Temps* 1887. *Le ministère public en Russie*» по поводу статьи автора подъ этимъ заглавіемъ въ «*Journal des Parquets*»).

и единоличное, но все-таки состоящее изъ совокупности обязательно свѣдущихъ и компетентныхъ членовъ.

Что же касается до юридическаго ученія о прокурорской независимости, то оно различаетъ дѣятельность прокуратуры въ качествѣ представителя закона и общественныхъ интересовъ отъ дѣйствій ея, какъ агента правительства. Безусловно подчиненный начальству въ этой послѣдней области, прокуроръ признается въ первой независимымъ членомъ магистратуры, который обязанъ руководствоваться только законами и совѣстью. Поэтому прокуратура связана начальственными приказаніями и исполняетъ ихъ безпрекословно по дѣламъ судебнаго управленія, о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, о принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ при его производствѣ и по всѣмъ предметамъ судебной полиціи. Но разъ преслѣдованіе начато, оно уже не можетъ быть остановлено или произвольно видоизмѣнено по указаніямъ начальства, и въ дальнѣйшемъ веденіи дѣла прокуратура дѣйствуетъ въ законномъ порядкѣ и согласно своему убѣжденію. Точно также ей не можетъ быть приказано не возбуждать уголовнаго преслѣдованія при наличности законнаго къ нему основанія, такъ какъ въ подобномъ случаѣ преслѣдованіе требуется закономъ и общественными интересами, не завися отъ усмотрѣнія властей. Равнымъ образомъ и во всѣхъ своихъ заключеніяхъ передъ судомъ прокуратура юридически свободна и независима, по старому правилу о свободѣ слова въ противоположность зависимости «письма». Такова доктрина, въ общемъ соблюдаемая, но тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ законодательныхъ опредѣленій и санкціи, страдающая излишнею эластичностью и недостаточною ясностью при практическомъ примѣненіи, благодаря чему открывается широкій просторъ казуистикѣ и софизмамъ. Практика, поэтому, въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ легко отступить отъ теоретическихъ принциповъ. При всѣхъ смѣнявшихся во Франціи режимахъ она всегда обнаруживала стремленіе къ тому, чтобы прокуратура оставалась, по выраженію мотивовъ проэкта новаго устава уголовнаго судопроизводства,—«въ рукахъ правительства» *(dans la main du gouvernement)*. Это положеніе, впрочемъ, если только оно не переходитъ въ произволъ и злоупотребленія, вытекаетъ изъ самаго существа института и его политико-юридической постановки. Чины прокуратуры не пользуются, подобно судьямъ, *несмѣняемостью*, а уволь-

няются и перемѣщаются по усмотрѣнію правительства; въ этомъ правѣ его заключается наиболѣе дѣйствительная гарантія правительственнаго руководства и контроля надъ прокурорскою дѣятельностью. Такой взглядъ законодательства преобладаетъ и въ наукѣ, хотя и далеко не единодушно. Есть серьезные авторитеты, напр. *Беранже*, *Карре*, *Ортоланъ* и *Ледо* [1]), требующіе для прокуратуры несмѣняемости. Они исходятъ, главнымъ образомъ, изъ того соображенія, что прокуратура, являясь необходимою отраслью судебнаго вѣдомства *(ordre judiciaire)*, входитъ въ составъ магистратуры, немыслимой безъ несмѣняемости; что представители закона и общественныхъ интересовъ передъ судомъ не должны быть зависимы отъ усмотрѣнія правительства, т. е. исполнительной власти, руководящее главенство котораго надъ «публичнымъ министерствомъ» достаточно обезпечивается порядкомъ назначенія его чиновъ и обязательностью для нихъ правительственныхъ распоряженій; что и въ старой Франціи прокуратура была фактически несмѣняемой и, наконецъ, что только несмѣняемость можетъ дать ей дѣйствительную самостоятельность, а съ нею и общественное уваженіе. Наоборотъ, цѣлый рядъ другихъ писателей, также весьма компетентныхъ въ вопросахъ судоустройства вообще и прокуратуры въ частности, упорно отстаиваютъ теперешнее смѣняемое положеніе чиновъ этого учрежденія. Особенно заслуживаетъ здѣсь вниманія аргументація *Мейера*, *Дельпона*, и *Манжена* [2]). Они вовсе не высказываются за неограниченное пассивное и механическое подчиненіе прокуратуры. Порабощеніе ея, по мнѣнію Дельпона, «было бы пагубно столько же для власти, сколько и для «общественной нравственности. Какое довѣріе могли бы внушить «ея заключенія и предположенія, еслибы они были только отраже«ніемъ предписанныхъ свыше взглядовъ. Это окончательно урони«ло бы должность, получающую блескъ отъ благородства харак«тера ея исполнителей, свою силу и довѣріе къ себѣ—отъ муже«ственной ихъ честности и глубокаго сознанія ими долга». Но подобная самостоятельность по самой идеѣ института должна быть

---

[1]) *Ortolan et Ledeau* I introd. LIX—LXXI. *Berenger*. De la justice criminelle en France 1818 p. 267. *Carré*. De la competence des cours et tribunaux. Quest 130.

[2]) *Meyer*. Instit. judiciaires V p. 269. *Delpon*. II p. 259, 276. *Mangin*. I p. 247.

ограничена точно указанными въ законѣ предѣлами повиновенія въ словѣ и дѣйствіи и не можетъ простираться до несмѣняемости. Принадлежа съ одной стороны къ судебному вѣдомству, прокуроръ съ другой—служитъ въ немъ органомъ правительства, призваннаго охранять примѣненіе законовъ отъ нарушеній и преслѣдовать преступленія. Для исполненія этой активной задачи власть должна свободно располагать своимъ органомъ въ судебной сферѣ, точно такъ же, какъ она располагаетъ своими агентами въ другихъ сферахъ, военной, административной и т. д. Слѣдовательно правительство не можетъ быть лишено права смѣнять чиновъ прокуратуры, несоотвѣтствующихъ его видамъ—иначе осуществленіе имъ черезъ нее первостепенныхъ важныхъ обязанностей обратится въ пустую фикцію. Прокуроръ не судья, не рѣшитель судебнаго спора, а лишь одинъ изъ участвующихъ въ немъ противниковъ; ему не нужна независимость въ такой мѣрѣ, какъ судьѣ, рѣшенія котораго обязательны даже и для самой исполнительной власти. Фактическая несмѣняемость до-революціонной прокуратуры не можетъ идти въ разсчетъ уже потому, что положеніе это создалось не прямо и не легально—старые прокуроры были прежде всего «людьми короля»,—а косвенно, какъ послѣдствіе продажности судебныхъ должностей, явленія совершенно отжившаго и теперь невозможнаго. Въ заключеніе приводится еще одинъ убѣдительный аргументъ: истинная самостоятельность учрежденія, поставленнаго въ такія условія дѣятельности, какъ прокуратура, не можетъ быть обезпечена несмѣняемостью, т. е. гарантіею чисто формальнаго свойства, такъ какъ она или парализуетъ ихъ дѣйствія и правительственное ими руководство, или сама дѣлается призрачною. По справедливому замѣчанію Манжена, «независимость «чиновъ прокуратуры безъ сомнѣнія желательна, но лишь та, «основаніе которой заключается въ благородствѣ характера и «личной, прямодушной и стойкой добросовѣстности. Правительство «должно выбирать людей на эти должности съ умѣніемъ и осто«рожностью. Оно достигнетъ этого, если, вмѣсто произвола, бу«детъ руководиться при назначеніяхъ разумными правилами и ввѣ«рять прокурорскія обязанности исключительно лицамъ, уже испы«таннымъ».

III. Дѣятельность по уголовнымъ дѣламъ.

§ 14. **Уголовное преслѣдованіе и судебная полиція.** По основному началу французскаго судебнаго права, во всякомъ процессѣ, уголовномъ или гражданскомъ, прокуратура считается стороною, *partie*, или точнѣе участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ, которое предъявляетъ суду извѣстныя требованія и домогается ихъ удовлетворенія, или же только излагаетъ передъ нимъ свое заключеніе. Въ первомъ случаѣ прокуратура дѣйствуетъ, какъ *partie principale*, т. е. какъ настоящая сторона, активно (*par voie d'action*) проводящая и отстаивающая свои домогательства; во второмъ—она только *partie jointe*, государственный юрисконсультъ, третье лицо, присоединяющееся въ публичномъ интересѣ съ своимъ заключеніемъ или предположеніемъ (*par voie de conclusion, de requisition*) къ той или другой изъ борющихся въ процессѣ частныхъ сторонъ, смотря по тому, которую изъ нихъ прокуратура находитъ правою съ законной точки зрѣнія. Въ обоихъ случаяхъ принципъ дѣятельности одинъ и тотъ же: охраненіе законовъ и публичныхъ интересовъ, все же различіе заключается въ способѣ и формѣ дѣйствія. Какъ *partie principale*, прокуратура противополагается другой сторонѣ, участвующей въ процессѣ, и если имѣетъ передъ нею нѣкоторыя преимущества, то единственно въ виду государственнаго своего характера. Французское право вообще придерживается того взгляда, что хотя въ процессѣ государство, представляемое правительствомъ, а это послѣднее въ свою очередь—прокуратурой, и снисходитъ до правовой борьбы съ своими частными противниками, но на одну доску съ нимъ поставлено быть не можетъ и нуждается въ большемъ, нежели они, просторѣ и силѣ воздѣйствія. За то какъ безпристрастная *partie jointe*, прокуратура стоитъ внѣ спора частныхъ сторонъ и ближе къ суду, въ помощь и назиданіе которому даетъ свое объективное заключеніе, служащее однимъ изъ матеріаловъ для судейскаго сужденія. Поэтому въ первомъ качествѣ прокуроръ, подобно всякой другой сторонѣ, не подлежитъ отводу (*recusation*), а во второмъ онъ можетъ быть отводимъ наравнѣ съ судьями. Въ это основное дѣленіе прокурорской функціи, проходящее черезъ всю ея область, систематически укладываются отдѣльныя ея проявленія, принимая, смотря по свойству дѣйствія, то характеръ

дѣятельнаго и властнаго стремленія къ намѣченной цѣли, то отпечатокъ безлично-спокойнаго выраженія независимыхъ мнѣній, безотносительно къ практическому исходу дѣла. По уголовнымъ дѣламъ прокуратура всегда и вездѣ дѣйствуетъ, какъ *partie principale*, публичная сторона, домогающаяся возмездія за совершенное преступленіе (*repression*). Это достигается посредствомъ раскрытія преступнаго дѣянія, изобличеніемъ и наказаніемъ виновнаго, что и составляетъ конечную уголовную задачу прокуратуры.

Въ ея уголовной дѣятельности слѣдуетъ различать два капитальныхъ момента: судебную полицію, *police judiciaire*, и уголовное преслѣдованіе, *action publique*. Эти два понятія составляютъ краеугольный камень французскаго уголовнаго процесса, который весь построенъ на ихъ развитіи. Изъ нихъ послѣднее опредѣленія не требуетъ, судебная же полиція, какъ стадія судопроизводства, есть предварительный розыскъ преступленія и преступника, переходящій затѣмъ въ судебное разслѣдованіе или слѣдствіе (*instruction*), когда его беретъ въ свои руки слѣдственный судья. Тѣмъ же терминомъ—*судебная полиція*—обозначается и система органовъ, производящихъ судебно-полицейскій розыскъ, имѣющій цѣлью установить и сохранить слѣды преступленія, а также и собрать первоначальныя доказательства виновности (*rechercher*). Органъ уголовнаго преслѣдованія, оцѣнивая добытый такимъ образомъ матеріалъ въ смыслѣ обвиненія, предъявляетъ это послѣднее надлежащему суду (*saisit les tribunaux, poursuit*) и требуетъ виновному наказанія (*requiert l'application de la peine*). Раздѣленіе обѣихъ функцій, судебной полиціи и преслѣдованія, есть основное начало процессуальнаго законодательства. Когда при разработкѣ устава уголовнаго судопроизводства 1808 года было сначало проектировано соединить ту и другую въ вѣдѣніе одного органа, большинство рѣшительно возстало противъ такого смѣшенія, признавая его отжившимъ и вреднымъ для правосудія. По замѣчанію *Камбасереса* лицу, производящему преслѣдованіе, трудно сохранить безпристрастіе и при изслѣдованіи преступленія, а по заявленію *Bigot de Preameneu* «всѣ граждане должны бы трепетать, если одно и то же лицо будетъ «уполномочено и обвинять, и собирать доказательства обвиненія».

Эти возраженія привели къ компромиссу между новою тенденціею и старымъ инквизиціоннымъ принципомъ. Обвиненіе и преслѣдованіе было возложено на прокуратуру, розыскъ же на особую органи-

зацію чиновъ судебной полиціи, съ включеніемъ въ нее и единоличныхъ судей. При этомъ, однако же, въ уступку прежнему началу, отъ котораго, ради успленія гарантій общественной безопасности, не находили возможнымъ отказаться, руководство предварительнымъ изслѣдованіямъ преступленій было поручено высшимъ чинамъ прокуратуры, а ея органы вошли и въ судебно-полицейскую организацію съ извѣстными аттрибутами совершенно слѣдственнаго значенія. Такимъ образомъ отдѣленіе судебной полиціи отъ уголовнаго преслѣдованія ясно и полно лишь въ отвлеченной теоріи; въ догматическомъ же и особенно практическомъ осуществленіи той или другой функціи, онѣ тѣсно связаны общими органами и почти одинаковыми способами дѣйствія.

Уголовное преслѣдованіе (*action publique*), возникающее изъ нарушенія общественнаго порядка преступленіемъ, принадлежитъ государству, которое ввѣряетъ осуществленіе его прокуратурѣ. Она владѣетъ монополіей преслѣдованія и, приводя его въ движеніе, широко и свободно имъ распоряжается. Всѣ поводы къ его начатію изъ источниковъ какъ частныхъ (жалобы, заявленія), такъ и оффиціальныхъ (сообщенія должностныхъ лицъ) стекаются у прокуратуры; отъ нея зависитъ дать имъ то или другое направленіе. Помимо ея не возникаетъ и не производится ни одно уголовное дѣло; въ особенности предоставленъ ея полновластному вѣдѣнію актъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія.

Поводы къ нему она оцѣниваетъ и разрѣшаетъ, не будучи связана формально обязательными условіями со стороны не только ихъ законности, но и цѣлесообразности дальнѣйшаго производства. На практикѣ это послѣднее начало даже преобладаетъ. Прокуратура вправѣ не возбуждать преслѣдованія и при наличности законныхъ признаковъ преступленія, если находитъ это неудобнымъ или безцѣльнымъ, между прочимъ и по маловажности правонарушеній (*des infractions, pas assez graves pour justifier l'exercice de l'action publique*). Среднимъ числомъ до 10% всѣхъ доходящихъ до прокуратуры уголовныхъ дѣлъ оставляется прокуратурой безъ судебнаго преслѣдованія на вышеуказанномъ основаніи, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что руководящимъ началомъ ея дѣятельности служитъ широкое примѣненіе начала умѣстности преслѣдованія. Мѣриломъ служитъ здѣсь общественный интересъ (*intérêt social*), имѣющій прямо рѣшающее значеніе въ вопросахъ собст-

венной инициативы прокурора при возбужденіи преслѣдованія. Цѣлымъ рядомъ министерскихъ распоряженій прокуратурѣ вмѣняется въ обязанность вчинать дѣла, особенно по маловажнымъ преступленіямъ, только въ случаѣ дѣйствительнаго и явнаго нарушенія общественнаго порядка (*ordre public*) [1]). Что считать такимъ нарушеніемъ—опредѣляется въ значительной степени усмотрѣніемъ прокуратуры, на дѣйствія которой по уголовному преслѣдованію могутъ быть принесены жалобы лишь по начальству, въ порядкѣ прокурорской подчиненности [2]). Но и независимо отъ обжалованія правильность этихъ дѣйствій прокуратуры обставлена извѣстными гарантіями. Присвоенная ей монополія обвиненія нѣсколько ограничена участіемъ другихъ органовъ, если не въ веденіи, то въ возбужденіи преслѣдованія, свобода котораго не исключаетъ разносторонняго за нимъ контроля. Въ возбужденіи уголовныхъ дѣлъ могутъ принимать участіе нѣкоторые потерпѣвшіе, апелляціонные суды и министръ юстиціи, а послѣдніе два органа, кромѣ того, и наблюдать за ходомъ и производствомъ преслѣдованія.

По частнымъ жалобамъ *потерпѣвшихъ* вообще прокуратура не обязана возбуждать преслѣдованіе, но жалобы тѣхъ изъ нихъ, которые заявляютъ себя гражданскими лицами (*partie civile*), обязательно передаются ею слѣдственному судьѣ, хотя бы и съ заключеніемъ объ оставленіи безъ послѣдствій. Рѣшеніе принадлежитъ судьѣ, который, однакоже, крайне рѣдко приступаетъ къ слѣдствію вопреки мнѣнію прокуратуры. По дѣламъ, подсуднымъ судамъ простой и исправительной полиціи, гражданскіе истцы имѣютъ право непосредственно (*par citation directe*) призывать къ суду обвиняемыхъ и затѣмъ поддерживать противъ нихъ свой искъ въ уголовномъ порядкѣ, не смотря на непредъявленіе обвиненія прокуратурой,

---

[1]) Циркуляры министерства юстиціи 5 Апрѣля 1817, 20 Ноября 1829, 18 Августа 1842 и др. въ сборникѣ *Gillet et Demoly*.

[2]) Какъ распоряжается французская прокуратура своимъ исключительнымъ правомъ разрѣшать поводы къ уголовному преслѣдованію, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: за 5-ти лѣтній періодъ времени, 1881—1885 гг., изъ числа дѣлъ, поступившихъ къ прокуратурѣ, ею прекращено безъ дальнѣйшаго производства (*classées sans suite au parquet*) *51%*, т.-е. болѣе половины, внесено непосредственно въ судъ исправительной полиціи для судебнаго разсмотрѣнія *32%*, т.-е. около трети, передано въ другія установленія *6%*, и только по *11%* возбуждено предварительное слѣдствіе. (*Докладъ президенту республики министра юстиціи Сарріена (Sarrien)* объ отправленіи уголовнаго правосудія во Франціи).

заключеніе которой судъ во всякомъ случаѣ выслушиваетъ. Наконецъ по нѣкоторымъ преступленіямъ уголовно-частнаго характера [1]) преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено прокуратурой безъ частной жалобы, но разъ возбужденное производится на общемъ основаніи; во Франціи нѣтъ подобнаго нашему порядка исключительно частнаго обвиненія.

Не обширна и обвинительная инціатива *апелляціонныхъ судовъ*. По закону 20 апрѣля 1810 (ст. 11) они имѣютъ право «въ общемъ собраніи и по докладу одного изъ своихъ членовъ о совершившемся преступленіи пригласить генералъ-прокурора возбудить преслѣдованіе или представить отчетъ о преслѣдованіи, уже начатомъ». Но это право, по самому содержанію своему трудно осуществимое для коллегіальнаго учрежденія, остается мертвой буквой и съ 1810 было примѣнено не болѣе нѣсколькихъ разъ и притомъ въ случаяхъ, совершенно исключительныхъ. Гораздо существеннѣе другое право апелляціонныхъ судовъ—при разсмотрѣніи дѣлъ въ обвинительной камерѣ постановлять о распространеніи уже возбужденнаго преслѣдованія на новые объекты и даже возбуждать его вновь назначеніемъ слѣдствія по усмотрѣннымъ признакамъ преступнаго дѣянія (ст. 235 кодекса уг. суд.). Это практически важное полномочіе, сообщающее апелляціоннымъ судамъ дѣятельное вліяніе на ходъ преслѣдованія, вытекаетъ изъ возложеннаго на нихъ общаго наблюденія за его отправленіями и, какъ будетъ сказано ниже, за судебною полиціей.

Министръ юстиціи, не возбуждая самъ уголовнаго преслѣдованія, можетъ предписывать о томъ подвѣдомственной ему прокуратурѣ, органы которой въ этомъ отношеніи состоятъ въ полной и безусловной отъ него зависимости; черезъ нихъ и руководя ихъ дѣйствіями, онъ наблюдаетъ и за общимъ теченіемъ преслѣдованія.

Изъ различныхъ чиновъ прокуратуры, двое, *генералъ-прокуроръ* и *прокуроръ республики*, непосредственно, по прямой делегаціи права и обязанности государства производить преслѣдованіе, отправляютъ его при содѣйствіи генералъ-адвокатовъ, субститутовъ и временныхъ прокурорскихъ чиновъ при судѣ простой полиціи.

---

[1]) Къ числу такихъ преступныхъ дѣяній, которыхъ насчитывается всего девять категорій, принадлежитъ напр.: клевета и диффамація, контрафакція, охота и рыбная ловля на чужой территоріи, прелюбодѣяніе и проч.

Перечисленные органы дѣйствуютъ какъ представители первыхъ двухъ начальствующихъ чиновъ, подъ ихъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ. По замѣчанію Ф. Эли [1]) «законодатель «распредѣлилъ обвинительные органы, соединенные между собою «единствомъ, нераздѣльностью и подчиненіемъ, по различнымъ сте«пенямъ юрисдикціи и по всѣмъ пунктамъ территоріи; онъ обезпе«чилъ публичному интересу поддержку и содѣйствіе интересовъ «частныхъ; въ каждомъ округѣ онъ помѣстилъ въ апелляціонномъ «судѣ, т. е. среди высшей магистратуры центръ и регуляторъ «уголовнаго преслѣдованія и надъ всей этой стройной организаціей «поставилъ министра, обязаннаго наблюдать за нею и отвѣтствен«наго за исполненіе законовъ».

Какъ на юридическую гарантію обвинительной дѣятельности прокуратуры слѣдуетъ указать и на независимость начатаго преслѣдованія отъ ея произвола. Она не вправѣ ни взять его назадъ, ни прекратить по своему усмотрѣнію и собственнымъ распоряженіемъ. Дѣло, возникшее по возбужденному преслѣдованію, должно идти и разрѣшиться установленнымъ порядкомъ, по судебному опредѣленію; прокуратура же, убѣдившись въ неосновательности обвиненія, можетъ только, не поддерживая его, заявлять о томъ на распоряженіе судьи или суда (*conclusions, requisitoire de non lieu, d'absolution*).

Судебная полиція (*police judiciaire*) представляетъ довольно сложную и весьма оригинальную организацію. Судебно-полицейскія обязанности исполняютъ, подъ высшимъ надзоромъ апелляціоннаго суда: 1) прокуроры республики и ихъ товарищи, 2) слѣдственные и мировые судьи и 3) рядъ административныхъ и полицейскихъ должностныхъ лицъ [2]). Первенствующее мѣсто въ ряду этихъ органовъ занимаетъ прокуроръ республики; мировые судьи, жандармскіе офицеры и полицейскіе коммиссары считаются его помощниками (*auxiliaires*) по судебной полиціи. Всѣ чины ея, не исключая и слѣдственныхъ судей въ этой сферѣ ихъ дѣятельности, подчинены наблюденію генералъ-прокурора, который можетъ своею властью

---

[1]) *F. Hélie.* I. № 736.

[2]) Лица эти: 1) полицейскій префектъ Парижа и префекты департаментовъ, 2) жандармскіе офицеры, 3) полицейскіе коммиссары, 4) мэры и ихъ помощники и 5) полевые и лѣсные сторожа.

дѣлать имъ предостереженіе за допущенныя небрежности, въ случаѣ же повторенія предаетъ ихъ дисциплинарному сужденію апелляціоннаго суда. Прокуроры республики доносятъ ему о всѣхъ дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія преступленіяхъ и въ точности исполняютъ его судебно-полицейскія распоряженія, на практикѣ обыкновенно касающіяся лишь общаго хода розысковъ или отдѣльныхъ выдающихся дѣлъ. Дѣйствія судебной полиціи, начинаясь съ момента полученія перваго извѣстія о преступномъ дѣяніи, существенно различаются, смотря по тому, будетъ ли случай простой или же представляетъ собою одинъ изъ видовъ (*flagrant délit*), требующихъ немедленнаго и энергическаго воздѣйствія [1]). Въ случаяхъ, неподходящихъ подъ опредѣленіе *flagrant délit*, всѣ чины судебной полиціи (въ томъ числѣ и слѣдственные судьи) передаютъ полученныя ими свѣдѣнія и заявленія о преступленіи прокуратурѣ, отъ которой зависитъ возбудить преслѣдованіе. Если въ полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣніяхъ оказывается недостаточно данныхъ для разрѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, то разъясненіе его производится посредствомъ *дознанія, enquête officielle,* которое прокуратура возлагаетъ на одного изъ слѣдующихъ органовъ судебной полиціи: мироваго судью, полицейскаго коммиссара или жандармерію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прокуроръ республики и непосредственно производитъ такое дознаніе, вообще предоставленное вполнѣ его руководству и наблюденію. Законъ объ этомъ порядкѣ умалчиваетъ, и многіе процессуалисты, въ томъ числѣ и Ф. Эли, возстаютъ противъ произвольнаго его примѣненія. Но практика еще съ 20-хъ годовъ усвоила подобный пріемъ, который рекомендуется длиннымъ рядомъ министерскихъ распоряженій и въ настоящее время дѣйствуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ немъ основательно видятъ средство соблюдать осторожность въ начатіи уголовнаго преслѣдованія и не возбуждать слѣдствій безъ настоятельной въ томъ надобности. Въ этомъ смыслѣ въ докладѣ

---

[1]) Во понятіе *flagrant délit* входитъ: 1) совершаемое или только что совершившееся преступленіе, 2) случаи, когда виновный въ преступленіи указывается общественною молвою (*clameur publique*), или когда обвиняемый застигнутъ съ предметами, оружіемъ, орудіемъ или бумагами, указывающими на совершеніе имъ преступленія или участіе въ таковомъ, если притомъ это имѣло мѣсто въ ближайшее по совершеніи преступленія время и 3) когда хозяинъ дома заявляетъ о преслѣдованіи преступленія, совершившагося внутри дома (ст. 41 и 46 кодекса угол. судопр.).

министра юстиціи Дюфора президенту республики объ отправленіи уголовнаго правосудія за 50 лѣтъ указываются полезные результаты предварительныхъ дознаній, развитію которыхъ приписывается за 1876—1880 значительное уменьшеніе числа слѣдствій и уменьшеніе количества дѣлъ, оставленныхъ безъ преслѣдованія. При *flagrant délit* по дѣламъ, подсуднымъ суду исправительной полиціи (т. е. безъ участія присяжныхъ) на основаніи закона 20 мая 1863, всякій обвиняемый, задержанный полиціей, немедленно передается въ распоряженіе прокуратуры, которая, по разсмотрѣніи основательности обвиненія, или вноситъ его въ судъ для безотлагательнаго разсмотрѣнія, или же освобождаетъ задержаннаго [1]).

Обширнѣе всего право прокуратуры при *flagrant délit* по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ, т. е. о важнѣйшихъ преступленіяхъ, подвергающихъ одному изъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній (*peine afflictive et infamante*). Здѣсь прокуроръ является не только прямымъ руководителемъ полиціи, но и настоящимъ слѣдователемъ, до прибытія слѣдственнаго судьи, которому онъ передаетъ затѣмъ все производство. По закону, прокуроръ, по полученіи свѣдѣній о преступленіи, отправляется на мѣсто его совершенія, гдѣ, въ сопровожденіи и при участіи одного изъ мѣстныхъ чиновъ судебной полиціи, производитъ всѣ необходимыя и не терпящія отлагательства слѣдственныя дѣйствія: обыски, осмотры, допросы обвиняемыхъ, свидѣтелей и экспертовъ. Онъ задерживаетъ при этомъ достаточно изобличенныхъ обвиняемыхъ и дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ тѣхъ изъ нихъ, которые отсутствуютъ. Независимо отъ личнаго производства слѣдственныхъ дѣйствій, прокуроръ можетъ возлагать таковыя и на другихъ чиновъ судебной полиціи. Прибытіе его на мѣсто преступленія дѣлаетъ его полнымъ распорядителемъ производящагося судебно-полицейскаго изслѣдованія, пока не приметъ его въ свое дальнѣйшее вѣдѣніе слѣдственный судья, извѣщаемый прокуроромъ о выѣздѣ на мѣсто. Цѣль этихъ

---

[1]) Этому порядку слѣдуетъ множество дѣлъ о мелкихъ кражахъ и обманахъ, уличныхъ буйствахъ, бродяжничествѣ, нищенствѣ и т. д. Въ Парижѣ масса лицъ, задерживаемыхъ по такимъ обвиненіямъ, ежедневно разбирается и распредѣляется, куда слѣдуетъ въ особомъ, устроенномъ для этой цѣли отдѣленіи прокурорской камеры при префектурѣ полиціи подъ названіемъ *petit parquet*, гдѣ дѣйствуютъ назначенные для этого субституты прокурора республики. Учрежденіе это работаетъ быстро, правильно, пользу приноситъ несомнѣнную, и поэтому пользуется большимъ сочувствіемъ.

первоначальныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, предоставленныхъ обвинительной власти,— сохранить слѣды преступленія, могущіе изгладиться и обнаружить преступника, могущаго скрыться. Въ мѣропріятіяхъ для указанной цѣли надобность можетъ быть спѣшная, а потому тѣми же правами при *flagrant délit*, до прибытія прокурора, пользуются и чины полиціи, считающіеся его помощниками. Въ дѣйствительности они чаще всего и дѣйствуютъ, такъ какъ прокуратура, уже по своей малочисленности, имѣетъ возможность только въ рѣдкихъ случаяхъ непосредственно исполнять судебно-полицейскія обязанности. Практика за этимъ и не гонится; она довольствуется тѣмъ, что у прокуратуры остается дѣятельное и постоянное руководительство судебною полиціей, внимательная повѣрка ея дѣйствій и исправленіе судебно-полицейскихъ производствъ.—Акты изслѣдованія, составленныя прокуроромъ въ случаяхъ *flagrant délit*, имѣютъ силу и значеніе формальныхъ слѣдственныхъ протоколовъ.

§ **15. Слѣдствіе и преданіе суду.** За судебно-полицейскими мѣропріятіями слѣдуетъ формальное предварительное слѣдствіе, *instruction judiciaire préalable*. Съ его начатіемъ оканчивается дѣйствіе розыскныхъ и слѣдственныхъ полномочій прокуратуры. Она становится обвинительною стороною, уголовнымъ истцомъ, *partie principale, demandeur* передъ слѣдственнымъ судьею, *juge d'instruction* [1]), органомъ судебнаго преслѣдованія *magistrat poursuivant*, при органѣ судейскаго изслѣдованія, *magistrat instructeur*. Соединенные общею почвой дѣятельности и постоянными точками соприкосновенія, прокуроръ и слѣдователь тѣмъ не менѣе рѣзко разграничены другъ отъ друга. По опредѣленію *Манжена*, «прокуратура есть только «сторона, ея права исчерпываются предложеніемъ судьѣ констати«ровать преступленіе и оставленные имъ слѣды, собрать его дока«зательства и предать правосудію предполагаемыхъ его виновни«ковъ. Одинъ лишь судья можетъ принимать мѣры изслѣдованія и «обезпеченія личности. Но онъ лишенъ иниціативы, которая при«надлежитъ прокуратурѣ, онъ предвосхитилъ бы у нея право пре«слѣдованія, еслибы началъ слѣдствіе безъ ея о томъ требованія [2]).

Тоже противоположеніе двухъ совмѣстно, но не слитно и не одинаково дѣйствующихъ силъ рельефно характеризуетъ *Ф. Эли*:

[1]) *Massabiau*, II № 1611.
[2]) *Mangin* I, 15.

«прокуроръ предъявляетъ требованія, судья ихъ разрѣшаетъ; одинъ «ведетъ преслѣдованіе, возбуждаетъ его и предлагаетъ мѣры къ «его осуществленію; другой распоряжается избраніемъ и принятіе«мъ этихъ мѣръ, одинъ вызываетъ слѣдственныя дѣйствія, другой «ихъ производитъ» [1]).

Постановленія закона о взаимныхъ отношеніяхъ слѣдователя и прокурора при слѣдствіи не отличаются полнотой и ясностью; отрывочныя указанія только намѣчаютъ характеръ прокурорскаго участія въ предварительномъ судебномъ изслѣдованіи преступленій. Для выясненія этихъ предметовъ необходимо взглянуть на ихъ дѣйствительное положеніе подъ вліяніемъ практики и исторически сложившагося процессуальнаго ученія.

Слѣдственный судья, назначаемый на три года для производства слѣдствій изъ числа членовъ суда, имѣетъ двойственное значеніе, которое и сказывается во всей его дѣятельности. Какъ органъ судебной полиціи, онъ подчиненъ надзору (*surveillance*) генералъ-прокурора и уступаетъ первенство прокурору республики. Напротивъ того, въ качествѣ органа судебнаго изслѣдованія, онъ настоящій судья, самодѣятельный, независимый, при которомъ прокуроръ состоитъ и дѣйствуетъ точно такъ же, какъ и при коллегіальномъ судѣ [2]). Отсюда и двойственность отношенія къ слѣдствію прокуратуры. Ея исключительному вѣдѣнію предоставленъ актъ возбужденія слѣдствія, т. е. моментъ обвинительнаго и судебно-полицейскаго характера. Производство слѣдствія обязательно по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ (*crimes*); при менѣе тяжкихъ (*délits*) оно факультативно и зависитъ отъ усмотрѣнія прокуратуры, которая этимъ правомъ своимъ пользуется очень рѣдко, возбуждая слѣдствіе лишь по дѣламъ выдающимся и щекотливымъ. Ни одно слѣдствіе не можетъ быть начато безъ предложенія (*requisitoire introductif*) прокурора, которому слѣдственный судья пе-

---

[1]) *F. Hélie*, II № 2064.

[2]) Такое положеніе слѣдственный судья окончательно пріобрѣлъ съ изданіемъ закона 17 Іюля 1856 г. объ отмѣнѣ такъ называемыхъ «совѣтныхъ камеръ или отдѣленій» (*chambre du conseil*) судовъ 1-й инстанціи. Права и обязанности этихъ отдѣленій, руководившихъ производствомъ слѣдствій, были переданы слѣдственнымъ судьямъ, которые прежде исполняли слѣдственныя дѣйствія, не распоряжаясь ихъ общимъ ходомъ и не разрѣшая касающихся ихъ спорныхъ случаевъ.

редаетъ всѣ поступающіе непосредственно къ нему поводы для начатія слѣдствія [1]).

Только въ случаѣ *flagrant délit*, дошедшемъ до свѣдѣнія слѣдственнаго судьи, онъ, будучи самъ органомъ судебной полиціи, прямо приступаетъ къ изслѣдованію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прокуроръ республики, присутствія котораго судья можетъ потребовать, не останавливая однако же слѣдственныхъ дѣйствій.

Даже распредѣленіе между слѣдователями возбуждаемыхъ слѣдствій исходитъ отъ прокуратуры. Слѣдственные судьи территоріальныхъ участковъ не имѣютъ; тамъ, гдѣ ихъ нѣсколько (въ Парижѣ напр. теперь ихъ 22), возникающія дѣла распредѣляются между ними прокуроромъ республики, распоряженія котораго объ этомъ подлежатъ одному начальственному контролю. Порядокъ этотъ ортодоксальнымъ большинствомъ практиковъ признается весьма удобнымъ. Слѣдователи снабжаются дѣлами равномѣрно, безъ обремененія, а при надобности для даннаго дѣла въ особыхъ способностяхъ или познаніяхъ, выборъ совершается именно сообразно съ этими условіями, что въ свою очередь способствуетъ образованію среди слѣдователей даровитыхъ спеціалистовъ по тому или другому роду дѣлъ. На это возражаютъ [2]), что выборъ слѣдователя есть косвенное орудіе давленія на слѣдствіе, врученное прокурору — сторонѣ и потому опасное и нарушающее права другой стороны—обвиняемаго. Но равноправности сторонъ, замѣтимъ мы, въ современномъ французскомъ процессѣ еще не существуетъ, а французская прокуратура прежде ,чѣмъ быть процессуальною стороною, есть сильный органъ судебной администраціи, пекущійся между прочимъ, о наилучшемъ раскрытіи преступленій всѣми ведущими къ тому средствами. Кромѣ того, приведенное возраженіе имѣетъ преимущественно обще-теоретическое, а не практическое значеніе, такъ какъ за много лѣтъ нѣтъ никакихъ фактическихъ указаній на случаи злоупотребленія этимъ прокурорскимъ правомъ,

---

[1]) При передачѣ прокурору жалобы потерпѣвшаго, заявившаго искъ о вознагражденіи употребляется формула: «*pour être par lui requis ainsi qu'il appartiendra*», означающая, что таковую жалобу прокуроръ долженъ возвратить слѣдственному судьѣ со своимъ заключеніемъ.

[2]) Въ томъ числѣ и такіе компетентные авторитеты, какъ *Гильо*, одинъ изъ извѣстныхъ нынѣшнихъ парижскихъ слѣдственныхъ судей.—*Guillot*. Des principes du nouveau Code d'instr. crim. 34.

которое умѣряется еще и тѣмъ, что по передачѣ дѣла слѣдственному судьѣ оно уже не можетъ быть у него отобрано и передано другому.

Съ поступленіемъ дѣла къ слѣдственному судьѣ онъ становится полнымъ и властнымъ его распорядителемъ. Участіе прокуратуры въ производствѣ слѣдствія замыкается въ кругѣ предложеній и требованій обвиняющей стороны (*partie poursuivante*), обязательныхъ для слѣдователя лишь по стольку, по скольку они законны и убѣдительны. Наше понятіе *наблюденія* за слѣдствіемъ отсутствуетъ; оно замѣняется далеко не столь общимъ и цѣльнымъ правомъ предъявлять слѣдователю *предложенія* (*requisitoire*) о производствѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій, о томъ или другомъ направленіи дѣла. Право это основано въ свою очередь на другомъ правѣ—требовать и получать *сообщенія* (*communication*) слѣдственнаго производства, т. е. разсматривать его при всякомъ положеніи и во всякое время. Законъ высказывается здѣсь весьма категорично: «кромѣ случаевъ *flagrand délit*, слѣдственный судья не совершаетъ ни одного дѣйствія по изслѣдованію или преслѣдованію преступленія безъ предварительнаго сообщенія производства прокурору, который, сверхъ того, вправѣ при всякомъ положеніи дѣла требовать сообщенія ему таковаго, съ обязанностью возвратить его въ 24 часа (ст. 61 код. угол. судопр.).

На практикѣ однакоже вопросъ разрѣшается гораздо проще, эластичнѣе и шире. Только недостаточно еще опытные или слишкомъ горячіе чины прокуратуры въ провинціи претендуютъ, какъ замѣчаетъ Гилльо, направлять все слѣдствіе своими предложеніями [1]). Обыкновенно же прокуратура избѣгаетъ стѣснять слѣдователя своимъ вмѣшательствомъ и даетъ ему предложенія лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствительной надобности, или когда онъ самъ требуетъ заключенія прокурора постановленіемъ о сообщеніи ему производства для этой цѣли (*soit communiqué à Mr. le Procureur etc*). Точно также сообщеніе производства прокуратурѣ практикуется лишь по окончаніи слѣдствія; во время же его производства слѣдователь сообщаетъ дѣло лишь при вновь открывшихся существенныхъ обстоятельствахъ. Министерскіе циркуляры (напр. отъ 23 1юля 1856) вмѣняютъ прокуратурѣ въ обязанность съ особою осторожностью

[1]) «*Faire marcher l'instruction à coup de requisitoires*». *Guillot*, 41.

пользоваться своимъ правомъ требовать сообщенія слѣдствій и «старательно избѣгать всего, что можетъ оскорбить справедливую «щекотливость (*legitime susceptibilité*), или повредить быстротѣ изслѣ«дованія». Въ ординарныхъ случаяхъ сообщеніе дѣла и предложеніе прокуратуры совершается фиктивно, посредствомъ надписи на слѣдственныхъ актахъ «*vu au parquet*», выражающей собою согласіе прокуратуры съ распоряженіемъ слѣдователя. Законъ умалчиваетъ о правѣ прокуратуры присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, но право это предполагается вытекающимъ изъ общихъ задачъ прокуратуры по производству слѣдствія. За то присутствіе прокуратуры обязательно установлено при всякомъ выѣздѣ слѣдователя на мѣсто, куда онъ отправляется всегда въ сопровожденіи лица прокурорскаго надзора и секретаря.

Распоряженія слѣдователя облекаются въ форму постановленій (*ordonances*), которыя приводятся въ исполненіе прокуроромъ черезъ полицію. При несогласіи своемъ съ постановленіемъ слѣдственнаго судьи, прокуроръ республики можетъ въ суточный срокъ (24 часа) принести на него протестъ (*former opposition*) въ обвинительную камеру апелляціоннаго суда. Тоже право, но съ десятидневнымъ срокомъ обжалованія, принадлежитъ и генералъ-прокурору. Инаго пути, кромѣ протеста, для возраженія противъ распоряженій слѣдователя прокуратурѣ не предоставлено; изъ этого не составляетъ исключенія и принятіе мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Такимъ образомъ французскій прокуроръ не имѣетъ права, присвоеннаго нашему прокурорскому надзору—требовать обязательнаго освобожденія обвиняемаго, арестованнаго слѣдователемъ. Вообще нельзя не отмѣтить, что во французскомъ предварительномъ слѣдствіи, а между прочимъ и въ отношеніи къ нему прокуратуры всего болѣе сохранилось инквизиціонныхъ элементовъ и всего менѣе отразилось новое обвинительное начало уголовнаго процесса. Вся постановка слѣдствія какъ бы выхвачена цѣликомъ изъ стараго до-революціоннаго судопроизводства, по правиламъ ордонанса Людовика XIV (1670). Слѣдствіе построено на «всемогуществѣ» (*omnipotence*) судьи-инквирента, при которомъ состоитъ предлагающій и побуждающій, но самъ почти недѣйствующій прокуроръ. Ему противопоставленъ обвиняемый по дѣламъ о болѣе важныхъ преступленіяхъ (*crimes*), лишенный даже права требовать предъ-

явленія ему слѣдственнаго производства. Въ уклоненіе отъ общаго порядка разрѣшеніе на это зависитъ не отъ слѣдователя или суда, а отъ прокуратуры, впрочемъ лишь по окончаніи слѣдствія.

Признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ, или не находя основаній къ дальнѣйшему производству, слѣдственный судья препровождаетъ дѣло къ прокурору, который долженъ возвратить его въ трехдневный срокъ вмѣстѣ съ своимъ окончательнымъ заключеніемъ о направленіи дѣла *(requisitoire definitif)*. Для дѣлъ объемистыхъ и сложныхъ срокъ этотъ удлиняется по мѣрѣ надобности, не особенно впрочемъ много, такъ какъ окончательное заключеніе прокуратуры излагается въ самой краткой формѣ, обыкновенно на печатныхъ бланкахъ, въ которыхъ вписывается названіе дѣла, имена обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, предметъ обвиненія и въ сжатомъ видѣ главнѣйшіе мотивы предлагаемаго направленія. Въ виду заключенія прокуратуры, на практикѣ, по большей части соглашаясь съ нимъ, слѣдственный судья составляетъ свое окончательное постановленіе *(ordonance definitive)*, сообразно которому дѣло направляется, если не послѣдуетъ отмѣны этого постановленія по прокурорскому протесту. Окончательныя заключенія прокуратуры и постановленія слѣдователей, по своему содержанію, бываютъ главнымъ образомъ слѣдующихъ трехъ родовъ: 1) о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія *(de non-lieu)*, 2) о передачѣ дѣла въ судъ простой или исправительной полиціи, или въ другое судебное установленіе по подсудности *(de renvoi par devant la juridiction competente)* и 3) о внесеніи въ обвинительную камеру апелляціоннаго суда *(de renvoi devant la chambre d'accusation)* черезъ его генералъ-прокурора такого слѣдствія, по которому достаточно подтверждается обвиненіе *(la prevention parait suffisamment etablie)* въ болѣе важномъ преступленіи (разряда *crimes)*. Въ первомъ случаѣ дѣло прекращается по соглашенію слѣдственнаго судьи и прокурора республики. Во второмъ—дѣло вносится въ подлежащій судъ для судебнаго разсмотрѣнія, безъ составленія обвинительнаго акта, посредствомъ простаго вызова (*citation*) обвиняемаго къ суду. Наконецъ, въ третьемъ—судебному разсмотрѣнію въ ассизахъ, т. е. съ участіемъ присяжныхъ, предшествуетъ особая процедура преданія суду (*mise en accusation*), начинающаяся съ поступленія дѣла къ генералъ-прокурору, въ силу окончательнаго слѣдственнаго постановленія. Въ теченіе пяти

дней дѣло должно быть приготовлено прокуроромъ къ докладу (*rapport*) обвинительной камерѣ; приготовленіе это состоитъ въ изученіи дѣла и составленіи краткаго письменнаго заключенія, которое и вносится вмѣстѣ съ дѣломъ въ обвинительную камеру. По дѣламъ важнымъ и сложнымъ генералъ-прокуроръ можетъ потребовать присоединенія къ ней, для разсмотрѣнія дѣла, еще другаго уголовнаго отдѣленія, вѣдающаго апелляціонное обжалованіе приговоровъ суда исправительной полиціи (*chambre des appels correctionels*).

Въ обвинительной камерѣ дѣла слушаются въ закрытомъ засѣданіи, причемъ докладъ производится прокуроромъ, а необходимые акты слѣдствія прочитываются секретаремъ. Затѣмъ прокуроръ и секретарь удаляются, а судьи, послѣ совѣщанія, постановляютъ опредѣленіе или о дополненіи слѣдствія, или о передачѣ его въ судъ низшей степени (наше измѣненіе подсудности), или же о преданіи суду ассизовъ обвиняемаго (*prevenu*), который съ этого момента называется уже подсудимымъ (*accusé*). Затѣмъ дѣло вновь возвращается къ прокурору для исполненія опредѣленія обвинительной камеры въ случаѣ преданія суду, т. е. для составленія обвинительнаго акта (*acte d'accusation*). Изготовленіе этого важнаго документа играетъ большую роль въ уголовной дѣятельности прокуратуры, которая на немъ изощряетъ свое стилистическое умѣнье. По закону и кассаціоннымъ разъясненіямъ, обвинительный актъ, составляемый согласно опредѣленію о преданіи суду (*arret de mise en accusation*), долженъ быть изложенъ на основаніи данныхъ дѣла и заключать въ себѣ: а) означеніе подсудимаго, б) изложеніе фактической стороны дѣла и в) выводъ обвиненія и юридическую квалификацію вмѣняемаго дѣянія.

Эта строго-дѣловая программа часто подвергалась извращенію; въ разсчетѣ на то, чтобы заинтересовать присяжныхъ и заранѣе расположить ихъ въ пользу обвиненія, составители обвинительныхъ актовъ даже по заурядным дѣламъ стали заботиться прежде всего о внѣшней убѣдительности и картинности разсказа. Они нерѣдко превращались въ полу-литературныя, полу-декламаторскія произведенія или въ страстныя филиппики противъ подсудимаго, неудобныя и неумѣстныя даже и для обвинительныхъ рѣчей. Слѣдя за жизнью подсудимаго чуть не съ младенчества, обвинительный актъ, не брезгая натяжками, старался доказать, что вся она была непрерывною

цѣпью пороковъ и паденій, которые и завершились даннымъ, ярко описываемымъ преступленіемъ. Понятно, что печать и лучшіе юристы Франціи издавна горячо и сильно возставали противъ такого злоупотребленія письменною прокурорскою рѣчью, краснорѣчиво доказывая, что трезвая серьезность и строгая дѣловитость тона должны быть ихъ отличительными свойствами. Поэтому поводу *Манженъ* далъ въ немногихъ словахъ прекрасную теорію французскаго обвинительнаго акта: «онъ не долженъ вырождаться въ «рѣчь противъ подсудимаго; онъ долженъ такъ же относиться къ «письменному слѣдствію, какъ резюме президента относится къ «устнымъ преніямъ, т. е. представлять изложеніе спокойное, ясное «и простое. Онъ не имѣетъ цѣлью выяснить виновность подсуди«маго, такъ какъ не изъ письменнаго слѣдствія, а изъ устныхъ «преній должны присяжные почерпнуть основанія своего убѣжде«нія. Его единственная задача—сопоставить улики и средства за«щиты съ главными фактами и обстоятельствами въ томъ видѣ, «какъ они установлены опредѣленіемъ о преданіи суду. Словомъ, «составитель обвинительнаго акта обязанъ дать не развитіе темы, «а разсказъ простой; ему не слѣдуетъ аргументировать по поводу «протоколовъ, допросовъ и показаній, а нужно лишь кратко из«ложить то, что въ нихъ заключается, пріурочивая это изложеніе «къ предмету обвиненія [1]).

Новѣйшая практика вняла этимъ наставленіямъ, и за послѣднія 10—15 лѣтъ редакція обвинительныхъ актовъ не представляетъ прежнихъ извращеній даже и по громкимъ, волнующимъ общество дѣламъ. Обвинительные акты, число которыхъ сравнительно весьма не велико, составляются обыкновенно субститутами генералъ-прокурора, но всегда отъ его имени и подписываются имъ самимъ, или замѣняющимъ его генералъ-адвокатомъ. По составленіи акта, прокуратура распоряжается вручеміемъ копіи съ него подсудимому, а подлинное производство поступаетъ къ тому ея представителю, который имѣетъ исполнить прокурорскія обязанности при ассизномъ судѣ. Съ этого времени производство вступаетъ въ свой послѣдній и рѣшительный фазисъ: судебное разсмотрѣніе *jugement*, куда относятся судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, обозначаемыя однимъ общимъ терминомъ: *débats*.

---

[1]) *Mangin*, II, 183.

Но прежде, чѣмъ очертить участіе прокуратуры въ этой стадіи процесса, нельзя не упомянуть о томъ оригинальномъ пріемѣ ея дѣйствій при направленіи дѣлъ, который перешелъ и въ обвинительную практику другихъ странъ. Пріемъ этотъ, очень распространенный во французской прокуратурѣ, извѣстенъ подъ названіемъ «*коррекціонализаціи*» (*correctionnalisation*) дѣлъ и заключается въ искусственномъ, такъ сказать, измѣненіи подсудности посредствомъ завѣдомаго игнорированія или признанія недоказанными обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и устанавливающихъ высшую подсудность. Такой способъ примѣняется или когда при формально доказанномъ высшемъ обвиненіи по особеннымъ смягчающимъ условіямъ желательно, въ интересахъ справедливости, разрѣшить его менѣе тяжкою отвѣтственностью, или же когда, по соображеніямъ судебно-репрессивной политики, признается необходимымъ изъять дѣло изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, отъ которыхъ не ожидается почему-либо правомѣрнаго приговора, напр. по обвиненію формально правильному, но противорѣчащему жизненной правдѣ. Юристы (напр. *Массабьо* [1]) съ негодованіемъ возражаютъ противъ подобнаго не-юридическаго образа дѣйствій, но прокуратура не перестаетъ его придерживаться, по соглашенію съ слѣдственными судьями и обвинительными камерами. Здѣсь явственно преобладаетъ въ ея дѣятельности упомянутое уже начало цѣлесообразности и, по свидѣтельству практики, безъ вреда для правосудія.

§ **16. Судебное разсмотрѣніе и обжалованіе.** Съ поступленіемъ уголовнаго дѣла въ судъ для разсмотрѣнія по существу (*jugement*), въ судебномъ засѣданіи (*audience*) положеніе прокуратуры остается тѣмъ же дѣятельнымъ и до извѣстной степени первенствующимъ, какъ и въ предварительной стадіи процесса. На ея обязанности лежитъ большая часть приготовительныхъ къ суду распоряженій, въ томъ числѣ вызовъ (*citation*) сторонъ и свидѣтелей и объявленіе (*notification*) кому слѣдуетъ опредѣленій судебнаго присутствія и распоряженій президента. Во время самаго судебнаго слѣдствія (*débat*) прокуроръ является совмѣстно и одновременно обвинителемъ и органомъ закона. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ онъ имѣетъ большія преимущества передъ подсудимымъ и его защитою.

[1]) *Massabiau*, II, 317.

Важнѣйшими изъ нихъ можно признать право непосредственнаго допроса свидѣтелей, тогда какъ подсудимый и его защитникъ предлагаютъ свои вопросы черезъ президента. Кромѣ того прокурору—обвинителю принадлежитъ право допрашивать и самого подсудимаго, который обязанъ отвѣчать на вопросы своего противника. Вообще при судебномъ производствѣ, предшествующемъ постановленію приговора, прокуроръ гораздо больше стражъ закона и общественнаго порядка, чѣмъ сторона въ процессуальномъ состязаніи. Особенно рѣзко это выражается въ полномочіяхъ прокуратуры въ отношеніи данныхъ въ судебномъ засѣданіи свидѣтельскихъ показаній, которыя она признаетъ ложными. По предложенію прокурора, президентъ тутъ же распоряжается объ арестованіи такого свидѣтеля, впредь до дальнѣйшаго изслѣдованія упадающаго на него обвиненія въ лжесвидѣтельствѣ. Если же президентъ откажетъ въ подобномъ распоряженіи, то прокуратура, дѣйствуя, какъ при *flagrant délit*, можетъ своею властью подвергнуть подозрительнаго свидѣтеля временному аресту для привода (*mandat d'amener*). Такимъ образомъ равенства сторонъ въ уголовномъ судѣ не существуетъ, и отсутствіе равноправности обвиненія и защиты весьма слабо восполняется платоническою фикціей того, что прокуроръ, будучи должностнымъ обвинителемъ (*magistrat accusateur*), обязанъ оберегать интересы невинности и правоты своего противника.

Въ судѣ исправительной полиціи, особенно если дѣло возникло по частной жалобѣ и обвиненіе поддерживается гражданскимъ истцомъ, прокуратура не столько обвиняетъ, сколько даетъ заключеніе о существѣ дѣла. Обвинительнаго акта по «исправительнымъ дѣламъ» (*affaires correctionelles*) не составляется. При открытіи засѣданія прокуроръ словесно излагаетъ вкратцѣ сущность обвиненія—*exposé*, что впрочемъ обыкновенно замѣняется чтеніемъ документа, послужившаго поводомъ къ производству (жалобы, предложенія прокуратуры, опредѣленія слѣдственнаго судьи или обвинительной камеры о передачѣ дѣла въ судъ исправительной полиціи и проч.). Затѣмъ послѣ повѣрки доказательствъ по закону слѣдуютъ рѣчи (*plaidoiries*) гражданскаго истца и защиты, и уже послѣ нихъ слово предоставляется прокурору, подобно тому, какъ это происходитъ въ нашемъ съѣздѣ мировыхъ судей. Но по издавна установившейся практикѣ, прокуроръ даетъ свое заклю-

ченіе послѣ объясненій гражданскаго истца и до защиты. Прокурорская рѣчь состоитъ изъ изложенія обстоятельствъ дѣла (*resumé de l'affaire*) и заключенія по его существу (*conclusion au fond.*). Въ случаѣ отсутствія гражданскаго истца и вообще состязанія между двумя частными сторонами первая часть совсѣмъ отпадаетъ, и слово прокуратуры сводится къ мотивированному предложенію постановить тотъ или другой приговоръ или опредѣленіе (напр. о дослѣдованіи). При большомъ количествѣ дѣлъ «исправительной полиціи» [1]) прокурорское заключеніе по нимъ обыкновенно отличается чрезвычайною краткостью, ограничиваясь даже, когда нѣтъ особаго спора и дѣло ясно, формулой: *je requiers l'application de la peine.*

Несравненно сложнѣе и содержательнѣе дѣятельность прокуратуры при разсмотрѣніи дѣлъ о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ (*crimes*) въ ассизномъ судѣ (*cour d'assises*), т.-е. съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Засѣданія этого суда открываются, какъ и у насъ, періодически, въ важнѣйшихъ городахъ судебнаго округа и непремѣнно во всѣхъ главныхъ городахъ (*chef-lieu*) департаментовъ. Предсѣдательствуетъ одинъ изъ совѣтниковъ апелляціоннаго суда, назначаемый министромъ юстиціи, изъ числа кандидатовъ, ежегодно представляемыхъ ему для этой цѣли первымъ президентомъ и генералъ-прокуроромъ, по взаимному ихъ соглашенію. Обвиненіе же поддерживаютъ въ мѣстопребываніи апелляціоннаго суда одинъ изъ состоящихъ при немъ генералъ-адвокатовъ или субститутовъ, а въ другихъ пунктахъ—по большей части мѣстный прокуроръ республики вмѣстѣ съ своими товарищами. Впрочемъ назначеніе къ обвиненію того или другого изъ этихъ чиновъ совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія генералъ-прокурора, который по дѣламъ выдающимся или особо отвѣтственнымъ и самъ принимаетъ на себя обвинительныя обязанности въ ассизахъ. Дѣятельность эта считается весьма почетною, къ обвиненіямъ передъ присяжными прокуратура относится съ величайшимъ вниманіемъ и къ дѣламъ сколько-нибудь труднымъ или замѣтнымъ готовится

---

[1]) Подсудность суда исправительной полиціи по роду преступленій весьма широка: къ ней относятся всѣ поступки, наказуемость которыхъ не превышаетъ 5-дневнаго ареста, 15 франковъ штрафа. Отсюда многочисленность этихъ дѣлъ, которыхъ въ Парижскомъ судѣ разсматривается иногда до 50 въ одно засѣданіе.

добросовѣстно и усердно, не останавливаясь передъ всестороннимъ изученіемъ всего, могущаго имѣть значеніе для дѣла. Участіе въ качествѣ обвинителя въ громкомъ процессѣ цѣнится въ прокуратурѣ, между прочимъ, и какъ карьеристическое средство, но эта сторона далеко не преобладаетъ въ томъ традиціонномъ уваженіи, которымъ пользуется во французской магистратурѣ роль прокурора передъ судомъ присяжныхъ. Масса труда, знаній и талантовъ, влагаемыхъ въ эту функцію, вовсе не уравновѣшивается приносимыми ею служебными выгодами, и вѣрнѣе было бы сказать, что ея отправленіе является своего рода свободнымъ искусствомъ общественнаго и обще-полезнаго характера. Оно стояло особенно высоко во времена іюльской монархіи и второй имперіи; такіе знаменитые ораторы, какъ генералъ-прокуроры *Chaix d'Est-Ange* и *Grandperret*, нерѣдко выступали на прокурорской трибунѣ ассизныхъ судовъ по многимъ такъ называемымъ *causes célèbres*. И теперь во Франціи обвиненіе въ ассизахъ поручается только дѣятелямъ опытнымъ, образованнымъ и во всякомъ случаѣ имѣющимъ извѣстную способность или хоть навыкъ къ публичному слову, (чаще всего генералъ-адвокатамъ), а въ дѣлахъ исключительной важности или интересующихъ правительство всегда дѣйствуютъ и сами генералъ-прокуроры.

Послѣ того какъ состоялось опредѣленіе обвинительной камеры о преданіи обвиняемаго ассизному суду, приготовительныя распоряженія къ судебному засѣданію дѣлаются генералъ-прокуроромъ и прокуроромъ-обвинителемъ въ ассизахъ, при участіи ихъ президента. По соглашенію съ этимъ послѣднимъ составляется прокуратурою и списокъ подлежащихъ вызову свидѣтелей и экспертовъ, которые на судебномъ слѣдствіи допрашиваются въ порядкѣ, указанномъ прокуроромъ. Свидѣтели обвиненія (*témoins à charge*) вызываются на казенный счетъ распоряженіями прокуратуры, отъ которой зависитъ также вызвать на томъ же основаніи свидѣтелей, заявленныхъ подсудимымъ (*témoins à décharge*) и существенныхъ для его оправданія. Прокуратура, такимъ образомъ, исполняетъ многія изъ тѣхъ предшествующихъ засѣданію дѣйствій, которыя у насъ исходятъ отъ предсѣдателя и даже отъ суда. Въ составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей прокуратура участія не принимаетъ, но въ началѣ каждаго года генералъ-прокуроры, основываясь на донесеніяхъ прокуроровъ республики, представляютъ

министру юстиціи подробныя свѣдѣнія о состояніи и содержаніи этихъ списковъ. Образованіе присутствія присяжныхъ для даннаго дѣла происходитъ до открытія судебнаго засѣданія, въ засѣданіи распорядительномъ, при прокурорѣ, подсудимомъ и его защитникѣ.

Обѣ стороны могутъ предъявлять немотивированный отводъ противъ каждаго провозглашаемаго имени, до тѣхъ поръ, пока неотведенныхъ присяжныхъ останется 12. Защита имѣетъ право отвести однимъ больше, чѣмъ обвиненіе. По разъясненіямъ министерства юстиціи, прокуратура, при пользованіи правомъ отвода, должна руководствоваться единственно соображеніями безпристрастія и справедливости [1]). «Для преслѣдующаго государства и для защи-«щающагося подсудимаго одинаково важно, чтобы въ составъ при-«сутствія присяжныхъ вошли исключительно люди честные, развитые, «добросовѣстные и одушевленные стремленіемъ быть справедли-«выми. Поэтому, если жребій быть присяжнымъ выпадаетъ на долю «людей, очевидно неспособныхъ отличить истину, или явно без-«нравственныхъ, или обнаружившихъ предубѣжденіе за или про-«тивъ подсудимаго, или же заявившихъ заранѣе о своей рѣши-«мости всегда обвинять или всегда оправдывать, то отводъ является «для прокуратуры уже не только простымъ правомъ, но и на-«стоящею обязанностью, пренебречь которою было бы упущеніемъ «или предосудительнымъ бездѣйствіемъ. Но при этомъ чины про-«куратуры должны строжайше воздерживаться отъ отводовъ изъ «одолженія; не говоря уже о томъ, что нельзя измѣнять безъ «серьезныхъ основаній составъ судебнаго присутствія, было бы «несправедливо произвольно освобождать одного присяжнаго отъ «повинности и отвѣтственности, выпавшихъ ему по жребію, и воз-«лагать все это на другого».

На судебномъ слѣдствіи, послѣ прочтенія опредѣленія о преданіи ассизному суду и обвинительнаго акта, прокуроръ по закону долженъ изложить словесно (*exposer*) сущность дѣла. Но юриспруденція уже давно признала этотъ обрядъ совершенно излишнимъ и онъ вышелъ изъ употребленія. Будучи какъ бы преждевременною обвинительною рѣчью, *exposé* примѣняется на судѣ присяжныхъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ особенной сложности обстоятельствъ

[1]) Циркуляры 11 декабря 1827 и 26 августа 1853 г.

дѣла и тогда имѣетъ характеръ общаго очерка дѣла или программы предстоящаго судебнаго изслѣдованія. Не говоря уже о юридической печати, вся магистратура относится несочувственно къ этому лишнему дѣйствію, дающему прокуратурѣ еще одинъ ненужный перевѣсъ въ судебномъ состязаніи. Она уже и безъ того значительно премируетъ надъ защитою своимъ правомъ непосредственно допрашивать не только свидѣтелей, но и подсудимыхъ. Ею же опредѣляется порядокъ допроса свидѣтелей обвиненія и ей принадлежитъ широкое право представленія доказательствъ и чтенія всѣхъ тѣхъ документовъ, какіе она признаетъ нужными [1]). Для надобностей обвиненія она свободно обращается къ дискреціонной власти президента, и послѣдній, по принятой практикѣ, почти никогда не отказываетъ въ ея просьбахъ и предложеніяхъ, развѣ бы они оказались прямо незаконными. Подчиняясь его распоряженіямъ, прокуратура вмѣстѣ съ тѣмъ сама находится внѣ его огромныхъ распорядительныхъ и дисциплинарныхъ полномочій и, на взглядъ посторонняго наблюдателя, стоитъ наравнѣ съ судомъ. Но по той же практикѣ, въ веденіи судебнаго слѣдствія она гораздо менѣе дѣятельна, чѣмъ напр. нашъ прокурорскій надзоръ. Выясненіе дѣла, всесторонняя повѣрка доказательствъ, подробный допросъ подсудимаго и свидѣтелей—все это лежитъ, главнымъ образомъ, на президентѣ, направленіе котораго бываетъ до того обвинительнымъ, что пассивное положеніе прокуратуры во время судебнаго слѣдствія является вполнѣ естественнымъ. Она какъ бы сберегаетъ свои силы для заключительныхъ преній, которыя можно считать важнѣйшимъ моментомъ ея дѣятельности въ ассизахъ. Здѣсь она почти неограниченно пользуется всѣмъ собраннымъ ею матеріаломъ обвиненія, поддерживать которое на языкѣ французскаго закона буквально значитъ—«развивать средства обвиненія» (*developper les moyens de l'accusation*) [2]). «Развитіе обвиненія на судѣ»—говоритъ Ф. Эли—«есть высшая задача прокурора. Въ исполненіи «ея высказываются одновременно его познанія, способности, самый «характеръ» [3]). Сфера такого развитія, въ законѣ неопредѣленная,

---

[1]) *F. Hélie* № 5053. «Прокуратура имѣетъ право представлять всѣ доказательства, документы и свѣдѣнія, которыми подкрѣпляется обвиненіе».

[2]) Стр. 335 уст. уг. судопр.

[3]) *F. Hélie* № 5052.

всецѣло предоставлена практикѣ и судебнымъ правамъ. Въ обвинительной рѣчи (*requisitoire*) передъ присяжными отражаются, какъ въ фокусѣ, главнѣйшія достоинства и недостатки французской прокуратуры; это ихъ кульминаціонный пунктъ, заслуживающій разсмотрѣнія еще и потому, что имъ ярко характеризуется казовая сторона учрежденія, не оставшаяся безъ вліянія на воспроизведеніе его въ другихъ странахъ.

За отсутствіемъ въ кодексѣ угол. суд. какихъ-либо постановленій о содержаніи, формѣ и предѣлахъ обвинительной рѣчи, слѣдуетъ обратиться къ тому стройному ученію о ней, которое сложилось въ юриспруденціи и литературѣ. Руководствуясь на судѣ единственно своею совѣстью, прокуроръ не обязанъ обвинять во чтобы то ни стало. Онъ можетъ (но не *долженъ*), не поддерживая опровергнутаго обвиненія, или просить присяжныхъ объ оправданіи, или заявить, что онъ «предоставляетъ разрѣшеніе дѣла ихъ мудрости» (*je m'en rapporte à la sagesse des juges*). Это двѣ формулы того, что у насъ гораздо правильнѣе называется *отказомъ* отъ обвиненія. По опредѣленію *Ф. Эли*, «прокуроръ не долженъ терять «изъ виду, что возстановленіе права есть единственная задача «производимаго имъ уголовнаго преслѣдованія. Цѣль всѣхъ его «усилій заключается не въ успѣхѣ обвиненія, а въ торжествѣ «правды, потому что обществу нужна не побѣда обвиненія, а «охрана справедливости, правосудіе, какъ санкція права. Поэтому «прокуроръ обязанъ добросовѣстно собрать и привести всѣ обстоя«тельства преступленія, всѣ данныя дѣла, безотносительно къ тому, «благопріятны ли они для обвиненія; онъ не защитникъ его и не «связанъ съ нимъ, какъ адвокатъ съ своимъ кліентомъ; его обя«занность гораздо выше, онъ защищаетъ и поддерживаетъ одну «лишь истину, выставляя ее всюду, гдѣ она окажется, будетъ ли «это въ доводахъ обвиненія или въ объясненіяхъ подсудимаго. Нако«нецъ, даже при очевидномъ преступленіи, онъ долженъ убѣждать «присяжныхъ, освѣщая и связывая передъ ними доказательства. «Непреклонный въ своихъ требованіяхъ, онъ долженъ излагать «ихъ спокойно, и страсть, могущая воспламенять защиту, не «должна звучать въ его словахъ; языкъ правосудія отличается «строгостію и умѣренностію, онъ боится могучихъ соблазновъ «краснорѣчія, которые способны затемнить истину» [1]). Еще

[1]) *F. Hélie*, № 5052.

сильнѣе превосходныя наставленія *Массабьо*: «Рѣчь прокурора «должна быть проникнута духомъ умѣренности и безпристрастія. «Ничто не можетъ такъ повредить обвиненію, какъ слово рѣзкое »и заносчивое. Нужно представлять факты просто, точно сообра- «зуясь съ свидѣтельскими показаніями, дѣлать изъ нихъ необхо- «димые логическіе выводы, безъ натяжекъ, которымъ не поддается «убѣжденіе и вообще держаться путей истины и благоразумія. «Важнѣе всего пріобрѣсти довѣріе присяжныхъ; въ этомъ вся «суть, сила правды и справедливости легко добьется остальнаго». Рекомендуя прокурору уступчивость взглядамъ присяжныхъ, если формула обвиненія представляется имъ въ иномъ смягченномъ видѣ, что вызываетъ постановку условныхъ или дополнительныхъ во- просовъ, Массабьо настаиваетъ на необходимости сдержаннаго и и вѣжливаго отношенія къ подсудимому и его защитѣ: «Недоста- «точно еще воздерживаться отъ жестокихъ выраженій, которыя «были бы безчеловѣчны, нужно кромѣ того соблюдать полное «приличіе и достоинство тона, не забывая того, что государство, «если и обвиняетъ, то дѣлаетъ это съ сожалѣніемъ». На защиту дозволительна и реплика, но пользоваться ею нужно осторожно и сдержанно и только при крайней необходимости для того, чтобы не злоупотреблять временемъ суда и не утомлять вниманія при- сяжныхъ. «Ихъ слѣдуетъ оставлять подъ впечатлѣніемъ энергиче- ской умѣренности слова» (*d'une énergique sobrieté de parole*)—мѣтко заключаетъ онъ свою характеристику обвинительнаго краснорѣ- чія [1]). Сдержанность и спокойствіе обвинительной рѣчи прово- вѣдуются и знаменитыми представителями прокуратуры. Сдѣлав- шійся въ 50-хъ годахъ ея украшеніемъ изъ свѣтилъ адвокатуры, парижскій генералъ-прокуроръ *Chaix-d'Est-Ange* въ своемъ заклю- ченіи по дисциплинарному дѣлу объ адвокатѣ, который на судѣ оскорбительно отозвался о прокуратурѣ, такъ обрисовалъ обвини- тельную обязанность послѣдняго. «Когда прокуроръ привлекаетъ «къ общественному суду человѣка, покрытаго преступленіями, когда «онъ настигаетъ его въ его убѣжищахъ, оправданіяхъ и паденіи, «когда онъ доказываетъ ему всю тщету его защиты и весь ужасъ «его преступленія,—въ сердцѣ каждаго, какъ бы низменъ не былъ «его нравственный уровень, появляется великодушное возмущеніе,

[1]) *Massabiau* II, 486, 487.

«просыпается честное негодованіе противъ злодѣянія, но ненависть «къ нему не должна проникать въ сердце самого судебнаго дѣя- «теля, хотя бы и прокурора; онъ соблюдаетъ всегда сдержанность «тона, умѣренность формы, уваженіе къ личности, несмотря на «унижающее ее клеймо позора» [1]).

Такова теорія, вполнѣ правильная и весьма симпатичная. Но было бы несправедливо не указать, что до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени она круто расходилась съ практикой. Страстная горячность и неумѣренныя преувеличенія французскихъ обвинительныхъ рѣчей почти вошли въ пословицу; французскій *genre* обвинительнаго краснорѣчія принято считать сочетаніемъ красивой формы съ пафосомъ и шаржемъ. Дѣйствительность далеко ушла отъ преподанныхъ ей уроковъ, и сами учителя нерѣдко грѣшили противъ своихъ же наставленій. Тотъ же *Chaix-d'Est-Ange*, трезвый взглядъ котораго приведенъ выше, былъ въ своей служебной дѣятельности однимъ изъ ярыхъ обвинителей и, принося все въ жертву силѣ и убѣдительности слова, мало заботился объ его сдержанности. Эти недостатки отчасти искупались у него и нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей блестящею талантливостью судебныхъ рѣчей, но въ общемъ рѣзкія выходки противъ подсудимаго и фразистость, войдя въ обычай, сдѣлались весьма несочувственной характеристической чертою обвинительной дѣятельности французской прокуратуры. Такое же значеніе получила и усвоенная ею неограниченная свобода въ усиленіи и восполненіи обвиненія данными и свѣдѣніями, которыя не были предметомъ судебнаго слѣдствія и не подверглись его провѣркѣ. Въ этомъ отношеніи кассаціонный судъ долго не допускалъ никакого стѣсненія обвинительной власти со стороны суда, разъясняя, «что власть судебная не можетъ ограничить или остано- «вить прокурора въ предъявленіе какихъ-либо документовъ и въ «пользованіи ими для подкрѣпленія обвиненія, въ развитіи котораго «прокуроръ подчиняется только указаніямъ своей совѣсти и своихъ «познаній» [2]). Замѣтимъ кстати, что тѣми же разъясненіями установлено право прокуратуры въ обвинительной рѣчи передъ

---

[1]) Le ministère public et le barreau 1860, 48. — Въ томъ же духѣ рисуется идеалъ прокурорскаго слова въ картинной и блестящей, хотя и нѣсколько напыщенной характеристикѣ *Бельвиля.—Belleville.* De l'eloquence du barreau comparée à celle de la tribune.

[2]) *Cass.* 1 Juillet 1847, 20 Janvier 1848.

присяжными касаться грозящаго подсудимому наказанія; правомъ этимъ обыкновенно пользуются лишь въ репликахъ защиты для опроверженія или разъясненія ея заявленій о незаслуженной строгости предстоящей кары. Уклоненія обвинительной дѣятельности въ судебныхъ засѣданіяхъ отъ спокойно справедливаго и приличнаго отношенія къ подсудимому и отъ прямыхъ задачъ судебнаго слова вызвали сильную реакцію, которой, однако, понадобилось много лѣтъ для того, чтобы добиться какихъ-нибудь результатовъ. Въ общественномъ мнѣніи и въ печати стали раздаваться голоса, протестующіе противъ увлеченій и злоупотребленія прокурорскимъ словомъ. Ему указывались его законные и естественные предѣлы, уже намѣченные въ юридической литературѣ. На ряду съ этимъ Ф. Эли и другіе юристы одной съ нимъ школы, возражая противъ кассаціонной практики [1]), стремились ограничить обвиненіе исключительно матеріаломъ, разработаннымъ на судебномъ слѣдствіи. Наконецъ, послѣ паденія второй имперіи и въ средѣ самой прокуратуры измѣнились взгляды на постановку обвиненія, и появились новые болѣе правильные его пріемы. Въ большинствѣ случаевъ теперешніе французскіе обвинители подаютъ адвокатурѣ хорошій примѣръ дѣловаго содержанія и спокойнаго достоинства рѣчей [2]).

Для полноты очерка прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ слѣдуетъ упомянуть о порядкѣ ихъ обжалованія (*voies de recours*) со стороны прокуратуры, въ его отличительныхъ чертахъ. Средствъ или, по выраженію французскаго права, «путей» обжалованія въ сущности три: 1) упомянутые уже протесты на постановленія слѣдственныхъ судей и вообще на слѣдственныя дѣйствія (*opposition*) приносятся въ обвинительную камеру апелляціоннаго суда. 2) Апелляціонные протесты (*requêtes d'appel*) могутъ быть приносимы въ апелляціонный судъ на всѣ приговоры «исправительной полиціи». Срокъ для такого протеста десятидневный для прокурора республики и двухмѣсячный для генералъ-прокурора, который, имѣя отдѣльное отъ прокуратуры 1-й ин-

---

[1]) *F. Hélie* № 5053.

[2]) Въ этомъ отношеніи можно указать на прекрасныя рѣчи парижскаго генералъ-адвоката *Бернара*, часто выступавшаго въ 70 и началѣ 80 годовъ обвинителемъ по разнымъ *causes célèbres*.

станціи право обжалованія, пользуется имъ, впрочемъ, очень рѣдко, лишь въ случаѣ явнаго упущенія подчиненнаго органа [1]). 3) Въ кассаціонномъ порядкѣ, протесты прокуратуры (*pourvois en cassation*) раздѣляются на нѣсколько категорій, имѣя всѣ своимъ предметомъ окончательные приговоры или опредѣленія, причемъ общій и нормальный срокъ для обжалованія трехдневный (съ указанными ниже исключеніями). Таковы протесты на приговоры или опредѣленія: а) суда простой полиціи, для прокуратуры окончательные, б) суда исправительной полиціи, по апелляціямъ на предъидущіе, в) суда апелляціоннаго, по апелляціямъ на судъ исправительной полиціи, г) ассизнаго суда. Протесты эти исходятъ отъ чиновъ прокуратуры, состоящихъ при томъ судѣ, которымъ постановленъ опротестуемый приговоръ. Затѣмъ д) на всѣ опредѣленія обвинительной камеры, по вопросамъ о преданіи суду или прекращеніи дѣлъ, допускается въ пятидневный срокъ протестъ генералъ-прокурора. Такъ какъ въ области обжалованія прокуратура признается прежде всего органомъ закона, то опротестованіе съ ея стороны можетъ быть безразлично *a maxima* и *a minima*, во вредъ и въ пользу подсудимаго.

По основному положенію французскаго процессуальнаго права подсудимый, оправданный окончательнымъ приговоромъ ассизнаго суда, не можетъ быть судимъ вторично по тому же обвиненію, хотя бы даже въ производствѣ и были допущены кассаціонныя нарушенія закона. Поэтому, на оправдательные приговоры прокуратура можетъ приносить протесты въ суточный срокъ только «въ интересахъ закона, безъ ущерба для оправданнаго» (*dans l'interet de la loi et sans prejudicier à la partie acquittée* [2]).—Другими словами, такой протестъ, направляемый единственно къ констатированію кассаціоннымъ судомъ заявляемыхъ ему нарушеній и къ разъясненію возбуждаемыхъ юридическихъ вопросовъ, вызываетъ въ случаѣ своего успѣха лишь платоническую, если можно такъ выразиться, кассацію: приговоръ отмѣняется, но подсудимый вновь суду не подлежитъ. Впрочемъ этотъ институтъ дѣйствуетъ довольно рѣдко, при важныхъ и сложныхъ казусахъ, которые прокуратура

---

[1]) По дѣламъ «простой полиціи» прокуратура вовсе не имѣетъ права апелляціи, которое принадлежитъ только частнымъ сторонамъ.

[2]) Ст. 409 Уст. Уг. Суд.

не рѣшается оставить безъ компетентнаго разрѣшенія высшею судебною властью. Въ тѣхъ же видахъ и на томъ же основаніи могутъ быть опротестованы и обвинительные приговоры; о всѣхъ подобныхъ протестахъ обязательно доводится до свѣдѣнія министерства юстиціи. Всѣ кассаціонные протесты, излагаемые обыкновенно весьма сжато, по принятой формѣ, вѣдаются кассаціоннымъ судомъ, генералъ-прокуроръ котораго, кромѣ того, и самъ уполномоченъ, не стѣсняясь срокомъ, передавать на разсмотрѣніе этого суда незаконные судебные опредѣленія и приговоры. Если при этомъ генералъ-прокуроръ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію (ст. 442 У. У. С.) «въ интересахъ закона», то кассація совершается безотносительно къ интересамъ сторонъ. Если же онъ, во исполненіе особаго порученія министра юстиціи (ст. 441 У. У. С.), вноситъ въ кассаціонный судъ вопросъ о нарушеніи по какому-либо дѣлу подсудности, то неправильное постановленіе можетъ быть отмѣнено, съ передачей дѣла для новаго сужденія въ надлежащій судъ. Согласно общимъ правиламъ движенія всѣхъ дѣлъ черезъ руки прокуратуры, она приводитъ въ порядокъ (*mise en état*) производство по обжалованію и, при послѣдовательныхъ переходахъ дѣла, отъ себя передаетъ его по принадлежности.

IV.

§ 17. **Дѣятельность по гражданскимъ дѣламъ.** По дѣламъ гражданскимъ сфера дѣйствій прокуратуры такъ обширна и разнообразна, что французскому прокурору для удовлетворительнаго исполненія своихъ обязанностей непремѣнно нужно быть хорошимъ цивилистомъ, т. е. обладать основательнымъ знакомствомъ съ гражданской частью. По опредѣленію догматиковъ прокуратуры, и въ особенности *Массабьо* [1]), эта ея функція заключается въ наблюденіи за охраненіемъ законовъ вообще и въ частности тѣхъ изъ нихъ, которые касаются правъ и интересовъ государства, его имуществъ и всѣхъ лицъ, по своему положенію немогущихъ защищаться. Юрисконсультъ государства при судѣ и, по выраженію Порталиса, «защитникъ всѣхъ беззащитныхъ»,—таково

[1]) *Massabiau*, I, 188.

призваніе и роль прокурора въ гражданскомъ процессѣ [1]). При этомъ прокуратура дѣйствуетъ въ двоякомъ качествѣ, смотря почему различается и характеръ ея участія въ дѣлѣ. Какъ *partie jointe*, или сторона незаинтересованная въ его исходѣ, она выступаетъ только со своимъ мнѣніемъ послѣ состязанія спорящихъ сторонъ, *par voie de requisition*, предъявляетъ суду заключеніе по существу дѣла и объ инцидентахъ производства. Напротивъ, какъ *partie principale*, она является настоящею состязующеюся стороною, истцемъ или отвѣтчикомъ, сама ведетъ процессъ *par voie d'action*. Въ противоположность уголовнымъ дѣламъ, въ гражданскихъ первый способъ дѣйствія есть общій и нормальный, второй же—исключеніе.

Дѣятельность прокуратуры въ качествѣ *partie jointe*, установленная главнымъ образомъ ст. 83 код. граж. судопр. *(code de procedure civile)*, имѣетъ въ свою очередь два момента: она *факультативна* или *обязательна*, проявляясь въ томъ или другомъ случаѣ въ предварительномъ сообщеніи *(communication)* ей дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію, и въ предъявленіи заключенія (*conclusion*) о нихъ. Факультативность относится ко всѣмъ безъ исключенія гражданскимъ дѣламъ и поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія не только прокурора, но и суда. По каждому дѣлу они могутъ потребовать: прокуратура—сообщенія ей производства для предъявленія суду своего заключенія, а судъ—предъявленія ему таковаго прокуратурою. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, перечисленныхъ въ упомянутой ст. 83 и другихъ статьяхъ устава граж. судопр., эти заключенія обязательны точно такъ же, какъ и предварительное сообщеніе прокуратурѣ извѣстныхъ дѣлъ, которыя поэтому и называются «*communicables*». Сюда принадлежитъ 7 категорій дѣлъ, касающихся общественнаго порядка, государства, доменовъ, об-

---

[1]) *Гара* даетъ слѣдующую, по обыкновенію идеализированную характеристику прокурорской дѣятельности по гражданскимъ дѣламъ: «Два гражданина исчерпали другъ противъ друга всѣ аргументы, подсказанные личнымъ ихъ интересомъ. Встаетъ третій ораторъ, слушайте его внимательно, съ уваженіемъ и довѣріемъ; его единственная задача—истина и правосудіе. Онъ резюмируетъ и оцѣниваетъ все сказанное, дѣлаетъ изъ него выводъ по совѣсти. Усматривая въ этомъ частномъ спорѣ предметы относящіеся до общаго блага, онъ авторитетно высказывается въ его пользу и судъ приводится къ тому основному началу, которое охраняетъ всѣ частные интересы и регулируетъ ихъ согласно интересу общественному. (*Repertoire de Merlin* VIII, 219).

щинъ, общественныхъ учрежденій, завѣщаній и даровъ въ пользу бѣдныхъ, актовъ гражданскаго состоянія, опеки несовершеннолѣтнихъ, отсутствующихъ, безумныхъ, а также дѣла брачныя, отводы и вопросы о подсудности. Сообщеніе дѣлъ прокуратурѣ лежитъ на обязанности не судовъ и не канцелярій, какъ у насъ, а стряпчихъ (*avoués*), вѣдающихъ по уполномочію сторонъ все предварительное письменное производство. Дѣло должно быть доставлено въ прокурорскую камеру за три дня до судоговоренія по дѣламъ спорнымъ, причемъ прокуратура можетъ потребовать одной его отсрочки. Письменныя заключенія необязательны; они заявляются словесно и по сколько-нибудь сложнымъ дѣламъ состоятъ изъ мотивированнаго предложенія—рѣшить дѣло такъ или иначе. Иногда прокуратура просто выражаетъ согласіе съ доводами и домогательствомъ одной изъ сторонъ («*conclusion conforme*»), иногда она даже вовсе воздерживается отъ заключенія по существу, употребляя для этого формулу: *je m'en rapporte à la prudence* или *sagesse des juges*. Но такое уклоненіе отъ заявленія своего мнѣнія весьма не одобряется и практикуется довольно рѣдко, какъ несогласный съ духомъ закона отказъ отъ заключенія. Въ качествѣ *partie jointe*, прокуроръ можетъ быть отводимъ наравнѣ съ судьями, по заявленію сторонъ.

Сущность и предѣлы прокурорской дѣятельности, какъ *partie principale*, представляютъ одинъ изъ трудныхъ и до настоящаго времени спорныхъ вопросовъ французскаго процессуальнаго права. Единственнымъ законодательнымъ источникомъ къ разрѣшенію этого вопроса служитъ ст. 46 закона 20 апрѣля 1810 о судоустройствѣ, которая гласитъ: «по дѣламъ гражданскимъ прокуратура дѣйствуетъ по должности (*d'office*) въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ; она наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, постановленій и рѣшеній и домогается таковаго исполненія по должности въ отношеніи предметовъ общественнаго порядка» (*dans les dispositions qui intéressent l'ordre public*). На основаніи этой статьи прокуроръ, какъ *partie principale*, дѣйствуетъ въ процессѣ въ качествѣ стороны (*par voie d'action*). Изъ посторонняго и безпристрастнаго докладчика, формулирующаго, въ интересахъ закона, свое заключеніе, онъ становится однимъ изъ тяжущихся и, подчиняясь большей части условій, установленныхъ для частной стороны, имѣетъ и всѣ ея права до обжалованія включительно. Но личнаго

отвода противъ него уже быть не можетъ, такъ какъ вообще нельзя отводить противника [1]). Въ этомъ качествѣ прокуроръ есть настоящій адвокатъ государства или правительства, ведущій ихъ гражданскіе процессы. Что же касается до самой области подобной дѣятельности прокуратуры, то здѣсь возникаютъ значительныя сомнѣнія, и неясность вышеприведеннаго закона породила контроверзу, до сихъ поръ длящуюся въ практикѣ и литературѣ. Исходя изъ двухъ какъ бы взаимно другъ друга исключающихъ частей этого узаконенія, вопросъ сводится къ тому, участвуетъ ли прокуратура въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ сторона, только тогда, когда это точно означено и предписано въ законѣ, или же во всѣхъ случаяхъ, затрогивающихъ общественный порядокъ и опредѣленіе которыхъ предоставлено ея усмотрѣнію? Послѣднее мнѣніе, основанное на общемъ смыслѣ 2-й части ст. 46 закона 20 апрѣля 1810 г. долго преобладало; его поддерживали старые комментаторы (*Мерленъ*, *Шенкъ*, *Демоломбъ* и друг.), и признавала практика судовъ. Новѣйшіе же юристы, въ особенности *Дебакъ* (*Debacq*), въ своемъ классическомъ сочиненіи о прокурорской дѣятельности въ гражданскихъ дѣлахъ [2]), проводили противоположный взглядъ, который въ 60-хъ годахъ былъ принятъ и кассаціоннымъ судомъ, не измѣнившимъ его и понынѣ [3]). Не отвергая подкрѣпляющихъ это ограничительное толкованіе соображеній о неправильности и неудобствѣ прокурорскаго вмѣшательства въ какія бы то ни было гражданскія дѣла, въ виду ихъ частнаго характера, современная научная юридическая критика вноситъ однако же нѣкоторую поправку въ тѣсное примѣненіе ст. 46 только къ заранѣе опредѣленнымъ случаямъ. Въ лицѣ извѣстнаго *Алгава*, посвятившаго этому вопросу цѣлое капитальное изслѣдованіе [4]), она находитъ, что вторая часть ст. 46, уполномочивающая прокуратуру дѣйствовать по гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ стороны, даетъ общій теоретическій критерій для такой дѣятельности ея на будущее время, которымъ должно руководиться въ своемъ развитіи послѣдующее законодательство. Алгавъ опредѣляетъ юридическое понятіе объ

---

[1]) *Alglave*, I, 2, 3.

[2]) *Debacq*. De l'action du ministère public et matière civile 1867.

[3]) *Le Poitevin* I, 57.

[4]) *Alglave*. Action du ministère public et théorie des droits d'ordre public en matière civile 1874.

общественномъ порядкѣ, «*какъ совокупность правъ, пользованіе которыми не зависитъ отъ воли частныхъ лицъ*». Отсюда выводится, что въ судѣ гражданскомъ прокуратура можетъ искать и отвѣчать по всякому дѣлу, предметомъ котораго является одно изъ такихъ публичныхъ правъ. Въ частности Алглавъ насчитываетъ 17 такихъ указанныхъ въ законѣ случаевъ, къ которымъ онъ относитъ и вчинаемое прокуратурой дисциплинарное преслѣдованіе [1]). Все это дѣйствительно имѣетъ предметомъ возстановленіе тѣхъ или другихъ нарушенныхъ публичныхъ началъ. Но и внѣ ихъ, въ случаяхъ, закономъ прямо не предусмотрѣнныхъ, Алглавъ допускаетъ активное дѣйствіе прокуратуры по гражданскимъ дѣламъ при непремѣнной наличности вышеприведеннаго условія, т. е. публичнаго характера дѣла.

Къ гражданской дѣятельности прокуратуры въ качествѣ *partie principale* относится и право генералъ-прокурора кассаціоннаго суда приносить въ этотъ послѣдній «въ интересахъ закона», т. е. безъ вліянія на интересы сторонъ, протесты на всѣ незаконныя гражданскія рѣшенія, указанныя низшими прокурорскими чинами.

По старой ли традиціи, или вслѣдствіе обширности и сложности гражданской компетенціи прокуратуры, она удѣляетъ гражданскимъ дѣламъ не мало времени и труда. Въ составѣ ея при гражданскихъ отдѣленіяхъ при кассаціонномъ и апелляціонномъ судахъ встрѣчаются опытные и образованные цивилисты, съ успѣхомъ переходящіе впослѣдствіи на президентскія мѣста. Занятія гражданскимъ правомъ вообще въ большомъ почетѣ между французскими юристами, которые, будучи воспитаны на римскомъ правѣ, считаютъ ихъ болѣе серьезными и интересными, чѣмъ уголовныя. Въ распорядительной же практикѣ и дѣлопроизводствѣ прокуратуры на каждомъ шагу нужны основательныя познанія въ гражданскомъ законодательствѣ. Есть циркуляры министерства юстиціи и генералъ-прокуроровъ, рекомендующіе чинамъ ея усиленную и даже научную работу въ этой области. До мысли объ излишествѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ во Франціи еще не додумались, и голосъ прокурора нерѣдко имѣетъ въ процессѣ такую авторитетность, что судьи къ нему внимательно прислушиваются и съ нимъ считаются. Это объясняется несомнѣнно

---

[1]) *Alglave.* I, 17, 589, 624.

тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ болѣе важныхъ, сложныхъ, или юридически интересныхъ и сама прокуратура съ большою добросовѣстностью и усердіемъ относится къ своей дѣятельности государственнаго юрисконсульта или публичнаго повѣреннаго [1]).

V. Судебно-административная дѣятельность.

§ **18. Судебный надзоръ.** Собственно судебныя, т. е. уголовныя и гражданскія дѣла далеко не исчерпываютъ всего содержанія прокурорской дѣятельности и составляютъ лишь большую половину ея. Другая, меньшая по значенію, но не по объему, весьма обширному и разностороннему, слагается изъ множества судебно-административныхъ обязанностей, въ которыхъ преобладаетъ тотъ или иной элементъ, смотря потому, является ли прокуратура институтомъ чисто судебнаго вѣдомства, или же органомъ общественныхъ и правительственныхъ интересовъ въ широкомъ смыслѣ. Обязанности эти, пріуроченныя къ отдѣльнымъ предметамъ, не укладываются въ какую-либо общую систему и только для удобства обозрѣнія могутъ быть механически сведены къ нѣсколькимъ нижеуказаннымъ группамъ, что объясняется самымъ порядкомъ ихъ образованія. Почти ни одна изъ нихъ не основана на постановленіяхъ кодекса; онѣ создавались послѣдовательно, особыми узаконеніями, по мѣрѣ того, какъ возникали къ тому поводъ и надобность. Длинный рядъ такихъ распоряженій тянется съ начала нынѣшняго столѣтія непрерывно до послѣднихъ годовъ, обнаруживая стремленіе законодательства скорѣе къ расширенію, чѣмъ къ ограниченію судебно-административной функціи прокуратуры. Она привлекается къ дѣятельности всюду, гдѣ участіе ея представляется полезнымъ и не противорѣчитъ широкому и упругому понятію о ней французскаго права. Государство видитъ въ ней особенно удобный органъ своего воздѣйствія во всемъ, что такъ или иначе затрогиваетъ его юридическія цѣли, и щедро пользуется

---

[1]) Изъ отчета министра юстиціи объ отправленіи гражданскаго правосудія за 5-лѣтіе 1881—1885 гг. видно, что прокуратура участвуетъ въ половинѣ всего числа гражданскихъ дѣлъ, причемъ въ составѣ этого количества $^2/_3$ всѣхъ дѣлъ приходится на долю *обязательнаго* и $^1/_3$—*факультативнаго* ея участія (*Journal des Parquets* 1887, №10.)

службою этого органа, постоянно возлагая на него разнохарактерныя полномочія, главнымъ образомъ въ эластичной области такъ называемаго судебнаго управленія. Нѣкоторыя изъ нихъ даже вовсе не указаны въ законѣ, а коренятся въ требованіяхъ и разъясненіяхъ практики, которая смѣло оправдываетъ ихъ тѣмъ, что они согласны съ общимъ призваніемъ прокуратуры. По этому признаку вся пестрота ихъ объединяется формулой общественнаго интереса и правительственной задачи по его охраненію. Прокуроръ выступаетъ на защиту его, какъ дѣятельный органъ правительства при судѣ вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о возстановленіи порядка, опредѣленнаго въ законахъ, или даже объ огражденіи его отъ возможныхъ будущихъ нарушеній. Здѣсь прокуроръ уже совсѣмъ примыкаетъ къ административной власти, и въ функціяхъ «публичнаго министерства» репрессія соединяется съ предупрежденіемъ. Словомъ, въ схемѣ органовъ государственной власти прокуратура занимаетъ мѣсто среднее между судомъ и администраціей въ тѣсномъ соприкосновеніи съ обоими и въ прямой зависимости отъ правительства, а во внутреннемъ строеніи ея учрежденія черты судебныя переплетаются съ административными, что и выражается, кромѣ изложенныхъ уже подробностей устройства, еще въ нижеслѣдующихъ проявленіяхъ ея дѣятельности. Ихъ многочисленность и многосложность заставляетъ ограничиться только наиболѣе важными или характеристичными изъ числа предметовъ, наполняющихъ собою цѣлые томы спеціальныхъ руководствъ, лексиконовъ и «административныхъ репертуаровъ и формуляровъ» (*formulaire administratif*) французскаго «паркета» [1]).

На прокуратурѣ лежитъ прежде всего обязанность *общаго наблюденія за судебнымъ вѣдомствомъ*, т. е. за тѣмъ, чтобы въ средѣ его исполнялись законы и не нарушалось необходимое достоинство магистратуры. Для осуществленія этого надзора есть нѣсколько путей: донесенія министру юстиціи, въ рукахъ котораго по закону 30 апрѣля 1883 года сосредоточивается «управленіе судебной частью и руководство судебною властью», соотвѣтствующія предложенія судебнымъ мѣстамъ и ихъ президентамъ;

---

[1]) Особенно: *Massabiau*, III. *Le Poitevin*, I—III. *Faure* Repertoire administratif des parquets 1843 I—II. *Dutruc.* Memorial du ministère public I—II 1871 г. *Desplagnes* Notes pratiques sur l'administration des parquets 1866.

личное присутствіе и участіе во всѣхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ и, наконецъ, извѣстное участіе въ дисциплинарномъ или судебномъ преслѣдованіи чиновъ и лицъ судебнаго вѣдомства за нарушенія служебнаго или профессіональнаго долга. Сущность и предѣлы надзора различаются *causa materiae*, т. е. смотря потому, касается ли онъ общаго хода дѣлъ, надобностей въ исправленіи или улучшеніяхъ, или же наказуемыхъ упущеній, а также и *causa personis*, по отношенію къ той или другой категоріи членовъ судебнаго сословія. Слѣдя за дѣйствіями судовъ и судей и замѣчая въ практикѣ какія-либо уклоненія отъ законнаго и правильнаго порядка, прокуратура сообщаетъ объ усмотрѣнныхъ ею неправильностяхъ на распоряженіе судебныхъ президентовъ, а если ими надлежащій порядокъ не возстановленъ, то, дѣйствуя по начальству, доноситъ о томъ министру. Во всѣхъ общихъ собраніяхъ судей, при обсужденіи и разрѣшеніи ими вопросовъ внутренняго распорядка или мѣстной судебной администраціи, и вообще во всѣхъ засѣданіяхъ распорядительнаго характера, гдѣ не рѣшается споровъ о правѣ (*quand les deliberations portent sur des sujets non contentieux*), прокуроръ участвуетъ въ самомъ совѣщаніи судей и, если по закону отъ него не потребуется заключенія, то и съ правомъ голоса. Сохранился еще, хотя и въ измѣненномъ видѣ, старый обычай произнесенія генералъ-прокуроромъ въ общемъ собраніи апелляціоннаго суда годичной рѣчи, *mercuriale* [1]), объ отправленіи правосудія въ истекшемъ году (*sur la manière dont la justice a été rendue*). Теперь эта рѣчь заключаетъ въ себѣ отчетъ генералъ-прокурора по округу, состоящій главнымъ образомъ изъ группировки статистическихъ данныхъ, къ которымъ изрѣдка присоединяются замѣчанія о выдающихся явленіяхъ судебной жизни за отчетный годъ. Рѣчь произносится, или точнѣе отчетъ докладывается ежегодно въ мартѣ и вызываетъ соотвѣтствующее постановленіе апелляціоннаго суда, послѣ чего генералъ-прокуроръ то и другое представляетъ въ копіяхъ министру.

Въ связи съ отчетною рѣчью находится другая, такъ называемая вакаціонная, *discour de rentrée*, произносимая генералъ-прокуро-

---

[1]) По закону 20 Апрѣля 1810 г., воспроизводившему еще до-революціонные порядки, рѣчь эта произносилась въ первую *среду* послѣ вакацій (*rentrée*), откуда и ея названіе, ставшее теперь анахронизмомъ.

ромъ или однимъ изъ его товарищей въ торжественномъ общемъ собраніи апелляціоннаго суда (*en audience solennelle toutes les chambres reunies*) послѣ вакацій. На основаніи декрета 6 іюля 1810 г. содержаніемъ рѣчи является «приличный случаю предметъ» и, кромѣ того, въ ней «обрисовываются передъ адвокатами и стряпчими ихъ «обязанности и выражается скорбь, внушаемая понесенными потеряями дѣятелей, ознаменовавшихъ себя познаніями, талантами, продолжительными и полезными трудами, а также и неподкупной честностью». Произнесенная рѣчь печатается, причемъ одинъ экземпляръ ея представляется министру, а другой прилагается къ личному формулярному производству оратора. Нѣкоторые писатели-практики считаютъ это освященное закономъ обыкновеніе совершенно излишнимъ и безполезнымъ; они находятъ, что чины прокуратуры вовсе не призваны своими служебными обязанностями составлять цѣлые трактаты по разнымъ юридическимъ и спеціальнымъ вопросамъ, чѣмъ являются *discours de rentrée*, а обязательно выслушивающіе ихъ судебные чины вовсе не нуждаются въ такихъ ежегодныхъ лекціяхъ [1]). Но стародавній обычай, глубоко укоренившійся, отнюдь не вышелъ изъ употребленія, и ежегодно въ апелляціонныхъ судахъ члены прокуратуры произносятъ старательно подготовленныя рѣчи по разнообразнѣйшимъ предметамъ права, его исторіи, судебной политики и проч. Между ними бываютъ иногда замѣчательныя произведенія, составляющія цѣнный вкладъ въ науку и литературу [2]). Магистратура и сами прокуроры этимъ трудомъ не тяготятся, и практика не заявляетъ о томъ, чтобы соблюденіе такой почтенной исторической традиціи отнимало у прокуратуры время, нужное для прямыхъ ея занятій. А такъ какъ поддерживать и освѣжать свой умственный уровень и мышленіе посильною разработкою спеціальныхъ вопросовъ знанія и мысли есть лучшее средство противъ застоя и бюрократической рутины, то и вакаціоннымъ рѣчамъ французскихъ прокуроровъ едва ли можно отказать въ значеніи и сочувствіи.

---

[1]) Особенно рѣзкую критику тѣхъ и другихъ рѣчей даетъ *De-Molenes*, II, 328.

[2]) Содержаніе вакаціонныхъ рѣчей крайне разнообразно. Нельзя не указать на заслуживающую вниманія русскихъ юристовъ рѣчь *Вердье*, товарища генералъ-прокурора въ *Ріомѣ* (*Riom*) «*о русской магистратурѣ*» 1883. (*Verdier*. La magistrature russe 1883); въ прекрасно составленномъ очеркѣ сдѣлано довольно полное и весьма для насъ сочувственное обозрѣніе нашего судопроизводства, съ замѣчательнымъ для иностранца знаніемъ дѣла и изученіемъ всѣхъ доступныхъ источниковъ.

По *личному составу судей* всѣхъ судовъ и ранговъ прокуратурѣ принадлежитъ важное право представленія къ назначенію, раздѣляемое ею впрочемъ съ президентами судовъ. При открытіи какой-либо вакансіи, такъ называемые *chefs de cour*—первый президентъ и генералъ-прокуроръ апелляціоннаго суда представляютъ министру юстиціи каждый своихъ кандидатовъ, а черезъ нихъ въ отношеніи мировыхъ судей тоже дѣлаютъ президентъ суда 1-й инстанціи и прокуроръ республики. О каждомъ судьѣ, какъ и о всѣхъ вообще должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства въ прокурорскихъ камерахъ ведутся подробные «личные наряды» (*dossiers et notices individuelles*), въ которые заносятся всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о лицѣ, его свойствахъ, служебной дѣятельности и проч. Эти своего рода кондуитные списки и служатъ главнымъ источникомъ аттестацій, представленій и проч., ставящихъ прокуратуру въ контролирующее положеніе надъ персоналомъ судебнаго вѣдомства. Съ изданіемъ закона 30 августа 1883, по которому всѣ дисциплинарныя дѣла о судьяхъ сосредоточены въ «высшемъ совѣтѣ магистратуры» (*Conseil superieur de la magistrature*), образуемомъ въ составѣ кассаціоннаго суда, прокуратура уже не имѣетъ права непосредственно возбуждать дисциплинарныя преслѣдованія, а о поводахъ къ нему обязана доносить министру юстиціи. Отъ его усмотрѣнія зависитъ внести дѣло въ «высшій совѣтъ», при которомъ прокурорскія обязанности исполняются генералъ-прокуроромъ кассаціоннаго суда [1]). Въ видѣ исключенія, генералъ-прокуроры судовъ апелляціонныхъ имѣютъ право сами дѣлать предостереженія (*avertir*) слѣдственнымъ судьямъ, но послѣдніе подчинены имъ не какъ судьи и слѣдователи, а только въ одной начальной отрасли своей обязанности, какъ органы судебной полиціи, вообще подвѣдомственной генералъ-прокурору. Болѣе другихъ поставлены подъ власть прокуратуры мировые судьи, у которыхъ прокуроръ-республики можетъ производить внезапныя ревизіи и которымъ онъ же разрѣшаетъ отпуски на время до 1 мѣсяца. Въ случаѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ одного изъ членовъ магистратуры за преступленіе общее или по должности, преслѣдованіе это производится генералъ-прокуроромъ апел-

[1]) Министръ юстиціи, впрочемъ на основаніи того же закона 30 августа 1883 г., можетъ и своею властью дѣлать выговоры (*reprimander*) провинившимся судьямъ.

ляціоннаго суда самостоятельно или съ разрѣшенія министра, по общимъ правиламъ судопроизводства. И здѣсь, какъ и въ отношеніи преслѣдованія должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за служебныя преступленія, прокуратура не связана въ своихъ дѣйствіяхъ никакимъ предварительнымъ разрѣшеніемъ и свободно, на основаніи законовъ, исполняетъ свою наблюдательную и обвинительную функцію.

Подъ особымъ и отчасти даже какъ бы начальственнымъ наблюденіемъ прокуратуры состоятъ *вспомогательные судебные чины*, носящіе названіе *officiers ministeriels*, а именно стряпчіе (*avoués*), судебные пристава (*huissiers*) и секретари (*greffiers*). Прокуратура дѣятельно участвуетъ въ сложной процедурѣ ихъ рекомендаціи правительству, назначеніи на должности и укрѣпленія за ними этихъ послѣднихъ, принадлежащихъ имъ на правѣ собственности (*charges*). Получая отъ нихъ отчеты и ведя реестры ихъ дѣятельности, она наблюдаетъ за правильностью взиманія ими установленныхъ закономъ сборовъ и вообще за всѣми ихъ профессіональными дѣйствіями. Принимая на нихъ и частныя жалобы за неправильности, генералъ-прокуроръ и прокуроръ-республики могутъ съ нѣкоторыми ограниченіями дѣлать имъ отъ себя выговоры и предостереженія. Въ случаѣ же болѣе важныхъ упущеній прокуратура сообщаетъ для взысканія въ выборную дисциплинарную камеру каждой корпораціи, или же привлекаетъ виновныхъ къ дисциплинарной отвѣтственности передъ надлежащимъ судомъ. Ближайшему прокурорскому контролю подвѣдомственъ и судебный секретаріатъ, *greffe*, въ которомъ прокуроръ ежемѣсячно производитъ подробную ревизію, доводя о результатахъ ея до свѣдѣнія министра. Нѣсколько независимѣе и выше положеніе *нотаріусовъ* (*notaire*), хотя и на нихъ распространяется наблюденіе прокуратуры. Принадлежа по свойству своей профессіи и порядку ея отправленія къ тѣмъ же *officiers ministeriels*, они не изъяты изъ прокурорскаго наблюденія, которое, однакоже, не можетъ выражаться въ выговорахъ или предостереженіяхъ. Прокуроръ имѣетъ только право возбудить противъ нотаріуса дисциплинарное преслѣдованіе; но средства наблюденія также весьма обширны: это право требовать къ себѣ и обозрѣвать нотаріальные реестры и производства, а также и просмотръ, съ правомъ обжалованія, всѣхъ опредѣленій дисциплинарной камеры. Практика

свидѣтельствуетъ о бдительности надзора прокуратуры за вспомогательными судебными чинами, которые въ своей дѣятельности воспитываются въ убѣжденіи, что ни одно нарушеніе профессіональнаго долга не будетъ имъ пропущено и не останется безъ возмездія.

Отношенія прокуратуры къ *адвокатурѣ* въ ихъ настоящемъ видѣ сложились не сразу и не безъ борьбы. До-революціонные «люди короля», вышедшіе изъ рядовъ адвокатуры, не разрывали, какъ уже было упомянуто выше, своихъ связей съ нею и, если чѣмъ-нибудь надъ ней премировали, то только своимъ должностнымъ положеніемъ и властью наблюдать за охраненіемъ законовъ во имя общественныхъ интересовъ. Наполеонъ I, ненавидѣвшій адвокатовъ, которыхъ онъ называлъ бунтовщиками, дѣятелями преступленій и измѣны [1]), декретомъ 14 декабря 1810 г. поставилъ ихъ въ такую зависимость отъ прокуратуры, что старшина (*batonnier*) и совѣтъ сословія (*conseil de l'ordre*) назначались по распоряженію генералъ-прокурора. Послѣ реставраціи, законъ 20 ноября 1822 г. возстановилъ начала стараго порядка, дѣйствующія и нынѣ. Адвокатура представляетъ независимое корпоративное сословіе, за которымъ прокуратура имѣетъ лишь общее наблюденіе дисциплинарнаго характера. Такъ она можетъ предлагать объ упущеніи или неблаговидномъ поступкѣ адвоката на разсмотрѣніе адвокатскаго совѣта, отъ котораго уже зависитъ возбудить дисциплинарное производство, въ чемъ заключается существенное отличіе этого учрежденія отъ дисциплинарныхъ камеръ другихъ корпорацій *officiers ministeriels*, гдѣ прокурорское предложеніе прямо возбуждаетъ преслѣдованіе. Всѣ дисциплинарныя опредѣленія совѣта сообщаются генералъ-прокурору, который можетъ опротестовать ихъ въ 10-дневный срокъ въ общее собраніе апелляціоннаго суда. Шире права прокуратуры въ судебномъ засѣданіи, гдѣ она можетъ предложить суду, не выходя изъ присутствія (*sans desemparer*), постановить о наложеніи взысканія на адвоката, нарушившаго передъ судомъ обязанности своего званія. Этимъ правомъ своимъ прокуратура пользовалась особенно часто при второй имперіи, между прочимъ и для пресѣченія и наказанія рѣзкихъ выходокъ адвокатуры противъ обвинительной

---

[1]) Въ извѣстномъ письмѣ къ Камбасересу, гдѣ Наполеонъ говоритъ, что онъ желаетъ возможности «отрѣзать языкъ у адвоката, который пользуется имъ противъ правительства».

власти. Но, несмотря на поддержку со стороны суда, подобныя мѣры стѣсненія адвокатуры никогда не встрѣчали сочувствія въ обществѣ и среди юристовъ, которые настойчиво и горячо отстаивали принципъ полнаго равенства сторонъ въ судебномъ состязаніи и безусловной независимости защиты отъ прокуратуры [1]). Принципъ этотъ слѣдуетъ признать основнымъ во французскомъ судебномъ правѣ и практикѣ, съ тѣмъ однакоже, что примѣненіе его отнюдь не исключаетъ и не ограничиваетъ законнаго наблюденія прокуратуры за дѣятельностью адвокатовъ.

§ **19. Административныя обязанности.** Прокуратура есть главный дѣятельный органъ *судебной администраціи*. Черезъ нее дѣйствуетъ управленіе судебной частью, руководимое стоящимъ во главѣ ея министромъ юстиціи. Въ этомъ качествѣ прокуроръ исполняетъ большое количество распорядительныхъ дѣлъ, имѣющихъ отчасти судебный характеръ. Въ сношеніяхъ центральнаго правительства съ судебною властью прокуратура играетъ роль посредствующаго и соединяющаго звена или передаточной инстанціи. Она передаетъ и объявляетъ судамъ всѣ вновь изданные законы и правительственныя распоряженія и обратно доводитъ до свѣдѣнія о всѣхъ судебныхъ опредѣленіяхъ, имѣющихъ значеніе для правительственныхъ и административныхъ мѣропріятій. Въ частности прокуратура есть прямой органъ министерства юстиціи, орудіе того руководящаго направленія, которое министръ даетъ

---

[1]) Здѣсь кстати припомнить случай, знаменитый въ анналахъ обоихъ учрежденій. Въ 1860 г. адвокатъ *Оливье* (впослѣдствіи злосчастный министръ послѣднихъ мѣсяцевъ второй имперіи), защищая передъ парижскимъ апелляціоннымъ судомъ по дѣлу политическаго характера, назвалъ «дурнымъ» (*mauvais*) пріемъ прокурора, возбуждавшаго по его мнѣнію и безъ того раздраженныя страсти. Судъ, по требованію прокурора, запретилъ Оливье практику на 3 мѣсяца, и общее собраніе апелляціоннаго суда, въ качествѣ 2 инстанціи, послѣ блестящаго заключенія *Chaix-d'Est-Ang'a*, утвердило это постановленіе, признавъ между прочимъ, что «право защиты не обусловливаетъ права нападенія» и что «въ особенности недозволительно нападеніе на прокуратуру, которая по закону дѣйствуетъ и говоритъ на судѣ отъ имени государства». Но общественное мнѣніе и юридическая наука не согласились съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса. Появилось множество печатныхъ возраженій, доказывавшихъ необходимость процессуальнаго равенства сторонъ и выводившихъ его изъ духа законодательства и ряда историческихъ примѣровъ. Послѣднее слово въ этомъ научно-публицистическомъ спорѣ осталось за приверженцами равенства, аргументація которыхъ съ чрезвычайною силой сгруппирована въ анонимной книгѣ: *Le ministère public et le barreau, leurs droits et leurs rapports* 1860 (съ предисловіемъ *Беррье*). См. также у *Le Berquier*. Le barreau moderne 1869, стр. 39 и др.

внутреннему строю и распорядку въ судебномъ вѣдомствѣ. Вслѣдствіе этого, между высшими и низшими чинами прокуратуры непрестанно происходятъ оживленныя взаимныя сношенія, требующія обширной переписки и создающія сложное дѣлопроизводство. Особенно велико движеніе снизу вверхъ; подчиненные представляютъ по начальству множество донесеній, копій, выписокъ, вѣдомостей, списковъ и проч. Одни изъ этихъ бумагъ посылаются по мѣрѣ возникновенія дѣлъ и надобности, такъ напр.: прокуроръ республики доноситъ генералъ-прокурору о всѣхъ возбужденныхъ уголовныхъ дѣлахъ и подробно представляетъ ему же,—а тотъ, въ свою очередь, министру о всѣхъ случаяхъ, обращающихъ на себя вниманіе. Между прочимъ представляется въ министерство рапортъ прокуратуры о каждой сессіи съ участіемъ присяжныхъ. Содержаніе этого рапорта (установленнаго министерскимъ распоряженіемъ 1853) характерно указывается оффиціальнымъ его названіемъ: «нравственный отчетъ о результатахъ обвиненія на судѣ присяжныхъ» (*compte rendu moral des resultats obtenus devant le jury*). Другія донесенія посылаются періодически (*envois periodiques*), и должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, или даже составляются по заранѣе предписаннымъ формамъ. Цѣль ихъ—дать высшей прокуратурѣ и министерству возможность быть во всякое время въ курсѣ всего происходящаго въ судебной части и всегда имѣть подъ руками данныя о болѣе важныхъ ея явленіяхъ. Такихъ періодическихъ представленій по разнообразнымъ предметамъ бываетъ очень много. О числѣ ихъ и вообще о размѣрахъ этой отрасли прокурорской дѣятельности можно судить потому, что прокуроръ республики посылаетъ донесеній и вѣдомостей: еженедѣльныхъ — 1, двухнедѣльныхъ — 2, ежемѣсячныхъ — 20, трехмѣсячныхъ — 12, полугодичныхъ—2 и годичныхъ—19 [1]). Прокуратура же кромѣ того исполняетъ многосложныя работы по судебной статистикѣ, представляемыя ею въ министерство. Изъ спеціальныхъ обязанностей прокуратуры по судебному управленію однѣ касаются гражданскаго, другія уголовнаго правосудія. Въ числѣ первыхъ можно указать, для примѣра, переписку и производство еще до судебнаго разсмотрѣнія по дѣламъ брачнымъ, объ актахъ гражданскаго состоянія, объ интердиктахъ, запрещеніяхъ, принятіе мѣръ къ охраненію

[1]) *Le Poitevin.* Dictionnaire-formulaire II, 72.

имущества и интересовъ безвѣстно отсутствующихъ, малолѣтнихъ, умалишенныхъ и проч. и проч. Сюда же принадлежитъ участіе прокурора въ институтѣ «*судебной помощи*» (*assistance judiciaire* [1]), которому въ слабой степени соотвѣтствуетъ разсмотрѣніе у насъ просьбъ о признаніи права бѣдности. Во Франціи это стройный, прекрасно выработанный порядокъ, примѣняемый особыми смѣшанными бюро, въ составѣ судовъ 1-й инстанціи и апелляціоннаго, изъ членовъ отъ судебнаго сословія и административныхъ представителей. Движеніемъ дѣлъ въ этихъ бюро завѣдываетъ прокуратура, которая даетъ и заключенія по существу каждаго вопроса о предоставленіи судебной помощи. Изъ функцій уголовнаго характера нѣкоторыя заслуживаютъ упоминанія, какъ по своему практическому значенію, такъ и по количеству времени и труда, посвященныхъ имъ прокуратурой. Таково ея участіе въ собираніи, классификаціи и повѣркѣ *справокъ о судимости*, *casier judiciaire*, сосредоточенныхъ по округамъ, въ секретаріатѣ каждаго суда 1-й инстанціи и, сверхъ того, въ центральномъ бюро при министерствѣ юстиціи [2]). Большая часть свѣдѣній, нужныхъ для справокъ о судимости (составляемыхъ по свидѣтельству практиковъ съ замѣчательною отчетливостью) доставляется прокуратурою, которая въ лицѣ прокурора республики ежемѣсячно ревизуетъ эти справки.

Черезъ прокуратуру съ ея заключеніями восходятъ въ министерство юстиціи, а затѣмъ и на усмотрѣніе главы государства, всѣ просьбы о *помилованіи* или смягченіи участи (*recours en grace*) осужденныхъ. Просьбы такого рода могутъ быть прямо подаваемы прокуратурѣ, которая представляетъ ихъ министру съ необходимыми свѣдѣніями по ихъ содержанію и своимъ мнѣніемъ о степени уважительности ходатайства. Относительно отбывающихъ наказаніе лишеніемъ свободы приводится истребованный прокуратурою отзывъ тюремнаго начальства о поведеніи заключенныхъ. Если же просьба о помилованіи подана въ министерство, то послѣднее отсылаетъ ее генералъ-прокурору для доставленія свѣдѣній и заключенія, которое вообще имѣетъ тѣмъ большее вліяніе на разрѣшеніе просьбы, что власть, отъ которой зависитъ ея удовлетвореніе, знакомится съ фактическою стороною и нравствен-

---

[1]) Законъ 22 Января 1851 года.

[2]) *Casier judiciaire* учрежденъ министерскими распоряженіями 1850.

ными оттѣнками дѣла по изложенію его прокуратурой. Она обязана быть здѣсь вполнѣ безпристрастною и совершенно забыть о своей обвинительной миссіи, что конечно ей не всегда удается, и нельзя не признать странною аномаліей это сосредоточеніе производствъ въ ея исключительномъ вѣдѣніи, съ устраненіемъ отъ него гораздо болѣе компетентнаго суда, произнесшаго приговоръ. Не менѣе существенно участіе прокуратуры въ производствѣ о возстановленіи или *реабилитаціи* осужденнаго, отбывшаго наказаніе, въ его прежнихъ правахъ и положеніи [1]). Просьбы объ этомъ, обставленныя извѣстными условіями, подаются прокурору республики, который производитъ цѣлое изслѣдованіе, направленное какъ къ опредѣленію того, соблюдены ли эти формальныя условія реабилитаціи, такъ и къ выясненію, заслуживаетъ ли ея вообще проситель по своимъ качествамъ и поведенію. Затѣмъ прокуроръ республики представляетъ все производство съ своимъ заключеніемъ генералъ-прокурору, который вноситъ его на разсмотрѣніе апелляціоннаго суда. Послѣдній въ распорядительномъ засѣданіи обвинительной камеры, по выслушаніи прокуратуры и просителя или его защитника, разрѣшаетъ вопросъ о реабилитаціи, которая, подобно римскому *restitutio in integrum*, уничтожаетъ всѣ придаточныя послѣдствія исполненнаго приговора.

Слѣдуетъ еще упомянуть о дѣятельности прокуратуры въ *экстрадиціонномъ* производствѣ, т. е. при предъявленіи иностранными государствами требованій о выдачѣ имъ подданнаго ихъ, который, подвергшись въ своемъ отечествѣ уголовному преслѣдованію, скрывается во Франціи. Дѣятельность эта, опредѣляемая циркулярами министра юстиціи Дюфора, изданными въ 1875 г., заключается въ томъ, во 1-хъ, что отъ прокуратуры зависитъ подвергнуть обвиняемаго предварительному аресту и во 2-хъ, что она же собираетъ и представляетъ правительству данныя для разрѣшенія вопроса объ экстрадиціи. Прокуроръ республики допрашиваетъ обвиняемаго, провѣряетъ фактическую часть его объясненій о своей личности, на сколько это возможно во Франціи и нужно для экстрадиціи, и затѣмъ дѣло съ заключеніями прокуратуры, черезъ генералъ-прокурора и министра юстиціи, восходитъ на рѣшеніе президента республики.

[1]) Постановленія объ этомъ предметѣ устава уголов. судопроиз. значительно измѣнены новѣйшимъ закономъ 14 Августа 1885 г.

Прокуратура принимаетъ участіе въ предварительномъ письменномъ производствѣ и въ судебномъ разрѣшеніи всѣхъ *пререканій о подвѣдомственности* какъ между различными судами, гдѣ по ея предложеніямъ совершается возстановленіе надлежащей подсудности (*reglement de juges*), такъ и между судомъ съ одной стороны и административною властью — съ другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она является *юрисконсультомъ администраціи*, которая исключительно черезъ ея посредство сносится съ судебной властью. Присутствіе административнаго элемента въ институтѣ прокуратуры сказывается и въ исполненіи ею нѣкоторыхъ чисто административныхъ обязанностей, впрочемъ, свойства болѣе пассивнаго и наблюдательнаго, чѣмъ дѣятельнаго. Такъ между прочимъ ей наравнѣ съ префектомъ должно быть заявлено объ учрежденіи каждаго частнаго среднеобразовательнаго *учебнаго заведенія* (законъ 15 марта 1850), причемъ какъ префекту, такъ и прокуратурѣ предоставлено право предлагать на разсмотрѣніе «академическаго совѣта» свои возраженія противъ открытія проектируемой школы «въ интересахъ общественной нравственности и здоровья учащихся». Точно также по закону 29 іюля 1881 о періодической *печати*, изданію журнала или газеты должно предшествовать письменное и формальное заявленіе прокуратурѣ (*declaration au parquet*) о заглавіи и срокѣ выхода печатнаго органа, личности завѣдующаго имъ (*gérant*) и типографіи, въ которой онъ будетъ печататься. Кромѣ того, одновременно съ выпускомъ каждаго номера, два экземпляра его представляются въ прокурорскую камеру, если таковая есть въ мѣстѣ изданія (*dépot au parquet*). Оба указанныя правила и нѣкоторыя другія, имъ подобныя, имѣютъ очевидно въ виду дать въ руки прокуратурѣ, въ случаѣ нарушенія законовъ о народномъ образованіи, о прессѣ и т. д, самый *corpus delicti* такого нарушенія и тѣмъ облегчить преслѣдованіе его передъ судомъ.

Подъ наблюденіемъ прокуратуры находятся и *тюрьмы*, состоящія въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, почему наблюденіе это не простирается далѣе правильности содержанія заключенныхъ и согласованія его съ закономъ и судебными приговорами и постановленіями. Внѣ этихъ предѣловъ она не распространяется ни на внутренній распорядокъ въ тюрьмахъ, ни на тюремное хозяйство. Замѣчанія свои по указаннымъ предметамъ проку-

ратура сообщаетъ на распоряженіе тюремнаго или вообще административнаго начальства. Препровожденіе арестантовъ, по судебнымъ надобностямъ, изъ одной мѣстности въ другую производится по письменнымъ требованіямъ прокуратуры. Смотря по положенію дѣла, корреспонденція заключенныхъ и свиданія съ ними разрѣшаются слѣдственнымъ судьею или прокуроромъ, который имѣетъ во всякое время право входа въ тюрьму, но не облеченъ никакими начальственными надъ нею полномочіями.

Общій характеръ и различныя стороны дѣятельности прокуратуры ставятъ ее въ постоянное соприкосновеніе съ административною властью и ея органами. Возникающая отсюда возможность конфликтовъ настоятельно требуетъ точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній, которыя, однакоже, по безконечному разнообразію случаевъ, съ ихъ нерѣдко трудно уловимыми оттѣнками и политическою щекотливостью, не могутъ быть подробно регулированы законодательнымъ путемъ. Это достигается практическою юриспруденціей, для которой доктрина указываетъ, въ видѣ критерія, охраненіе основныхъ началъ и внутренняго смысла закона. Цѣлое ученіе, излагаемое поэтому поводу у Массабьо [1]), можетъ быть резюмировано слѣдующими условіями: взаимное согласіе и содѣйствіе при полной отдѣльности и самостоятельности въ законныхъ предѣлахъ, соблюденіе мѣры, такта и достоинства въ сношеніяхъ, обмѣнъ свѣдѣній, не составляющихъ судебной или административной тайны [2]). Современныя правительственныя воззрѣнія на этотъ предметъ, преобладающія или, по крайней мѣрѣ, стремя-

[1]) *Massabiau* III, 551.

[2]) Въ *министерскомъ циркулярѣ 5 марта 1858 г.* отношенія прокуратуры къ административной власти очерчены слѣдующимъ образомъ: «администрація и юстиція, въ особенности прокуратура, могутъ, не смѣшиваясь, помогать другъ другу. Чины судебнаго вѣдомства должны поддерживать добрыя отношенія къ чинамъ вѣдомства административнаго, избѣгая съ одинаковымъ стараніемъ и слабости, отказывающейся отъ своихъ правъ, и щепетильности, пренебрегающей правами другихъ. Генералъ-прокуроръ долженъ совѣщаться съ префектами своего округа по предметамъ преслѣдованія политическихъ преступленій и обязанъ доводить до свѣдѣнія префектовъ обо всемъ, что можетъ имѣть значеніе для безопасности ихъ департаментовъ. Въ свою очередь префекты должны сообщать ему о такихъ добытыхъ предупредительною полиціею данныхъ, которыя могутъ имѣть значеніе для отправленія правосудія и кромѣ того о состояніи умовъ, о положеніи партій и объ опасностяхъ, угрожающихъ общественному порядку. Императорскіе прокуроры—вправѣ, не нарушая независимости административной власти, требовать отъ полицейскихъ коммиссаровъ періодическихъ донесеній о нравственномъ и политическомъ положеніи ихъ участковъ». *Gillet et Démoly.* Analyse des circulaires etc. 1876 II, 312.

щіяся преобладать въ судебно-административной практикѣ особенно ясно высказываются въ постановкѣ взаимныхъ отношеній между администраціей, мировыми судьями и прокуратурой и по вопросу о сообщеніи первой судебныхъ дѣлъ и свѣдѣній. Циркуляромъ министра юстиціи Дюфора отъ 15 іюня 1871 г. и 27 апрѣля 1875 г. воспрещены какія-бы то ни было непосредственныя сношенія префектовъ и другихъ административныхъ органовъ съ мировыми судьями, которые прежде получали и исполняли множество требованій и порученій административной власти. Сношенія эти должны производиться не иначе, какъ черезъ прокуратуру, въ зависимости отъ ея усмотрѣнія и распоряженій. Равнымъ образомъ циркуляромъ отъ 7—17 марта 1879 года, изданнымъ по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, запрещено префектамъ непосредственно требовать отъ чиновъ прокуратуры—а этой послѣдней допускать сообщенія администраціи подлинныхъ судебныхъ производствъ или документовъ. Просьбы объ этомъ должны быть адресуемы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и разрѣшаемы по соглашенію его съ министерствомъ юстиціи, которое въ свою очередь приняло на себя обязательство «по всѣмъ требованіямъ, «заслуживающимъ уваженія, разрѣшать немедленно всѣ сообщенія, «требуемыя во имя серьезнаго административнаго интереса» *(reclamées au nom d'un serieu intérêt administratif)*. Въ дѣйствительности однакоже, отношенія прокуратуры къ администраціи далеко не всегда удерживаются въ этихъ предписанныхъ имъ нѣсколько идеальныхъ рамкахъ. Въ Парижѣ они въ особенности не чужды взаимнаго антагонизма между прокуратурой и префектурой полиціи, который выражается во взаимныхъ обвиненіяхъ и въ пререканіяхъ по отдѣльнымъ случаямъ [1]). Это, повидимому, объясняется главнымъ образомъ политической борьбою партій, которая затрогиваетъ и раздѣляетъ должностныхъ лицъ, и частою смѣною министерствъ, которая лишаетъ судебно-административную практику

[1]) *Г. Андріе* (*Andrieux*), бывшій парижскій префектъ полиціи, такъ характеризуетъ эту рознь въ своихъ «Воспоминаніяхъ». «Парижская прокуратура всегда относилась къ префектурѣ полиціи какъ бы съ нѣкоторою профессіональною ревностью, которая въ особенности въ послѣдніе годы проявлялась въ формѣ извѣстной аффектаціи либерализма по отношенію къ худшимъ изъ дурныхъ элементовъ населенія (*ce qu'il y a de pire dans le mauvais*). *Andrieux.* Souvenir d'un prefet de police 1885 I, 64. То же сказалось и 1887, въ процессѣ *Лимузенъ,* генераловъ *Каффарелли, д'Андло* и др. особенно въ скандальномъ эпизодѣ исчезновенія писемъ *Вильсона* гдѣ-то между судебнымъ вѣдомствомъ и полицейской префектурой.

устойчивости и единообразнаго руководства. Гораздо больше согласія въ провинціи, гдѣ случаи розни между прокуратурой и департаментскими префектами очень рѣдки и, благодаря быть можетъ болѣе спокойной почвѣ и неизбѣжной фактической близости, выработалась извѣстная дѣловая солидарность обоихъ учрежденій. Что же касается до низшихъ, по нашему «исполнительныхъ» органовъ административной власти и въ частности полиціи, то легальная организація института, «судебной полиціи» дѣлаетъ отношенія въ этой области весьма опредѣленными: по раскрытію и изслѣдованію преступленій полицейскіе чины дѣйствительно состоятъ въ полномъ распоряженіи прокуратуры. Въ Парижѣ, по особымъ условіямъ громаднаго центра, первоначальные розыски производятся съ большею фактической самостоятельностью знаменитымъ учрежденіемъ «полиціи безопасности» (*service de sureté* или какъ принято называть его «*la sureté*»). Это не противорѣчитъ и интересамъ самой прокуратуры, довольно малочисленной по составу; къ тому же, получая отъ «полиціи безопасности» готовый матеріалъ, она вмѣстѣ съ слѣдственными судьями обладаетъ всѣми средствами для всесторонней его провѣрки. Кромѣ того, въ ихъ общемъ распоряженіи состоятъ три полицейскихъ коммиссара, спеціально отряженные въ вѣдѣніе судебной власти для производства дознаній и вообще для исполненія порученій по уголовнымъ дѣламъ (*commissaires aux délégations judiciaires*). Они помѣщаются въ «*Palais de Justice*» и находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ «паркетомъ» 1 истанціи, дѣйствуя по его обязательнымъ для нихъ указаніямъ. Въ департаментахъ тѣже розыскныя обязанности исполняются, подъ руководствомъ прокуратуры, жандармеріей, которую по ея устройству и дѣятельности [1]) можно назвать военной силой на гражданской полицейской службѣ. Мѣстные начальники жандармеріи, распредѣляемые по департаментамъ и округамъ судовъ 1 истанціи, сообщаютъ прокуратурѣ обо всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ вызвать судебное преслѣдованіе, и въ точности выполняютъ порученія и указанія прокуроровъ по розыскамъ и слѣдственнымъ дѣйствіямъ. Генералъ-прокуроры и прокуроры республики могутъ вызывать къ себѣ жандармскихъ начальниковъ для объясненій по дѣламъ службы. При ежегодныхъ ревизіяхъ жандармеріи ея инспекторами, которымъ предписывается входить въ сношенія съ началь-

[1]) Законы 29 Октября 1820 и 1 Марта 1854 г.

ствующими чинами прокуратуры, эти послѣдніе сообщаютъ ревизорамъ свои замѣчанія о судебно-полицейской дѣятельности жандармеріи и ея отношеніяхъ къ судебной власти. Правильно поставленныя и тщательно оберегаемыя обѣими заинтересованными сторонами, эти отношенія не представляютъ и въ дѣйствительности отступленій отъ законной нормы.

VI.

§ 20. Общая характеристика вопроса о прокуратурѣ. Изъ сдѣланнаго очерка французской прокуратуры въ ея настоящемъ видѣ слѣдуетъ, что она представляетъ учрежденіе весьма сильное и крѣпкое, съ большими правами и многосложными обязанностями, притомъ глубоко укоренившееся въ общественномъ строѣ страны. По господствующимъ въ ней понятіямъ, прокуратура есть цѣнное и необходимое національное достояніе, откуда однако ошибочно было бы заключить, что Франція всегда и во всемъ была довольна ею и теперь не желаетъ въ ней никакихъ улучшеній.

Если самъ институтъ съ годами и мало видоизмѣнялся, то серьезная критика, переживая рядъ различныхъ фазисовъ, не переставала указывать недостатки и требовать ихъ исправленія. Если до сихъ поръ она была почти безсильна, то это нужно приписать причинамъ политическаго свойства, которыя или мѣшали взглянуть на прокуратуру исключительно съ общественно-юридической точки зрѣнія, или просто неблагопріятствовали крупнымъ судебнымъ преобразованіямъ. Тѣмъ не менѣе критика свое дѣло сдѣлала, освѣтивъ правдиво нѣкоторыя стороны общаго положенія и дѣятельности французскаго «паркета». Выше уже было замѣчено, что значеніе и организація, полученныя прокуратурой при Наполеонѣ I, въ значительной степени обусловливались всей его системой и уже тѣмъ самымъ давали противъ нея оружіе сторонникамъ другихъ государственныхъ порядковъ. Приверженцы реставраціи и строго конституціоннаго режима доказывали, что наполеоновская прокуратура заимствовала отъ прежнихъ самостоятельныхъ «людей короля» только внѣшнія формы и названія, а въ сущности служитъ орудіемъ политическаго гнета надъ правосудіемъ. Особеннымъ нареканіямъ подвергались тѣсная зависимость ея отъ исполнительной власти и предоставленіе ей надзора за судомъ.

Въ памфлетѣ, изданномъ въ 1814 г., почти въ моментъ реставраціи Бурбоновъ, *Дюпенъ* (старшій) горько сѣтовалъ, что прокуратура «вмѣсто того, чтобы быть органомъ судебной власти, отдѣ-«ляется отъ нея и относится къ ней, какъ къ непріятелю, противъ «котораго она поставлена военачальникомъ на стражѣ» [1]). Но эти и подобныя имъ жалобы долго не имѣли результатовъ. Ни одинъ изъ послѣдующихъ режимовъ до нашего времени включительно, охотно и легко мѣняя личный составъ прокуратуры, не измѣнялъ ея задачъ и положенія; каждый по своему и для своихъ цѣлей, они пользовались ею, какъ могучимъ правительственнымъ орудіемъ въ области правосудія. Все различіе сводилось къ большей или меньшей интенсивности вліянія сверху на ея дѣятельность. Въ спокойныя эпохи, эта роль прокуратуры, въ извѣстныхъ предѣлахъ вполнѣ соотвѣтствующая ея природѣ, не представляла ничего ненормальнаго или вреднаго для правомѣрнаго общественнаго быта. Но за то въ періоды общаго смятенія и возбужденія, среди гражданской розни и страстной борьбы политическихъ партій, въ которой всегда участвовало правительство, и направляемая имъ прокуратура легко сходила съ пути справедливости и безпристрастія. А такъ какъ подобные періоды въ текущемъ столѣтіи часто повторялись во Франціи, то и на все учрежденіе прокуратуры легла печать измѣнчивости въ образѣ дѣйствій, подчиняющихся не столько закону, сколько желаніямъ и интересамъ предержащей въ данное время власти. Само собою разумѣется, что дѣятельность повседневная, ординарная шла своимъ чередомъ, вдали отъ политическихъ волненій и на болѣе устойчивой судебной почвѣ. Но общая окраска института, вліявшая на общественное о немъ мнѣніе и даже на научную его доктрину, создавалась цѣлымъ рядомъ выдающихся казусовъ и инцидентовъ, изъ которыхъ многіе дѣйствительно могли быть истолкованы далеко не въ пользу его самостоятельности и стойкости его чиновъ. Во многихъ случаяхъ прокуратура въ своихъ дѣйствіяхъ отдавала явное предпочтеніе преходящимъ видамъ и намѣреніямъ правителей передъ требованіями для всѣхъ равнаго правосудія и строгой законности. Примѣры этому—разновременные политическіе процессы

---

[1]) *Dupin.* Des magistrats d'autrefois, des magistrats de la revolution, des magistrats de l'avenir. 1814.

и преслѣдованія печати, съ преувеличенною постановкою въ нихъ обвиненія, дѣло объ убійствѣ Виктора Нуара принцемъ Пьеромъ Бонапарте (1870), съ обвиненіемъ, наоборотъ намѣренно слишкомъ мягкимъ, тенденціозно — неправильное поведеніе парижской прокуратуры въ экстрадиціонной процедурѣ по дѣлу Гартмана (1880) [1]) и наконецъ недавняя сомнительная роль ея въ процессѣ Лимузенъ – Вильсона.

Отмѣчая съ осужденіемъ такую податливость прокуратуры, теоретики издавна думали найти лучшее средство противъ этого въ установленіи прокурорской несмѣняемости: «Пусть намъ возвратятъ ее» говорили они еще въ 30-хъ годахъ—«безъ страха за «смѣшеніе властей, потому что, если судебное вѣдомство исходитъ отъ «монарха, то какъ единъ источникъ, такъ и между судебными чи«нами не можетъ быть раздѣленія, и всѣ они должны пользоваться «достоинствомъ независимости. Пусть прокуратура является на«роду не послушнымъ орудіемъ правительства, но какъ настоя«щая магистратура — и всѣ честные люди, всѣ добрые граждане «возложатъ на нее свои упованія, а уваженіе и довѣріе, которыя «выпадаютъ теперь отдѣльнымъ дѣятелемъ, перейдутъ и на все «учрежденіе» [2]). Съ тѣхъ поръ требованія законныхъ гарантій большей независимости прокуратуры отъ правительства повторялись неоднократно, во всевозможныхъ видахъ и съ разныхъ сторонъ, отъ умѣренныхъ либераловъ, [3]) предлагавшихъ низвести прокуроровъ на степень простыхъ правительственныхъ адвокатовъ, до крайнихъ радикаловъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, фантазирующихъ на тему срочнаго избранія народомъ не только судей, но и прокуроровъ. Повторялись и требованія полной или частичной несмѣняемости прокуроровъ, которыхъ предлагали называть прокурорами не «*республики*» во избѣжаніе кажущейся связи съ измѣнчивою политическою формой правленія—а «*закона*» (*procureur de la loi* [4]). Все это, противорѣча основной идеѣ учрежденія, его

[1]) Несмотря на очевидность и сознаніе самого Гартмана, прокуратура путемъ самой натянутой аргументаціи и вопреки французской же доктринѣ объ экстрадиціи формулировала заключеніе объ отказѣ въ выдачѣ Гартмана русскому правительству, чего требовала радикальная партія, желалъ Гамбетта и чему въ тайнѣ благопріятствовало министерство Фрейсине-Казо. (Правительственный Вѣстникъ 1880).

[2]) *Ortolan et Ledeau* I, introd. LXX.

[3]) *Odilon Barrot.* De l'organisation judiciaire 1872, 159.

[4]) La magistrature et la politique 1874, 32, 42.

юридическому существу и государственному значенію, не имѣло никакого успѣха въ ходѣ серьезныхъ законодательныхъ предположеній о преобразованіи прокуратуры. Чины ея, по мнѣнію практическихъ юристовъ, «хотя и состоятъ при судебной власти, но «вмѣстѣ съ тѣмъ являются и органами власти исполнительной; «это истина, по очевидности своей, не требующая доказательства» [1]).

Въ 1882 г, въ засѣданіи сената, докладчикъ коммиссіи по разсмотрѣнію проекта новаго закона о предварительномъ уголовномъ судопроизводствѣ *Дофенъ* (*Dauphin*), рѣшительно возражая противъ мнѣнія о необходимости сдѣлать прокуратуру независимою отъ правительства, сказалъ: «Генералъ-прокуроръ долженъ быть подчиненъ «министру юстиціи. Если приказанія этого послѣдняго не согласны съ «его со вѣстью, онъ можетъ сложить съ себя свое званіе и обязанно«сти, но пока онъ ихъ исполняетъ, онъ долженъ повиноваться выс«шимъ распоряженіямъ по предварительному письменному производ«ству. Прокуроръ республики—это генералъ-прокуроръ, генералъ«прокуроръ—это министръ юстиціи, министръ юстиціи—это пра«вительство».—Таково пока по этому вопросу послѣднее слово и французской легислатуры. Оно объясняется убѣжденіемъ, что случаи порабощенія прокуратуры происходятъ отъ причинъ временныхъ и устранимыхъ, а именно отъ несвойственнаго ея задачамъ и призванію чрезмѣрнаго вовлеченія ея въ политическую «злобу дня», отъ неправильнаго пользованія ею, какъ политическимъ орудіемъ, тогда какъ она есть только судебно-административный органъ. Не нужно забывать, что во всемъ этомъ она лишь раздѣляетъ тревожную во Франціи судьбу своего главы и руководителя—правительства, подверженнаго политическимъ бурямъ и волненіямъ.

Нѣсколько успѣшнѣе проводилось—если не въ законодательствѣ, то въ общемъ юридическомъ сознаніи—другое средство исправить положеніе прокуратуры: уничтоженіе или, по меньшей мѣрѣ, ослабленіе ея надзора за судебнымъ вѣдомствомъ, во избѣжаніе возможности оказывать на него давленіе. Въ начавшемся послѣ паденія второй имперіи преобразовательномъ движеніи во французскомъ судебномъ мірѣ [2]) предположеніе объ этомъ было однимъ

[1]) *Desjardins.* La nouvelle organisation judiciaire 1872, 72.

[2]) Первымъ выдающимся явленіемъ этого движенія былъ проектъ реформы судоустройства депутата *Беранже* (бывшаго генералъ-адвоката), вызвавшаго съ 1871 года цѣлую литературу контръ-проектовъ и критическихъ разборовъ.

изъ лозунговъ реформы. Развивая его, новаторы требовали совершенной корпоративной отдѣльности прокуроровъ отъ судей, доводя ее даже до запрещенія взаимныхъ между ними переходовъ. Таково было, между прочимъ мнѣніе *Жюля Фавра*, [1]) раздѣляемое многими видными практическими дѣятелями. Оно находило себѣ смягченный отголосокъ и въ средѣ самой прокуратуры. Такъ въ 1881 г. генералъ-адвокатъ (теперь генералъ-прокуроръ парижскаго апелляціоннаго суда) *Буше (Bouchez)* въ торжественной вакаціонной рѣчи «о судебной карьерѣ» произнесъ, обращаясь къ судьямъ, характеристическія слова: «Между чинами прокуратуры и несмѣняемою магистратурою не должно бы существовать іерархическихъ отношеній; мы стоимъ и должны стоять не выше и не ниже васъ; мы должностныя лица, назначенныя исполнять при вашихъ корпораціяхъ опредѣленныя обязанности; вы, именно вы являетесь членами магистратуры. Поставленные рядомъ съ вами, мы станемся вашими ежечасными сотрудниками; почтенные вашимъ довѣріемъ, гордясь вашимъ уваженіемъ и дорожа нашею взаимною симпатіею, мы отдѣлены лишь однимъ шагомъ отъ вашихъ высокихъ сѣдалищъ, но я не хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь изъ васъ нашелъ для себя удобнымъ спуститься съ нихъ для того, чтобы занять какое-либо мѣсто въ нашихъ рядахъ» [2]). Приведенныя мысли во всякомъ случаѣ очень знаменательны въ устахъ высшаго и авторитетнаго представителя прокуратуры, какъ указаніе преобладающихъ въ ней взглядовъ на отношенія къ судьямъ. Быть можетъ именно вслѣдствіе фактическаго распространенія такихъ дѣйствительно правильныхъ и разумныхъ мнѣній, которыя могутъ дать этимъ отношеніямъ вѣрную окраску, законодательство и не находило до сихъ поръ нужнымъ отказаться отъ законномѣрнаго надзора прокуратуры за судебнымъ вѣдомствомъ. Въ новомъ законѣ 1883 о дисциплинарной отвѣтственности магистратуры правительство отнюдь не лишено этого средства наблюденія за судебною частью, а въ проектѣ новаго закона о реформѣ уголовнаго процесса контроль генералъ-прокурора надъ слѣдственнымъ судьею, какъ сказано ниже, даже усиленъ. Видимо французъ-

---

[1]) *Jules Favre.* De la reforme judiciaire 124; см. также *Eyssautier.* Reforme de la magistrature, 32.

[2]) *Bouchez.* De l'avancement de la magistrature 48.

ское законодательство стремится сохранить прокуратурѣ всѣ ея оружія, предоставляя разумной практикѣ регулировать ихъ дѣйствіе согласно съ духомъ времени и общественными потребностями.

При отсутствіи серьезныхъ побужденій къ какой-либо коренной реформѣ значенія прокуратуры въ ряду другихъ властей, она, вѣроятно, подвергнется только общему внутреннему преобразованію, которое ожидаетъ французскую магистратуру. «Ее нужно во что бы то ни стало очистить и возвысить» — говоритъ *Од. Барро* — «изгнать изъ нея всякій разсчетъ, оградить ее отъ вся-«каго иного вліянія, кромѣ совѣсти; нужно удалить отъ нея «всякій соблазнъ къ податливости и для этого освободить ее «отъ произвола; она должна быть чистою, какъ наука, и ува-«жаемою, какъ правосудіе»» [1]). Этихъ цѣлей предполагается прежде всего достигнуть лучшими условіями личнаго состава, судебной карьеры и независимости. *Беранже* въ своемъ проектѣ преобразованія судоустройства такъ формулируетъ относящіяся сюда требованія: назначеніе способнѣйшихъ, повышеніе достойнѣйшихъ, возможная самостоятельность всѣхъ. Осуществленіе въ прокуратурѣ этихъ высокихъ пожеланій почти не требуетъ ломки дѣйствующаго института; исполненіе ихъ зависитъ отъ просвѣщеннаго руководства учрежденіемъ и духа, въ немъ самомъ господствующаго.

Кромѣ вопросовъ организаціи, общественное, а затѣмъ и законодательное вниманіе было привлечено и обвинительною дѣятельностью прокуратуры въ связи съ различными недостатками предварительной стадіи уголовнаго процесса. Давно уже указывалось въ этомъ отношеніи на монополію обвиненія, на неравноправность сторонъ при слѣдствіи, съ подавляющимъ преобладаніемъ стороны преслѣдующей, на безпомощность обвиняемаго, предоставленнаго собственнымъ силамъ, передъ могуществомъ слѣдователя и прокурора, на инквизиціонное направленіе ихъ дѣятельности и прочія дѣйствительно больныя мѣста французскаго процесса [2]). Сознаніе необходимости въ ихъ устраненіи привело къ сильному реформаціонному теченію, которое, начавшись въ 1878 г. учрежденіемъ особой законодательной коммиссіи, и понынѣ, 10 лѣтъ спустя, еще

---

[1]) *Od. Barrot*, 242.

[2]) Въ проектѣ вездѣ упоминаются совмѣстно: прокуратура, гражданскій истецъ и обвиняемый (*le ministère public, la partie civile et l'inculpé ou son conseil*).

далеко не завершилось. Въ 1879 г. правительствомъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Сената проектъ новой редакціи всей 1-ой книги устава уголовнаго судопроизводства, трактующей «о судебной полиціи и слѣдствіи». Въ этотъ проектъ, составленный вообще въ либеральномъ духѣ, включены были слѣдующія существенныя поправки къ слѣдственной дѣятельности прокуратуры: 1) возбужденіе уголовнаго преслѣдованія передъ слѣдственнымъ судьею предоставлено, кромѣ прокурора, и потерпѣвшему отъ преступленія, 2) обвиненіе въ лицѣ прокурора противопоставлено въ теченіи всего слѣдствія, на равныхъ правахъ, защитѣ обвиняемаго въ лицѣ адвоката (*conseil*) и 3) вмѣсто теперешнихъ преимуществъ, прокуратура вездѣ поставлена на ряду и сравнена въ правахъ съ гражданскимъ истцомъ и обвиняемымъ [1]) или его защитниками, которые наравнѣ съ прокуроромъ дѣйствуютъ передъ самостоятельнымъ слѣдственнымъ судьею, состоящимъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ подъ контролемъ вновь возстановляемой «совѣтной камеры» суда. Въ сенатѣ докладчикомъ парламентской коммиссіи, разсматривавшей законопроектъ, явился бывшій парижскій генералъ-прокуроръ, потомъ первый президентъ сенаторъ *Дофенъ*, весьма уважаемый судебный дѣятель. При его энергическомъ участіи правительственный проектъ былъ измѣненъ въ гораздо болѣе консервативномъ направленіи, а власть и значеніе увеличены даже противъ существующаго порядка. Такъ: 1) руководствуясь мыслью, что «прокуратура, несущая бремя публичнаго «преслѣдованія, должна имѣть и его привиллегію», сенатъ сохраняетъ въ ея рукахъ монополію обвиненія по дѣламъ о преступленіяхъ, устраняя иниціативу потерпѣвшаго, какъ законный поводъ къ слѣдствію; 2) къ установленному теперь общему наблюденію апелляціонныхъ судовъ за «судебною полиціею», присоединяется власть (*l'autorité*) генералъ-прокурора надъ ея дѣйствіями; 3) слѣдственный судья подчиняется его же начальственному наблюденію не только по исполненію судебно-полицейскихъ обязанностей (*quand aux fonctions de police judiciaire*), какъ теперь, но и по всему во-

[1]) Литературное движеніе въ этомъ направленіи началось въ Бельгіи, гдѣ съ 1871 г. появились предложенія о преобразованіи французской системы уголовнаго преслѣдованія и предварительнаго слѣдствія по англійскому образцу. См. *Prins et Pergameni*. Reforme de l'instruction preparatoire 1871. Во Франціи въ томъ же духѣ—*Munier-Jolain*. L'instruction criminelle inquisitorialle et secrête 1880.

обще производству слѣдствій (*quand aux fonctions de l'instruction*). Въ такомъ видѣ проектъ въ 1884 прошелъ чрезъ сенатъ и поступилъ въ палату депутатовъ, которая въ 1886 приступила къ окончательному его разсмотрѣнію. Поправки сената возбудили не только въ печати и парламентскихъ коммиссіяхъ, но даже и въ правительственныхъ сферахъ сильныя возраженія въ пользу первоначальной редакціи, ограничивающей функцію надзора и права обвинительной власти. Противъ прокурорской монополіи возсталъ и министръ юстиціи *Мартэнъ Феллье* (*Martin Feuillée*). «Вступая «на этотъ путь»—заявилъ онъ въ палатѣ депутатовъ—«извра«щаютъ великое учрежденіе прокуратуры; оно было создано не «для того, чтобы препятствовать самозащитѣ частныхъ интересовъ, «а для того, чтобы восполнить недостатокъ въ нихъ силы и энергіи». Рѣзкое порицаніе встрѣтило и расширеніе прокурорскихъ полномочій. Назвавъ его «доктриной всемогущества генералъ-прокурора», парламентская коммиссія предположила возвратиться къ первоначальному министерскому проекту. Въ томъ же смыслѣ высказалась и юридическая критика, давшая цѣлую массу теоретическихъ и практическихъ разборовъ. Лучшій изъ нихъ, принадлежащій свѣдущему перу одного изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ слѣдственныхъ судей *Гилльо* (*Guillot*), рѣшительно становится на сторону ограниченія прокурорской власти въ интересахъ потерпѣвшаго и обвиняемаго при слѣдствіи и усиленія ея, наоборотъ, надъ розысками и судебно-полицейской частью. Чѣмъ разрѣшится этотъ конфликтъ между двумя теченіями, покажетъ будущее.

Въ итогѣ не подлежитъ сомнѣнію, что по современнымъ французскимъ воззрѣніямъ, при всемъ ихъ различіи, прокуратура признается силою, въ высшей степени полезною и незамѣнимою, но такою, которая нуждается въ утвержденіи на широкой и твердой почвѣ, съ сохраненіемъ ея капитальныхъ качествъ и съ исправленіемъ ея частныхъ недостатковъ. Тѣ и другіе ярко характеризуютъ французскую прокуратуру. Наиболѣе слабыми ея сторонами представляются: 1) неустойчивость ея образа дѣйствій подъ вліяніемъ причинъ политическаго свойства; 2) обремененіе иногда непосильнымъ множествомъ слишкомъ разнородныхъ и нерѣдко излишнихъ обязанностей, преимущественно по дѣламъ гражданскимъ и судебно-административнымъ; 3) недостаточная опредѣлительность постановленій о независимости и подчиненности; 4) монополія возбужденія и про-

изводство уголовнаго преслѣдованія; 5) слишкомъ обширная и эластичная постановка участія въ предварительномъ изслѣдованіи преступленій; 6) преобладаніе передъ защитой на судѣ и 7) одностороннее, черезъ-чуръ обвинительное направленіе уголовной дѣятельности вообще. Но недостатки уравновѣшиваются достоинствами, которыя могутъ служить для другихъ странъ поучительнымъ примѣромъ. Это: 1) чуткое и живое сознаніе государственнаго и общественнаго характера своего призванія; 2) широкое и просвѣщенное пониманіе задачъ судебнаго дѣла вообще и строго добросовѣстное, дисциплинированное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и 3) огромная репрессивная энергія и опытная при ней умѣлость, проявляющаяся въ дѣятельномъ, неутомимомъ и по большей части успѣшномъ производствѣ уголовнаго преслѣдованія.

Въ этомъ противоположеніи недостатки закона нѣсколько смягчаются достоинствами исполнителей и исполненія. Но уже самая случайность и шаткость послѣдняго признака, допускающаго множество исключеній, заставляетъ французовъ желать для своей прокуратуры благоразумныхъ законодательныхъ реформъ [1]).

---

[1]) По образцу французскаго «паркета», съ нѣкоторыми несущественными, впрочемъ измѣненіями и улучшеніями учреждена и дѣйствуетъ прокуратура въ *Голландіи*, *Бельгіи* и *Италіи*. Въ послѣдней она окончательно опредѣлилась весьма полными и ясными постановленіями закона о судопроизводствѣ 13 Ноября 1859 г., изданномъ для Пьемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій.

ГЛАВА IV.

ПРОКУРАТУРА ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ.

I. Законодательное и научное развитіе прокуратуры.—§ **21.** Прокуратура до судебной реформы 70-хъ годовъ.—§ **22.** Научная критика прокуратуры и ея положеніе передъ реформой.—II. Австрійская прокуратура.—§ **23.** Устройство.— § **24.** Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленій.—§ **25.** Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе. — **26.** Особенныя обязанности. — Финансовая прокуратура.—III. Германская прокуратура.— § **27.** Устройство.—§ **28.** Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленій.—§ **29.** Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе.— Заключеніе.

I. Законодательное и научное развитіе прокуратуры.

§ **21. Прокуратура до судебной реформы 70-хъ годовъ** [1]. Судебное представительство интересовъ государства или казны, существовавшее въ Германіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ подъ именемъ фискалата, не развилось, какъ уже было сказано выше, а совершенно заглохло подъ давленіемъ инквизиціоннаго процесса. Но за то нѣмецкіе юристы съ обычною своею основательностью не оставили безъ изученія французскую прокуратуру, какъ только она была окончательно организована наполеоновскимъ законодательствомъ.

---

[1]) Главнѣйшіе общіе источники въ обширной *нѣмецкой* литературѣ предмета: *Müller.* Das Institut der Staatsanwaltschaft in Deutschland 1825.—*Thesmar.* Die Staatsanwaltschaft 1844.—*Savigny.* Die Prinzipienfragen auf Bezug einer neuen Strafprocessordnung 1846.—*Frey.* Die Staatsanwaltschaft in Deutschland und Frankreich 1850.—*Mittermaier.* Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren. 1856. § 144.—*Planck.* Systematiche Darstellung des deutschen Strafverfahrens 1857 §§ 11—16.—*Zachariae.* Handbuch des deutschen Strafprocesses 1860. §§ 62—64.—*Sundelin.* Die Staatsanwaltschaft in Deutschland 1860.—Статьи въ «*Gerichtssaal*» Миттермайера (1858) и Шварце (1860—1864).—

Уже въ 1810 г. *Гролльманнъ* въ своемъ руководствѣ къ кодексу Наполеона называлъ ее «изъ всѣхъ своеобразныхъ институтовъ «французскаго судебнаго устройства наиболѣе интереснымъ и за- «служивающимъ подражанія» [1]). Въ 1825 г. появилось обстоятельное сочиненіе саксонскаго ученаго и практика *Мюллера,* въ которомъ онъ доказывалъ возможность и необходимость введенія въ Германіи этого института, съ нѣкоторыми приспособленіями къ германской жизни [2]). Въ юридической литературѣ онъ скоро сдѣлался предметомъ изслѣдованія и оживленной аргументаціи за и противъ. Это обусловливалось, кромѣ общаго теоретическаго интереса, вызываемаго прокуратурою, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Германія имѣла возможность и у себя познакомиться съ ея практическимъ дѣйствіемъ. Вмѣстѣ съ наполеоновскимъ владычествомъ въ при-рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи, Гессена и Баваріи введено было французское судопроизводство, а съ нимъ и государственная прокуратура, *Staatsanwaltschaft.* Переживъ французскія завоеванія, она глубоко и въ самомъ чистомъ своемъ видѣ укоренилась по обѣимъ сторонамъ Рейна, гдѣ мѣстныя условія оказались для нея благопріятными; населеніе и юристы легко освоились съ новымъ учрежденіемъ, которое успѣло пріобрѣсти общественное сочувствіе и довѣріе. Не замедлила и научная его разработка, давшая уже къ 40-мъ годамъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ о положеніи и дѣятельности прокуратуры французскаго

Holtzendorf, Die Reform der Staatsanwaltschaft in Deutschland 1864.—*Его же* Die Umgestaltung der Staatsanwaltschaft 1865.—*Keller.* Die Staatsnwaltschaft in Deutschland 1866.—*Его же.* Rechtslexicon 1881. III 739. («Staatsanwaltschaft»).—Труды германскихъ юридическихъ съѣздовъ (*Verhandlungen des deutschen Juristentages*) съ 1860 г., особенно 1—5 и 12 (1875).—*Gneist.* Vier Fragen zur deutschen Strafprocessordnung. 1874. *Janka.* Staatliches Klagmonopol etc. 1879.—*Geyer.* Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts. 1880, 405.—*Tinsch.* Die Staatsanwaltschaft in deutschen Riechsprocessrecht 1883. Изъ новѣйшихъ руководствъ по уголовному процессу: *Holtzendorf* 1873, II §§ 25—27 (статья Шварце).—*Ullmann* 1882 §§ 55—58. *Glaser.* I, 1883 § 20; II, 1885 § 71. Въ изслѣдованіяхъ о защитѣ: *Vargha.* 1879, 757. *Frydmann.* 1878, 59. На *русскомъ* языкѣ: *Орловъ.* О состояніи государственной прокуратуры въ Запад. Европѣ («Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія» 1866 кн. 4). Статьи *Сергѣевскаго* въ журналѣ гражд. и уголов. права. 1878 кн. 1 и 2. *Фойницкій.* Курсъ 1884 § 174.

[1]) *Grollmann.* Handbuch über dem Code Napoleon I, 1810 Einleitung 34. Также статьи. *Fourmont* 1810 и *Pfeiffer*'а 1811.

[2]) *Müller* (общіе выводы стр. 222).

типа на нѣмецкой почвѣ [1]). Какъ принадлежность процесса, основаннаго на гласности, устности и раздѣленіи судебныхъ функцій онъ противопоставлялся смѣшенію ихъ въ розыскномъ судѣ тогдашней Германіи, погруженномъ въ тайну и скованномъ письменностью. Поэтому введеніе прокуратуры включалось въ число тѣхъ «боевыхъ лозунговъ», *Schlagwörter*, во имя которыхъ происходило прогрессивное движеніе въ нѣмецкой юридической жизни первой половины нынѣшняго столѣтія. Во главѣ этого движенія шли образованные и талантливые юристы—между которыми достаточно назвать Савиньи, Блунчли, Цахаріэ, Миттермайера,—требовавшіе радикальнаго преобразованія отжившаго судебнаго строя. Идеи ихъ проводились не безъ упорной борьбы; воспитанные въ рутинѣ стараго порядка приверженцы его, по большей части узкіе практики, упорно противодѣйствовали нововведеніямъ, преувеличивая недостатки французскихъ учрежденій и доказывая полную непригодность ихъ для Германіи. Однако же, потребности времени были настолько сильны, что еще задолго до событій 1848 года въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ, среди господства розыскнаго начала, сказалось, хотя еще и слабо, стремленіе законодательствъ испытать примѣненіе прокуратуры. Такъ въ *баварскомъ* процессѣ 1813 г.—этомъ произведеніи Фейербаха—впервые выступаетъ прокуроръ-обвинитель передъ особымъ смѣшаннымъ «судомъ военнаго положенія» *(Standgericht)*; въ *Баденѣ* въ 1832 г. вводится участіе прокуратуры въ состязательномъ процессѣ по преступленіямъ печати и противъ чести, причемъ исполненіе прокурорскихъ обязанностей возлагается на одного изъ членовъ суда; въ 1836 г. такимъ прокурорамъ уже поручается присутствовать во всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ по уголовнымъ дѣламъ съ правомъ протеста на приговоры въ высшую инстанцію; тотъ же характеръ носитъ по *ганноверскому* закону 1841 г. участіе въ розыскномъ процессѣ объ особыхъ «публичныхъ повѣренныхъ» (*öffentliche Anwälte*). Чѣмъ ближе къ реформамъ 1848 г., тѣмъ попытки учредить прокуратуру, становятся шире и смѣлѣе. Такъ въ 1843 г. въ *Вюртембергѣ* учреждается прокуратура для фор-

[1]) *Artois.* Das öffentliche Ministerium in den königlich preussichen Rheinprovinzen. 1817.—Тоже *Sandt* и *Zum-Bach.—Thesmar.* Die Staatsanwaltshaft 1844.—*Daniels.* Grundsätze des rheinischen und französichen Strafverfahren 1846.

мулированія и развитія обвиненія по окончаніи предварительнаго слѣдствія, въ которомъ она не участвуетъ; въ 1844 г. въ *Пруссіи* вводится участіе въ процессѣ по брачнымъ дѣламъ особыхъ прокуроровъ (*defensores matrimonii*); въ 1845 г. въ *Баденѣ* совершается первое въ Германіи коренное преобразованіе процесса, въ которомъ преслѣдованіе при слѣдствіи и на судѣ возлагается на прокуратуру, весьма сходную съ французскимъ институтомъ и явно отъ него заимствованную. Наконецъ происхожденіе *прусскаго* закона 17 іюля 1846 г. лучше всего свидѣтельствуетъ о совершившемся признаніи всѣхъ процессуальныхъ преимуществъ прокуратуры. Въ этомъ году было подавлено польское возстаніе въ Познани, и лица, арестованные за участіе въ немъ, должны были судиться въ Берлинскомъ судѣ 2-й инстанціи, каммергерихтѣ. Но такъ какъ въ тяжеломъ и медленномъ порядкѣ слѣдственнаго процесса судъ этотъ не могъ окончиться ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ, то по докладу министра юстиціи *Uhden'a* повелѣніемъ короля Фридриха-Вильгельма IV былъ установленъ для округа каммергерихта, т. е. и для берлинскаго уголовнаго суда 1-й инстанціи, особый, устный и гласный порядокъ судопроизводства съ дѣятельнымъ участіемъ прокуратуры, отъ котораго ожидалось скорое и успѣшное разрѣшеніе дѣла о повстанцахъ. Это узаконеніе, вызванное частнымъ случаемъ, учредило для Берлина прокуратуру и по всѣмъ вообще уголовнымъ дѣламъ, съ прямымъ указаніемъ на ея призваніе—быть стражемъ закона (*Wächter des Gesetzes*). Отсюда уже былъ одинъ шагъ до распространенія ея дѣятельности и на всю страну.

Движеніе 1848 года сопровождалось повсемѣстнымъ и почти одновременнымъ преобразованіемъ нѣмецкаго судоустройства и судопроизводства на новыхъ началахъ, преимущественно по французскимъ образцамъ, и подъ вліяніемъ практическаго примѣненія ихъ на Рейнѣ. Въ теченіе 2-хъ-лѣтняго періода, 1848—1850 г.г., повсюду въ Германіи и Австріи, вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ, правильною защитой, гласностью, устностью и состязательными формами процесса, была введена и прокуратура, какъ органъ публичнаго преслѣдованія преступленій, а отчасти и охраненія законовъ. При этомъ она являлась болѣе или менѣе близкимъ воспроизведеніемъ французскаго «паркета»; въ нѣкоторыхъ же государ-

ствахъ, какъ напр.: въ Ганноверѣ [1]), Гессенѣ, Брауншвейгѣ и Ольденбургѣ, заимствованіе доходило до полнаго тождества, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Но слѣпаго подражанія въ виду вообще не имѣлось, и законодательства пытались, насколько позволяли обстоятельства и спѣшность дѣла, приспособлять иноземныя черты къ мѣстнымъ условіямъ. Руководящую въ этомъ отношеніи точку зрѣнія указываетъ докладъ австрійскаго министра юстиціи *фонъ Шмерлинга* императору по поводу проэкта, изданнаго затѣмъ 10 іюля 1850 г., органическаго закона о прокуратурѣ. «Послѣ того какъ конституція «4 марта 1849 г. провозгласила самостоятельность судебной вла«сти, независимость судьи и отдѣленіе суда отъ управленія, и было «предположено ввести обвинительный процессъ по уголовнымъ дѣ«ламъ, возникла настоятельная надобность въ такомъ органѣ, ко«торый возмѣстилъ бы ослабѣвшую связь между правительствомъ «и судомъ и, обезпечивая правительству воздѣйствіе на собственно «административныя стороны судебнаго вѣдомства, былъ бы вмѣстѣ «съ тѣмъ достойнымъ и компетентнымъ представителемъ закона, «нарушеннаго преступленіемъ. Такимъ органомъ по опыту странъ, «гдѣ вышеприведенныя начала судоустройства дѣйствуютъ уже «давно со всѣми ихъ необходимыми послѣдствіями, является про«куратура. При неудобствахъ перенесенія института, развившагося «на чужой почвѣ, представлялось нужнымъ сообразовать съ мѣ«стными обстоятельствами заключающуюся въ немъ простую, но «возвышенную и широкую идею, взять изъ нея то, что могло при«виться въ силу одинаковыхъ условій и, напротивъ, отбросить все, «что возникло изъ несоотвѣтствующихъ странѣ чуждыхъ, дѣйстви«тельныхъ или мнимыхъ потребностей. Слѣдуя указаніямъ ино«странныхъ законодательствъ и опыту тѣхъ странъ, въ которыхъ «этотъ институтъ давно уже укоренился, проэктъ задался мыслію «опредѣлить въ общихъ чертахъ устройство прокуратуры, сферу «и главнѣйшія правила ея дѣятельности, предоставляя дальнѣйшую «разработку свободному развитію жизни». Согласно тенденціи, высказанной въ этихъ словахъ въ германскихъ законахъ о прокуратурѣ, изданныхъ вслѣдъ за 1848 г., несмотря на видимое увле-

[1]) Между тѣмъ какъ для обозначенія прокуратуры вообще былъ принятъ терминъ «*Staatsanwaltschaft*», указывающій на представительство государства, въ Ганноверѣ ее назвали *Kronanwaltschaft*, обозначая тѣмъ понятіе болѣе тѣсное—представительство правительства.

ченіе французскими учрежденіями, можно отмѣтить и національную черту, впослѣдствіи разработанную и окрѣпшую: преобладаніе *обвинительной* задачи прокуратуры надъ другими сторонами ея дѣятельности, которыя или вовсе отпадаютъ, или отходятъ на задній планъ. Между тѣмъ какъ по основному французскому принципу прокуроръ есть больше всего «стражъ закона» съ широкимъ развитіемъ этого призванія, по германскимъ воззрѣніямъ, сказавшимся уже, хотя еще и слабо, въ первыхъ органическихъ законахъ, онъ по преимуществу—государственный обвинитель, органъ публичнаго преслѣдованія. Другія функціи ему какъ бы навязываются по примѣру Франціи, для оправданія ихъ требуются сложные доводы, и законодательства слѣдуютъ имъ неохотно, съ ограниченіемъ и недомолвками [1]).

Вызванная къ жизни реформами 1848—1850 г., прокуратура испытала ихъ судьбу и все тяжелое дѣйствіе послѣдовавшей за ними реакціи, которая, овладѣвъ въ началѣ 50-хъ годовъ положеніемъ, стремилась передѣлать, ограничить или извратить все, что недавно было сдѣлано и не успѣло еще окрѣпнуть. Недостатки въ выполненіи широко-задуманныхъ преобразованій давали къ тому полную возможность. Въ отношеніи прокуратуры слабость новыхъ учрежденій передъ противодѣйствующимъ теченіемъ выразилась въ цѣломъ рядѣ проявленій, зависѣвшихъ отчасти отъ органическихъ свойствъ нововведеній, а отчасти и отъ причинъ внѣшняго характера. Прежде всего реформы были слишкомъ поспѣшны и, при щедрыхъ обѣщаніяхъ на бумагѣ, недостаточно послѣдовательны въ дѣйствительности. Тамъ, гдѣ французскую прокуратуру просто пересаживали на нѣмецкую почву, послѣдняя оказывалась неподготовленною. Новый институтъ не соотвѣтствовалъ «правовому чувству» (*Rechtsgefühl*) нѣмецкихъ юристовъ, которое было вѣками воспитано на иныхъ порядкахъ и очень туго поддавалось ломкѣ. Для нихъ самая надобность въ такомъ именно учрежденіи далеко еще не была доказана, и они уступили не столько убѣжденію, сколько неукротимому «напору времени» («*Drang der Zeit*»). При лихорадочной спѣшности преобразовательной работы, она не отличалась

---

[1]) *Frey.* 8.—*Glaser.* Handbuch I, 169,—также *Berninger.* Das Institut der Staatsanwaltschaft im Verfahren über bürgerliche Rechtsstreitigkeiten 1861 и *Hünten.* Zur neuen Prozess-Gesetsgebung. Geschwornengerichte und Staatsanwaltschaft 1870.

основательностію. На французскія учрежденія смотрѣли сквозь благопріятную, но узкую призму при-рейнскихъ порядковъ, знакомство съ этими учрежденіями не было еще всестороннимъ и не уравновѣшивалось, какъ впослѣдствіи, глубокимъ изученіемъ англійскаго строя. Новое нерѣдко механически пришивалось къ старому безъ систематической переработки, въ старый инквизиціонный процессъ вводились новыя реформы, и появлявшійся вмѣстѣ съ ними прокуроръ сразу становился въ ложное положеніе. Онъ или быстро проникался несвойственнымъ его задачѣ духомъ и пріемами прежняго судопроизводства, или вырождался въ ненужный и обременительный придатокъ къ суду, привыкшему самодѣятельно и исключительно розыскивать преступленія. Всего же больше повредило прокуратурѣ внесеніе въ нее политическаго элемента, отраженіе на ней жгучей борьбы тогдашнихъ партій и направленій. Какъ въ судѣ присяжныхъ либеральные новаторы желали во что бы то ни стало видѣть не просто форму суда, а гарантію, «палладіумъ» политической свободы, такъ и прокуратурѣ ставилось главнѣйшею задачей защита слабыхъ и угнетенныхъ противъ сильныхъ притѣснителей, преслѣдованіе этихъ послѣднихъ во имя идей политическаго равенства. Между тѣмъ прокуратура, въ качествѣ репрессивнаго орудія правительства, вовсе не могла удовлетворять этимъ цѣлямъ и даже нерѣдко должна была проводить противоположныя стремленія, когда они брали верхъ въ правящихъ сферахъ. Реакція не преминула воспользоваться этой силой и, стараясь видоизмѣнить по своему учрежденіе прокуратуры, также дѣлала изъ нея органъ борьбы. Политическіе процессы, преслѣдованія печати, давленіе на судей, неумѣренность въ обвиненіи и недоброжелательство защитѣ—все это скоро отняло у нѣмецкой прокуратуры ея непрочную первоначальную популярность, пріобрѣтенную въ эпоху всеобщаго броженія и неустановившихся общественныхъ теченій. Благоразумные сторонники молодаго института однако же своевременно замѣтили грозящую ему опасность. Еще въ 1850 г. *Фрей* закончилъ свое изслѣдованіе о тогдашней прокуратурѣ предупрежденіемъ, что реакція хочетъ ее испортить: «Она сдѣлаетъ «изъ прокуроровъ»—писалъ онъ—«не свободныхъ и не зависимыхъ «судебныхъ дѣятелей, а гибкихъ и послушныхъ агентовъ высшей «полиціи» [1]).

[1]) *Frey*, 233.

На помощь колеблющемуся учрежденію пришла серьезная, научная и публицистическая критика касающихся его предметовъ— сила всегда могучая въ Германіи и на этотъ разъ недолго заставившая ждать себя. Ей въ особенности обязана прокуратура своимъ освобожденіемъ отъ постороннихъ примѣсей и наслоеній, которыя затемняли истинное содержаніе вопроса и мѣшали правильному его рѣшенію. Постепенно улеглось возбужденіе, и по мѣрѣ того, какъ государственная и общественная жизнь входила въ свое нормальное русло, возраждались къ новому существованію юридическія учрежденія, такъ стремительно введенныя въ 1848 г., и становилось возможнымъ спокойное ихъ обсужденіе. Дѣйствительность же высказалась за прокуратуру. Несмотря на неблагопріятныя условія ея возникновенія, практическая дѣятельность ея въ общемъ превзошла ожиданія юристовъ и во всякомъ случаѣ оказалась гораздо выше того уровня, на которомъ, повидимому, должны были остановить ее значительныя ея несовершенства. По свидѣтельству свѣдущихъ авторитетовъ, прокуратура въ Австріи и во многихъ частяхъ Германіи заняла уважаемое положеніе и приносила видимую пользу: «Публичныя засѣданія судовъ»— говоритъ *Келлеръ*—«дали многочисленныя и блестящія доказатель«ства тому, что австрійская прокуратура умѣетъ исполнять свою «задачу съ полнымъ единодушіемъ, неутомимымъ рвеніемъ и стро«гимъ безпристрастіемъ, безъ обвинительной горячности, гуманно, «нерѣдко съ мужествомъ и твердостію въ убѣжденіяхъ, успѣшно «пользуясь при этомъ всѣми орудіями науки права, закона и «краснорѣчія. Если прокуратура въ Австріи и не получила того «свободнаго развитія и разработки, которая имѣлась въ виду въ «докладѣ министра юстиціи фонъ-Шмерлинга отъ 28 іюля 1850 г., «то она все-таки съумѣла въ борьбѣ со многими нападками при«обрѣсти общественное уваженіе и своими достойными трудами «много способствовала распространенію и укрѣпленію увѣренности «въ высокомъ значеніи этого учрежденія» [1]). Столь же сочувственный отзывъ даетъ *Шварце* о германской прокуратурѣ: «Вполнѣ «безпристрастное и согласное съ началами справедливости испол«неніе прокуратурою ея обязанностей не только обезпечило ей «признаніе и уваженіе со стороны общества, но и доставило ей

[1]) *Keller*, 42.

«рѣдкое довѣріе со стороны самихъ обвиняемыхъ. Памятны при-«мѣры того, что обвиняемый отказывался отъ избранія защитника «въ увѣренности, что прокуроръ не будетъ несправедливъ къ нему, «или прямо объявлялъ, что онъ вручаетъ прокуратурѣ свою за-«щиту. Между прокуратурой и судами установилось доброе согла-«сіе, и обѣ отрасли обнаруживали глубокое сознаніе того, что онѣ «призваны совмѣстно служить правосудію, другъ друга въ этомъ «поддерживая» [1]).

Этой аттестаціи нѣтъ основанія не довѣрять, а такъ какъ съ нею совмѣщается серьезная критика учрежденія и настойчивыя указанія на неотложно необходимыя въ ней улучшенія, то слѣдуетъ заключить, что хорошую репутацію нѣмецкой прокуратуры до реформъ 70 годовъ снискали два ея условія: 1) высокая абсолютная цѣнность общихъ основныхъ ея началъ, могущая противостоять неблагопріятнымъ вліяніямъ времени и мѣста, и 2) счастливыя качества личнаго состава, смягчившія на практикѣ ошибки или увлеченія законодателя.

§ 22. **Научная критика прокуратуры и ея положеніе передъ реформой.** Въ теченіи 25-лѣтія, послѣдовавшаго за введеніемъ въ 1848 г. прокуратуры въ Германскихъ государствахъ, она была предметомъ самаго оживленнаго научнаго и литературнаго изслѣдованія. Всѣ стороны ея подверглись тщательному и подробному разсмотрѣнію и слабыя изъ нихъ были констатированы съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣдовалъ обильный обмѣнъ мнѣній, былъ предложенъ рядъ разнообразнѣйшихъ преобразовательныхъ проэктовъ, и прокуратура даже сдѣлалась однимъ изъ главныхъ пунктовъ грандіознаго спора объ основаніяхъ германскаго судебнаго строя, который приближался къ объединенію и обновленію. Выросла цѣлая обширная литература по этому вопросу, представляющая такое множество трактатовъ, брошюръ, журнальныхъ статей и рефератовъ, какого не вызвала прокуратура въ настоящемъ своемъ отечествѣ, во Франціи за все нынѣшнее столѣтіе. Въ обсужденіи различныхъ началъ ея устройства и дѣятельности, о коренномъ ея принципѣ, о достоинствѣ самаго учрежденія и условіяхъ его существованія приняли горячее участіе извѣстнѣйшіе юристы: Миттермайеръ, Планкъ, Гольцендорфъ, Глазеръ, Гнейстъ,

[1]) *Gerichtssaal* 1859, 30.

Шварце, Баръ, Іонъ, Гейнце и многіе другіе. Диспуты отличались спокойствіемъ, глубиною и основательностью и, не упуская изъ виду уроковъ текущей практики, очень много сдѣлали для выясненія истинныхъ задачъ и вѣрной постановки прокуратуры. Почти каждый изъ начавшихся съ 1860 г. съѣздовъ германскихъ юристовъ (*Deutscher Juristentag*) занимался этимъ учрежденіемъ; особенно много трудовъ и времени посвятили ему съѣзды I-й, II-й, III-й, IV-й, V-й и XII-й, въ преніяхъ которыхъ (*Verhandlungen*) заключается цѣльное ученіе о прокуратурѣ по нѣмецкимъ воззрѣніямъ. Не менѣе плодотворною въ этомъ отношеніи явилась и критическая литература, вызванная въ началѣ 70-хъ годовъ опубликованіемъ проэктовъ новаго обще-германскаго судоустройства и судопроизводства. Содержаніе ея имѣло уже не только академическій, но и жизненный характеръ; предстоявшая судебная реформа выводила вопросъ о прокуратурѣ изъ области теоретическихъ построеній и сообщала ему животрепещущее значеніе. Высказанныя о немъ мысли были приняты въ соображеніе при разработкѣ новыхъ судебныхъ законовъ, которые въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ прямо сложились подъ вліяніемъ того или другаго ученія о прокуратурѣ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе этихъ ученій, мы ограничимся перечисленіемъ главнѣйшихъ тезисовъ, въ кругѣ которыхъ сосредоточивалось изслѣдованіе, и приведемъ наиболѣе важные и интересные выводы его.

1) *Прокуратура необходима, какъ постоянное правильно организованное учрежденіе судебнаго вѣдомства, но отдѣльное отъ суда и судей.*

Необходимость прокуратуры вообще никѣмъ не отвергалась. Но относительно приведенной формулы ея на II-мъ юридическомъ съѣздѣ былъ возбужденъ споръ предложеніемъ силезскаго адвоката *Сабарта* (*Sabarth*) объявить, что такого постояннаго и отдѣльнаго учрежденія вовсе не нужно, а прокурорскія обязанности могутъ быть временно возлагаемы правительствомъ на судей или даже на адвокатовъ. Никто среди юристовъ и въ литературѣ не поддержалъ мнѣнія и доводовъ Сабарта, и на V-мъ съѣздѣ, въ 1-мъ пунктѣ его резолюціи о прокуратурѣ, признано, что «для исполненія прокурорскихъ обязанностей должны быть установлены спеціальныя «и постоянныя должностныя лица».

Гораздо менѣе единодушія проявилось по вопросу 2) *о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ прокуратуры*, объ отношеніяхъ ея

къ правительственной власти и о степени независимости ея чиновъ. Большинство юристовъ на основаніи принципіальныхъ соображеній, для избѣжанія политической неустойчивости прокуратуры, настаиваютъ на уподобленіи ея судамъ и судьямъ, хотя и въ особой отъ нихъ организаціи. Подобно суду, она должна быть независима отъ исполнительной власти правительства; подобно судьямъ, прокуроры должны быть несмѣняемы и въ дѣятельности своей руководиться единственно закономъ и совѣстью. *Келлеръ*, *Сюнделинъ* и *Гольцендорфъ* горячо защищаютъ это положеніе, выраженное и въ 7 § резолюціи V-го съѣзда: «прокуроры подлежатъ увольненію и перемѣщенію на «одинаковыхъ съ судьями условіяхъ и основаніяхъ». Другого мнѣнія держатся *Шварце* [1]) и *Гнейстъ* [2]), полагающіе, что прокуратура, какъ прямой органъ правительства, должна быть вполнѣ подчинена ему, и въ частности министру юстиціи. Правительство нельзя лишать возможности преслѣдовать по своему усмотрѣнію то или другое преступное дѣяніе и черезъ прокуратуру домогаться назначенія ему законной кары. Далѣе, не цѣлесообразно и не политично дѣлать независимымъ учрежденіе іерархическое, единоличное; въ немъ гораздо опаснѣе и вреднѣе, чѣмъ въ коллегіи, слабость или страсти отдѣльныхъ членовъ, которые и должны быть смѣняемы по распоряженію правительства. Противъ злоупотребленія же правомъ преслѣдованія существуетъ рядъ гарантій въ независимости суда, правахъ частныхъ лицъ и, наконецъ, въ обжалованіи дѣйствій прокуратуры по начальству [3]).

Признавая исключительною задачею прокуратуры уголовное преслѣдованіе и это послѣднее одною изъ функцій административной власти, *Гнейстъ* предлагалъ даже совершенно выдѣлить прокуратуру изъ судебнаго вѣдомства и министерства юстиціи и, включивъ ее въ систему административныхъ органовъ, подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ. Предложеніе это, однакоже, не имѣло успѣха. Въ связи съ вопросомъ о зависимости прокуратуры находится и вопросъ о томъ, какое учрежденіе или должностное лицо слѣдуетъ поставить во главѣ ея. Приверженцы французскаго образца и всѣ нѣмецкія законодательства разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу министра

---

[1]) *Gerichtssaal.* Vol. XVI, 401.

[2]) Vier Fragen, 34.—Verhandlungen des 12 deutschen Juristentages V. III, 199.

[3]) *Tinsch*, 14.

юстиціи. Напротивъ, сторонники полной независимости и чисто судебной организаціи требуютъ подчиненія ея не единоличной власти высшаго правительственнаго агента, какимъ они считаютъ министра, а коллегіальной обвинительной камерѣ, (*Anklagesenat*) или вообще отдѣленію высшаго суда (*Гольцендорфъ* и пунктъ в. § 6 резолюціи V-го юридическаго съѣзда). Не соглашаясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ, *Келлеръ* и въ недавнее время *Тиншъ* указываютъ на прокурора при высшемъ или кассаціонномъ судѣ, какъ на такого естественнаго главу прокуратуры, который, при отсутствіи политическаго характера, соединяетъ въ себѣ судебныя гарантіи съ возможностью энергическаго, рѣшительнаго и единообразнаго руководства.

3) *Главная задача* (*Hauptaufgabe*, *Hauptfunktion*) *прокуратуры заключается не въ представительствѣ и охраненіи закона, какъ во Франціи, а въ производствѣ публичнаго преслѣдованія* [1]). Всякія другія обязанности могутъ быть возлагаемы на прокуратуру лишь по стольку, по скольку онѣ не вредятъ чистотѣ и успѣшности отправленія главной обвинительной функціи и не стоятъ съ нею въ противорѣчіи. Прокуроръ есть сторона, публичный обвинитель въ обвинительномъ процессѣ, независящій отъ суда, но и самъ лишенный средствъ держать его въ какой бы то ни было, хотя бы и косвенной зависимости. Прокуроръ можетъ быть адвокатомъ и вообще органомъ правительства и по другимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, но онъ не долженъ быть спеціальнымъ стражемъ закона въ судѣ, такъ какъ это свидѣтельствовало бы объ извѣстномъ недовѣріи къ послѣднему и почти немыслимо безъ нѣкотораго на него давленія. Отсюда: а) въ дѣлахъ гражданскихъ прокуроръ принимаетъ участіе по предметамъ, прямо касающимся общественнаго порядка или правительства, въ качествѣ стороны его представляющей (*partie principale*), но вовсе не допускается заключеній прокурора, какъ юрисконсульта, о существѣ дѣла и примѣненіи закона (*partie jointe*); б) на прокуратуру не должно быть возлагаемо надзора за судьями и судебными чинами (каковы напр. нотаріусы, судебные пристава и проч.) и в) прокуратуру нѣтъ надобности и основанія дѣлать органомъ судебной администраціи. Отдѣльныя же обязанности въ этой области, не идущія

---

[1]) *Keller*, 199.

въ разрѣзъ съ основной задачей прокуратуры, могутъ быть ей поручаемы по усмотрѣнію мѣстныхъ законодательствъ. Въ такомъ именно смыслѣ высказался V-й юридическій съѣздъ въ §§ 2, 4 и 5 своей резолюціи, которую раздѣляетъ и большая часть ученыхъ (*Гольцендорфъ*, *Келлеръ*, *Планкъ*, *Гаусштекъ*, *Тинщъ* и друг.). Но ни одно германское законодательство не нашло возможнымъ стать вполнѣ на эту точку зрѣнія, хотя и проявлялось стремленіе упростить задачу прокуратуры посредствомъ сосредоточенія ея преимущественно въ сферѣ уголовнаго преслѣдованія. Противникомъ этого ученія среди юристовъ выступилъ саксонскій генералъ-прокуроръ *Шварце*, находившій, что прокуратура есть наиболѣе удобный органъ отправленія такъ называемаго «судебнаго суверенитета» (*Gerichtsherrlichkeit*), понятіе, подъ которое могутъ быть подведены всѣ законодательныя и контролирующія функціи ея по французскому праву [1]).

Затѣмъ, едва ли можно считать рѣшеннымъ въ нѣмецкой доктринѣ старательно ею разсмотрѣнный, капитальный вопросъ о томъ 4) *должна ли прокуратура въ своей обвинительной дѣятельности руководствоваться единственно началомъ законности* (*Legalitätsprincip*) *или также и началомъ умѣстности* (*Opportunitätsprincip*)?

Вопросъ этотъ, вызвавшій массу доводовъ положительныхъ и отрицательныхъ, остается до сихъ поръ открытымъ и не перестаетъ весьма занимать процессуалистовъ. Большинство ихъ еще со времени съѣзда 1862 г. стоитъ за начало законности, которое гласитъ: прокуратура имѣетъ не только право, но и несетъ юридическую обязанность возбуждать и производить преслѣдованіе по всякому дѣлу, въ которомъ къ тому представляются матеріально-правовыя и процессуальныя основанія, другими словами—есть на лицо *наказуемость* извѣстнаго дѣянія и возможность *доказать* его. Этому противополагается начало умѣстности: здѣсь возбужденіе преслѣдованія зависитъ отъ усмотрѣнія прокуратуры, которое опредѣляется соображеніями общественнаго интереса [2]). Защитники перваго начала доказываютъ, что признаніе втораго равносильно допущенію полнаго произвола въ распоряженіи преслѣдованіемъ и

[1]) «*Gerichtssaal*» V. XVI, 401.
[2]) *Tinch*, 33.

открываетъ полный просторъ всевозможнымъ политическимъ вліяніямъ, которыя, извращая правосудіе, дѣлаютъ его средствомъ, а не цѣлью прокурорской дѣятельности. На это немногіе сторонники втораго начала, въ особенности австрійскіе юристы *Янка* и *Варга* [1]), возражаютъ главнымъ образомъ на тему о непримѣнимости безусловнаго принципа законности, который невозможно строго и послѣдовательно провести на практикѣ. Злоупотребленій же со стороны прокуратуры свободою преслѣдованія они не боятся, такъ какъ видятъ гарантіи противъ нихъ въ томъ же, чѣмъ ограничивается и самая монополія преслѣдованія—въ субсидіарномъ или вспомогательномъ обвиненіи частныхъ лицъ.

Наконецъ замѣчательнымъ единомысліемъ и цѣльностію отличается постановка тѣсно-связанныхъ между собой вопросовъ; 5) о *монополіи преслѣдованія* и 6) *объ отношеніяхъ къ нему прокуратуры*, въ зависимости отъ обвинительнаго построенія всего процесса. Сущность германскихъ ученій по этому предмету можно считать послѣднимъ словомъ о немъ процессуальной науки; она далеко подвинула развитіе прокуратуры не только въ теоріи, но и въ положительномъ законодательствѣ: «Изъ подчиненнаго поло«женія второстепеннаго обвинителя (*Halbankläger*) и судебнаго «герольда (*Gerichtsheroldes*)»—говоритъ Янка,—«прокуроръ возвы«шается до господства надъ обвиненіемъ, онъ становится его рас«порядителемъ, *dominus litis*. Никакого преслѣдованія не можетъ «быть начато и производимо безъ его вѣдома и участія». [2]) Главнѣйшіе выводы этихъ ученій сводятся къ слѣдующему: а) уголовный процессъ долженъ быть построенъ на логическомъ развитіи обвинительнаго начала (*Anklageprincip*), а не представлять собою розыскное или инквизиціонное содержаніе, прикрытое лишь по внѣшности обвинительными формами (*Anklageform*). б) Прокуратура есть единственный государственный органъ преслѣдованія, въ которомъ не должны принимать участія никакія другія судебныя или административныя установленія; въ этомъ только смыслѣ прокуратурѣ и можетъ принадлежать монополія обвиненія, *Anklagemonopol*; в) къ ней поступаютъ всѣ поводы къ

---

[1]) *Janka*. Staatliches Klagmonopol oder subsidiäres Strafklagerecht 1879, 5 и слѣд. *Wargha*. Das Strafprocessrecht 1885, 132.

[2]) *Janka*, 4.

преслѣдованію, и только ею оно и можетъ быть возбуждено по древнему правилу *kein Kläger, kein Richter*; г) ей непосредственно должна быть подчинена розыскная и судебная полиція (*Entdeckungs und Verfolgungspolizei*); д) предварительное изслѣдованіе преступленій должно совершаться не посредствомъ инквизиціоннаго слѣдствія, производимаго слѣдственнымъ судьей, а путемъ собиранія нужныхъ данныхъ непосредственно сторонами, подъ контролемъ судьи, къ которому и обращается прокуратура для производства дѣйствій судебнаго характера (какъ напр. обысковъ, осмотровъ, допроса обвиняемаго, принятія противъ него мѣръ обезпеченіе личности); е) въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла прокуроръ полновластно распоряжается обвиненіемъ, имѣя право во всякое время взять его назадъ и тѣмъ прекратить преслѣдованіе, и ж) прокуроръ—обвинитель пользуется въ процессѣ тѣми же правами, какъ и подсудимый и его защитникъ.

Эти положенія, сложившіяся не безъ вліянія англійскаго обвинительнаго процесса, въ которомъ нѣмецкіе юристы усматривали путь къ исправленію недостатковъ французскаго слѣдственнаго судопроизводства, сообщили прокуратурѣ строго опредѣленное и ясно очерченное значеніе стороны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совокупность ихъ даетъ ей такую громадную власть надъ личной свободой гражданъ, что для огражденія отъ возможности злоупотребленій или бездѣйствія этой власти требуются самыя серьезныя гарантіи, которыя и были выработаны наукой съ особенною подробностію и вниманіемъ. Онѣ могутъ быть различны и относиться какъ къ *обвиняемому*, такъ и къ *потерпѣвшему*. Обоихъ имѣетъ въ виду *подчиненіе обвинительной дѣятельности прокуратуры прямому контролю суда*. Сюда входитъ участіе суда въ разрѣшеніи вопросовъ о возбужденіи преслѣдованія и повѣрка предъявляемаго прокуратурою обвиненія посредствомъ прекращенія дѣлъ до суда или особаго обряда преданія суду. Этотъ институтъ въ полномъ его объемѣ осужденъ теоріей, которая въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей [1]) убѣдительно доказываетъ его призрачность и излишество при правильной постановкѣ процесса. Участіе суда въ преслѣдованіи есть остатокъ розыскнаго начала. Если прокуратура имѣетъ исключительно судебный характеръ и обла-

[1]) *Sundelin*, 115.—*Keller*, 274.—*Gneist*, 67.—*Geyer*, 641.

даетъ независимостью, а права участвующихъ въ дѣлѣ частныхъ лицъ достаточно ограждены, повѣрка обвиненія судомъ ведетъ лишь къ усложненію и замедленію производства, не принося существенной пользы, но умаляя отвѣтственность прокуратуры. Гарантіи противъ нея обвиняемаго заключаются въ усиленіи его процессуальныхъ правъ до уравненія ихъ съ правами прокурора-обвинителя. Отсюда—*равенство сторонъ при предварительномъ изслѣдованіи и допущеніе защиты при слѣдствіи* (*Parteienöffentlichkeit*). Что же касается до потерпѣвшаго, то коррективы въ его интересахъ составляютъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ процессуальную науку. Для будущности прокуратуры, для логическаго проведенія ея обвинительнаго призванія во всей его чистотѣ, нѣмецкое ученіе «*о субсидіарномъ обвиненіи*» имѣетъ большую практическую важность, такъ какъ именно оно и вноситъ необходимыя поправки и ограниченія въ монополію обвиненія. При помощи ихъ устраняется опасность сосредоточенія преслѣдованія въ однихъ должностныхъ рукахъ, власть которыхъ, однакоже, поставленная въ опредѣленныя и твердыя границы, выигрываетъ въ силѣ и въ единствѣ. По этому ученію, при государственномъ или публичномъ обвиненіи прокуратуры (*Staats*—или *öffentliche Anklage*) допускается съ извѣстными условіями и частное обвиненіе (*Privatanklage*) въ обширномъ смыслѣ. Оно основано на свободномъ усмотрѣніи частныхъ лицъ (*Dispositions-Maxime*) въ противоположность обязательному началу государственнаго обвиненія (*Official-Maxime*), и состоитъ изъ системы нѣсколькихъ юридическихъ понятій. Во 1-хъ, нѣкоторыя, такъ называемыя уголовно-частныя преступленія (*Antragsdelikte*) выдѣляются въ исключительное преслѣдованіе ихъ лицомъ потерпѣвшимъ (*Privatklage*) въ тѣсномъ смыслѣ, безъ участія прокуратуры, которая вступаетъ въ дѣло лишь при наличности общественнаго въ томъ интереса. Во 2-хъ по публичнымъ преступленіямъ обвинительной дѣятельности прокуратуры принадлежитъ всегда первенствующее мѣсто (*Hauptklage*), но рядомъ съ нимъ и частному лицу предоставляется участіе какъ въ возбужденіи преслѣдованія, такъ и въ дальнѣйшемъ его веденіи. По своему объему и характеру участіе это можетъ быть вспомогательное при прокуратурѣ (*Nebenklage*), или же вовсе его замѣняющее, въ случаѣ отказа отъ преслѣдованія (*Privatbetheiligter* австрійскаго процесса). Въ томъ и другомъ качествѣ частный

обвинитель имѣетъ возможность играть въ процессѣ дѣятельную роль и, по мѣрѣ своихъ средствъ, подкрѣплять прокуратуру или, замѣняя ее, самостоятельно защищать свои нарушенныя права. По субъекту такого частнаго обвиненія оно можетъ исходить или отъ потерпѣвшаго (собственно *Privatklage*), или же отъ всякаго гражданина, нравственно заинтересованнаго въ репрессіи преступленій (*Popularklage* или *staatsbürgerliche Klage*). «Два круга «понятій, каждый съ различными оттѣнками, обозначаютъ», по словамъ *Янка* [1]), «ходъ этого вопроса. Подобно тому, какъ древній «частно-обвинительный процессъ съ теченіемъ времени возвысился «до обвиненія народнаго, *actio popularis*, въ наше время, вслѣдъ «за государственнымъ обвиненіемъ, возникло сначала вспомога«тельное обвиненіе потерпѣвшаго (*Privatanklage*), а затѣмъ и на«стоящее народное обвиненіе однимъ гражданиномъ другаго (*Popu«larklage*). Средоточіемъ перваго цикла является *Глазеръ*, втораго «*Гнейстъ* [2]). Съѣздъ германскихъ юристовъ испыталъ оба на«правленія. «II-й съѣздъ въ Дрезденѣ (1861) еще стоялъ за ча«стное обвиненіе, между тѣмъ какъ XII-й въ Нюрнбергѣ (1875) «уже высказался за народное. Первое успѣло проникнуть въ «нѣмецкія законодательства, второе еще не находитъ себѣ при«знанія». Въ будущемъ однако, и съ этимъ послѣднимъ придется вѣроятно прокуратурѣ встрѣтиться на ея обвинительномъ поприщѣ.

Приведенные выводы науки и взгляды юристовъ до 70-хъ годовъ не отразились въ австрійскомъ и германскомъ законодательствѣ о прокуратурѣ. Долгое время она оставалась въ томъ видѣ, какой сообщили ей законы, изданные повсемѣстно въ измѣненіе учрежденій 1848 г. Въ этихъ законахъ не было выдержано никакихъ руководящихъ принциповъ и они, страдая полнымъ отсутствіемъ единообразія, свидѣтельствовали о неопредѣленномъ и неустановившемся отношеніи къ институту, который ограничивали и стѣсняли въ наиболѣе существенныхъ его чертахъ. Состояніе прокуратуры по закону въ различныхъ государствахъ представ-

---

[1]) *Janka*, 8.

[2]) *Glaser*. Das Princip der Strafverfolgung (Kleinere Schriften, I, 1868, 427). Handbuch I § 20. *Gneist*. Vier Fragen см. также *Schütze*. Das Staatsbürgerliche Anklagerecht in Strafsachen 1876.

ляло довольно пеструю и нестройную картину; въ общемъ наканунѣ новѣйшихъ преобразованій оно было слѣдующее.

Въ *Австріи* [1]) прокуратура подверглась наибольшимъ перемѣнамъ и ущербу, сравнительно съ нововведеніями 1848 г. Кромѣ значительнаго пониженія служебнаго ранга и содержанія прокурорскихъ чиновъ, они были вовсе отмѣнены при высшемъ и низшихъ судахъ и оставлены лишь при судахъ первой и второй инстанціи. Кругъ дѣйствій ихъ ограниченъ уголовными дѣлами; для того же, чтобы они не теряли познаній и практики въ дѣлахъ гражданскихъ, имъ разрѣшено, въ свободное отъ прямыхъ занятій время, присутствовать въ гражданскомъ судѣ въ качествѣ докладчиковъ и съ правомъ голоса. Въ уголовномъ преслѣдованіи, построенномъ на розыскномъ началѣ, они принимали лишь второстепенное участіе, давая суду необязательныя для него предложенія. Предварительное слѣдствіе, почти всецѣло предоставленное слѣдователю, направлялось въ судъ съ заключеніемъ прокурора, который затѣмъ являлся въ судебномъ засѣданіи—всегда безъ участія присяжныхъ—обвинителемъ «въ интересахъ общественной безопасности и закона». Ни руководства судебною полиціей, ни функціи надзора прокуратурѣ не принадлежало. То было учрежденіе явно отмѣченное недовѣріемъ и колебаніями законодателя [2]).

Въ *Германіи* не установилось общаго типа прокуратуры. Въ четырехъ государствахъ—герцогствахъ Мекленбургъ-Шверинскомъ и Мекленбургъ-Стрелицкомъ и двухъ княжествахъ Липпе ея не существовало вовсе. Въ Саксоніи она учреждена только при судѣ 1-й инстанціи. При низшихъ судахъ вообще не имѣлось отдѣльной и постоянной прокуратуры, а обязанности ея исполнялись чинами полиціи или временно командированными чиновниками. Тамъ, гдѣ была введена общая прокуратура, она являлась отдѣльнымъ отъ суда учрежденіемъ судебнаго вѣдомства, съ весьма разнообразнымъ служебнымъ положеніемъ личнаго состава [3]).

Такъ въ Баваріи они приравнены къ смѣняемымъ административнымъ чиновникамъ; въ Пруссіи они во всякое время могутъ быть смѣщены на временное содержаніе, *Wartegeld*, сходное съ

---

[1]) Законъ 29 іюля 1853 и министерская инструкція 1854 года.

[2]) *Keller*, 32—42.

[3]) Исключеніе составляютъ Любекъ и Гильдбургсгаузенъ, гдѣ прокуроръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ членъ гражданскаго отдѣленія суда.

нашимъ «заштатнымъ»; напротивъ того въ Саксоніи они во всемъ сравнены съ несмѣняемыми судьями. Въ большинствѣ государствъ, составъ прокуратуры постоянный; въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и Вюртембергѣ высшіе ея чины (прокуроры при судахъ 2 инстанціи) также постоянные, а низшіе назначаются временно изъ судей, въ число которыхъ они и возвращаются по оставленіи прокурорской службы. Вездѣ прокуратура была основана на началахъ единства и іерархическаго подчиненія, которое простирается какъ на общій ходъ дѣятельности, такъ и на отдѣльные случаи. Въ Брауншвейгѣ и Вюртембергѣ низшіе чины, получивъ предписаніе о преслѣдованіи лица, по ихъ убѣжденію невиновнаго, могли представить объ этомъ своему начальству, которое принимаетъ въ такомъ случаѣ преслѣдованіе на себя или возлагаетъ его на кого-либо другаго изъ своихъ подчиненныхъ. Повсюду уголовныя дѣла составляли преимущественный или даже исключительный предметъ прокурорскаго вѣдомства; только въ при-рейнской Пруссіи, Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и Баваріи прокуратура принимала большее или меньше участіе въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ области уголовнаго преслѣдованія понятіе объ институтѣ судебной полиціи, съ подчиненіемъ ея прокуратурѣ, нигдѣ не выражено ясно и категорично, кромѣ Брауншвейга. Уголовная дѣятельность прокуратуры вездѣ обусловливалась характеристическою особенностью смѣшаннаго процесса— обвинительною формой при инквизиціонномъ содержаніи. Въ первоначальной стадіи процесса, при слѣдствіи, значеніе прокурора-обвинителя ничтожно и возрастаетъ лишь на судѣ, нигдѣ, однакоже, не доходя до полнаго распоряженія обвиненіемъ. Это послѣднее по прежнему было подвѣдомственно суду и весьма слабо выдѣляется изъ его функціи [1]).

Общее положеніе нѣмецкой прокуратуры передъ реформой вѣрно характеризуется словами *Келлера*, относящимися къ 1866 г.: «Прокуратура существуетъ уже во всей Германіи, но далеко еще «не сложилась въ истинно германскій институтъ, соотвѣтствующій тѣмъ требованіямъ, которыя наука и жизнь предъявляютъ «къ раціональному процессу; это происходитъ частью отъ его

---

[1]) *Entwurf eines Gerichtsverfassungsgesetzes für das deutsche Reich.* Mit Motiven und Anlagen. 1874. 76—83.

«нынѣшняго несовершенства, частью отъ подражанія французскимъ «образцамъ ..... Воззрѣнія теоріи и практики на задачи, кругъ «дѣятельности и устройство прокуратуры крайне разнорѣчивы. «Обозрѣніе множества германскихъ процессуальныхъ законода- «тельствъ убѣждаетъ въ многообразіи и шаткости постановки про- «куратуры въ Германіи. Надежда на объединеніе германскаго «процесса должна быть признана смѣлымъ, хотя и благочестивымъ «пожеланіемъ» [1]).

Надежда осуществилась и пожеланіе было исполнено. Дружныя усилія науки, правительства и общественнаго мнѣнія достигли цѣли: въ періодъ времени 1873—1877. г. Австрія и Германская Имперія получили новое преобразованное судоустройство и судопроизводство. Созданная ими прокуратура явилась результатомъ совмѣстнаго воздѣйствія теоріи и практики, научной доктрины и жизненнаго опыта, общихъ принциповъ и реальныхъ потребностей, между которыми состоялся болѣе или менѣе счастливый компромиссъ.

II. Современная австрійская прокуратура [2]).

§ **23. Устройство.** Австрійская прокуратура нынѣшняго времени дѣйствуетъ на основаніи устава уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 г., въ которомъ заключаются и постановленія о судоустройствѣ. Изданный послѣ продолжительныхъ законодательныхъ работъ, уставъ этотъ является въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ произведеніемъ *Глазера*, имѣвшаго и завидную участь вводить его въ дѣйствіе въ качествѣ министра юстиціи, а затѣмъ до самой смерти своей въ 1886 г. наблюдать за его примѣненіемъ въ должности генералъ-прокурора кассаціоннаго суда. Идеи Глазера, его научныя воз-

---

[1]) *Keller*, V (предисловіе).

[2]) *Die Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873, 7* Aufl 1886 (Manz). *Erlass des Justizministers Dr. J. Glaser vom 25 November 1873 an sämmliche k. k. Oberstaatsanwälte.* 1873.—*Ullmann.* Lehrbuch §§ 54—62.—*Vargha.* Das Strafprocessrecht. 1885, §§ 67—73.—*Сергьевскій.* Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права» 1878, кн. 1). *Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій.* Изданіе министерства юстиціи. 1882, стр. 84—126.

зрѣнія и обширная опытность сказались не только въ основныхъ началахъ новѣйшей австрійской прокуратуры, но и во всѣхъ подробностяхъ ея устройства и правилъ дѣятельности. Важнѣйшимъ оффиціальнымъ для нея источникомъ служатъ, кромѣ самыхъ постановленій закона, развитіе и разъясненіе ихъ въ двухъ министерскихъ наказахъ Глазера: 19 ноября 1873 о порядкѣ примѣненія устава угол. судопр. (*Vollzugsvorschrift zur Strafprocessordnung*) гдѣ вся вторая часть (§§ 68—114) посвящена прокуратурѣ, и циркуляръ 25 ноября 1873 прокурорамъ судебныхъ палатъ по поводу примѣненія того же устава (*Erlass an sämmtliche k. k. Oberstaatsanwälte betreffend die Handhabung der Strafprocessordnung vom.* 23 *mai* 1873 [1]). Этотъ послѣдній правительственный актъ имѣетъ для прокуратуры особенное значеніе и интересъ: въ немъ съ замѣчательною ясностью изложены общіе взгляды на различныя стороны ея призванія и мастерски освѣщены съ научно-государственной точки зрѣнія главнѣйшія требованія, предъявляемыя къ прокуратурѣ новыми судебными законами: «При томъ положе-«ніи, которое они отводятъ прокуратурѣ»,—говоритъ Глазеръ въ своемъ циркулярѣ—«приложеніе ихъ къ жизни зависитъ въ значи-«тельной степени отъ характера и способа пониманія прокурор-«скими чинами своихъ задачъ». Министръ выражаетъ надежду, «что въ столь знаменательную для нея эпоху, прокуратура при-«ложитъ всѣ усилія для того, чтобы оправдать оказываемое ей «закономъ высокое довѣріе и проявитъ всевозможное усердіе и «преданность въ исполненіи вытекающихъ отсюда обязанностей». Дѣйствительно, содержаніе этихъ обязанностей сообщаетъ австрійской прокуратурѣ исключительное значеніе, какого она еще нигдѣ не достигала; ограниченныя въ экстензивномъ отношеніи, онѣ много выигрываютъ въ интезивности и представляютъ, по крайней мѣрѣ по мысли законодателя, крайне любопытный опытъ вполнѣ цѣльной и послѣдовательной постановки прокурорскаго учрежденія.

Организація новой прокуратуры болѣе всего сохранила прежнія черты, приближающія ее къ французскому типу. Подъ общимъ главенствомъ министра юстиціи состоятъ въ судебномъ вѣдомствѣ

---

[1]) Кромѣ этихъ инструкціонныхъ распоряженій, остаются еще въ дѣйствіи, въ частяхъ не потерявшихъ силы съ изданіемъ новаго Устава, прежнія министерскія инструкціи опредѣляющія внутренній распорядокъ въ уголовныхъ судахъ отъ *16 Іюня 1854 г.*, а въ прокуратурѣ, отъ *3 Августа 1854 г.*

прокуроры при судахъ: 1-й инстанціи (окружныхъ, *Landes-u Kreisgerichte*) *Staatsanwälte*, 2-й инстанціи (судебныхъ палатахъ, *Oberlandesgerichte*) *Oberstaatsanwälte* и генералъ-прокуроръ, *General-Prokurator*, при кассаціонномъ судѣ. Каждый изъ этихъ начальственныхъ лицъ прокуратуры имѣетъ товарищей, носящихъ названіе — въ 1 и 2 инстанціи «замѣстителей», *Stellvertreter*, а въ кассаціонномъ судѣ генералъ-адвокатовъ, *General-Advocaten*. Между прокурорами и ихъ товарищами нѣтъ дѣловаго различія, тѣ и другіе уполномочены закономъ ко всѣмъ дѣйствіямъ прокурорской службы. Прокуроры судебныхъ палатъ и чины кассаціонной прокуратуры назначаются императоромъ, всѣ же остальные чины— министромъ юстиціи. Для занятія прокурорской должности нужно удовлетворять тѣмъ же условіямъ, какъ и для судейской. Назначеніе опредѣляется конкурснымъ испытаніемъ, которое, впрочемъ, министръ можетъ и обходить [1]). Близкое родство между членами прокуратуры, соединенными іерархическимъ отношеніемъ, а также и съ членами одного и того же суда, составляетъ законное препятствіе къ совмѣстной службѣ. Прокуратура совершенно независима отъ судовъ и только въ судебныхъ засѣданіяхъ подчинена распорядительной власти предсѣдателя. Чины ея могутъ присутствовать въ не—судебныхъ засѣданіяхъ при совѣщаніяхъ суда, но должны удаляться при окончательной подачѣ голосовъ и постановленіи опредѣленія (ст. 30 и 85 уст. угол. суд.). Отношенія къ суду формулированы весьма правильно и отчетливо: «На обязан«ности каждаго прокурора (въ смыслѣ главы мѣстной прокуратуры) «лежитъ попеченіе о томъ: чтобы въ сношеніяхъ съ судами и ихъ «органами всегда сохранялись отношенія, соотвѣтствующія обоюд«ному уваженію и взаимной поддержкѣ для пользы службы... чтобы «при обращеніяхъ къ суду старательно соблюдалась законность и «цѣлесообразность, съ устраненіемъ всего излишняго или могущаго «вредить авторитету суда» [2]). Новый уставъ, какъ сказано въ мотивахъ къ нему—стремится устроить учрежденіе государственныхъ обвинителей такимъ образомъ, чтобы они «исполняли свое назначеніе независимо отъ судовъ и въ то же время были лишены всякой возможности нарушать независимость этихъ послѣднихъ» [3]).

[1]) § 4 инструкціи 3 Августа 1854.

[2]) § 12 инструкціи 1854 г.

[3]) Motivenbericht der Regierung, 123.

Чины прокуратуры каждаго судебнаго округа, т. е. раіона суда 2-й инстанціи, образуютъ особый и самостоятельный служебный персоналъ (*ein selbständiger Personalstand*, императорское повелѣніе 3 и 13 іюня 1873 г.), во главѣ котораго стоитъ прокуроръ судебной палаты, *Oberstaatsanwalt*. Къ нему обращаются низшіе чины за указаніями и съ донесеніями во всѣхъ сомнительныхъ или важныхъ случаяхъ (ст. 27 уст. угол. суд.) и черезъ него восходятъ въ министерство юстиціи всѣ прокурорскіе представленія и отчеты по уголовно-судебной части. Въ устройствѣ прокуратуры строго проведены начала подчиненія и единства. Первое безусловно и распространяется какъ на общія руководящія требованія по предметамъ прокурорской дѣятельности, такъ и на распоряженія по отдѣльнымъ дѣламъ [1]). Ни о какихъ законныхъ гарантіяхъ независимости мнѣнія или слова чиновъ прокуратуры въ положительномъ правѣ не говорится; дѣйствіе по совѣсти и убѣжденію, вытекая изъ ихъ призванія, само собою предполагается, но въ его нравственныхъ предѣлахъ прокуратура формально связана начальственными приказаніями, какъ учрежденіе судебно-административное, обвинительный органъ исполнительной власти. Единство выражается въ неограниченномъ правѣ замѣны (*Substitution*) и передачѣ или уполномочія (*Devolution*) однимъ должностнымъ лицомъ другому. Чины прокуратуры смѣняемы и кромѣ того состоятъ подъ строжайшей дисциплинарной властью своего начальства. Отправленіе ея принадлежитъ министру юстиціи и, подъ его наблюденіемъ, прокурору судебной палаты, производящимъ, когда нужно, и дисциплинарныя изслѣдованія. Всѣ дисциплинарныя дѣла о прокурорахъ вѣдаются министромъ, который въ отношеніи низшихъ чиновъ принимаетъ въ соображеніе мнѣніе прокурора палаты, а если подвергшійся дисциплинарному преслѣдованію подлежитъ увольненію отъ должности, то предварительно требуется заключеніе по этому предмету дисциплинарнаго присутствія (*Disciplinarsenat*) и президента высшаго или кассаціоннаго суда. Съ товарищами прокуроровъ менѣе всего формальностей: въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, если свойства вины, достоинство прокуратуры или надобности службы настоятельно требуютъ немедленнаго устраненія (*Suspension*) товарища проку-

[1]) § 17 инструкціи 1854 г.

рора отъ исполненія служебныхъ обязанностей, то это можетъ быть временно сдѣлано непосредственнымъ начальствомъ виновнаго, т. е. даже прокуроромъ суда, съ представленіемъ о томъ, черезъ прокурора палаты, министру юстиціи [1]).

Особенно характерную и оригинальную часть австрійской прокуратуры представляетъ учрежденіе ея при низшихъ участковыхъ судахъ, *Bezirksgerichte*, соотвѣтствующихъ нашей мировой юстиціи. «Новизна этого учрежденія»—заявляетъ Глазеръ въ своемъ циркулярѣ — «требуетъ для его успѣха неусыпнаго наблюденія, «внимательной заботливости и вполнѣ тактичнаго образа дѣйствій. «Готовность, съ которою министерство внутреннихъ дѣлъ предо«ставило для исполненія этихъ обязанностей часть своихъ орга«новъ, сочувствіе независимыхъ людей, которые во множествѣ за«явили о своемъ желаніи принять ихъ на себя, все приводитъ къ «успокоительному сознанію жизнеспособности этого института и «возможности провести обвинительное начало на всѣхъ ступеняхъ «уголовнаго процесса» [2]). Какъ видно уже изъ приведенной характеристики, участковая прокуратура не имѣетъ опредѣленнаго и постояннаго состава, а образуется изъ лицъ разнаго положенія, временно командируемыхъ къ исполненію этой отрасли прокурорской службы. По назначенію министра юстиціи, отчасти по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, смотря по правительственнымъ условіямъ мѣстности, службу эту отправляютъ или 1) чины прокуратуры, или 2) административные и полицейскіе чиновники, или наконецъ 3) особые прокурорскіе органы, *Staatsanwaltschaftliche Functionäre* [3]), избираемые прокуроромъ судебной палаты изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ сферамъ общественной жизни. Въ Вѣнѣ и другихъ большихъ городахъ практикуется первый способъ замѣщенія, второй составляетъ ему подспорье и, кромѣ того, примѣняется по особымъ дѣламъ, преимущественно фискальнымъ, а третій дѣйствуетъ въ видѣ общаго правила въ провинціи и малыхъ центрахъ. Всѣ участковые прокуроры, находясь подъ ближайшимъ руководствомъ прокурора окружнаго суда подвѣдомственны прокурору палаты, отъ котораго зависитъ ихъ назначеніе и увольне-

---

[1]) §§ 14—16 инструкціи 1854 г.

[2]) *Glaser*. Erlass, 13.

[3]) Постановленія о прокуратурѣ при участковыхъ судахъ заключается въ §§ 87—114 наказа 19 Ноября 1873 и въ особой для нея инструкціи, изданной 14 Февраля 1874 г.

ніе. Институтъ «*staatsanwältschaftliche Functionäre*» заслуживаетъ вниманія, какъ интересный опытъ образованія мѣстной прокуратуры при судѣ, наиболѣе близко стоящемъ къ населенію, не только изъ чиновниковъ, но и изъ общественныхъ силъ, которыя, такимъ образомъ, привлекаются къ оффиціальному участію въ публичномъ преслѣдованіи наказуемыхъ правонарушеній. Прокурорскими органами такого рода могутъ быть лишь тѣ «правоспособные лица, которыя обладаютъ нужными для этого качествами и внушаютъ къ себѣ довѣріе». Они должны исполнять обязанности, порученныя имъ правительствомъ, ревностно и добросовѣстно, въ точности слѣдовать указаніямъ начальства и строго хранить должностную тайну. Имъ запрещается принимать по поводу служебныхъ дѣйствій какія бы то ни было подарки или пользоваться какими-либо выгодами [1]). Назначеніе совершается по усмотрѣнію прокурора палаты, который предварительно входитъ по этому предмету въ соглашеніе съ высшимъ начальствомъ края (*Landeschef*). Если же у прокурора палаты нѣтъ въ виду лица, способнаго быть участковымъ прокуроромъ, то онъ посредствомъ печати вызываетъ желающихъ къ конкурсу, по результатамъ котораго и дѣлаетъ назначеніе. Вознагражденіе этимъ прокурорскимъ чинамъ опредѣляется, по его же представленію, министромъ, при чемъ размѣръ гонорара можетъ быть и предметомъ особаго соглашенія съ назначаемымъ лицомъ; чины участковой прокуратуры принимаютъ присягу на это званіе и состоятъ подъ дисциплинарною властью прокуроровъ суда и палаты; первый можетъ подвергать ихъ штрафу въ размѣрѣ мѣсячнаго содержанія, а второй, сверхъ того, и удаленію отъ должности, которое, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто во всякое время и безъ объясненія причинъ. Если при участковомъ судѣ, по какой-либо причинѣ, не оказывается лица, исполняющаго прокурорскія обязанности, а между тѣмъ возникаетъ настоятельная надобность въ его участіи въ извѣстномъ дѣлѣ или дѣйствіи, то участковый судья имѣетъ право возложить эти обязанности въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ на одного изъ должностныхъ лицъ того же суда или на одного изъ членовъ мѣстнаго общиннаго управленія (*Gemeindevorstehung*), съ приведеніемъ временно командированнаго къ присягѣ и съ сооб-

[1]) §§ 88 и 96 Наказа 1873 г.

щеніемъ о томъ прокурору суда. По свидѣтельству практиковъ, участковая прокуратура дѣйствуетъ правильно и успѣшно, при чемъ дѣятельности въ рядахъ ея не чуждаются уважаемые мѣстные обыватели, что отчасти приписывается тому заботливому вниманію, съ которымъ относится къ ней министерство и, по его инициативѣ и указаніямъ, высшіе чины общей государственной прокуратуры.

§ 24. Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленія. Дѣятельность прокуратуры, во всемъ ея объемѣ, построена на широкихъ основаніяхъ, выраженныхъ весьма ясно и проведенныхъ съ замѣчательною послѣдовательностію. «Новый уставъ уголовнаго судопроизводства»—говоритъ Глазеръ,—«стре«мится осуществить обвинительное начало со всѣми его послѣд«ствіями и тѣмъ самымъ сообщить прокуратурѣ значеніе совер«шенно отличное отъ прежняго» [1]). 2-я статья этого устава постановляетъ, что «судебное преслѣдованіе преступленій, наказуемыхъ «дѣяній, можетъ имѣть мѣсто только по требованію или жалобѣ, «(*Antrag*) обвинителя»; причемъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ дѣяній подлежатъ исключительно частному обвиненію, а всѣ остальныя являются «предметомъ публичнаго преслѣдованія, производство «котораго принадлежитъ прежде всего прокуратурѣ, вмѣсто кото«рой въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, можетъ быть пред«принято и частнымъ обвинителемъ (*Privatbetheiligten*) Такимъ образомъ задача прокуратуры—уголовное преслѣдованіе въ обвинительномъ процессѣ, чѣмъ и исчерпываются обязанности австрійскихъ прокуроровъ; ни гражданскими дѣлами, ни судебною администраціей они не занимаются. Обвинительное ихъ призваніе точно опредѣлено въ ст. 34 и 35 устава: «Прокуроры обязаны пре«слѣдовать по должности (*von Amtswegen*) всѣ публичныя преступ«ленія, которыя сдѣлаются имъ извѣстными и, согласно съ этимъ, «побуждать подлежащія судебныя мѣста ко всѣмъ дѣйствіямъ, «для изслѣдованія и наказанія означенныхъ преступленій. Проку«роры наблюдаютъ за принятіемъ мѣръ, могущихъ привести къ «открытію истины. Они уполномочены во всякое время разсмат«ривать слѣдственныя производства или требовать сообщенія ихъ «и предъявлять соотвѣтствующія предложенія по дѣлу, съ тѣмъ, «однакоже, чтобы этимъ не замедлялся ходъ его. Усматривая не-

[1]) *Glaser.* Erlass, 1.

«правильности или медленность, они принимаютъ мѣры къ ихъ «устраненію на законномъ основаніи. Прокуроры принимаютъ «установленное закономъ участіе и въ исполненіи приговоровъ». (ст. 34). «Прокуроры предъявляютъ свои предложенія устно или «письменно; по каждому изъ нихъ должно послѣдовать судебное по«становленіе или опредѣленіе. Равнымъ образомъ они представля«ютъ разъясненіе *(Erklärungen)* по запросамъ (*Antrag*) суда или «по заявленіямъ подсудимаго». (1 ч ст. 35). Для надлежащаго исполненія своей обвинительной задачи, прокуратура поставлена въ соотвѣтствующее положеніе по отношенію къ другимъ вѣдомствамъ: ей «предоставлено право входить въ непосредственныя сноше«шенія съ полиціей и всѣми государственными областными и зем«скими установленіями и требовать, въ случаѣ надобности, ихъ со«дѣйствія, также какъ и военной силы. Чины полиціи и низшей «полицейской стражи обязаны исполнять распоряженія прокурату«ры, *Anordnungen*» (1 ч. 36 ст). Но, являясь обвинительною стороною, прокуроръ отнюдь не обязанъ обвинять во чтобы то ни стало; онъ—представитель карательныхъ интересовъ государства, которому нужно, чтобы возмездію подвергся только дѣйствительно виновный и притомъ не свыше мѣры содѣяннаго. Поэтому независимо отъ вышеуказанной обязанности своей стремиться къ открытію истины, прокуратура въ числѣ другихъ «властей, участвующихъ «въ уголовномъ процессѣ» должна вообще «принимать въ сообра«женіе съ одинаковымъ тщаніемъ какъ обстоятельства, уличающія «подсудимаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія, а также «объяснять обвиняемому его права, хотя бы въ данномъ случаѣ «этого и не было предписано закономъ» (ст. 3). Черезъ всѣ формы и проявленія прокурорской дѣятельности проходятъ два главныхъ принципа: 1) публичное преслѣдованіе преступленій, какъ право и обязанность государства не только помимо, но и противъ воли потерпѣвшаго (*Officialmaxime*), и 2) полное выдѣленіе обвиненія изъ судейской функціи. (*Anklageprincip*). Законодатель признаетъ необходимымъ «чтобы охраненіе общественныхъ интересовъ по «преслѣдованію преступленій было ввѣрено государственнымъ об«винителямъ, и притомъ исключительно имъ однимъ, чтобы воз«бужденіе уголовнаго преслѣдованія и обвиненіе не могло исхо«дить отъ суда и чтобы такимъ образомъ старое юридическое пра-

«вило—*wo kein Kläger, kein Richter,*—снова получило свою силу «безъ вреда для общественныхъ интересовъ» [1]).

Изъ вышеприведеннаго предписанія закона (въ ст. 34, у. у. с.) прокуратурѣ преслѣдовать *всѣ* наказуемыя дѣянія, можно съ перваго взгляда заключить, что дѣятельность ея управляется единственно началомъ законности (*Legalitätsprincip*). Но такое безусловное заключеніе было бы невѣрно: на основаніи ст. 30 устава «чины прокуратуры обязаны охранять въ кругѣ своего вѣдѣнія «государственные интересы». Способъ же охраненія предоставленъ всецѣло ихъ усмотрѣнію, такъ что они свободно распоряжаются преслѣдованіемъ и, какъ будетъ указано ниже, могутъ во всякое время отступить отъ него. Дѣйствія ихъ опредѣляются, слѣдовательно, не только законностью, но и государственными интересами, которые иногда требуютъ оставленія преступленія, наказуемаго по закону, безъ преслѣдованія. Правильнѣе поэтому будетъ сказать, что австрійская прокуратура руководствуется началомъ законности, сообразованнымъ съ началомъ умѣстности (*Opportunitätsprincip*), т.-е. должна производить уголовное преслѣдованіе постольку, поскольку это не противорѣчитъ государственнымъ интересамъ. [2]) Выводъ этотъ подтверждается и 3 ч. ст. 2 у. у. с., на основаніи которой «публичное обвиненіе погашается, если со«стоится императорское повелѣніе о невозбужденіи преслѣдованія «или о прекращеніи преслѣдованія, уже возбужденнаго противъ «какого-либо наказуемаго дѣянія». Такое постановленіе, всюду въ дѣйствительности практикуемое и вытекающее изъ самой природы уголовнаго преслѣдованія, какъ справедливаго и общеполезнаго акта государственной власти, впервые введено въ законъ австрійскимъ правомъ и еще неизвѣстно другимъ европейскимъ законодательствамъ.

Въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ чины прокуратуры могутъ быть отводимы или, точнѣе, должны сами отвести себя отъ исполненія своихъ обязанностей. Этотъ отводъ по законнымъ поводамъ (*Ausschliessung*) отличается отъ другого отвода по причинамъ, заранѣе не опредѣленнымъ, но такимъ, которыя подвергаютъ сомнѣнію безпристрастіе отводимаго (*Ablehnung*). Послѣднему ви-

---

[1]) *Motivenbericht*, 11, 14.
[2]) *Wargha*, 132.

ду отвода прокуроры не подлежатъ, а сами пользуются правомъ его противъ судей и судебныхъ чиновниковъ, при чемъ рѣшеніе вопроса о такомъ отводѣ принадлежитъ, въ порядкѣ подчиненности, высшему суду или предсѣдателю суда. На томъ же основаніи прокуратура можетъ предъявлять отводъ противъ цѣлаго суда или его состава и ходатайствовать о перенесеніи дѣла въ другую территоріальную юрисдикцію.

Содержаніе обвинительной дѣятельности прокуратуры распредѣляется по 4 главнымъ моментамъ, австрійскаго уголовнаго процесса: 1) дознаніе, *Vorerhebungen*, 2) слѣдствіе *Voruntersuchung* или *Vorferfahren*, 3) преданіе суду, *Versetzung in der Anklagestand*, составляющее вмѣстѣ съ приготовительными къ суду распоряженіями такъ называемый *Zwischenverfahren* и 4) судебное разсмотрѣніе, *Hauptverhandlung* (*Hauptverfahren*).—

Дознаніе, *Vorerhebung*, (§§ 84—90 у. у. с.) не есть еще актъ уголовнаго преслѣдованія, которое начинается возбужденіемъ слѣдствія или непосредственнымъ внесеніемъ въ судъ обвинительнаго акта. Цѣль дознанія — собрать необходимый матеріалъ, *nöthige Anhaltspunkte*, для выясненія вопроса о томъ, должно ли быть возбуждено судебное преслѣдованіе противъ опредѣленнаго лица. Всѣ свѣдѣнія и заявленія о совершившемся уголовномъ преступленіи и виновномъ въ немъ лицѣ сосредоточиваются у прокуратуры, отъ которой они и получаютъ дальнѣйшее направленіе. Должностныя лица и установленія, между прочимъ и полиція, сообщаютъ о всѣхъ извѣстныхъ имъ признакахъ преступленія прокуратурѣ, а въ случаѣ опасенія, что слѣды его могутъ изгладиться отъ замедленія, то и мѣстному участковому судьѣ. Равнымъ образомъ и частныя лица могутъ заявлять о таковыхъ же признакахъ прокурору, а также слѣдственному или участковому судьѣ или чинамъ полиціи, которые всѣ полученныя ими этимъ путемъ указанія передаютъ немедленно прокуратурѣ. Послѣдняя должна провѣрить (*prüfen*) всѣ поступившія къ ней свѣдѣнія и заявленія о совершившемся преступленіи и разыскивать виновныхъ въ ихъ содѣяніи. При этомъ она соблюдаетъ необходимую осторожность относительно заподозрѣннаго лица, особенно если указанія получены изъ источниковъ, не вполнѣ достовѣрныхъ «для того, чтобы въ предѣлахъ «возможности убѣдиться въ правдивости или неосновательности со«общенныхъ данныхъ». Органами этой провѣрки служатъ не только

чины полиціи, но и судьи, участковый и слѣдственный, что и составляетъ своеобразную черту австрійскаго дознанія.

Смотря по обстоятельствамъ дѣла и мѣстнымъ удобствамъ, прокуроръ предлагаетъ о производствѣ первоначальнаго разслѣдованія одному изъ этихъ органовъ, дѣйствующихъ каждый въ своей сферѣ. Судьи соблюдаютъ при этомъ всѣ правила предварительнаго слѣдствія; обыкновенно слѣдователь привлекается къ этой обязанности въ городахъ, гдѣ находится окружный судъ, и вообще по дѣламъ болѣе важнымъ, къ участковымъ же судьямъ прокуратура обращается въ тѣхъ случаяхъ, когда не находитъ возможнымъ положиться на мѣстныхъ полицейскихъ или общинно-административныхъ чиновъ. Что же касается до собственно-полицейскаго дознанія, то прокуроръ можетъ возложить на полицію производство безприсяжныхъ разспросовъ, при которомъ можетъ и самъ присутствовать; обыски и осмотры производятся полиціей лишь въ случаѣ безотлагательной въ томъ надобности или отсутствія судебныхъ чиновъ. Вообще прокуроръ имѣетъ право находиться во время совершенія полиціей такихъ слѣдственныхъ дѣйствій, при которыхъ нужно соблюденіе предписанныхъ закономъ обрядовъ и формальностей. Тѣмъ не менѣе протоколы произведенныхъ полиціей обысковъ и осмотровъ должны быть немедленно переданы слѣдователю, который разсматриваетъ ихъ со стороны формы и полноты и, въ случаѣ надобности, повторяетъ производство или производитъ дополнительныя дѣйствія. Руководя дознаніемъ, прокуроръ даетъ ему общее направленіе, но можетъ также потребовать и отдѣльныхъ, опредѣленно указанныхъ дѣйствій. Съ чинами полиціи рекомендуются преимущественно личныя и словесныя сношенія, хотя прокуратура вправѣ требовать и письменныхъ себѣ сообщеній о ходѣ и результатахъ дознанія. Въ случаѣ допущенія полицейскими или административными чинами при производствѣ дознанія упущеній, неправильностей или медленности, прокуратура возбуждаетъ вопросъ объ отвѣтственности виновныхъ черезъ ихъ начальство или доноситъ о томъ своему.

На случай полученія свѣдѣній о преступленіи помимо прокуратуры, слѣдственный и участковый судьи облечены нѣкоторыми самостоятельными полномочіями, но результаты ихъ и здѣсь, въ охраненіе обвинительнаго начала, сообщаются на дальнѣйшее распоряженіе прокурора. Такъ слѣдователь предпринимаетъ лишь тѣ

дѣйствія, которыя нельзя отложить безъ вреда для цѣлей разслѣдованія или безъ пропуска какого-либо установленнаго въ законѣ срока; затѣмъ, сообщивъ прокурору о принятыхъ мѣрахъ, слѣдователь выжидаетъ его предложеній. Участковый судья, сообщивъ полученныя имъ свѣдѣнія прокурору, принимаетъ мѣры къ охраненію слѣдовъ преступленія и производитъ первоначальныя розыскныя дѣйствія, а также совершаетъ и неотложные слѣдственные акты. Протоколы произведеннаго дознанія участковый судья долженъ съ возможною скоростью препроводить къ прокурору. По арестантскому дѣлу срокъ для этого полагается 7-дневный, при чемъ прокуроръ, не позже какъ черезъ три дня по полученіи производства отъ участковаго судьи, обязанъ или освободить арестованнаго изъ подъ стражи и отъ преслѣдованія, или возбудить о немъ предварительное слѣдствіе.

Назначеніемъ дознанія опредѣляется и связь его съ послѣдующимъ производствомъ. Если прокуроръ на основаніи дознанія убѣдится въ возможности возбудить преслѣдованіе противъ извѣстнаго лица, то онъ или предлагаетъ слѣдователю о производствѣ слѣдствія, или же вноситъ въ судъ обвинительный актъ. Въ противномъ случаѣ, онъ оставляетъ поступившее къ нему заявленіе или сообщеніе безъ послѣдствій, о чемъ, съ краткимъ указаніемъ мотивовъ, увѣдомляетъ слѣдователя, препровождая къ нему и актъ дознанія, которое тотчасъ же и прекращается постановленіемъ слѣдователя.

Участію прокуратуры въ дознаніи, также какъ и указанному ниже праву ея вносить въ извѣстныхъ случаяхъ обвинительный актъ безъ слѣдствія, законодатель придаетъ большое практическое значеніе. Глазеръ усматриваетъ въ этихъ институтахъ чрезвычайное облегченіе суда: «прокуратура должна»,—говоритъ онъ,— «пользоваться своимъ правомъ дѣйствовать черезъ органы, кото«рые могутъ производить первоначальное разслѣдованіе съ такимъ «же успѣхомъ, какъ и суды, и нерѣдко даже съ большею пользою, «такъ какъ дѣятельность ихъ гораздо свободнѣе. Ничто не можетъ «убѣдительнѣе оправдать и поддерживать существованіе прокура«туры при судахъ, какъ стремленіе ея облегчать работу этимъ «послѣднимъ и стараніе освободить ихъ отъ такого труда, кото«рый она сама можетъ исполнить». Въ самомъ дѣлѣ, развитіемъ дознанія въ вѣдѣніи прокуратуры не только осуществляется обви-

нительное начало уголовнаго процесса, но и достигается существенная экономія участвующихъ въ немъ силъ [1]).

Производство предварительнаго слѣдствія, *Voruntersuchung* (ст. 91—206 у. у. с.) поставлено въ зависимость съ одной стороны отъ рода и процессуальнаго направленія дѣлъ, а съ другой—отъ предложенія прокурора или жалобы обвинители. Слѣдствіе необходимо для преданія кого-либо суду присяжныхъ и по дѣламъ объ отсутствующихъ обвиняемыхъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ возбужденіе его предоставлено усмотрѣнію прокуратуры. Предметомъ слѣдствія является *не преступленіе*, безотносительно къ обвиняемому, а точно обозначенное *обвиненіе, предъявленное къ опредѣленному лицу*. Цѣль слѣдствія провѣрить такое обвиненіе и выяснить обстоятельства дѣла, насколько это необходимо или для прекращенія преслѣдованія, или же для преданія обвиняемаго суду и приготовленія нужныхъ при судебномъ разсмотрѣніи доказательствъ. Слѣдствіе ограничивается лишь тѣмъ лицомъ и тѣмъ преступнымъ дѣяніемъ, относительно котораго заявлено требованіе обвинителя. Прокуроръ, возбуждая слѣдствіе, обязанъ сообщить слѣдователю первоначальное заявленіе, полученныя въ подкрѣпленіе его доказательства и результаты дознанія, если таковое было произведено. Затрудненія, встрѣченныя слѣдователемъ при исполненіи прокурорскаго предложенія о начатіи слѣдствія, разрѣшаются совѣщательною камерою окружнаго суда (*Rathskammer*), по выслушаніи объясненій слѣдователя и заключенія прокурора. Слѣдствіе производится слѣдственнымъ судьей вполнѣ самостоятельно, при равноправномъ участіи обѣихъ сторонъ, прокурора-обвинителя и обвиняемаго, съ его «юридическимъ совѣтникомъ» (*Rechtsbeistand*), т. е. защитникомъ. Обѣ стороны могутъ просить слѣдователя о производствѣ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій и присутствовать при осмотрахъ и обыскахъ, указывая при этомъ на предметы, подлежащіе, по ихъ мнѣнію, изслѣдованію. Но при формальныхъ допросахъ свидѣтелей и обвиняемыхъ они не присутствуютъ, причемъ мѣры обезпеченія личности принимаются или на основаніи закона [2]) или по соглашенію слѣдователя съ прокуроромъ, разно-

---

[1]) *Glaser.* Erlass, 6, 8.

[2]) Напр. по дѣламъ о преступленіяхъ, подвергающихъ смертной казни или тяжкому заключенію, обязательно содержаніе обвиняемаго подъ стражей (ст. 180 у. у. с.).

мыслiе между которыми разрѣшается совѣщательною камерой. Этому коллегіальному учрежденію присвоено наблюденіе за производствомъ слѣдствій, не принадлежащее прокуратурѣ, которая только въ составѣ этой камеры своими заключеніями можетъ оказывать извѣстное вліяніе на ходъ слѣдствія [1]). При самомъ же производствѣ слѣдствія прокуроръ вмѣсто того первенствующаго и руководящаго положенія, которое онъ занимаетъ при дознаніи, строго ограниченъ правомъ обвинительной стороны, отстаивающей передъ слѣдственнымъ судьею законные интересы обвиненія. Наравнѣ съ обвиняемымъ прокуроръ можетъ обжаловать всѣ дѣйствія слѣдователя совѣщательной камерѣ, опредѣленія которой онъ можетъ, кромѣ того, обжаловать и въ судебную палату. Единственное право, практически возвышающее прокуратуру надъ противною стороною во время слѣдствія, заключается въ открытой прокурору возможности продолжать при содѣйствіи полицейскихъ и иныхъ властей собираніе матеріала, могущаго имѣть для дѣла значеніе, хотя и здѣсь пользованіе этимъ матеріаломъ и включеніе его въ слѣдствіе вполнѣ зависитъ отъ слѣдователя [2]). Прекращеніе слѣдствія, а вмѣстѣ съ нимъ и уголовнаго преслѣдованія по публичнымъ преступленіямъ во всякомъ положеніи дѣла, предоставлено прокуратурѣ. Формула прекращенія, обязательнаго для слѣдственнаго судьи по прокурорскому предложенію, различается смотря по процессуальному моменту и не содержитъ въ себѣ мотивовъ такого распоряженія прокурора. При производствѣ слѣдствія онъ можетъ потребовать его прекращенія или взять назадъ свое заявленіе объ уголовномъ преслѣдованіи, по окончаніи же формальнаго изслѣдованія—заявить о томъ, что онъ не находитъ достаточныхъ основаній къ преданію суду или судебному производству. Въ случаѣ подобнаго отказа прокуратуры отъ преслѣдованія, всѣ права ея по этому послѣднему переходятъ къ участвующему въ дѣлѣ потерпѣвшему (*Privatbetheiligte*), который можетъ взять на себя дальнѣйшее обвиненіе, хотя прокуроръ и не теряетъ права впослѣдствіи вновь вступить въ дѣло на прежнемъ основаніи.

---

[1]) Такъ прокуроръ присутствуетъ при ежемѣсячныхъ словесныхъ докладахъ слѣдственнаго судьи совѣщательной камерѣ о ходѣ производимыхъ имъ слѣдствій, при чемъ имѣетъ право давать суду соотвѣтственныя предложенія.

[2]) *Vollzugsvorschrift*, § 72.

§ 25. Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе.—Частное обвиненіе. Если прокуратура не признала нужнымъ прекратить слѣдствіе, то, по его окончаніи, наступаетъ слѣдующая стадія процесса—преданіе суду, *Versetzung in der Anklagestand*, которую, впрочемъ, по ея содержанію было бы точнѣе назвать приготовленіемъ обвиненія (ст. 112, 207—219 у. у. с.).

Окончивъ слѣдствіе, слѣдователь препровождаетъ его къ прокурору, который въ теченіи 8 дней долженъ дать ему дальнѣйшее направленіе, т. е. возвратить его слѣдственному судьѣ съ обвинительнымъ актомъ, или съ заключеніемъ о прекращеніи или дополненіи слѣдствія. При прекращеніи дѣла, объ этомъ объявляется потерпѣвшему, который можетъ въ теченіи 14 дней внести жалобу, вполнѣ замѣняющую обвинительный актъ прокуратуры. Въ случаѣ составленія обвинительнаго акта, послѣдній не подвергается предварительному судебному разсмотрѣнію, которое признается безцѣльнымъ и для сторонъ обременительнымъ. Преданіе же суду совершается въ особомъ, совершенно новомъ порядкѣ; въ основаніе его положены три главныя цѣли: 1) сдѣлать возможнымъ упрощеніе процесса, не покупая эту выгоду слишкомъ высокой цѣной медленности въ производствѣ; 2) доставить обвиняемому защиту противъ неправильнаго привлеченія къ суду, когда онъ считаетъ это нужнымъ и возможнымъ, но не распространять этой гарантіи на тѣхъ, для кого она является лишь отягченіемъ, и 3) установить твердую почву для судебнаго слѣдствія, не стѣсняя пустыми формальностями свободу сужденія у судьи, постановляющаго приговоръ [1]). Сущность этого порядка сводится къ нижеслѣдующему. Разрѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли предъявить суду обвиненіе, а также и формулировка его въ обвинительномъ актѣ принадлежитъ обвинителю. Въ обвинительномъ актѣ, кромѣ точнаго обозначенія обвиненія и обвиняемаго, должно заключаться и краткое, но полное изложеніе обстоятельствъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они выясняются изъ первоначальнаго заявленія или изъ данныхъ, добытыхъ дознаніемъ и слѣдствіемъ. По объясненію мотивовъ устава такое опредѣленіе содержанія обвинительнаго акта «должно «сдержать прокурора въ предѣлахъ строгаго, согласнаго съ про«изводствомъ изложенія и устранить страстныя, односторонніе и

[1]) *Motivenbericht* 67, 68.

«романически-изукрашенныя представленія, которыя нерѣдко имѣ-«ютъ мѣсто во французскихъ обвинительныхъ актахъ» [1]). Въ актѣ должны быть указаны не только вызываемые въ судъ свидѣтели и эксперты, но и вообще доказательства и документы, которыми обвинитель предполагаетъ воспользоваться на судѣ. Сюда же можетъ быть включено и предположеніе о заарестованіи оставленнаго на свободѣ обвиняемаго. Обвинительный актъ препровождается слѣдственному судьѣ (если же слѣдствія произведено не было, то президенту совѣщательной камеры окружнаго суда) въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы каждому изъ обвиняемыхъ могъ быть врученъ таковой. Обвиняемому или его защитнику предоставляется право и возможность въ теченіи 8 дней со времени врученія обвинительнаго акта заявить противъ него возраженіе, которое вмѣстѣ съ актомъ и подлиннымъ производствомъ поступаетъ на разсмотрѣніе судебной палаты. Если же такого возраженія въ срокъ не послѣдовало, то дѣло передается въ надлежащій судъ для разрѣшенія по существу. Судебная палата, разсматривая при участіи своего прокурора жалобу обвиняемаго на обвинительный актъ, прежде всего разрѣшаетъ вопросъ о подсудности, а затѣмъ или утверждаетъ обвинительный актъ, или отмѣняетъ его въ полномъ составѣ или отдѣльныхъ частяхъ, или, наконецъ, возвращаетъ его для исправленія за нарушеніемъ формъ или неясностью изложенія; никакихъ же самостоятельныхъ опредѣленій о дополненіи или измѣненіи обвинительнаго акта палата не постановляетъ. На подобныя опредѣленія палаты стороны, въ томъ числѣ и прокуроръ, могутъ приносить въ опредѣленныхъ случаяхъ кассаціонныя жалобы противъ допущенныхъ палатою нарушеній закона. Обвинительный актъ считается вступившимъ въ законную силу и преданіе суду состоявшимся, когда 1) обвиняемый, по врученіи ему акта, откажется отъ заявленія противъ него возраженій, или 2) пропуститъ установленный для этого срокъ, или же когда 3) судебная палата утвердитъ обвинительный актъ, обжалованный обвиняемымъ.

Изложенный порядокъ, представляющій нововведеніе австрійскаго процесса, высоко цѣнится въ теоріи за его соотвѣтствіе

---

[1]) *Motivenbericht.* 69. Ближайшее разъясненіе требованій, предъявляемыхъ въ указанномъ общемъ духѣ (ст. 207 У. У, С.) къ составленію обвинительныхъ актовъ, было предметомъ цѣлаго ряда обстоятельныхъ циркуляровъ австрійскаго министерства юстиціи: 1880 г., 9 и 19 Февраля, 1882 г. 30 Сентября, 1883 г. 15 Февраля, 1886 г. 26 Марта и др.

разумному обвинительному началу. Усиливая власть и значеніе, а съ ними и отвѣтственность прокуратуры, онъ въ тоже время вполнѣ обезпечиваетъ права и интересы какъ обвиняемаго, такъ и потерпѣвшаго. Мѣстные юристы отдаютъ справедливость и практическимъ его достоинствамъ: простотѣ и скорости производства, которое восходитъ на разсмотрѣніе судебной палаты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, между тѣмъ какъ тяжесть постановки обвиненія всецѣло лежитъ на прокуратурѣ и побуждаетъ ее къ осторожности и внимательности въ его предъявленіи.

При судебномъ разсмотрѣніи, *Hauptverhandlung*, прокуратура, строго замкнутая въ положеніи стороны, имѣетъ одинаковыя права съ частнымъ обвинителемъ и подсудимымъ или его защитникомъ. Въ общемъ ходѣ судебнаго засѣданія слѣдуетъ отмѣтить лишь нѣкоторыя касающіяся ея черты. Присяжныхъ она отводитъ въ равномъ количествѣ съ защитою, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ихъ осталось не менѣе 12; при нечетномъ числѣ защита отводитъ однимъ больше. На судебномъ слѣдствіи прокуратурѣ рекомендуется дѣятельное и энергическое участіе въ изслѣдованіи доказательствъ, при соблюденіи глубочайшаго уваженія къ суду и его предсѣдателю. Особенную помощь должна она оказывать послѣднему въ разъясненіи дѣла, по которому не было произведено предварительнаго слѣдствія. Въ дѣлахъ съ присяжными прокурору вмѣняется въ обязанность: «содѣйствовать упрощенію предмета «обсужденія, а также выясненію и упорядоченію доказательнаго «матеріала, устраняя при этомъ несущественные и второстепенные пункты, замедляющіе ходъ дѣла и отвлекающіе вниманіе отъ «его сущности [1]). Допросъ свидѣтелей и экспертовъ производится сторонами непосредственно; допрашивать же обвиняемаго обвинитель не вправѣ вовсе. Особенной заботливости прокуратуры поручаются интересы обвиненія при редактированіи подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ, которые ставятся передъ заключительными преніями. До самой постановки этихъ вопросовъ прокуроръ можетъ отказаться отъ обвиненія, и тогда судъ немедленно провозглашаетъ оправдательный приговоръ, не передавая дѣла на рѣшеніе присяжныхъ. Послѣ утвержденія вопросовъ «слово дается

---

[1]) *Glaser.* Erlass, 11.

«прокурору для изложенія выводовъ судебнаго слѣдствія и моти-«вированнаго заключенія его о винѣ подсудимаго и примѣненіи «къ ней уголовнаго закона». (ст. 255, у. у. с.). Мѣры же наказанія прокуроръ ни въ какомъ случаѣ, ни въ засѣданіи безъ присяжныхъ, ни послѣ ихъ вердикта, не высказываетъ, «для того, «чтобы даже косвенно не повліять на свободное обсужденіе су-«домъ этого предмета».

Относительно характера и предѣловъ обвинительной рѣчи въ законѣ постановленій не имѣется, но въ неоднократно уже цитированномъ руководящемъ для прокуратуры циркулярѣ Глазера содержится въ сжатомъ видѣ цѣлое практическое ученіе по этому капитальному отдѣлу прокурорской дѣятельности. Прекрасные совѣты знаменитаго юриста и перваго руководителя новой австрійской прокуратуры заслуживаютъ дословнаго ихъ воспроизведенія: «Содержаніе рѣчей, произносимыхъ вслѣдъ за постановкою во-«просовъ, всего цѣлесообразнѣе опредѣлять предѣлами этихъ пос-«лѣднихъ. Ихъ разъясненіе, вмѣстѣ съ яснымъ, наглядным и убѣ-«дительнымъ изложеніемъ выводовъ изъ судебнаго слѣдствія, обус-«ловливающихъ отвѣты на вопросы, должно быть главнымъ пред-«метомъ преній. Рѣчи сторонъ должны дѣйствовать на разсудокъ «присяжныхъ, приводить ихъ къ обдуманной оцѣнкѣ доказательствъ, «убѣждать ихъ доводами, извлеченными изъ фактовъ, и соотвѣт-«ствующими жизненному опыту присяжныхъ. Наоборотъ, необ-«ходимо избѣгать всего, что даетъ перевѣсъ ихъ чувству надъ «разумомъ и клонится къ возбужденію въ нихъ страстей и увле-«ченія. Для уголовнаго правосудія недостаточно достигнуть своей «цѣли въ отдѣльномъ казусѣ; изъ самого способа образованія «приговора всѣмъ должно быть очевидно, что онъ не есть дѣло «случая, а является произведеніемъ тѣхъ государственныхъ уста-«новленій, которыя своимъ взаимодѣйствіемъ обезпечиваютъ исклю-«чительное господство въ уголовномъ судѣ правды и справедли-«вости. Это немыслимо, если изъ хода засѣданія, предшествую-«щаго вердикту, будетъ возникать сомнѣніе, не рѣшили-ли бы «присяжные иначе при болѣе спокойномъ обсужденіи? Единствен-«ное чувство, къ которому прокуроръ вправѣ неустанно обра-«щаться на судѣ присяжныхъ—это ихъ чувство долга. Вездѣ, гдѣ «можно и необходимо, имъ слѣдуетъ напоминать, что они не «имѣютъ никакого права судить по произволу, исправлять мни-

«мые недостатки закона, проводить свои политическіе, національ-«ные или религіозные взгляды; что они призваны принять уча-«стіе въ судебномъ приговорѣ, которымъ должны руководить толь-«ко истина и безпристрастіе, подъ опасеніемъ тяжкаго нарушенія «общей и личной безопасности и, наконецъ, что, какъ безприс-«трастные судьи, они обязаны согласовать свои рѣшенія съ «дѣйствительными фактами и опредѣленіемъ дѣйствующаго за-«кона»[1]).

Изъ числа остальныхъ, касающихся прокуратуры, постановленій австрійскаго права нужно упомянуть еще объ институтѣ кассаціоннаго обжалованія для охраненія закона, *Nichtigkeitsbeschwerde zur Wahrung des Gesetzes*, представляющее усовершенствованіе французскаго *pourvois* или *recours dans l'interêt de la loi* (ст. 33. у. у. с.). Такому обжалованію подлежатъ всѣ приговоры и опредѣленія, въ основаніе которыхъ положено прямое нарушеніе закона или явно неправильное его примѣненіе. Протесты этого рода подаются прокуратурой, хотя бы другія стороны и пропустили сроки на обжалованіе. Но право это принадлежитъ одному генералъ-прокурору при кассаціонномъ судѣ, разрѣшенію котораго и подлежитъ такой протестъ. Поводами къ нему могутъ служить: порученіе министра юстиціи, собственное усмотрѣніе генералъ-прокурора и представленія ему низшихъ прокурорскихъ чиновъ. Отмѣна въ этомъ порядкѣ приговора или опредѣленія дѣйствительна въ пользу обвиненнаго подсудимаго и остается безъ послѣдствій во вредъ оправданному.

Давая прокуратурѣ столь обширныя полномочія по уголовному преслѣдованію, австрійское законодательство естественно не могло не озаботиться установленіемъ существенныхъ гарантій противъ злоупотребленія обвинительною властью со стороны должностныхъ ея органовъ. При этомъ мотивы австрійскаго устава уголовнаго судопроизводства различаютъ двѣ категоріи такихъ возможныхъ злоупотребленій, смотря потому вытекаютъ ли они изъ положенія и дѣйствій *отдѣльнаго органа* прокуратуры, или же изъ *общаго ея положенія* по отношенію къ правительству. Противъ злоупотреб-

[1]) *Glaser.* Erlass. 12, 13.—Образцомъ прокурорскаго краснорѣчія этого характера служатъ талантливыя рѣчи графа *Ламезана*, который въ 70-хъ годахъ въ должности прокурора Вѣнскаго городскаго суда, былъ грозой крупныхъ гешефтмахеровъ и пріобрѣлъ громкую репутацію энергическаго и въ высшей степени даровитаго обвинителя.

леній первой категоріи считаются достаточными общія гарантіи: угроза уголовнаго закона о преступленіяхъ по должности, дисциплина и іерархическая организація института государственныхъ обвинителей и контроль надъ ними общественнаго мнѣнія. Но наиболѣе дѣйствительными наука и практика признаютъ процессуальные институты, ограждающіе интересы частныхъ лицъ и служащіе какъ бы противовѣсомъ дѣятельности прокуратуры: защита обвиняемыхъ, начиная съ предварительнаго слѣдствія (ст. 38—47. у. у. с.), и вспомогательное частное обвиненіе потерпѣвшаго, *Privatklage u subsidiäre Anklage des Privatbetheiligten.* (ст. 46—50 у. у. с.). Этотъ послѣдній институтъ разработанъ въ законѣ съ особенною обстоятельностію и составляетъ цѣнное достояніе австрійскаго процесса. По дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ не иначе какъ по частной жалобѣ, дѣйствуетъ потерпѣвшій въ качествѣ частнаго обвинителя (*Privatankläger*), вполнѣ и во всемъ замѣняя обвинителя. По дѣламъ о преступленіяхъ публичныхъ потерпѣвшему, какъ частному лицу, участвующему въ процессѣ (*Privatbetheiligte*), также принадлежатъ обширныя права. Съ самаго возбужденія дознанія, онъ можетъ разсматривать производство и дѣлать прокурору и слѣдователю заявленія, клонящіяся къ изобличенію виновнаго или къ подтвержденію гражданскаго иска, предъявленіе котораго вовсе не есть, однако же, условіе участія въ дѣлѣ потерпѣвшаго. На судебномъ слѣдствіи онъ является вторымъ, послѣ прокурора, обвинителемъ. Въ случаѣ же, если прокуроръ въ какой бы то ни было моментъ процесса отступитъ отъ преслѣдованія или выскажется за его прекращеніе, частный обвинитель уполномоченъ замѣнить государственнаго и продолжать на свой страхъ преслѣдованіе съ небольшими лишь ограниченіями въ правахъ по его веденію. Это не лишаетъ прокурора возможности быть въ курсѣ дѣла, разсматривать его акты и вновь вступить въ него, какъ только онъ это найдетъ нужнымъ. Такимъ образомъ, всякій пробѣлъ прокурорской дѣятельности въ огражденіи нарушенныхъ преступленіемъ частныхъ правъ можетъ быть немедленно восполненъ заинтересованнымъ въ этомъ лицомъ и нѣтъ рѣчи о вредѣ, происходящемъ отъ монополіи государственнаго обвиненія. Совокупность указанныхъ гарантій побуждаетъ законодателя не опасаться злоупотребленій второй категоріи, зависящихъ отъ условій политическаго свойства. Онъ не вѣритъ

самой возможности того, чтобы «правительство, черезъ министра «юстиціи, которому такъ строго подчинены органы обвинитель- «ной власти, могло злоупотреблять положеніемъ послѣднихъ для «того, чтобы производить недостойное вліяніе на правосудіе и, «вмѣсто заботы о справедливомъ, нелицепріятномъ и цѣлесообраз- «номъ его отправленіи, укрывать изъ какихъ либо предосудитель- «ныхъ мотивовъ извѣстныхъ лицъ или извѣстныя правонарушенія «отъ кары уголовнаго закона. Нельзя допустить, чтобы прави- «тельство дѣйствительно рѣшилось сдѣлать своихъ подчиненныхъ «соучастниками и свидѣтелями такого образа дѣйствій и запечат- «лѣть его притомъ въ оффиціальной перепискѣ, которой едва ли «можно избѣжать въ подобныхъ случаяхъ. Къ тому же трудно пред- «положить, чтобы власть, столь неразборчивая въ средствахъ, не «нашла другихъ, менѣе сомнительныхъ и неудобныхъ. Во всякомъ «случаѣ необходимо обратить вниманіе на то, что гарантіи про- «тивъ такихъ злоупотребленій, нарушающихъ общественные ин- «тересы, должны заключаться вовсе не въ уголовно-процессуаль- «ныхъ, а въ государственныхъ учрежденіяхъ»[1].).

§ **26. Особенныя обязанности—Финансовая прокуратура.** Въ заключеніе остается упомянуть о дѣятельности прокуратуры въ нѣкоторыхъ болѣе характеристичныхъ особыхъ видахъ уголовнаго судопроизводства.

1. Она принимаетъ дѣятельное участіе не только въ отправленіи, но и въ самомъ установленіи суда *военнаго положенія*, *Standgericht*, *standrechtliches Verfahren* (ст. 429 — 445 у. у. с.). Въ Австріи судъ этотъ организуется въ составѣ общей гражданской юстиціи, по собственному ея почину, и дѣйствуетъ на основаніи особыхъ постановленій общаго устава уголовнаго судопроизводства, съ исключительною строгостію и быстротою. Въ случаѣ возстанія *(Aufruhr)* или безпорядковъ, которые не могутъ быть подавлены ординарными средствами, отъ соглашенія между начальникомъ края *(Landeschef)*, президентомъ и прокуроромъ судебной палаты зависитъ временно установить для данной мѣстности подобный чрезвычайный судъ, который въ извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть учрежденъ и по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Если же отъ промедле-

[1]) *Motivenbericht der Regierung*, 24, 25.

нія можетъ произойти опасность (*Gefahr im Verzüge*), то на такое же распоряженіе уполномоченъ мѣстный окружной начальникъ по соглашенію съ президентомъ и прокуроромъ окружнаго суда. Въ вѣдомствѣ этого послѣдняго и образуется «судъ военнаго положенія», въ составѣ 4-хъ судей и прокурора, который производитъ сокращеннымъ порядкомъ преслѣдованіе подсудныхъ суду преступленій, донося обо всемъ прокурору палаты. Главнѣйшее изъ карательныхъ средствъ такой суммарной репрессіи — смертная казнь. Дѣйствіе этого экстраординарнаго порядка, по миновании въ немъ надобности, отмѣняется тѣми же должностными лицами, которыя его установили и на томъ же основаніи. Въ немъ нельзя не видѣть большаго довѣрія закона къ общему суду и его прокуратурѣ.

2. Не менѣе важно ея значеніе и въ производствѣ о преступленіяхъ по дѣламъ печати *Strafverfahren in Pressachen* (ст. 483—494 у. у. с.). Произведенія печати, изданныя съ нарушеніемъ закона объ этой послѣдней или подлежащія по своему содержанію преслѣдованію въ публичномъ интересѣ (*im öffentlichen Interesse*), могутъ быть подвергнуты аресту (*Beschlagname*) по распоряженію полиціи или прокуратуры. Въ первомъ случаѣ полиція въ теченіи 24 часовъ обязана представить экземпляръ задержаннаго изданія прокурору, который какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при непосредственно-наложенномъ имъ арестѣ, долженъ въ теченіи 3 дней внести дѣло на разсмотрѣніе окружнаго суда; опредѣленіемъ этого судебнаго мѣста отмѣняется или подтверждается наложенный арестъ. Въ послѣднемъ случаѣ прокуратура обязана въ теченіе 8 дней возбудить или уголовное преслѣдованіе противъ извѣстнаго лица за наказуемое нарушеніе постановленій о печати, или же то особенное безличное производство, которое имѣетъ цѣлью вызвать такъ называемое «объективное опредѣленіе» (*objective Erkenntniss*), поражающее не автора или издателя, а только само инкриминированное произведеніе. «Прокуроръ можетъ» — гласитъ ст. 493 у. у. с. — «хотя и не возбуждая преслѣдованія противъ опредѣленнаго лица, въ публичномъ интересѣ предложить суду о признаніи наказуемымъ дѣяніемъ самого содержанія произведенія печати, съ воспрещеніемъ вслѣдствіе этого его дальнѣйшаго обращенія».

3. Прокуратурѣ при низшихъ, участковыхъ судахъ (*Bezirksgericht*) принадлежитъ возбужденіе особаго сокращеннаго или суммарнаго

производства о маловажныхъ проступкахъ, наказуемыхъ не свыше мѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа (*Mandatsverfahren*) стр. 460 — 462 у. у. с.) По этимъ дѣламъ, по предложенію прокурора, судьею можетъ быть назначено наказаніе, безъ судебнаго производства, на основаніи доставленныхъ судьѣ свѣдѣній, посредствомъ такъ называемаго «карательнаго опредѣленія», (*Strafverfügung*), причемъ наказаніе не должно превышать 3-дневнаго ареста или 15 гульденовъ штрафа. Прокуратура широко пользуется этимъ порядкомъ, въ особенности по мелкимъ нарушеніямъ общественнаго благоустройства и благочинія, достигая тѣмъ, кромѣ ускоренной репрессіи и упрощенной процедуры, еще и значительнаго сокращенія времени, труда и издержекъ для всѣхъ участвующихъ въ процессѣ.

4. Австрійская прокуратура, какъ уже упомянуто, не несетъ никакихъ судебно-административныхъ обязанностей. Единственнымъ исключеніемъ, дѣлающимъ изъ нея до извѣстной степени органъ судебнаго управленія, представляется постановленіе ст. 37 у. у. с., на основаніи которой чины прокуратуры ежегодно представляютъ по начальству стекающіеся у министра юстиціи отчеты о рѣшенныхъ и оставшихся еще не разсмотрѣнными дѣлахъ, объ общемъ ходѣ и состояніи правосудія, а также и о недостаткахъ, обнаруженныхъ въ законодательствѣ и судебной практикѣ.

5. Что же касается до представительства фискальныхъ интересовъ передъ судомъ, то для исполненія этой обязанности въ Австріи существуетъ организованное еще закономъ 13 августа 1851 г. особое учрежденіе подъ именемъ «финансовой прокуратуры», *Finanzprocuratur*, замѣнившее старый австрійскій фискалатъ. Составляющія ее должностныя лица (совѣтники, редакторы и чины канцеляріи) находятся въ вѣдѣніи министерства финансовъ и распредѣлены по провинціямъ, въ непосредственномъ подчиненіи начальства мѣстнаго финансоваго управленія (*Praesidium der Finanzlandesbehörde*). Назначеніе ихъ и предметы вѣдомства заключаются: 1) въ судебной защитѣ и вообще въ представительствѣ на судѣ по дѣламъ, касающимся имущества казны и тѣхъ установленій, которыя въ отношеніи имущества къ ней приравниваются, безъ различія вѣдомства или министерства, 2) въ доставленіи, по требованіямъ административныхъ учрежденій, заключеній по ихъ имущественнымъ дѣламъ и 3) въ содѣйствіи, по таковымъ же требова-

ніямъ, при совершеніи сдѣлокъ. Отсюда видно, что названіе «финансовая прокуратура» не совсѣмъ точно; это скорѣе «финансовая адвокатура», институтъ должностныхъ повѣренныхъ, стряпчихъ, юрисконсультовъ казны и другихъ аналогичныхъ установленій, по дѣламъ фискальнаго свойства, отъ участія въ которыхъ, такимъ образомъ, вовсе освобождена общая государственная прокуратура [1]).

III. Современная Германская прокуратура [2]).

§ **27. Устройство.** Нынѣшняя германская прокуратура организована и дѣйствуетъ на основаніи изданныхъ для Германской имперіи учрежденія судебныхъ установленій (*Gerichtsverfassungsgesetz*) 27 января 1877 г. (*tit* 10 ст. 142—153) и устава уголовнаго судопроизводства (*Strafprocessordnung*) 1 февраля того же года (особенно ст. 151—175); законы эти введены въ дѣйствіе въ 1879 г. и, та-

---

[1]) Подобное же учрежденіе законами *28 Ноября 1875 и 16 Января 1876 г.* введено и въ *Италіи* (подъ именемъ *uffici di regi avocati erariali*). Во главѣ его стоитъ подчиненный министру финансовъ главный казенный адвокатъ (*avocato generale erariale*), подъ руководствомъ котораго дѣйствуетъ болѣе 200 «казенныхъ адвокатовъ». Съ введеніемъ этого института общая государственная прокуратура, состоящая при судебныхъ палатахъ и окружныхъ судахъ, освобождена отъ участія въ гражданскихъ дѣлахъ, кромѣ предъявленія заключеній по дѣламъ брачнымъ и тѣхъ случаевъ, когда она по закону обязана дѣйствовать въ качествѣ истца и вообще стороны. Все же представительство и защита фискальныхъ и вообще финансовыхъ интересовъ разныхъ вѣдомствъ лежитъ на «казенной прокуратурѣ». (*Туръ.* О финансовой прокуратурѣ въ Австріи и Италіи 1886).

[2]) *Entwurf eines Gerichtsverfassungsgesetzes für das deutsche Reich* mit Motiven und Anlagen.—*Entwurf einer Strafprocessordnung für das deutsche Reich* mit Motiven und Anlagen 1874.—Комментаріи *Löwe, Schwarze, Bomhard und Koller* и др. *Kayser.* Die Strafgerichtsverfassung und das Strafverfahren des deutschen Reichs 1879 95.—*Holtzendorf.* Handbuch I, 425—457 (статья *Fuchs*'а), II 582—594 (статья *Schwarze*). *Stenglein.* Lehrbuch des deutschen Strafprocessrechtes. 1887.—*Ortloff.* Lehrbuch der Kriminalpolizei. 1881.—*Koenig.* Die geschäfsverswaltung der Staatsanwaltschaft in Preussen 1882.—*Tinsch.* Die Staatsanwaltschaft in deutschen Strafprocessrecht 1883.—*Marck.* Die Staatsanwaltschaft bei den Land- und Amtsgerichten in Preussen 1884.—*Genzmer.* Das Verfahren des Amstanwalts 1879.—*Borchert.* Die Geschaftsanwiesung für die Amtsanvalte. 1884.—*Stachow.* Einleitung in die Thätigkeit des Staatsanwalts. 1888.—*Фойницкій.* Курсъ стр. 600.—*Сергѣевскій.* Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ обще-германскомъ процессѣ («Журналъ гражд. и уголов. права» 1878 кн. 2).—*Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительнаго слѣдствія*, стр. 127.—Учрежденіе судебныхъ установленій и уставъ уголов. судопроизвод. для Германской имперіи, переводъ Соболева.

кимъ образомъ, имѣютъ за собою лишь весьма краткое практическое испытаніе, еще недостаточное для основательной оцѣнки ихъ достоинствъ и недостатковъ. Было бы поэтому несправедливо судить о германской прокуратурѣ съ одной лишь теоретической точки зрѣнія, по такимъ сторонамъ ея законодательнаго построенія, въ которыхъ замѣчается неясность и невыдержанность въ послѣдовательномъ проведеніи руководящихъ принциповъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ отношеніи прокуратуры новые имперскіе судебные законы (*Reichsjustizgesetze*) явились результатомъ продолжительной и упорной борьбы между противоположными теченіями въ наукѣ и разнообразными требованіями дѣйствительной жизни. Озабоченное соглашеніемъ тѣхъ и другихъ, законодательство въ своемъ первомъ опытѣ юридическаго объединенія страны, привыкшей къ партикуляризму, должно было остановиться на компромиссахъ, которые повредили цѣльности института прокуратуры и дали поводъ русскому ученому назвать его «безцвѣтнымъ» и, такъ сказать, «неорганизованнымъ». [1]) Приговоръ этотъ, основанный на одномъ теоретическомъ обсужденіи предмета, едва ли не слишкомъ скоръ и смѣлъ. Практика уже кладетъ на германскую прокуратуру свои весьма опредѣленныя краски, а если онѣ будутъ пестры, съ сохраненіемъ впрочемъ общаго тона, то это входитъ въ благоразумные разсчеты обще-германскаго права, стремящагося къ тому, чтобы въ предѣлахъ основныхъ нормъ не стѣснять свободнаго развитія мѣстнаго законодательства во всемъ, что касается подробной разработки учрежденія и ближайшаго примѣненія ихъ къ дѣйствительности. Съ особенною ясностью и силой проявилось такое направленіе въ постановленіяхъ объ устройствѣ, которое въ имперскомъ законѣ намѣчено лишь въ самыхъ общихъ и принципіальныхъ чертахъ; опредѣленіе же всѣхъ частныхъ и отдѣльныхъ условій прокурорской службы предоставлено законодательствамъ отдѣльныхъ государствъ (*Landesgesetze*). Поэтому въ каждомъ изъ нихъ учрежденіе прокуратуры можетъ развиваться въ извѣстныхъ границахъ самостоятельно, хотя и здѣсь сказывается подавляющая гегемонія Пруссіи для всей остальной Германіи. [2])

---

[1]) *Серпьевскій* стр. 193.

[2]) Въ Пруссіи институтъ прокуратуры разработанъ съ большою обстоятельностью въ спеціальныхъ источникахъ, которые служатъ развитіемъ имперскаго законодательства о немъ. Таковы, кромѣ старой, но еще не совсѣмъ вышедшей изъ употребленія министер-

Нѣтъ недостатка и въ научно-литературной разработкѣ предмета. Новая Германская прокуратура уже имѣетъ свою довольно богатую литературу: кромѣ множества журнальныхъ статей, учебники *Гольцендорфа*, *Гейера*, *Ортлоффа*, *Штенглейна*, *Биндинга*, *Кайзера* и др. даютъ сжатое, но вполнѣ обстоятельное изложеніе предмета, въ изслѣдованіи *Тинша* разсматриваются съ критической точки зрѣнія его основные моменты и начала, а спеціально посвященныя прокуратурѣ руководства *Марка*, *Борхерта*, *Генимера*, (послѣднихъ двухъ для участковой прократуры) *Кенига*, *Стахова*, заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе подробное систематическое изложеніе ея догмы и техники, до мелочей дѣлопроизводства включительно.

Устройство германской прокуратуры, по имперскимъ узаконеніямъ и главнѣшимъ правиламъ мѣстныхъ законовъ, представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ. «При каждомъ судебномъ мѣстѣ должна состоять прокуратура»—таково основное его положеніе, обязательное для всѣхъ государствъ Германіи (ст. 142 учр. суд. устан.). Оно допускаетъ установленіе одной прокуратуры для нѣсколькихъ судовъ, чѣмъ и пользуются небольшія государства въ цѣляхъ экономіи. Для исполненія прокурорскихъ обязанностей состоятъ: 1) при высшемъ имперскомъ судѣ въ Лейпцигѣ (*Reichsgericht*)—имперскій оберъ-прокуроръ (*Ober-Reichsanwalt*) и нѣсколько имперскихъ прокуроровъ (*Reichsanwälte*), въ качествѣ его товарищей; 2) при судахъ 1 и 2 инстанціи, соотвѣтствующихъ нашимъ окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ (*Landesgericht и Oberlandesgericht*), между прочимъ и при судѣ присяжныхъ въ вѣдомствѣ лангерихта (*Schwurgericht*)—одинъ или нѣсколько прокуроровъ (*Staatsanwälte*), и 3) при участковыхъ судахъ (*Amtsgericht*), соотвѣтствующихъ нашимъ мировымъ судамъ, а слѣдовательно и при судѣ шеффеновъ (*Schöffengericht*)—одинъ или нѣ-

---

ской инструкціи 13 Ноября 1849 г., 1) tit. 9 (§§ 58—67) закона 24 Апрѣля 1879 г. о приведеніи въ исполненіе новаго учрежденія судеб. установ. (*Ausführungsgesetz*); 2) инструкція (*Geschäftsanweisung*) для прокурорскихъ канцелярій 3 Августа 1879 г., 3) инструкція для участковыхъ прокуроровъ (*Geschaftsanweisung für die Amtsanwälte*) 28 Августа 1879 г. и 4) рядъ циркулярныхъ распоряженій министерства юстиціи, въ которомъ сверхъ того уже собирается и обработывается матеріалъ и для общаго наказа прокуратурѣ. Въ виду первенствующаго и типическаго значенія прусскихъ институтовъ, имъ и отведено главное мѣсто въ послѣдующемъ изложеніи.

сколько участковыхъ прокуроровъ (*Amtsanwälte*). Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ слово «прокуроръ» употребляется въ собирательномъ смыслѣ для обозначенія родоваго понятія. Въ составѣ же каждой отдѣльной прокуратуры одинъ изъ чиновъ ея является начальствующимъ надъ остальными, которые дѣйствуютъ въ качествѣ его замѣстителей (*Vertreter*) или товарищей. Такой глава прокуратуры носитъ названіе: при судѣ 2-й инстанціи—прокуроръ судебной палаты, *Oberstaatsanwalt* въ однихъ государствахъ (напр. въ Пруссіи), *Generalstaatsanwalt* въ другихъ (въ рейнскихъ провинціяхъ) и *Kronoberanwalt* въ третьихъ; при судѣ 1-й инстанціи — прокуроръ окружнаго суда—*erster Staatsanwalt* (первый прокуроръ); всѣ же прочіе, будучи помощниками первыхъ, называются просто «прокурорами» *Staats*—или *Kronanwälte*. Опредѣленіе условій для службы въ прокуратурѣ принадлежитъ мѣстнымъ законодательствамъ. Вообще для занятія прокурорской должности требуются тѣ же данныя, что и для судейской, а именно, послѣ 3-хъ лѣтняго университетскаго курса нужно выдержать сначала государственный экзаменъ на званіе «референдарія» (*Referendarexamen*)—нѣчто вродѣ нашего кандидата на судебныя должности—а затѣмъ послѣ 4-хъ лѣтней судебной практики, въ томъ числѣ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ въ прокуратурѣ, слѣдуетъ сдать еще испытаніе, уже болѣе практическаго свойства на званіе «судебнаго ассесора» (*Gerichtsassessor*, *Assessorexamen*). Чины прокуратуры при имперскомъ судѣ, по закону (ст. 149 учр. суд. уст.) не имѣютъ судейскаго званія (*sind nicht richterliche Beamte*); въ отношеніи прокуратуры при другихъ юрисдикціяхъ это зависитъ отъ мѣстнаго судоустройства, которое или примѣняетъ ко всей прокуратурѣ имперское постановленіе, какъ въ Пруссіи и другихъ государствахъ, или же напротивъ отряжаетъ къ исполненію прокурорскихъ обязанностей лицъ судейскаго званія, какъ въ Саксоніи, Брауншвейгѣ, Вюртембергѣ и другихъ. Во всякомъ случаѣ повсюду чины прокуратуры, какъ таковые, не пользуются несмѣняемостью, и, находясь въ непосредственной зависимости отъ правительства, связаны между собою единствомъ и строжайшей служебной дисциплиной. Полное іерархическое подчиненіе низшихъ высшимъ распространяется какъ на общее направленіе дѣятельности, такъ и на всѣ безъ исключенія дѣйствія по отдѣльнымъ дѣламъ, (ст. 147 учр. суд уст.). Каждое высшее въ порядкѣ подчиненности должностное лицо прокуратуры

можетъ замѣнить подчиненнаго собою или другимъ лицомъ своего іерархическаго вѣдомства.

Чины имперской прокуратуры назначаются императоромъ по представленіямъ союзнаго совѣта, и подчинены de jure единственно имперскому канцлеру, а фактически его органу по судебной части, имперскому судебному управленію (*Reichsjustizamt*).

По дѣламъ, подсуднымъ имперскому суду въ качествѣ 1-й и окончательной инстанціи (о государственныхъ преступленіяхъ, направленныхъ противъ всей имперіи; напр. объ измѣнѣ), всѣ прокурорскіе чины Германіи исполняютъ въ точности порученія и указанія высшей прокуратуры при имперскомъ судѣ.

Чины прокуратуры при судахъ 1-й и 2-й инстанціи назначаются вездѣ мѣстнымъ правительствомъ (*Landesregierung*) по представленіямъ министра юстиціи, который и стоитъ въ каждомъ государствѣ во главѣ прокуратуры, имѣя не только надъ нею большую дисциплинарную власть, но въ Пруссіи и важное право переводить всѣхъ членовъ ея съ одного мѣста на другое равнаго ранга. Въ объемъ дисциплинарныхъ полномочій прусскаго министра юстиціи входитъ, между прочимъ, наложеніе денежныхъ взысканій въ размѣрѣ до 100 марокъ, чему, однако, должно всегда предшествовать простое предостереженіе.

Отношенія прокуроровъ къ судьямъ опредѣлены съ достаточною ясностію. Вполнѣ независимые отъ судовъ и судей, чины прокуратуры во время службы въ ней не могутъ исполнять никакихъ судейскихъ обязанностей и въ свою очередь устранены отъ всякаго надзора за судьями и судомъ (ст. 151 и 152 учр. суд. уст.).

Отношенія прокуратуры къ полицейскимъ чинамъ обусловлены введеніемъ въ Германіи института «судебной полиціи» французскаго типа. Законодательные мотивы весьма рѣшительно высказываются въ его пользу: «Одна изъ существеннѣйшихъ выгодъ «учрежденія прокуратуры заключается именно въ возможности «опредѣлить безъ судебнаго производства неосновательность до«носа или возникшаго подозрѣнія и тѣмъ избѣжать производства «безполезныхъ слѣдствій. А такъ какъ необходимыя для этой цѣли «разслѣдованія только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть «производимы самими органами обвинительной власти, то она и «нуждается въ другихъ органахъ для исполненія этой стороны «своей задачи..... Противъ возраженія, что одновременное подчи-

«неніе полицейскихъ чиновъ различнымъ властямъ можетъ повлечь «за собою многія неудобства, нельзя не указать на отсутствіе «этихъ неудобствъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ уже существуетъ «судебная полиція, подвѣдомственная органамъ обвинительной вла«сти». Другое возраженіе, съ точки зрѣнія интересовъ обвиняемаго, также признается несостоятельнымъ, такъ какъ «нельзя допустить»— говорятъ мотивы—«чтобы разслѣдованіе полицейскими чинами, не«подчиненными прокуратурѣ, совершалось болѣе безпристрастнымъ «образомъ, чѣмъ производимое прямыми ея органами».

Согласно такому взгляду, законъ (ст. 153 учр. суд. уст.) [1]) постановляетъ, «что чины полиціи общей и сыскной (*Sicherheits-dienst*) «являются вспомогательными для прокуратуры должностными «лицами (*Hülfsbeamten*), и въ этомъ качествѣ обязаны исполнять ея «распоряженія (*Anordnungen*)»—другими словами вполнѣ ей подчинены по раскрытію преступленій и обнаруженію виновныхъ, какъ это прямо и выражено въ Прусскомъ законѣ. [2]) Ближайшее опредѣленіе разрядовъ тѣхъ чиновниковъ, къ которымъ относится это постановленіе, предоставлено мѣстнымъ законодательствамъ, и даже въ предѣлахъ одного и того же государства различается по провинціямъ. Изъ прусскаго росписанія по этому предмету видно, что въ число чиновъ судебной полиціи включены, кромѣ чисто полицейскихъ органовъ, еще и многія должностныя лица какъ мѣстнаго общиннаго, такъ и фискальнаго управленія. [3]) Независимо отъ судебно-полицейскихъ чиновъ и всѣ вообще даже непринадлежащіе къ нимъ чины полицейскаго вѣдомства обязаны при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ исполнять порученія и просьбы (*Ersuchen und Aufträge*) прокуратуры. Такимъ образомъ эта послѣдняя самимъ закономъ поставлена въ челѣ судебно-розыскнаго механизма, которымъ она и управляетъ самостоятельно и свободно, неся именно поэтому и прямую отвѣтственность за правильность его дѣйствій.

Предѣлы вѣдомства должностнаго лица прокуратуры опредѣляются подсудностью суда, при которомъ она состоитъ. Споры о подвѣдомственности между прокурорскими чинами различныхъ со-

---

[1]) Мотивы къ ст. 81 и 82 проекта учрежд. судебн. установленій.

[2]) *Ausführungsgesetz.* V 24 April 1879, § 81.

[3]) *Borchert*, 21.—О судебной полиціи въ Германіи см. прекрасное по ясности руководство *Ортлоффа*—Lehrbuch der Criminalpolizei 1881.

южныхъ государствъ разрѣшаются окончательно имперскимъ оберъ-прокуроромъ. Впрочемъ при опасности, могущей произойти отъ промедленія, на принятіе неотложныхъ мѣръ уполномоченъ всякій прокуроръ, хотя бы дѣло и не подлежало его вѣдѣнію.

Внутреннее устройство прокуратуры и распредѣленіе занятій между ея чинами характеризируются порядкомъ, существующимъ по этому предмету въ Берлинѣ, а вслѣдъ за нимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ центрахъ. При столичномъ окружномъ судѣ, *Landgericht I Berlin*, состоитъ прокуроръ, *erster Staatsanwalt* и 22 его товарища, *Staatsanwälte*, сверхъ неопредѣленнаго числа «ассесоровъ», командируемыхъ по мѣрѣ надобности къ исполненію прокурорскихъ обязанностей. Одинъ изъ старшихъ товарищей прокурора по назначенію министра юстиціи управляетъ прокуратурой при столичномъ участковомъ судѣ (*Amtsanwaltschaft*), нося званіе *erster Amtsanwalt* и находясь въ прямомъ подчиненіе прокурору окружнаго суда. Участковые же прокуроры въ Берлинѣ назначаются почти исключительно изъ референдаріевъ и ассесоровъ, т.-е. лицъ, получившихъ юридическое образованіе и готовящихся на судебныя должности. Затѣмъ остальные товарищи прокурора при ландгерихтѣ распредѣляются, по 5-ти человѣкъ, по четыремъ прокурорскимъ «отдѣленіямъ» (*Abtheilung*), соотвѣтствующимъ 4-мъ отдѣленіямъ суда, при особой въ каждомъ канцеляріи и секретарѣ. Каждый изъ членовъ такого отдѣленія вѣдаетъ свое особое дѣлопроизводство, *Decernat*, почему и называется *Decernent*. Одинъ изъ нихъ главенствуетъ надъ прочими (*Abtheilungschef*) и руководитъ дѣйствіями отдѣленія, получая отъ прокурора суда указанія и распоряженія и лично отправляя нѣкоторыя болѣе важныя дѣла, выдѣленныя изъ вѣдѣнія «децернентовъ». Кругъ дѣйствія прокурорскаго отдѣленія совпадаетъ съ подсудностью извѣстнаго отдѣленія суда, которая въ свою очередь опредѣляется алфавитнымъ порядкомъ именъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, напр. отъ А до Д и т. д., и лишь въ видѣ исключенія родомъ дѣла, территоріальнаго же распредѣленія занятій между чинами прокуратуры не существуетъ. Наконецъ въ непосредственномъ вѣдѣніи прокурора окружнаго суда, сверхъ общаго руководства подвѣдомственной ему прокуратурой и дѣлъ, которыя онъ признаетъ нужнымъ взять лично на себя, остается шесть категорій предметовъ, а именно:—направленіе обвиненій по дѣламъ, подсуднымъ

суду присяжныхъ, кассаціонныя или, по терминологіи германскаго процесса, ревизіонные протесты, возобновленіе дѣлъ, производство по просьбамъ о помилованіи, переписка и сношенія какъ съ начальствомъ, такъ и съ центральными установленіями и жалобы на дѣйствія должностныхъ лицъ. Онъ же исполняетъ и тѣ немногія судебно-административныя обязанности, которыя, по германскому праву, мѣстный законъ можетъ возложить на прокурорскихъ чиновъ.

При участковыхъ судахъ состоитъ особая прокуратура, *Amtsanwaltschaft*, какъ часть и подчиненный органъ общей государственной прокуратуры. Область дѣйствія участковыхъ прокуроровъ ограничивается уголовными дѣлами, подсудными амстгерихту, съ участіемъ или безъ участія шёффеновъ. Назначеніе на должность или точнѣе командированіе къ исполненію обязанностей участковаго прокурора зависитъ, по представленіямъ прокуроровъ судебныхъ палатъ, отъ министра юстиціи, который можетъ поручать эти обязанности чинамъ общей прокуратуры, «судебнымъ ассесорамъ» и референдаріямъ. Если же отъ министра не послѣдовало назначенія, то оно исходитъ отъ прокурора судебной палаты, по соглашенію съ мѣстнымъ начальникомъ провинціи (*Regierungspresident*). Кромѣ названныхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ участковую прокуратуру опредѣляются чины мѣстной полиціи, а за недостаткомъ ихъ — и начальствующія лица мѣстнаго общиннаго управленія (*Vorsteher der Gemeindeverwaltung*). Участковые прокуроры назначаются «впредь до отозванія» (*auf Widerruf*) и получаютъ изъ казны небольшое вознагражденіе. Они состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи прокурору окружнаго суда, а черезъ его посредство и подъ руководствомъ прокуроровъ палатъ, и министру юстиціи. Въ участковой прокуратурѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ чиновъ, одинъ назначается старшимъ и начальствуетъ надъ другими. Къ постояннымъ участковымъ прокурорамъ назначаются замѣстители (*Stellvertreter*), замѣняющіе ихъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и проч. Если же такого замѣстителя на лицо не имѣется, а между тѣмъ есть неотложная надобность въ дѣятельности прокурора, то обязанности послѣдняго при участковомъ судѣ временно возлагаются на какое-либо благонадежное лицо, по сношенію прокурора окружнаго суда съ старшимъ изъ участковыхъ судей (*Amtsgerichtvorsteher*).

§ 28. Уголовное преслѣдованіе и предварительное изслѣдованіе преступленій. Главнымъ предметомъ дѣятельности прокуратуры являются уголовныя дѣла, т. е. собственно уголовное преслѣдованіе. Функціи же ея, въ дѣлахъ гражданскихъ и судебно-административныхъ, и по содержанію и по объему, имѣютъ лишь весьма второстепенное значеніе, ограниченное отдѣльными, точно опредѣленными въ законѣ случаями.

Слѣдуя обвинительному началу уголовнаго судопроизводства, германскій процессъ признаетъ возбужденіе преслѣдованія, *Klage*, условіемъ всякаго судебнаго производства по уголовному дѣлу (*gerichtliche Untersuchung*), а органомъ публичнаго уголовнаго преслѣдованія, *öffentliche Klage*,—прокуратуру (ст. 151 и 152 у. у. с.). Но такое призваніе ея не есть односторонне обвинительное, и, хотя нигдѣ прямо не выражено, что на прокуратуру возлагаются представительство и охраненіе закона, это очевидно вытекаетъ изъ обязанности ея «приводить въ ясность обстоятельства, «не только уличающія, но и оправдывающія» (ст. 158 у. у. с.), а также изъ права ея опротестовывать судебныя опредѣленія не только во вредъ подсудимому, но и въ пользу его (ст. 338 у. у. с.). Конечная задача прокуратуры заключается въ открытіи и установленіи путемъ уголовнаго преслѣдованія не столько виновности, сколько матеріальной истины, и вообще достиженіе цѣлей правосудія. Прокуратура не только вправѣ, но и *обязана* преслѣдовать подлежащія ея вѣдѣнію преступныя дѣянія (ст. 152 у. у. с.)— другими словами ея обвинительная дѣятельность опредѣляется началомъ законности *(Legalitätsprincip)*. Но при практическомъ осуществленіи этого принципа сила и безусловность его могутъ быть поколеблены введеннымъ въ его формулу ограниченіемъ, а также и смысломъ нѣкоторыхъ правилъ прокурорской организаціи. Обязанность возбуждать и производить преслѣдованіе *всѣхъ* наказуемыхъ дѣяній обставлена условіемъ: «на сколько къ тому имѣются «достаточныя фактическія основанія» (ст. 152), опредѣленіе же этой достаточности зависитъ отъ усмотрѣнія обвинительной власти, чины которой, кромѣ того, во всѣхъ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ, какъ было уже упомянуто выше, вполнѣ подчинены руководству и приказаніямъ своего начальства (ст. 147 и 148 учрежд. суд. устан.). Отсюда нельзя не заключить, что и начало умѣстности (*Opportunitätsprincip*), несмотря на отрицаніе его германскою

процессуальной догматикой, можетъ имѣть извѣстное, хотя и косвенное примѣненіе въ прокурорской дѣятельности по уголовному преслѣдованію. Возникающая вслѣдствіе этого возможность упущеній или злоупотребленій со стороны прокуратуры, въ ущербъ частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, предупреждается предоставленіемъ имъ права жалобы въ судъ 2-й инстанціи на отказъ прокуратуры въ возбужденіи преслѣдованія, которое можетъ быть вмѣнено ей судомъ въ обязанность. Уже изъ этого постановленія видно, что обвинительное начало не выдержано строго и вполнѣ. Оно даетъ исходную точку преслѣдованію и обозначаетъ, такъ сказать, то русло, по которому движется послѣднее. Предѣлы же его зависятъ не отъ обвинительной власти, а отъ суда, которому принадлежитъ и общій контроль за ходомъ и содержаніемъ обвиненія. Такъ, «изслѣдованіе и приговоръ распространяются только на тѣ дѣянія и лица, которыя указаны въ обвиненіи и были «его предметомъ», но въ этихъ границахъ суды имѣютъ право и обязанность дѣйствовать самостоятельно, не стѣсняясь «требованіями сторонъ при примѣненіи уголовнаго закона» (ст. 153 у. у. с.). А потому разъ возбужденное преслѣдованіе уже не можетъ быть взято назадъ прокуратурой послѣ начатія судебнаго производства (ст. 154 у. у. с.) [1].

Германскій уголовный процессъ, въ послѣдовательномъ развитіи уголовнаго преслѣдованія, раздѣляется на три большія стадіи: производство предварительное, *Vorverfahren*, производство главное или окончательное, *Hauptverfahren*, и обжалованіе, *Rechtsmittel*. Въ свою очередь каждая изъ этихъ стадій слагается изъ нѣсколькихъ моментовъ; такъ первая состоитъ изъ приготовленія или изслѣдованія публичнаго обвиненія, *Vorbereitung der öffentliche Klage*, *Ermittelungs*—или *Scrutinialverfahren*, и предварительнаго слѣдствія, *Voruntersuchung*, въ составъ же второй входятъ: опредѣленіе о судебномъ разсмотрѣніи, *Entscheidung über die Eröffnung der Hauptverhandlung*, приготовленіе къ нему, *Vorbereitung der Hauptverhandlung*, и самое судебное разсмотрѣніе, *Hauptverhandlung*. По этимъ моментамъ распредѣляется и дѣятельность прокуратуры, излагаемая ниже въ самомъ краткомъ очертаніи.

---

[1]) За исключеніемъ обвиненія въ маловажномъ проступкѣ передъ участковымъ судомъ (ст. 451 у. у. с.).

«*Приготовленіе обвиненія*» по мѣсту, занимаемому въ процессѣ, соотвѣтствуетъ отчасти нашему дознанію, хотя существенно отличается отъ него внутреннимъ своимъ содержаніемъ. Это предварительный розыскъ, имѣющій цѣлью дать прокуратурѣ возможность опредѣлить дальнѣйшее направленіе дѣла и разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли возбудить въ судебномъ порядкѣ преслѣдованіе, которое считается юридически начавшимся лишь по окончаніи дознанія. Прокуроръ, поэтому, и является, если не полнымъ распорядителемъ, то руководителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ такого розыска, въ которомъ также принимаютъ участіе съ одной стороны полиція, въ качествѣ вспомогательнаго органа, а съ другой—судебно-слѣдственная власть въ лицѣ участковаго судьи, для производства, въ случаѣ надобности, нетерпящихъ отлагательства слѣдственно-судебныхъ дѣйствій (*richterliche Untersuchungshandlungen*). Но поводы къ начатію розыска и преслѣдованія, т. е. жалобы, заявленія, сообщенія поступаютъ не исключительно къ прокуратурѣ, а также къ полицейскимъ чинамъ и установленіямъ и къ участковымъ судьямъ (ст. 156 у. у. с.). Тѣ и другіе, однако же, принявъ неотложныя мѣры къ изслѣдованію указаній на преступное дѣяніе, передаютъ все производство на дальнѣйшее распоряженіе прокуратуры (ст. 161, 163—165 у. у. с.). Чины послѣдней, лично или черезъ полицію, могутъ предпринимать всякаго рода розыскныя мѣры для разъясненія обстоятельствъ дѣла и повѣрки поступившихъ поводовъ къ преслѣдованію; къ такимъ мѣрамъ не относятся допросы подъ присягою, вовсе не допускаемые при дознаніи и упомянутыя выше слѣдственно-судебныя дѣйствія (ст. 158 и 159 у. у. с.): обыски, выемки и предупрежденіе обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда посредствомъ арестованія его или иной формы обезпеченія личности. Находя нужнымъ принятіе при дознаніи одной изъ подобныхъ мѣръ, прокуроръ предлагаетъ о томъ участковому судьѣ, который, самостоятельно оцѣнивая правильность и умѣстность предложенія, поступаетъ при его разрѣшеніи и самомъ производствѣ требуемыхъ дѣйствій въ порядкѣ, установленномъ для производства слѣдствія (ст. 160 у. у. с.). Впрочемъ, въ случаѣ «опасности отъ промедленія» (*Gefahr im Verzug*), т. е. возможности сокрытія слѣдовъ преступленія или преступника, на совершеніе всѣхъ этихъ дѣйствій уполномочена и прокуратура, съ тѣмъ, однако же, чтобы для ихъ дѣйствитель-

ности послѣдовало въ извѣстный срокъ утвержденіе ихъ участковымъ или слѣдственнымъ судьею (ст. 94—132 у. у. с.). На практикѣ, въ особенности въ Пруссіи, почти не бываетъ случаевъ отказа прокуратурѣ въ совершеніи требуемыхъ ею дѣйствій или утвержденіи мѣръ, принятыхъ ею или полиціей съ ея вѣдома и согласія. По окончаніи дознанія, кѣмъ бы оно ни было произведено, прокуратура даетъ ему одно изъ слѣдующихъ направленій: если собранныя данныя представляютъ достаточное основаніе къ судебно-уголовному преслѣдованію—возбуждаетъ предварительное слѣдствіе, или непосредственно по дознанію вноситъ въ судъ обвинительный актъ, а въ противномъ случаѣ дѣлаетъ распоряженіе о прекращеніи производства, о чемъ объявляетъ обвиняемому, если онъ уже былъ допрошенъ судьею въ качествѣ таковаго, или заподозрѣнному, если противъ него была принята мѣра обезпеченія личности (ст. 168 у. у. с.).

Къ дознанію примыкаетъ установленный въ интересахъ потерпѣвшаго особый порядокъ обжалованія имъ дѣйствій прокуратуры по возбужденію преслѣдованія (ст. 169 — 174 у. у. с.). О прекращеніи приготовительнаго производства, возникшаго по частному заявленію, равнымъ образомъ и объ оставленіи послѣдняго вовсе безъ разслѣдованія, немедленно извѣщается проситель, получающій вмѣстѣ съ тѣмъ, если онъ же и потерпѣлъ отъ преступленія, право дальнѣйшей жалобы на отказъ въ возбужденіи преслѣдованія. Сначала, въ 2-хъ недѣльный срокъ со дня объявленія объ отказѣ, жалоба на него приносится по начальству прокуратуры, въ іерархической постепенности ея чиновъ. Затѣмъ, когда этотъ путь исчерпанъ и удовлетворенія не получено, потерпѣвшій, въ мѣсячный срокъ со дня объявленія ему объ окончательномъ отказѣ въ его просьбѣ, можетъ требовать судебнаго ея разрѣшенія въ судебной палатѣ. По запросу послѣдней, прокуратура представляетъ ей все свое производство по дѣлу, вызвавшему жалобу потерпѣвшаго. Для большаго ручательства въ ея основательности она должна быть подписана адвокатомъ и, сверхъ того, палата можетъ потребовать отъ просителя представленія денежнаго залога въ указанномъ ею размѣрѣ. Если для разрѣшенія просьбы окажется необходимымъ дополнительное разслѣдованіе, оно возлагается на одного изъ судей. По разсмотрѣніи дѣла и выслушаніи какъ объясненій обвиняемаго, которому сообщается жалоба, такъ и заключенія

прокуратуры, *Oberlandesgericht* или отвергаетъ просьбу потерпѣвшаго, или обязываетъ прокуратуру возбудить преслѣдованіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ къ прокурорскому обвиненію можетъ присоединиться и жалобщикъ, потерпѣвшій, въ качествѣ побочнаго обвинителя, *Nebenkläger*, если только преступленіе направлено противъ его жизни, здоровья, правъ состоянія или собственности (ст. 435 у. у. с.). Такія же права получаетъ частный обвинитель по дѣламъ, производимымъ исключительно въ порядкѣ частнаго обвиненія, когда въ дѣло вступаетъ прокуроръ для огражденія общественныхъ интересовъ, а также и потерпѣвшій отъ преступленія, за которое въ законѣ полагается денежное взысканіе въ его пользу (*Busse*). Это единственная форма участія частнаго лица въ публичномъ уголовномъ преслѣдованіи и процессѣ, который не знаетъ ни широко организованнаго субсидіарнаго и вспомогательнаго обвиненія австрійскаго права, ни института гражданскаго иска въ уголовномъ дѣлѣ французскаго и русскаго законодательствъ.

Предварительное слѣдствіе по правиламъ германскаго процесса (ст 176—195 у. у. с.) есть изслѣдованіе виновности опредѣленнаго лица въ опредѣленномъ преступленіи, направленное къ выясненію того, слѣдуетъ ли приступить къ судебному разсмотрѣнію дѣла, или же обвиняемый долженъ быть освобожденъ отъ преслѣдованія. Распорядитель и органъ слѣдствія есть слѣдственный судья; прокуроръ становится передъ нимъ въ положеніе обвиняющей стороны, равноправной съ противною стороною, обвиняемымъ и его защитою, допускаемою уже въ этомъ періодѣ процесса. Производство слѣдствія обязательно по дѣламъ, подсуднымъ имперскому суду и суду присяжныхъ; по дѣламъ, же средней важности, подсуднымъ окружному суду безъ присяжныхъ, слѣдствіе обусловлено, между прочимъ, требованіемъ прокуратуры. Предложеніе ея о начатіи слѣдствія должно заключать въ себѣ прямое указаніе на лицо и дѣянія, подлежащія преслѣдованію; ими слѣдствіе и ограничивается впредь до новаго прокурорскаго предложенія о новомъ лицѣ или новомъ обвиненіи. Для слѣдователя предложеніе о производствѣ слѣдствія по существу обязательно и можетъ быть отклонено не иначе, какъ съ разрѣшенія суда и единственно по юридическимъ причинамъ: непреступности дѣянія, погашенія уголовной отвѣтственности или неподсудности. Независимо отъ слѣдственныхъ судей, назначаемыхъ на срокъ изъ членовъ суда,

по предложенію прокурора производство слѣдствія можетъ быть поручаемо судомъ и участковымъ судьямъ. Во время слѣдствія права и обязанности прокурора довольно ограничены; на немъ лежитъ не наблюденіе за изслѣдованіемъ, а лишь попеченіе объ интересахъ обвиненія. Присутствуя по своему усмотрѣнію при обыскахъ, выемкахъ, осмотрахъ, онъ вовсе лишенъ этого права по отношенію къ допросу обвиняемаго. При допросахъ же свидѣтелей и экспертовъ стороны, въ томъ числѣ и прокуроръ, могутъ присутствовать только въ томъ случаѣ, если есть вѣроятность, что допросъ этотъ, напримѣръ по болѣзни свидѣтеля или отдаленности его мѣстопребыванія, не будетъ повторенъ при судебномъ разсмотрѣніи. Прокуратура вправѣ требовать освобожденія арестованнаго обвиняемаго, принимать своею властью, по правиламъ дознанія, розыскныя мѣры при неотложной въ томъ необходимости, передавая ихъ затѣмъ на утвержденіе слѣдственнаго судьи, давать послѣднему соотвѣтствующія предложенія и опротестовывать въ судѣ его дѣйствія и, наконецъ, во всякомъ положеніи дѣла разсматривать слѣдственные акты, не задерживая однако же этимъ хода слѣдствія. Признаніе послѣдняго достаточно полнымъ и подлежащимъ заключенію принадлежитъ слѣдователю; несогласіе его по этому поводу съ прокуратурой, требующей дослѣдованія, разрѣшается судомъ.

§ **29. Преданіе суду и судебное разсмотрѣніе.—Заключеніе.** Германское «*опредѣленіе о судебномъ разсмотрѣніи*» (ст. 196 — 211 у. у. с.) соотвѣтствуетъ нашему обряду преданія суду. Здѣсь болѣе всего сказывается значеніе въ процессѣ розыскнаго начала, отводящаго первенствующее мѣсто самодѣятельности суда. Законодатель не нашелъ возможнымъ предоставить прокуратурѣ разрѣшеніе вопроса о преданіи суду, такъ какъ это противорѣчило бы уже принятому правилу о запрещеніи ей отступаться отъ обвиненія послѣ возбужденія судебно-уголовнаго преслѣдованія [1]). Поэтому, вмѣсто единоличнаго распоряженія обвинительной власти, установлена весьма сложная комбинація дѣйствій прокуратуры, обвиняемаго, суда, рѣшающаго дѣло по существу, и суда 2-й инстанціи. По окончаніи дознанія или слѣдствія, если оно было про-

[1]) *Entwurf einer Strafprocessordnung für das deutsche Reich.* Mit Motiven und Anlagen, 172.

изведено, прокуроръ, находя достаточныя основанія для судебнаго разсмотрѣнія дѣла, составляетъ обвинительный актъ, *Anklageschrift*, который долженъ заключать въ себѣ: 1) существенныя обстоятельства дѣла, какъ результатъ произведеннаго разслѣдованія (эта часть отпадаетъ по дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ), 2) законные признаки дѣянія, приписываемаго обвиняемому; указаніе 3) карательнаго закона, подлежащаго примѣненію, 4) доказательствъ, подлежащихъ провѣркѣ, и 5) суда, которому дѣло подвѣдомственно. По мнѣнію составителей германскаго устава, обвинительный актъ такого содержанія долженъ быть одинаково чуждъ предвзятаго направленія и излишней подробности французскихъ и преувеличенной краткости англійскихъ актовъ. Къ составленію обвинительнаго акта прилагается тотъ же критерій, которымъ обусловлено и утвержденіе его, посредствомъ опредѣленія о судебномъ разсмотрѣніи: признаніе обвиняемаго достаточно изобличеннымъ (*hinreichend verdächtig*) въ наказуемомъ дѣяніи. Обвинительный актъ препровождается въ тотъ судъ, которому дѣло подсудно по существу; судъ этотъ, по выслушаніи возраженій обвиняемаго и заключенія прокурора, не стѣсняясь ни тѣмъ, ни другимъ, или назначаетъ дополнительное разслѣдованіе, или опредѣляетъ приступить къ судебному разсмотрѣнію согласно обвинительному акту, или измѣняетъ подсудность, или же, наконецъ, прекращаетъ дѣло и преслѣдованіе. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ прокуратура въ 7-дневный срокъ можетъ принести протестъ въ высшую инстанцію. Если же прокуратура внесла предложеніе о прекращеніи дѣла, по которому было произведено слѣдствіе, а судъ, напротивъ, обратилъ его къ судебному разсмотрѣнію, то прокуроръ уже обязанъ составить и внести обвинительный актъ, соотвѣтствующій обвинительному опредѣленію суда.

По дѣламъ меньшей важности, подсуднымъ суду участковому и шеффеновъ, въ извѣстныхъ случаяхъ упрощающихъ процедуру, можетъ быть и прямо приступлено къ судебному разсмотрѣнію безъ предварительнаго о томъ опредѣленія и внесенія письменнаго обвинительнаго акта [1]). По тѣмъ же дѣламъ, если обстоятельства проступка не сложны, а виновность очевидна или доказывается

[1]) При сознаніи или добросовѣстной явкѣ въ судъ обвиняемаго, при представленіи его въ таковой арестованнымъ и при обвиненіи въ простомъ нарушеніи (*Uebertretung*)

достовѣрнымъ документомъ, прокуроръ можетъ предложить участковому судьѣ постановить опредѣленіе о наказаніи и безъ всякаго судебнаго разсмотрѣнія, котораго, однако же, можетъ потребовать самъ обвиняемый, по объявленіи ему такого «карательнаго приказа» *Strafbefehl* (ст. 447—452 у. у. с.) [1]).

Судебное разсмотрѣніе, начиная отъ приготовительныхъ къ нему распоряженій, до постановленія приговора почти не отличается отъ соотвѣтствующихъ постановленій нашего закона. Различіе существуетъ лишь въ томъ, что въ германскомъ процессѣ равноправность сторонъ не нарушается никакими особыми правами прокуратуры по вызову свидѣтелей, которые, кромѣ того, также какъ и всѣ вообще требуемыя въ судъ лица, вызываются распоряженіями прокуратуры. Чины ея наравнѣ съ прочими участвующими въ дѣлѣ лицами подчиняются въ судебномъ засѣданіи распорядительной власти предсѣдателя, который впрочемъ можетъ остановить прокурора при нарушеніи имъ судебнаго порядка, но не вправѣ лишить его вовсе слова. Постановленіе закона относительно обвинительной рѣчи (ст. 257 у. у. с.) весьма кратко и не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній ея формы, содержанія и характера, ограничиваясь только правиломъ о томъ, что каждою изъ сторонъ можетъ быть сказано всего двѣ рѣчи. Догматическое толкованіе другихъ узаконеній также не даетъ большаго матеріала для вывода о томъ, чѣмъ должно быть устное обвиненіе или заключительное слово (*Schlussvortrag*) германскаго прокурора. Несомнѣнно лишь, что, убѣдившись въ неосновательности обвиненія, прокуроръ не обязанъ его поддерживать и можетъ предложить суду оправдать подсудимаго, а въ сомнительныхъ случаяхъ даже вовсе воздержаться отъ заключенія по дѣлу, о чемъ и заявить суду. Это не противорѣчитъ запрещенію оставлять формально возбужденное обвиненіе—запрещенію, имѣющему только тотъ смыслъ, что обвиненіе не можетъ быть юридически устранено самимъ прокуроромъ и, разъ заявленное, должно быть разрѣшено судомъ, хотя бы прокуроръ отъ него и отказался. Предъявлять суду заключеніе о родѣ и мѣрѣ наказанія для прокурора не обязательно,

---

[1] *Strafverfügung* австрійскаго права (*Mandatsverfahren*). См. статью автора въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1887, № 12 «*Сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи*».

но и не воспрещено, на практикѣ же это дѣлается постоянно, не взирая на отрицательный взглядъ теоріи, основанной на томъ, что «государство заинтересовано лишь въ наказаніи виновнаго, а не «въ томъ, чтобы онъ былъ подвергнутъ именно такому-то наказа-«нію» [1]). За отсутствіемъ правилъ закона и даже разъясненій руководящей практики, въ Германіи нѣтъ, однакоже, недостатка въ теоретической разработкѣ вопроса о судебномъ словѣ, какъ научномъ понятіи и практическомъ искусствѣ [2]). Общій тонъ германскаго ученія объ этомъ предметѣ характеризуется словами *Тинша*: «Нѣмецкая серьезность пренебрегаетъ погонею за эффектами фран-«цузской прокуратуры, которая изощряется въ напыщенной дек-«ламаціи, безсодержательныхъ фразахъ и театрально-патетическомъ «обвиненіи посредствомъ всевозможныхъ пріемовъ краснорѣчія, «при помощи чувствъ и страстей; въ Германіи привыкли слышать «въ рѣчахъ прокурора и защитника дѣловое спокойное изложеніе «выводовъ изъ доказательствъ» [3]). Оцѣнка французскаго обвинительнаго краснорѣчія для теперешняго времени нѣсколько пристрастна, но что касается до германской практики, то нельзя не признать, что она очерчена въ общемъ вѣрно. Рѣчи нѣмецкихъ прокуроровъ, при обыкновенномъ недостаткѣ силы и блеска, дѣйствительно почти всегда сдержанны, строго дѣловиты и потому довольно кратки [4]).

Изъ дѣятельности прокуратуры въ послѣдующіе процессуальные моменты достаточно отмѣтить лишь немногія болѣе характеристическія черты. Въ порядкѣ *обжалованія* и *возобновленія уголовныхъ дѣлъ* прокуратура пользуется одинаковыми правами съ осужденнымъ и его защитою. Передача обжалованнаго производства въ судъ высшей инстанціи производится прокуратурою. Она же *приводитъ въ исполненіе всѣ судебные приговоры* и опредѣленія по уго-

---

[1]) *Tinsch*, 160.

[2]) Въ недавнее время появилось весьма обстоятельное, хотя и нѣсколько тяжело написанное руководство къ судебному краснорѣчію извѣстнаго процессуалиста *Ortloff'a* «Die gerichtliche Redekunst». 2 Vol. 1886—1887.

[3]) *Tinsch*, 158.

[4]) Въ новѣйшей германской прокуратурѣ составилъ себѣ репутацію наиболѣе талантливаго оратора *Тессендорфъ*, бывшій долгое время прокуроромъ берлинскаго ландгерихта, обвинитель въ извѣстномъ процессѣ графа Гарри Арнима, нынѣ—*Reichsanwalt*, т.-е. товарищъ имперскаго оберъ-прокурора.

ловнымъ дѣламъ и вообще, подобно французской прокуратурѣ, вѣдаетъ *всю распорядительную и исполнительную часть* уголовнаго процесса.

Прокуратура принимаетъ также дѣятельное участіе въ производствѣ по *просьбамъ о помилованіи* (*Gnadengesuch*). Она собираетъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для разрѣшенія такихъ просьбъ и, представляя производство въ министерство юстиціи, высказываетъ по существу ходатайства свое заключеніе, всегда помѣщаемое въ докладѣ министра императору.

Наконецъ, какъ бы въ дополненіе къ уголовной дѣятельности прокуратуры, на нее (въ Пруссіи) возложены и чисто-административныя обязанности *по управленію тюрьмами*, состоящими въ вѣдѣніи министерства юстиціи. На основаніи регламента 16 марта 1881 г. тюрьмы эти вполнѣ подчинены прокуратурѣ, которая завѣдываетъ и личнымъ ихъ составомъ и порядкомъ содержанія въ нихъ арестантовъ и даже хозяйственною частью. Тюремнымъ управленіемъ провинціи руководитъ прокуроръ судебной палаты; начальникомъ тюрьмы (*Gefängniss-vorsteher*), находящейся въ мѣстопребываніи окружнаго суда, числится прокуроръ этого послѣдняго.

Что касается собственно *судебно-административныхъ обязанностей*, то опредѣленіе тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ быть поручены прокуратурѣ, принадлежитъ законодательствамъ отдѣльныхъ государствъ, вслѣдствіе чего устройство этой функціи представляетъ въ Германіи большую пестроту. Сюда относится: участіе въ судебно-дисциплинарномъ производствѣ, въ качествѣ органа закона и правительства, участіе, вмѣстѣ съ президентами судебныхъ мѣстъ, въ хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлахъ судовъ и въ испытаніяхъ на низшія судебныя должности несудейскаго званія (секретарей, судебныхъ приставовъ и проч.), сношенія съ другими вѣдомствами и властями, представленія министерству юстиціи статистическихъ свѣдѣній, отчетовъ и т. д. Но никакого непосредственнаго надзора за чинами судебнаго вѣдомства прокуратура не имѣетъ: за судьями—въ силу приведеннаго выше имперскаго закона, а за низшими должностными лицами—на основаніи мѣстныхъ узаконеній.

Крайне ограниченна и дѣятельность прокуратуры *по гражданскимъ дѣламъ*, установленная имперскими уставами гражданскаго и конкурснаго судопроизводства. Прокуроръ дѣйствуетъ по дѣламъ

3-хъ категорій. По дѣламъ брачнымъ (*Ehesachen*) онъ уполномоченъ, но не обязанъ, выступать въ каждомъ процессѣ съ своимъ консультативнымъ заключеніемъ (*sich gutachtlich äussern*), а при совершеніи неправильнаго брака, предъявить и настоящій искъ о признаніи его недѣйствительнымъ (*Nichtigkeitsklage*). По дѣламъ объ учрежденіи опеки надъ неправоспособными (*Entmündigungssachen*) отъ прокурора зависитъ предложить суду о констатированіи душевной болѣзни и о взятіи личности и имущества душевнобольнаго въ опекунское управленіе. По дѣламъ конкурснымъ (*Concurssachen*), въ виду общественнаго ихъ значенія и возможности обнаруженія въ нихъ признаковъ преступленія, прокуратура извѣщается объ учрежденіи каждаго конкурса и затѣмъ получаетъ право требовать отъ него всѣ нужныя ей свѣдѣнія и объясненія.

Въ общемъ выводѣ изъ сдѣланнаго очерка новѣйшей нѣмецкой прокуратуры она должна быть признана видоизмѣненіемъ болѣе или менѣе рѣзкимъ и глубокимъ французскаго типа этого института. Патріотизмъ нѣмецкихъ юристовъ хочетъ во чтобы то ни стало навязать ей національно-историческую самобытность, забывая, что трудно искать послѣднюю въ произведеніи новыхъ, сравнительно недавнихъ условій государственнаго и общественнаго быта, въ отношеніи права и суда во многомъ одинаковыхъ для континентальныхъ странъ Западной Европы. Оригинальная окраска сказалась, впрочемъ, въ строгой обдуманности и научномъ характерѣ всей постановки этого еще молодаго на нѣмецкой почвѣ учрежденія. Сложившись главнымъ образомъ подъ вліяніемъ процессуальныхъ ученій, которыя широко воспользовались отрицательными указаніями опыта, нѣмецкая прокуратура въ своемъ развитіи, организаціи и дѣятельности представляетъ систематическое стремленіе къ улучшеніямъ и упрощенію. Такое именно значеніе имѣетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ нововведеній: устраненіе политической тенденціи и исключительное преобладаніе чисто судебно-общественныхъ задачъ; очищеніе прокурорской функціи отъ усложняющихъ ее несущественныхъ элементовъ и цѣльность первенствующаго призванія прокуратуры, какъ органа публичнаго уголовнаго преслѣдованія; возможно болѣе послѣдовательное проведеніе обвинительнаго начала въ уголовномъ процессѣ и увеличеніе, особенно въ начальной его стадіи, обвинительныхъ средствъ преслѣдующей власти; общее равенство процессуальныхъ сторонъ

и ограниченіе или смягченіе прокурорской монополіи на преслѣдованіе участіемъ въ немъ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія. Такимъ образомъ, общее направленіе новѣйшаго германо-австрійскаго права въ отношеніи прокуратуры отмѣчено усиленіемъ ея интенсивныхъ свойствъ на счетъ экстенсивныхъ, качествъ ея работы—на счетъ количества; вмѣстѣ съ тѣмъ ея возросшей силѣ противополагаются достаточныя гарантіи личной свободы частныхъ лицъ, нуждающихся въ правосудіи.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКОБРИТАНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.—ПРОКУРАТУРА ВЪ ИСПАНІИ.

§ **30**. Уголовное преслѣдованіе въ Англіи.—§ **31**. Движеніе въ пользу учрежденія публичныхъ обвинителей.—§ **32**. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Англіи.—§ **33**. Характеръ и пріемы публичнаго обвиненія въ Англіи.—§ **34**. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Шотландіи.—Заключеніе.—§ **35**. Прокуратура въ Испаніи.

§ **30. Уголовное преслѣдованіе въ Англіи** [1]). Въ Великобританіи не существуетъ такого учрежденія, которое, подобно континентальной прокуратурѣ, было бы призвано охранять законы и представлять передъ судомъ государственные и правительственные интересы. Одна часть этихъ функцій (охраненіе закона спеціальными органами) вовсе отсутствуетъ въ англійскомъ общественномъ строѣ; другая (представительство публичныхъ интересовъ и между прочимъ уголовное преслѣдованіе) распредѣляется между различными

---

[1]) *Rey.* Des institutions judiciaires de l'Angleterre comparées avec celles de la France. 1839. II, 175, 180, 337.—*Pavitt.* Le droit anglais codifié. 1885, 219.—*Thezard*, 27.—*Prins.* Etude comparative sur la procedure penale à Londres et en Belgique 1879.—*Zachariae* I, § 29.—*Glaser.* Das englich-schottische Strafverfahren. 1050. 39—41 99—102.—*Glaser* Handbuch I, 135.—*Keller.* 325—331.—*Mittermaier.* Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren. 1856. 106, 127, 144, 153.—*Gneist.* Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communenverfassung 1863 II, § 65. 775—782.—*Entwurf einer Strafprocessordnung für das deutsche Reich.* 306.—*Lord Brougham.* The Britisch Constitution. 2 ed. 1861 chap. XIX.—*Archbold.* Pleading and evidence criminal cases 1875.—*Elliot.* Criminal procedure in England and Scotland. 1878.—*Report from the select committee on public prosecutors.* 1855.—*Rumsay.* The prosecution of affences act (Law Magasine and Review 1883. May).—*Maitland.* Justice and police 1885 Chap XII. *Fith Report of Judicature commission* 1874 p. 319.—*Select*

дѣятелями и организована съ тѣмъ національнымъ своеобразіемъ, которое отличаетъ все англійское судоустройство и судопроизводство. По понятіямъ англійскаго права законъ охраняется тѣмъ же судомъ, который возстановляетъ его нарушеніе и не нуждается ни въ какомъ особомъ блюстителѣ. Въ состязательномъ спорѣ между государствомъ и обвиняемымъ о наказаніи виновнаго за преступленіе, судья есть въ одно и то же время и «хранитель королевскаго мира» (*keeper of the peace*), и стражъ законныхъ правъ обвиняемаго или совѣтникъ арестованнаго (*counsel of the prisoner*). Что же касается до уголовнаго преслѣдованія, то система его находится въ неразрывной связи съ особенностями общественныхъ порядковъ и особою природой англійскаго процесса. Гражданскій бытъ Англіи построенъ на началахъ самоуправленія (*selfgovernment*) и самопомощи (*selfhelp*) гражданъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; начала эти рѣшительно преобладаютъ надъ оффиціальнымъ должностнымъ элементомъ (*officialism*) и вызываютъ самодѣятельность частныхъ лицъ по такимъ предметамъ, которые на континентѣ всегда были или давно уже сдѣлались исключительнымъ достояніемъ власти. Отсюда опредѣлилась и организація уголовнаго преслѣдованія, которое, будучи публичнымъ, не стало, однакоже, должностнымъ, а сложилось историческимъ путемъ въ чисто народную форму, весьма близкую къ *actio popularis* древнихъ римлянъ. Несмотря на нововведенія послѣдняго времени, она все еще служитъ краеугольнымъ камнемъ англійскаго процесса. Отмѣчая эту черту *Стифенъ* утверждаетъ, что «пока не будетъ «измѣнена до корней цѣлая система англійскаго судопроизводства, «до тѣхъ поръ нельзя ожидать установленія въ Англіи общественныхъ обвинителей, которые были бы сколько-нибудь похожи на «французскихъ прокуроровъ» [1]). Съ такою оговоркою, выводъ

---

committee on office of prosecution (Parl. Papers). 1884.—*Миттермайеръ.* Судъ присяжныхъ. 1865, 29, 50—54, 61.—*Его же.* Уголовное Судопроизводство въ Англіи. Шотландіи и Сѣв. Америкѣ. 1864, 17, 50 64, 68; § 8, 149—162, 189, 255—258 и пр.—*Бентамъ.* О судоустройствѣ. 1860, 75, 80—97.—*Стифенъ.* Уголовное право Англіи, 1866, 34, 198, 214, 220—224.—*Фойницкій.* Предварительное слѣдствіе и его реформа, (Журналъ гражд. и уголовн. права. 1882 № 1). *Фойницкій.* Курсъ. 55, 594.—*Матеріалы для пересмотра законоположс. о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій* 1882 1—33.—*Вульфертъ.* Новый англійскій законъ о государственныхъ обвинителяхъ (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1880 № 1).

[1]) *Стифенъ*, 220.

этотъ остается въ силѣ даже послѣ недавняго учрежденія въ Англіи особыхъ публичныхъ обвинителей.

Въ современной англійской уголовной юстиціи, сохранившей, въ оригинальныхъ сочетаніяхъ всѣ историческія свои черты, дѣйствуетъ совмѣстно три основныхъ принципа: *публичный характеръ* суда и преслѣдованія, ихъ строго выдержанная *обвинительная конструкція* и господство народной или точѣе *народно-частной формы обвиненія*. «Англійскій уголовный судъ»— говоритъ Стифенъ—«есть общественный розыскъ производимый съ цѣлію раскрыть истину, но для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли облеченный въ форму состязанія между обвинителемъ и подсудимымъ» [1]). Взаимодѣйствіе этихъ принциповъ, другъ друга сдерживающихъ и ограничивающихъ, не позволило началу публичности развиться до настоящаго розыскнаго порядка, а публичное преслѣдованіе не допустило сдѣлаться только должностнымъ. Оно осталось вѣрнымъ убѣжденію, глубоко проникшему въ соціально-юридическую жизнь страны, что требовать и домогаться примѣненія уголовныхъ ея законовъ надъ ихъ нарушителями есть неотъемлемое право каждаго гражданина [2]). Государство можетъ и должно помогать ему при этомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и само выступать въ томъ же качествѣ передъ уголовнымъ судомъ, безъ всякаго, однакоже, стѣсненія тѣмъ правъ частнаго лица на уголовное возмездіе. Далѣе не идутъ полномочія государства по уголовному преслѣдованію, которое предоставляется одновременно и публичной и частной дѣятельности. Какъ въ древнемъ Римѣ обвинителемъ всякаго преступленія могъ явиться каждый изъ народа, *quilibet ex populo*, такъ и въ Англіи право преслѣдованія принадлежитъ не только потерпѣвшему, но и каждому гражданину, который въ этомъ случаѣ считается исполняющимъ свой нравственно-гражданскій долгъ и дѣйствующимъ въ общественныхъ интересахъ.

Обвиненіе (*prosecution, charge*) возбуждается посредствомъ жалобы (*complaint*) у мироваго (въ графствахъ) или полицейскаго (въ Лондонѣ и большихъ городахъ) судьи, передъ которымъ и происходитъ предварительное его изслѣдованіе въ строго состязательномъ порядкѣ, при безусловномъ равенствѣ сторонъ. Обвинителемъ (*prosecutor*)

---

[1]) *Стифенъ*, 214.

[2]) Показаніе лорда *Кембля* (*Lord Campbel*, въ *Report on public prosecutors*. 62, 65.

можетъ явиться самъ жалобщикъ, но обыкновенно его замѣняетъ одинъ изъ состоящихъ при судѣ повѣренныхъ (*attorney* или *solicitor for prosecution*), жалобщикъ же допрашивается въ качествѣ свидѣтеля. Публичный характеръ такого преслѣдованія, хотя и производимаго частнымъ лицомъ, выражается: 1) въ уплатѣ казною всѣхъ издержекъ; 2) въ могучемъ содѣйствіи, оказываемомъ частному обвинителю превосходно устроенною розыскною полиціей (*detective police*), и 3) въ томъ, что судья можетъ посредствомъ особой подписки (*recognizance*) обязать обвинителя, просто или даже съ истребованіемъ денежнаго поручительства, продолжать и довести обвиненіе до какого-либо процессуальнаго исхода (*bind over to prosecute*). Тотъ же обвинитель ведетъ дѣло и въ послѣдующихъ стадіяхъ процесса, передъ обвинительными присяжными (*grand jury*) и поддерживаетъ принятое ими обвиненіе (*indictment*) на судѣ (*trial*), въ ассизахъ передъ судебными присяжными (*petty jury*).

Предоставленное такимъ образомъ частной иниціативѣ и заботливости, уголовное преслѣдованіе пріобрѣтаетъ общественный отпечатокъ и независимо отъ публичной своей природы, вслѣдствіе выработанныхъ практикою пріемовъ приведенія его въ дѣйствіе. За недостаткомъ дѣятельности въ этомъ направленіи однихъ лишь частныхъ лицъ, возникаютъ организованныя мѣропріятія различныхъ общественныхъ союзовъ и лицъ юридическихъ. Города, общины, учрежденія, ассоціаціи всевозможныхъ родовъ (промышленныя, кредитныя, филантропическія и проч.) охраняютъ свои права и интересы путемъ уголовнаго преслѣдованія ихъ нарушителей, для чего приглашаются постоянные, спеціальные повѣренные и устраивается систематическое наблюденіе за совершеніемъ уголовныхъ правонарушеній въ области извѣстныхъ фактовъ и отношеній. Образуется даже, въ различныхъ цѣляхъ (нравственныхъ, общественныхъ) особыя соединенія, ставящія себѣ задачею преслѣдовать тѣ или другія преступленія, въ виду того или другого вреда, ими приносимаго [1]). На томъ же основаніи, какъ и

---

[1]) Такъ напр. желѣзныя дороги преслѣдуютъ поврежденія путей, синдикаты банковъ и банкировъ—нарушенія кредита, общества трезвости и воздержанія—преступныя проявленія порочности, общества покровительства женщинъ—посягательство на ихъ честь и цѣломудріе, общества защиты дѣтей—жестокое съ ними обращеніе, общества покрови-

народно-частные обвинители, съ тѣми же правами и обязанностями дѣйствуютъ и полицейскіе чины въ тѣхъ случаяхъ, когда они преслѣдуютъ передъ судомъ раскрытыя ими преступленія. Обвиненіе и здѣсь ведется должностнымъ лицомъ на личной своей отвѣтственности и безъ всякихъ преимуществъ надъ частнымъ обвинителемъ, который, впрочемъ, обыкновенно выступаетъ рядомъ съ обвиняющимъ полицейскимъ органомъ.

Идея народнаго обвиненія, въ его коллективной формѣ, сказалась въ вышедшемъ теперь изъ употребленія правѣ *grand jury*, т.-е. обвинительныхъ присяжныхъ, возбуждать преслѣдованіе и предавать суду безъ частной жалобы, по своему усмотрѣнію (*presentment*). Другой такой же слѣдъ круговой отвѣтственности древней англо-саксонской общины за преступленіе, совершенное въ ея предѣлахъ, сохранился и понынѣ въ институтѣ выборнаго должностнаго лица, *коронера*, который при участіи особыхъ присяжныхъ производитъ изслѣдованіе о всякомъ случаѣ неестественной или загадочной смерти и, на основаніи вердикта присяжныхъ, разрѣшаетъ дальнѣйшее направленіе дѣла, къ суду или къ прекращенію [1]). Въ этой дѣятельности коронера проявляется старинное его призваніе—охранять королевскій миръ раскрытіемъ преступленій—которое онъ раздѣлялъ съ шерифомъ, а впослѣдствіи передалъ мировому судьѣ (*justice of the peace*).

Указанныя учрежденія оставляютъ мало мѣста собственно государственному, должностному преслѣдованію, хотя и оно имѣетъ свое весьма, впрочемъ, ограниченное и рѣдкое примѣненіе. Единственное его проявленіе заключается въ институтѣ юрисконсультовъ и адвокатовъ короны (*law officers of the crown*), которые иногда выступаютъ обвинителями отъ ея имени, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственные интересы передъ законодательными собраніями и судами. Это вы-

---

тельства животныхъ—причиняемыя имъ мученія; владѣльцы лошадей соединяются для преслѣдованія конокрадовъ, фабриканты—контрафакціи, художники и литераторы—плагіатовъ и т. д. Въ 50-хъ годахъ такихъ ассоціацій для уголовнаго преслѣдованія насчитывалось болѣе 500.

[1]) *Стифенъ*, 35, 36, дѣлаетъ сближеніе между задачею англійскаго коронера и обязанностями французскаго прокурора 1-й инстанціи при *flagrant délit*, но подобіе здѣсь, очевидно, самое отдаленное и слабое.

сокія политическія должности «*генералъ-атторнея*» и замѣстителя его «*генералъ-соллиситора* ея величества королевы» (*Her Majesty's Attorney-General* и *Sollicitor-General*)[1]). Принадлежа къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, они входятъ въ составъ отвѣтственнаго министерства и вмѣстѣ съ нимъ подвергаются всѣмъ перипетіямъ парламентской борьбы. Они назначаются изъ числа извѣстнѣйшихъ и старѣйшихъ адвокатовъ и не перестаютъ носить это званіе, сохраняя право заниматься и частною практикой, за исключеніемъ процессовъ противъ короны или казны. Будучи обыкновенно членами парламента и засѣдая въ немъ на министерскихъ скамьяхъ, они главнымъ образомъ посвящаютъ свое время и труды дѣятельности политической и законодательной; они защищаютъ въ палатахъ дѣйствія и проекты министерства, преимущественно съ юридической ихъ стороны, и подаютъ правительству юридическіе совѣты. Судебная же ихъ дѣятельность въ правительственныхъ интересахъ хотя и весьма обширна въ теоріи, но факультативна и практически стоитъ на второмъ планѣ. Какъ адвокаты короны, они могутъ отстаивать ея права и интересы во всѣхъ судахъ и судебныхъ процессахъ, а такъ какъ однимъ изъ важнѣйшихъ подобныхъ интересовъ является «охраненіе королевскаго мира» отъ преступныхъ на него посягательствъ, то въ кругъ вѣдѣнія этой королевской адвокатуры входитъ и право преслѣдованія всѣхъ преступленій, затрогивающихъ государство, въ особенности же прямо противъ него направленныхъ, напр. измѣны (*treason*), бунта (*riot*) и разныхъ нарушеній порядка управленія. Все это, однакоже, сводится больше къ фикціи, и въ дѣйствительности интересующее корону уголовное преслѣдованіе производится чаще всего отъ имени и по уполномочію генералъ-атторнея адвокатами высшаго ранга, носящими титулъ «совѣтниковъ королевы». (*Queens counsel*). Сами же высшіе повѣренные короны, отвлеченные парламентскими занятіями, выступаютъ обвинителями очень рѣдко, въ случаяхъ исключительной важности и притомъ

---

[1]) Для разъясненія этихъ названій слѣдуетъ замѣтить, что въ Англіи повѣренные раздѣляются, по свойству занятій, на стрянчихъ и адвокатовъ, а по положенію на 4 степени или ранга; къ низшимъ, ведущимъ преимущественно письменное и подготовительное производство, принадлежатъ *атторнеи* и *соллиситоры*; выше ихъ стоятъ настоящіе адвокаты, выступающіе на судоговореніи или дѣйствующіе при высшемъ судѣ, *барристеры* и *sergeants at law*.

только на судѣ, при слѣдствіи же интересы правительственнаго обвиненія поддерживаются обычнымъ способомъ, т.-е. полиціей или простыми приглашенными для этого стряпчими или адвокатами. На судѣ, каковъ бы ни былъ его предметъ, генералъ-атторней и генералъ-соллиситоръ, являясь стороною, не пользуются никакимъ преимуществомъ и ничѣмъ, ни мѣстомъ, ни костюмомъ, не отличаются отъ другихъ повѣренныхъ; не составляетъ исключеніе и принадлежащее имъ, по догмѣ процесса, право послѣдняго слова или право возраженія на доводы защиты, *(reply)*, такъ какъ право это, присвоенное издавна адвокатами короны, еще въ политическихъ процессахъ XVII и XVIII столѣтій перешло и къ частнымъ обвинителямъ, но на практикѣ никогда не примѣняется [1]). Обвиненіе генералъ-атторнея не устраняетъ обвиненія по тому же дѣлу и частнаго лица, права котораго по уголовному преслѣдованію отнюдь не ограничиваются вступленіемъ въ него короннаго адвоката.

Сверхъ двухъ вышеназванныхъ правительственныхъ повѣренныхъ—юрисконсультовъ, не пріуроченныхъ ни къ какой опредѣленной судебной организаціи, слѣдуетъ еще упомянуть о подчиненномъ генералъ-атторнею правительственномъ чиновникѣ при высшемъ уголовномъ «судѣ королевской скамьи» (*Queensbench*) [2]). Подъ именемъ «*королевскаго атторнея или коронера*» (*Queensattorney and coroner*) онъ завѣдуетъ «королевскими дѣлами», т. е. приготовительнымъ производствомъ въ *Queensbench* дѣлъ, касающихся короны; это учрежденіе носитъ названіе *Crownsoffice*, откуда и управляющій имъ королевскій атторней обыкновенно называется *Master of the Crownsofice*. Вмѣстѣ съ генералъ-атторнеемъ и по его уполномочію онъ принимаетъ ближайшее участіе въ производствѣ розыскнаго изслѣдованія, *information*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняетъ собою обвинительное слѣдствіе и разсмотрѣніе обвиненія «большими присяжными», т. е. *indictment*. Въ практическомъ отношеніи это изслѣдованіе составляетъ едва ли не важнѣйшую часть дѣятельности коронной адвокатуры. Оно производится по нѣкоторымъ преступленіямъ средней важности (*misdemeanour*),

---

[1]) *Миттермайеръ*. Уголовное судопроизводство. 341.

[2]) По закону 1873 г. *Queensbench*, одинъ изъ старинныхъ трехъ вестминстерскихъ судовъ, образовалъ при ихъ объединеніи одно изъ отдѣленій высшаго суда, *High Court of Justice*.

направленнымъ прямо противъ государства или правительства. Таковы напр. многія нарушенія порядка управленія, въ частности законовъ о печати, преступленія должностныя и проч. По тѣмъ изъ нихъ, которыя, не затрогивая частныхъ интересовъ, имѣютъ исключительно публичный характеръ, изслѣдованіе производится лично генералъ-атторнеемъ или, по его порученію, королевскимъ коронеромъ и затѣмъ обвиненіе вносится непосредственно въ компетентный судъ для разрѣшенія по существу; по другимъ же дѣламъ этого рода, гдѣ есть и частный жалобщикъ, *information* производитъ *Master of the crown's office* не иначе, впрочемъ, какъ съ предварительнаго дозволенія *Queensbench'a* и также помимо *grand jury* вноситъ дѣло въ судъ. Этотъ особый видъ процесса, въ которомъ повѣренные короны совмѣщаютъ обязанности слѣдователя и обвинителя, не пользуется въ Англіи сочувствіемъ [1]) и находится, повидимому, наканунѣ радикальныхъ измѣненій.

При всемъ «адвокатскомъ», такъ сказать, характерѣ положенія и дѣятельности повѣренныхъ короны, они небезусловно чужды «прокурорскаго» элемента, т.-е. законоохранительной миссіи, которая проглядываетъ въ двухъ институтахъ явственно контрольнаго значенія. Посредствомъ формулы *nolle prosequi* генералъ-атторней, по основательному заявленію одной изъ участвующихъ въ дѣлѣ частныхъ сторонъ, можетъ потребовать прекращенія всякаго уголовнаго процесса, еще неразрѣшеннаго вердиктомъ присяжныхъ. Согласіе или *fiat* генералъ-атторнея на предъявленіе такого требованія обыкновенно дается по дѣламъ *misdemeanours* въ виду юридическихъ препятствій къ дальнѣйшему преслѣдованію (напр. при зависимости уголовной отвѣтственности отъ вопросовъ гражданскаго права), а также фактически достовѣрныхъ указаній на явно недобросовѣстныя дѣйствія обвинителя или очевидную ошибочность обвиненія [2]). Далѣе, противъ приговоровъ, постановленныхъ ассизнымъ судомъ съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и формъ судопроизводства, допускаются особыя жалобы *writ of error*, въ высшій судъ, *Queensbench*, который или самъ перерѣшаетъ истребованное имъ дѣло, или, отмѣнивъ приговоръ низшаго суда, возвращаетъ ему производство для новаго разрѣшенія. Предъявленіе подобныхъ жа-

---

[1]) *Миттермайеръ.* Уголовное судопроизводство. 112—118.

[2]) *Archbold.* Pleading and Evidence. 109.—*Glaser.* Handbuch I, 135.

лобъ обусловлено пропускомъ ихъ со стороны генералъ-атторнея, который не имѣетъ права отказать въ немъ по дѣламъ о *misdemeanours*, въ интересахъ правосудія, *ex debito justitiae*, въ отношеніи же дѣлъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ, *felonies*, необходима мотивированная письменная жалоба защитника подсудимаго и согласіе на нее генералъ-атторнея. По мнѣнію Миттермайера онъ исполняетъ здѣсь функцію высшаго надзора за отправленіемъ правосудія [1]).

Рядомъ съ оффиціальными адвокатами короны практика выдвинула еще одинъ полу-оффиціальный органъ должностнаго уголовнаго преслѣдованія. Вѣдомства внутреннихъ дѣлъ (*Home Department*) и казначейства или финансовъ (*Treasury*) издавна имѣли каждое особаго постояннаго повѣреннаго, *sollicitor*, для веденія касающихся ихъ судебныхъ дѣлъ. Изъ этихъ повѣренныхъ адвокатъ казначейства, *sollicitor to the Treasury* сдѣлался впослѣдствіи судебнымъ уполномоченнымъ обоихъ вѣдомствъ и, будучи сначала простымъ частнымъ ихъ адвокатомъ, постепенно превратился въ спеціальнаго стряпчаго-адвоката правительства по всѣмъ интересующимъ его дѣламъ. Съ 1855 г. вѣдомство внутреннихъ дѣлъ и генералъ-атторней стали возлагать на этого *Treasury Sollicitor*, обставившаго себя помощниками изъ адвокатовъ, веденіе уголовнаго преслѣдованія преимущественно въ Лондонѣ по болѣе сложнымъ процессамъ, по дѣламъ объ убійствахъ, сопротивленіяхъ полиціи (*assault*), злостныхъ банкротствахъ и проч., особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція, затрудняясь преслѣдованіемъ, обращалась за содѣйствіемъ къ высшимъ властямъ. Тотъ же повѣренный казначейства принялъ на себя, отъ имени короны, представительство ея въ разныхъ гражданскихъ тяжбахъ съ частными лицами и, между прочимъ, веденіе дѣлъ о выморочныхъ наслѣдствахъ. По этимъ дѣламъ онъ исполнялъ обязанности стряпчаго (*sollicitors part*) между тѣмъ какъ генералъ-атторней или генералъ-соллиситоръ являлись собственно адвокатами и юрисконсультами короны (*crown's advocate and advising counsel*). Въ подобной дѣятельности соллиситора казначейства, очевидно, также заключались признаки или зародышъ коронной прокуратуры [2]).

---

[1]) *Mittermaier.* Gesetzgebung und Rechtübung 153.—*Archbold.* 196.—*Glaser.* Das englischschottische Strafverfahren. 156.—*Миттермайеръ.* Уг. судопр. 424.

[2]) *Maitland* p. 146—148.

Уже изъ приведеннаго бѣглаго обозрѣнія англійскихъ обвинительныхъ порядковъ можно вывести заключеніе объ отсутствіи въ нихъ всякой цѣльности и единства, объ ихъ пестротѣ и неопредѣленности, отчего зависитъ и ихъ практическая слабость. Нормою является свободное народно-частное преслѣдованіе, но цѣлый рядъ коррективовъ, которыми оно обставлено, ясно указываетъ на его недостаточность. Всѣ они стремятся ввести въ институтъ преслѣдованія или извѣстные оффиціальные элементы, или по крайней мѣрѣ корпоративную, во всякомъ случаѣ болѣе сильную организацію, неподверженную колебаніямъ и шаткости личнаго усмотрѣнія отдѣльнаго частнаго лица. Но въ свою очередь и эти разрозненныя и единичныя поправки, не исключая и учрежденія адвокатовъ-юрисконсультовъ короны, каждая въ отдѣльности, лишены твердости и силы и страдаютъ тѣмъ же свойствомъ случайности и незначительности своего воздѣйствія. Неудовлетворительность такого положенія вещей признается въ Англіи общественнымъ мнѣніемъ и всѣми практическими юристами, которые, расходясь между собою въ выборѣ средствъ исправленія, единогласны въ указаніи недостатковъ, происходящихъ отъ устарѣлаго господства народно-частнаго обвиненія. По свидѣтельству *Стифена* и классическимъ изслѣдованіямъ *Миттермайера и Гнейста* [1]) главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ: 1) отсутствіе или недостатокъ обвинителей по многимъ дѣламъ, въ возбужденіи которыхъ нѣтъ прямо заинтересованнаго лица, или потерпѣвшіе по которымъ принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ и безпомощнымъ классамъ населенія; безучастность къ преслѣдованію по такимъ дѣламъ, и трудность разсчитывать на проявленіе самоотверженнаго гражданскаго долга со стороны незаинтересованнаго лица въ проведеніи хлопотливаго, а иногда и опаснаго уголовнаго обвиненія; 2) стачки и компромиссы между обвинителями и обвиняемыми, изъ которыхъ богатые имѣютъ возможность откупиться отъ преслѣдованія; возбужденіе обвиненій противъ лицъ состоятельныхъ единственно съ цѣлію вымогательства или для устрашенія и побужденія ихъ къ соглашенію; 3) неравенство въ средствахъ для успѣшнаго проведенія преслѣдованія въ отношеніи какъ лицъ (богатыхъ и бѣдныхъ), такъ и мѣстности (въ глу-

[1]) *Стифенъ*. 220.—*Миттермайеръ*. Уголовное Судопр. 189.—*Gneist*. II, 777 .

хихъ провинціальныхъ мѣстечкахъ нѣтъ хорошихъ стряпчихъ и повѣренныхъ) [1]); 4) трудность для частнаго лица, даже при содѣйствіи полиціи, добыть во время предварительнаго фазиса процесса, т.-е. до суда, всѣ доказательства, необходимыя для подкрѣпленія обвиненія, отсюда представленіе обвинительнымъ присяжнымъ не всегда основательныхъ и строго провѣренныхъ обвиненій. «Англійская система»—заключаетъ Стифенъ—«не только связываетъ ру«ки преслѣдованію и способствуетъ безнаказанности злодѣевъ, но «и притѣсняетъ жестокимъ образомъ невинныхъ, случайно привле«ченныхъ къ суду» [2]).

§ 31. **Движеніе въ пользу учрежденія публичныхъ обвинителей.** Обстоятельства, подавшія поводъ къ такому рѣзкому отзыву объ англійской практикѣ одного изъ первыхъ ея авторитетовъ, должны были вызвать движеніе въ пользу реформы порядка преслѣдованія посредствомъ учрежденія настоящихъ и постоянныхъ публичныхъ обвинителей. Движеніе это, начавшееся весьма давно, завершилось въ 1879 установленіемъ описанной ниже «дирекціи публичнаго преслѣдованія». Вопросъ о введеніи въ Англіи подобнаго института возбуждался нѣсколько разъ, оживленно обсуждался въ печати, горячо дебатировался въ парламентѣ и затѣмъ временно затихалъ для того, чтобы скоро вновь возникнуть подъ вліяніемъ жизненныхъ общественныхъ потребностей. При этомъ его послѣдовательные фазисы и внутреннее ихъ содержаніе всегда характеризовались двумя чертами: единодушнымъ согласіемъ всѣхъ относительно принципіальной постановки дѣла и необходимости въ новомъ учрежденіи и, наоборотъ, значительнымъ разногласіемъ и сомнѣніями по всѣмъ предметамъ ближайшаго осуществленія этой реформы. Признавая, что и Англія не можетъ обойтись безъ постоянныхъ обвинителей, законодатели ея встрѣчали, однакоже, въ народномъ юридическомъ сознаніи и традиціяхъ, даже въ самомъ «правѣ юристовъ» страны, серьезныя затрудненія, какъ только заходила рѣчь о томъ, чѣмъ долженъ быть публичный обвинитель, какъ организовать его дѣятельность и какія права ему предоста-

---

[1]) Въ графствахъ мировые судьи, за отсутствіемъ обвинителей, по болѣе важнымъ дѣламъ обязываютъ вести преслѣдованіе мѣстныхъ констаблей или своихъ клерковъ.—*Миттермайеръ*. Уголов. Судопроизв. 191.

[2]) *Стифенъ*, 211.

вить. Глубокій національный консерватизмъ англичанъ и органическое нерасположеніе ихъ къ нововведеніямъ, могущимъ повредить свободѣ и самодѣятельности гражданъ, заставляли ихъ съ большимъ опасеніемъ и крайней осторожностію смотрѣть на учрежденіе, ближайшій образецъ котораго во Франціи казался безусловно противнымъ духу англійской конституціи и самоуправленія; французская прокуратура, поэтому, всегда выставлялась отрицательнымъ примѣромъ, котораго нужно страшиться и избѣгать. «Существовало общее мнѣніе»—говоритъ *Мэтландъ*—«что «порученіемъ должностнымъ лицамъ надзора за уголовнымъ зако«номъ (*the control of the criminal law*) нельзя обезпечить его испол«ненія. Лучше пусть нѣсколько негодяевъ будутъ освобождены и «нѣсколько невинныхъ потерпятъ отъ лживыхъ обвиненій, чѣмъ «дать какую-либо почву даже неосновательному подозрѣнію, что «политическія гарантіи имѣютъ или могутъ имѣть какое-либо уча«стіе въ отправленіи уголовнаго правосудія» [1]). Тѣмъ не менѣе голоса за установленіе публичныхъ обвинителей продолжали раздаваться и, побуждаемые силою вещей, скоро слились въ общее требованіе измѣнить устройство уголовнаго преслѣдованія по указаніямъ опыта и жизни.

Еще *Бентамъ* въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ своемъ трактатѣ «О судоустройствѣ» настойчиво доказывалъ необходимость учрежденія двухъ параллельныхъ должностей—общественныхъ обвинителей и защитника. Не допуская монополіи должностнаго обвиненія, Бентамъ все-таки понимаетъ его не иначе, какъ въ формѣ представительства закона. «Какъ скоро существуетъ должность «общественнаго обвинителя»—говоритъ онъ,—«законы болѣе не «находятся въ зависимости отъ добровольныхъ обвинителей... За«конъ имѣетъ подлѣ судьи своего представителя, который гово«ритъ за него, дѣйствуетъ его именемъ, наблюдаетъ, прислуши«вается, заботливо собираетъ все, что можетъ навести на слѣды «преступленія, стоитъ выше частныхъ опасеній и вражды и снаб«женъ при этомъ всею властью, нужною для быстраго и увѣрен«наго дѣйствія. Если разсматривать доносчиковъ и добровольныхъ «обвинителей, какъ простыхъ солдатъ въ этой борьбѣ правосудія «съ преступленіемъ, то общественнаго обвинителя можно сравнить

[1]) *Meitland*, p. 148, 149.

«съ вождемъ, который собираетъ разсѣянныя силы, направляетъ «ихъ дѣйствія къ одной общей цѣли и нападаетъ на враговъ «общественнаго порядка, съ искусствомъ полководца, совершен«ствующаго ежедневно свою опытность» [1]).

Рисуя идеальное судоустройство, Бентамъ дѣлаетъ свой выводъ въ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ, безотносительно къ данной странѣ, почему выводъ этотъ и можетъ имѣть значеніе для всѣхъ вообще государствъ и законодательствъ, но вся аргументація, соображенія, примѣры—все это взято преимущественно изъ англійской практики и приводится съ особою подробностію въ виду англійскихъ учрежденій. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ вопросъ о публичныхъ обвинителяхъ поднимается въ парламентѣ почти при каждомъ законопроектѣ объ улучшеніяхъ въ уголовномъ законодательствѣ и процессѣ [2]). За него высказываются въ палатахъ и печати такіе извѣстные юристы какъ *Колькхунъ*, *Льюисъ*, *Лордъ Брумъ* и друг. [3]). Въ 1846 г. казна приняла на себя всѣ довольно многочисленныя издержки по веденію уголовнаго преслѣдованія (на разслѣдованія, приглашенія свидѣтелей, наемъ повѣреннаго и проч.), лежавшія прежде большою тяжестью на частныхъ обвинителяхъ, которые теперь получили право на извѣстное вознагражденіе, выдаваемое изъ государственнаго казначейства, при соблюденіи ими нѣкоторыхъ условій. По мнѣнію *Гнейста* [4]) въ этомъ уже заключался первый шагъ къ учрежденію публичныхъ обвинителей: оно вызывалось кромѣ всѣхъ другихъ, даже финансовыми соображеніями, такъ какъ расходъ казны на поддержаніе народно-частнаго обвиненія былъ весьма великъ, а между тѣмъ оно все-таки не достигало репрессивныхъ цѣлей и не обезпечивало государственныхъ интересовъ въ преслѣдованіи преступленій. Въ 50-хъ годахъ вопросъ о публичныхъ обвинителяхъ подвергся снова всестороннему изслѣдованію и казался близкимъ къ утвердительному разрѣшенію. Убѣжденнымъ и авторитетнымъ двигателемъ этого дѣла явился

---

[1]) *Бентамъ.* О судоустройствѣ. 1860 стр. 85.

[2]) Напр. *восьмой докладъ коммиссіи по уголовному законодательству* 1845. *Докладъ комитета Палаты Лордовъ о реформѣ отправленія уголовнаго правосудія* 1848.

[3]) *Colquehoun.* Treatise on the police of the metropolis.—*Lord Brougham.* Letter to Lord Lyndhurst on criminal policy. 1847.—Показанія Брума и Льюиса въ парламентской коммиссіи.

[4]) *Gneist.* II, 781.

лордъ-канцлеръ *Брумъ*, горячій сторонникъ введенія въ Англіи публичныхъ обвинителей. Проектъ (билль) такого рода, внесенный въ 1854 въ палату общинъ *Филлиморомъ* и поддержанный въ палатѣ лордомъ Брумомъ, былъ переданъ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Филлимора, въ составъ которой вошли, между прочимъ, лица, стоявшія въ то время во главѣ королевской адвокатуры въ Англіи и института публичныхъ обвинителей въ Шотландіи и Ирландіи. Коммиссія эта выслушала свидѣтельство множества компетентныхъ лицъ, вошедшія въ обширный докладъ ея, который представляетъ замѣчательный сводъ богатыхъ матеріаловъ по вопросу о введеніи въ Англіи должностнаго обвиненія [1]). Всѣ мнѣнія были согласны въ удостовѣреніи о неудовлетворительности дѣйствующаго порядка и въ принципіальномъ признаніи необходимости постоянныхъ государственныхъ обвинителей, но существенно раздѣлились по вопросу о постановкѣ и устройствѣ этого учрежденія; одни предлагали взять за образецъ шотландскій, другіе — сѣверо-американскій порядокъ, третьи указывали на возможность возложить обвиненіе на клерковъ, мировыхъ и полицейскихъ судей, и вообще настаивали на созданіи для Англіи особаго типа должностнаго преслѣдованія. Но черезъ всѣ эти взгляды проходятъ слѣдующія общія черты: 1) предубѣжденіе противъ всякаго подражанія французскому образцу; 2) признаніе полной свободы обвиненія и рѣшительное порицаніе всякой его монополіи; 3) субсидіарный характеръ должностнаго обвиненія по отношенію къ народно-частному; 4) ограниченіе будущихъ публичныхъ обвинителей однимъ уголовнымъ преслѣдованіемъ безъ всякой функціи надзора и охраненія законовъ; 5) сохраненіе въ неприкосновенности обвинительнаго начала процесса, равноправности сторонъ, состязательнаго слѣдствія и прочихъ основныхъ элементовъ англійской уголовной юстиціи. Билль Филлимора не прошелъ однако же въ парламентѣ; еще слишкомъ сильна была привязанность къ старому, переходившая уже, впрочемъ, просто въ рутину, которую под-

---

[1]) *Report from the select committee on public prosecutors* 1855. Въ этомъ докладѣ заслуживаютъ особаго вниманія показанія лорда-канцлера *Брума* (*Brougham and Vaux*) p. 1, президента суда королевской скамьи лорда *Кампбелля* (*Lord Chief Justice Lord Campbell*), p. 61, генералъ-атторнея Англіи сэра Александра *Кокберна* (*Sir Alex. Cockburn*), p. 184, лорда-адвоката Шотландіи *Монкрейфа* (*Moncrieff*), p. 17, и генералъ-атторнея Ирландіи *Нэпира* (*Napier*), 141.

держивала больше всего боязнь открыть реформой просторъ бюрократическому давленію въ сферѣ правосудія. Но общество продолжало оставаться при своемъ требованіи реформъ въ системѣ преслѣдованія. По словамъ Миттермайера «если сдѣлать выводъ «изъ всѣхъ англійскихъ мнѣній о публичныхъ обвинителяхъ, то «окажется, что огромное большинство юристовъ, практиковъ, а «также и гражданъ желаетъ назначенія подобныхъ обвинителей, «съ тѣмъ, чтобы изъ среды адвокатовъ избраны были люди, ко«торые выступали бы обвинителями въ тѣхъ случаяхъ, когда «частныя лица или ассоціаціи не принимаютъ на себя обвиненія; «при этомъ, однако, поставляется условіемъ, чтобы ни въ какомъ «случаѣ не было ограничено примѣненіе существенныхъ началъ «англійскаго права—гласности, перекрестнаго допроса и пригла«шенія защитника» [1]). Нерѣшительность во введеніи новаго учрежденія объяснялась осторожностью, которую одобряли и компетентные юристы: «Если въ Англіи нѣтъ еще прокуратуры»—говорилъ въ 1868 г. французскій генералъ-адвокатъ *Бланшъ* [2]), «то это про«исходитъ не отъ того, что она не признаетъ его полезности, но «потому, что, мудрая и осторожная, она желаетъ согласовать это «учрежденіе съ своимъ судоустройствомъ и приспособить его къ «своему политическому устройству». Сочувственное отношеніе англійскаго законодательства къ институту публичныхъ обвинителей высказалось и во введеніи его, по шотландскому образцу, на островѣ Мальтѣ, при изданіи для нея устава уголовнаго судопроизводства 10 марта 1854 [3]). Далѣе въ законѣ 8 августа 1859 г. обнаружилось стремленіе расширить обвинительныя полномочія генералъ-атторнея; закономъ этимъ поставлено въ зависимость отъ его разрѣшенія наравнѣ, впрочемъ, съ каждымъ изъ вестминстерскихъ судей—возбужденіе частными лицами уголовнаго преслѣдованія по нѣкоторымъ особымъ дѣламъ: о лжеприсягѣ, объ обманахъ, объ игорныхъ домахъ, объ оскорбленіяхъ публичной нравственности и проч.

Въ 1861 г. бывшій лордъ-канцлеръ лордъ Брумъ въ посвященной судоустройству главѣ 19-й своего извѣстнаго сочиненія объ

[1]) *Миттермайеръ.* Уголовное судопроизводство. 194.

[2]) *Le-Sellyer.* Traité de l'exercice et de l'extinction des actions publiques et privées 1874 I, 8.

[3]) *Mittermaier.* Gesetzgebung und Rechtsübung. 127.

англійской конституціи [1]) высказалъ рѣшительное осужденіе англійской системѣ уголовнаго преслѣдованія, вслѣдствіе отсутствія въ немъ института государственныхъ обвинителей и доказывалъ, что введеніе его въ Англіи есть «требованіе абсолютной и первѣйшей необходимости». По мнѣнію Брума «всякая система уголовнаго «судопроизводства, не имѣющая въ составѣ своемъ публичнаго об«винителя, не можетъ быть другой, какъ только крайне несовершен«ной» и въ частности, что касается до англійской системы уголовно-судебнаго преслѣдованія, то «едва ли нѣчто болѣе жалкое встрѣ«чается въ какой-либо другой странѣ». При этомъ Брумъ не видѣлъ никакихъ опасностей отъ учрежденія въ Англіи государственнаго обвиненія, если органы его не будутъ имѣть ни монополіи преслѣдованія, ни правъ надзора за судомъ и судьями. Въ томъ же 1861 г. на конгрессѣ общества распространенія соціальныхъ наукъ въ Дублинѣ, извѣстный Мюнхенскій профессоръ Гольцендорфъ прочелъ докладъ «о публичныхъ обвинителяхъ», въ которомъ, очертивъ исторію прокуратуры въ континентальной Европѣ, доказывалъ, что если это учрежденіе было бы введено въ Англіи, то дѣйствіе его здѣсь будетъ успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ, по особымъ условіямъ англійскаго государственнаго строя и юридической жизни. Докладъ этотъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ конгресса. Участвовавшій въ немъ лордъ Брумъ напомнилъ сдѣланную имъ попытку провести институтъ публичныхъ обвинителей въ Англіи, которая, по его мнѣнію, страдаетъ отъ ихъ отсутствія. Но, прибавилъ онъ, «это все еще продолжаетъ казаться шагомъ, слишкомъ рискованнымъ». Съ мнѣніемъ Брума въ пользу учрежденія публичныхъ обвинителей согласились главный судья и генералъ-соллиситоръ Ирландіи, въ томъ же смыслѣ состоялась и резолюція конгресса. Но въ законодательныхъ сферахъ дѣло все-таки не подвигалось [2]).

Въ 70-хъ годахъ возобновилось нѣсколько затихшее общественное и парламентское движеніе въ пользу публичныхъ обвинителей. За биллемъ *Энкина* въ 1870 г. послѣдовалъ билль *Вальполя* въ 1872 г., а въ 1874 г. въ парламентъ былъ внесенъ окончательный «докладъ особаго комитета королевскихъ коммиссаровъ по

---

[1]) *The British constitution, its history structure and working.*

[2]) Журналъ министерства юстиціи 1863 г. т. 16-й (статья «о публичныхъ обвинителяхъ»)

вопросу о публичныхъ обвинителяхъ». Въ этомъ докладѣ заслуживаетъ вниманія мнѣніе президента суда королевской скамьи того самого сэра Александра *Кокбёрна*, который за 20 лѣтъ передъ тѣмъ въ коммиссіи 1854—1855 гг. высказывалъ взгляды, далеко не столь рѣшительные и категоричные. Теперь же «верховный судья Англіи» (*Lord Chiefjustice of Englang*) прямо требуетъ цѣльнаго института публичныхъ обвинителей, съ сильной правительственной и іерархической организаціей; по мысли его они должны въ каждой назначенной имъ мѣстности контролировать всѣ обвиненія и руководить всѣми дѣйствіями судебно-уголовной полиціи. Наконецъ въ 1877 г. вопросъ созрѣлъ на столько, что *Эллiотъ*, въ своемъ сочиненіи объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи и Шотландіи, уже имѣлъ право, опираясь на опытъ законодательства и выводы практики, назвать учрежденіе публичныхъ обвинителей «основаніемъ всякаго дѣйствительно благотворнаго преобразованія въ англійскомъ процессѣ». [1]).

§ **32. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Англіи.** Учрежденіе это было, наконецъ, введено въ Англіи закономъ 3 *іюля 1879 г.*, носящимъ оффиціальное названіе «*Prosecution of offences act*» (*42 and 43 Vict. chap. 22*) и вступившимъ въ дѣйствіе съ 1 января 1880. Цѣль закона выражена въ его вступительныхъ словахъ: это—необходимость «принять болѣе дѣйствительныя мѣры въ преслѣдованію преступленій» собственно въ Англіи, на которую только и распространяется сила новаго узаконенія, оставляя въ сторонѣ Шотландію и Ирландію. Содержаніе 10 статей закона сводится къ установленію постоянныхъ органовъ или «дирекціи» публичнаго преслѣдованія и къ опредѣленію какъ ихъ правъ и обязанностей, такъ и отношеній къ должностнымъ и частнымъ лицамъ, принимающимъ участіе въ преслѣдованіи. Подъ общимъ главенствомъ (*superintendance*) генералъ-атторнея учреждается институтъ государственныхъ обвинителей, состоящій изъ «директора публичнаго преслѣдованія» (*director of public prosecution*) и его помощниковъ (*assistants*), числомъ не болѣе 6, которые распредѣляются по территоріальнымъ округамъ. Для занятія этихъ должностей необходимо имѣть званіе адвоката при высшемъ судѣ (*barrister at law* или *sollicitor of the supreme court of judicature*) и

[1]) *Elliot.* 34—35.

не менѣе 10 лѣтъ судебной практики для директора и 7 лѣтъ для его помощниковъ. Директоръ назначается государственнымъ секретаремъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ (*secretary of state for the Home Department*) [1]) безсрочно, съ содержаніемъ, опредѣляемымъ по соглашенію съ государственнымъ казначействомъ или министерствомъ финансовъ (*Treasury*) въ размѣрѣ не свыше 2/т. фунт. стелинг. въ годъ. Въ этомъ же порядкѣ назначаются и помощники директора на срокъ не болѣе 7 лѣтъ, но съ возможностью продлить его по истеченіи. Число ихъ, въ предѣлахъ 6, опредѣляется съ согласія казначейства, государственнымъ секретаремъ, отъ котораго зависитъ также и ближайшее опредѣленіе ихъ обязанностей инструкціоннымъ путемъ. Съ одобренія обоихъ названныхъ вѣдомствъ генералъ-атторней 1) назначаетъ нужное количество секретарей и служителей дирекціи и 2) опредѣляетъ содержаніе всѣмъ чинамъ ея, начиная съ помощниковъ директора. Чины дирекціи не могутъ заниматься частной адвокатской практикой— запрещеніе, вытекающее изъ природы постояннаго, оплачиваемаго казною института, но не существующее, впрочемъ, для главы его, генералъ-атторнея (ст. 3 и 4 закона 1879).

На обязанности директора лежитъ возбуждать (*to institute*), предпринимаетъ (*to undertake*) и вести (*to carry on*) уголовное преслѣдованіе во всѣхъ уголовныхъ судахъ по дѣламъ, которыя будутъ означены въ инструкціяхъ (*regulatives*) къ закону или особо указаны генералъ-атторнеемъ, а также руководить по веденію преслѣдованія чиновъ полиціи, судейскихъ клерковъ и всѣхъ вообще должностныхъ и частныхъ лицъ. Въ инструкціяхъ опредѣляется ближайшимъ образомъ участіе директора въ дѣлахъ болѣе важныхъ или сложныхъ, а равно и такимъ, по которымъ дѣятельность директора почему-либо представляется необходимою для обезпеченія надлежащаго изобличенія виновныхъ или по особымъ обстоятельствамъ дѣла, или по отсутствію обвинителя, или отказу его отъ дальнѣйшаго веденія преслѣдованія (ст. 2). По заявленію директоромъ судьѣ или коронеру о начатіи имъ уголовнаго преслѣдованія или о вступленіи его въ преслѣдованіе, уже производящееся,

---

[1]) Въ Англіи нѣтъ особаго министерства юстиціи, а высшее судебное управленіе распредѣляется между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (*home department*) и лордомъ канцлеромъ (*lord chancellor*).

всѣ относящіеся къ дѣлу акты, документы и предметы должны быть переданы директору, который затѣмъ уже отъ себя вноситъ ихъ въ надлежащій судъ. Кромѣ того директору предоставляется возможность имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, начатыхъ, но затѣмъ оставленныхъ безъ преслѣдованія частнымъ обвинителемъ; по истеченіи значительнаго (*reasonable*) промежутка времени безъ хожденія по дѣлу всякій судейскій клеркъ обязанъ доставить директору копіи со всего такого производства (ст. 5). Новый законъ сохраняетъ въ силѣ всѣ права частныхъ лицъ по возбужденію или веденію преслѣдованія, и частные обвинители по прежнему являются полноправными его органами, дѣйствуя совмѣстно съ директоромъ, если онъ призналъ нужнымъ вступить въ дѣло. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ частный обвинитель освобождается отъ представленія обезпеченія (*recognizance*) и обязательства продолжать преслѣдованіе (*to bind over to prosecute*); такого обязательства нѣтъ и для директора, отъ усмотрѣнія котораго вполнѣ зависитъ производить преслѣдованіе или отступаться отъ него. На дѣйствія дирекціи въ этомъ отношеніи всякое частное лицо, имѣющее право преслѣдованія, можетъ принести жалобу (въ формѣ «присяжнаго утвержденія», *affidavit*) всякому судьѣ верховнаго суда, который, по выслушаніи объясненій директора, можетъ распорядиться о дальнѣйшемъ производствѣ преслѣдованія дирекціей или частнымъ лицомъ (ст. 6 и 7) [1]).

Крайне общій, доходящій даже до неопредѣленности, смыслъ закона 3 іюля 1879 г. и самой его редакціи требуетъ дальнѣйшаго выясненія весьма существенныхъ подробностей и порядка его примѣненія. То и другое предоставлено дополнительнымъ инструкціямъ, о которыхъ неоднократно упоминается въ текстѣ закона. На основаніи 8 ст. его, проекты (*draft*) такихъ инструкцій, а также и всѣхъ къ нимъ дополненій или измѣненій, составляются генералъ-атторнеемъ, съ одобренія лорда канцлера и государственнаго секретаря внутреннихъ дѣлъ, и вносятся въ парламентъ, гдѣ

---

[1]) Этотъ контроль высшаго суда надъ публичнымъ преслѣдованіемъ есть примѣненіе двухъ старинныхъ привиллегій «суда королевской скамьи»: *mandamus*—права предписать низшему суду исполнить всякое дѣйствіе въ кругу его вѣдѣнія и *certiorari*—права по частной жалобѣ истребовать изъ низшаго суда всякое производство и принять его къ непосредственному своему разсмотрѣнію.

открываются для разсмотрѣнія обѣихъ палатъ въ теченіе не менѣе 4 дней, послѣ чего могутъ быть утверждены и введены въ дѣйствіе. Въ послѣднее время на директора публичнаго преслѣдованія было спеціально возложено веденіе дѣлъ о злостныхъ банкротствахъ и избирательныхъ злоупотребленіяхъ (*corrupt or illegal electoral practices*). Закономъ 1881 г. въ зависимость отъ его письменнаго согласія или дозволенія (*written fiat or allowance*) поставлено возбужденіе всякаго преслѣдованія за преступленіе печати, противъ собственника, издателя или иного лица, отвѣтственнаго за изданіе.

Изъ вышеприведеннаго краткаго очерка новаго закона видно, до какой степени онъ консервативенъ и остороженъ въ преобразованіи системы уголовнаго преслѣдованія. Новый органъ его вводится какъ бы въ видѣ опыта и въ сочетаніи съ испытанными элементами стараго порядка. Обвинительное начало—это основаніе англійскаго судопроизводства—отнюдь не ослабляется и даже не затрогивается, такъ какъ и частное обвиненіе, и состязательное слѣдствіе остаются въ полной силѣ. Текстъ новаго закона кратокъ и эластиченъ, доводя боязнь регламентаціи до крайнихъ предѣловъ; вся разработка подробностей и пріемовъ исполненія предоставляется практикѣ и опыту. Однако же при всей сдержанности нововведенія значеніе его немаловажно: въ Англіи впервые учреждается самостоятельный и постоянный институтъ государственныхъ обвинителей. Но нельзя не замѣтить, что очерченъ онъ все-таки слишкомъ слабо и какъ бы нерѣшительно. Одинъ директоръ публичнаго преслѣдованія и 6 его помощниковъ на все государство, очевидно, недостаточны, чтобы справляться со всею областью этого преслѣдованія, которая, за исключеніемъ выдающихся дѣлъ, по прежнему остается въ частныхъ рукахъ. Представитель государственнаго обвиненія не только не имѣетъ его монополіи, но и является въ отношеніи обвиненія частнаго какъ бы привходящимъ вспомогательнымъ и второстепеннымъ дѣятелемъ; это образецъ субсидіарнаго государственнаго преслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ничѣмъ не связанъ въ свободномъ распоряженіи обвиненіемъ, которое, несмотря на признаніе публичнаго его существа, построено не на началѣ законности, а на самомъ широкомъ примѣненіи начала умѣстности и усмотрѣнія. Въ такой слабости очертаній новаго учрежденія, при шаткости почвы подъ нимъ въ странѣ,

гдѣ всѣ законодательныя реформы прививаются туго и медленно, и заключается, повидимому, причина его непопулярности до настоящаго времени въ общественномъ мнѣніи и даже во мнѣніяхъ спеціалистовъ. Одни подчеркиваютъ его фактическое безсиліе и бездѣятельность; *Павиттъ* иронически замѣчаетъ, что «обязанности директора публичнаго преслѣдованія состоятъ въ томъ, «чтобы преслѣдовать какъ можно меньше» [1]); другіе жалуются на его слишкомъ обширное право прекращенія преслѣдованія (*Рёмзей*) [2]). Реакція противъ новаго учрежденія оказалась настолько сильною, что въ 1883 г. оно было фактически какъ бы вовсе затушовано; обязанности директора публичнаго преслѣдованія возложены на упомянутаго уже выше соллиситора казначейства, (*Treasury sollicitor*), который, не переставая быть частнымъ повѣреннымъ правительства, сдѣлался и органомъ публичнаго преслѣдованія [3]).

§ **33. Характеръ и пріемы публичнаго обвиненія въ Англіи.** Принятая въ теоріи, признанная даже догмой положительнаго права, идея должностнаго преслѣдованія преступленій еще не проникла окончательно въ національно-юридическое сознаніе Англіи, не вошла въ ея вѣковыя юридическія привычки и потому на практикѣ, въ дѣйствительной жизни англійскаго общества, институтъ государственныхъ обвинителей еще не получилъ полнаго права гражданства. Не успѣла еще опредѣлиться и его дѣятельность, мало собрано матеріаловъ для ея оцѣнки и вопросъ объ этомъ институтѣ собственно въ Англіи есть во всякомъ случаѣ дѣло будущаго. Выше уже было упомянуто, что новая организація публичнаго уголовнаго преслѣдованія ни въ чемъ не измѣняетъ освященныхъ временемъ началъ англійскаго процесса, достоинство которыхъ и сдѣлало его предметомъ ученія для науки и законодательства другихъ европейскихъ государствъ. Характеристическими и наиболѣе интересными для континентальнаго юриста моментами обвиненія являются формулированіе ихъ въ обвинительномъ актѣ и устное развитіе на судѣ, причемъ типическія

---

[1]) *Pavitt.* Le droit anglais codifié. 1885. p. 219. По свидѣтельству *Мэтланда* изъ 14 т. уголовныхъ дѣлъ въ годъ директоръ ведетъ или поручаетъ вести не болѣе 500—600 дѣлъ.

[2]) *Rumsay.* The prosecution of offences act (Law Magazine and Review 1883, May).

[3]) *Maitland.* p. 149—150.

черты этихъ моментовъ совершенно одинаковы для частнаго и для публичнаго обвиненія. Приведемъ здѣсь слова Миттермайера; рельефнѣе нельзя изобразить эти поучительныя формы и пріемы уголовнаго преслѣдованія: «Обвинительные акты въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ должны быть простымъ, яснымъ, опредѣлительнымъ, чуждымъ всякихъ предположеній и сужденій, изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основывается обвиненіе; они имѣютъ цѣлью ясно представить подсудимому преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, и показать присяжнымъ въ чемъ заключается обвиненіе и на что они должны обратить вниманіе при рѣшеніи вопросовъ о виновности. При этомъ составителю обвинительнаго акта никогда не дозволяется выставлять за непреложную истину отдѣльныя показанія, данныя при предварительномъ слѣдствіи, включать въ обвинительный актъ извѣстныя доказательства, объяснять, какъ могло совершиться преступленіе, или изображать характеръ обвиняемаго такимъ образомъ, чтобы по этому изображенію можно было вывести заключеніе о его виновности» [1]). Затѣмъ во время судебнаго слѣдствія обвинитель, хотя бы и королевскій, дѣствуетъ на одинаковыхъ правахъ съ защитою. Само правительство обнаруживаетъ обыкновенно большой тактъ въ дѣлѣ уголовныхъ преслѣдованій. «Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ коронный адвокатъ, сидящій за однимъ столомъ съ защитниками и въ одинаковымъ съ ними одѣяніи; по всему образу его дѣйствій замѣтно, что онъ смотритъ на себя какъ на человѣка, который совершенно равенъ своимъ товарищамъ, а въ духовной борьбѣ бьется одинаковымъ съ ними оружіемъ; притомъ онъ избѣгаетъ всего, что имѣетъ видъ нарушенія праваго суда, (*fair trail*) или страстнаго увлеченія и можетъ неблагопріятно подѣйствовать на присяжныхъ или возбудить неудовольствіе народа..... Обвинитель обязанъ заботиться, чтобы все, что можно представить противъ обвиняемаго по закону и совѣсти, было передано имъ законнымъ и честнымъ образомъ, но чтобы при этомъ устранено было все, что не можетъ имѣть значенія законнаго доказательства. Зачѣмъ—восклицаетъ одинъ изъ умнѣйшихъ англійскихъ юристовъ — запутывать присяжныхъ, вводить ихъ въ заблужденіе и добиваться приговора

[1]) *Миттермайеръ.* Уголов. Судопр. 201.

«безъ помощи доказательствъ? Изъ этого слѣдуетъ, что обвинитель «не долженъ представлять ничего такого, что по закону и судеб- «ной практикѣ не можетъ имѣть силы доказательства. Слѣдствіемъ «этого является необыкновенная простота судопроизводства, ко- «торая въ значительной степени облегчаетъ рѣшеніе присяжныхъ. «Въ Англіи обвинитель никогда не старается дѣйствовать на при- «сяжныхъ разсужденіями о дурномъ характерѣ обвиняемаго, раз- «сказами о его прежней жизни и подозрѣніями относительно его «намѣреній, потому что онъ знаетъ, что присяжные не примутъ «этого за доказательства и что такія объясненія вызовутъ только «выговоръ судьи и порицаніе присяжныхъ». Въ знаменитой рѣчи по дѣлу Уэбстера генералъ-атторней *Клиффордъ* такъ охаракте- ризовалъ обвинительное призваніе государственнаго адвоката: «Я «порицаю и отвергаю столь часто повторяемое предположеніе, что «будто бы чиновникъ, преслѣдующій обвиняемаго, можетъ перехо- «дить за предѣлы, которые назначаетъ себѣ благородный изслѣ- «дователь истины. Еслибы отъ меня этого потребовали, то я «тотчасъ же отказался бы отъ своей должности. Въ этомъ званіи «я являюсь представителемъ государства и обязанъ заботиться, «насколько это отъ меня зависитъ, чтобы соблюдались его законы «и чтобы ничѣмъ не были нарушаемы права подсудимыхъ». [1])

По своеобразной особенности англійскаго процесса обвинитель- ная рѣчь предшествуетъ представленію доказательствъ обвиненія, а не слѣдуетъ за ними, точно также, какъ и защитительная рѣчь предшествуетъ доказательствамъ оправданія. Этимъ обусловли- вается характеръ и содержаніе англійскихъ судебныхъ рѣчей; въ нихъ дается программа предстоящаго изслѣдованія и развиваются главные пункты обвиненія или защиты, которые потомъ нужно оправдать доказательствами.

Отсюда полное спокойствіе, простота и строгая дѣловитость обвинительной рѣчи. Обвинитель излагаетъ передъ присяжными поводы къ обвиненію и обращаетъ ихъ вниманіе на положенія, которыя онъ намѣренъ доказывать, просто, ясно, безъ вывода заключеній, безъ стремленія расположить присяжныхъ въ пользу обвиненія и даже безъ комментарій къ доказательствамъ. Обви- нитель строго держится правилъ о судебныхъ доказательствахъ и

---

[1]) *Миттермайеръ*. Уголовн. Судопроизв. стр. 256, 257.

старается убѣдить присяжныхъ, что онъ будетъ доказывать факты на основаніи этихъ правилъ. Вслѣдствіе этого изложеніе обвинителя кратко, просто, полно достоинства, чуждо всякой декламаціи и общихъ мѣстъ. Практикою выработанъ рядъ правилъ, которыя обязанъ соблюдать адвокатъ обвиненія въ своихъ рѣчахъ, производящихъ, по удостовѣренію Миттермайера, «благопріятное впечатлѣ«ніе спокойствіемъ, безстрастіемъ, простотою и краткостью». [1])

Такова школа, въ которой воспитываются англійскіе государственные обвинители; такова процессуальная атмосфера, въ которой они призваны дѣйствовать.

§ 34. Учрежденіе публичныхъ обвинителей въ Шотландіи.—Заключеніе. Въ общей организаціи уголовнаго преслѣдованія на великобританской территоріи нѣтъ единства. Между тѣмъ какъ въ Англіи только въ послѣднее время потребность въ публичныхъ обвинителяхъ и рѣшимость ввести ихъ взяли верхъ надъ боязнью этого института съ его новизною и возможными послѣдствіями, онъ уже съ XVI вѣка не только существуетъ, но и процвѣтаетъ въ другой части соединеннаго королевства, въ *Шотландіи*, [2]) на что быть можетъ повліяли долговременныя оживленныя сношенія ея съ Франціей и Италіей, издавна знакомыми съ прокуратурой. Черты публичнаго преслѣдованія въ Шотландіи занимаютъ совершенно особое мѣсто среди различныхъ типовъ государственнаго обвиненія и нерѣдко противопоставляются континентальному учрежденію прокуратуры. Этого послѣдняго нѣтъ въ Шотландіи въ смыслѣ хранителя закона, но есть за то весьма цѣльный и выдержанный институтъ государственныхъ обвинителей.

Во главѣ его стоитъ *Лордъ-адвокатъ*, высшій государственный сановникъ страны и вмѣстѣ членъ англійскаго министерства, представляющій въ составѣ его и въ парламентѣ интересы Шотландіи. Неся высокія и обширныя политическія обязанности онъ, кромѣ того, есть отвѣтственный руководитель всего хода шотландскаго правосудія и потому не можетъ непосредственно вести дѣло уголовнаго преслѣдованія. Для этого при немъ состоятъ въ качествѣ его помощниковъ, генералъ-соллиситоръ и 41 замѣститель *(advocate*

---

[1]) *Миттермайеръ.* Уголов. Судопроизводство. 258, 324, 325.

[2]) *Report on public prosecutors* 257, 267, 288, 289, 292. *Миттермайеръ.* Уголовн. Судопр. 17, 149—162.—*Его же.* Судъ присяжныхъ 50—54.—*Keller.* 329.—*Elliot.* 24—35.

depute), изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ при шотландскомъ верховномъ судѣ, *(High Court of Scotland)*, а трое завѣдываютъ территоріальными округами *(circuit)*. Всѣ они назначаются лордомъ-адвокатомъ изъ адвокатовъ, считаются на коронной службѣ и получаютъ довольно крупное содержаніе. Въ непосредственномъ имъ подчиненіи состоятъ мѣстные государственные обвинители *(procurator fiscal)*, при каждомъ судѣ шрифа, который назначаетъ ихъ, безъ срока, изъ числа лучшихъ мѣстныхъ адвокатовъ. Они получаютъ неопредѣленное и постоянное жалованье, а гонораръ за труды по преслѣдованію въ отдѣльныхъ дѣлахъ *(fees)*.

Дѣятельность этихъ публичныхъ обвинителей опредѣляется закономъ о полиціи 15 Іюля 1850 г., и инструкціею генералъ-адвоката, изданною въ 1839 г. Они собираютъ, при помощи полицейскихъ чиновъ, предварительныя свѣдѣнія о преступленіяхъ, принимаютъ дѣятельное и энергическое участіе въ слѣдствіи, которое на розыскномъ основаніи производитъ шерифъ *(precognition)* и затѣмъ весь собранный матеріалъ для преслѣдованія представляютъ лорду-адвокату, отъ котораго вполнѣ зависитъ прекратить дѣло, или же предъявить то или другое обвиненіе и поддерживать его черезъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, въ равноправномъ состязаніи сторонъ на судѣ. Хотя юридически и не существуетъ въ Шотландіи монополіи обвиненія, но частное обвиненіе, ограниченное прямымъ и личнымъ интересомъ въ преслѣдованіи, въ дѣйствительности поглощается государственнымъ, къ органамъ котораго предпочитаютъ обращаться и частныя лица съ своими жалобами и заявленіями. Описанный институтъ вполнѣ удовлетворяетъ общественнымъ условіямъ и потребностямъ маленькой Шотландіи, въ которой онъ пользуется уваженіемъ и сочувствіемъ. Осмотрительный выборъ государственныхъ обвинителей, хорошій составъ ихъ и чуткое сознаніе ими своей отвѣтственности способствуютъ весьма успѣшному ихъ дѣйствію. По свидѣтельству Миттермайера «какъ ни обширна власть шотландскаго прокурора «при производствѣ слѣдствія, но контроль, подъ которымъ онъ на«ходится, такъ великъ, что предохраняетъ отъ всякаго съ его сто«роны злоупотребленія властью. Онъ очень хорошо знаетъ, что «если поступитъ неправильно или пристрастно, то подвергнется «жестокимъ нападкамъ защитника во время публичнаго производ«ства дѣла и неумолимой критикѣ свободной прессы; онъ знаетъ,

«что въ важныхъ процессахъ не только судья отзовется неодобрительно о допущенныхъ имъ неправильностяхъ, но что въ «парламентѣ его образъ дѣйствій можетъ сдѣлаться предметомъ «строгаго порицанія. Шотландскій прокуроръ, который своею «властью передаетъ дѣло на разсмотрѣніе суда присяжныхъ въ «ассизахъ, не нуждаясь для этого въ предварительномъ постановленіи обвинительной камеры, облеченъ, конечно, огромною властью, но онъ понимаетъ также, что въ этомъ случаѣ онъ одинъ «принимаетъ на себя отвѣтственность передъ судомъ и народомъ за «свое обвиненіе, и, что въ интересахъ своей репутаціи, онъ не «долженъ являться пристрастнымъ или неосновательнымъ преслѣ«дователемъ». [1])

Изложенная постановка публичнаго преслѣдованія въ британскомъ правѣ имѣла большое вліяніе на разработку вопроса о прокуратурѣ въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ. Англо-шотландскія учрежденія всегда служили противовѣсомъ увлеченію французскими порядками, ихъ крайностямъ и преувеличенному развитію въ нихъ государственной монополіи и административныхъ элементовъ прокурорской организаціи. Англія и Шотландія представляютъ примѣръ частной самодѣятельности въ сферѣ уголовнаго преслѣдованія, построенія его на частно-обвинительномъ началѣ и равноправности государства съ его противниками въ судебной борьбѣ. Государственные повѣренные въ судѣ не

---

[1]) *Миттермайеръ.* Судъ присяжныхъ стр. 51.—По тому же типу организованъ институтъ государственныхъ обвинителей (*crown sollicitors*) и въ *Ирландіи.* Однаковыя приблизительно черты представляетъ прокуратура въ *Съверной Америкѣ*, съ тѣмъ отличіемъ, что въ ея задачу входитъ не только публичное преслѣдованіе, но въ извѣстныхъ предѣлахъ и вообще защита передъ судомъ общественныхъ интересовъ. При высшемъ судѣ сѣверо-американскаго союза состоитъ генералъ-атторней (*attorney general*), а при низшихъ подвѣдомственные ему окружные атторнеи (*district attorneys*). всѣ назначаемые по соглашенію президента съ сенатомъ. Генералъ-атторней даетъ по различнымъ дѣламъ заключенія президенту союза и другимъ высшимъ правительственнымъ установленіямъ, вообще оказываетъ большое вліяніе на ходъ правосудія въ союзѣ и руководитъ окружными прокурорами по веденію процессовъ, имѣющихъ общественный или правительственный интересъ. Въ отдѣльныхъ штатахъ состоятъ свои независимые прокуроры (*state attorneys*), назначаемые или мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ, или судомъ, или избираемые народомъ на срокъ по большей части не свыше двухъ лѣтъ. Это публичные обвинители (*prosecuting attorneys*) и общественные адвокаты и стряпчіе штатовъ, нерѣдко получающіе вознагражденіе по отдѣльнымъ дѣламъ и изъ судебныхъ пошлинъ и даже представляющіе денежный залогъ при вступленіи въ должность.

являются органами закона и контроля надъ судьями; призваніе ихъ сосредоточивается исключительно на обвинительной задачѣ. Нельзя, однакоже, при этомъ не замѣтить, что все то, чѣмъ англичане замѣняютъ у себя прокуратуру, носитъ яркій отпечатокъ національной самобытности и соотвѣтствуетъ совершенно особымъ условіямъ общественнаго быта. Не умаляя теоретическаго интереса учрежденія и практической поучительности отдѣльныхъ частей его, это обстоятельство требуетъ отъ юридической науки другихъ странъ, съ иными условіями и инымъ складомъ жизни, полный объективности въ оцѣнкѣ и крайней осторожности въ выводахъ и заимствованіяхъ.

§ **35. Прокуратура въ Испаніи.** [1]) Прокурорскій институтъ въ Испаніи, прежній и новѣйшій, представляетъ черты настолько характерныя и оригинальныя, что его нельзя обойти молчаніемъ. Въ особенности, заслуживаетъ вниманія его устройство, во многомъ отличающееся отъ прокурорской организаціи въ другихъ странахъ. Подъ именемъ «фискаловъ его величества» *(fiscales de su majestad)* чины прокуратуры дѣйствовали уже въ концѣ XV столѣтія, при Фердинандѣ Католическомъ, а окончательно организовались при Филиппѣ II. При каждомъ судѣ состояли два фискала, одинъ для уголовныхъ, другой для гражданскихъ дѣлъ; при судахъ 1-ой инстанціи въ уголовномъ преслѣдованіи участвовалъ *promotor fiscal,* заимствованный изъ еще болѣе ранняго учрежденія того же имени при трибуналахъ инквизиціи и вообще каноническихъ судахъ.

Свѣтскіе фискалы въ Испаніи несли тѣ же обязанности, какъ и германскіе фискалы, которыхъ они на долго пережили, просуществовавъ почти безъ измѣненій до второй половины нынѣшняго столѣтія. Не производя непосредственно уголовнаго преслѣдованія, сливавшагося съ розыскомъ и слѣдствіемъ, они только формули-

---

[1]) *Tejada.* Darstellung der spanischen Staatsbehörde, (Zeitschrift für ausländische Gesetzgebung. XIV. 1.).—*Theurault.* Etude sur l'organisation judiciaire en Espagne. 1878—*Автора* настоящаго сочиненія: Новое судоустройство Испаніи (Юридическій Вѣстникъ 1879, т. II). Объ испанской прокуратурѣ есть капитальное теоретическое изслѣдованіе и практическое руководство на испанскомъ языкѣ, въ 2 томахъ, *Феррера-и-Минге*, фискала при мадридской аудіенціи, т.-е. прокурора мадридской судебной палаты, изданное въ 1875 г. (Ferrer-y-Minguet, во французск. переводѣ: Essai théorique et, pratique sur les devoirs et les attributions du ministère fiscal).

ровали обвиненіе въ обвинительномъ актѣ, который затѣмъ поддерживали въ судѣ посредствомъ предложенія о примѣненіи уголовнаго закона къ виновному.

Новѣйшее судоустройство Испаніи, а вмѣстѣ съ нимъ и учрежденіе прокуратуры опредѣлено закономъ *15 сентября 1870 г.* — По этому закону прокуратура сохраняетъ традиціонное, историческое названіе «фискальнаго вѣдомства, фискалата», а чины ея— фискаловъ и фискальныхъ адвокатовъ. Во главѣ прокуратуры стоитъ подчиненный министру юстиціи фискалъ при верховномъ судѣ, управляющій всѣми фискалами и дѣйствующій при содѣйствіи одного товарища, который раздѣляетъ съ нимъ административныя обязанности, и 12 помощниковъ или фискальныхъ адвокатовъ, которые исполняютъ прокурорскія обязанности при отдѣленіяхъ верховнаго суда.

Вторая степень прокуратуры—фискалатъ при «*аудіенціи*» (*audiencia*) или судебной палатѣ, также состоящій изъ фискала, одного старшаго его товарища и нѣсколькихъ помощниковъ или фискальныхъ адвокатовъ.—Фискалатъ первой инстанціи дѣйствуетъ при судахъ окружныхъ, *partidos*; здѣсь фискалъ не имѣетъ штатныхъ помощниковъ, должности которыхъ временно исправляютъ командированные для этой цѣли кандидаты, получающіе во время такой командировки половину содержанія фискала. Низшимъ органомъ фискалата является особый фискалъ при каждомъ *муниципальномъ судѣ*, имѣющій, съ утвержденія фискала аудіенціи, временныхъ замѣстителей. Въ составѣ фискалата, устроеннаго на іерархическомъ началѣ, всѣ низшіе чины безусловно подчинены высшимъ, но недовольные дисциплинарнымъ распоряженіемъ ближайшаго начальства могутъ принести жалобу фискалу высшему въ порядкѣ подчиненности. Фискалы не пользуются несмѣняемостью и могутъ быть увольняемы по усмотрѣнію правительства. Но при назначеніи и повышеніи фискаловъ, оно обязано соблюдать чрезвычайно строгія и точныя правила судебной карьеры, въ которыхъ и заключается главное преимущество испанскаго судоустройства.

Для занятія должности въ фискалатѣ нужно удовлетворять общимъ условіямъ судейской службы и не находиться ни въ одномъ изъ многочисленныхъ положеній несовмѣстимости, къ числу которыхъ принадлежитъ всякое промышленное занятіе и какая бы то

ни была личная близость къ раіону службы, по происхожденію, родству, имущественнымъ дѣламъ и проч. Разсадникомъ фискалата служитъ особая состоящая при немъ кандидатская корпорація, отдѣльная отъ таковой же судейской; для поступленія въ нее необходимо выдержать строгое конкурсное испытаніе. Точно также и для опредѣленія правъ и очереди назначенія изъ кандидатовъ на штатныя должности по фискалату производится новое испытаніе въ конкурсной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ фискала мѣстной аудіенціи. Выдержавшій испытаніе кандидатъ вносится въ конкурсный списокъ, въ предѣлахъ котораго правительству, въ лицѣ министра юстиціи, по представленіямъ верховнаго фискала, принадлежитъ извѣстный, ограниченный впрочемъ, выборъ. Съ момента удостоенія по конкурсу прокурорской должности кандидатъ пріобрѣтаетъ законныя права на нее и въ случаѣ нарушенія ихъ правительствомъ, напр. въ случаѣ не назначенія его на вакансію, соотвѣтствующую его мѣсту въ конкурсномъ спискѣ, онъ можетъ въ мѣсячный срокъ принести жалобу въ верховный судъ. Равнымъ образомъ и все служебное движеніе по фискалату поставлено въ зависимость отъ заранѣе опредѣленныхъ условій, цѣль которыхъ—обезпечить избраніе правительствомъ способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ, но непремѣнно изъ числа лицъ, уже получившихъ, въ установленномъ порядкѣ прохожденія службы и конкурснаго испытанія, неотъемлемое право на повышеніе. Такъ напр. вакансіи фискаловъ при судахъ, считающихся «судами повышенія» (*tribunaux d'avancement*), принадлежатъ фискаламъ «судовъ начальныхъ» (*tribunaux de début*) и при томъ такъ, что изъ каждыхъ 3-хъ вакансій одна предоставляется самому старшему, другая—достойнѣйшему изъ первой половины конкурснаго списка, а третья—достойнѣйшему изъ всего списка. Изъ каждыхъ 4-хъ вакансій фискальныхъ адвокатовъ при аудіенціи три принадлежатъ по праву фискаламъ *partidos* повышенія, а на 4-ю можетъ быть назначенъ адвокатъ подъ условіемъ извѣстнаго срока практики. Такая система, сообщая личному составу прокуратуры весьма прочное положеніе, зависящее единственно отъ заслугъ и способностей, позволяетъ комплектовать его людьми вполнѣ достойными и самостоятельными и, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, приноситъ прекрасные результаты.

Фискалатъ образуетъ довольно замкнутую корпорацію; переходъ изъ «сидячей» въ стоячую магистратуру возможенъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Одинъ изъ нихъ указанъ въ законѣ (ст. 833 зак. о судоустр.): фискалы, не обладающіе особыми способностями или свойствами, необходимыми для исполненія прокурорскихъ обязанностей (напр. особой энергіей для уголовнаго преслѣдованія, даромъ или, по крайней мѣрѣ, свободой слова для устной дѣятельности), переводятся на соотвѣтствующія судебныя должности.

Что же касается предметовъ вѣдѣнія испанской прокуратуры, то задачи ея заключаются: 1) въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ законовъ о судоустройствѣ, 2) въ преслѣдованіи всѣхъ наказуемыхъ нарушеній общественнаго порядка и 3) въ представленіи правительства передъ судомъ (ст. 763 зак. о судоустройствѣ). Дѣятельность испанскихъ прокуроровъ или фискаловъ ограничивается судебными дѣлами и, какъ по содержанію, такъ и по характеру довольно близко подходитъ къ дѣятельности нашего нынѣшняго прокурорскаго надзора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА VI.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II [1].

I. Учрежденіе фискаловъ. § **36.** Происхожденіе и устройство.— § **37.** Дѣятельность.— Общая характеристика.— II. Учрежденіе прокуроровъ. § **38.** Происхожденіе и развитіе.— § **39.** Устройство и дѣятельность.— § **40.** Параллель между фискалами и прокурорами.

I. Учрежденіе фискаловъ.

§ **36. Происхожденіе и устройство.** До-петровской Россіи были чужды понятія объ основныхъ элементахъ прокурорскаго учрежденія, и оно не появилось въ ея юридическомъ строѣ, ни въ цѣломъ видѣ своемъ, ни даже въ отдѣльныхъ проявленіяхъ или признакахъ. Уголовное преслѣдованіе производилось, смотря по формѣ

[1]) Главнѣйшіе источники и пособія: *Полное собраніе законовъ* Россійской имперіи, т. IV — XVI.— *Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 2, т. XVI, XVIII, XIX.— *Троцина.* Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи 1851 г.— *Дмитріевъ.* Исторія судебныхъ инстанцій. 1859 г.— *Кавелинъ.* Основныя начала русскаго судоустройства (собр. сочин., т. I). — *Градовскій.* Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры. 1866 г. — *Петровскій.* О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. 1875 г. — *Степановъ.* О формахъ правительственнаго надзора въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Кіевъ.— *Полежаевъ.* О губернскомъ надзорѣ (Журналъ министерства юстиціи. Ноябрь. 1859 г.).— *Ивановъ.* Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи (Журналъ министерства юстиціи. 1863 г. ноябрь и декабрь, прилож.).

процесса, или въ порядкѣ частнаго обвиненія, потерпѣвшимъ челобитчикомъ при состязательномъ «*судѣ*» по менѣе важнымъ «суднымъ» дѣламъ, или же порядкомъ розыскнымъ, по распоряженію судьи-слѣдователя, при «*сыскѣ*» по болѣе важнымъ преступленіямъ (по дѣламъ «сыскнымъ», «губнымъ», «тяжебнымъ») и противъ «лихихъ людей», угрожавшихъ общественной безопасности. Въ томъ и другомъ случаѣ не было мѣста особымъ органамъ публичнаго преслѣдованія, которое еще не выдѣлялось изъ полицейскихъ задачъ и судебныхъ функцій государства [1]). Не получило развитія въ Московской Руси и наблюдательное, контрольное начало, это главнѣйшее основаніе будущаго прокурорскаго надзора. Необходимость въ немъ живо ощущалась въ правительственномъ организмѣ XVIII в. при чрезвычайномъ усиленіи и умноженіи должностныхъ злоупотребленій, особенно въ мѣстномъ управленіи, но систематическаго наблюденія за дѣятельностью служилыхъ людей или вовсе не было, или оно не шло дальше такихъ несовершенныхъ мѣръ, какъ финансовая отчетность воеводъ по поступленію въ казну различныхъ сборовъ, назначеніе къ воеводамъ товарищей для взаимнаго надзора, посылка дьяковъ и подъячихъ за границу для провѣрки дѣйствій пословъ, поощреніе частныхъ доносовъ и донощиковъ и прочее [2]).

Эта послѣдняя мѣра, въ связи съ постепеннымъ расширеніемъ круга «сыскныхъ» дѣлъ, указывала на недостаточность частнаго обвиненія, а малоуспѣшная борьба «губныхъ» учрежденій Іоанна Грознаго съ преступленіями, возраставшими въ качествѣ и количествѣ, свидѣтельствовала о слабости уголовнаго розыска при существующемъ судоустройствѣ. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, при дѣйствіи его Уложенія, практикѣ уже была извѣстна мысль о томъ, что если при совершеніи важнаго или тяжкаго преступленія (напр. убійства) нѣтъ или не можетъ быть потерпѣвшаго, который явился бы «челобитчикомъ» или «истцомъ», т.-е. обвинителемъ, то преслѣдованіе виновнаго должно производиться отъ имени царя. «А не будетъ на него (злочинца)»—говоритъ *Котошихинъ*—«въ смертномъ дѣлѣ челобитчики, и такимъ

---

[1]) *Линовскій.* Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи 1849. — *Ланге.* Древнее русское уголовное судопроизводство. 1884 г.

[2]) *Кавелинъ.* стр. 224. — *Дмитріевъ,* стр. 86.

«дѣламъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь»[1]). Такимъ образомъ, уже въ Московскомъ государствѣ намѣчалась почва для установленія прокуратуры, но не выработалось еще самой ея идеи, способной привиться и разрости́сь Первое осуществленіе въ Россіи этой идеи принадлежитъ Петру Великому, котораго и слѣдуетъ считать основателемъ русскаго прокурорскаго надзора.

Вводя новый строй суда и управленія, Петръ вездѣ встрѣчалъ на своемъ преобразовательномъ пути тѣ же трудности, препятствія и недостатки, съ которыми и до него тщетно боролось московское правительство: хищеніе должностныхъ лицъ, ихъ нерадѣніе и неразвитость, безпорядокъ въ дѣлахъ и всюду полное преобладаніе личныхъ видовъ надъ государственнымъ интересомъ. Для всякаго проникнутаго послѣднимъ начинанія эти характеристическія свойства старой служилой среды были язвой, растлѣвающее значеніе которой портило исполненіе лучшихъ мыслей преобразователя и мѣшало стройному и дружному дѣйствію его учрежденій. Нужно было неусыпно слѣдить за ихъ дѣятельностью и, раскрывая и карая ея уклоненія, поддерживать ее именно въ томъ направленіи, которое имѣлъ въ виду законодатель. А для этого и чтобы пресѣкать въ самомъ зародышѣ всякое зло, грозившее успѣху новыхъ созданій его творческаго генія, онъ долженъ былъ знать все, что въ нихъ дѣлается, держать ихъ подъ постояннымъ своимъ надзоромъ. Отдѣльныя, еще несплоченныя части новой правительственной машины нуждались въ объединеніи какою-либо живою и дѣловою силой, которая охраняла бы вездѣ правильное примѣненіе истинной мысли Государя, оберегая при этомъ и драгоцѣнные для выполненія его преобразованій финансовые интересы *фиска* или казны. Въ этомъ смыслѣ центральное установленіе государственнаго механизма Петра Великаго—сенатъ—требовало существеннаго дополненія. «Правительство должно «было,—говоритъ проф. Градовскій—прибѣгнуть къ такой должности, «которая имѣла бы цѣлью стоять на стражѣ закона, не довѣряясь «способности служащихъ лицъ, и восполняла бы дѣятельность на«рода въ дѣлѣ охраненія личной безопасности и общественнаго «спокойствія... Учреждая сенатъ, законодатель, конечно, хотѣлъ со«средоточить въ немъ верховный контроль всѣхъ государственныхъ

[1]) «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». изд. 3, 1884, стр. 161, 162.

«учрежденій, но, имѣя правительственное назначеніе, сенатъ не «имѣлъ административной организаціи. Составленный какъ судеб-«ное мѣсто, онъ не могъ лично преслѣдовать и обвинять. Для того, «чтобы сдѣлать его дѣятельнымъ органомъ контроля, необходимо «было еще учрежденіе съ чисто личнымъ характеромъ, созданное «для непрерывнаго надзора и преслѣдованія» [1]). По замѣчанію г. Петровскаго ощущалась сильная надобность въ учрежденіи, спеціально назначенномъ смотрѣть и контролировать. «Все основы-«валось на жалобахъ и на личномъ досмотрѣ Государя, но Госу-«дарю, хотя и Петру, за всѣмъ не усмотрѣть и не мало случаевъ, «гдѣ челобитчика не будетъ,... Давно пора было установить цѣлое «государственное учрежденіе для спеціальной потребности надзора» [2]). Такимъ учрежденіемъ и явились *фискалы*; ихъ наблюденіе и дѣятельность какъ бы воплощали въ гражданскомъ быту чуткій слухъ, зоркое зрѣніе, обличающій голосъ и карающую руку верховной власти. Связывая между собою сенатъ и мѣстныя учрежденія, они составили одну изъ трехъ главныхъ частей правительственной системы Петра Великаго [3]).

Фискалы были учреждены по иностраннымъ образцамъ, доставленнымъ Германіей и въ особенности Швеціей, гдѣ институтъ этотъ существовалъ уже давно, и въ столь развитомъ и полномъ видѣ, что положеніе о немъ могло быть прямо переведено на русскій языкъ. Они дѣйствовали и въ сосѣднихъ съ Россіей шведскихъ провинціяхъ, Финляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, откуда не трудно было заимствовать ихъ для вновь пріобрѣтенной Ингерманландіи. Матеріаломъ для заимствованія послужили работы приглашеннаго Петромъ изъ голштинской службы, впослѣдствіи совѣтника камеръ-коллегіи, Генриха *Фика*, знатока шведскихъ учрежденій, который представилъ царю подробное ихъ изложеніе съ проектами введенія ихъ въ Россіи. Но въ послѣдующемъ развитіи русскаго фискалата пришлось неоднократно, въ силу обстоятельствъ, отступать отъ слѣпаго подражанія и такъ или иначе приспособлять заимствованное къ русскимъ условіямъ. Въ этомъ отношеніи исторія петровскихъ фискаловъ, а затѣмъ и про-

---

[1]) *Градовскій*, стр. 89.
[2]) *Петровскій*, стр. 100.
[3]) *Градовскій*, стр. 89.

куроровъ есть любопытный примѣръ могучаго вліянія своеобразной жизни на учрежденія, сначала задуманныя теоретически и цѣликомъ перенесенныя съ чужой почвы; въ своемъ практическомъ приложеніи они быстро принимаютъ мѣстную окраску и, еще не мѣняя формы, уже усвоиваютъ себѣ иное содержаніе.

23 февраля 1711 г. былъ учрежденъ сенатъ, а уже *2 марта того же года*, въ указѣ объ обязанностяхъ его въ отсутствіе царя, ему предписано «*учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ пришлется извѣстіе*» [1]). Оно не замедлило, и въ слѣдующемъ уже указѣ отъ *5 марта 1711 года* дается краткое, но довольно ясное и точное опредѣленіе новой должности, которая заключается въ томъ, чтобы «надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про *неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго*», и состоитъ изъ 3-хъ іерархическихъ степеней съ оберъ-фискаломъ во главѣ. Начавшееся такимъ образомъ существованіе фискаловъ обнимаетъ собою, до 1730 г., 20 лѣтній періодъ времени, въ теченіе котораго рядъ указовъ и распоряженій послѣдовательно опредѣляли различныя стороны новаго учрежденія, все еще, повидимому, находившагося въ фазисѣ образованія. Законодатель дѣлаетъ опыты, самъ констатируетъ ихъ недостатки и пытается ихъ исправить по указаніямъ практики, пока наконецъ не убѣждается въ необходимости радикально видоизмѣнить основную мысль и постановку института. Практикѣ вообще предоставляется большой просторъ въ его организаціи: черезъ $^1/_2$ года послѣ учрежденія фискалата, первый оберъ-фискалъ *Былинскій*, недоумѣвая относительно всѣхъ подробностей своей еще только вчернѣ намѣченной должности, входитъ въ сенатъ съ десятью «докладными пунктами», въ которыхъ спрашиваетъ, каковы предѣлы его вѣдѣнія, въ какомъ порядкѣ ему и помощникамъ его дѣйствовать, гдѣ присутствовать и заниматься, изъ какихъ источниковъ производить канцелярскіе расходы и проч. Сенатъ *11 августа 1711 г.* далъ въ своей «резолюціи» по этимъ «пунктамъ» первую фискальную инструкцію [2]). Затѣмъ фискалы постепенно вводились при всѣхъ вѣдомствахъ, и установленіяхъ, по мѣрѣ ихъ оконча-

---

[1]) *Пол. Собр.* № 2330 п. 9.

[2]) П. С. № 2414.

тельнаго устройства: при войскахъ [1]), при флотѣ [2]), при духовномъ правленіи [3]), при государственныхъ коллегіяхъ [4]). Большинство отдѣльныхъ распоряженій о фискалахъ имѣетъ характеръ ретроспективный, съ прямою ссылкою на вызвавшіе ихъ случаи. Изъ общихъ же узаконеній, кромѣ упомянутаго уже указа 5 марта 1711 г., наиболѣе важными представляются: *указъ 17 марта 1714 г. «о должности фискаловъ»*, содержащій въ 11 статьяхъ обстоятельное опредѣленіе задачи и обязанностей этихъ должностныхъ лицъ [5]); *инструкція или наказъ земскимъ фискаламъ 1719 г.*, въ большей своей части переведенная Фикомъ со шведскаго [6]) и, наконецъ, изданный уже при Екатеринѣ I *указъ 25 апрѣля 1725 г. «о должности генералъ-фискала и его помощника государственнаго оберъ-фискала*, въ 14 статьяхъ котораго воспроизведены главнѣйшія черты петровскаго учрежденія фискаловъ [7]). На основаніи совокупности всѣхъ этихъ источниковъ, изъ различныхъ перипетій, постигшихъ это учрежденіе, можно извлечь общее понятіе объ его устройствѣ и дѣятельности съ тѣмъ, чтобы потомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на внутреннюю его исторію, сдѣлать общій о немъ выводъ, объясняющій и его судьбу.

Фискалы распредѣлялись по нѣсколькимъ степенямъ или рангамъ. Въ лицѣ *оберъ-фискала* сосредоточивался повсемѣстный надзоръ за дѣлами и дѣятельностію правительственныхъ установленій на всемъ пространствѣ имперіи, почему оберъ-фискалъ и называется иногда въ законахъ «*государственнымъ*» [8]).. При немъ состояли товарищи въ числѣ 4-хъ, изъ которыхъ двое назначались изъ купечества, «дабы состояніе купеческое могли тайно вѣдать» [9]). При центральныхъ учрежденіяхъ, приказахъ, а затѣмъ коллегіяхъ, были особые *фискалы* «у каждаго дѣла по одному» [10]). Въ провинціяхъ при каждомъ губернаторскомъ прав-

---

[1]) П. С. 1711, 31 іюня, № 2412 Устава воинскаго 30 марта 1716 г., № 3006 гл. XII.
[2]) П. С. 13 января 1720 г. Морской уставъ, № 3485.
[3]) Духовный регламентъ 1721 г. П. С. № 3870.
[4]) П. С. Генеральный регламентъ 28 февраля 1720 г.
[5]) П. С. № 2786.
[6]) П. С. № 3479.
[7]) П. С. № 4698.
[8]) П. С. №№ 2331 и 2414.
[9]) П. С. № 2786.
[10]) П. С. №№ 2331 и 2414.

леніи состоялъ *провинціалъ-фискалъ* съ товарищами и съ фискалами изъ купечества [1]). Въ городахъ были *городовые фискалы* по одному или по два, «смотря по препорціи . Наконецъ при фискалахъ каждой изъ перечисленныхъ категорій состояли для порученій въ неопредѣленномъ числѣ *нижніе* или *рядовые фискалы*. Сначала оберъ-фискалъ дѣйствовалъ при сенатѣ, имѣя здѣсь и особую свою канцелярію; въ 1719 г., съ учрежденіемъ коллегій, онъ перешелъ въ *Юстицъ-Коллегію*, которая и становится для фискаловъ руководящимъ установленіемъ [2]); вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ ихъ пріобрѣтаетъ болѣе судебный характеръ, не теряя однакоже и финансоваго своего значенія. Опредѣляя фискальскія обязанности этого послѣдняго рода, «инструкція» 1719 г. возлагаетъ ихъ какъ бы на особыхъ фискаловъ, которыхъ называетъ *земскими* и подчиняетъ *Камеръ-Коллегіи* [3]). Нигдѣ въ другихъ источникахъ объ этихъ земскихъ фискалахъ не упоминается, и если принять весьма вѣроятное мнѣніе г. Петровскаго, считающаго эту «инструкцію» за одинъ изъ проектовъ—переводовъ съ шведскаго, написанныхъ Фикомъ, то слѣдуетъ предположить, что она просто содержитъ въ себѣ изложеніе особыхъ «земскихъ» обязанностей, которыя исполнялись ординарными фискалами [4]). Съ переходомъ оберъ-фискала изъ сената въ юстицъ-коллегію, явилась надобность въ замѣщеніи фискальскаго поста при сенатѣ и въ объединеніи государственнымъ значеніемъ этой должности всего учрежденія фискаловъ. Петръ долго колебался въ выборѣ этого важнаго сановника и даже открытымъ признаніемъ своихъ затрудненій мотивировалъ временную мѣру—назначеніе перемѣннаго дежурства штабъ-офицеровъ гвардіи для исполненія фискальскихъ обязанностей при сенатѣ [5]). Наконецъ въ 1723 г. гвардіи полковникъ *Мякининъ* былъ назначенъ генералъ-фискаломъ, а въ 1725 г. оберъ-фискалъ формально сдѣлался его помощникомъ. Всѣ поименованныя долж-

---

[1]) П. С. №№ 2786 и 4698.

[2]) П. С. 14 января 1719 г. № 3280.

[3]) П. С. № 3479.

[4]) *Петровскій*, стр. 113—116. Другого мнѣнія проф. Градовскій, полагающій, что фискалы дѣлились на двѣ категоріи или порядка: чисто судебныхъ, подчиненныхъ юстицъ-коллегіи, и земскихъ, подвѣдомственныхъ камеръ-коллегіи (Высш. адм., стр. 86).

[5]) П. С. 27 января 1721 г., № 3721. «Понеже государственнаго фискала вскорѣ выбрать не можемъ, того ради пока оный учиненъ будетъ опредѣляемъ по одному изъ штабъ-офицеровъ гвардіи быть при сенатѣ».

ности различались между собою, кромѣ пространства вѣдѣнія, еще и порядкомъ осуществленія предоставленной имъ власти.

Право доносить прямо въ сенатъ, въ юстицъ-коллегію, въ случаѣ же надобности и непосредственно Государю, принадлежало только генералъ- и оберъ-фискаламъ съ товарищами. Всѣ другіе фискалы должны были подавать доношенія въ низшія инстанціи: коллегіальные—въ коллегіи, провинціальные — губернаторамъ и воеводамъ и т. д. Только въ случаѣ безуспѣшности доносовъ, или когда предметомъ ихъ служили злоупотребленія самихъ «коллежскихъ» президентовъ или губернаторовъ, низшіе фискалы доносили прямо въ высшія установленія чрезъ оберъ-и генералъ-фискала. По содержанію же власти всѣ фискалы были между собою равны и, подобно нынѣшнимъ прокурорамъ, какъ бы нераздѣльны. Въ первомъ указѣ о фискальской должности (5 марта 1711 г.) сказано, что «низшіе «фискалы во всемъ имѣютъ такую же силу и свободность, какъ и «оберъ-фискалъ, кромѣ того, что вышняго судью или генеральнаго «штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ» [1]). Подчиненіе низшихъ фискаловъ высшимъ, хотя и несомнѣнное, не было точно и ясно опредѣлено въ законахъ. Провинціалъ-фискалы получали отъ оберъ-фискала указы «по ихъ должности» и доносили ему о состояніи надзора по ввѣреннымъ имъ частямъ. Опредѣленнѣе была зависимость городовыхъ фискаловъ отъ провинціальныхъ. Послѣдніе обязывались наблюдать, «дабы въ городахъ фискалы въ провѣдываніи всего дѣйствіе бы вели исправно», при чемъ имъ предписывалось разъ или два въ годъ объѣзжать свою провинцію и лично удостовѣряться въ исправной дѣятельности городовыхъ фискаловъ. Неисправныхъ они могли, по указу 1714 г., удалять своею властью, выбирая другихъ на ихъ мѣсто; по закону же 1725 г. они должны были въ такихъ случаяхъ представлять генералъ-фискалу. Въ этомъ же законѣ впервые категорически постановлено о служебномъ подчиненіи всѣхъ низшихъ фискаловъ, какъ коллежскихъ, такъ и провинціальныхъ, которые находятся «подъ дирекціею» генералъ- и оберъ-фискаловъ съ товарищами. По мысли Петра Великаго, порядокъ избранія и назначенія высшихъ фискальскихъ чиновъ долженъ былъ соотвѣтствовать ихъ отношенію къ сенату, какъ дѣятельныхъ органовъ

[1]) П. С. № 2331 п. 5.

принадлежащаго ему верховнаго надзора. Должности оберъ-и провинціалъ-фискаловъ замѣщались по избранію и утвержденію сената. Петръ строго соблюдалъ этотъ порядокъ и не измѣнилъ его даже послѣ осужденія оберъ-фискала Нестерова, приказавъ сенату: «искать въ генералъ-фискалы и оберъ-фискалы добрыхъ людей и «для того объявлять всѣмъ каллегіямъ, ежели кто знаетъ къ оному «дѣлу достойныхъ кого и таковыхъ дабы писалъ въ кандидаты и «имена прислать на генеральный дворъ» [1]). Впослѣдствіи оберъ-фискалъ присвоилъ себѣ назначеніе провинціалъ-фискала, но это всегда разсматривалось какъ злоупотребленіе и въ 1729 г. всѣ областные фискалы, назначенные «по прихотямъ Нестерова», безъ указа сената, были вызваны въ Москву «на смотръ» и затѣмъ раскассированы [2]). Впрочемъ, провинціалъ-фискаламъ сенатъ давалъ только санкцію, избраніе же ихъ исходило отъ генералъ—или оберъ-фискала.

Что же касается до городовыхъ фискаловъ, то они частью назначались провинціалъ-фискалами, частью избирались горожанами. Вслѣдствіе крайней трудности находить въ тогдашней служилой средѣ людей, способныхъ исполнять сложныя обязанности, не приходилось быть особенно разборчивымъ и строгимъ при опредѣленіи условій для занятія фискальскихъ должностей. Законодатель ограничился однимъ лишь нравственнымъ цензомъ и самъ указываетъ на крайнюю необходимость найти людей, хоть сколько-нибудь подходящихъ, «понеже дѣло сіе нужно есть». При учрежденіи фискаловъ въ 1711 г. повелѣно было въ оберъ-фискалы «выбрать человѣка умнаго и добраго какого чина ни есть» [3]). Въ дальнѣйшемъ развитіи фискалата проводится то же начало: фискалами предписывается назначать «людей добрыхъ и правдивыхъ», «людей добрыя совѣсти передъ Богомъ и честнаго житія». Единственнымъ формальнымъ условіемъ, и то лишь для городовыхъ же фискаловъ изъ «шляхетства», былъ возрастъ не моложе 40 лѣтъ. Для городовыхъ же фискаловъ изъ купечества было поставлено другое оригинальное ограниченіе: предписывалось брать фискаловъ изъ «сред-

---

[1]) *Соловьевъ*. Т. XVIII, стр. 159.—Согласно этому и первый генералъ-фискалъ Мякининъ былъ назначенъ изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ государю сенатомъ. *Петровскій*, стр. 109.

[2]) П. С. 27 іюня 1729 г. № 5431.

[3]) П. С. № 2331.

«ней или меньшей статьи» купечества, а «не изъ первостатейныхъ и «не изъ тѣхъ, которые платятъ большіе оклады, дабы не учинить въ «платежѣ табельнаго оклада недобору», такъ какъ купеческіе фискалы освобождались отъ податей [1]). По своему служебному положенію фискалы были включены въ военно-чиновничью іерархію табели о рангахъ [2]). Затѣмъ, въ видахъ улучшенія личнаго состава, ранги ихъ были возвышены особымъ указомъ 1723 г., по которому были приравнены: генералъ-фискалъ—къ генералъ-маіору, государственный оберъ-фискалъ—къ бригадиру, фискалы въ коллегіяхъ отъ полковника до маіора, провинціалъ-фискалы—къ капитану [3]).

Изъ источниковъ не видно, чтобы фискалы получали постоянное опредѣленное содержаніе. Вознагражденіе выдавалось имъ по мѣрѣ трудовъ, въ извѣстномъ размѣрѣ «штрафа», взысканнаго съ виновнаго, если фискальскій доносъ на него оказывался основательнымъ: подъ штрафомъ разумѣлись и «отписанныя на государя», т.-е. конфискованныя въ казну вотчины и помѣстья. По указу 5 марта 1711 г., фискалу присуждалась половина взысканнаго штрафа; указомъ 17 марта 1714 г. размѣръ этотъ уменьшенъ: взысканный штрафъ велѣно дѣлить на двѣ половины, изъ которыхъ одна шла въ казну, а другая распредѣлялась между фискалами, такъ что $^1/_4$ всего штрафа выдавалась фискалу-доносителю, $^1/_{20}$—оберъ-фискалу съ помощниками, а остальная часть дѣлилась между провинціалъ-фискаломъ и всѣми городовыми фискалами [4]).

Всѣ фискалы имперіи составляли особое вѣдомство, центромъ котораго служила находившаяся въ Петербургѣ сначала при оберъ-, а затѣмъ при генералъ-фискалѣ особая «фискальская канцелярія» съ завѣдывавшимъ ею секретаремъ При ней былъ домъ, въ которомъ могли останавливаться и временно проживать фискалы, пріѣзжавшіе въ столицу изъ провинцій по дѣламъ службы. Въ распоряженіе какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ фискаловъ назначались подъячіе для письмоводства и солдаты для посылокъ [5]).

[1]) П. С. № 2786 и друг.
[2]) П. С. 24 января 1722 г., № 3890.
[3]) П. С. 22 февраля 1723 г. № 4170.
[4]) П. С. №№ 2331 и 2786 п. 11. *Петровскій*, стр. 131—133.
[5]) *Петровскій*, стр. 108.

§ **37. Дѣятельность.—Общая характеристика.** Выше уже была приведена общая задача фискаловъ—«провѣдывать и надсматривать про неправый судъ и сборъ казны». Выраженная такимъ образомъ въ указѣ 5 марта 1711 г., она развивается въ цѣломъ рядѣ положеній: «кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ по«звать его передъ Сенатомъ (какой высокой степени ни есть) и «тамо его уличить [1]). Дѣйствіе же ихъ (фискаловъ) сіе есть *взы«сканіе всѣхъ безгласныхъ дѣлъ*, т.-е.: 1) всякія преступленія ука«замъ; 2) всякая взятку и кражу казны и прочее, что ко вреду «*государственному интересу* быть можетъ каково бы оное имени «ни было; 3) такожъ и прочія дѣла народныя за которыя нѣтъ «челобитчика», съ указаніемъ и примѣровъ такихъ дѣлъ [2]). По воинскому Уставу, фискалъ есть «смотритель за каждымъ чиномъ, «такъ ли всякой должностію истинною служитъ и въ прочихъ дѣ«лахъ врученныя ему поступаетъ» [3]). Подтверждая призваніе фискаловъ «смотрѣть и взысканіе чинить всѣхъ безгласныхъ дѣлъ», указъ 20 апрѣля 1725 г. предписываетъ фискаламъ о поступкахъ, противныхъ закону и государственному интересу «благовременно «доносить и со всякою прилежностію и вѣрностію поступать, дабы «никакая сила, власть, родство, свойство, посулы, ненависть или «недружба, а зависть и иная страсть превратить отъ того не «могла» [4]).

При этомъ фискаламъ запрещается «когда еще кто по дѣлу «осужденъ не будетъ, никого повреждать, и въ подозрѣніе ни сло«весно, ни письменно приводить, но по закону и правамъ, чинъ «свой содержать», другими словами, руководящимъ началомъ ихъ дѣятельности выставляется соблюденіе законности и безпристрастія. Къ этимъ общимъ обязанностямъ «инструкція земскимъ фискаламъ» 1719 г. присоединяетъ подробно опредѣленныя особыя обязанности чисто фискально-финансоваго свойства; попеченіе о цѣлости имуществъ и доходовъ государя и государства, вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ всякаго относящагося сюда нарушенія [5]). Такимъ образомъ, задача фискаловъ ограничена предѣлами узко по-

---

[1]) П. С. № 2331.
[2]) П. С. № 2786.
[3]) П. С. № 3006.
[4]) П. С. № 4698.
[5]) П. С. № 3479.

нимаемаго публичнаго интереса: это дѣла царскія, государственныя, казенныя въ тѣсномъ смыслѣ, или безгласныя. Всѣ же дѣла частнаго характера, касающіяся нарушенія частнаго интереса, дѣла, по которымъ есть потерпѣвшій, жалобщикъ, безусловно изъяты изъ вѣдѣнія фискаловъ. Законодатель очень заботится о томъ, чтобы фискалы не вмѣшивались въ никакія «челобитчиковы дѣла»; въ нихъ велѣно фискаламъ «не вступать, а вѣдаться че-«лобитчикамъ самимъ, также и въ неправомъ судѣ вершеньѣ на «судью въ сенатѣ имъ, челобитчикамъ бить челомъ самимъ же, а «фискаламъ до того дѣла нѣтъ»[1]). Подъ угрозою «жестокимъ штрафомъ или раззореньемъ и ссылкою» фискаламъ запрещено «явно иль тайно» касаться такихъ дѣлъ, какъ «гласъ о себѣ имѣющихъ»[2]). Вообще все, что, заключая въ себѣ нарушеніе частныхъ правъ и интересовъ, не затрогивало прямо государства или казны, гражданскіе споры, частныя обиды и другія преступленія противъ личности—все это лежало внѣ компетенціи фискаловъ. Даже неправосудіе и злоупотребленія должностныхъ лицъ по подобнымъ дѣламъ требовали вниманія и участія фискаловъ только въ томъ случаѣ, если отъ неправильныхъ дѣйствій чиновниковъ грозилъ прямой ущербъ «государственному интересу».

Соблюдая это основное условіе, практика не замедлила расширить кругъ обязанностей фискаловъ, перечисленныхъ въ законѣ. Фискалатъ оказался органомъ, пригоднымъ и удобнымъ для исполненія многихъ другихъ второстепенныхъ задачъ публичнаго характера, которыя выдвигала развивающаяся государственная жизнь. Государь, сенатъ и коллегія пользовались фискалами для разныхъ отдѣльныхъ судебно-административныхъ надобностей, по мѣрѣ ихъ возникновенія. Оберъ-фискалъ Нестеровъ, жалуясь въ доношеніи сенату на недостатокъ помощниковъ и обиліе дѣлъ, пишетъ: «да «сверхъ нашей же должности фискальной, просятъ всегда изъ всѣхъ «коллегій и канцелярій и приказовъ и въ другія разныя мѣста «фискаловъ къ осмотрамъ и описямъ и оцѣнкамъ подрядныхъ и «разныхъ дѣлъ»[3]). Потребность въ дѣятельномъ и всюду проникающемъ контролѣ сказывалась все шире и яснѣе, естественно отыскивая себѣ удовлетвореніе въ институтѣ, поставленномъ именно

[1]) П. С. 24 апрѣля 1713 г., № 2669.
[2]) П. С. № 2786 п. 4.
[3]) *Петровскій*, стр. 128.

для надзора за предметами общественной важности и государственнаго значенія. Въ итогѣ, дѣятельность фискаловъ заключалась: 1) въ надзорѣ за исполненіемъ должностными и частными лицами указовъ и регламентовъ; 2) въ попеченіи объ имущественномъ, казенномъ интересѣ, и 3) въ преслѣдованіи: а) казнокрадства, лихоимства чиновниковъ и вообще должностныхъ хищеній и б) безгласныхъ преступленій явно противогосударственнаго, противообщественнаго характера [1]).

Формы и средства этой дѣятельности, однакоже, далеко не соотвѣтствовали ея широкой сферѣ и богатому содержанію. Фискалы не производили формальнаго изслѣдованія, не руководили имъ, не контролировали должностныхъ актовъ, не останавливали ихъ исполненія; они только: 1) *провѣдывали*, 2) *доносили*, и 3) *обличали*, т.-е. доставляли нѣкоторый матеріалъ для изслѣдованія и контроля, побуждали къ тому и другому высшія установленія и содѣйствовали имъ въ возстановленіи порядка или правъ казны.

Провѣдываніе было тайное и явное. Первое производилось черезъ нижнихъ или рядовыхъ фискаловъ. Для явнаго же провѣдыванія служили: а) всячески поощряемые доносы частныхъ лицъ о должностныхъ злоупотребленіяхъ; фискалы были обязаны провѣрять справедливость такихъ доносовъ и для этого могли вызывать къ себѣ и разспрашивать доносчиковъ; б) право разсматривать въ присутственныхъ мѣстахъ подлинныя дѣла и документы, и в) личное присутствіе при нѣкоторыхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ (напр., при конфискаціяхъ въ казну). Обо всемъ провѣданномъ фискалы доносили правительству, причемъ въ письменныхъ доносахъ имъ рекомендовалось указывать не только самое нарушеніе, но и законъ, противъ котораго оно направлено [2]). Фискальскія «доношенія» подавались по принадлежности въ то установленіе, котораго они непосредственно касались; такъ въ сенатъ и коллегіи поступали отъ состоявшихъ при нихъ фискаловъ доношенія о безпорядкахъ и упущеніяхъ въ собственномъ вѣдомствѣ этихъ учрежденій. Въ особенно важныхъ случаяхъ или при

---

[1]) Въ 1718 г. послѣдовалъ особый указъ (П. С. № 3261) о томъ, чтобы «о похищеніи казны объявлять фискаламъ, понеже они для того устроены, а ежели фискалы утаивать и манить будутъ, то доносить въ юстицъ-коллегіумъ, а Его Величеству о томъ не докучать», такъ какъ челобитчиковъ много, а Государь «всего одна персона есть».

[2]) П. С. № 6187, п. 4.

бездѣятельности компетентнаго мѣста по полученному доношенію, фискалы могли апеллировать выше и черезъ оберъ-или генералъ-фискала къ самому государю. Производство въ присутственномъ мѣстѣ по доношенію не зависѣло отъ фискаловъ. Но, повидимому, они имѣли право, по крайней мѣрѣ въ сенатѣ, лично и устно обличать лицо, на которое поступило доношеніе [1]). Участіе фискаловъ въ судопроизводствѣ выражалось еще и въ томъ, что они присутствовали при допросѣ обвиняемаго и подписывали актъ о допросѣ его, такъ же какъ и составляемую для доклада выписку изъ дѣла, «чтобы отъ нихъ, фискаловъ въ томъ какого и «на приказныхъ людей доношенія не происходило» [2]). При провѣдываніи и доносѣ, этихъ главнѣйшихъ формахъ фискальской службы, законъ предписывалъ фискаламъ относиться ко всемъ вообще участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, въ томъ числѣ и къ обвиняемымъ, сдержанно и прилично и «въ письмахъ и на словахъ, въ позывѣ «всякаго чина людемъ безчестнымъ и укорительныхъ словъ отнюдь «не чинить» [3]).

Въ недолгомъ существованіи петровскаго фискалата игралъ выдающуюся, а иногда и рѣшающую роль вопросъ о служебной отвѣтственности его чиновъ; положеніемъ этого вопроса въ данное время опредѣлялось общественное отношеніе къ учрежденію, и всѣ постигавшія его перемѣны отражались въ той или другой постановкѣ отвѣтственности фискаловъ.

Петръ Великій первоначально не хотѣлъ связывать имъ рукъ страхомъ преслѣдованія и наказанія за неправильные или ошибочные доносы. Ставя по своему обыкновенію дѣло радикально, онъ вовсе устранилъ всякую отвѣтственность за доношеніе, почему либо не подтвердившееся, а вопросъ о доношеніи завѣдомо-лживомъ остался открытымъ. Опасеніе парализовать въ самомъ основаніи фискальскую дѣятельность пересилило другія соображенія и въ указѣ 5 марта 1711 г. фискаламъ дана полная свобода: «буде же не «уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать» даже подъ угрозою «жестокаго наказанія и раззоренія всего имѣнія». Огражденіе фискаловъ пошло еще и дальше: областные фи-

---

[1]) По указу 5 марта 1711 г., № 2331: «долженъ фискалъ позвать его передъ сенатъ и тамо его уличить».

[2]) П. С. 1719 г., № 3293.

[3]) П. С. № 2786, п. 4.

скалы, не только лично, но и со всѣми своими помѣстьями были изъяты изъ юрисдикціи мѣстнаго начальства, губернаторовъ, и сдѣланы подсудными только сенату, черезъ «государственнаго фискала» [1]).

Но уже съ первыхъ шаговъ фискалата его встрѣтило и сопровождало общее нерасположеніе, выразившееся въ свойственной времени рѣзкой и грубой формѣ. Провинціалъ-фискалы жалуются, что обыватели ихъ поносятъ и, искажая ихъ названіе, даютъ имъ оскорбительныя прозвища; оберъ-фискалъ Желябужскій горько сѣтуетъ на то, что и въ сенатѣ къ фискаламъ относятся враждебно «съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ, съ непотребными укоризны «и поношеніемъ позорнымъ» [2]).

Не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ учрежденія фискаловъ, знаменитый митрополитъ рязанскій *Стефанъ Яворскій* съ каѳедры Успенскаго собора громитъ фискаловъ и въ поученіи своемъ указываетъ именно на ихъ безотвѣтственность и безнаказанность, какъ на главную язву новаго установленія: «Законъ Господень «непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой «же то законъ, напримѣръ: поставити надзирателемъ надъ судомъ «и дати ему волю, кого хочетъ обличити, да обличитъ; поклепъ «сложить на ближняго судью вольно то ему. Не такъ подобаетъ «симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, «а не довелъ: пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ: «пусть самъ ввязаетъ въ такую; ровъ мнѣ ископалъ: пусть самъ «впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужою да мѣрою мѣрити» [3]).

Общія нареканія и смѣлое выраженіе ихъ въ словѣ къ народу блюстителя патріаршаго престола не остались безъ серьезныхъ послѣдствій. Всегда чуткій къ слабымъ сторонамъ своихъ учрежденій и никогда не стѣснявшійся открыто признавать необходимость въ исправленіи сдѣланнаго, Петръ принялъ мѣры и противъ

---

[1]) П. С. 16 января 1712 г., № 2467.

[2]) Въ провинціяхъ фискаловъ съ глумленіемъ называли: «свисталами». А въ сенатѣ— докладываетъ царю Желябужскій—и входить фискаламъ къ сенаторамъ опасно; сенаторы жестоко бранятъ ихъ: Племянниковъ называетъ «уличными судьями», а кн. Яковъ Долгорукій (непримиримый врагъ фискаловъ, которые постоянно уличали его въ злоупотребленіяхъ) зоветъ «антихристами и плутами». *Сольвьевъ*, т. XVI, стр. 233. *Петровскій*, стр. 136.

[3]) *Устряловъ*. Исторія Петра Великаго, т. VI, стр. 31.

обнаруженныхъ опытомъ недостатковъ въ учрежденіи фискаловъ, хотя вездѣ сквозитъ нежеланіе его стѣснять ихъ свыше надобности и запугивать отвѣтственностью. Въ «положеніи» 17 марта 1714 г. были установлены основанія для этой послѣдней. Она строго различается, смотря по характеру и степени умышленности главнаго нарушенія фискальскаго долга—неправильнаго доношенія. Единичная ошибка или неудача въ «добросовѣстномъ уличеніи» въ вину не ставится, «ибо невозможно о всемъ ономy (фискалу) «аккуратно вѣдать». При частыхъ же неосмотрительныхъ и несправедливыхъ доношеніяхъ, но однако же безъ умысла, «ни для какой корысти или злобы», съ фискала взыскивается «легкій штрафъ», въ размѣрѣ по усмотрѣнію сената, «дабы впредь лучше осмотряся доносилъ». За то къ умышленному и завѣдомо ложному доносу и къ таковому же послабленію законодатель безпощаденъ: виновный въ этомъ фискалъ считается «преступникомъ» и подвергается суровому тальону, т.-е. тому же наказанію, которое грозило за умышленное или скрытое имъ преступленіе [1]). Но и дальнѣйшая затѣмъ дѣятельность фискаловъ, съ одной стороны, и отношеніе къ нимъ самихъ правительственныхъ органовъ, съ другой, не оправдало ожиданій Государя и не соотвѣтствовало его желаніямъ. Указъ 28 іюня 1720 г. изъ юстицъ-коллегіи вице-президенту Спб. надворнаго суда Клокачеву съ горечью констатируетъ враждебность судей къ фискаламъ и небреженіе ихъ доношеніями: «а нынѣжъ и надворныхъ судовъ судьи такожъ «прилежна радѣнія и рѣшенья по фискальнымъ доносамъ не «чинятъ, но также откладываютъ день отъ дня и поступаютъ «къ фискаламъ съ непріятными выговоры, что де у нихъ опричь «фискальныхъ дѣлъ есть дѣла». Это въ свою очередь ведетъ къ нареканіямъ на фискаловъ и подрываетъ ихъ авторитетъ: «въ «чемъ есть фискаламъ печальное подозрѣніе, а отъ обличенныхъ «и укоризна, якобы фискальство ничто суть» [2]). Изъ инструкціи земскимъ фискаламъ 1719 г. видно, что правительству было хорошо извѣстно тяжелое положеніе фискальской должности. Государь прямо обѣщаетъ свою царскую защиту тѣмъ, кто бу-

---

[1]) П. С. № 2786, п. 5—7.—То же подтверждено и въ генеральномъ регламентѣ коллегіямъ. 1720 г. № 3534.

[2]) П. С. № 3602, также № 3608.

детъ исполнять эту нелюбимую должность усердно и добросовѣстно. «И понеже земского фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ, «того ради Его Царское Величество всѣхъ земскихъ фискаловъ, «которые вѣрностью своею показывать будутъ въ своемъ милости-«вомъ защищеніи содержать изволитъ»[1]). Петръ Великій не отрѣшается отъ мысли, что для дѣйствительности надзора, для поддержанія въ немъ энергіи и рвенія нужно относиться снисходительнѣе къ его ошибкамъ, чѣмъ къ вялости или бездѣйствію. «Лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ» говоритъ указъ 1722 г. объ учрежденіи должности генералъ-прокурора[2]).

При всемъ однако же стремленіи государя не давать въ обиду своихъ вѣрныхъ слугъ, они сами вынуждали его своими поступками показывать на нихъ жестокіе примѣры, не взирая на ихъ заслуги и усердіе. Лѣтопись фискальства за первое его десятилѣтіе представляетъ любопытное сочетаніе неутомимой ревности въ исполненіи предначертаній преобразователя по водворенію правды и порядка въ его учрежденіяхъ съ личнымъ своекорыстіемъ самихъ преслѣдователей. Фискалатъ, очевидно, отдалъ дань своему времени и несовершенствамъ своего состава и устройства. Наиболѣе яркимъ и характеристичнымъ эпизодомъ этой лѣтописи является дѣятельность и судьба третьяго оберъ-фискала *Нестерова*[3]). Онъ управлялъ фискалатомъ въ теченіе 7 лѣтъ (1715—1722 г.) и положилъ основы фискальской службы какъ при сенатѣ, такъ и по переходѣ оберъ фискаловъ въ юстицъ-коллегію.

Энергичный исполнитель мыслей Петра Великаго о правительственномъ надзорѣ, необычайно усердный и неутомимый, Нестеровъ, не смотря на свой печальный конецъ, остается крупною личностью въ исторіи этого надзора въ Россіи XVIII вѣка. Въ немъ какъ бы воплотилась та идея, которую Петръ хотѣлъ вло-

---

[1]) П. С. № 3479 п. 16.

[2]) П. С. № 3979.

[3]) Учреждая должность оберъ-фискала, Петръ не сразу могъ найти способнаго ея замѣстителя, точно такъ же какъ и впослѣдствіи съ высшей должностью генералъ-фискала. Первоначально въ 1711 г. обязанности государственнаго фискала принялъ на себя престарѣлый учитель царя, графъ Никита *Зотовъ*, не о тавившій однако же никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. Въ томъ же году оберъ-фискаломъ былъ назначенъ дьякъ *Яковъ Былинскій*, котораго уже въ слѣдующемъ году (1712) смѣнилъ *Желябужскій*, а въ 1715 г. его мѣсто заступилъ московскій фискалъ Алексѣй *Нестеровъ*, обратившій на себя вниманіе царя своимъ усердіемъ.

жить въ фискальство: онъ вѣчно въ движеніи и въ работѣ, за всѣмъ присматриваетъ, всюду подмѣчаетъ казнокрадство и лихоимство и съ замѣчательною настойчивостью обличаетъ ихъ передъ сенатомъ, а если сенатъ его не слушаетъ, то и непосредственно передъ Государемъ, которому, кстати, доноситъ и о непорядкахъ самого сената и злоупотребленіяхъ сенаторовъ. Его доношенія — непрерывный обвинительный актъ противъ тогдашняго чиновничества, мрачная картина поголовнаго хищенія и неустройства. Высокопоставленныхъ и сильныхъ лицъ Нестеровъ, повидимому не боялся; напротивъ, опираясь на довѣріе Царя, онъ смѣло и какъ бы съ особенною ревностью изобличаетъ ихъ противозаконныя дѣянія. Такъ онъ безъ устали преслѣдуетъ за неправосудіе и взятки сенаторовъ князей Волконскаго и Якова Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина и друг., не страшась мимоходомъ задѣвать даже всесильнаго «свѣтлѣйшаго князя», т.-е. Меньшикова, Шереметева, Апраксина. Петръ внимательно прислушивается къ доношеніямъ оберъ-фискала и даетъ ему широкую свободу дѣйствія, благодаря которой и своей необыкновенной энергіи, Нестеровъ достигъ полнаго успѣха въ извѣстномъ дѣлѣ сибирскаго губернатора князя Матвѣя Гагарина, котораго оберъ-фискалъ изобличилъ въ колоссальныхъ злоупотребленіяхъ и довелъ до плахи. Заслуга Нестерова важна еще потому, что онъ былъ вынужденъ въ собственномъ своемъ вѣдомствѣ бороться съ тѣмъ же зломъ, которое преслѣдовалъ въ другихъ; не встрѣчая въ подчиненныхъ ему фискалахъ ни помощи, ни поддержки, онъ и ихъ долженъ былъ уличать въ преступленіяхъ и подвергать примѣрной карѣ. Характеристичны сѣтованія Несторова на составъ фискаловъ въ 1714 г., передъ самымъ назначеніемъ его оберъ-фискаломъ. Плохи были, по его свидѣтельству, московскіе фискалы, «а въ другихъ губер«ніяхъ и спрашивать уже нечего,—писалъ онъ въ сенатъ,—многіе «фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ остуды «принять не хотятъ, добились чрезъ оберъ-фискала (Желябужскаго) «своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посылокъ, и живутъ какъ «сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафъ, «а оберъ-фискалъ сложилъ, потому что у нихъ общая дворянская «компанія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ «моимъ, котораго обучаю фискальству». Участь этого одинокаго обличителя по призванію, всею душею преданнаго фискальству,

въ которое онъ, за недостаткомъ помощниковъ, посвящалъ собственнаго сына, была трагическая. Дѣятельность Нестерова, прославившагося открытіемъ злоупотребленій, не могла не создать ему множества враговъ, которые искали только случая отмстить ему. Случай этотъ скоро представился, такъ какъ и самъ Нестеровъ далеко не былъ безупреченъ. Обстоятельства благопріятствовали его паденію, потому что съ появленіемъ въ 1722 г. новаго учрежденія, прокуратуры, предназначеннаго для исправленія или замѣны фискаловъ, они уже были въ тѣни, въ энергіи оберъ-фискала уже не ощущалось прежней надобности и тѣмъ ярче выступили темныя стороны его дѣятельности, тѣмъ легче было свести съ ней многочисленные счеты. Дѣло, погубившее Нестерова, не будучи само по себѣ особенно значительнымъ, явилось лишь поводомъ и предлогомъ. Ярославскій провинціалъ-фискалъ Савва Поповъ, уличенный во взяточничествѣ, передъ казнью оговорилъ въ томъ же и Нестерова. Государь разгнѣвался и поручилъ вновь назначенному генералъ-прокурору Ягужинскому и прокурору военной коллегіи Пашкову произвести надъ оберъ-фискаломъ розыскъ. Нестерова пытали, уличали въ разныхъ преступленіяхъ (въ томъ числѣ во взяткахъ по откупамъ и за назначеніе воеводъ, изъ чего видно, какъ велико было его вліяніе) и «вышній судъ», составленный изъ сенаторовъ, генералитета и офицеровъ гвардіи, приговорилъ его къ смертной казни, которая и была совершена надъ нимъ [1]). Гибель знаменитаго оберъ-фискала, ни въ комъ, повидимому, не возбудившая сожалѣнія, была сильнымъ ударомъ учрежденію фискаловъ, которое послѣ того уже не оправилось и, окончательно дескредитированное, не могло быть поддержано ни мѣрами обновленія, ни пересмотрѣннымъ положеніемъ о фискалахъ 1725 г. Въ указѣ 22 февраля 1723 г., изданномъ послѣ казни Нестерова, назначеніе фискаловъ новыхъ высшихъ ранговъ прямо мотивируется необходимостью поднять ихъ уровень; Петръ откровенно сознается, что прежніе фискалы, выбранные изъ «самыхъ нижнихъ людей», «явили себя въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ» [2]). Естественно, поэтому, что съ установленіемъ сна-

[1]) О личности, дѣятельности и паденіи Нестерова весьма интересныя подробности см. у *Петровскаго*, стр. 105—356 и у *Соловьева*, т. XVI, ст. 213—217, 221—224, 228. Т. XVIII, стр. 157—159.

[2]) П. С. № 4170.

чала на ряду съ фискалами, а затѣмъ и для замѣны ихъ, новаго прокурорскаго учрежденія, фискалы были ему немедленно подчинены. Въ 1722 г. фискаламъ велѣно доносить обо всемъ «своимъ прокурорамъ», т.-е. состоящимъ при однихъ съ ними коллегіяхъ, надворныхъ судахъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ фискалы съ оберъ-фискаломъ во главѣ подчинены генералъ-прокурору, которому предписано «смотрѣть за ними».

И въ этомъ порядкѣ подчиненія проявилось фискальское начало—доношенія во чтобы то ни стало, все выше и выше, даже на собственныхъ начальниковъ, до тѣхъ поръ, пока цѣль доношенія не будетъ достигнута. На прокуроровъ, не внимающихъ доношеніямъ, фискалы доносятъ оберъ-фискалу, а этотъ послѣдній—генералъ-прокурору; если же и оберъ-фискалъ бездѣйствуетъ, то фискалы и на него доносятъ генералъ-прокурору [1]).

Сдѣлавшись низшими агентами новаго органа надзора—прокуратуры, фискалы еще существуютъ нѣкоторое время и даже по временамъ процвѣтаютъ и при преемникахъ Петра Великаго, благодаря значенію доносовъ въ смутныя эпохи временщиковъ, верховниковъ-регентства и дворцовыхъ переворотовъ. Но неудовлетворительность института уже сознана, а учрежденіе прокуратуры дѣлаетъ его излишнимъ. Уничтоженіе фискаловъ, впрочемъ, послѣдовало не по какому либо одному правительственному акту, а совершилось постепенно; какъ бы само собой отжившее установленіе стушевалось и сошло со сцены. Въ 1729 г., какъ упомянуто выше, былъ предпринятъ и общій пересмотръ областныхъ фискаловъ. Указомъ 27 іюня [2]) всѣ провинціалъ—и городовые фискалы имперіи вызваны на смотръ въ верховный тайный совѣтъ и сенатъ, которому приказано ихъ «разобрать». Результаты этой разборки были рѣшительны: указомъ 24 декабря того же 1729 г. повелѣно тѣхъ изъ областныхъ фискаловъ, «которые были «изъ шляхетства, годныхъ опредѣлять въ военную службу и къ «дѣламъ, кто куда достоинъ, а негодныхъ, написавъ въ валовой «списокъ, отпустить домой до указу» [3]). Почти одновременно съ

---

[1]) П. С. 18 января 1722 г., № 3880 и 27 апрѣля того же года № 3979, также №№ 3937 и 4037.

[2]) П. С. № 5431.

[3]) П. С. № 5494.

провинціальными исчезли и столичные фискалы: въ указѣ 15 мая 1730 г., въ царствованіе Анны Іоанновны, фискальская канцелярія называется уже «бывшею», а дѣла ея, книги, денежная казна и «канцелярскіе приборы» распредѣляются между различными присутственными мѣстами [1]). Ординарныхъ гражданскихъ фискаловъ, впрочемъ, надолго пережили фискалы въ войскахъ и во флотѣ, «инквизиторы» въ духовномъ вѣдомствѣ и мѣстные фискальскіе чины въ Остзейскихъ провинціяхъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, устройство, дѣятельность и судьба фискаловъ Петра Великаго. Они не заслужили довѣрія и сочувствія современниковъ и оставили по себѣ потомству темную память; о ней достаточно свидѣтельствуетъ сохранившееся и до нашихъ дней укоризненное и оскорбительное значеніе самого слова «*фискалъ*», въ смыслѣ доносчика, представленіе о которомъ возбуждаетъ чувство страха, ненависти и презрѣнія. Не даромъ, вѣроятно, сложилось у народа это бытовое понятіе, и теперь еще живущее въ преданіяхъ и нравахъ русской школы. Образовавшія его причины важны и поучительны для послѣдующей исторіи прокурорскаго надзора, но формулировать ихъ нужно съ осторожностію, чтобы условій временныхъ и случайныхъ не смѣшать съ органическими свойствами института, зависящими отъ той или другой его организаціи.

По мысли законодателя, фискалы являлись *стражами законности, порядка* и *интересовъ казны*, безъ точнаго, однако, опредѣленія сущности и предѣловъ этихъ началъ, а съ предоставленіемъ пониманія и примѣненія ихъ усмотрѣнію самихъ охранителей. Дѣятельность фискаловъ проявлялась *въ надзорѣ и преслѣдованіи*, которые сливались, смутно различаемые въ законѣ и вовсе не отдѣлявшіеся на практикѣ. Средствами же дѣйствія были исключительно *провѣдываніе* и *донос*ъ въ ихъ простѣйшей и грубой формѣ. Въ такой постановкѣ фискальскаго надзора уже скрывались задатки его неудачи, которой способствовало и много привходящихъ обстоятельствъ. Составъ петровскихъ фискаловъ, набранныхъ безъ разбору и безъ гарантій порядочной службы, къ ней притомъ совсѣмъ неподготовленныхъ, очевидно не могъ

---

[1]) П. С. № 5557.

оказаться на высотѣ положенія, требовавшаго законом'рнаго надзора за дѣйствіями другихъ. А лучшаго состава взять было не откуда, и правительство по неволѣ и сознательно считалось съ этимъ недостаткомъ. Нерадивость и уклоненіе отъ службы отличали и фискаловъ наравнѣ съ другими тогдашними чиновниками; злоупотребленія и въ особенности взяточничество было также въ служебныхъ нравахъ времени,—и фискалы не могли быть свободны отъ этого грѣха. Но хуже всего была ихъ безнаказанность или, точнѣе, крайняя слабость ихъ отвѣтственности. Они прикрывались «милостивымъ защищеніемъ» верховной власти и эластичными постановленіями закона о наказуемости только корыстнаго или умышленно лживаго доноса, доказать который было почти немыслимо [1]). По этому возможность вредить доносами частнымъ лицамъ предоставлялась полная; общественная же польза отъ доносовъ была лишь относительная, а орудія фискальскаго воздѣйствія далеко не всегда дѣйствительны. Провѣдываніе и доношенія фискаловъ, встрѣчаясь съ упорствомъ или неправосудіемъ присутственныхъ мѣстъ, слишкомъ часто вовсе не достигали цѣли, и нужно было много недюжинной энергіи, или обличительный фанатизмъ Нестерова, чтобы не падать духомъ передъ препятствіями и продолжать добиваться цѣли. Сплошь и рядомъ «провѣдывать» было затруднительно или даже вовсе невозможно, а доносить уже поздно даже для предотвращенія послѣдствій должностнаго преступленія. Контролировать своевременно должностные акты и дѣйствія фискалы не имѣли права и вообще въ присутственныхъ мѣстахъ они являлись не существенными органами и участниками дѣлопроизводства, а пришлыми надсмотрщиками, отъ которыхъ все прячутъ и всѣ сторонятся. Дѣятельность фискаловъ не выработалась въ должностное преслѣдованіе, властное и открытое и, какъ по формѣ, такъ и по самой своей природѣ, стала ненавистна, отождествляясь на практикѣ съ шпіонствомъ и наушничествомъ. Это сродство, изъ котораго не могли выбраться фискалы, навсегда заклеймило все ихъ учрежденіе даже и въ народныхъ воспомина-

[1]) Громкіе примѣры, вродѣ казни оберъ-фискала Нестерова, фискаловъ Попцова, Косого и друг. не измѣняли положенія; это были случаи исключительные, мало вліявшіе на общій характеръ дѣятельности фискаловъ. Да къ тому же примѣры эти имѣли мѣсто уже въ послѣдніе годы фискалата.

ніяхъ. Сами чиновники, фискалы боролись главнымъ образомъ съ чиновниками же, мало занимаясь безгласными преступленіями общаго характера, отъ которыхъ, однако же, тяжко страдало общество. Нерѣдко трудно было опредѣлить, изъ-за чего ведется эта борьба, изъза правды или корысти, и кто въ ней правъ, нападающій ли во имя закона или защищающій свою личность и имущество. Въ роли фискаловъ-доносчиковъ иногда являлись люди низкіе, клеветники, доносы взводились лживые, своекорыстные, обогащавшіе доносчика на счетъ его жертвы—удивительно ли, что фискаловъ еще больше ненавидѣли, чѣмъ боялись, а самое имя ихъ сдѣлалось презрѣннымъ? Справедливость заставляетъ, однако, указать, что подобныя чувства питали къ фискаламъ, главнымъ образомъ, высшіе, болѣе развитые и обезпеченные классы общества, и въ особенности классъ служилый, чиновничество, противъ котораго и направлялись фискальскія доношенія, гдѣ было много поводовъ и предметовъ для обличенія, грозившаго въ случаѣ его успѣха паденіемъ съ высоты и гибелью. Въ простомъ народѣ, у людей бѣдныхъ и зависимыхъ, вовсе не было столь непріязненнаго отношенія къ фискаламъ. «На немъ»,—говоритъ г. Петровскій—«менѣе всего могли отражаться темныя стороны фискальства, на него «мало или даже вовсе не могли простираться корыстные виды фи«скаловъ»[1]). Напротивъ, здѣсь фискалы, исполняя свои обязанности, иногда служили бѣднымъ и угнетеннымъ единственною защитою противъ притѣснителей. Въ исторіи фискальскаго надзора не мало ея примѣровъ и она во всякомъ случаѣ должна быть поставлена фискаламъ въ заслугу, уменьшающую ихъ бытовыя вины. Нельзя не отмѣтить также еще другія полезныя стороны и послѣдствія ихъ дѣятельности. Преслѣдованіемъ явнаго беззаконія они внушали хотя нѣкоторый спасительный страхъ должностнымъ преступникамъ, напоминали имъ, что не все и не всегда сходитъ съ рукъ безнаказанно. Впервые явилась сила, громко, словомъ и дѣломъ призывавшая къ *законности* должностныхъ дѣйствій и требовавшая соблюденія *порядка* въ учрежденіяхъ. Она дѣлала это еще неловко, неумѣло, грубо, подчасъ сама впадая въ то, что изобличала, но начало закономѣрному надзору уже было положено, брошенное сѣмя не заглохло и принесло плоды.

---

[1]) *Петровскій*, стр. 149—150.

II. Учрежденіе прокуроровъ.

§ **38. Происхожденіе и развитіе.** Изъ сдѣланнаго очерка учрежденія фискаловъ ясно, что оно не достигло цѣли, поставленной ему законодателемъ, и не удовлетворило все возраставшей потребности въ бдительномъ надзорѣ за правительственными установленіями и должностными лицами. Особенно проявлялось это внутри присутственныхъ мѣстъ, къ которымъ нельзя было прикрѣпить фискаловъ, постоянно отвлекаемыхъ своими многочисленными и разнохарактерными обязанностями. Недостаточность, а вмѣстѣ и крайняя непопулярность фискальскаго надзора естественно приводили къ мысли о другой, иначе организованной формѣ его, которая могла бы дѣйствовать совокупно съ фискальствомъ, такъ какъ это послѣднее въ извѣстной степени все-таки приносило свою долю пользы, и правительство не находило еще возможнымъ совсѣмъ отказаться отъ него въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Въ поискахъ за такой новой контрольной формой Петръ Великій имѣлъ въ виду прежде всего сенатъ, гдѣ безпорядки, разоблаченные Нестеровымъ и очевидные для Государя, являлись наиболѣе вреднымъ и растлѣвающимъ примѣромъ, а между тѣмъ и оберъ-фискалъ, съ переходомъ своимъ въ юстицъ-коллегію, не могъ уже сосредоточивать на нихъ своей дѣятельности. Къ сенату, поэтому, и относились первыя попытки, предшествовавшія учрежденію прокурорскаго надзора. Еще въ 1715 г. Петръ назначилъ въ сенатъ графа Василія Никитича *Зотова* «генералъ-ревизоромъ» или «надзирателемъ» указовъ, съ обязанностью слѣдить за ихъ исполненіемъ [1]). Мѣра эта не удалась, какъ по выбору неподходящаго лица, такъ и по неопредѣленной постановкѣ должности, которая вслѣдствіе этого сама собою упразднилась, какъ только Зотовъ въ 1718 г. получилъ другое назначеніе. Въ 1720 г. ея обязанности были возложены на оберъ-секретаря сената, которымъ тогда состоялъ *Щукинъ*, пользовавшійся за свою честность и дѣловитость большимъ довѣріемъ и уваженіемъ Петра. «Къ обыкновенной должности оберъ-секретаря» прилагается настоящее наблюденіе за сенатомъ, за пра-

[1]) П. С. №№ 2957 и 3055.—*Петровскій*, стр. 159.

вильностью и порядкомъ производства въ немъ дѣлъ и даже за законностью его распоряженій. Въ случаѣ нарушенія или упущеній со стороны сенаторовъ, оберъ-секретарь долженъ немедленно обо всемъ лично или письменно доносить Государю [1]). Не привилась и эта мѣра; Щукинъ вскорѣ умеръ и полномочія его не были перенесены на его преемниковъ. Порученіе наблюдать за сенатомъ, данное лицу, ниже его стоящему и подчиненному, видимо не обѣщало полезныхъ результатовъ, въ особенности при буйныхъ и безпорядочныхъ нравахъ сенатскаго состава временъ князя Якова Долгорукова и барона Шафирова. Затѣмъ въ 1721 г. для надзора за сенатомъ была примѣнена мѣра весьма своеобразная: въ немъ учреждено, какъ уже упомянуто выше, перемѣнное дежурство штабъ-офицеровъ гвардіи съ кругомъ обязанностей и полномочій еще болѣе широкихъ. Прежде, чѣмъ доносить Государю о безпорядкѣ или беззаконіи въ сенатѣ, офицеры-надзиратели должны были троекратно напомнить сенатору-нарушителю объ его долгѣ, а въ случаѣ упорства или невѣжливаго поведенія, имѣли право даже предварительно донесенія Государю арестовать и отвести виновнаго въ крѣпость [2]). Будучи издано лишь въ качествѣ временнаго, и это распоряженіе, мало сообразное съ достоинствомъ высшаго государственнаго установленія, было недолговѣчно. Тогда, наконецъ, въ 1722 г. явилось учрежденіе генералъ-прокурорскаго и просто прокурорскаго надзора, устройствомъ котораго Петръ Великій и разрѣшилъ давно заботившую его задачу создать дѣйствительный и достойный органъ правительственнаго контроля надъ исполненіемъ законовъ.

За отсутствіемъ прямыхъ указаній, трудно съ точностью опредѣлить, какъ именно и откуда зародилась у преобразователя Россіи идея прокурорскаго для нея надзора, но по совпаденію и послѣдовательности историко-юридическихъ фактовъ можно высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія объ этомъ начальномъ моментѣ въ исторіи нашей прокуратуры. Не подлежитъ сомнѣнію, что образцы ея были взяты извнѣ и мысль о ней навѣяна иноземными порядками, въ которыхъ Петръ и путемъ личнаго знакомства и посредствомъ собиранія письменныхъ матеріаловъ, стре-

---

[1]) П. С. № 3519.—*Петровскій*, стр. 163.
[2]) П. С. № 3721.

мился найти способы удовлетворенія домашнимъ своимъ потребностямъ. Анналы Парижскаго парламента сохранили подробное описаніе небезъинтереснаго событія, съ которымъ, быть можетъ, слѣдуетъ связать первыя представленія Петра о прокуратурѣ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, въ 1717 г., тщательно изучая все, что могло имѣть для него какой-нибудь интересъ, онъ пожелалъ присутствовать и въ засѣданіи парламента. 19 іюля состоялось общее собраніе послѣдняго *(Grand chambre)*, созванное нарочно для русскаго Царя, такъ какъ незначительность подлежавшаго разсмотрѣнію гражданскаго дѣла и каникулярное время не требовали чрезвычайнаго засѣданія. Обстановка его была торжественная, какъ при *lit de justice* въ королевскомъ присутствіи. Чины парламента и его прокуратуры, облеченные въ свои парадныя одѣянія, въ горностаевыхъ мантіяхъ и со всѣми знаками своего достоинства, дважды, передъ открытіемъ и передъ закрытіемъ засѣданія, почтительно преклонились предъ Царемъ, который отвѣтилъ имъ вѣжливымъ поклономъ и внимательно, при помощи объясненія толмача, слѣдилъ за происходившимъ. Главную часть засѣданія составило устное заключеніе *(requisitoire)* занимавшаго прокурорское мѣсто, генералъ-адвоката де Ламуаньона *(Guillaume de Lamoignon)*. Рѣчь его, переведенная Петру, была прямо разсчитана на его вниманіе. Послѣ краткаго заключенія по существу дѣла, адвокатъ короны сказалъ, что обстоятельства разсматриваемаго дѣла сами по себѣ незначительны и недостойны вниманія великаго Монарха, но что онъ, представитель французской королевской прокуратуры, отъ имени всѣхъ чиновъ ея *(gens du roi)* пользуется случаемъ для того, чтобы поздравить парламентъ съ высокою честью царскаго въ немъ присутствія. «И прежде»—закончилъ краснорѣчивый прокуроръ Людовика XV—«мы видали со-«сѣднихъ Государей, являвшихся отдать долгъ уваженія познаніямъ «и мудрости нашего судилища, но не было еще примѣра, чтобы «Государь страны столь отдаленной, и столь могущественный въ «Европѣ и въ Азіи, пожелалъ присутствовать въ этомъ высокомъ «собраніи. А такъ какъ исторіи суждено передать потомству под-«виги и доблести этого героя, то храмъ правосудія долженъ вклю-«чить настоящій день въ число славнѣйшихъ дней своихъ, а лѣто-«писи парламента всегда сохранятъ о немъ воспоминаніе» [1]). Петръ

[1]) *Desmaze.* Le Parlement de Paris, 1860, p. 221 et 222.

благосклонно выслушалъ эту патетическую тираду, сказанную въ духѣ того времени и нравовъ; можно съ вѣроятностью допустить, что лично видѣнное зрѣлище королевскаго уполномоченнаго передъ высшимъ судилищемъ, окруженнаго общимъ уваженіемъ и облеченнаго авторитетомъ слова и властью дѣйствія, произвело на его воспріимчивый умъ сильное впечатлѣніе. — Въ слѣдующемъ 1718 г. упомянутый выше *Генрихъ Фикъ* предлагалъ Петру въ своихъ проектахъ устроить при сенатѣ особую канцелярію, а во главѣ ея поставить особаго начальника, выше оберъ-секретаря и наравнѣ съ сенаторами, съ правомъ голоса въ ихъ совѣщаніяхъ. Тотъ же Фикъ, въ составленномъ имъ, по порученію Петра, описаніи шведскаго государственнаго устройства, особенно подчеркиваетъ первую изъ шести учрежденныхъ Карломъ XII должностей статсъ-министровъ, предназначенныхъ сдерживать въ границахъ власть сената. Должность эта есть «*высшій ом-будсманъ*» или «хранитель правосудія». «Сей титулъ» —говоритъ Фикъ— «значитъ высшаго полномочнаго королевскаго въ дѣлахъ юстиціи. Высокое его надзираніе въ томъ состоитъ, чтобы правда и правосудіе исправно и вскорѣ по уложеніямъ, правиламъ и судебнымъ регуламъ учинена была. Всѣ фискалы въ высокихъ судахъ и губерніяхъ обрѣтаются подъ его управленіемъ и должны ему доносить... Онъ имѣетъ власть обо всѣхъ дѣлахъ извѣститься и каждому ради его поступку выговаривать» [1]). Въ этихъ словахъ изложена вкратцѣ вся сущность будущаго прокурорскаго надзора. Подъ очевиднымъ вліяніемъ двухъ такихъ образцовъ, шведскаго и французскаго, и сложилось учрежденіе Петромъ Великимъ при сенатѣ должности генералъ-прокурора, которому были даны вспомогательные прокурорскіе чины при всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и, сверхъ того, подчинены фискалы. Дальнѣйшее развитіе прокуратуры шло тѣмъ же путемъ какъ и развитіе фискалата, т. е. посредствомъ приспособленія чужаго института къ русской дѣйствительности, по мѣрѣ надобности, возникновенія отдѣльныхъ случаевъ и указаній практики. Прокурорскій надзоръ явился видоизмѣненіемъ и исправленіемъ фискалата, завершая въ этомъ отношеніи всѣ прежнія попытки, вызванныя въ свою очередь жизнью и опытомъ, которыя, по замѣчанію г. Петровскаго, требовали учрежденія прокуратуры

[1]) *Петровскій*, стр. 168.

именно въ такомъ видѣ, въ какомъ оно послѣдовало. Генезисъ прокурорскаго установленія былъ въ общемъ слѣдующій: русская государственная жизнь создала и ярко выставила настоятельную потребность; въ иноземной идеѣ, обусловленной тѣми же, но лишь ранѣе сознанными надобностями, оказалось средство къ удовлетворенію этой потребности, а затѣмъ все практическое осуществленіе дѣла на русской почвѣ сообразовалось съ ея особенными условіями и почти сразу пошло самостоятельно и своеобразно, быстро пустивъ въ ней глубокіе корни. Это было подражаніе, но изъ тѣхъ, которыя необходимы и неизбѣжны въ прогрессивномъ упорядоченіи и совершенствованіи молодаго строя, пользующагося для этого опытомъ болѣе старыхъ организацій; это было заимствованіе, но такое, которое имѣетъ непреложное основаніе въ общихъ всѣмъ цивилизующимся государствамъ юридическихъ потребностяхъ, и потому, будучи взято изъ одного, находитъ себѣ въ другомъ второе отечество.

Эпохой учрежденія и затѣмъ послѣдовательнаго образованія прокурорскаго надзора при всѣхъ установленіяхъ былъ *1722 годъ*. Указъ *12 января* этого года есть первое узаконеніе о русской прокуратурѣ; имъ повелѣно: «быть при сенатѣ генералъ-проку-«рору и оберъ-прокурору, такожъ во всякой коллегіи по прокурору, «которые должны рапортовать генералъ-прокурору». Учрежденіе прокуроровъ объявляется дѣломъ неотложной важности, и Государь спѣшитъ его организаціей: «нынѣ ни о чемъ такъ надлежитъ тру-«диться, чтобы выбрать и мнѣ представить кандидатовъ на выше-«описанные чины... понеже дѣло нужно есть» [1]). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ указовъ, всюду вводящихъ новые органы надзора. 18 января учреждены прокуроры въ провинціяхъ, при надворныхъ судахъ, съ направленіемъ къ нимъ фискальскихъ доношеній [2]). Въ табели о рангахъ 24 января прокурорамъ отведено высокое мѣсто въ чиновничьей іерархіи, гораздо выше фискаловъ, и наравнѣ съ высшимъ рангомъ судей и администраторовъ [3]). 5 апрѣля «регламентъ» адмиралтействъ-коллегіи обстоятельно опредѣлилъ права и обязанности состоящаго при ней прокурора [4]). 27 апрѣля два

[1]) П. С. № 3877 п. 4 и 5.
[2]) П. С. № 3880.
[3]) П. С. № 3980.
[4]) П. С. № 3937.

указа первостепенной важности «о должности сената» и «о должности генералъ-прокурора», сдѣлали то же самое относительно сената и состоящихъ при немъ начальниковъ прокурорскаго надзора, генералъ-прокурора и его помощника, оберъ-прокурора. Еще указъ отъ того же 27 апрѣля ближайшимъ образомъ опредѣлилъ прокурорскую должность при всѣхъ коллегіяхъ, конторахъ и надворныхъ судахъ, со ссылкою на признанный нормальнымъ адмиралтейскій регламентъ. Наконецъ указомъ 11 мая образована прокуратура при Святѣйшемъ сѵнодѣ, въ который велѣно въ оберъ-прокуроры «выбрать изъ офицеровъ, добраго человѣка, чтобъ имѣлъ «смѣлость и могъ управленіе сѵнодскаго дѣла знать», а 13 іюня ему дана «инструкція», прямо списанная съ указа о должности генералъ-прокурора [1]).

Организуя прокурорскій надзоръ, Петръ Великій старался дать его личному составу возможно большую силу и авторитетъ. 18 января 1722 г., передъ Персидскимъ походомъ, онъ назначилъ первымъ генералъ-прокуроромъ любимца своего Павла Ивановича *Ягужинскаго* и первымъ оберъ-прокуроромъ *Скорнякова-Писарева*. Уже одинъ выборъ Ягужинскаго показывалъ, какое чрезвычайное значеніе придавалось новой должности главы прокурорскаго надзора. Отъ природы умный и даровитый, по своему времени достаточно образованный, энергичный и дѣятельный, Ягужинскій, по единогласному почти свидѣтельству современниковъ, былъ вполнѣ способенъ успѣшно исполнять возложенныя на него важныя государственныя обязанности, которыя дѣлали его посредствующимъ звеномъ между Монархомъ и управленіемъ. Петръ всегда имѣлъ къ нему большое личное довѣріе и, называя его своимъ «окомъ», говорилъ: «если что-нибудь осмотритъ Павелъ, то я знаю «это такъ вѣрно, какъ будто бы я самъ видѣлъ». Представляя его передъ отъѣздомъ въ Астрахань сенату, составленному изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, Петръ весьма внушительно сказалъ сенаторамъ: «вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть; онъ «знаетъ мои намѣренія и желанія, что онъ за благо разсудитъ, то «вы дѣлайте, и хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ про«тивно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожъ, то

---

[1]) П. С. №№ 4001 и 4036.

«исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повеле-«лѣнія» [1]).

Назначеніе генералъ—и оберъ-прокуроровъ ознаменовалось и первенствующимъ участіемъ ихъ въ розыскѣ и судѣ надъ оберъ-фискаломъ Нестеровымъ, направленіе котораго они, впрочемъ, сами во многомъ унаслѣдовали. Такъ, продолжалась и при нихъ упорная борьба правительственнаго надзора съ безпорядками въ сенатѣ: она проявилась, между прочимъ, въ извѣстной ожесточенной распрѣ оберъ-прокурора Писарева съ вице-канцлеромъ Шафировымъ, которая окончилась паденіемъ обоихъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ наставительномъ указѣ Петра Великаго и теперь изображенномъ на зерцалѣ [2]). Петръ неотступно требовалъ отъ своихъ прокуроровъ энергической и настойчивой дѣятельности по надзору. Въ 1724 г., по словамъ Голикова, онъ велѣлъ «прибавить въ прокурорскую должность, чтобы регламенты хранились «такъ накрѣпко во всемъ, какъ военный регламентъ и смотрѣть «того накрѣпко за всѣми членами и подчиненными и чтобы выбравъ «изъ регламента читать такъ какъ солдатамъ или матросамъ чи-«тають». Увѣренный въ крайней необходимости повсюду неусыпнаго надзора, онъ въ томъ же 1724 году писалъ Ягужинскому: «Господинъ генералъ-прокуроръ! которые прокуроры отъ коллегій «здѣсь, прикажи имъ, чтобы они свои конторы здѣсь гораздо по-«смотрѣли, такъ ли дѣлается какъ надобно; а ежели что не такъ, «чтобъ тебѣ рапортовали и оныхъ бы сыскавъ и освидѣтельство-«вавъ, наказать, понеже за глазами, чаю, много диковинокъ есть» [3]).

---

[1]) Такими полномочіями Ягужинскій ставился въ положеніе какъ бы перваго министра, и Минихъ—врагъ его—намекая на польское его происхожденіе, выражаетъ удивленіе по поводу этихъ полномочій: Quelle maxime que de soumettre les suffrages des premiers hommes de l'Empire à celui d'un jeune homme étranger! (*Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie*). Ягужинскій кромѣ своей талантливости былъ, повидимому, болѣе честнымъ и правдивымъ, чѣмъ другіе сподвижники Петра. Отличаясь мужествомъ и твердостью, онъ былъ всегда энергичнымъ сторонникомъ и вѣрнымъ проводникомъ петровскихъ преобразованій. Въ заслугу ему можетъ быть поставлена и ненависть къ нему и преслѣдованія нѣмецкихъ временщиковъ послѣдующей эпохи—Бирона и Остермана. Онъ умеръ въ 1736 г. въ званіи кабинетъ-министра, сохранивъ номинально и званіе генералъ-прокурора. О личности и дѣятельности см. интересныя подробности въ біографіи *Иванова* у гг. *Градовскаго*, *Петровскаго* и въ т. XVIII исторіи *Соловьева*.

[2]) П. С. 22 января 1724 г., № 4436.

[3]) П. С. 20 мая 1724 г.. № 4507.

И прокуроры ревностно слѣдовали этому призыву: послѣдніе годы царствованія Петра (1723—1725 гг.) отмѣчены успѣшною и усердною дѣятельностью новаго надзора, въ которой особенно отличались, кромѣ самого генералъ-прокурора, оберъ-прокуроръ Писаревъ и его преемникъ Бибиковъ, прокуроры: юстицъ-коллегіи Ржевскій, военной—Пашковъ, адмиралтейской—Козловъ, вотчинной—Камынинъ, штатсъ-конторы — Жолобовъ, московскаго надворнаго суда—кн. Гагаринъ и мног. друг., часто упоминаемые въ различныхъ эпизодахъ великой преобразовательной эпохи.

Въ первое время, послѣ кончины Петра Великаго, при Екатеринѣ I, прокурорскій надзоръ не терялъ еще своего значенія. Указомъ 7 марта 1726 г. «о должности сената» были подтверждены всѣ прежнія обязанности высшей прокуратуры [1]). Генералъ-прокуроръ Ягужинскій не переставалъ занимать вліятельнаго положенія, какъ это видно, между прочимъ, изъ представленной имъ императрицѣ замѣчательной записки «о состояніи Россіи», въ которой сподвижникъ Петра Великаго разсматриваетъ всѣ отрасли государственнаго управленія и предлагаетъ рядъ мѣръ къ ихъ улучшенію, въ смыслѣ развитія и охраненія Петровскихъ реформъ [2]). Но уже при Екатеринѣ, а всего болѣе при ея преемникахъ наступилъ для прокурорскаго надзора періодъ колебаній и извращенія, которымъ подвергались, впрочемъ, и многіе другіе институты Петра Великаго. Установленіе во главѣ правительства сначала верховнаго тайнаго совѣта, а затѣмъ и кабинета въ ущербъ власти сената, должно было подорвать значеніе и его генералъ-прокурора. Олигархическія стремленія «верховниковъ» и владычество временщиковъ, очевидно, не могли ужиться съ законномѣрнымъ надзоромъ прокуроровъ и, не нуждаясь въ немъ, предпочитали болѣе удобное и гибкое орудіе фискальскихъ доношеній. Прокуратура, продолжая существовать de jure, неотмѣненная никакимъ законодательнымъ распоряженіемъ, уничтожалась de facto, какъ «несообразная съ видами» тогдашняго правительства [3]). Въ изданномъ при Петрѣ II важномъ «наказѣ» губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ [4]) вовсе не говорится о прокуратурѣ,

[1]) П. С. № 4847.
[2]) *Градовскій*, стр. 123. *Ивановъ*, стр. 5.
[3]) *Полежаевъ*, стр. 61.
[4]) П. С. 12 сентября 1728 г., № 5333.

какъ будто она уже не дѣйствуетъ въ гражданскомъ управленіи. Но за то о прокурорахъ не упоминается и ни въ какихъ политическихъ происках этого смутнаго времени, служившихъ цѣлямъ личнаго честолюбія и самовластія. Напротивъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, оставаясь вѣрнымъ законному порядку государственнаго строя, не только не участвовалъ въ замыслахъ «верховниковъ» ограничить власть вступившей на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, но своевременно предупредилъ ее объ истинныхъ намѣреніяхъ верховнаго тайнаго совѣта и много содѣйствовалъ ихъ разрушенію. Быть можетъ, именно вслѣдствіе этой заслуги генералъ-прокурора Анна Іоанновна не замедлила возстановить прокурорскій надзоръ и попрежнему подъ начальствомъ Ягужинскаго. Въ манифестѣ 20 октября 1730 г. указывается на существующіе въ управленіи безпорядки и злоупотребленія и напоминается, что Петръ Великій «при сочиненіи должности сенатской» такіе непорядки «отвратить искалъ», посредствомъ учрежденія прокурорской должности, «какимъ же указомъ», говоритъ манифестъ,— «оный чинъ по кончинѣ дяди нашего и Государя «отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ, о томъ намъ неизвѣстно». Прокурорскій надзоръ былъ возстановленъ этимъ манифестомъ на прежнихъ, петровскихъ основаніяхъ. Но уже въ слѣдующемъ, 1731 году, Ягужинскій, вслѣдствіе несогласія съ Бирономъ, былъ удаленъ отъ двора и назначенъ посланникомъ въ Берлинъ. Должность генералъ-прокурора, которую онъ продолжалъ носить номинально, до самой смерти своей въ 1736 г., оставалась праздною до 1740 г., когда на нее былъ назначенъ одинъ изъ бывшихъ деньщиковъ Петра Великаго, князь Никита Юрьевичъ *Трубецкой* [1]). До этого назначенія и вообще при Аннѣ Іоанновнѣ, высшая прокуратура, возстановленная на бумагѣ, на дѣлѣ отсутствовала; вообще былъ сохраненъ лишь внѣшній видъ петровскихъ учрежденій, но безъ

[1]) Второй генералъ-прокуроръ князь Трубецкой благополучно пережилъ дворцовые перевороты и остался въ своей должности и при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ участвовалъ и предсѣдательствовалъ въ высшемъ судѣ надъ Волынскимъ, потомъ надъ Минихомъ, Остерманомъ, и впослѣдствіи надъ Бестужевымъ-Рюминымъ. 20 лѣтнее пребываніе кн. Трубецкаго (до 1760 г.) въ должности генералъ-прокурора было ознаменовано возстановленіемъ власти и значенія сената. За нимъ въ той же должности послѣдовали: кн. Я. Н. *Шаховской* при Елизаветѣ Петровнѣ, А. Н. *Глѣбовъ* при Петрѣ III и кн. А. В. *Вяземскій* при Екатеринѣ II.

дѣйствительной ихъ сущности [1]). Этого нельзя, однакоже, сказать о продолжавшей дѣйствовать центральной прокуратурѣ при коллегіяхъ и въ особенности о мѣстномъ прокурорскомъ органѣ, который получилъ дальнѣйшее развитіе и изъ надзора пріуроченнаго къ надворнымъ судамъ, по указу 3 сентября 1733 г. «о должности прокурора», сдѣлался настоящимъ губернскимъ надзоромъ, съ правомъ и обязанностью постояннаго наблюденія за дѣйствіями губернатора и его канцеляріи [2]). Въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны прокурорскій надзоръ постигло вторичное за десять лѣтъ уничтоженіе; но такъ какъ законодательнаго распоряженія о немъ не послѣдовало или не осталось, то и судить объ этомъ фактѣ можно лишь по акту о новомъ возстановленіи какъ бы скраденнаго института. Изъ манифеста императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 января 1742 г. о винахъ и наказаніи Миниха, Остермана, Левенвольда и друг., оказывается, что прокуроры отмѣнены произвольнымъ распоряженіемъ всесильнаго при правительницѣ графа Остермана, который и завѣдывалъ даже не внутренними, а иностранными дѣлами; мысль же объ этомъ подалъ и «о точномъ изверженіи того нужнѣйшаго чина старался» одинъ изъ клевретовъ Остермана, начальникъ Красногорскаго военнаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Хрущовъ. Тому и другому манифестъ ставитъ въ «жестокую вину» эту отмѣну созданія Петра Великаго, которая, повидимому, была вызвана тѣмъ, что прокуроры стѣсняли произволъ какъ высшихъ правителей, такъ и второстепенныхъ начальниковъ. Императрица Елизавета Петровна немедленно по вступленія своемъ на престолъ, указомъ отъ 12 декабря 1841 г., возстановила прежнюю власть и значеніе сената, а при немъ и подъ его вѣдѣніемъ и всего прокурорскаго учрежденія на старыхъ, петровскихъ его началахъ [3]). Въ такомъ же

---

[1]) Такъ, въ важномъ памятникѣ для исторіи сенатскаго дѣлопроизводства, въ указѣ 1 января 1757 г. о перерѣшеніи въ высшемъ судѣ неправильно рѣшеннаго въ сенатѣ дѣла кн. Кантемировой говорится о дѣйствіяхъ оберъ-секретаря и секретарей, какъ главныхъ дѣятелей производства, и вовсе нѣтъ рѣчи о генералъ- и оберъ-прокурорѣ (П. С. № 7143).

[2]) Къ прокурорскому надзору при коллегіяхъ и въ губерніяхъ относятся за это время слѣдующія узаконенія: П. С. 26 іюля 1732 г., № 6138, 8 января и 3 сентября 1733 г., №№ 6299 и 6475, 11 января и 15 октября 1737 г., №№ 7155 и 7402, 15 октября 1740 г., № 8257.

[3]) П. С. № 8480.

видѣ безъ существенныхъ измѣненій прокурорскій надзоръ дѣйствовалъ и при Петрѣ III и Екатеринѣ II, до изданія «учрежденія о губерніяхъ» 1775 г.

§ 39. **Устройство и дѣятельность.** Несмотря на всѣ законодательныя колебанія, прокурорскій надзоръ за первое полстолѣтіе его существованія (отъ учрежденія его Петромъ Великимъ до реформъ Екатерины II, 1722—1775 гг.) представляетъ общія типическія черты, вытекающія изъ петровскаго его первообраза. По мысли Петра, средоточіемъ и вмѣстѣ вершиною прокурорскаго института была высокая государственная и политическая должность *генералъ-прокурора.* Состоя при сенатѣ, въ неразрывномъ съ нимъ единеніи, руководя въ немъ ходомъ дѣлъ и управляя его канцеляріей, онъ начальствуетъ надъ прокурорами и фискалами и какъ бы воплощаетъ въ себѣ самую идею правительственнаго надзора и контроля. Являясь связующимъ органомъ между монархомъ и управленіемъ, онъ наблюдаетъ за всѣми отраслями этого послѣдняго, какъ верховный блюститель законовъ, всегда стоящій на стражѣ ихъ и готовый дать за всякое ихъ нарушеніе отвѣтъ передъ Государемъ [1]), волю котораго онъ всюду представляетъ и приводитъ. «Сей чинъ», говоритъ Петръ — «якобы око наше и стряп«чій о дѣлахъ государственныхъ» [2]).

Исторія этой должности, колоссальной по своему значенію въ русскомъ строѣ XVIII вѣка, хотя и связана съ судьбою и развитіемъ прокурорскаго надзора, но болѣе всего принадлежитъ общей исторіи высшаго государственнаго управленія въ Россіи. Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы приведемъ лишь выдержки изъ превосходной ея характеристики, сдѣланной въ изслѣдованіи о ней проф. Градовскаго: «Велико было довѣріе Петра къ коллегіальной «формѣ, но еще больше было довѣріе его къ членамъ коллегій. «Полное собраніе законовъ наполнено борьбою съ недоумѣніемъ, «неопытностью и небрежностью коллежскихъ и сенатскихъ членовъ... «Если средство уничтожить произволъ и хаотическое состояніе «администраціи Петръ видѣлъ въ коллегіальномъ устройствѣ, то «средствомъ удержать вполнѣ прежнюю власть и единство верхов-

---

[1]) «Перво на немъ взыскано будетъ»—гласитъ указъ о должности генералъ-прокурора № 3979.

[2]) П. С. № 3979 п. 11.

«ной власти съ учрежденіями Петръ нашелъ въ личномъ началѣ... «онъ положилъ соединить то и другое начало въ одно цѣлое, обу- «словить ихъ развитіе и вліяніе одно другимъ, слить ихъ въ одно «прочное и незыблемое учрежденіе, гдѣ правильность и независи- «мость коллегіальнаго устройства была бы соединена съ быстро- «тою и гибкостью единичнаго состава, гдѣ лица входили бы, однако, «лишь какъ дополненіе коллегіи, составляющей основной типъ всего «устройства... Учрежденіе генералъ-прокуроровъ было послѣднимъ «шагомъ на этомъ пути... онъ (генералъ-прокуроръ) былъ учреж- «денъ для всѣхъ государственныхъ дѣлъ; сенатъ былъ *коллегіей*, «а генералъ-прокуроръ *лицомъ*, сосредоточившимъ въ себѣ всю «тогдашнюю администрацію... Генералъ-прокуроръ не представляет- «ся началомъ бюрократическимъ, а необходимымъ элементомъ се- «ната, какъ высшей государственной коллегіи, внѣ которой онъ не «имѣетъ никакого значенія... Россія была *приказана* двумъ учреж- «деніямъ, тѣсно соединеннымъ между собою и составляющимъ, въ «сущности, одно учрежденіе—сенату и генералъ-прокурору. Каж- «дый изъ нихъ служилъ дѣятельнымъ и энергическимъ исполните- «лемъ идей Петра I; сенатъ и генералъ-прокуроръ контролировали «и направляли къ единству дѣятельность (вѣдомствъ, распредѣлен- «ныхъ между коллегіями). Трудно опредѣлить, гдѣ кончалась дѣя- «тельность одного и начиналась роль другаго». Этимъ обусловли- валось, по компетентнымъ свидѣтельствамъ, и общее государствен- ное значеніе генералъ-прокурора и самое положеніе его въ сенатѣ: «генералъ-прокуроръ по старшинству послѣднее, по значенію «первое лицо въ сенатѣ; онъ засѣдаетъ въ сенатѣ, именемъ импе- «ратора контролируетъ все, что тамъ происходитъ; имѣетъ един- «ственное и рѣшительное вліяніе на мнѣніе сенаторовъ... Не буду- «чи самъ судьею, но получая свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ въ сенатѣ, «генералъ прокуроръ дѣлаетъ о нихъ свое замѣчаніе словесно и «письменно. Будучи всегда почти въ мнѣніяхъ своихъ подкрѣп- «ляемъ высочайшею властью и слѣдственно получая вліяніе на суж- «деніе членовъ сената, онъ составляетъ кормило государственнаго «управленія. Не нося званія перваго министра, онъ былъ таковымъ «на самомъ дѣлѣ. По сей-то причинѣ названъ онъ окомъ Госу- «даря» [1]).

---

[1]) *Градовскій*, стр. 108 112, 114—115, 124, 130 и пол. 6.

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего; они достаточно обрисовываютъ характеръ и содержаніе генералъ-прокурорской должности, отблескъ которой не могъ въ извѣстной степени не отразиться и на всемъ подвѣдомственномъ ей прокурорскомъ учрежденіи. Что же касается до оберъ-прокурора, то до 1763 г. онъ былъ одинъ при сенатѣ и въ качествѣ ближайшаго помощника генералъ-прокурора исполнялъ одинаковыя съ нимъ обязанности.

Подобно тому какъ генералъ-прокуроръ былъ «окомъ» Государя, всѣ подчиненные ему чины прокурорскаго надзора были «окомъ» генералъ-прокурора. Этимъ выражается сущность ихъ взаимныхъ отношеній, еще чуждыхъ іерархической постепенности послѣдующаго времени. Оберъ-прокуроры коллежскіе, при конторахъ и надворныхъ судахъ, впослѣдствіи и губернскіе были вполнѣ независимы другъ отъ друга и, сплоченные лишь отношеніемъ своимъ къ генералъ-прокурору, дѣйствовали его именемъ, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ. Отъ него получали они наставленія и указанія, къ нему обращались съ своими доношеніями и протестами, онъ обязанъ былъ «смотрѣть надъ всѣми «прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали, «а ежели кто въ чемъ преступитъ, то оныхъ судить въ сенатѣ», которому, такимъ образомъ, принадлежала юрисдикція надъ прокурорскими чинами [1]). Помимо сената, ни присутственныя мѣста, ни даже самъ генералъ-прокуроръ, не смѣли подвергать прокуроровъ взысканіямъ. Эта независимость иногда нарушалась на практикѣ удержаніемъ жалованья у провинившихся, но сенатъ разсматривалъ это, какъ уклоненіе отъ законнаго порядка и подтверждалъ привилегированную подсудность прокуратуры [2]). Генералъ- и оберъ-прокуроры подлежали исключительно суду самого Государя; только въ его отсутствіе, въ случаѣ «тяжкой и времени не терпящей вины» ихъ, напр., измѣны, сенатъ могъ устранить ихъ отъ дѣла, арестовать и назначить надъ ними розыскъ, «однакожъ ни «какой пытки, экзекуціи или наказанія не чинить» [3]).

Никакихъ особыхъ личныхъ условій для службы въ прокурорскомъ надзорѣ не опредѣлялось; велѣно было избирать «изъ всякихъ чиновъ», но «лучшихъ», сначала потому, что «дѣло нужно есть»,

[1]) П. С. №№ 3937, гл. II, т. 3; 3979, п. 3; 6475, п. 7.
[2]) П. С. 1751 г., № 9906.
[3]) П. С. № 3979, п. 9.

а затѣмъ и вслѣдствіе того, что вообще формальныя гарантіи личнаго состава были неизвѣстны въ государственной службѣ того времени. Относительно порядка назначенія прокуроровъ былъ объявленъ принципъ избранія ихъ, начиная съ генералъ-прокурора, сенатомъ для утвержденія Государемъ одного изъ представленныхъ ему кандидатовъ. Но въ дѣйствительности генералъ—и оберъ-прокуроры назначались всегда непосредственно верховною властью, а остальные чины опредѣлялись, смотря по обстоятельствамъ, то тѣмъ, то другимъ порядкомъ [1]).

Источникъ и способъ производства прокуроромъ содержанія въ точности неизвѣстенъ, но слѣдуетъ упомянуть о сдѣланной законодательствомъ въ 1733 г. попыткѣ возбудить рвеніе прокуроровъ къ дѣламъ посредствомъ выдачи имъ вознагражденія изъ собираемыхъ съ дѣлъ пошлинъ; «дабы» — какъ сказано въ указѣ — «въ «немедленномъ рѣшеніи дѣлъ болѣе прилежности имѣли и тѣмъ бы «челобитчикамъ волокитъ не происходило» [2]).

Отвѣтственность прокуроровъ за упущенія и преступленія по должности была установлена на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, какъ и отвѣтственность фискаловъ. За неумышленно-ошибочныя дѣйствія, «безъ вымысла, неразсужденіемъ какимъ», никакого взысканія не полагалось «понеже лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ». Въ случаѣ же частаго повторенія подобныхъ ошибокъ, прокуроръ подлежалъ извѣстной отвѣтственности —«не безъ вины будетъ»—не опредѣленной, впрочемъ, заранѣе. При умышленныхъ преступленіяхъ различалась отвѣтственность генералъ-прокурора и низшихъ чиновъ прокурорскаго надзора. Постановленія, касающіяся перваго, изложены соотвѣтственно его непосредственному подчиненію Государю, по волѣ котораго онъ только и можетъ быть караемъ. За «неправое доношеніе по какой страсти» генералъ-прокуроръ «будетъ самъ наказанъ, по важности дѣла». Въ болѣе важныхъ случаяхъ, за явно умышленныя и тяжкія преступленія «ежели въ чемъ поманитъ или инако, какимъ образомъ «ни есть, должность свою вѣдѣніемъ и волею преступитъ, то

---

[1]) П. С. №№ 3877, 5625, 6299. Въ послѣднемъ указѣ отъ 8 января 1733 г. говорится объ избраніи сенатомъ прокуроровъ въ военную и адмиралтейскую коллегіи и генералъ-кригсъ-коммиссаріатъ.

[2]) П. С. 13 октября 1733 г., № 7402.

«яко преступникъ указа и разоритель государства наказанъ бу«детъ» [1]).

Опредѣленнѣе была отвѣтственность коллежскихъ и впослѣдствіи губернскихъ прокуроровъ, съ которыхъ взыскивается строже, чѣмъ съ фискаловъ. За нерадѣніе и небрежность «ежели оплошкою просмотрѣлъ», въ первый разъ вычитается жалованье за полгода, во второй разъ — за годъ, а въ третій виновному грозитъ лишеніе чиновъ, половины имѣнія и ссылка въ каторжныя работы на 10 лѣтъ. Въ случаѣ же умысла и корысти преступнаго прокурора ожидаетъ смертная казнь или вѣчная каторга съ «вырѣзаніемъ ноздрей» и лишеніемъ «всего стяжанія». Кромѣ того, «за неправое доношеніе по какой страсти» назначается тальонъ, т. е. то наказаніе, «чему бы достойны тѣ были на кого доносилъ». Наученный опытомъ слабой наказуемости фискаловъ, законодатель видимо старается поставить отвѣтственность прокуроровъ, хотя и въ томъ же направленіи, но точнѣе, рѣзче и суровѣе.

Сущность прокурорской дѣятельности заключалась въ широкомъ осуществленіи *контрольнаго* начала, воплощаемаго въ лицѣ монарха, и отсюда въ охраненіи по его уполномочію силы и дѣйствія законовъ при ихъ примѣненіи. Это назначеніе и выражалось въ петровскомъ опредѣленіи генералъ-прокурорской должности: «сей чинъ есть око наше», и въ дальнѣйшемъ развитіи того же принципа, по которому всякій прокуроръ въ коллегіи и въ губерніи есть «око генералъ-прокурора», т. е. іерархическій органъ и проводникъ надзора [2]). Послѣдній слагался изъ нѣсколькихъ моментовъ, между которыми можно отличить: 1) *наблюденіе* въ собственномъ смыслѣ, 2) *предложеніе* съ напоминаніемъ или предостереженіемъ и 3) *протестація* и *доношеніе* высшему органу надзора или установленію. Самое же производство по надзору, имѣвшее преимущественно понудительный, возбуждающій характеръ, обозначалось техническимъ терминомъ «*инстиговать*».

Предметомъ *наблюденія* прокуроровъ было точное исполненіе присутственными мѣстами и должностными лицами законовъ и регламентовъ, а также быстрое движеніе и правильное рѣшеніе

---

[1]) П. С. № 3979, п. 2 и 11.

[2]) П. С. № 3937, гл. II, п. 3; № 3979, п. 11 и № 6475, п. 7 и друг.

дѣлъ. Прокурорамъ всѣхъ ранговъ предписывалось «смотрѣть на крѣпко», чтобы то или другое установленіе «свою должность хра-«нило, и во всѣхъ дѣлахъ истинно, ревностно безъ потерянія вре-«мени, по указамъ и регламентамъ, отправляло» и чтобы оно при этомъ «въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступало» и, наконецъ, чтобы «не на столѣ только дѣла вершились, а самымъ «дѣйствомъ указы исполнялись». Для достиженія этой сложной цѣли прокуроры лично присутствовали въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ и могли во всякое время разсматривать подлинныя дѣла и требовать свѣдѣнія какъ объ ихъ положеніи, такъ и вообще объ исполненіи указовъ, за которымъ они тщательно слѣдили по особой книгѣ съ собственноручными отмѣтками [1]). Секретари присутственныхъ мѣстъ были обязаны выдавать прокурорамъ нужныя имъ копіи, выписи и справки, прочитывать имъ рѣшенія, постановленныя въ ихъ отсутствіе, и вообще безпрекословно и немедленно исполнять всѣ требованія прокурорскаго надзора. Сенатская же канцелярія и прямо находилась «подъ дирекціей» генералъ-прокурора. Его участіе въ сенатскомъ дѣлопроизводствѣ было особенно дѣятельно и важно; онъ даже раздѣлялъ съ президентами или первоприсутствующими управленіе ходомъ дѣлъ и «диспутовъ» при ихъ рѣшеніи. Такъ генералъ-прокуроръ созывалъ по своему усмотрѣнію чрезвычайныя и общія сенатскія собранія и предлагалъ на ихъ разсмотрѣніе дѣла, почему-либо неразрѣшенныя въ коллегіяхъ и департаментахъ сената. Послѣ доклада дѣла, передъ началомъ каждаго совѣщанія сенаторовъ, генералъ-прокуроръ заводилъ песочные часы и, поставивъ ихъ на присутственный столъ, опредѣлялъ, смотря по важности дѣла, время для дебатовъ, по истеченіи котораго приглашалъ сенаторовъ прекратить пренія и постановить рѣшеніе. При этомъ онъ наблюдалъ за соблюденіемъ въ точности установленнаго порядка и долга службы при разсмотрѣніи дѣлъ «напоминая имъ (сенаторамъ) то, что всегда подобаетъ «сенату имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусып-«ное попеченіе, и доброе простирать и все, что вредно можетъ быть, «всемѣрно отвращать». Если въ законѣ или регламентахъ обнару-

[1]) Книга эта, имѣвшая большое значеніе въ прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ XVIII стол. состояла изъ листовъ, раздѣленныхъ пополамъ: на одной половинѣ прокуроръ отмѣчалъ содержаніе и время поступленія указовъ, а на другой сущность и время исполненія.

живался пробѣлъ, неполнота или «о которыхъ дѣлахъ ясно не изъяснено», то генералъ-прокуроръ предлагалъ сенату о восполненіи недостатка или разъясненіи недоразумѣнія путемъ интерпретаціи: «чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы». Далѣе, въ качествѣ прямаго посредника между Высочайшею властью и отправленіемъ правительственной функціи, ввѣренной сенату, генералъ-прокуроръ объявлялъ ему словесные Высочайшіе указы и повелѣнія и представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе всѣ слѣдующіе отъ сената доклады, рапорты и меморіи [1]). Въ общемъ, генералъ-прокурорскій надзоръ за охраненіемъ законовъ, начинаясь непосредственнаго у верховной власти и простираясь затѣмъ на всю дѣятельность сената, переходилъ въ подобный же, хотя и не столь ярко окрашенный и рѣзко выраженный, мѣстный надзоръ прокуроровъ при всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи, который, въ свою очередь, проявлялся въ даваемыхъ послѣднимъ предложеніяхъ и слѣдовалъ въ обратномъ, восходящемъ къ генералъ-прокурору направленіи путемъ протестовъ и доношеній.

Предложенія, къ которымъ относились также напоминанія и предостереженія, были первымъ средствомъ дѣйствія прокурорскаго надзора, какъ только въ дѣятельности присутственнаго мѣста онъ встрѣчался съ отступленіемъ отъ закона или съ нарушеніемъ предписаннаго порядка. Видя въ чемъ-либо неисполненіе указа, прокуроръ требуетъ отчета отъ неисполнившаго и обязанъ прежде всего удостовѣриться въ истинныхъ причинахъ упущенія: «невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, за лѣностью, «или небреженіемъ». О каждомъ случаѣ такого рода прокуроръ предлагаетъ подлежащему установленію, для немедленнаго исполненія, «съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они не такъ дѣлаютъ, «какъ надлежитъ, дабы исправили». Такимъ образомъ, прокурорскія предложенія заключали въ себѣ не только отрицательную сторону, критику сдѣланнаго, но и положительную, указаніе того, какъ нужно дѣйствовать.

Предложенія эти для чиновниковъ авторитетны: должностныя лица «повинны учинить» требуемое прокуроромъ. Если же этого не послѣдуетъ или, какъ выражаются указы «ежели не послушаютъ», то наступаетъ другой, послѣдній моментъ прокурорскаго воздѣйствія—

---

[1]) П. С. №№ 3978, 3979 и 4847.

явная протестація и *доношеніе* по начальству. Въ сенатѣ и коллегіяхъ протесты приносились непосредственно, на первый—Высочайшей власти, а на послѣднія—въ сенатъ, черезъ генералъ-прокурора. Въ мѣстномъ же управленіи было иначе: тамъ письменный протестъ прокурора поступалъ сначала къ вызвавшимъ его органамъ, въ «губернскую канцелярію, къ губернатору съ товарищи», отъ которыхъ и зависѣло «на протестѣ утвердиться», т. е. принять его, или же «остаться при своихъ мнѣніяхъ» и представить о томъ вмѣстѣ съ протестомъ и объясненіемъ причинъ несогласія, въ сенатъ или коллегію, по принадлежности. Относительно формы и содержанія протеста извѣстно весьма немногое; онъ долженъ былъ заключать въ себѣ юридическій разборъ опротестованнаго нарушенія, «изъясненіе противности указамъ». Подробнѣе означено, чѣмъ должно быть доношеніе съ протестомъ прокурора отдаленной (Сибирской) губерніи: оно представляло «содержаніе дѣлъ и чему кто подлежать будетъ, «и то какимъ указомъ и въ чемъ опредѣленіе противно учинено» [1]). Предъявленіе прокурорскаго протеста останавливало исполненіе того дѣйствія или постановленія, противъ котораго протестъ направленъ. Вслѣдствіе этого, а отчасти и потому, что всякое прокурорское доношеніе имѣло какъ бы укоризненный характеръ для мѣста или лица, вызвавшихъ протестъ, на ряду съ правиломъ о томъ, что «лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ», прокурорамъ предписывалось соблюдать при протестахъ крайнюю «осторожность и разсмотрительность» и чтобы «напрасно кому «безчестья не учинить». Въ случаяхъ сомнительныхъ и трудныхъ, «въ дѣлахъ неясныхъ или два вида имѣющихъ» они должны «были «протестацію остановя, не тотчасъ доносить, но посовѣтовать съ «кѣмъ заблагоразсудятъ». Они могли при этомъ даже нѣсколько промедлить протестомъ, не далѣе, однакоже, генералъ-прокуроръ—недѣли, а всѣ остальные прокуроры—3 дней. По протестамъ низшихъ прокурорскихъ чиновъ, такъ же, какъ и по доношеніямъ фискаловъ, высшіе прокуроры должны были немедленно «инстиговать», т. е. принимать мѣры къ быстрому и правильному разсмотрѣнію этихъ актовъ [2]).

---

[1]) П. С. 1740 г., № 8288.

[2]) О формахъ и способахъ прокурорской дѣятельности см. главнымъ образомъ: П. С. № 3937, гл. II, п. 1, 2. № 3979, п. 1 и 2, № 4847, п. 8 и № 6475, п. 1—3.

Кругъ дѣйствія прокуроровъ почти совпадаетъ съ предметами вѣдомства тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, при которыхъ они состояли. Дѣятельность тѣхъ и другихъ была неразрывно между собою связана. Присутственныя мѣста производятъ и рѣшаютъ дѣла, а прокуроры наблюдаютъ за этимъ производствомъ и рѣшеніемъ, охраняютъ ихъ законом҃рность, но не принимаютъ другого, ближайшаго участія въ самомъ существѣ дѣла, въ ихъ возбужденіи, постановкѣ и направленіи. Прокуроры не имѣютъ своей, особой сферы дѣйствія, не вѣдаютъ самостоятельно ни отдѣльныхъ дѣлъ, ни опредѣленныхъ стадій или фазисовъ производства.

Внѣ компетенціи прокуроровъ лежитъ и уголовное преслѣдованіе, какъ особый актъ правительственной власти. Они наблюдаютъ за уголовными дѣлами точно также, какъ и за всѣми остальными, и обвинительный элементъ отсутствуетъ въ ихъ функціи, проявляясь развѣ только въ ихъ главенствѣ надъ фискалами, этими должностными доносчиками, между прочимъ, и по уголовной части. Съ исчезновеніемъ же фискаловъ утратились на время всякіе слѣды этого элемента въ правительственной дѣятельности, которая въ XVIII столѣтіи и не нуждалась уже въ особыхъ обвинительныхъ органахъ, такъ какъ *розыскъ* полиціи и судьи-слѣдователя совершенно вытѣснилъ изъ уголовнаго процесса всѣ обвинительныя его черты и формы. Изъ области судебно-уголовныхъ дѣлъ на прокурорское учрежденіе, почти при самомъ его началѣ, была возложена особая обязанность—имѣть попеченіе объ арестантскихъ или, какъ ихъ тогда называли, «колодничьихъ» дѣлахъ. Такая мѣра была вызвана положеніемъ этихъ дѣлъ: они подолгу оставались безъ рѣшенія, остроги переполнялись колодниками, а мѣстные начальники злоупотребляли въ свою пользу ихъ даровымъ трудомъ. Свидѣтельствуя объ этихъ нарушеніяхъ закона, указъ 3 сентября 1733 г. предписывалъ губернскимъ прокурорамъ «смотрѣть» за скорымъ и правильнымъ «по указамъ» рѣшеніемъ дѣлъ о колодникахъ, чтобы подъ видомъ ареста за недоимки крестьяне не содержались подъ карауломъ, для употребленія ихъ «въ собственныя работы» губернаторовъ и воеводъ и чтобы «статейные списки» о колодникахъ велись исправно. Тѣмъ же указомъ прокурорамъ впервые вмѣнено въ обязанность присылать генералъ-прокурору по третямъ года «обстоятельные рапорты» о ходѣ и положеніи арестантскихъ дѣлъ и о содержащихся по нимъ колодникахъ [1]).

[1]) П. С. № 6475, п. 6.

Въ кругъ вѣдѣнія губернскихъ прокуроровъ входили и фискальныя, финансовыя дѣла, за которыми они должны были, «имѣть крѣпкое смотрѣніе», выражавшееся въ наблюденіи за безнедоимочнымъ и правильнымъ собираніемъ казенныхъ доходовъ, за безъубыточнымъ для казны производствомъ по подрядамъ и откупамъ, за вѣрностью финансовой отчетности и проч., вездѣ съ обязанностью «безъ всякія оплошки, усматривать къ лучшей казенной пользѣ». Поставленный на стражѣ казенной выгоды и въ обширномъ и въ тѣсномъ матеріальномъ смыслѣ, губернскій прокуроръ былъ обязанъ «всѣ доношенія, отъ кого бы ни были, касающіяся къ «интересу Императорскаго Величества принимать и инстиговать». Неизмѣннымъ присутствіемъ этой фискальной стороны въ прокурорской дѣятельности объясняется и то обстоятельство, что при всѣхъ преобразованіяхъ высшаго сенатскаго надзора дѣла «интересныя», т. е. касавшіяся имущественныхъ интересовъ казны, оставались всегда въ вѣдѣніи самого генералъ-прокурора.

Пріуроченные къ присутственнымъ мѣстамъ прокуроры принимали наблюдательное участіе и во внутренней ихъ администраціи, поддерживая и охраняя вновь введенные служебные порядки. При указанномъ уже выше отношеніи своемъ къ присутствію и канцеляріи, они имѣли право знать все, что дѣлается въ присутственномъ мѣстѣ и, между прочимъ, вели повседневную записку о времени прихода и ухода его членовъ. Записки эти періодически представлялись въ сенатъ, къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ. Подъ наблюденіемъ прокуроровъ состояла и подготовка къ государственной службѣ. Учрежденныя Петромъ Великимъ при сенатѣ, коллегіяхъ, конторахъ и проч. такъ называемыя «школы титулярныхъ юнкеровъ» для подготовленія къ службѣ молодыхъ людей, «свѣдущихъ въ приличныхъ дворянству наукахъ и юриспруденціи», находились въ ближайшемъ завѣдываніи прокуроровъ, которые каждую треть года рапортовали, черезъ генералъ-прокурора, въ сенатъ, объ успѣхахъ и поведеніи этихъ кандидатовъ на правительственныя должности [1]).

§ 40. Параллель между фискалами и прокурорами. Все сказанное можетъ дать достаточно полное общее понятіе о прокурорскомъ надзорѣ въ его первоначальномъ видѣ, который онъ получилъ отъ

[1]) *Степановъ* стр. 50.

Петра Великаго и, не смотря на всѣ превратности, сохранилъ при его преемникахъ. Для вѣрной оцѣнки этого зачатка русской прокуратуры нужно имѣть въ виду условія его происхожденія и отличія отъ другого ранняго его первообраза—фискаловъ. Г. Петровскій въ своемъ изслѣдованіи о сенатѣ въ царствованіе Петра I называетъ прокуратуру «завершеніемъ новаго зданія, созданнаго на развалинахъ стараго, вѣнцомъ, который сообщилъ этому зданію единство, прочность и гармонію» [1]). Эта характеристика примѣнима собственно къ генералъ-прокурорскому надзору, въ которомъ дѣйствительно образовался сдерживающій центръ, предохранительный аппаратъ всей новой системы гражданскаго управленія. Прежняя, до-петровская система была основана на *личномъ порученіи* и *довѣріи* Царя къ служилымъ людямъ и, въ ихъ составѣ, на такомъ же отношеніи высшихъ къ низшимъ. Недостатки этой системы, свойственной всякому молодому, еще не вполнѣ сложившемуся государственному организму, проявлялись въ чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ и колоссальномъ безпорядкѣ. Для того, чтобы избѣжать ихъ, преобразованія Петра Великаго ввели другой, прямо противоположный правительственный складъ. Простое порученіе замѣнилось дѣйствіемъ *на точномъ основаніи указовъ и регламентовъ*, а личное довѣріе—организованнымъ *недовѣріемъ*, которое и выражалось всюду проникающимъ надзоромъ. Фискалы и прокуроры были развитіемъ одного и того же принципа недовѣрія, одной и той же идеи и потребности въ надзорѣ, идеи постоянно растущей, развивающейся и, наконецъ, нашедшей свое конечное удовлетвореніе въ должности генералъ-прокурора. Отъ него надзоръ спустился внизъ, во всѣ отрасли и функціи правительства, объединяя ихъ общимъ своимъ источникомъ—и вершиной, куда стекались всѣ нити наблюденія за присутственными мѣстами и должностными лицами. Высшій надзоръ генералъ-прокурора питался и поддерживался мѣстнымъ надзоромъ прокуроровъ; при каждомъ установленіи они являлись уполномоченными верховной власти, черезъ которыхъ она видѣла и знала все, что касалось соблюденія законовъ. Въ лицѣ прокурора она какъ бы невидимо присутствовала при ихъ примѣненіи, всегда готовая исправить сверху то, что уклонялось отъ законнаго пути внизу. Эта охрана закон-

---

[1]) *Петровскій*, стр. 183.

наго порядка представлялась Петру Великому до такой степени необходимою и важною, что сначала былъ испробованъ даже двойной надзоръ, фискальскій и прокурорскій, вызванный несовершенствомъ перваго. «Оба надзора», говоритъ г. Петровскій—«существуютъ рядомъ, дополняя другъ друга, одинъ карая совершенныя «преступленія—фискалы, другой стараясь предупредить ихъ—прокуроры, одинъ,—проникая всюду, легкій, подвижной, все осматривающій, ко всему прислушивающійся, розыскивающій, вывѣдывающій, другой—постоянный, неподвижный, за однимъ только мѣстомъ прямо надзирающій и пользующійся услугами перваго, и «наконецъ, оба сходящіеся въ лицѣ генералъ-прокурора—ока государева» [1]).

Такое совмѣстное существованіе продолжалось весьма недолго, и болѣе цѣлесообразная прокуратура скоро вытѣснила и замѣнила собою фискалатъ, усвоивъ, впрочемъ, отъ него, въ своемъ послѣдующемъ развитіи, значительную часть того, что въ фискальскомъ надзорѣ было живаго и полезнаго. Изъ сопоставленія обоихъ учрежденій ярко выступаютъ ихъ отличія и относительныя свойства, которыми и опредѣлилась ихъ судьба.

Фискалы, хотя и подчиненные главенству оберъ-фискала, дѣйствовали каждый порознь, другъ отъ друга отдѣльно и самостоятельно, обращаясь къ высшимъ органамъ надзора только въ случаѣ необходимости. Прокуроры же составляли единое цѣлое, будучи лишь орудіями генералъ-прокурора, которому и былъ собственно ввѣренъ весь надзоръ, распредѣленный затѣмъ между высшими чинами вслѣдствіе физической невозможности справиться съ нимъ одному лицу. Уже поэтому прокурорскій надзоръ былъ интенсивнѣе и сильнѣе, почерпая въ огромной власти и высокомъ положеніи своего главы всегда дѣйствительныя средства дѣйствія.

Фискалы, непріуроченные къ присутственнымъ мѣстамъ, не имѣли съ ними никакихъ органическихъ связей, не посвящались прямо въ ихъ дѣла и лишены были возможности шагъ за шагомъ слѣдить за ихъ дѣятельностью. Поэтому и наблюденіе ихъ носило характеръ посторонній и случайный, а успѣхъ его зависѣлъ отъ степени содѣйствія, оказываемаго имъ начальствомъ присутственнаго мѣста или высшимъ установленіемъ. Прокуроры же, состоя

---

[1]) *Петровскій*, стр. 184.

при присутственныхъ мѣстахъ и должностныхъ лицахъ, присутствуютъ при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и наблюдаютъ за ними съ такою правильностью и постоянствомъ, что ни одно нарушеніе не можетъ отъ нихъ укрыться; все дѣлопроизводство не только день за днемъ для нихъ открыто, но и формально проходитъ черезъ ихъ контроль.

Фискалы имѣли дѣло съ нарушеніями, уже совершившимися и притомъ такими, въ которыхъ проявляется злонамѣренность, умыселъ или прямое нерадѣніе; обнаруживая и изобличая ихъ, они способствовали возстановленію законнаго порядка не прямо, а посредственно, кружнымъ путемъ преслѣдованія и кары нарушителя. Прокуроры, останавливая неправильныя дѣйствія, не допускаютъ нарушеніямъ совершиться и, предупреждая ихъ при малѣйшемъ признакѣ, прямо достигаютъ конечной цѣли всякаго надзора— охраны и возстановленія законнаго порядка. Кромѣ того, они обращаютъ вниманіе и на такія отступленія отъ закона, которыя происходятъ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія его и, разъясняя ошибки или неясность, являются истолкователями истиннаго смысла указовъ и регламентовъ.

За фискальскимъ надзоромъ, однакоже, есть и преимущества: область его шире и обвинительная сторона его заключала въ себѣ общественные элементы. Касаясь, главнымъ образомъ, правительственныхъ актовъ, онъ не былъ ими ограниченъ, а могъ направляться и на все общество, на противозаконные поступки обывателей, также подлежащіе фискальскому преслѣдованію, особенно, когда по отсутствію потерпѣвшихъ, дѣянія эти безгласны. Прокуроры же, напротивъ, замкнуты въ бюрократическій кругъ правительственной дѣятельности и имѣютъ дѣло съ жизнью и ея незаконными явленіями лишь по стольку, по скольку явленія эти служатъ предметомъ дѣлопроизводства судебныхъ и административныхъ мѣстъ.

Но, какъ уже было выше упомянуто, фискалы или мало пользовались своими обвинительными полномочіями или употребляли ихъ во зло, возбуждая при этомъ страхъ и ненависть способомъ своего воздѣйствія, которое почерпывалось тайнымъ провѣдываніемъ и доносомъ. Напротивъ, прокуроры открыто выступаютъ въ значеніи органовъ закономѣрнаго правительственнаго надзора и при всякомъ нарушеніи закона явно протестуютъ противъ него

передъ высшею властью, пріучая общество видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ безличную охрану законности даже противъ должностныхъ ея нарушителей.

Короче, фискалы — *блюстители чиновничьей нравственности* и соотвѣтствія поступковъ какъ чиновниковъ, такъ и гражданъ видамъ и выгодамъ правительства, прокуроры—*блюстители законности* всѣхъ отправленій правительственной дѣятельности; фискалы – *органы* только узкаго *правительственнаго надзора* въ его первобытномъ проявленіи, прокуроры—уже *органы* самого *закона* и вмѣстѣ стражи его цѣлости и правильнаго исполненія. Отсюда и различіе въ формахъ дѣйствія тѣхъ и другихъ: первые *доносятъ* о закононарушеніи, вторые *протестуютъ* противъ него; доносъ долженъ только *обнаружить* нарушеніе, внушая при этомъ *страхъ* угрозой наказанія, протестъ же, стремясь *возстановить* нарушенный порядокъ, возбуждаетъ болѣе высокое чувство *уваженія къ закону* и утверждаетъ его авторитетъ.

Проведенная параллель клонится, очевидно, въ пользу института прокуроровъ, который и оказался жизнеспособнѣе фискалата, не вызвавъ подобно ему ни ненависти въ обществѣ, ни разочарованій въ законодателѣ. Конечно, и прокурорскому надзору пришлось испытать на себѣ всѣ несовершенства только-что преобразованнаго строя: контролирующіе мало отличались отъ контролируемыхъ и сами вовсе не были застрахованы отъ тѣхъ же грѣховъ и недостатковъ. Къ тому же и обстановка добросовѣстной и ревностной прокурорской службы была вовсе нелегкая, прокуроры унаслѣдовали отъ фискаловъ, если не полную враждебность, то упорное противодѣйствіе чиновничества, плохо мирившагося съ учрежденнымъ за нимъ наблюденіемъ. Произволъ и своеволіе, личные виды и корысть, лѣнь и безпорядочность, неразвитость и невѣжество—все это не уживалось съ основнымъ началомъ прокурорскаго надзора, требовавшимъ соблюденія закона и безкорыстнаго, усерднаго и толковаго выполненія обязанностей службы. Поэтому, какъ только желѣзная рука Петра перестала сдерживать всѣ части созданнаго имъ правительственнаго устройства, при всякомъ временномъ ослабленіи центральной власти, значеніе прокуратуры блѣднѣло и стушевывалось передъ началомъ личнаго усмотрѣнія чиновниковъ-правителей. Но эти побѣды безконтрольности были скоропреходящи: при всякомъ наступленіи въ государствѣ болѣе

благопріятнаго внутренняго положенія и лучшихъ условій для законности, возрождалась и прокуратура къ новому существованію. Изъ этой борьбы за право и порядокъ она вышла съ честью, перенеся неприкосновеннымъ въ послѣдующія эпохи живой принципъ охраненія законовъ среди самихъ его исполнителей. Верховная власть настойчиво указывала прокурорскому надзору высокія и плодотворныя задачи; въ стремленіи къ нимъ должна была заключаться вся будущность его, а отъ достиженія ихъ зависѣли всѣ возлагавшіяся на него надежды. Манифестъ Императрицы Анны Іоанновны, отъ 2 октября 1730 г., усматриваетъ въ законоохранительной и контролирующей дѣятельности сената и неразрывно соединеннаго съ нимъ прокурорскаго надзора единственный выходъ изъ такихъ обстоятельствъ, при которыхъ «*въ государственныхъ дѣлахъ слабое чинится управленіе и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія такъ, какъ указы повелѣваютъ, получить не могутъ, и бѣдные отъ сильныхъ утѣсняемы, обиды и раззоренія претерпѣваютъ*». По словамъ манифеста, преобразователь Россіи «*такіе непорядки и утѣсненія бѣднымъ не точію отвратить искалъ, но дабы оныя весьма искоренить и совершенный добрый порядокъ ввести*». Средство къ этому Петръ Великій находилъ въ учрежденіи прокурорскаго надзора «*и того ради не тунъ чинъ генералъ-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при сенатѣ, а въ коллегіяхъ и тогда бывшихъ надворныхъ судахъ прокуроровъ учредить изволилъ*» [12]).

---

[12]) П. С. № 5625.

ГЛАВА VII.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ОТЪ ЕКАТЕРИНЫ II ДО ИЗДАНІЯ СВОДА ЗАКОНОВЪ [1].

I. Прокурорскій надзоръ при Екатеринѣ II.—§ 41. Прокурорскій надзоръ до „учрежденія о губерніяхъ".—§ 42. Прокурорскій надзоръ по „учрежденію о губерніяхъ".—§ 43. Прокурорскій надзоръ послѣ „учрежденія о губерніяхъ". II. Прокурорскій надзоръ послѣ Екатерины II.—§ 44. Прокурорскій надзоръ при Императорѣ Павлѣ.— § 45. Прокурорскій надзоръ при Императорѣ Александрѣ I.

I. Прокурорскій надзоръ при Екатеринѣ II.

§ 41. **Прокурорскій надзоръ до учрежденія о губерніяхъ.** Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, подъ вліяніемъ новыхъ правительственныхъ взглядовъ, явственно обозначается и постепенно возрастаетъ раздвоеніе въ развитіи обѣихъ главныхъ степеней прокурорскаго надзора, высшаго и центральнаго, въ лицѣ генералъ-прокурора, и мѣстнаго губернскаго, который скоро поглощаетъ собою надзоръ «коллежскій», такъ какъ и самыя коллегіи съ «учрежденіемъ объ управленіи губерній» фактически переносятся въ провинціи. Связь между высшей и низшей прокуратурой, по прежнему тѣсная и крѣпкая въ догмѣ закона, въ дѣйствительности нѣсколько ослабѣваетъ, становится болѣе отдаленною; обѣ отрасли, хотя и продолжая взаимодѣйствовать, развиваются каждая отдѣльно, идутъ различными путями и получаютъ далеко не тождественную окраску. Генералъ-прокуроръ остается, какъ и прежде,

[1]) Полное собраніе законовъ т. XVII—XXIII. *Градовскій*, *Степановъ*, *Полежаевъ*, *Ивановъ*—назв. соч.

во главѣ всей прокуратуры, но это служебное отношеніе почти исчезаетъ въ его огромномъ государственномъ и политическомъ значеніи, въ силу котораго онъ вѣдаетъ множество разнообразнѣйшихъ дѣлъ высшаго управленія. Въ сферѣ этого послѣдняго онъ является наиболѣе сильнымъ представителемъ единоличнаго, министерскаго начала, которое беретъ верхъ надъ коллегіальнымъ управленіемъ. Еще недавно (при Елизаветѣ Петровнѣ) только неотъемлемая, интегральная часть сената, генералъ-прокуроръ теперь уже выдѣляется изъ его состава, даже возвышается надъ нимъ и соединяетъ въ своихъ рукахъ, кромѣ высшаго охраненія законовъ при сенатѣ, завѣдываніе внутренними дѣлами, финансами и юстиціей. Въ сенатѣ дѣйствуютъ главнымъ образомъ его помощники оберъ-прокуроры; а остальные чины прокурорскаго надзора отодвигаются въ провинціи, гдѣ занимаютъ по теоріи весьма видное, но на практикѣ уже второстепенное положеніе среди губернской администраціи. Они—органы генералъ-прокурора, но подъ его же вѣдѣніемъ состоятъ и другія губернскія власти, которыя черезъ него же обращаются въ сенатъ и къ Монарху. Они—органы правительственнаго надзора, но рядомъ съ ними тѣми же наблюдательными полномочіями облечены и мѣстные административные начальники, намѣстники и губернаторы. Въ самомъ приложеніи надзора къ жизни происходитъ существенная, хотя и медленная перемѣна. Прежде цѣльный и единый, по мѣрѣ усложненія правительственнаго устройства, онъ самъ дробится и мельчаетъ, входитъ въ дѣловой обиходъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій и мало по малу перестаетъ быть той панацеей противъ всѣхъ административныхъ золъ, какимъ считали его въ первой половинѣ XVIII вѣка. Кругъ его, однакоже, становится шире, ближайшія проявленія многочисленнѣе и опредѣленнѣе, система ихъ—стройнѣе, но за то практическое значеніе—отвлеченнѣе. Эта общая эволюція въ исторіи прокурорскаго учрежденія проходитъ черезъ всю екатерининскую эпоху и сказывается ясно въ направленіи ея правительственныхъ актовъ объ этомъ учрежденіи. Ни временное чрезвычайное возвышеніе генералъ-прокурорской должности, ни широкое законодательное развитіе мѣстной прокуратуры при Екатеринѣ II не мѣшаютъ прослѣдить процессъ, который, взаимно удаливъ генералъ-прокурора, сенатъ и мѣстныхъ прокурорскихъ чиновъ, превратилъ перваго въ министра юстиціи, а послѣднихъ

сдѣлалъ частью систематически построеннаго, но сложнаго и тяжеловѣснаго областнаго механизма.

Подробное описаніе *генералъ-прокурорской должности* и всѣхъ ея видоизмѣненій въ разсматриваемый періодъ выходитъ за предѣлы настоящаго очерка уже потому, что генералъ-прокуроръ, будучи какъ бы первымъ министромъ по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, касался прокурорскаго надзора сравнительно только небольшою частью своихъ обязанностей. Но краткая ихъ характеристика необходима для объясненія послѣдующаго хода и постановки нашей прокуратуры, въ которой и до сихъ поръ терминъ «генералъ-прокуроръ» звучитъ такъ многозначительно и властно. Манифестомъ 15 декабря 1763 г. «о постановленіи штатовъ расным присутственнымъ мѣстамъ» и проч. Сенатъ, обремененный такимъ множествомъ дѣлъ «что превосходитъ силы человѣческія всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время», былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ, изъ которыхъ при первомъ, вѣдавшемъ «государственныя, внутреннія и политическія дѣла», остался самъ генералъ-прокуроръ, а къ прочимъ назначено пять подвѣдомственныхъ ему оберъ-прокуроровъ. Тогда же установленъ порядокъ перенесенія оберъ-прокуроромъ дѣлъ, по которымъ въ департаментѣ не состоялось единогласія сенаторовъ, въ общее собраніе при 1-мъ департаментѣ, при разногласіи же и здѣсь между присутствующими генералъ-прокуроръ представлялъ все дѣло «съ своимъ разсужденіемъ» на Высочайшее разсмотрѣніе [1]). Десять лѣтъ спустя расширеніе круга вѣдѣнія генералъ-прокурора вызвало дальнѣйшее развитіе той же организаціи. Въ 1774 г. и при 1-мъ департаментѣ учрежденъ особый оберъ-прокуроръ, а генералъ-прокуроръ сохранилъ за собою лишь 1) дѣла общаго собранія, 2) дѣла «государственныя и интересныя», 3) дѣла секретныя, и 4) всѣ тѣ, которыя онъ найдетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному надзору [2]).

Въ 1766 и 1767 гг. генералъ-прокуроръ былъ призванъ къ ближайшему и важному участію въ знаменитомъ законодательномъ начинаніи Екатерины II, выразившемся въ созваніи коммиссіи о сочиненіи проекта новаго «уложенія». Въ «обрядѣ управленія»

---

[1]) П. С. № 11,989.

[2]) П. С. № 14,192.

этой коммиссіи, изданномъ 30 іюля 1767 г. [1]) и въ самыхъ ея занятіяхъ на долю тогдашняго генералъ-прокурора князя Вяземскаго выпала выдающаяся, если не первенствующая, роль. На него были возложены всѣ подготовительныя работы по созыву депутатовъ и предсѣдательствованіе въ коммиссіи до избранія ея «маршала», съ которымъ затѣмъ онъ раздѣлялъ руководство преніями и управленіе какъ канцеляріею всей коммиссіи, такъ и распорядительнымъ ея отдѣленіемъ или «дирекціонною коммиссіею». Изъ всѣхъ прежнихъ учрежденій одинъ генералъ-прокуроръ въ качествѣ представителя власти участвовалъ въ законодательныхъ трудахъ сословныхъ представителей, въ чемъ явственно сказалась отдѣльность его отъ сената, который остался въ сторонѣ отъ этого обще-государственнаго дѣла.

Значеніе генерала-прокурора постоянно возрастало, сфера дѣятельности его расширялась включеніемъ въ нее все новыхъ и новыхъ обязанностей и дѣлъ, такъ что къ концу царствованія Екатерины генералъ-прокуроръ уже стоялъ во главѣ всей внутренней администраціи и управлялъ разнообразнѣйшими ея отраслями, получая на свое имя большую часть Высочайшихъ указовъ и повелѣній, которыя лишь для соблюденія формы объявлялись черезъ сенатъ. «Изъ него возвышается»—говоритъ профессоръ Градовскій—«обширная власть генералъ-прокурора, какъ главнаго руко«водителя финансовъ [2]), государственнаго хозяйства и внутренняго «управленія; сохраняя при этомъ свое значеніе блюстителя зако«новъ въ дѣлахъ судебныхъ, онъ соединилъ въ своемъ лицѣ долж«ность министра финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, сна«чала въ сенатѣ, а потомъ и въ отдѣльныхъ отъ сената учреж«деніяхъ» [3]).

Такое возвышеніе генералъ-прокурора обусловливалось, кромѣ обращенія правительства къ личному элементу въ управленіи, къ началу министерскому, вмѣсто коллегіальнаго, сенатскаго, еще и качествами лица, на которое палъ выборъ императрицы для замѣщенія генералъ-прокурорскаго поста, послѣ А. И. Глѣбова, гене-

---

[1]) П. С. № 12,948.

[2]) До назначенія государственнаго казначея генералъ-прокуроръ исполнялъ его обязанности (1781) и сверхъ того состоялъ директоромъ ассигнаціоннаго банка съ его конторами.

[3]) *Градовскій.* Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры. Стр. 209

ралъ прокурора Петра III. Князь Александръ Алексѣевичъ *Вяземскій*, назначенный генералъ-прокуроромъ въ 1764 г. и прослужившій въ этой должности до 1793 г., т. е. почти 30 лѣтъ, принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка. По пріобрѣтенному имъ вліянію и массѣ разнохарактернаго труда, имъ или подъ его руководствомъ выполненнаго на государственную пользу, онъ можетъ быть поставленъ въ области гражданскихъ дѣлъ на ряду съ военно-политическимъ значеніемъ Потемкина, вмѣстѣ съ которымъ онъ сдѣлался въ 1782 г. первымъ кавалеромъ вновь учрежденнаго ордена св. Владиміра. Вполнѣ усвоивъ себѣ взгляды и требованія Императрицы, глубоко проникаясь ея идеями, по мѣрѣ того какъ онѣ слагались, и чутко переживая всѣ ихъ измѣненія, князь Вяземскій былъ для Екатерины II приблизительно тѣмъ же, чѣмъ первый генералъ-прокуроръ Ягужинскій для Петра Великаго. Въ 1790 г. во время болѣзни Вяземскаго Екатерина говорила статсъ-секретарю Храповицкому, что «должности его (Вяземскаго) раздѣлитъ четверымъ. Знаешь ли, «что ни изъ князей Голицыныхъ, ни Долгорукихъ нельзя сдѣлать «генералъ-прокурора?... Жаль Вяземскаго: онъ мой ученикъ и «сколько я за него выдержала!» И ученикъ блистательно оправдалъ довѣріе наставницы, которая въ «секретнѣйшемъ наставленіи» данномъ ему при вступленіи въ должность, объявила, «что «ничего не можетъ быть вреднѣе для общества, какъ такой генералъ-прокуроръ, который не имѣетъ откровенности и чистосердечія къ своему государю, а черезъ это не пользуется и самъ довѣренностью монарха, между тѣмъ какъ власть сего послѣдняго «только и есть одна подпора для генералъ-прокурора, обязаннаго «по должности своей оказывать сопротивленіе наисильнѣйшимъ «людямъ» [1]).

---

[1]) *Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.* 1858. Т. I, стр. 101—104. Въ этомъ интереснѣйшемъ памятникѣ прежняго значенія генералъ-прокурорской должности есть замѣчательныя мысли, исполненныя государственной мудрости и выраженныя съ тѣмъ сочетаніемъ глубины и мѣткости, въ которомъ Екатерина II не имѣла себѣ равнаго. Такъ, вспоминая о «верховникахъ» и политическихъ временщикахъ прошлаго времени, Императрица говоритъ: «Россійская Имперія есть столь «обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна «ей, ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіи и многое множество страстей въ себѣ «имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію силы влекутъ, нежели одного Государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ

Но самое возвышеніе генералъ-прокурорской должности должно было привести къ ея разложенію. Все огромное ея значеніе далеко превышало ея основной, первоначальный типъ и, будучи явно временнымъ, пріурочивалось не столько къ ней самой, сколько къ дарованіямъ лица, ее занимавшаго; оно зависѣло также и отъ особенностей и условій даннаго историко-юридическаго момента. Въ многообъемлющей власти генералъ-прокурора Екатерины II выдвигалось новое, министерское, исполнительное или, какъ тогда выражались, «совершительное» начало, которое и заслонило собою его первоначальную охранительную функцію въ составѣ правящаго и вмѣстѣ охраняющаго сената. Послѣдній же все болѣе и болѣе замыкался въ положеніе высшаго судебнаго установленія, а генералъ-прокуроръ имѣлъ и внѣ его обширную единоличную компетенцію. По самой сущности своей она легко допускала раздѣленіе государственнаго труда между нѣсколькими органами, а по своей сложности скоро указала на необходимость такого раздѣленія, которое и должно было неизбѣжно совершиться, образовавъ вмѣсто одного генералъ-прокурора нѣсколькихъ министровъ. Элементъ охраненія законовъ, все еще пребывавшій въ функціи сената и его генералъ-прокурора, вмѣстѣ съ подвѣдомственными имъ судебными дѣлами, составили содержаніе генералъ-прокурорской должности въ новой ея конструкціи, какъ только она выдѣлила различныя отрасли управленія въ отдѣльныя предназначен-

---

«собственнымъ, а другіе всѣ по слову евангельскому, наемники суть» (п. 4). Объ управленіи окраинами (Малороссіей, Финляндіей, Лифляндіей и др.) сказано, что «надлежитъ «легчайшими способами привести къ тому, чтобы они перестали глядѣть какъ волки къ «лѣсу ибо, хотя они и управляются особо конфирмованными привиллегіями, которыя «нарушить вдругъ было бы непристойно, однако же и называть ихъ чужестранными «и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, а можно «назвать съ достовѣрностью глупостью» (п. 10). Предостерегая кн. Вяземскаго противъ склонности сената къ самовластію и существующихъ въ немъ партій, Екатерина рекомендуетъ своему генералъ-прокурору полное безпристрастіе: «Вамъ не должно уважать «ни ту, ни другію сторону; обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушивать «всякаго, имѣя только единство на пользу отечества, и справедливость въ виду» (п. 3). Упоминается и о предстоящихъ генералъ-прокурору трудностяхъ въ управленіи обширною канцелярскою частью и приводится примѣръ кардинала Ришелье, говорившаго что ему легче управлять государствомъ и «вводить въ свои виды Европу, нежели править «королевскою антикаморою», такъ какъ въ этомъ дѣлѣ «всѣ праздноживущіе придвор«ные» старались препятствовать ему своими интригами. «Для васъ впрочемъ», заключаетъ Государыня, «есть здѣсь средство, которое Ришелье не имѣлъ, именно перемѣните всѣхъ «сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады» (п. 7).

ныя для нихъ вѣдомства. Изъ этихъ отраслей въ рукахъ генералъ-прокурора осталось завѣдываніе судебной частью въ Имперіи, а изъ сферы общаго охраненія законовъ—наблюденіе за ними при сенатѣ и главенство надъ мѣстными органами прокурорскаго надзора.

Такимъ образомъ, уже при князѣ Вяземскомъ подготовилась почва для будущей организаціи министерства юстиціи. Онъ самъ сознавалъ преходящій характеръ безпримѣрнаго возвышенія генералъ-прокурора и чувствовалъ, что быстрыми шагами идетъ къ новому порядку, что съ происходящимъ дробленіемъ вѣдомствъ онъ, такъ долго бывшій единымъ «окомъ» верховной власти, готовится стать лишь однимъ изъ ея министровъ. «Нѣсколько разъ «просилъ онъ императрицу объ отставкѣ; современники охотно при«писывали это зависти и другимъ не совершенно чистымъ побуж«деніямъ. Но врядъ ли можно упрекнуть этого человѣка, ко«торый цѣлую жизнь посвятилъ службѣ и, оставляя ее, не вынесъ «изъ нея ничего кромѣ пенсіи» [8]).

Царствованіе Екатерины II было по преимуществу эпохой децентрализаціи и старательнаго устройства мѣстнаго управленія; длиннымъ рядомъ законодательныхъ распоряженій опредѣлилось и развитіе *мѣстной прокуратуры.* Въ изданномъ 21 апрѣля 1764 «наставленіи губернаторамъ», двѣ черты, касавшіяся прокуратуры, какъ бы связывали ее постановку съ старыми петровскими традиціями съ одной стороны и въ тоже время, съ другой, вводили ее въ кругъ новой административной организаціи. Такъ въ случаѣ бездѣйствія или превышенія власти, допущенныхъ самимъ губернаторомъ, прокуроръ губернской канцеляріи «въ силу должности своей» могъ довести объ этомъ до свѣдѣнія сената. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, высшее наблюденіе за неисполненіемъ законовъ всѣми и каждымъ въ губерніи, охраненіе правосудія и справедливости, предупрежденіе злоупотребленій и изобличеніе ихъ передъ сенатомъ—словомъ все содержаніе прокурорскаго и фискальскаго надзора, и притомъ въ самой широкой и властной формѣ было возложено, независимо отъ прокуратуры, на губернатора, которому предписано «взирать недремлющимъ

---

[1]) *Градовскій*, стр. 255.—*Ивановъ.* Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ, V, стр. 41—56.

окомъ» на соблюденіе законовъ въ ввѣренной ему губерніи [1]). Впрочемъ, законодатель и прокурорамъ настойчиво напоминаетъ ихъ обязанности по надзору вообще и за казенными взысканіями въ особенности; надзоръ этотъ всегда предполагается и, въ случаѣ упущенія по казеннымъ взыскамъ, презумпція его отсутствія ведетъ къ штрафованію генералъ-прокуроромъ или даже къ отрѣшенію неисправныхъ прокуроровъ [2]).

Для института прокуратуры вообще не прошла безслѣдно и «коммиссія о составленіи проекта новаго уложенія» 1767 г. По поводу этого событія законодатель высказалъ новое воззрѣніе на задачу прокурорской дѣятельности; впервые былъ провозглашенъ принципъ государственнаго преслѣдованія преступленій, и органомъ его выставлена прокуратура. Въ ст. 138 и 139 «наказа» этой коммиссіи [3]), императрица указываетъ теоретическое различіе между преступленіями частными и публичными, которыя она называетъ «народными» или «общественными». Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе соотвѣтствующей этому различію наилучшей формы преслѣдованія публичныхъ преступленій. «Въ нѣкоторыхъ государ-«ствахъ король, будучи возведенъ на престолъ для того, чтобы «законы во всѣхъ державы его странахъ были исполняемы, по «установленію закона государственнаго во всякомъ правитель-«ствѣ сажаетъ чиновнаго человѣка ради гоненія преступленій име-«немъ самого короля (*prepose un officier dans chaque tribunal pour «poursuivre en son nom tous les crimes*); отъ чего званіе доноси-«лей въ тѣхъ земляхъ неизвѣстно. А ежели когда на сего нароч-«наго мстителя (*ce vengeur public*) подозрѣваютъ, что онъ упот-«ребляетъ во зло должность ему порученную (*son ministère*), тогда «принудятъ его объявить имя своего донощика. Сей чинъ, въ «обществѣ установленный, бдитъ о благосостояніи гражданъ; тотъ «производитъ дѣло, а они спокойны (*cette partie publique veille «pour le bien-être des citoyens; elle agit, ils sont tranquiles*)». Здѣсь, очевидно, устами Екатерины II говоритъ Монтескьё, слова котораго въ «Духѣ законовъ», приведенныя выше [4]), почти буквально повторяются въ «наказѣ». Послѣдній заключаетъ свое сужденіе о дол-

---

[1]) П. С. № 12137.
[2]) П. С. 18 Декабря 1773. № 14086 п. 8.
[3]) П. С. 30 Іюня 1767. № 12949.
[4]) Глава II, стр. 72.

жности государственнаго обвинителя ссылкой на петровскія учрежденія: «У насъ Петръ Великій предписалъ прокурорамъ изыски-«вать и производити всѣ безгласныя дѣла *(de rechercher toute «affaire sans partie)*; еслибы къ сему прибавить еще чинъ или «особу, вышеписанною должностью обязанную *(une magistrature «pareille a celle que je viens de dire)*, то бы и у насъ менѣе из-«вѣстны были донощики»[1]). Въ этихъ словахъ по отношенію къ обвинительной дѣятельности петровскіе прокуроры видимо смѣшиваются съ подчиненными имъ фискалами, которые были обязаны вчинать преслѣдованіе по безгласнымъ дѣламъ. Какъ бы то ни было, важно уже то, что законодатель, въ дидактическомъ изложеніи своихъ мыслей о законахъ и учрежденіяхъ, упоминая лишь вскользь о законоохранительномъ надзорѣ вообще, ясно и опредѣленно отмѣчаетъ обвинительное призваніе прокуратуры, ея прямую делегацію отъ высшаго правительства, государственно—общественный характеръ, тѣсную связь ея съ судомъ и попечительное отношеніе къ нуждающимся въ государственной защитѣ частнымъ лицамъ. Екатерининскій «наказъ» уже заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ большую часть тѣхъ юридическихъ понятій, которыя сто лѣтъ спустя судебною реформою Императора Александра II были положены въ основаніе новѣйшаго прокурорскаго надзора.

§ 42. **Прокурорскій надзоръ по «учрежденію о губерніяхъ».** Коммиссія «о составленіи проекта новаго уложенія», по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, не успѣла выполнить поставленной ей задачи. Но частнымъ результатомъ ея трудовъ явилась новая организація мѣстнаго управленія, подготовленная въ одной изъ входившихъ въ составъ ея подъ—коммиссій, такъ называемой «коммиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права», которая также состояла подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Опредѣлившее эту организацію «*Учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія Имперіи*» 7 ноября 1775 г. даетъ обстоятельныя постановленія о мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ. Они представляютъ послѣдовательную разработку направленія,

---

[1]) Наказъ первоначально былъ написанъ по-французски, русскій переводъ его не отличается точностью и нерѣдко искажаетъ или недостаточно передаетъ смыслъ техническихъ терминовъ, напр. *tribunal* вмѣсто судебнаго мѣста переведено словомъ правительство. Поэтому въ болѣе существенныхъ мѣстахъ для ясности приведенъ выше подлинный французскій текстъ.

намѣченнаго первыми узаконеніями царствованія Екатерины II, а именно воспроизводятъ петровскія начала, видоизмѣненныя новыми взглядами и вѣяніями времени. Такъ какъ на правилахъ и предписаніяхъ «учрежденія» были построены все устройство и вся дѣятельность нашей дореформенной прокуратуры, то они и заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія въ предѣлахъ, главнымъ образомъ главъ I—III, XXX и въ особенности главы XXVII («о прокурорской и стряпческой должности») этого важнаго законодательнаго источника [1]).

По «учрежденію о губерніяхъ управленіе посредствомъ коллегій, помѣщающихся въ центрѣ, замѣняется цѣлымъ строемъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, учреждаемыхъ въ каждой мѣстности, при ближайшемъ участіи въ управленіи общественныхъ силъ, въ лицѣ чиновъ, выборныхъ отъ сословій. Во главѣ управленія стоитъ непосредственный представитель Монарха, главнокомандующій, намѣстникъ или генералъ-губернаторъ, подъ нимъ правитель губерніи или губернаторъ, при нихъ средоточіе и главный коллегіальный органъ мѣстной администраціи—намѣстническое или губернское правленіе. Затѣмъ слѣдуетъ сложная комбинація іерархически расположенныхъ и коллегіально устроенныхъ палатъ, судовъ, магистратовъ и расправъ. При всѣхъ этихъ установленіяхъ состоитъ многочисленный прокурорскій надзоръ изъ 12 лицъ (4 прокуроровъ и 8 стряпчихъ) въ губерніи и по одному въ уѣздѣ или округѣ. Единицу надзора въ губерніи образуетъ группа изъ 3 лицъ: прокуроръ и при немъ два стряпчихъ, одинъ казенныхъ, другой уголовныхъ дѣлъ. Такія группы пріурочены по одной ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ: главная при губернскомъ правленіи и палатахъ уголовнаго и гражданскаго суда, второстепенныя при верхнемъ земскомъ судѣ, губернскомъ магистратѣ и верхней расправѣ, и особая при верхнемъ надворномъ судѣ въ столицѣ. Чины главной прокурорской группы носятъ названіе губернскихъ; въ уѣздѣ дѣйствуетъ уѣздный стряпчій.

Никакого формальнаго, образовательнаго или инаго ценза для занятія должностей по мѣстному управленію, въ томъ числѣ и прокурорскихъ, не установлено; къ личному составу служащихъ

---

[1]) П. С. № 14392.

предъявляются лишь общія нравственныя требованія идеальнаго характера. Законодатель молитъ Бога: «да вселитъ онъ въ сердца «употребляемыхъ въ сіе дѣло усердіе къ точному и нелицемѣрному «отправленію должности, отвращеніе же отъ празднаго провожде- «нія времени въ роскоши и во всякихъ иныхъ порокахъ, нравы «развращающихъ»; обращаясь къ служащимъ, онъ ожидаетъ: «да «почтется въ людяхъ сихъ наивящимъ стыдомъ лѣность, нерадѣ- «ніе и неприлежность ко всякому порученному дѣлу, яко же и «главнѣйшимъ поношеніемъ да будетъ упущеніе должности и не- «раченіе о части блага общаго имъ ввѣреннаго» [1]).

Въ порядкѣ назначенія къ прокурорскимъ должностямъ проявляется новое начало—извѣстное главенство высшей губернской коллегіальной власти надъ низшими прокурорскими чинами. Еще губернскіе и другіе мѣстные прокуроры опредѣляются сенатомъ по представленію генералъ-прокурора, стряпчіе при прокурорахъ, хотя также опредѣляются сенатомъ, но уже по представленіямъ палатъ, а стряпчіе уѣздные и прямо назначаются губернскимъ правленіемъ (учреж. о губ. ст. 77—80, 442).

Внутри мѣстной прокуратуры, отдѣльные чины соединены между собою іерархическою подчиненностью, сущность которой, однако же, не имѣетъ точнаго опредѣленія. Глава всей прокуратуры въ губерніи есть губернскій прокуроръ; онъ одинъ находится въ непосредственной связи съ генералъ-прокуроромъ, получаетъ отъ него предписанія (ордера) и инструкціи, входитъ къ нему съ доношеніями и во всѣхъ дѣлахъ считается его «окомъ». Въ свою очередь губернскому прокурору подчиняются всѣ прокуроры и стряпчіе въ губерніи; «всякій прокуроръ въ намѣстничествѣ есть око губернскаго прокурора» (ст. 405 п. 11, 12, 408 п. 10, 11).

Въ организацію прокуратуры «учрежденіемъ о губерніяхъ» введенъ новый институтъ *стряпчихъ*, изъ которыхъ стряпчіе губернскіе нѣсколько напоминаютъ французскихъ генералъ-адвокатовъ того же времени. Стряпчіе служатъ прокурору не только помощниками, но и совѣтниками; они опредѣляются къ нему «для совѣта въ случающихся дѣлахъ его должности» и для того, чтобы предлагать вмѣсто него и его именемъ заключенія въ палатахъ и судахъ.

---

[1]) Эти послѣднія требованія, выраженныя во вступленіи къ «Учрежденію о губерніяхъ» вошли и въ нынѣ существующую ст. 714 т. III, Св. Зак. Уст. о службѣ гражданск.

Кромѣ того они несутъ, какъ указано ниже, и свои спеціальныя обязанности, отправляя ихъ подъ руководствомъ прокуроровъ, но не безъ нѣкоторой доли самостоятельности въ словахъ и дѣйствіяхъ. Такъ отношенія каждаго прокурора и состоящихъ при немъ двухъ стряпчихъ основаны на ихъ единствѣ: «почитается, что они всѣ «трое едиными устами говорятъ» и «въ случаѣ нужды одинъ стряп«чій другаго мѣсто заступаетъ, когда котораго нѣтъ. Въ сомнительныхъ и спорныхъ казусахъ, прокуроръ и его стряпчіе совѣтуются между собою и «общимъ мнѣніемъ рѣшаютъ сомнѣніе». При разногласіи же въ губернской прокуратурѣ вопросъ рѣшается тѣмъ мнѣніемъ, къ которому присоединится губернскій прокуроръ; при другихъ установленіяхъ мнѣніе прокурора не имѣетъ перевѣса, и несогласіе его съ своими стряпчими разрѣшается губернскимъ прокуроромъ. Вообще стряпчіе дѣйствуютъ всегда съ вѣдома и дозволенія прокурора, но губернскіе стряпчіе могутъ вчинать иски по «тяжебнымъ» дѣламъ [1]) даже и независимо отъ согласія губернскаго прокурора, выслушавъ только его заключеніе. По дѣламъ же уголовнымъ и интереснымъ они дѣйствуютъ на основаніи письменныхъ заключеній прокурора (ст. 405 п. 8, 406 п. 1, 2, 6 и 10, 408 п. 11, 409 п. 1, 2 и 9 468 п. 2 и 5). Въ болѣе безусловной зависимости отъ губернскаго прокурора находится уѣздный стряпчій; онъ обязанъ доносить ему обо всемъ, что замѣтитъ «противнаго власти, интересу, законамъ, учрежденіямъ и повелѣніямъ Императорскаго Величества и общаго блага» и только съ его дозволенія можетъ возбуждать въ подлежащихъ мѣстахъ иски и жалобы (ст. 410 п. 1, 4, 5). Въ пользу уѣзднаго стряпчаго поступаетъ третья часть всѣхъ взысканныхъ за нарушеніе закона пеней, что должно побуждать его усердно наблюдать за ихъ взысканіемъ (ст. 410 п. 9).

Въ принципѣ прокуроры и стряпчіе дѣйствуютъ свободно и независимо отъ другихъ властей; «имъ «никто да не перебиваетъ рѣчь, но терпѣливо и въ молчаніе да «выслушиваютъ ихъ заключенія и предложенія по должности» (ст. 405 п. 9, 408 п. 8). Въ свою очередь и судебныя мѣста должны быть свободны и

---

[1]) *Тяжебными* дѣлами назывались, повидимому, дѣла о спорахъ казны съ частными лицами; это видъ родоваго понятія «*интересныхъ*» дѣлъ, т..е. такихъ, въ которыхъ заинтересована казна. *Степановъ*, стр. 65, прим 5.

независимы отъ ихъ вліянія; во время рѣшенія дѣла они выходятъ изъ присутствія, которое рѣшаетъ «всѣ дѣла по точной «силѣ и словамъ закона, несмотря ни на чьи требованія или «предложеніе» (ст. 406 п. 9, 409 п. 8). Но стряпчіе не изъяты изъ нѣкоторой дѣловой зависимости отъ губернскихъ правленій: безъ предварительнаго разрѣшенія послѣдняго губернскіе стряпчіе не могутъ возбуждать уголовныхъ дѣлъ, а уѣздные стряпчіе и вообще «обязаны отвѣтствовать» передъ губернскимъ правленіемъ (ст. 406 п. 3, 410 п. 3).

Въ уголовной палатѣ стряпчій уголовныхъ дѣлъ приноситъ жалобу по приказанію и съ дозволенія губернатора (ст. 109); губернскій прокуроръ и его стряпчіе служатъ дѣловыми посредниками между губернскимъ правленіемъ и палатами, которыя черезъ нихъ сносятся другъ съ другомъ; чины губернскаго надзора имѣютъ право входа во всякое время въ эти установленія (ст. 405 п. 10).

Объ отвѣтственности прокуроровъ «учрежденіе» умалчиваетъ, повидимому, оставляя по этому предмету въ силѣ прежнія, еще петровскія постановленія. Что же касается до стряпчихъ, то добросовѣстное и усердное исполненіе ими своихъ обязанностей обставляется весьма строгими гарантіями. Прежде всего имъ запрещается «по дѣламъ, до ихъ должностей и до казеннаго интереса ка«сающимся, подавать совѣты кому бы то ни было или вмѣсто кого «быть хожатыми», другими словами — всякія занятія частно-адвокатскаго характера (ст. 406 п 7, 409 п 6). Далѣе, за неосновательное или «пустое» начатіе исковъ, они «повинны платить всѣ «протори и убытки» и «могутъ лишиться своихъ мѣстъ». Наконецъ за умышленно-неправильное преслѣдованіе кого-либо или «поклепъ» имъ грозитъ то самое наказаніе, «подъ которое кого подвести старались» (ст. 406 п 10, 409 п 9). За всякое упущеніе по должности со стороны уѣзднаго стряпчаго, которому въ особенности вмѣняется въ вину бездѣйствіе его надзора, онъ наказывается «по «мѣрѣ и важности его упущенія лишеніемъ мѣста, или чина, или «части, или какъ повелѣваютъ законы въ подобномъ случаѣ» (ст. 40 п 9).

Главнѣйшей цѣлью дѣятельности прокуроровъ и стряпчихъ является, по прежнему, охраненіе закона и преслѣдованіе его интересовъ въ правительственныхъ установленіяхъ, которыя въ «учрежденіи о губерніяхъ» впервые получили болѣе точное и пра-

вильное раздѣленіе на административныя и судебныя. Самая же область этой дѣятельности стала гораздо шире, раздвинувъ свои первоначальныя, исключительно бюрократическія рамки. Законодательство Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ ограничивало прокурорскій надзоръ предметами правительственнаго дѣлопроизводства, присутственными мѣстами и чиновниками. Законодательство Екатерины II выдвинуло этотъ надзоръ на болѣе обширное поприще охраненія закона вообще, откуда бы ни исходило его нарушеніе или обходъ. Такое охраненіе принадлежитъ прокуратурѣ одинаково и въ административныхъ и въ судебныхъ дѣлахъ, все различіе сводится къ пріемамъ и предѣламъ дѣйствія. Существеннымъ признакомъ прокурорскаго участія въ дѣлѣ служитъ публичный «казенный» или общественный его характеръ; только въ нарушенія чисто частныхъ правъ прокуроры не вступаются, присутствіе же въ частномъ дѣлѣ какого-либо публичнаго элемента (казеннаго или общественнаго интереса) уже требуетъ ихъ заключенія (ст. 405 п 7, ст. 408 п 6).

Къ прокурорской дѣятельности относится и попеченіе о фискальныхъ выгодахъ, но этотъ предметъ занималъ лишь небольшое мѣсто сравнительно съ объемомъ общей охранительной задачи. Въ указанномъ смыслѣ характеризуется призваніе прокуратуры въ общихъ опредѣленіяхъ «учрежденія» 1775 г.

«Вообще губернскіе прокуроры смотрятъ и бдѣніе имѣютъ о «сохраненіи вездѣ всякаго порядка законами опредѣленнаго, и въ «производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣ«лость власти, установленій и интереса Императорскаго Величества, «наблюдаютъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не «собиралъ и долгъ имѣютъ истреблять повсюду зловредныя взятки» (ст. 404).

Въ частности, по судебнымъ дѣламъ и при судебныхъ мѣстахъ прокурорскій надзоръ учреждается: «Понеже для споспѣшествованія «правосудія и для сохраненія доброго законами установленнаго «порядка, сколь въ разсужденіи судей, столь и въ уваженіи истцовъ «и отвѣтчиковъ, полезно есть, когда судебныя мѣста снабдены на«рочными людьми, коимъ предписано и въ коихъ долгъ есть быть «взыскателями исполненія узаконеній, наказанія преступленію, а «невинности защитою» (ст. 407). Это опредѣленіе задачи спеціально судебной прокуратуры содержитъ всѣ элементы дѣятельно-

сти и теперешняго прокурорскаго надзора. Наконецъ, ближайшій въ мѣстности надзоръ уѣзднаго стряпчаго «по учиненной своей «присягѣ долженствуетъ бдѣніе имѣть, дабы въ уѣздѣ ничего про«тивнаго власти, интересу, законамъ, учрежденіямъ и повелѣніямъ «Императорскаго Величества не происходило» и въ случаѣ если «паче чаянія сему противное усмотритъ, то не взирая на лицо «сильныхъ, долженъ о томъ сообщить губернскому прокурору и «по его повелѣнію и согласію производить искъ» (ст. 410).

Въ цѣляхъ охраненія закона прокуроры дѣйствуютъ посредствомъ: 1) предупрежденія его нарушеній, 2) содѣйствія къ ихъ пресѣченію и 3) веденія о нихъ судебныхъ дѣлъ, для наказанія виновныхъ и возстановленія законнаго порядка или нарушенныхъ правъ казны.

Предупредительная дѣятельность прокурорскаго надзора направлена на устраненіе такихъ причинъ неправильнаго его примѣненія или бездѣйствія, которыя кроются въ невѣдѣніи, невѣрномъ пониманіи или сомнѣніяхъ относительно его истиннаго смысла. Не неся старой, неопредѣленной и безплодной обязанности фискаловъ наблюдать за обнародованіемъ законовъ, губернскіе прокуроры принимаютъ активное участіе въ регистраціи губернскимъ правленіемъ всѣхъ новыхъ узаконеній. Передъ записку ихъ въ книгу, правленіе выслушиваетъ разъяснительное заключеніе прокурора о томъ, «съ какимъ узаконеніемъ (вновь изданный законъ) сходенъ «или какимъ узаконеніямъ противенъ, или отмѣну, или поправле«ніе, или въ дополненіе которымъ изданъ» (ст. 405 п 1).

Передъ начатіемъ каждаго засѣданія присутственнаго мѣста, состоящаго подъ надзоромъ прокурора, онъ обязанъ прочесть присутствующимъ, въ теченіе однако же не болѣе получаса, указы, возобновленіе которыхъ въ памяти онъ считаетъ нужнымъ «для наивящаго соблюденія въ силу присяги, порядка и правосудія» (ст. 405 п 3, 408 п 2). Если у судей возникаетъ по примѣненію закона какой-либо юридическій вопросъ или сомнѣніе, въ особенности же о подсудности дѣла, то предварительно его разрѣшенія, они требуютъ и выслушиваютъ заключеніе своего прокурора, который даетъ его по совѣщаніи съ своими стряпчими. Такія заключенія, въ видахъ единообразія, всѣ низшіе прокуроры обязаны сообщать губернскому, а этотъ послѣдній—генералъ-прокурору и отъ нихъ «принимать направленія, дабы повсюду одинакое поня-

«тіе принимали о общихъ установленіяхъ» (ст. 405 п 6, 408 п 5). Словомъ, прокуроръ является правительственнымъ юрисконсультомъ для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и установленій. Къ той же обязанности предупрежденія нарушеній относится возложенное на прокуроровъ попеченіе о довольствіи и содержаніи арестантовъ «сходственно во всемъ ихъ состоянію и человѣколюбію», и о скоромъ разрѣшеніи ихъ дѣлъ, для чего прокуроры должны «ходить чаще по тюрьмамъ» по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, а именно «въ пятницу, послѣ обѣда» (ст. 405 п 13, 408 п 12).

Содѣйствіе къ пресѣченію совершившихся уже нарушеній заключается въ принятіи такихъ мѣръ, «дабы злоупотребленіе поправлено было (ст. 405 п 2, 408 п 1). Для этой цѣли прокуроры имѣли право входить во всякое время въ присутствіе и были обязаны «весьма часто спрашивать» о положеніи дѣлъ и исполненіи по нимъ законовъ. Въ случаяхъ медленности или неисполненія, они предварительно дѣлаютъ напоминанія и, лишь при безуспѣшности ихъ, прибѣгаютъ къ доношеніямъ и протестамъ (ст. 405 п 5). Предметы этихъ послѣднихъ сведены въ законѣ къ 10 пунктамъ чрезвычайно общаго и растяжимаго значенія: «1) о неточномъ гдѣ въ «судебномъ мѣстѣ исполненіи законовъ, учрежденій и указовъ, 2) «буде гдѣ въ губерніи есть непослушаніе или ропотъ, 3) о лѣни«выхъ въ исполненіи должности, 4) о медленіи въ исполненіи по«велѣній, 5) о медленіи по дѣламъ въ производствѣ, 6) о наруше«ніи правилъ благочинія и о всякомъ причиняющемся многимъ «соблазнѣ, законамъ противномъ поступкѣ, винѣ или преступленіи, «7) о запрещенной торговлѣ и о помѣшательствѣ, законамъ про«тивномъ, дозволенной торговлѣ, 8) о нарушеніи общей тишины, «9) о нарушеніи въ вѣрности присяги, 10) о казенномъ и обще«ственномъ ущербѣ» (ст. 405 п 4). По дѣламъ подобнаго же свойства обязанъ доносить губернскому прокурору и уѣздный стряпчій, на котораго сверхъ того возложено наблюденіе за благочиніемъ въ присутственныхъ мѣстахъ и поведеніемъ опороченныхъ людей въ обществѣ и уѣздѣ (ст. 410 п 2—6). Въ этотъ неполный и неопредѣленный перечень, имѣющій только примѣрное значеніе, вошли случаи или категоріи случаевъ, почему-либо обратившихъ на себя вниманіе правительства, которое, въ сущности, поручало прокурорскому надзору доносить о всякомъ явномъ отступленіи отъ законнаго порядка.

Ни содержанія, ни силы и дѣйствія *прокурорскихъ доношеній и протестовъ* «Учрежденіе» не опредѣляетъ, предоставляя это частью указаніямъ прежнихъ узаконеній, а частью практикѣ. За то установленъ новый порядокъ направленія протестовъ, представлявшій видоизмѣненіе и комбинацію прежнихъ правилъ объ этомъ, изданныхъ какъ для фискальскаго надзора, такъ и для первоначальныхъ прокуроровъ. Фискалы доносили не посредственно въ тѣ мѣста, отъ которыхъ зависѣло преслѣдованіе и наказаніе обнаруженныхъ ими нарушеній; прокуроры до 1775 г. протестовали не иначе, какъ черезъ генералъ-прокурора, являясь на мѣстахъ не столько самостоятельными органами, сколько его агентами. Теперь же въ губерніи всѣ прокурорскіе протесты и доношенія поступаютъ къ губернскому прокурору, который предлагаетъ ихъ, также какъ и свои собственные, на разсмотрѣніе губернскаго правленія или представляетъ генералъ-губернатору (намѣстнику), донося въ то же время генералъ-прокурору. Распоряженіе по протесту зависитъ, такимъ образомъ, прежде всего отъ высшей мѣстной власти и только въ случаѣ ея бездѣйствія, выступаетъ власть центральная, генералъ-прокуроръ и по его предложенію сенатъ (ст. 405 п. 2, 4, 12 ст. 408 п. 1, 3, 4, 10, ст. 410 п. 1, 4, 5). Этотъ порядокъ, ускоряя разрѣшеніе протестовъ, усиливалъ значеніе мѣстнаго прокурорскаго надзора, но послѣдній въ то же время отдалялся отъ генералъ-прокурора, своего центральнаго главы и представителя, и ставился въ большую фактическую зависимость отъ губернскаго начальства.

Процессуальная дѣятельность прокурорскаго надзора, *по веденію подвѣдомственныхъ ему судебныхъ дѣлъ*, тѣсно связана съ новымъ въ законодательствѣ учрежденіемъ стряпчихъ и построена на началахъ настоящей государственной адвокатуры. Въ этомъ пунктѣ «учрежденіе о губерніяхъ», подъ видимымъ вліяніемъ современныхъ ему французской прокуратуры и нѣмецкаго фискалата, сдѣлало значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними смутными постановленіями о процессуальной роли прокуроровъ. Въ предѣлахъ розыскнаго судопроизводства они впервые становятся истцами и обвинителями, почти стороною по дѣламъ, интересующимъ государство, правительство или казну. За отсутствіемъ въ процессѣ сколько-нибудь ясно выраженныхъ обвинительныхъ элементовъ, это участіе въ немъ прокуратуры пріуро-

чивается собственно къ начальному моменту возбужденія дѣла и затѣмъ не идетъ дальше предъявленія суду письменныхъ заключеній или предложеній о порядкѣ производства дѣла, которое рѣшается судомъ по существу уже безъ всякаго участія прокурорскаго надзора. Но онъ по догмѣ закона все-таки считается истцомъ или жалобщикомъ, не переставая вмѣстѣ съ тѣмъ быть блюстителемъ судебнаго порядка. «Прокурорскаго надзора»—говоритъ законъ—«должность есть: 1) дать заключенія, сходственныя съ со«храненіемъ общаго законами установленнаго порядка и 2) про«изводить жалобу, не смотря на лица, яко истцу» (ст. 406 п. 3). При этомъ онъ наблюдаетъ съ одной стороны, чтобы суды исполняли въ точности и безъ замедленія всѣ лежащія на нихъ обязанности, а съ другой, «чтобы почтеніе къ судьямъ отъ челобитчи«ковъ сохраняемо было и чтобы для не дѣльныхъ причинъ на «судей подозрѣнія не показывали и судей не презирали» (ст. 406 п. 5, 410 п. 3 и 5). Чины надзора напоминаютъ судьямъ о законныхъ основаніяхъ къ отводу и даже «мирятъ споры и ссоры, «могущіе произойти какъ между судей, такъ и между тяжущимися, «когда о томъ дойдетъ до нихъ требованіе» (ст. 406 п. 5). Смотря по роду дѣла, прокурорскій надзоръ пользуется правомъ вызывать къ суду отвѣтчика, требовать заключенія его подъ стражу, производство слѣдствія, дополненія дѣла, постановленія того или другого частнаго опредѣленія или приговора и, наконецъ, перенесенія уже рѣшеннаго дѣла изъ «нижнихъ судовъ въ верхніе». Всѣ эти судебныя права и обязанности относятся до стряпчихъ, которыхъ «учрежденіе о губерніяхъ» дѣлаетъ судебными уполномоченными прокуроровъ, органами, посредствомъ которыхъ прокуроры проявляли свою процессуальную дѣятельность. Отсюда нѣкоторая двойственность стряпческой должности, не уничтожившая, впрочемъ, ея однородности съ прокурорской. Замѣняя прокуроровъ, въ случаѣ надобности, дѣйствуя ихъ именемъ и всегда подъ ихъ руководствомъ, стряпчіе были въ то же время ихъ спеціально судебными помощниками и удерживали за собою какъ бы монополію веденія судебныхъ дѣлъ, порученныхъ прокурорской защитѣ. Такія дѣла были уголовныя и гражданскія и распредѣлялись между стряпчимъ казеннымъ и стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ. Должность обоихъ есть «общественная» (ст. 131); первый преимущественно «истецъ «по казеннымъ дѣламъ и по дѣламъ, нарушающимъ общій порядокъ

«или противнымъ власти и присяжной должности», а второй преимущественно «истецъ по уголовнымъ винамъ и преступленіямъ, «нарушающимъ законы, всякій разъ тамъ, гдѣ истца нѣтъ, но до«казательства имѣетъ» (ст. 406 п. 3). Изъ этихъ, а также и изъ другихъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ указаній закона, слѣдуетъ заключить, что на обязанности прокурорскаго надзора въ лицѣ стряпчихъ лежало возбужденіе и веденіе исковъ: 1) о всѣхъ преступленіяхъ по должности, 2) о дѣлахъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, 3) о безгласныхъ уголовныхъ дѣлахъ и 4) о гражданскихъ частныхъ дѣлахъ, нуждающихся въ правительственной защиты, какъ напр. дѣла малолѣтнихъ, неимѣющихъ опекуновъ и другія подобныя же. Стряпчіе имѣютъ право требовать сообщенія имъ всѣхъ дѣлъ такого рода и выступать по нимъ истцами, «от«нюдь не входя однако въ дѣла между частными лицами», не подходящія ни подъ одну изъ перечисленныхъ категорій (ст. 406 п. 4 и 5). Но, ставя стряпчихъ въ положеніе истцовъ, законодатель старательно оберегаетъ ихъ отъ ненавистной участи фискаловъ и рѣзко разграничиваетъ ихъ публичный искъ отъ частнаго доноса. Если по уголовному дѣлу, возбужденному стряпчимъ, послѣдуетъ оправдательный приговоръ суда, то стряпчій, по требованію отвѣтчика, обязанъ предъявить ему «доносъ и доносителя», послужившихъ поводомъ къ возбужденію дѣла, «дабы ясно и явно было, «что стряпчій уголовныхъ дѣлъ не есть поклепатель невинности» (ст. 406 п. 8, ст. 408 п. 7).

§ **43. Прокурорскій надзоръ послѣ «учрежденія о губерніяхъ».— Общая характеристика.** Дальнѣйшія законодательныя распоряженія Екатерины II о прокурорскомъ надзорѣ, изданныя послѣ «учрежденія о губерніяхъ» были направлены къ тому, чтобы, подтверждая и разъясняя смыслъ его постановленій по этому предмету, укрѣпить за ними дѣйствительную, практическую силу и поддержать губернскую прокуратуру на высотѣ, желательной для законодателя. Заботливость его объ этомъ видна уже изъ того, что кромѣ докладовъ генералъ-прокурора императрицѣ, и с.-петербургскій губернскій прокуроръ также имѣлъ одинъ разъ въ недѣлю личный всеподданнѣйшій докладъ [1]). Правильность примѣненія новаго «учрежденія» была поручена особому наблюденію прокуроровъ и

[1]) Записки статсъ-секретаря *Грибовскаго*.

стряпчихъ, подъ страхомъ «за молчаніе» о неисполненіи или нарушенія закона «неупустительнаго взысканія, яко съ нерадящихъ о должности» [1]). Если гдѣ-либо окажется въ губерніяхъ по присутственнымъ мѣстамъ или на правительственной службѣ «упущеніе и разстройство», о которыхъ прокурорскіе чины «не представятъ кому слѣдуетъ, тогда неминуемо подлежать будутъ и сами «отвѣту и взысканію законному» [2]). Уже въ самомъ концѣ царствованія признается нужнымъ подтвердить прокурорамъ и стряпчимъ ихъ обязанности по надзору за скорымъ и законнымъ производствомъ дѣлъ: «о неупустительномъ наблюденіи въ мѣстахъ имъ «ввѣренныхъ, дабы правосудіе всѣмъ и каждому раздавалось не«лицепріятно, и чтобы всякаго рода дѣла безотлагательное имѣли «производство, сходственно съ разумомъ законовъ и силою учреж«деній» [3]). Независимо отъ этихъ общихъ подтвержденій, послѣдовалъ рядъ разъясненій и по отдѣльнымъ возникавшимъ въ практикѣ вопросамъ прокурорской службы. Такъ постановлено, чтобы при всякомъ представленіи сенату низшими присутственными мѣстами о разъясненіи какого-либо закона было принято во вниманіе, соблюдено ли требованіе «учрежденія» о выслушаніи прокурорскаго заключенія по поводу значенія новаго узаконенія передъ записку его въ книгу [4]); разъяснено, что суды не обязаны требовать заключеній прокурорскаго надзора по такимъ прямо не подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ не встрѣчается сомнѣній [5]); указано, что заключенія эти обязательны лишь по стольку, по скольку присутственныя мѣста находятъ ихъ правильными и законными, «въ противномъ же случаѣ они свободны полагать рѣшенія свои на основаніи законовъ» [6]).

Прокуроромъ и стряпчимъ—разъяснилъ далѣе законодатель—должны быть открыты всѣ реестры и дѣла присутственныхъ мѣстъ, прокурорскія же заключенія должны быть тайною для тяжущихся; послѣдними не можетъ быть заявлено «подозрѣнія» на прокурорскихъ чиновъ, которые «никакихъ дѣлъ не судятъ» и потому не

---

[1]) П. С. 26 Сентября 1780, № 15068.
[2]) П. С. 9 Ноября 1786, № 16456.
[3]) П. С. 2 Іюня 1794, № 17210.
[4]) П. С. 13 Декабря 1782, № 15612.
[5]) П. С. 5 Ноября 1782, № 15568.
[6]) П. С. 19 Декабря 1782, № 15617.

подлежать отводу подобно судьямъ; прокуроры не должны присваивать себѣ не принадлежащей имъ власти, задерживать у себя журналы, подписывать ихъ вмѣстѣ съ членами присутствія и вообще выходить изъ предѣловъ своей наблюдательной должности; такъ какъ «губернскій прокуроръ и стряпчій есть такое лицо, которое нигдѣ не перемѣняетъ своего званія», прокурорамъ предписываются строго соблюдать послѣдовательность въ дѣйствіяхъ и вмѣняется «въ безпорядокъ» перемѣна въ мнѣніи и заключеніи безъ достаточнаго къ тому основанія [1]). Разъяснено также—и въ этомъ заключалось весьма существенное отличіе новаго отъ прежняго порядка—что несогласіе прокурорскаго надзора съ какимъ-либо постановленіемъ присутственнаго мѣста не останавливаетъ исполненія опротестованнаго опредѣленія, такъ какъ это зависитъ только отъ генералъ-губернатора, которому прокуроры и должны, представлять, въ случаяхъ необходимости о пріостановкѣ исполненіе «неправильно учиненнаго рѣшенія». Разъясненія коснулись и ближайшаго опредѣленія стряпческихъ обязанностей. Стряпчіе освобождены отъ взноса апелляціонныхъ или «переносныхъ» пошлинъ на томъ основаніи, что «должность стряпчаго есть общественная»; признано неправильнымъ допущеніе одною гражданскою палатою раздѣленіе этой должности «на двое», на блюстителя законовъ и казеннаго челобитчика, съ уравненіемъ въ этомъ послѣднемъ качествѣ во всѣхъ процессуальныхъ правахъ съ частнымъ просителемъ; разъяснено, что стряпчій, никогда не переставая быть блюстителемъ законовъ, имѣетъ право присутствовать при допросахъ свидѣтелей о всѣхъ вообще «инквизиціяхъ» по казенному дѣлу, которое онъ ведетъ въ качествѣ истца. На стряпчихъ возложено ходатайство по дѣламъ удѣльнымъ, банковыхъ установленій и по дѣламъ лицъ, ищущихъ свободы изъ крѣпостнаго состоянія [2]). Все это есть логическое развитіе взгляда на прокурорскій надзоръ, какъ на проводника цѣлей и видовъ правительства, которое поручаетъ ему всякое дѣло, принимаемое имъ подъ свою защиту.

Законодательство не могло оставить безъ вниманія и вопросъ объ отношеніяхъ мѣстной прокуратуры къ мѣстной административной

---

[1]) П. С. №№ 15568, 15617, 15939, 16456, 16751 и друг.

[2]) П. С. №№ 15939, 16252, 16481 и друг.

власти. Въ эту область, всегда щекотливую и сложную, «учрежденіемъ о губерніяхъ» были внесены такія обоюдо-острыя черты, которыя развиваясь въ направленіи только слегка намѣченномъ, не замедлили пойти гораздо дальше намѣреній законодателя, такъ что практику новаго закона скоро понадобилось сдерживать и вводить въ границы. Допущенное закономъ участіе въ надзорѣ губернской администраціи и упомянутая уже нѣкоторая отъ нея зависимость его органовъ обнаруживали наклонность перейти въ поглощеніе администраціей учрежденнаго и за ней самой контроля. Пришлось разъяснять, что губернское правленіе не можетъ назначать губернскаго стряпчаго своимъ секретаремъ, а губернаторъ возлагать на стряпчаго свое письмоводство; что назначеніе одного изъ стряпчихъ для временнаго исправленія должности прокурора зависитъ отъ этого послѣдняго, а не отъ губернскаго правленія; что прокуроръ можетъ безпрепятственно брать къ себѣ всѣ дѣла для разсмотрѣнія; что при губернскомъ правленіи губернскому прокурору и его стряпчимъ должна быть отведена для занятій особая камера, имѣющая значеніе присутственнаго мѣста; что и въ губернскомъ правленіи, и въ палатахъ, состоящихъ подъ надзоромъ губернскаго прокурора ему должно быть предоставлено постоянное мѣсто, стулъ въ присутствіи.

Очевидно, губернское начальство вовсе не было расположено смотрѣть на прокурора какъ на самостоятельнаго должностнаго органа и, напротивъ, всячески старалось выказать и закрѣпить его зависимость отъ административной власти. Стремленіе къ этому грозило подорвать всякій авторитетъ прокурорскаго надзора, и сенатъ въ одномъ подобномъ случаѣ въ 1783 г. былъ вынужденъ «отписать «указомъ, что поступокъ губернатора въ разсужденіи губернскаго «прокурора», которому не было дано мѣста въ общемъ собраніи палатъ и намѣстническаго правленія—«весьма противенъ не токмо «благопристойности, но даже и закону» [1]).

Но сенатскія разъясненія не могли принести существенной помощи дѣлу, которое въ себѣ самомъ носило задатки слабости и формализма. Если правила объ устройствѣ и дѣятельности екатерининской прокуратуры представляли уже большой прогрессъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ въ смыслѣ стройности

---

[1]) П. С. №№ 15301, 15822, 16133, 16948 и друг.

и послѣдовательнаго, то практическая постановка института заключала въ себѣ серьезныя препятствія къ успѣшному выполненію той трудной дѣятельности, которой ждалъ отъ него законодатель. Глубоко задуманный въ теоріи, онъ былъ заранѣе обезсиленъ въ практикѣ. При палатахъ и судахъ прокурорскій надзоръ еще удержалъ свой прежній характеръ тождества съ коллегіями, а, слѣдовательно, необходимость жить одною съ ними жизнью. Выше ихъ, первенствуя надъ ними своею руководящей властью, стояла вновь организованная губернская администрація, а при ней и высшій въ губерніи прокурорскій надзоръ. Его охранительныя и наблюдательныя полномочія были лишь отголоскомъ, повтореніемъ общаго надзора, присвоеннаго намѣстнику или генералъ-губернатору и намѣстническому или губернскому правленію. Въ аттрибутахъ предоставленной имъ власти, между прочимъ, находились въ сущности тѣ же элементы, изъ которыхъ слагалась и прокурорская задача, съ тою, впрочемъ, разницею, что у губернскаго начальства они были шире, а по дѣйствію своему живѣе и сильнѣе, чѣмъ у губернской прокуратуры. Первая изъ обязанностей Государева намѣстника по «учрежденію о губерніяхъ» есть «строгое и точное взысканіе со всѣхъ подчиненныхъ ему мѣсть «и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія должностей» (ст. 81), а также «споспѣшествованіе въ исполненіи законовъ» (ст. 83). Онъ «не судья, но оберегатель Императорскаго «Величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и «государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ «дѣлъ» (ст. 82). Согласно такому назначенію онъ «имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія» (ст. 84), «долженствуетъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ, и принуждать судебныя мѣста рѣшить такое-то дѣло» (ст. 85), а если послѣдуетъ несправедливое судебное рѣшеніе то «можетъ оставить (остановить) «исполненіе и доносить сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ «и Императорскому Величеству» (ст. 86); это «наипаче касается до «дѣлъ уголовныхъ, въ присужденію къ отнятію у кого жизни или «чести». (ib). Точно также и намѣстническое или губернское правленіе, сверхъ обнародованія законовъ и непосредственнаго управленія по нимъ губерніей (ст. 95), еще «бдѣніе свое прилежно простираетъ, дабы законы были вездѣ исполняемы» а «всѣ непорядки «законамъ противные заблаговременно прекращаетъ» (ст. 96).

Нельзя не видѣть, что это тотъ же надзоръ за исполненіемъ законовъ, то же охраненіе ихъ, которое было возложено и на прокуратуру. Но этотъ надзоръ высшей мѣстной власти не исчерпывается какъ прокурорскій, системою заключеній и протестовъ, а прозводится посредствомъ дѣятельнаго участія во всѣхъ отрасляхъ администраціи, путемъ направленія всѣхъ ея функцій, руководства всѣми ея органами. При неясности различія между обоими надзорами и неопредѣленной, полузависимой роли прокурорскаго, естественный исходъ такого совмѣстнаго существованія двухъ дѣятелей, дѣйствующихъ въ одной и той же сферѣ и въ одномъ же направленіи, былъ неизбѣженъ. Тотъ изъ нихъ, кто былъ сильнѣе, поставленъ выгоднѣе и выше, долженъ былъ парализовать значеніе другаго, низвести его дѣятельность до соблюденія преимущественно формальной стороны. Такъ и случилось: охранительно-административная власть намѣстника и губернатора съ губернскимъ правленіемъ обезличила охранительно-судебную дѣятельность прокуроровъ, лишенныхъ, къ тому же, прежняго близкаго единенія съ могучею силою центральнаго надзора. За ними осталось наблюденіе надъ исполненіемъ буквы закона, формальное участіе, правда въ каждомъ шагѣ администраціи, но участіе чисто внѣшнее, связанное тѣсными рамками отдѣльныхъ случаевъ и подавленное огромнымъ разнообразіемъ предметовъ.

Участь прокурорскаго надзора екатерининской эпохи въ дѣйствительной жизни далеко не соотвѣтствовала положенію, отведенному для него въ законѣ. Здѣсь о его задачахъ было собрано много высокихъ общихъ опредѣленій, приведенъ рядъ краснорѣчивыхъ разсужденій теоретическаго свойства, начертана цѣлая его программа въ нравственно — юридическомъ духѣ того времени. Въ дѣйствительности же прокурорамъ, этимъ представителямъ «ока государева» и стряпчимъ, ихъ совѣтникамъ и помощникамъ, предстояло одно изъ двухъ: или безусловно подчиниться мѣстному административному начальству, и изъ власти, имѣющей и за нимъ контроль, превратиться въ его чиновниковъ, или же вступить съ нимъ въ неровную борьбу. Первому воспрепятствовала все-таки, хотя и въ обезсиленномъ видѣ, сохранившаяся принадлежность ихъ къ особому вѣдомству надзора, съ генералъ-прокуроромъ на его вершинѣ, втораго не допустили ни точный разумъ новыхъ губернскихъ учрежденій, ни соз-

данное ими мѣстное всесильное главенство распорядительной власти высшей губернской администраціи. Ограниченный и ослабѣвшій, но не уничтоженный, прокурорскій надзоръ былъ вынужденъ избрать среднюю дорогу приспособленія къ сложившейся вокругъ него обстановкѣ. Онъ сохранилъ идею закономѣрнаго надзора и спеціальнаго преслѣдованія беззаконія, но свелъ ея практическое осуществленіе къ просмотру журналовъ присутственныхъ мѣстъ и заявленію на нихъ протестовъ въ случаяхъ формальнаго нарушенія закона.

II. Прокурорскій надзоръ послѣ Екатерины II и до изданія Свода Законовъ.

§ **44. Прокурорскій надзоръ при императорѣ Павлѣ.** Въ царствованіе императора Павла должность генералъ-прокурора сохранила ту обще-государственную, министерскую форму, которую она приняла при Екатеринѣ II. Четыре смѣнившіеся въ короткое время генералъ-прокурора, по своему положенію и обязанностямъ, были довѣреннѣйшими лицами государя по всѣмъ вообще отраслямъ управленія и пользовались исключительнымъ значеніемъ, въ которомъ дѣятельность мѣстнаго прокурорскаго надзора играла лишь весьма второстепенную роль [1]).

По назначеніи въ 1796 г. генералъ-прокуроромъ кн. *Куракина*, съ освобожденіемъ его отъ управленія государственнымъ казначействомъ, ему было поручено завѣдывать тайною экспедиціей

---

[1]) На мѣсто кн. *Вяземскаго* въ 1793 г. былъ назначенъ боевой генералъ, сподвижникъ Потемкина и Суворова, графъ *А. В. Самойловъ*, послѣдній екатерининскій генералъ-прокуроръ. По вступленіи на престолъ Императора Павла, должность генералъ-прокурора занялъ одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей, князь *А. Б. Куракинъ* (1796—1798). За нимъ послѣдовали кн. *П. В. Лопухинъ* (1798—1799), *А. А. Беклешовъ* (1799—1800) и *П. Х. Обольяниновъ* (1800—1801). При всѣхъ этихъ генералъ-прокурорахъ служилъ въ генералъ-прокурорской канцеляріи и былъ фактически ея правителемъ, впослѣдствіи графъ, *М. М. Сперанскій*. Въ «Жизни» ею, составленной бар. Корфомъ, приведенъ (*I*, стр. 49) съ его словъ характерный разсказъ о томъ, что Императоръ Павелъ, назначивъ Беклешова генералъ-прокуроромъ и отозвавшись критически о дѣятельности его предмѣстниковъ, сказалъ ему: «ты да я, я да ты, впередъ мы одни будемъ дѣло дѣлать». Эти слова достаточно указываютъ на все выдающееся значеніе тогдашней генералъ-прокурорской дѣятельности.

(политическихъ розыскныхъ дѣлъ) и правительственною законодательною «коммиссіей о сочиненіи проекта новаго Уложенія» [1]). Въ 1797 состоялся указъ возлагающій на генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ обязанности, направленныя къ устраненію «проволочки» происходящей въ дѣлопроизводствѣ петербургскаго общаго собранія сената при разногласіи сенаторовъ. Въ случаѣ такого «разомнѣнія» оберъ-прокуроръ давалъ сенаторамъ согласительное предложеніе; если оно не имѣло успѣха, то дѣло рѣшалось по большинству голосовъ. Если же съ этимъ рѣшеніемъ не соглашался генералъ-прокуроръ, усматривая въ немъ «недовольное соображеніе съ законами» или сомнѣваясь «въ сношеніи оныхъ съ существомъ дѣла», или же, наконецъ, замѣчая «недовольное предохраненіе казеннаго интереса», то онъ доносилъ Государю и дѣло восходило на Высочайшее разсмотрѣніе и разрѣшеніе [2]).

Въ мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ было произведено существенное сокращеніе личнаго состава, опредѣленнаго «учрежденіемъ о губерніяхъ». Съ закрытіемъ въ 1796 верхнихъ земскихъ судовъ и верхнихъ расправъ, а въ 1800 г. и губернскихъ магистратовъ, упразднились состоявшіе при нихъ прокурорскіе чины и такимъ образомъ въ мѣстныхъ установленіяхъ изгладились послѣдніе слѣды петровской «коллежской» прокуратуры. Осталась лишь прокуратура губернская, не связанная непосредственно съ судебными мѣстами. Впрочемъ, и въ ея средѣ произошло умаленіе: въ періодъ времени съ 1797 по 1799 г. были уничтожены губернскіе стряпчіе, но когда и почему это совершилось, въ точности неизвѣстно, такъ какъ указа объ этомъ въ Полномъ Собраніи Законовъ не находится и объ упомянутой отмѣнѣ можно заключить лишь изъ послѣдующихъ указовъ 1801 и 1815 г. [3]). Слѣдуетъ думать, что и въ этой мѣрѣ, какъ и въ другихъ ей подобныхъ сказалось критическое, неодобрительное отношеніе новаго царствованія ко многимъ преобразованіямъ предшествовавшаго и стремленіе возвратиться ко внѣшнему виду и названіямъ первоначальныхъ учрежденій Петра Великаго. Между прочимъ сдѣлана была

---

[1]) П. С. 4 Декабря 1796, № 17610.
[2]) П. С. 26 Января 1797, № 17760.
[3]) П. С. 9 Сентября 1801, № 20004; 26 Іюля 1815, № 25909.

интересная попытка возстановить систему фискальскаго надзора. 25 января 1799 г., при генералъ-прокурорѣ *Беклешовѣ*, послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ пяти западныхъ губерніяхъ (Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Кіевской), сверхъ установленныхъ штатовъ (и слѣдовательно, сверхъ неотмѣненныхъ уѣздныхъ стряпчихъ), *фискаловъ 7 класса*, съ жалованіемъ по 500 рублей въ годъ, «для вящщаго успѣха въ движеніи гражданскихъ дѣлъ [1]). По общему опредѣленію указа, должность возстановленныхъ фискаловъ заключалась въ «наблюденіи дабы «никому и нигдѣ въ присутственныхъ мѣстахъ проволочки не «было». Съ этою цѣлью «обязаны они 2 раза въ годъ, не назначая времени, лично обозрѣвать губернію и не только входить «въ существо и теченіе дѣлъ въ судахъ производящихся, но и развѣдывать о всякомъ злоупотребленіи власти и безгласномъ притѣсненіи обывателямъ, и какъ скоро то или другое откроютъ, «доносить немедленно губернатору и генералъ-прокурору». Опытъ возстановить фискаловъ, вѣроятно, вызванный особымъ запущеніемъ дѣлъ въ пограничныхъ губерніяхъ на первыхъ же порахъ оказался неудачнымъ, что было приписано законодателемъ не органическимъ свойствамъ института, а отсутствію у него «точной инструкціи», въ которой были бы «изложены точныя границы и «прямой предметъ званія и должности ихъ». Въ концѣ того же 1799 г. былъ Высочайше утвержденъ докладъ Беклешова, содержавшій въ себѣ ближайшее опредѣленіе должности фискаловъ, которыхъ правительство называло своимъ «орудіемъ для обнаруженія злоупотребленій безгласныхъ и скрытыхъ» [2]). Во вступленіи къ этому докладу генералъ-прокуроръ признаетъ, что новые фискалы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: «они дѣлаютъ изъ себя инстанцію и чинъ начальственный, т.-е. принимаютъ жалобы, требуютъ объясненія и, вмѣсто того, чтобы самымъ «дѣломъ наблюдать и смотрѣть за злоупотребленіемъ и притѣсненіемъ, и объ ономъ доносить, входятъ въ переписки излишнія и «заводятъ у себя, такъ-сказать, канцеляріи; то берутъ неправильную поверхность надъ самими правительствами, то дѣлаются «стряпчими частныхъ людей, вступаясь несоотвѣтственнымъ закон-

---

[1]) П. С. 25 Января 1799 г. № 18826.
[2]) П. С. 8 Декабря 1799, № 19218.

«ному порядку образомъ даже въ тяжбы частныя съ заступле-«ніемъ одного противу другаго, и чрезъ то вмѣшиваясь съ пра-«вомъ публичнымъ въ дѣла приватныя». Въ этой характеристикѣ выражается пониманіе публичнаго начала института надзора, и главнѣйшіе его недостатки указываются въ бюрократическомъ формализмѣ съ одной стороны и въ присвоеніи себѣ не подлежащей власти съ другой. Законодатель полагалъ избѣгнуть этихъ недостатковъ слѣдующей организаціей фискальской должности. Фискалы состоятъ подобно прежнимъ стряпчимъ при губернскомъ прокурорѣ, должность котораго они исправляютъ въ случаѣ его отсутствія. Но, имѣя «камеру и письменныя дѣла общія съ «прокурорами», они прямо не подчинены имъ, а «должно имъ быть «въ сношеніи и взаимно поступать, какъ и въ оныхъ прокуро-«ровъ должность фискальскія дѣла входятъ». Фискаламъ выдается $^1/_3$ часть штрафныхъ денегъ, взысканныхъ по ихъ доносамъ, и изъ того же источника имъ выдаются прогоны для разъѣздовъ по губерніи. Они обязаны заниматься «самою дѣятельностью, а «не письменнымъ производствомъ» и должны дѣйствовать, «узнавать «и доходить самолично». Имъ запрещается, подъ страхомъ строгой отвѣтственности вмѣшиваться въ частныя тяжбы и вчинать «пустыя, а паче затѣйные и поклепные доносы». Равнымъ образомъ имъ строго запрещается выходить изъ очерченнаго круга вѣдомства, присваивать себѣ непринадлежащую власть или «ока-«зывать какой-либо поверхности надъ другими властями». Они не имѣютъ права принимать на свое имя никакихъ просьбъ или жалобъ, а узнавъ отъ объявителя сущность дѣла, должны провѣрить эти свѣдѣнія и затѣмъ донести, куда слѣдуетъ; независимо отъ этого они должны и самого жалобщика направить или представить къ губернатору или въ другое надлежащее установленіе. Всѣ присутственныя мѣста по «приличному» требованію фискаловъ, безпрепятственно показываютъ имъ «что нужно» и допускаютъ «до узнанія слѣдующаго къ ихъ свѣдѣнію». Предметъ дѣятельности фискаловъ—наблюденіе «дабы безпорядковъ, упущенія, вреда, «изнуренія подсудимымъ, а безгласнымъ людямъ проволочки и «притѣсненія не происходило». Въ справедливости всего узнаннаго фискалы должны сначала удостовѣриться личнымъ дознаніемъ и уже затѣмъ доносятъ губернатору; въ случаѣ же «невни-манія» его или о болѣе важномъ казусѣ они доносятъ и генералъ-

прокурору. Въ такомъ порядкѣ вѣдѣнію фискаловъ подлежали: дѣла «криминальныя и колодничьи», т. е. уголовныя и арестантскія, дѣла казенныя, по искамъ, взысканіямъ и по всякой принадлежности казны, дѣла обществъ и ихъ имущества, малолѣтнихъ сиротъ и проч., вообще «всякія безгласныя дѣла, относящіяся къ исполненію законовъ и казенный интересъ заключающія». Приведенныя постановленія поражаютъ своею сбивчивостью, неопредѣленностью и туманностью, особенно если ихъ сравнить съ екатерининскими учрежденіями. Типъ петровскаго фискалата далеко не выдержанъ или, вѣрнѣе, расширенъ присоединеніемъ къ надзору, который осуществляется провѣдываніемъ, дознаніемъ и доносомъ, еще настоящей *ревизіи* въ ея почти современномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ видимо поспѣшномъ агломератѣ отрывочныхъ требованій и правилъ о надзорѣ, приходящемъ извнѣ поднадзорной сферы, нельзя не отмѣтить, что законодатель съ особенной заботливостью, какъ бы отвѣчая на потребности современной практики, ввѣряетъ своимъ фискаламъ интересы подсудимыхъ и вообще безгласныхъ людей противъ проволочекъ и притѣсненій; здѣсь снова съ силой выступаетъ принципъ правительственной защиты не только закона и собственныхъ интересовъ, но и всѣхъ безпомощныхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, опытъ искусственно воскресить отжившій институтъ, къ тому же вовсе не согласованный со всѣми другими уже совершимися преобразованіями, оказался безуспѣшнымъ и не былъ даже распространенъ на центральную часть имперіи. Фискалы опять исчезли, безъ спеціальнаго о томъ указа, съ возстановленіемъ при воцареніи Императора Александа I екатерининскихъ мѣстныхъ учрежденій и ихъ основныхъ штатовъ.

§ 45. Прокурорскій надзоръ при Императорѣ Александрѣ I—Учрежденіе Министерства Юстиціи. Не далѣе какъ во второй годъ царствованія Александра I, 8 сентября 1802 г., послѣдовало учрежденіе министерствъ, при чемъ произошло, наконецъ, давно уже намѣчавшееся превращеніе должности генералъ-прокурора въ начальника одного изъ нихъ — министра юстиціи. [1]) «Мы заблагоразсудили» — сказано было въ манифестѣ объ этомъ законодательномъ актѣ — «раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно

[1]) П. С. № 20406.

«естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго «теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, «постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руковод- «ствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ «нихъ должность и чего Мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣя- «тельности и усердія къ благу общему». Въ вѣдѣніе министра юсти- ціи поступили одно изъ «отдѣленій управленія государственныхъ дѣлъ, отдѣленіе юстиціи», т. е. управленіе судебною частью и обязанности генералъ-прокурора при сенатѣ.

Въ противоположность другимъ министерствамъ, манифестъ 8 сентября 1802 г. не опредѣлилъ должности министра юстиціи; ей повелѣно «впредь до особеннаго ея опредѣленія» при изданіи сочиняемаго уложенія законовъ «оставаться на основаніи инструк- «ціи генералъ-прокурора» (ст. III), т. е. всѣхъ прежнихъ узако- неній объ этой должности. Съ перваго взгляда въ такой поста- новкѣ должности министра юстиціи можно видѣть какъ бы внут- реннее противорѣчіе. Съ одной стороны, какъ генералъ-прокуроръ, дѣйствующій на основаніи всѣхъ прежнихъ инструкцій этому са- новнику, онъ поставленъ совершенно независимо отъ сената съ правомъ широкаго надзора за собственной его дѣятельностью; съ другой, какъ министръ, онъ по силѣ учрежденія министерствъ самъ состоитъ подъ контролемъ сената, который уполномоченъ «разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управ- «ленію ввѣреннымъ и по соображеніи оныхъ съ государствен- «ными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до се- «ната дошедшими дѣлать свои заключенія», провѣрять отчеты ми- нистровъ, требовать отъ нихъ объясненія и свои доклады объ этихъ предметахъ представлять на Высочайше воззрѣніе. Эта двойствен- ность находитъ себѣ, повидимому, объясненіе въ томъ, что бли- жайшее опредѣленіе должности министра юстиціи на основаніи всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній предстояло при общей кодифи- каціи, а кромѣ того — и что всего важнѣе — генералъ-проку- роръ, званіе котораго перешло къ министру юстиціи, уже вовсе не былъ генералъ-прокуроромъ временъ Петра Великаго и Ека- терины II. Вмѣстѣ съ кругомъ дѣятельности сократилось и все значеніе этого званія: у генералъ-прокурора, какъ таковаго, осталось только исполненіе главныхъ прокурорскихъ обязанно- стей при сенатѣ, да начальствованіе надъ мѣстной прокуратурой,

но никакого, помимо ея дѣятельности, общаго и высшаго надзора за управленіемъ и прямаго, властнаго въ немъ участія не сохранилось. Перемѣна была до того ощутительна, что съ ней не могъ помириться послѣдній генералъ-прокуроръ стараго порядка, *А. А. Беклешовъ* [1]); проникнутый его прежними традиціями онъ не пожелалъ сдѣлаться министромъ юстиціи, считая это пониженіемъ. Указомъ того же 8 сентября 1802 г. [2]) въ числѣ другихъ министровъ первымъ министромъ юстиціи ‹или генералъ-прокуроромъ› былъ назначенъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ *Державинъ*, знаменитый поэтъ екатерининскаго вѣка, занимавшій этотъ постъ не болѣе года. [3]) Въ это короткое время, однакоже, были изданы или подготовлены существенныя узаконенія о порядкѣ дѣйствій прокурорскаго надзора.

Прежде всего были выработаны въ подробности права и обязанности сенатской прокуратуры; рядъ указовъ и повѣленій [4]) далъ окончательное развитіе ея ранѣе сложившимся началамъ. Всѣ дѣйствія генералъ- и оберъ-прокуроровъ клонились къ тому, чтобы достигнуть въ сенатѣ при рѣшеніи дѣлъ единогласія или, по крайней мѣрѣ, законнаго большинства двухъ третей голосовъ, а если его составиться не можетъ, или сенатъ рѣшительно расходится съ мнѣніемъ прокурорскаго надзора, то чтобы представить дѣло на Высочайшее разрѣшеніе въ возможно полномъ и разностороннемъ видѣ. Разногласіе сенататоровъ или несогласіе ихъ съ прокуратурой въ департаментѣ переносило дѣло въ общее собраніе департаментовъ сената. Здѣсь генералъ-прокуроръ, лично или черезъ оберъ-прокурора, принималъ всѣ мѣры къ соглашенію сенаторовъ и къ принятію ими того рѣшенія, которое онъ считалъ правильнымъ. Съ этою цѣлью, при выяснившемся уже разногласіи

---

[1]) По вступленіи на престолъ Императора Александра I, Беклешовъ вновь былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ вмѣсто Обольянинова.

[2]) П. С. № 20.409.

[3]) Вотъ списокъ министровъ юстиціи и генералъ-прокуроровъ отъ учрежденія министерствъ и до судебной реформы 1864 г.: 1) *Г. Р. Державинъ* (1802—1803); 2) князь *П. В. Лопухинъ* (1803—1810); 3) *И. И. Дмитріевъ* (1810—1814); 4) *Д. П. Трощинскій* (1814—1817); 5) князь *Д. И. Лобановъ-Ростовскій* (1817—1827); 6) князь *А. А. Долгорукій* (1827—1829; 7) *Д. В. Дашковъ* (1829—1839); 8) графъ *Д. Н. Блудовъ* (1839); 9) графъ *В. Н. Панинъ* (1839—1862); *Д. Н. Замятнинъ* (1862—1867).

[4]) П. С. 8 Сентября 1802, № 20405; 21 Октября 1802, №№ 20477 и 20478; 7 Декабря 1802, № 20546; 1803, 13 Декабря № 21077.

въ общемъ собраніи, генералъ-прокуроръ, руководствуясь совѣщательнымъ принципомъ прокурорскаго устройства и правиломъ о его единствѣ (инструкція генералъ-прокурору 22 — 27 апрѣля 1722 г. и ст. 405 учрежд. о губерн. 1775 г.) предварительно передавалъ дѣла на совѣтъ или «консультацію» всѣхъ оберъ-прокуроровъ, «дабы они, обсудивъ дѣло, по прямому существу «его и по точному смыслу приличныхъ законовъ сдѣлали общее «заключеніе». На основаніи этого послѣдняго, «извлекши такимъ «образомъ точнѣйшее и ближайшее понятіе о существѣ дѣла» [1]) генералъ-прокуроръ соглашалъ въ общемъ собраніи разныя мнѣнія. При неуспѣхѣ соглашенія, «дѣло возносится къ Императорскому Величеству; и тогда да предстанутъ предъ лице Его одинъ «или двое изъ сенаторовъ противнаго мнѣнія съ генералъ-прокуроромъ, избранные имъ къ объясненію всѣхъ причинъ которыя «заставляютъ ихъ оставаться при своемъ мнѣніи». [2]) Генералъ-прокуроръ, по прежнему имѣвшій въ своемъ управленіи все сенатское дѣлопроизводство и канцелярію, сохранилъ и въ качествѣ министра юстиціи то преобладающее вліяніе на ходъ и разрѣшеніе дѣлъ въ сенатѣ, которое было присвоено его должности съ самаго учрежденія ея при Петрѣ Великомъ.

Получивъ въ свое завѣдываніе болѣе ограниченный кругъ дѣлъ, въ который если и входили предметы управленія, то исключительно *судебнаго*, если и былъ включенъ надзоръ, то исключительно *ближайшій*, *мѣстный*, министръ юстиціи долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе на органахъ суда и мѣстнаго, т.-е. губернскаго и уѣзднаго прокурорскаго надзора. Результатомъ этого явилось большее сближеніе между генералъ-прокуроромъ и подчиненной ему прокуратурой, выразившееся въ мѣропріятіяхъ къ поднятію ея значенія и упорядоченія ея дѣятельности. Со всѣми своими рапортами и доношеніями, во всѣхъ сомнѣніяхъ и затрудненіяхъ и вообще по всѣмъ дѣламъ и поводамъ, «заслуживающимъ уваженія» или подлежащими вѣдѣнію сената, прокуроры были обязаны относиться къ министру юстиціи, [3]) который сталъ въ положеніе ихъ прямаго и притомъ единственнаго іерархиче-

---

[1]) П. С. № 20477 п. 3 и 4.
[2]) П. С. № 20405 п. 19.
[3]) П. С. № 20405 п. 7.

скаго начальника. А такъ какъ по указанному уже выше направленію практики, основанной на нѣкоторыхъ постановленіяхъ «учрежденія о губерніяхъ», высшая губернская административная власть имѣла возможность предъявлять притязанія на подчиненность ей или по крайней мѣрѣ зависимость отъ нея чиновъ прокурорскаго надзора, то и явилась надобность оградить ихъ отъ того, что въ этихъ притязаніяхъ было ненормальнаго и несогласнаго съ самостоятельностью и значеніемъ прокурорской функціи. Въ 1805 г. сенатъ, по предложенію министра юстиціи кн. Лопухина, разъяснилъ, что губернаторы не имѣютъ права давать ордера или предписанія прокурорамъ, какъ непосредственно подчиненнымъ только министру [1]). Въ мотивахъ этого предложенія, принятыхъ сенатомъ, ясно выражается вышеприведенный взглядъ на необходимость обезпечить прокурорскому надзору дѣловую независимость отъ администраціи: признается нужнымъ, чтобы «чиновникъ, непосредственно имѣющій обязанность обере«гать въ губерніи, дабы никто не присвоилъ власти себѣ непри«надлежащей, и никакое мѣсто не выходило бы изъ границъ по«становленныхъ Высочайшимъ для управленія губерній учрежде«ніемъ, могъ свободно употреблять настоянія свои и дѣлать пред«ставленія свои, куда слѣдуетъ по службѣ, не отвлекаясь *несовмѣ«стнымъ* исполненіемъ предписаній *постороннихъ* начальствъ».

Нельзя въ заключеніе не остановиться съ нѣкоторою подробностью на важнѣйшемъ и интереснѣйшемъ законодательномъ источникѣ для прокурорскаго надзора въ разсмотрѣнномъ періодѣ—на Высочайше апробованной инструкціи или *циркулярномъ ордерѣ*, съ которымъ первый министръ юстиціи Г. Р. Державинъ *22 сентября 1802* обратился ко всѣмъ губернскимъ прокурорамъ имперіи [2]). Въ этомъ сжатомъ, но прекрасно изложенномъ документѣ равно замѣчательны и логическая ясность основной мысли, и точность ея выраженія, и практичная правильность требованій. Новое положеніе генералъ-прокурора вызываетъ съ его стороны и новыя указанія его мѣстнымъ органамъ, имѣющія служить, на основаніи

[1]) П. С. 29 Сентября 1805, № 21923.

[2]) П. С. 15 Декабря 1802, № 20553; этотъ циркулярный ордеръ былъ вызванъ рапортомъ Эстляндскаго губернскаго прокурора бар. Беллингаузена, въ которомъ онъ испрашивалъ у генералъ-прокурора разрѣшенія сомнѣній и затрудненій, встрѣченныхъ имъ въ отправленіи его должности при возстановленныхъ въ губерніи прежнихъ присутственныхъ мѣстахъ.

итоговъ прошлаго, исходной точкой и фундаментомъ будущей прокурорской дѣятельности.

Прокурорскому надзору въ его тогдашнемъ смыслѣ указывается подобающее ему мѣсто среди другихъ властей, и дѣятельность его обрисовывается въ краткихъ, но вмѣстѣ живыхъ и крупныхъ очертаніяхъ. Напомнивъ постановленія о прокурорскомъ надзорѣ «учрежденія о губерніяхъ» (ст. 404 и 405) и законовъ 8 сентября 1802 «о должностяхъ и преимуществахъ сената» и «объ учрежденіи министерствъ», министръ юстиціи въ 7 главныхъ пунктахъ формулируетъ свои предписанія: 1) о всякомъ опредѣленіи или «положеніи» присутственнаго мѣста, несогласномъ съ законами, или относящемся «ко вреду службы, а паче къ ущербу интереса «Императорскаго Величества или къ отягощенію народному», губернскій прокуроръ обязанъ, не останавливая исполненія, «съ приличностью» сообщить губернскому правленію и одновременно донести своему министру. 2) Если прокуроръ встрѣтитъ сомнѣніе въ законности закона опредѣленія или распоряженія присутственнаго мѣста, которое послѣдуетъ по предписанію какого-либо другого министра, то какъ въ семъ случаѣ «никакое напоминаніе «или представленіе присутственному мѣсту не будетъ уже при«лично», то прокуроръ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія министра юстиціи немедленно, съ первою почтой, особенно, если дѣло требуетъ немедленнаго исправленія. 3) О случаяхъ, въ которыхъ за состоявшимся исполненіемъ, уже невозможно отвратить безпорядокъ, вредъ или убытокъ для пресѣченія или недопущенія таковыхъ впредь, прокуроръ представляетъ министру юстиціи по третямъ года, «съ потребнымъ объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ и «средствъ къ пользѣ службы, интересовъ Императорскаго Вели«чества и облегченію народа», такъ чтобы генералъ-прокуроръ могъ представить обо всемъ этомъ «на уваженіе правительствен«наго сената», въ своемъ отчетѣ. 4) Сверхъ вѣдомостей, представляемыхъ прокурорами генералъ-прокурору (о дѣлахъ и перечневую о колодникахъ), они должны ежемѣсячно представлять ему же, но уже какъ министру юстиціи, еще подробныя вѣдомости по дѣламъ слѣдственнымъ (т.-е. о преступленіяхъ должности) и уголовнымъ. Въ отношеніи арестантовъ къ этимъ вѣдомостямъ прилагаются свѣдѣнія о томъ: «доставляется ли имъ пристойное про«питаніе, разведены ли они сообразно важности каждаго преступ-

«ленія и отдѣляются ли присужденные уже къ наказанію отъ об-«виняемыхъ, имѣютъ ли тюрьмы необходимыя къ человѣческой «жизни выгоды, какъ-то—теплоту, сухость и свѣжій воздухъ, не «изнуряются ли какими тяжкими сверхъ мѣръ работами и проч.» 5) По производству уголовныхъ дѣлъ прокуроры наблюдаютъ, съ одной стороны, «не происходитъ ли гдѣ кому пристрастныхъ «допросовъ, безчеловѣчныхъ истязаній и притѣсненій всякаго «рода на обвиненіе невинности, а съ другой упущенія и послаб-«ленія преступленіямъ, а наипаче сокрытія нестерпимыхъ (т.-е. «тяжкихъ и опасныхъ) злодѣяній»; они должны ходатайствовать и и настаивать въ губернскомъ правленіи, «чтобы слѣдствіе при-«ведено было въ надлежащую ясность, точность и окончено съ «совершеннымъ безпристрастіемъ» такъ, чтобы высшей инстанціи не было ни сомнѣній, ни надобности требовать дослѣдованія; когда слѣдствіе окончено и приступленіе открыто, «предлежитъ тщатель-«ному бдѣнію прокурора смотрѣть за правосудіемъ». Во всѣхъ этихъ случаяхъ прокуроры, при всякомъ отступленіи отъ закона или пользы службы, доносятъ министру, которому представляютъ и краткія увѣдомленія о ходѣ и положеніи всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ. 6) По дѣламъ гражданскимъ прокуроры должны смотрѣть бдительно за сохраненіемъ формы или порядка судопроизводства, и въ особенности за соблюденіемъ подсудности и предѣловъ власти, нарушеніемъ которыхъ «обыкновенно дѣла запутываются и продолжаются». Они доносятъ о подобныхъ случаяхъ министру для «отвращенія замѣшательствъ и вообще для пресѣ-«ченія всякаго рода притѣсненій и волокитъ». 7) Прокурорамъ рекомендуется заниматься «исполненіемъ къ существенной долж-«ности относящагося и какъ въ донесеніяхъ министру, такъ и въ «сношеніяхъ съ присутственными мѣстами всю не столь нужную «переписку оставить» и отъ излишней «елико возможно» уклоняться, въ виду того, что таковая переписка «болѣе служитъ къ напол-«ненію ненужными бумагами архива, нежели къ споспѣшество-«ванію въ теченіи дѣлъ». Свою инструкцію первый министръ юсти-ціи заканчиваетъ обѣщаніемъ «свидѣтельствовать, гдѣ подлежитъ, «о похвальномъ служеніи» всякаго прокурора, «который рачені-«емъ, благоразуміемъ и дѣятельностью» оправдаетъ довѣріе, воз-ложенное на него закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ, что въ противномъ случаѣ за всякій безпорядокъ, злоупотребленіе

или упущеніе «каждый изъ прокуроровъ дастъ отвѣтъ безъ малѣйшаго со стороны министра послабленія». Эта инструкція Г. Р. Державина въ значительной части своей вошла въ сводъ законовъ, и предписанія ея, поэтому, донынѣ не потеряли силы для прокурорскаго надзора тѣхъ мѣстностей Россіи, на которыя еще не распространилась судебная реформа.

Такъ, къ началу нынѣшняго столѣтія, высшая и низшая мѣстная прокуратура окончательно сформировалась въ направленіи, которое было проложено долголѣтнимъ развитіемъ законодательства о правительственномъ надзорѣ въ судѣ и управленіи. Дальнѣйшія объ этомъ узаконенія, послѣдовавшія въ періодъ составленія, а затѣмъ и первыхъ трехъ изданій Свода Законовъ Россійской Имперіи (1832, 1842 и 1857 г.г.) не требуютъ особаго хронологическаго разсмотрѣнія и изложенія. Касаясь второстепенныхъ частностей, они не внесли никакихъ существенныхъ измѣненій въ прокурорское учрежденіе того вида, въ какомъ оно вышло изъ законодательныхъ работъ эпохи Екатерины II и Александра I, и которыя, въ свою очередь были лишь продолженіемъ начинаній Петра Великаго. Въ этомъ же самомъ видѣ, какъ продуктъ законодательнаго наслоенія, оно явилось и въ Сводѣ, постановленія котораго о прокурорскомъ надзорѣ, въ ихъ догматическомъ содержаніи и практическомъ примѣненіи, представляютъ какъ бы сумму, итоги всего того, что за полтора столѣтія, отъ Петра Великаго и до Александра II, юридическая жизнь Россіи сдѣлала изъ этого установленія. Не создавая ничего новаго въ его устройствѣ и дѣятельности, Сводъ Законовъ кодифицировалъ всѣ прежнія о немъ узаконенія, начиная съ «учрежденія объ управленіи губерній» 1775 года, которое и осталось главнымъ источникомъ и основаніемъ постановленій о нашей до-реформенной прокуратурѣ. По этому, къ Своду Законовъ изданія 1857 года и долженъ быть пріуроченъ послѣдній, наиболѣе продолжительный и неподвижный періодъ ея исторіи, въ которомъ и застала ее судебная реформа.

ГЛАВА VIII.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПО СВОДУ ЗАКОНОВЪ.

§ 46. Общая организація и составъ.—Высшій надзоръ.—§ 47. Мѣстный прокурорскій надзоръ и его устройство.—§ 48. Предметы и формы мѣстной прокурорской дѣятельности вообще и по надзору въ частности.—§ 49 Судебно-исковая дѣятельность прокурорскаго надзора по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ.—§ 50. Отвѣтственность прокурорскаго надзора.—Характеристика его по Своду Законовъ вообще.—§ 51. Общій взглядъ на до-реформенной прокурорскій надзоръ.

§ 46. Общая организація и составъ.—Высшій надзоръ. Постановленія о прокурорскомъ надзорѣ, разсѣянныя по разнымъ томамъ Свода Законовъ изд. 1857 г., сосредоточиваются главнымъ образомъ *въ ч. 2-й т. I* («Учрежденія Государственныя»), *въ ч. 1-й т. II* («Общія Губернскія Учрежденія»), *въ ч. 2-й т. X* («Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ») и *въ ч. 2-й т. XV* («Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ»). Соотвѣтствуя механической системѣ Свода, постановленія эти не представляютъ цѣльнаго законодательства, стройно развивающагося изъ общихъ и основныхъ началъ. Это правила различнаго характера и цѣлей, лишенныя внутренней органической связи между собою, изобилующія повтореніями и смѣшеніемъ предметовъ. «Разбирая «нынѣ дѣйствующіе законы, опредѣляющіе существо власти и «предѣлы вѣдомства прокурорскаго надзора», — писалъ въ 1864 году *П. А. Марковъ*, — «мы невольно останавливаемся на нихъ, «пораженные ихъ неполнотою, неточностью и неудобствомъ. «Основныя постановленія о прокурорскомъ надзорѣ носятъ явный «отпечатокъ старины и удивляютъ странностью своего содержа-

«нія; другія, принадлежа къ произведеніямъ законодательства но-«вѣйшаго времени, не вяжутся съ первыми, а иногда и противо-«рѣчатъ имъ; въ результатѣ же обнаруживается полное смѣше-«ніе понятій о значеніи учрежденія прокуроровъ» [1]). Для того, чтобы оріентироваться среди этой пестроты и сбивчивости, обозрѣніе стараго прокурорскаго надзора удобнѣе всего расположить по извѣстнымъ методологическимъ признакамъ, которыми могутъ послужить: во 1-хъ, группировка органовъ надзора по степенямъ его; во 2-хъ, отдѣленіе правилъ организаціонныхъ отъ процессуальныхъ и въ 3-хъ, различіе въ значеніи и дѣятельности прокуратуры, смотря по тому, является ли она блюстителемъ законовъ въ порядкѣ административномъ и судебномъ, или же истцомъ казеннаго (фискальнаго) и общественнаго иска въ порядкѣ уголовномъ или гражданскомъ.

Учрежденіе прокурорскаго надзора въ его построеніи по Своду Законовъ раздѣляется на *три* главныхъ степени или ранга: 1) *генералъ-прокурорскій надзоръ* въ лицѣ министра юстиціи, съ званіемъ котораго соединяется и званіе генералъ-прокурора, и при немъ товарища министра, съ вспомогательными обязанностями по обоимъ званіямъ; 2) *оберъ-прокурорскій надзоръ*, отправляемый оберъ-прокурорами при общихъ собраніяхъ и департаментахъ сената, и 3) *мѣстный надзоръ* губернскаго прокурора въ каждой губерніи и при немъ двухъ губернскихъ стряпчихъ и уѣзднаго стряпчаго въ каждомъ уѣздѣ. Всякая изъ этихъ степеней существуетъ и дѣйствуетъ отдѣльно; помимо общаго подчиненія прокурорскихъ чиновъ генералъ-прокурору, ни въ постановкѣ ихъ должностей, ни въ предметахъ и формахъ дѣятельности нѣтъ никакого единства и единообразія. Оберъ-прокурорскій надзоръ, заключенный въ предѣлы сенатской коллегіи, носитъ характеръ преимущественно судебный; напротивъ того, губернскій и уѣздный надзоръ имѣетъ мѣстное, провинціальное значеніе и содержитъ въ себѣ много чисто административныхъ элементовъ. По замѣчанію г. Маркова «между порядкомъ надзора «въ сенатѣ и порядкомъ надзора въ низшихъ инстанціяхъ даже «до того мало связи, что многимъ и въ голову не приходитъ, что «какъ оберъ-прокуроры, такъ и губернскіе прокуроры и уѣздные

[1]) Журналъ министерства юстиціи 1864 года, т. XX, стр. 605.

«стряпчіе составляютъ въ сущности одно учрежденіе» [1]). Дѣйствительно, если смотрѣть со стороны, первые—высокопоставленныя должностныя лица, завѣдующія сенатскимъ дѣлопроизводствомъ, а вторые—мѣстные чиновники министерства юстиціи по надзору за присутственными мѣстами. Подъ дѣйствіемъ Свода не былъ достаточно ясенъ законный типъ прокурора, какъ правительственнаго дѣятеля въ общественной сферѣ; почти не употреблялся еще и самый терминъ «прокурорскій надзоръ» для техническаго обозначенія особаго тѣсно сплоченнаго института, съ рѣзко очерченными правами и обязанностями.

Генералъ-прокурорскія обязанности министра юстиціи при сенатѣ по судебному надзору и по главенству надъ прокуратурой составляютъ одну изъ функцій его государственной должности, въ которую входитъ все управленіе судебною частью въ Имперіи. Сохраняя издавна не практиковавшееся право лично присутствовать въ сенатѣ, генералъ-прокуроръ исполняетъ эти обязанности черезъ товарища министра и оберъ-прокуроровъ, при помощи консультаціи этихъ послѣднихъ, а также департамента и канцеляріи министерства юстиціи. Названныя учрежденія стоятъ посредствующей инстанціей между высшимъ министерскимъ надзоромъ и его объектами и низшими органами. Товарищъ министра вѣдаетъ спеціально нѣкоторыя дѣла по сенатскому надзору, распоряженія, вытекающія изъ произведенныхъ ревизій судебныхъ мѣстъ, высшее наблюденіе за движеніемъ арестантскихъ дѣлъ и проч. (ст. 1905—1907 2 ч. I т.). Дѣйствуя въ сенатѣ или непосредственно, или черезъ оберъ-прокуроровъ, министерство юстиціи сносится по предметамъ мѣстнаго надзора не только черезъ губернскихъ прокуроровъ, но и прямо съ губернскимъ начальствомъ, которому въ этой области принадлежатъ обширныя права (ст. 244—250 2 ч. I т.). Генералъ-прокуроръ участвуетъ и въ надзорѣ административномъ, но лишь по стольку, по скольку послѣдній входитъ въ кругъ вѣдомства 1-го департамента сената (ст. 25—33 учрежд. прав. сената 2 ч. I т.).

Указанныя ниже особенности обѣихъ подчиненныхъ степеней надзора должны были отразиться и въ центрѣ ихъ—въ министерствѣ юстиціи. Разнообразіе предметовъ и формъ надзора обусловли-

[1]) Тамъ же, стр. 609.

вало множество разнохарактерныхъ дѣлъ и крайнюю сложность производства и сношеній по нимъ. Съ теченіемъ времени осуществленіе генералъ-прокурорскаго надзора формальнымъ, письменнымъ путемъ вызвало то обиліе канцелярской переписки, котораго такъ страшился первый министръ-юстиціи въ своей инструкціи прокурорскимъ чинамъ. [1]) Въ общемъ этотъ высшій прокурорскій надзоръ министра довольно далеко отошелъ отъ петровскаго идеала «стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ». Дробясь въ массѣ и крупныхъ вопросовъ и мелкихъ дѣлъ, онъ какъ бы расплывался въ недостаточно опредѣленныхъ очертаніяхъ бюрократической практики и уже не имѣлъ, въ смыслѣ реальной силы своего воздѣйствія, того значенія, которое давала ему историческая, но уже обвѣтшалая доктрина его когда-то широкой и могучей власти. Съ представленіемъ о министерствѣ юстиціи до преобразованія судебной части соединена память о послѣднемъ до-реформенномъ генералъ-прокурорѣ — графѣ *В. Н. Панинѣ*, занимавшемъ эту должность непрерывно въ теченіе 22-хъ лѣтъ (1839—1862). Здѣсь не у мѣста оцѣнка этого государственнаго дѣятеля эпохи, предшествовавшей великимъ реформамъ Императора Александра II. Но въ лѣтописяхъ русскаго прокурорскаго надзора не можетъ остаться незамѣченнымъ имя твердаго и строгаго до жосткости генералъ-прокурора такого времени, когда борьба законнаго контроля съ беззаконіями была погружена въ формализмъ и канцелярскую рутину и обставлена со всѣхъ сторонъ неблагопріятными условіями тогдашней правительственной и судебной дѣятельности. Не склонный измѣнять эти условія, точный исполнитель формальнаго долга службы и ревностный блюститель буквы закона, графъ Панинъ былъ весьма требователенъ къ чинамъ надзора, которымъ онъ самъ подавалъ примѣръ честности и усердія. Въ его тяжелой школѣ получили первые суровые уроки служебной практики и дисциплины будущіе юристы, изъ которыхъ многіе сдѣлались впослѣдствіи украшеніемъ новой магистратуры.

---

[1]) Изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству юстиціи за 1862 годъ между прочимъ видно, что въ этомъ году въ производствѣ консультаціи, департамента и канцеляріи министерства было болѣе *11,000* дѣлъ (Журналъ мин. юстиціи 1863 г. т. XVIII. Декабрь, стр. 54—55).

Генералъ-прокуроръ, не будучи въ состояніи лично или даже черезъ своего товарища исполнять всѣ прокурорскія обязанности при сенатѣ, для этой цѣли выдѣляетъ, такъ сказать, изъ своей функціи по надзору, оберъ-прокурорскій надзоръ при всѣхъ 12 департаментахъ сената и трехъ общихъ его собраніяхъ [1]). По учрежденію сената оберъ-прокуроры назначаются, по представленіямъ министра юстиціи, именными Высочайшими указами и состоятъ въ 4-мъ классѣ. При нихъ находятся, въ качествѣ ихъ помощниковъ, чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ, назначаемые также Высочайшею властью (ст. 270, 266, 356 учрежд. сен.). Оберъ-прокуроры со всѣми подвѣдомственными имъ должностными лицами состоятъ подъ прямымъ начальствомъ министра юстиціи и получаютъ отъ него предписанія или ордера (ст. 21 и друг.). Но они «ни чьему суду не подлежатъ, кромѣ Императорскаго Вели-«чества или того мѣста, которое Высочайшею властью къ сему «назначено будетъ» (ст. 352). Они не могутъ быть отводимы отъ исполненія своихъ обязанностей, но въ случаѣ родства или дружбы съ участвующими въ дѣлѣ лицами сами должны представить о томъ министру и ожидать его предписанія (ст. 353). Оберъ-прокуроры управляютъ канцеляріей сената, чины которой, съ оберъ-секретарями во главѣ, безусловно подчинены имъ. О неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и оберъ-секретарей, завѣдующихъ каждый особой «экпедиціей», оберъ-прокуроры доносятъ министру, а остальныхъ чиновъ за упущенія по службѣ подвергаютъ взысканію собственною властью. Сенаторы, не исключая и первоприсутствующихъ, не вступаются въ дѣлопроизводство канцеляріи, но, замѣтивъ въ немъ безпорядки, могутъ предложить о нихъ на разсмотрѣніе сената, «дабы обратить на виновнаго силу и дѣйствіе закона», а первоприсутствующій можетъ, кромѣ того, просить содѣйствія ми-

---

[1]) Изъ 12 департаментовъ сената первые пять, межевой и герольдіи находились въ Петербургѣ, 6, 7 и 8—въ Москвѣ, а 9 и 10 въ Варшавѣ. При двухъ послѣднихъ оберъ-прокуроры и ихъ помощники состояли подъ начальствомъ не министра юстиціи, а главнаго директора правительственной коммиссіи юстиціи въ Царствѣ Польскомъ. Департаменты 3, 5 и 6 раздѣлялись на отдѣленія, изъ которыхъ при каждомъ, такъ же какъ и при Московскомъ общемъ собраніи, состоялъ особый оберъ-прокуроръ. Такимъ образомъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ, считая въ томъ числѣ и герольдмейстера, т.-е. оберъ-прокурора департамента герольдіи, было *16* (ст. 21, 39, 40, 55 и 57 Учрежд. Сената).

нистра къ прекращенію усмотрѣнныхъ упущеній. Министръ юстиціи и его товарищъ засѣдаютъ только въ общихъ собраніяхъ, имѣя въ нихъ свое особое мѣсто; оберъ-прокуроры, засѣдая во всѣхъ присутствіяхъ сената, имѣютъ въ нихъ особые столы. Сенатъ сносится съ высшими или неподвѣдомственными ему государственными установленіями черезъ министра юстиціи, съ послѣднимъ или прямо черезъ департаментъ и канцелярію, или черезъ оберъ-прокуроровъ, со всѣми же другими мѣстами и лицами непосредственно, посылкою указовъ (ст. 21, 216, 218, 255, 354—358). Въ прямыхъ сношеніяхъ съ чинами губернскаго надзора оберъ-прокуроры не состояли.

Сущность и порядокъ исполненія генералъ—и оберъ-прокурорской обязанности по сенату одинакова во всѣхъ дѣлахъ, частныхъ и казенныхъ, административныхъ и судебныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ. Она заключается въ двоякомъ надзорѣ: 1) за правильностью рѣшеній и 2) за порядкомъ производства дѣлъ, куда относится и руководство канцеляріею сената (ст. 21 и 346). Надзоръ имѣетъ въ виду охранить: по первому предмету — правильность рѣшенія со стороны какъ формы, такъ и существа, а по второму—соблюденіе законнаго порядка при обсужденіи и разрѣшеніи дѣлъ (ст. 347 и 354). Для достиженія той и другой задачи оберъ-прокуроры, сверхъ завѣдыванія дѣлопроизводствомъ и доношеній въ разныхъ случаяхъ министру, наблюдаютъ за приготовленіемъ въ канцеляріи дѣлъ къ докладу, принимаютъ мѣры къ тому, чтобы докладъ могъ состояться въ присутствіи законнаго числа сенаторовъ (и въ случаѣ его недостаточности приглашаютъ сенаторовъ изъ другихъ департаментовъ), присутствуютъ при самомъ докладѣ, представляя, въ случаѣ надобности, словесныя объясненія; находятся при обсужденіи и постановленіи рѣшеній и, наконецъ, надписью «*читалъ*» пропускаютъ изготовленныя опредѣленія къ подписи сенаторовъ, а уже подписанныя словомъ «*исполнить*»—къ окончательному исполненію. Высшее наблюденіе за успѣшнымъ и скорымъ теченіемъ дѣлъ въ сенатѣ принадлежитъ министру юстиціи, а отчасти и его товарищу (ст. 138, 307, 308); непосредственный же надзоръ за этимъ лежитъ на оберъ-прокурорахъ, которые представляютъ министру многочисленные срочные вѣдомости, отчеты и донесенія о ходѣ сенатскаго дѣлопроизводства (ст. 318—329).

Главнымъ моментомъ надзора за правильностью рѣшенія является *пропускъ* генералъ-или оберъ-прокуроромъ сенатскаго опредѣленія. Пропускъ выражаетъ согласіе прокурорскаго надзора; при несогласіи же или протестѣ исполненіе задерживается и дѣло переносится изъ департамента въ общее собраніе, изъ общаго собранія въ государственный совѣтъ и на Высочайшее усмотрѣніе. «За «пропускъ всякаго несообразнаго съ законами приговора или «опредѣленія слѣдуетъ личная отвѣтственность оберъ-прокурора» (ст. 351). Въ извѣстныхъ случаяхъ болѣе важнаго или общаго, регулятивнаго значенія, оберъ-прокуроръ предварительно испрашивалъ «на пропускъ» разрѣшеніе или ордеръ министра. Никакое рѣшеніе или опредѣленіе сената не признавалось дѣйствительнымъ и не могло войти въ силу, если оно не совмѣщало въ себѣ двухъ условій: а) единогласія сенаторовъ въ департаментахъ и большинства $^2/_3$ голосовъ въ общемъ собраніи и б) согласія оберъ-прокурора въ департаментѣ и министра юстиціи въ общемъ собраніи. Для совмѣщенія обоихъ этихъ условій, а съ ними правильности и дѣйствительности рѣшенія, служила цѣлая система *согласительныхъ предложеній* генералъ-и оберъ-прокурорскаго надзора и *переноса* дѣла изъ низшей въ высшую инстанцію. Соглашеніе производилось посредствомъ письменныхъ предложеній, на почвѣ юридической и фактической; соглашающій дѣйствовалъ «склоняя къ тому, поколику возможно, поставленными на видъ, «при самомъ докладѣ дѣла, законами и изъясняя, по долгу званія, «присяги и чести, всѣ слѣдующія къ объясненію дѣла обстоятельства» (ст. 129, 130, 137). Когда въ общемъ собраніи возникала необходимость въ соглашеніи, то ему предшествовало разсмотрѣніе дѣла въ консультаціи оберъ-прокуроровъ при министерствѣ юстиціи, и самое соглашеніе выражалось въ формѣ, принятой на консультаціи и одобренной министромъ (ст. 142—150). Оберъ-прокуроры, свободно заявляя свои мнѣнія и силою ихъ останавливая исполненіе въ департаментахъ, въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла и по разсмотрѣніи его въ консультаціи подчинялись окончательному мнѣнію и предписанію министра; товарищъ же его сохранялъ до конца по всѣмъ предметамъ сенатскаго надзора независимость своего мнѣнія, которое прилагалось къ дѣлу и имѣлось въ виду при его дальнѣйшихъ переходахъ, обсужденіи и разрѣшеніи.

Такимъ образомъ въ институтѣ оберъ-прокуроровъ нашелъ себѣ примѣненіе только одинъ изъ элементовъ прокуратуры—наблюденіе за охраненіемъ закона, два же другіе—защита казенныхъ интересовъ и условное преслѣдованіе безгласныхъ дѣлъ не имѣли въ сенатѣ особаго представителя. Этотъ законоохранительный надзоръ въ сенатѣ и за сенатомъ, который самъ имѣлъ власть «высшаго надзора въ порядкѣ управленія и исполненія» и вѣдалъ по судебнымъ дѣламъ «верховную ревизію» (ст. 2 и 3), передъ судебной реформой уже казался анахронизмомъ [1]). Но за долголѣтнее свое существованіе приблизительно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ организованъ при Петрѣ, онъ успѣлъ приспособиться къ высшему въ Имперіи присутственному мѣсту, съ которымъ былъ тѣсно связанъ. Оберъ-прокуроры вполнѣ слились съ сенатомъ, они какъ бы вошли въ его составъ и, при завѣдываніи его канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, своими согласительными предложеніями и протестами содѣйствовали правильному рѣшенію въ немъ дѣлъ [2]). Такое содѣйствіе было и фактически необходимо потому, что до—реформенный сенатъ состоялъ по большей части изъ лицъ, несвѣдующихъ въ законахъ, военныхъ и администраторовъ, для которыхъ мнѣніе оберъ-прокурора могло быть вѣскимъ и полезнымъ руководствомъ. Дѣльный и опытный оберъ-прокуроръ имѣлъ въ сенатѣ большое, иногда рѣшающее, значеніе. При отсутствіи же этихъ качествъ онъ самъ подпадалъ подъ вліяніе управляемой имъ канцеляріи, занявшей въ сенатскомъ дѣлопроизводствѣ первенствующее мѣсто, благодаря съ одной стороны его технической сложности, а съ другой—присутствію въ канцеляріи искусныхъ дѣльцовъ стараго закала. Нерѣдко темная ихъ репутація бросала тѣнь и на оберъ-прокуратуру; въ публикѣ укоренилось мнѣніе, что въ сенатѣ вся суть, весь узелъ движенія и рѣшенія дѣлъ скрывается въ оберъ-секретарѣ и что, несмотря

---

[1]) *Марковъ*, стр. 611.

[2]) Изъ вышеупомянутаго отчета по министерству юстиціи за 1862 годъ видно, что въ этомъ году оберъ-прокурорами было дано сенату *120* письменныхъ предложеній для соглашенія къ единогласной резолюціи и *211* предложеній или протестовъ противъ единогласныхъ резолюцій; изъ числа первыхъ принято сенаторами *54*, а изъ числа вторыхъ—*145*, т.-е. всего около $^2/_3$. На просмотрѣ же министерства юстиціи находилось болѣе *1300* сенатскихъ опредѣленій изъ которыхъ болѣе *1000* пропущено, а по остальнымъ даны сенату предложенія (Журналъ мин. юстиціи 1864 г. т. XIX стр. 76, 77).

на законный надзоръ, въ теоріи всевидящій и неподкупный, на практикѣ въ сенатѣ многаго можно добиться незаконными путями. Какъ бы то, однако же, ни было, и старые оберъ-прокуроры сослужили свою службу русской юриспруденціи. Они много потрудились надъ разработкой его догмы и техники и дали изъ своей среды не одного почтеннаго юриста.

§ 47. **Мѣстный прокурорскій надзоръ и его устройство.** Переходя затѣмъ къ учрежденію мѣстной прокуратуры, нельзя не замѣтить, что съ точки зрѣнія современныхъ институтовъ государственнаго строя, стремящихся къ простотѣ и стройной цѣльности, обозрѣніе старой прокуратуры, въ смыслѣ соединенія полноты съ наглядностью, представляетъ значительныя трудности. Едва ли можно найти въ Сводѣ учрежденіе болѣе сбивчивое и и казуистически сложное и въ то же время болѣе неопредѣленное и безформенное, не взирая на ту мелочную регламентацію, которою отмѣчены многочисленныя и разбросанныя постановленія о мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ. Но отжившія его подробности и не имѣютъ нынѣ ни интереса, ни значенія; для полученія общаго о немъ понятія достаточно изложить главнѣйшія и характеристическія его черты.

Существенною частью системы мѣстнаго управленія по своду законовъ было совмѣстное дѣйствіе трехъ формъ надзора за присутственными мѣстами и ихъ дѣятельностью. Это, во 1-хъ, *высшій надзоръ* сената, во 2-хъ, *общій мѣстный надзоръ* губернскаго начальства и въ 3-хъ, *ближайшій надзоръ* прокуроровъ и стряпчихъ (ст. 2463 1 ч. II т.). Впрочемъ, функціею ближайшаго надзора, о свойствѣ и значеніи котораго будетъ сказано ниже, еще не исчерпывалось назначеніе прокурорскихъ чиновъ; въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ они должны были вчинать и вести судебные иски по дѣламъ общественнаго или казеннаго интереса. Первая задача была главная, вторая—побочная, а прямой связи между обѣими вовсе не было. Ту и другую мѣстная прокуратура отправляла не при одномъ какомъ-либо установленіи, а при всѣхъ общихъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи и уѣзда, т.-е. не въ предѣлахъ извѣстной подсудности или административнаго вѣдѣнія, а на цѣломъ территоріальномъ пространствѣ. Въ этихъ двухъ признакахъ—*исковой* обязанности, сверхъ *наблюдательной, и мѣстномъ*, взамѣнъ *коллегіальнаго*, районѣ дѣйствія и заключалось

капитальное отличіе губернской и уѣздной прокуратуры отъ оберъ-прокуратуры, которая, какъ уже было указано выше, ограничивалась надзоромъ за соблюденіемъ законовъ въ области сенатскаго дѣлопроизводства.

Органы *ближайшаго* мѣстнаго надзора состоятъ изъ губернскаго прокурора и при немъ «для совѣта и помощи» двухъ губернскихъ стряпчихъ, казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ въ губерніи, и уѣзднаго стряпчаго, или «уѣзднаго прокурора», въ уѣздѣ [1]). Первые входятъ въ число губернскихъ властей, послѣдній въ число властей уѣздныхъ (ст. 21 и 22 общ. губ. учрежд.). Въ порядкѣ назначенія этихъ чиновъ произошло не задолго до судебной реформы весьма существенное двукратное измѣненіе. По своду, изданія 1857 г., губернскіе прокуроры (6 класса) назначаются, по представленію министра юстиціи, Высочайшими приказами, губернскіе (7 класса) и уѣздные (8 класса) стряпчіе—министромъ юстиціи, послѣдніе изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ губернскимъ прокуроромъ (ст. 2463—2465 и 4073 общ. губ. учр.) При послѣдовавшемъ же въ 1858 году новомъ общемъ распредѣленіи въ порядкѣ назначенія чиновниковъ смотря по классамъ ихъ дожностей, назначеніе губернскихъ прокуроровъ перешло непосредственно къ министру юстиціи, а губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ къ губернскому начальству, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ. Въ 1864 году возстановленъ прежній порядокъ назначенія всѣхъ стряпчихъ министерствомъ юстиціи, въ которомъ дѣло это лежало на обязанности товарища министра.

При губернскомъ и уѣздномъ надзорѣ состоятъ должностные письмоводители и канцеляріи, на содержаніе которыхъ отдѣляются

---

[1]) Кромѣ названныхъ чиновъ мѣстнаго надзора состояли еще: 1) въ Петербургѣ—товарищъ губернскаго прокурора при столичномъ полицейскомъ управленіи, 2) въ Петербургѣ и Москвѣ—особые стряпчіе при надворныхъ судахъ и магистратахъ, а также стряпчіе полицейскихъ дѣлъ для наблюденія за слѣдствіями, производимыми слѣдственными приставами, и за полицейскимъ дѣлопроизводствомъ; 3) въ губерніяхъ Петербургской и Московской—по одному губернскому стряпчему слѣдственныхъ дѣлъ, для спеціальнаго производства этихъ послѣднихъ, т.-е. слѣдствій по преступленіямъ должности; 4) въ Казани—особый городской стряпчій, кромѣ уѣзднаго; 5) во всѣхъ губерніяхъ—стряпчіе при палатахъ государственныхъ имуществъ, для спеціальнаго веденія казанныхъ исковъ; 6) удѣльные стряпчіе при департаментѣ удѣловъ и удѣльныхъ конторахъ, для веденія исковъ удѣльнаго вѣдомства.

деньги изъ канцелярскихъ суммъ всѣхъ подвѣдомственныхъ надзору учрежденій (ст. 2471 и 4074 общ. губ. учрежд.) [1]).

Служебное положеніе чиновъ прокурорскаго надзора и внутреннее его устройство опредѣляются: 1) іерархическими и функціональными отношеніями ихъ между собою и 2) отношеніями ихъ къ губернскому начальству.

Чины губернскаго надзора непосредственно подчинены министру юстиціи, который наблюдаетъ, чтобы они «въ званіи своемъ поступали истинно и ревностно». Отъ одного министра губернскій прокуроръ получаетъ предписанія, одинъ министръ аттестуетъ его «въ заслугахъ и отличіяхъ», а за преступленія и упущенія по должности предаетъ суду сената (ст. 2500, 2505 и 2508 общ. губ. учр.). На этомъ, впрочемъ и заканчивается ясность и опредѣленность отношеній; въ дальнѣйшей іерархіи надзора проводится прежнее смутное и недостаточно выработанное различіе между прокурорами и стряпчими, должность которыхъ сохранила двойственность, сообщенную ей еще въ екатерининскомъ «Учрежденіи о губерніяхъ». Губернскіе стряпчіе въ одно и то же время и подчиненные, и совѣтники губернскаго прокурора, и спеціальные судебные уполномоченные правительства по дѣламъ казеннымъ и общественнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нельзя назвать помощниками губернскаго прокурора по надзору, въ которомъ они не раздѣляютъ большей части его обязанностей. Законодатель какъ бы хотѣлъ сдѣлать изъ института стряпчихъ нѣчто однородное съ прокурорами по задачамъ дѣятельности, но различное и самостоятельное по способу ихъ исполненія; впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ онъ остановился на полпути и лишь открылъ просторъ безплодной казуистикѣ и контроверсамъ. При несомнѣнной подчиненности губернскихъ стряпчихъ прокурорамъ, въ законѣ неоднократно говорится объ ограничивающемъ ее совѣщательномъ элементѣ въ ихъ отношеніяхъ, объ обязательныхъ совѣщаніяхъ ихъ между собою во всѣхъ трудныхъ и сложныхъ случаяхъ, которые обсуждаются «общимъ совѣтомъ» (ст. 2499 и 2503 общ. губ. учр., ст. 211 и 784 2 ч. X т., ст. 24 2 ч. XV т.). Такимъ совѣтомъ, напр., рѣшаются со-

[1]) Содержаніе это было самое незначительное и недостаточное; такъ съ 40-хъ годовъ на канцелярію губернскаго прокурора отпускалось всего *933 р.*, считая въ этой суммѣ и жалованье письмоводителю.

мнѣнія о подсудности, причемъ голосъ прокурора даетъ перевѣсъ, но изъ неяснаго текста закона (ст. 2499 общ. губ. учр.) какъ бы слѣдуетъ заключить, что при разногласіи прокуроръ можетъ только присоединиться къ одному изъ мнѣній, уже высказанныхъ однимъ изъ стряпчихъ. При предложеніи губернскимъ мѣстамъ заключеній стряпчіе вполнѣ зависятъ отъ прокурора, дѣйствуя «по его порученію и его именемъ» (ст. 2503 общ. губ. учр.). Но просмотръ и пропускъ журналовъ, а слѣдовательно и предъявленіе протестовъ производится ими только при исправленіи должности губернскаго прокурора, который внѣ этого условія не вправѣ передавать имъ этихъ обязанностей. Зависимость отъ него губернскихъ стряпчихъ, когда они являются въ качествѣ истцовъ, также не полная и условная; передъ начатіемъ иска они должны лишь получить заключеніе прокурора, по уголовнымъ дѣламъ письменное и имѣющее характеръ указаній, а по гражданскимъ между казною и частными лицами настолько для стряпчихъ необязательное, что они могутъ производить искъ и безъ согласія губернскаго прокурора, (ст. 2504 общ. губ. учр., 2 п. 63 ст. 2 ч. XV т., 198 ст. 2 ч. X т.). Отсюда крайняя неопредѣленность служебнаго положенія губернскихъ стряпчихъ, у которыхъ въ сущности было весьма мало дѣла, между тѣмъ какъ губернскаго прокурора буквально подавляло его количество. Уѣздные стряпчіе болѣе безусловно подчинены губернскому прокурору и по дѣламъ уголовнымъ могутъ вчинать иски не иначе, какъ «по его повелѣнію и согласію» (ст. 4088 общ. губ. учр. и п. 3 ст. 63 2 ч. XV т.); по дѣламъ же гражданскимъ они дѣйствуютъ на основаніи наставленій, данныхъ имъ отъ губернскихъ стряпчихъ (ст. 201 2 ч. X т.). Губернскіе прокуроры, далѣе, не должны призывать уѣздныхъ стряпчихъ въ губернскій городъ для объясненій по дѣламъ, а требуютъ этихъ объясненій письменно (ст. 4093 общ. губ. учр.). О правѣ губернскаго прокурора лично дѣйствовать или замѣнять стряпчихъ въ ихъ адвокатской дѣятельности въ общихъ законахъ не упоминается, но по одной особой категоріи дѣлъ, по просьбамъ людей, отыскивающихъ свободы изъ крѣпостнаго владѣнія, веденіе исковъ въ ихъ интересахъ возлагается на прокуроровъ и стряпчихъ, которые въ этой своей обязанности выступаютъ настоящими защитниками и ходатаями за незаконныхъ жертвъ крѣпостнаго права (ст. 169, 778 и слѣд. 2 ч. X т.).

Еще болѣе многообразія, противорѣчій и запутанности въ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ высшей мѣстной административной власти:—это смѣсь зависимости и самостоятельности, отдѣльности и поглощенія, взаимный надзоръ за надзоромъ, если такъ можно выразиться. Какъ бы подчеркивая исключительную подчиненность прокурорскихъ чиновъ министру юстиціи, законъ постановляетъ, что губернаторы не могутъ давать губернскимъ прокурорамъ ни предписаній, ни аттестацій (ст. 2501 общ. губ. учр.); что по дѣламъ надзора губернскіе стряпчіе не подчинены губернскому правленію, которое не вправѣ и аттестовать ихъ (ст. 2505 и 2506 общ. губ. учр.); что ни губернскій прокуроръ, ни губернскіе стряпчіе не должны быть удаляемы изъ губернскаго города особыми порученіями высшаго губернскаго начальства внѣ опредѣленныхъ къ тому случаевъ (ст. 2502 и 2507 общ. губ. учр.); что, наконецъ, уѣздные стряпчіе не могутъ быть переводимы изъ одного уѣзда въ другой или удаляемы отъ должностей за неисправности, безъ разрѣшенія министра юстиціи, послѣдовавшаго по представленію губернскаго прокурора (ст. 587, 4091 общ. губ. учр. и 650 2 ч. XV т.), причемъ однакоже, наблюденіе за этимъ возлагается на губернатора. Онъ же, между прочимъ, оказываетъ содѣйствіе къ тому, чтобы губернскія присутственныя мѣста своевременно дѣлали всѣ необходимыя законныя распоряженія по протестамъ, напоминаніямъ и предложеніямъ губернскихъ прокуроровъ и по представленіямъ губернскихъ стряпчихъ (ст. 369 общ. губ. учр.). На ряду съ этими практически слабыми гарантіями независимости, множество разнородныхъ постановленій не только тѣсно связывали прокуратуру съ администраціей, за которою она же должна была имѣть ближайшее наблюденіе, но и ставили первую въ полуподчиненное и зависимое отъ послѣдней положеніе. Камера губернскаго прокурора—это «какъ бы присутственное прокурора и стряпчихъ мѣсто, въ которое они могутъ требовать относящіяся къ ихъ должности дѣла»,—состоитъ при губернскомъ правленіи; его печать употребляетъ губернскій прокуроръ по своей должности, подобно тому, какъ уѣздный стряпчій пользуется печатью земскаго суда (ст. 2470, 2472 и 4080 общ. губ. учр.). Канцелярская сумма на эту камеру и на канцелярію уѣзднаго стряпчаго расчисляется губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ (ст. 2471 и 4074 общ. губ. учр.). Выше уже

было упомянуто о непосредственномъ назначеніи всѣхъ стряпчихъ губернскимъ начальствомъ. Но и помимо этого, временно существовавшаго порядка, при дѣйствіи коренныхъ постановленій Свода, губернское правленіе разрѣшаетъ краткосрочные отпуски губернскимъ стряпчимъ; ему же губернскій прокуроръ сообщаетъ о сдачѣ своей должности одному изъ нихъ (ст. 2466 и 2467 примѣч.). Губернское правленіе участвуетъ въ самомъ избраніи уѣздныхъ стряпчихъ, имѣя право дѣлать замѣчанія о законныхъ препятствіяхъ къ опредѣленію кандидатовъ, указанныхъ прокуроромъ (ст. 4073). Оно же съ вѣдома и согласія министерства юстиціи, переводитъ ихъ изъ одного уѣзда въ другой и удаляетъ отъ должностей, а суду предаетъ и прямо собственною властью (ст. 4089—4091). Уѣздные стряпчіе могутъ быть приглашаемы губернскимъ правленіемъ для присутствія при слѣдствіяхъ «по дѣламъ, большую важность заключающимъ» (ст. 4094). На губернскихъ стряпчихъ губернаторъ и губернское правленіе могутъ возлагать производство формальнаго изслѣдованія по «слѣдственнымъ» дѣламъ, т.-е. слѣдствій о преступленіяхъ должности, а также назначать этихъ стряпчихъ въ составъ слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ особой важности; по такимъ порученіямъ и коммиссіямъ губернскіе стряпчіе прямо подчиняются губернскому правленію (ст. 2501). Въ зависимости отъ административнаго начальства находится и исковая дѣятельность стряпчихъ. Не говоря уже о томъ, что стряпчіе при палатахъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ установленіяхъ являются просто должностными повѣренными своихъ казенныхъ управленій, и губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ ведетъ фискальные иски по порученію и подъ наблюденіемъ казенной палаты. О казенныхъ ущербахъ губернскій прокуроръ и стряпчіе представляютъ губернскому правленію (ст. 106 2 ч. X т.), и безъ его разрѣшенія губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ не можетъ начать уголовнаго иска о преступленіи, дошедшемъ до свѣдѣнія прокурорскаго надзора (п. 2 ст. 63 2 ч. XV т.). Независимѣе стряпчихъ по отношенію къ губернскому начальству поставленъ глава мѣстнаго надзора, самъ губернскій прокуроръ, но и онъ со всѣми своими подчиненными не стоитъ внѣ сферы общаго мѣстнаго надзора за всѣми отраслями правительственной дѣятельности и всѣми безъ изъятія должностными лицами, который принадлежитъ

высшей въ губерніи административной власти (ст. 294, 295, 296, 315, 319, 357, 358 и проч. общ. губ. учрежд.).

Недостатокъ послѣдовательности и невыдержанность основныхъ началъ въ устройствѣ мѣстнаго прокурорскаго надзора приводили къ столкновенію въ немъ противоположныхъ теченій и трудно совмѣстимыхъ тенденцій, которыя ослабляли его силу и значеніе въ дѣловой дѣйствительности. Въ томъ же направленіи вліяла крайне сложная и тяжеловѣсная постановка его многосторонней дѣятельности, не легкой для основательнаго изученія, не посильной для успѣшнаго исполненія.

§ 48. Предметы и формы мѣстной прокурорской дѣятельности вообще и по надзору въ частности. Обязанности прокуроровъ и стряпчихъ Сводъ Законовъ опредѣляетъ, какъ уже было сказано, понятіемъ *ближайшаго* или *непосредственнаго надзора за производствомъ* или *порядкомъ производства дѣлъ* въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ (ст. 2463 и 2474 общ. губ. учр.). Это опредѣленіе страдаетъ крайнею неточностью и далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію предмета. Подъ него вовсе не подходитъ цѣлый рядъ включенныхъ въ него функцій, напр. «содѣйствіе своими заключеніями къ точному уразумѣнію «силы законовъ», посѣщеніе тюремъ и проч. и, между прочимъ, вся исковая дѣятельность прокурорскихъ чиновъ. За неудачнымъ общимъ опредѣленіемъ законъ даетъ въ 24 пунктахъ ст. 2474 общ. губ. учр. чисто механическое перечисленіе «дѣйствій по надзору», которое отнюдь его не исчерпываетъ и отличается поразительнымъ смѣшеніемъ общаго съ частнымъ и крупнаго съ мелкимъ, помѣщая въ одномъ ряду такія разновидныя и несоизмѣримыя обязанности, какъ «наблюденіе за точнымъ исполненіемъ узаконе«ній, охраненіе порядка, ими установленнаго, и содѣйствіе къ «пресѣченію противныхъ имъ дѣяній и злоупотребленій» (п. 2)—и «участіе въ свидѣтельствѣ одежды и обуви пересылочныхъ аре«стантовъ» (п. 5),; «повсемѣстное охраненіе выгодъ и пользъ казны», (п. 9)—и «отвращеніе подлоговъ въ припискѣ купцовъ къ семей«нымъ капиталамъ» (п. 15); «возбужденіе дѣлъ безгласныхъ» (п. 20)—и «присутствіе при продажѣ недвижимыхъ имуществъ съ «публичнаго торга» (п. 24). Разграничить и сгруппировать обязанности прокуроровъ и стряпчихъ можно только съ приблизительною правильностью, до такой степени лишена цѣльности и

отмѣчена случайностью область ихъ должностнаго вѣдѣнія. Обязанности эти касаются: 1) надзора вообще по суду и управленію и затѣмъ въ частности, 2) дѣлъ уголовныхъ и 3) дѣлъ гражданскихъ. Надзоръ вездѣ стоитъ на первомъ планѣ и занимаетъ наибольшую часть прокурорской дѣятельности; къ послѣднимъ же двумъ предметамъ относится весьма ограниченная по размѣрамъ и значенію исковая ея отрасль.

Предметы *общаго надзора* раздѣлены въ сводѣ на три отдѣла: а) охраненіе общаго благоустройства въ губерніи, надзоръ б) по казеннымъ дѣламъ и в) по суду и расправѣ. Все содержаніе этихъ отдѣловъ можетъ быть сведено къ понятію *надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ закона* во всевозможныхъ проявленіяхъ и видахъ. Кругъ такого надзора обнимаетъ собою всѣ стороны мѣстнаго управленія въ широкомъ смыслѣ и совпадаетъ съ кругомъ дѣятельности всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Изъ многочисленныхъ предметовъ *общаго* характера, порученныхъ прокурорскому надзору, слѣдуетъ назвать: содѣйствіе къ уразумѣнію силы законовъ; охраненіе повсюду законнаго порядка, содѣйствіе къ пресѣченію повсюду злоупотребленій, въ особенности же преступленій должности (нарушенія вѣрности присяги, лихоимства, лѣности и медленности въ отправленіи дѣлъ); охраненіе предѣловъ власти и подсудности и разрѣшеніе возникающихъ здѣсь сомнѣній; повсемѣстное охраненіе выгодъ и правъ казны; содѣйствіе къ пресѣченію недозволенныхъ казенныхъ расходовъ; наблюденіе, дабы съ народа не были взимаемы сборы, закономъ неустановленные; надзоръ за сохраненіемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ точной силы законовъ; охраненіе установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и внутренняго порядка судебныхъ мѣстъ; отвращеніе всякой медленности и проволочки въ дѣлахъ и побужденіе къ безостановочному ихъ рѣшенію, въ особенности по отношенію къ исполненію Высочайшихъ повелѣній и движенію арестантскихъ дѣлъ; отвращенія явныхъ по суду утѣсненій, самоуправства и злоупотребленій; побужденіе членовъ и чиновниковъ судебныхъ мѣстъ къ точному исполненію ихъ должностей. Изъ *частныхъ* проявленій надзора достаточно привести: посѣщеніе мѣстъ заключенія и наблюденіе за правильностью содержанія въ нихъ арестантовъ, съ ежемѣсячнымъ донесеніемъ Государю Императору, въ собственныя руки Его Ве-

личества, о положеніи дѣлъ всѣхъ арестантовъ, содержащихся болѣе года; участіе въ дѣлахъ по рекрутскому присутствію, въ свидѣтельствѣ казеннаго имущества, въ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ и безумныхъ; присутствіе при всякихъ казенныхъ торгахъ и подрядахъ, а также и вообще при продажѣ недвижимыхъ имуществъ съ публичнаго торга; наконецъ присутствіе въ дворянскихъ собраніяхъ, для изъясненія законовъ, по вопросу губернскаго предводителя, въ случаѣ возникающихъ сомнѣній, безъ всякаго, однако, участія въ дѣлахъ этихъ собраній (ст. 2474 и 4075 общ. губ. учр. [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, выхваченныя безъ всякой видимой системы изъ перечня, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ поручены особому надзору губернскихъ стряпчихъ; таковы, напр., дѣла о нарушеніи общественнаго порядка, о нарушеніи присяги, дѣла, сопряженныя съ казеннымъ ущербомъ и проч. (ст. 2476 общ. губ. учр.). Губернскій прокуроръ, кромѣ того, участвуетъ въ качествѣ члена во всѣхъ губернскихъ комитетахъ (земскихъ повинностей, народнаго продовольствія, статистическомъ, попечительномъ о тюрьмахъ), а также и въ общемъ губернскомъ присутствіи изъ всѣхъ губернскихъ установленій, которое созывается губернаторомъ «въ дѣлахъ особо важныхъ или чрезвычайныхъ» (ст. 2475 и 370 общ. губ. учрежд.).

Наблюденію прокурорскаго надзора подлежитъ и общій порядокъ отправленія службы и самый составъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Такъ губернскій прокуроръ и уѣздный стряпчій должны наблюдать за тѣмъ, чтобы «лица, неимѣющія никакихъ «обязанностей по службѣ, отнюдь въ ней не числились» и, замѣтивъ по этому предмету злоупотребленія, обязаны принимать къ прекращенію его законныя мѣры (ст. 88 ч. 1 т. II общ. губ. учр.).

Для осуществленія такой сложной и всеобъемлющей задачи прокурорскому надзору были предоставлены различные способы воздѣйствія, одни формально обязательные, другіе—факультативные, зависящіе отъ взгляда и усмотрѣнія чиновъ надзора. Всѣ эти способы или формы прокурорской дѣятельности по надзору сводятся къ семи главнымъ видамъ: 1) *личное присутствіе* въ засѣданіяхъ

---

[1]) Въ томъ же духѣ и приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ опредѣлены и обязанности особаго прокурорскаго надзора при С.-Петербургскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи (ст. 4420—4427 Общ. Губ. Учр.).

и при служебныхъ дѣйствіяхъ; 2) *требованіе свѣдѣній и дѣлъ* для разсмотрѣнія; 3) *заключенія* по юридическимъ вопросамъ; 4) предъявленіе присутственнымъ мѣстамъ *доношеній, понужденій* и *предложеній* по существу и ходу дѣлъ; 5) *представленіе въ порядкѣ подчиненности*, до министра юстиціи включительно, различныхъ *свѣдѣній* и *вѣдомостей;* 6) *просмотръ и пропускъ журнальныхъ опредѣленій* присутственныхъ мѣстъ, и 7) заявленіе на таковыя опредѣленія или вообще на постановленія и распоряженія присутственныхъ мѣстъ *протестовъ* въ формѣ замѣчаній, предложеній или доношеній по начальству.

Для *личнаго присутствія* чины прокурорскаго надзора имѣютъ во всякое время свободный входъ во всѣ губернскія и уѣздныя судебныя и административныя мѣста и особое мѣсто въ ихъ засѣданіяхъ и помѣщеніи; при самомъ же докладѣ и рѣшеніи дѣлъ они, однако же, не присутствуютъ и выходятъ изъ засѣданія. Уѣздные стряпчіе наблюдаютъ и за внутреннимъ порядкомъ въ судебныхъ мѣстахъ, записывая безпорядки, отъ кого бы они ни происходили; смотря по этому, онъ остерегаетъ членовъ присутствія или унимаетъ тяжущихся (ст. 2483, 4084, 4086 общ. губ. учр.). Губернскій прокуроръ обязанъ по закону широко пользоваться своимъ правомъ личнаго присутствія, онъ долженъ, «уклоняясь, «сколько можно, отъ излишней переписки, всѣ напоминанія, замѣ-«чанія и представленія свои дѣлать лично», съ запискою ихъ въ журналъ, причемъ «присутствующіе обязаны выслушивать его «терпѣливо и въ молчаніи, не перерывая ему рѣчи» (ст. 2497). На практикѣ, однако-же, среди полнаго господства письменности во всѣхъ дѣлахъ, эти наставленія закона мало соблюдались и чины надзора, подобно всѣмъ своимъ коллегамъ по мѣстному управленію, дѣйствовали преимущественно путемъ бумажнымъ, какъ болѣе вѣрнымъ и удобнымъ и для присутственныхъ мѣстъ и для собственной своей отвѣтственности передъ начальствомъ [1]).

Губернскій прокуроръ и стряпчіе имѣютъ право требовать *сообщенія имъ изъ присутственныхъ мѣстъ всѣхъ дѣлъ, вѣдомостей и свѣдѣній*, относящихся до ихъ должности; все это обязаны до-

---

[1]) Къ обязанностямъ личнаго присутствія слѣдуетъ отнести и обязанность стряпчихъ присутствовать при исполненіи надъ осужденнымъ наказаній, въ томъ числѣ и такъ называемой «торговой казни».

ставлять секретари «со всею исправностью и безъ малѣйшаго промедленія» (ст. 2486, 2504, 4083). «Губернскій прокуроръ по-«часту освѣдомляется о теченіи дѣлъ въ мѣстахъ губернскихъ» (ст. 2485). Изъ этого постановленія закона возникали безчисленные запросы, имѣвшіе лишь формальное значеніе, какъ доказательство прокурорской заботливости о положеніи дѣлопроизводства. На малосодержательные запросы слѣдовали и малодѣйствительные отвѣты посредствомъ такъ называемой «канцелярской отписки» или «очищенія нумеровъ», безъ ощутительныхъ послѣдствій для хода дѣла.

По всѣмъ *юридическимъ вопросамъ* и *сомнѣніямъ* о примѣненіи закона, возникающимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, эти послѣднія передъ рѣшеніемъ обращаются къ губернскому прокурору, какъ къ своему общему и оффиціальному юрисконсульту. По такимъ требованіямъ прокуроръ, въ качествѣ блюстителя точной силы и смысла закона, предъявляетъ присутственнымъ мѣстамъ свои письменныя заключенія; между прочимъ, подобное заключеніе должно предшествовать всякому представленію въ сенатъ объ истолкованіи закона «при сомнѣніи насчетъ прямаго его смысла» (ст. 744, 745, 2484 общ. губ. учр.).

Сношенія прокурорскаго надзора съ присутственными мѣстами по существу и ходу производящихся и уже рѣшенныхъ дѣлъ и возникающія отсюда доношенія уѣздныхъ стряпчихъ губернскому прокурору, а этого послѣдняго министру юстиціи, вызываются разнообразнѣйшими поводами въ обширной сферѣ этого надзора. При простой медленности въ производствѣ или неисполненіи чего-либо слѣдующаго по закону практиковалось—и очень часто—предложеніе объ ускореніи или исполненіи, такъ называемое «понужденіе», игравшее большую роль въ прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ процедура была сложнѣе. По общему правилу, «если уѣздный стряпчій усмотритъ гдѣ-либо «въ уѣздѣ неисполненіе законовъ и учрежденій, то немедленно до-«носитъ о томъ губернскому прокурору» (ст. 4085). Что же касается до прокурора, то «самое существо его власти состоитъ въ «томъ, что онъ по всѣмъ замѣченнымъ имъ злоупотребленіямъ и «безпорядкамъ обязанъ доносить (или, «смотря по приличію», пред-«лагать и представлять) немедленно губернскому начальству, а въ «нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ и министру юстиціи» (ст.

2478 и 2498). Каково должно быть содержаніе подобныхъ предложеній и доношеній и въ чемъ могли и должны были заключаться ихъ законныя послѣдствія—законъ умалчиваетъ, почему въ результатѣ одинаково могло быть и бездѣйствіе по доношенію, и производство безконечной и слишкомъ часто безполезной канцелярской переписки. Министру юстиціи, кромѣ доношеній по дѣламъ, губернскій прокуроръ представляетъ еще рядъ срочныхъ вѣдомостей (именныя о всѣхъ производящихся дѣлахъ, перечневыя объ арестантахъ, особыя ежемѣсячныя по дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ), «о чрезвычайныхъ по преступленіямъ случаяхъ и въ «особенности о такихъ, гдѣ представляются особыя къ облегченію «участи виновныхъ уваженія» (ст. 2479—2482).

Въ тѣсной связи съ упомянутыми сношеніями и представленіями прокуратуры находится главнѣйшее проявленіе его дѣятельности—*просмотръ журнальныхъ опредѣленій присутственныхъ мѣстъ* съ *пропускомъ* ихъ въ случаѣ согласія и съ принесеніемъ *протеста* при несогласіи. Просмотръ журнала и затѣмъ пропускъ или протестъ есть центръ тяжести до-реформеннаго прокурорскаго надзора; къ этимъ тремъ дѣйствіямъ практически сводилось все его значеніе, ими измѣрялось его достоинство и цѣнность, какъ правительственнаго органа и общественнаго учрежденія. На просмотръ губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ стряпчихъ поступали всѣ безъ исключенія журнальныя опредѣленія всѣхъ установленій, подвѣдомственныхъ прокурорскому надзору; просмотръ этотъ былъ необходимой законной стадіей всякаго судебнаго процесса и уголовнаго, и гражданскаго, всякаго административнаго производства и полицейскаго, и фискальнаго. Журналъ хотя и подписанный присутствующими, но еще не просмотрѣнный прокуроромъ или стряпчимъ, являлся лишь какъ-бы проектомъ рѣшенія; только просмотръ и пропускъ прокурорскаго надзора сообщали ему, вмѣстѣ съ техническимъ названіемъ «протокола», «рѣшительнаго опредѣленія» или приговора, дѣйствительную законную силу для исполненія. На просмотръ всякаго журнала полагается трехдневный срокъ, который можетъ быть сокращенъ въ спѣшныхъ случаяхъ. Просмотръ и пропускъ, т. е. согласіе, обозначались словомъ «*читалъ*» [1]), которое выставлялось на самомъ журналѣ рукою просматривавшаго, съ помѣтою числа

[1]) До 30—40 годовъ вмѣсто «читалъ» употреблялся архаическій оборотъ «*челъ*».

и мѣсяца просмотра, но безъ подписи. Въ случаѣ же несогласія своего съ журналомъ, лицо прокурорскаго надзора излагало на самомъ журналѣ свой протестъ или замѣчанія, которыя шли на обсужденіе присутствія. Убѣдившись прокурорскими замѣчаніями, оно могло отмѣнить свою первоначальную резолюцію и постановить новую, а въ противномъ случаѣ составлялось рѣшительное опредѣленіе, исполненіе котораго по общему правилу уже не останавливалось за несогласіемъ прокурора или стряпчаго [1]). Исключенія составляли приговоры уголовнаго суда 2-й степени (палаты уголовнаго суда), утвержденные губернаторомъ, но опротестованные прокуроромъ; по нимъ исполненіе пріостанавливалось до полученія увѣдомленія о послѣдствіяхъ сдѣланнаго прокуроромъ донесенія о протестѣ своему начальству.

Дальнѣйшая судьба протеста зависѣла отъ характера принятыхъ къ нему основаній, а по крайне растяжимому и неопредѣленному смыслу закона — въ сущности отъ усмотрѣнія сначала самого прокурорскаго надзора, и затѣмъ властей, могущихъ дать ходъ протесту. Прокуроръ могъ удовлетвориться рѣшительнымъ опредѣленіемъ присутственнаго мѣста, хотя бы и не вполнѣ согласнымъ съ его замѣчаніями. Но если онъ находилъ: «1) что опредѣленіе сдѣлано несогласно съ законами и ко «вреду службы, а паче къ ущербу казеннаго интереса, 2) что въ «уголовныхъ дѣлахъ присуждается наказаніе, не соразмѣрное съ «уголовнымъ преступленіемъ, или 3) что въ образѣ производства «не соблюдено законнаго порядка и вообще допущена какая-либо «медленность, проволочка или притѣсненіе», то о протестѣ своемъ губернскій прокуроръ сообщалъ губернскому начальству, т. е. губернатору или губернскому правленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ министру юстиціи. Въ подобныхъ же случаяхъ уѣздный стряпчій о протестахъ своихъ на опредѣленія уѣздныхъ мѣстъ представлялъ на дальнѣйшее распоряженіе губернскаго прокурора. При этомъ въ Сводъ перешли изъ инструкціи Г. Р. Державина выше приведенныя правила о немедленномъ донесеніи губернскимъ прокуроромъ министру юстиціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда

---

[1]) По уголовнымъ дѣламъ прокуроръ, получивъ протоколъ, несогласный съ его протестомъ на журнальное опредѣленіе, писалъ на протоколѣ: «*читалъ и остаюсь при прежнемъ протестѣ*» (примѣч. 1 къ ст. 2491 Общ. Губ. Учр.).

прокурорскій надзоръ усмотритъ нарушеніе закона въ распоряженіи или опредѣленіи, послѣдовавшемъ по предписанію министерствъ, а также и о представленіи прокуроромъ, по третямъ года, общихъ примѣчаній объ этихъ случаяхъ, «съ нужнымъ объ«ясненіемъ обстоятельствъ и средствъ къ пользѣ службы и казен«наго интереса и къ облегченію народа» [1]).

Дѣйствія и распоряженія какъ губернскаго начальства, такъ и министерства юстиціи по протестамъ прокурора въ законѣ вовсе не опредѣляются и, очевидно, предоставлены ихъ усмотрѣнію, въ чемъ и заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ изложеннаго порядка. Конечно губернское начальство могло принять противъ указаннаго ему прокуроромъ нарушенія закона соотвѣтствующія мѣры по праву общаго мѣстнаго надзора, напр. губернаторъ могъ принять въ соображеніе прокурорскій протестъ при разсмотрѣніи поступившихъ къ нему на утвержденіе уголовныхъ приговоровъ. Въ свою очередь министерство юстиціи усвоило практику передачи тѣхъ изъ протестовъ, которые оно признавало правильными, на обсужденіе и «законное постановленіе» сената. Но все это были послѣдствія факультивныя, закономъ не предустановленныя, къ тому же сопряженныя съ продолжительною перепиской и производствомъ, и потому не обезпечивавшія прокурорскимъ протестамъ неизмѣнно правильнаго и опредѣленнаго, а главное—скораго воздѣйствія. Впрочемъ, и вся система прокурорскихъ протестовъ страдала тѣми же свойствами: медленностью, слабостью и неопредѣленностью, въ чемъ какъ-бы сказывалось недовѣріе законодательства и къ контрольному началу—результату недовѣрія его къ присутственнымъ мѣстамъ. Самымъ же крупнымъ недостаткомъ этой системы была физическая невозможность для малочисленныхъ чиновъ губернскаго и уѣзднаго надзора справляться какъ слѣдуетъ съ огромною массою журналовъ, подлежавшихъ ежедневному просмотру. Даже при желаніи, усердіи и способностяхъ, въ этотъ трудъ, по самой механической его громадности, нельзя было внести необходимой основательности; добросовѣстный просмотръ нѣсколькихъ десятковъ журналовъ въ день превышалъ силы одного должностнаго лица, стряпчаго въ уѣздѣ,

---

[1]) О просмотрѣ, пропускѣ и протестахъ см. ст. 170—174, 2488—2496, 4075, 4082. 4085 общ. губ. учр., ст. 468—471 2 ч. X т., ст. 363, 401—405 2 ч. XV т.

прокурора въ губерніи. При слабой отвѣтственности и возможности всегда «отписаться» и отговориться дѣйствительнымъ обремененіемъ работой, легко слагалось чисто формальное отношеніе къ дѣлу, соблюденіе лишь формы просмотра и пропуска, въ ущербъ ихъ сущности. Такъ журналы спеціальныхъ мѣстъ, напр. казенной палаты и палаты государственныхъ имуществъ почти никогда на самомъ дѣлѣ не просматривались и пропускались лишь фиктивно. «Контроль одного человѣка надъ нѣсколькими присутственными мѣстами въ одно и то же время невозможенъ»,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Марковъ.—«Для добросовѣстнаго контроля необходима точная повѣрка всѣхъ дѣйствій присутственныхъ мѣстъ и подробное разсмотрѣніе дѣла. Подобный трудъ предполагаетъ переработку всего того, что уже было однажды сдѣлано, возложеніе на одно лицо работы, раздѣленной между многими, работы превышающей человѣческія силы» [1]). При этомъ, кромѣ того, вся тяжесть собственно надзора по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ лежала на одномъ губернскомъ прокурорѣ, который сравнительно съ губернскимъ стряпчимъ былъ чрезвычайно обремененъ дѣлами.

Изъ сказаннаго видно, въ чемъ именно состоялъ отличительный признакъ ближайшаго прокурорскаго надзора сравнительно съ другими проявленіями правительственнаго контроля. Между тѣмъ какъ высшій надзоръ сената характеризовался верховною *ревизіей* опредѣленій и распоряженій всѣхъ властей, а общій мѣстный надзоръ губернскаго начальства *дѣятельнымъ управленіемъ* и всѣми относящимися сюда мѣропріятіями, надзоръ прокуроровъ и стряпчихъ дѣйствовалъ преимущественно путемъ *пассивнымъ и отрицательнымъ*, черезъ посредство просмотра и протестовъ—механизма сложной, но далеко не совершенной конструкціи.

49. Судебно-исковая дѣятельность прокурорскаго надзора по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Въ собственно *судебной* дѣятельности прокуроровъ и стряпчихъ надзоръ за исполненіемъ законовъ вездѣ стоялъ на первомъ мѣстѣ, мало гармонируя съ исковыми ихъ обязанностями, которымъ, впрочемъ, отведено было самое незначительное и ограниченное поприще. И въ законодательствѣ, и на практикѣ блюститель закона, формальный контролеръ его

---

[1]) *Марковъ*, стр. 613.

соблюденія, оставлялъ въ тѣни или даже вовсе поглощалъ собою общественнаго и казеннаго истца, съ его блѣднымъ значеніемъ и слабою, недоразвившеюся функціею.

По *уголовнымъ* дѣламъ задача прокурорскаго надзора исходила изъ общаго и кореннаго принципа: «Прокуроры и стряпчіе, по «званію ихъ суть взыскатели наказанія по преступленіямъ и вмѣ«стѣ защитники невинности» (ст. 165 2 ч. XV т.); другими словами—въ одно и то же время и обвинители, и защитники. А такъ какъ эта отвлеченная комбинація противоположныхъ обязанностей въ дѣйствительности неосуществима и одна изъ нихъ всегда будетъ парализовать другую или искать себѣ выхода въ третьей, то и здѣсь мысль закона не исполнилась: въ сущности, въ практическомъ обиходѣ уголовнаго правосудія прокуроры и стряпчіе не были ни тѣмъ, ни другимъ, а являлись лишь формальными надзирателями уголовныхъ дѣлъ. Это внутреннее противорѣчіе между функціями, взаимно себя исключающими, вмѣстѣ съ розыскной структурой уголовнаго процесса, выразилось въ полной безжизненности всего активнаго элемента прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ.

Какъ «взыскатели» наказанія, прокуроры и стряпчіе «обязаны «обнаруживать доходящія до ихъ свѣдѣнія уголовныя преступленія, «особенно безгласныя, по коимъ нѣтъ истца» (ст. 61 2 ч. XV т.), т. е. жалобщика-потерпѣвшаго. Для этого чины надзора снабжены только слѣдующими средствами: 1) частныя лица могутъ, но не обязаны, объявлять объ извѣстныхъ имъ преступленіяхъ прокурорамъ и стряпчимъ (ст. 62), и 2) доношенія послѣднихъ считаются однимъ изъ поводовъ къ началу слѣдствія (ст. 34 п. 4). Эти доношенія предъявляются губернскому начальству и хотя въ примѣненіи къ стряпчему уголовныхъ дѣлъ и названы «уголовнымъ искомъ» (п. 2 ст. 63), но значеніе ихъ не простирается дальше возбужденія уголовнаго дѣла, въ дальнѣйшемъ производствѣ котораго прокурорскому надзору уже не предоставляется никакихъ исковыхъ или обвинительныхъ правъ и обязанностей; все, что на нихъ затѣмъ возлагается закономъ, вытекаетъ изъ наблюденія за правосудіемъ. Раздѣляя такимъ образомъ право возбужденія уголовныхъ дѣлъ съ другими присутственными мѣстами, должностными и частными лицами, они и въ пользованіи этимъ единственнымъ своимъ правомъ искового свойства обставлены рядомъ ограничительныхъ условій.

Такъ стряпчіе при этомъ дѣйствуютъ въ упомянутой уже зависимости отъ губернскаго прокурора и губернскаго правленія, безъ разрѣшенія котораго стряпчій уголовныхъ дѣлъ не можетъ и предъявить своего «иска»; для самаго предъявленія его какъ прокуроры, такъ и стряпчіе должны имѣть «ясные доказательства или сильныя «улики», а въ противномъ случаѣ имъ грозитъ указанная ниже строгая отвѣтственность (ст. 63—68). До какой степени прокуратурѣ по уголовнымъ дѣламъ мало свойственъ характеръ преслѣдующей власти, видно, напр., изъ того, что по дѣламъ «слѣдственнымъ», т. е. о преступленіяхъ должности, начавшихся по доношеніямъ прокурорамъ уѣздныхъ стряпчихъ, отъ послѣднихъ не только отбираются «потребныя свѣдѣнія или доказательства чрезъ «уѣздныя присутственныя мѣста», но имъ даже могутъ быть даны, подобно частнымъ лицамъ, очныя ставки съ обвиняемымъ (ст. 665).

Съ начатіемъ слѣдствія оно подчиняется общему наблюденію прокурорскаго надзора по вышеприведеннымъ правиламъ, выработаннымъ въ инструкціи Державина; основаніе этихъ теоретическихъ наставленій есть охраненіе интересовъ правосудія, соблюденія безпристрастія и равновѣсія между преслѣдованіемъ и оправданіемъ (ст. 166). Средства къ этому тѣ же самыя, какія предоставлены прокуратурѣ вообще по надзору ея за производствомъ дѣлъ (ст. 167); это замѣчанія, требованія и предложенія, которыя она имѣетъ возможность предъявить лишь по окончаніи предварительнаго слѣдствія или дознанія, при повѣркѣ его формальнымъ слѣдствіемъ въ судебномъ мѣстѣ, или уже по поступленіи къ надзору журнальнаго опрѣделенія о разрѣшеніи дѣла. Тѣмъ же началомъ безпристрастнаго, но довольно отдаленнаго наблюденія за слѣдствіемъ проникнуты спеціальныя постановленія объ участіи въ немъ стряпчихъ, которые непосредственно производятъ слѣдствія только въ трехъ случаяхъ: 1) по особенно важнымъ дѣламъ въ составѣ коллегіальной слѣдственной коммиссіи; 2) губернскій стряпчій—по «слѣдственнымъ дѣламъ», порученнымъ ему губернскимъ правленіемъ, и 3) уѣздный стряпчій—въ составѣ временнаго отдѣленія земскаго суда по дѣламъ о скоропостижной смерти, для открытія истинной ея причины (ст. 2712 общ. губ. учр.) Въ общемъ-же порядкѣ уѣздные стряпчіе лишь присутствуютъ или «находятся» при слѣдствіи. При этомъ на нихъ, какъ на «защитниковъ невинности», возлагаются и чисто защитительныя обязанности; такъ «для боль-

«шаго огражденія обвиняемыхъ» они должны «блюсти со вниманіемъ «за ходомъ слѣдствій и пещись въ особенности о томъ, чтобы «обвиняемый воспользовался всѣми способами, закономъ къ его «защитѣ предоставленными» (ст.145). Къ стряпчимъ же обращаются сословные депутаты, присутствующіе при слѣдствіи и замѣтившіе «недостатокъ или наклонность къ отягощенію судьбы обвиняемаго»; въ этихъ случаяхъ они просятъ у стряпчихъ «настоянія о достав- «леніи обвиняемому законной защиты» (ст. 153). Съ тою же цѣлью стряпчіе обязательно присутствуютъ при допросѣ обвиняемыхъ глухо-нѣмыхъ или не знающихъ языка, на которомъ производится слѣдствіе (ст. 178 и 191). По окончаніи слѣдствія, при разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ въ первой и второй степени суда всѣ обязанности прокуроровъ и стряпчихъ исчерпываются описаннымъ выше общимъ ихъ надзоромъ за дѣйствіями присутственныхъ мѣстъ и выражаются просмотромъ и пропускомъ журналовъ или протестомъ на нихъ, т. е. въ томъ же, въ чемъ проявляется этотъ надзоръ и по всѣмъ другимъ дѣламъ. Въ этомъ фазисѣ уголовнаго производства, очевидно, уже никакой просмотръ или протестъ не могъ исправить ошибокъ или недостатковъ первоначальнаго изслѣдованія. Что же касается до обжалованія уголовныхъ приговоровъ, то оно имѣетъ мѣсто со стороны губернскихъ стряпчихъ исключительно по дѣламъ, «съ коими соединенъ какой-либо казенный ущербъ», т. е. фискальнымъ, и притомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія казенной палаты (ст. 480 2 ч. XV т.). Если въ дополненіе ко всему этому упомянуть о томъ, что закономъ возлагается на прокурорскій надзоръ «особенное попеченіе» съ нѣкоторыми особенными, но не существенными правами и обязанностями по дѣламъ объ ищущихъ вольности и проч., объ укрывательствѣ бѣглыхъ воинскихъ чиновъ, по нѣкоторымъ дѣламъ казеннаго управленія и проч. (ст. 759, 827, 902 и друг. 2 ч. XV т.), то можно будетъ формулировать общій выводъ о судебно-уголовной дѣятельности этого надзора. Колеблясь между пассивнымъ охраненіемъ закона и активнымъ искомъ объ его возстановленіи, она отличалась тою безцвѣтностью и вялостью, которая вполнѣ согласовалась съ опредѣленнымъ ей въ теоріи возвышеннымъ и широкимъ, но на практикѣ неисполнимымъ двойнымъ призваніемъ—быть «взыскателемъ наказанія» и вмѣстѣ «защитникомъ невинности». Ни для того, ни для другого дѣйствительныхъ и своевременныхъ средствъ у нашей до-рефор-

менной прокуратуры не было, и она, стѣсненная со всѣхъ сторонъ слѣдственнымъ началомъ и всей обстановкой розыскнаго судопроизводства, являлась малозамѣтнымъ и малозначущимъ придаткомъ къ полицейскому розыску и формальному суду на основаніи формальныхъ же доказательствъ и уликъ. Въ этомъ она напоминала старую французскую прокуратуру временъ «ордонанса» 1670 г. и нѣмецкій фискалатъ прошедшаго столѣтія; она имѣла и одинаковую съ ними участь—медленно, но вѣрно убѣждать законодателя въ несостоятельности принятаго порядка и въ неизбѣжной необходимости коренной его реформы.

По дѣламъ *гражданскимъ* дѣятельность прокурорскаго надзора также раздѣляется на контрольную и исковую. Въ первой, совершающейся по общимъ формамъ и правиламъ надзора, слѣдуетъ отмѣтить постановленіе, по которому губернское мѣсто сообщаетъ губернскому прокурору на его заключеніе всякое частное дѣло, оказывающееся вмѣстѣ и общественнымъ или касающееся казеннаго интереса (ст. 2484 общ. губ. учрежд.).

Въ отношеніи протестовъ прокурорскаго надзора на рѣшенія гражданскаго суда, представленныхъ въ министерство юстиціи, этимъ послѣднимъ было принято за правило передавать на разсмотрѣніе сената только тѣ изъ протестовъ, одобренныхъ министерствомъ, которые принесены противъ рѣшеній, не подлежащихъ по закону обжалованію со стороны самихъ тяжущихся [1]).

Въ области исковой дѣятельности стряпчіе выступаютъ оффиціальными повѣренными и ходатаями казны, а въ извѣстныхъ случаяхъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Самыя узаконенія объ этомъ предметѣ помѣщены въ «законахъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ», вслѣдъ за главою «о повѣренныхъ», и озаглавлены «о стряпчихъ, опредѣленныхъ закономъ» (ст. 197—201 2 ч. X т.). По фискальнымъ дѣламъ стряпчіе, дѣйствуя по собственному усмотрѣнію, или по порученію высшаго начальства или казеннаго управленія, пользуются всѣми правами и несутъ всѣ обязанности истцовъ, кромѣ платы судебныхъ издержекъ; судебныя мѣста вызываютъ ихъ къ повѣркѣ и рукоприкладству записокъ и къ выслушанію рѣшеній, которыя просматриваются и губернскими прокурорами. Кромѣ того, стряпчіе наблюдаютъ за

[1]) *Марковъ*, стр. 615.

поступленіемъ въ казну штрафныхъ денегъ и сборовъ за гербовую бумагу. Затѣмъ ходатайству губернскихъ стряпчихъ казенныхъ дѣлъ поручены имущественныя дѣла всѣхъ общественныхъ юридическихъ лицъ, неимѣющихъ особыхъ повѣренныхъ, каковы, напр. тяжебныя дѣла городскихъ обществъ, церквей, монастырей и проч. Изъ частныхъ лицъ, которыхъ законъ признаетъ неправоспособными для непосредственнаго ходатайства, прокурорамъ и стряпчимъ поручается защита лицъ, отыскивающихъ свободы и разныхъ поселянъ, а на губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ возложено веденіе дѣлъ малолѣтнихъ, съумасшедшихъ и безумныхъ, неимѣющихъ опекуновъ. Наконецъ, лица, содержащіяся подъ стражей, но еще не лишенныя правъ состоянія, ведутъ свои гражданскія дѣла, подавая всѣ нужныя къ тому бумаги, черезъ уѣздныхъ стряпчихъ и губернскихъ прокуроровъ (ст. 164—171, 173 и друг. 2 ч. X т.). На этомъ перечнѣ можно и закончить. Никакого опредѣленнаго и характеристическаго типа изъ гражданской дѣятельности губернскаго и уѣзднаго надзора не образовалось и всѣ отзывы свѣдущихъ и опытныхъ практиковъ достаточно удостовѣряютъ, что въ общемъ своемъ ходѣ, не считая случаевъ исключительныхъ, она не простиралась дальше соблюденія формальностей и, задерживая ими и безъ того медленное гражданское судопроизводство, не приносила пользы. По компетентному современному свидѣтельству, къ авторитету котораго мы уже неоднократно обращались, «прокуроры въ губерніи и равнымъ образомъ стряпчіе въ уѣздѣ оказываются какими-то верховными блюстителями правосудія, но лишенными возможности приносить практическую пользу. Весь кругъ ихъ дѣятельности заключается въ томъ, чтобы, пріобрѣтя довѣріе и авторитетъ, дѣйствовать на членовъ присутственныхъ мѣстъ, напрявляя ихъ къ правильному рѣшенію дѣлъ. Внѣ этого круга губернскій надзоръ по гражданскимъ дѣламъ является совершенно эфемернымъ»[1]).

Просмотромъ уголовныхъ приговоровъ и гражданскихъ рѣшеній еще не оканчивалась прокурорская дѣятельность по судебнымъ дѣламъ; она касалась и исполненія судебныхъ опредѣленій, возвращаясь здѣсь снова въ сферу чистаго надзора. «Въ кругъ обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ», — гласилъ

---

[1]) *Марковъ*, стр, 615—616.

законъ, — входитъ и «наблюденіе за дѣйствительнымъ исполне-«ніемъ судебныхъ рѣшеній» уголовныхъ и гражданскихъ (ст. 507 2 ч. XV т.); но въ чемъ это наблюденіе могло заключаться и чѣмъ проявлять себя, особенно по частнымъ гражданскимъ дѣламъ, законъ умалчиваль, предоставляя практикѣ разрѣшить и этотъ вопросъ формально, излюбленною формою прокурорскаго воздѣйствія въ подобныхъ случаяхъ—бумажнымъ «понужденіемъ».

§ 50. Отвѣтственность прокурорскаго надзора. — Общая характеристика. Остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной, послѣдней сторонѣ прокурорскаго института по Своду Законовъ— объ *отвѣтственности* прокурорскихъ чиновъ. Она во многомъ, если не во всемъ, повторяетъ старыя петровскія начала. За упущенія по надзору они отвѣчаютъ на общемъ основаніи, въ общемъ порядкѣ «слѣдственныхъ» дѣлъ, по распоряженію министра юстиціи. Спеціально карательный законъ объ этомъ (ст. 413 улож. о нак.) помѣщенъ въ главѣ «о неправосудіи» и отсылаетъ для наказуемости къ предусматривающимъ это преступленіе статьямъ. По искамъ же прокуроровъ и стряпчихъ наблюдается общее правило: «не ставить имъ въ вину, если доношенія ихъ не во всѣхъ «частяхъ окажутся справедливыми». За начатіе неосновательныхъ или «пустыхъ» исковъ они «не должны оставаться безъ «взысканія», но санкціи это запрещеніе не имѣетъ. За умышленное же вчинаніе неправильныхъ уголовныхъ исковъ они подвергаются наказанію, какъ за ложный доносъ, и платежу всѣхъ проторей и убытковъ, совершенно наравнѣ съ частными лицами. Уѣздный стряпчій отвѣчаетъ особо за всякое бездѣйствіе власти: «если упуститъ дѣло по его должности и самое дѣло сдѣлается «гласнымъ безъ него, тогда какъ онъ, зная о немъ, не доносилъ «губернскому прокурору и жалобы не производилъ» (ст. 65—67 2 ч. XV т., ст. 199 2 ч. X т. и ст. 4092 общ. губ. учр.). Постановленія эти лишь подтверждаютъ отсутствіе систематическаго единства и цѣлости во взглядѣ законодателя на прокуратуру, а еще болѣе отсутствіе ощутительнаго прогресса въ этомъ взглядѣ, который почти не подвинулся впередъ со временъ фискаловъ и прокуроровъ Петра Великаго. По самому строю учрежденія, служебная подчиненность прокуроровъ и стряпчихъ министру юстиціи, всегдашняя возможность ихъ перемѣщенія или увольненія бы-

ли все-таки наиболѣе существенною гарантіею противъ ихъ упущеній и безпорядковъ.

Въ изложенной постановкѣ прокурорскаго надзора по Своду Законовъ слѣдуетъ видѣть главнѣйшія причины, по которымъ институтъ этотъ былъ лишенъ возможности дѣйствовать успѣшно, и приносить дѣлу постоянную или значительную пользу. Вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ своихъ недостатковъ, на такую участь онъ былъ обреченъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы личный его составъ всегда стоялъ на высотѣ своего законнаго призванія. Но персоналъ до-реформенной прокуратуры и не былъ вовсе обезпеченъ съ этой стороны. Назначеніе въ нее и служеніе въ ея должностяхъ не обставлялось никакими образовательными условіями или иными гарантіями, кромѣ общихъ правилъ о гражданской службѣ, и не было вообще никакихъ поводовъ къ тому, чтобы прокурорскіе чины чѣмъ-либо выдѣлялись изъ уровня стараго чиновничества, съ общеизвѣстными темными свойствами этого міра. Сатирическая литература разныхъ оттѣнковъ, отъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя до «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, изображая современные ей типы русской дѣйствительности, обличала въ числѣ другихъ мѣстныхъ дѣятелей и прокуроровъ, вполнѣ солидарныхъ съ чиновничьей средой, надъ которой они, однако же, несли обязанности законной цензуры, предполагающей безупречность и нравственное право на критику и контроль. Только съ конца 40-хъ годовъ обнаружилось и въ этой области нѣкоторое движеніе къ свѣту и прогрессу. Губернскими прокурорами, а иногда губернскими и даже уѣздными стряпчими стали назначать лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, преимущественно окончившихъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, часто совсѣмъ молодыхъ, и во всякомъ случаѣ живыхъ и свѣжихъ, не зараженныхъ профессіональными недугами огромнаго большинства мѣстныхъ чиновниковъ. Стремленія многихъ изъ этихъ первыхъ піонеровъ законности и безкорыстія были самыя симпатичныя, а дѣятельность весьма замѣтная среди провинціальнаго застоя, не рѣдко корыстныхъ побужденій и всегда рутинныхъ пріемовъ службы. Новые чины прокурорскаго надзора принимались серьезно за его обязанности, ретиво контролировали должностныя дѣйствія, стойко боролись съ неправдой, усердно преслѣдовали злоупотребленія. Благодаря этому притоку новыхъ элементовъ, прокурор-

ское *veto* получало долю того значенія, о которомъ думалъ законодатель; многимъ беззаконіямъ положены были преграды, обо многихъ своевременно доведено до свѣдѣнія высшаго правительства, которое и не могло бы узнать о нихъ другимъ способомъ. Въ судебно-административной практикѣ мѣстами и по временамъ бывали примѣры тѣхъ благихъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести зоркое наблюденіе прокурора и его настойчивый протестъ противъ умышленныхъ нарушеній закона или искусныхъ его обходовъ. Но все это были отдѣльные, довольно рѣдкіе и исключительные случаи или такіе, въ которыхъ единичная энергія тщетно боролась съ цѣлой неблагопріятной обстановкой, и притомъ средствами, далеко несовершенными, медленными и тяжелыми. Борьба была непосильная, неравная, и исключенія лишь подтверждали общее правило и характеристику. Затрудненные своимъ неяснымъ и невыгоднымъ положеніемъ, разбрасываясь въ многообразіи обязанностей, ослаблявшемъ все учрежденіе, благонамѣреннѣйшіе и способнѣйшіе изъ прежнихъ прокуроровъ сами сознавали, что «одинъ въ полѣ не воинъ» и что стѣсненный въ своихъ проявленіяхъ и конечномъ воздѣйствіи, правильный надзоръ вездѣ и за всѣми есть фикція, нѣчто отвлеченное и недостижимое, а что отдѣльныя особенно ревностныя вспышки его или остаются безплодными, отзываясь донъ-кихотствомъ, или требуютъ гражданскаго мужества, которое не по плечу обыкновенному чиновнику, живущему скуднымъ жалованьемъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ образовался преобладающій, средній типъ старой прокурорской дѣятельности: техническая формула «читалъ» слишкомъ часто прикрывала лишь формальный, а иногда даже просто фиктивный просмотръ и пропускъ; протесты давались сравнительно рѣдко, преимущественно по дѣламъ судебнымъ; [1]) исковая же функція сводилась къ пассивному участію въ формальностяхъ судопроизводства. Въ статьяхъ практиковъ, помѣщавшихся въ «Журналѣ министерства юстиціи», и въ особенности въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на обнародованныя въ 1862 году

[1]) Такъ напр. въ 1862 году въ министерство юстиціи поступило отъ губернскихъ прокуроровъ всего *358* протестовъ, въ томъ числѣ по дѣламъ административнымъ *94*, а по судебнымъ—*264* (196 по уголовнымъ и 68 по гражданскимъ). Изъ числа всѣхъ этихъ протестовъ *110* министерствомъ признано неуважительными, *147* предложено сенату, а *101* принято къ свѣдѣнію.

«основныя положенія преобразованія судебной части», находятся многочисленныя указанія на всѣ недостатки до-реформеннаго прокурорскаго надзора, зависѣвшія отъ законодательства и исполнителей, отъ окружающей среды и отъ органическихъ свойствъ учрежденія. Неопредѣленное, двойственное и ложное положеніе въ общемъ строѣ провинціальнаго управленія и въ собственной своей іерархіи, зависимость отъ административнаго начальства, скудное содержаніе, неопредѣленная постановка дѣятельности и непосильное качественное и количественное ея многообразіе, съ преобладаніемъ въ ней формальнаго элемента; отсутствіе или слабость дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію предписанныхъ закономъ цѣлей, господство всюду чего-то средняго, половиннаго, недоконченнаго и смутнаго — вотъ перечень въ конечномъ выводѣ главнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ, которые стали аксіомой, почти общимъ мѣстомъ для лучшихъ изъ практическихъ юристовъ того времени. Начала учрежденія прокурорскаго надзора, доказавшія въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ свою несомнѣнную цѣнность и живучесть, видимо нуждались въ общей переработкѣ, а устройство и обязанности его—въ коренномъ преобразованіи.

§ 51 **Общій взглядъ на прокурорской надзоръ до судебной реформы 1864.** Если въ заключеніе бѣгло окинуть безпристрастнымъ общимъ взглядомъ полутора-вѣковую исторію русскаго прокурорскаго надзора, отъ основанія его при Петрѣ Великомъ, въ усовершенствованіяхъ Екатерины II и до реформы при Александрѣ II, то весь этотъ продолжительный періодъ времени сольется въ одну неяркую и однородную картину, чрезъ которую медленно проходитъ несложный процессъ слабаго развитія первоначальнаго института. Верховная власть, ступивъ на путь рѣшительной ломки стараго и созиданія новаго правительственнаго строя, встрѣтилась съ настоятельнѣйшею потребностью въ постоянныхъ органахъ надзора и средствахъ его дѣйствія противъ всевозможныхъ неустройствъ правительственнаго механизма. Неустройства совпадали съ нарушеніями законовъ и регламентовъ, почему и надзоръ за соблюденіемъ порядка въ учрежденіяхъ и за исполненіемъ должностными лицами ихъ долга представлялся въ сущности надзоромъ за исполненіемъ или за охраненіемъ законовъ. Эта потребность въ надзорѣ обнимала область весьма широкую и постепенно раздвигавшую свои границы. По условіямъ времени, въ нее послѣдовательно вклю-

чались нѣкоторые пункты, привлекавшіе къ себѣ особенное вниманіе и заботливость законодателя. Такъ, прежде всего имущественные интересы казны, отъ которыхъ зависѣло обезпеченіе внѣшняго могущества и внутренняго благоустройства, непрестанно требовали огражденія посредствомъ неусыпнаго наблюденія за мѣстами и лицами, ихъ вѣдавшими, съ принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ возстановленію этихъ интересовъ, какъ только они въ чемъ-либо оказывались нарушенными. Затѣмъ ясно сознанный интересъ общественнаго спокойствія и безопасности указывалъ на необходимость подчинить особому надзору и не оставлять безъ возмездія многія противо-общественныя нарушенія, по которымъ не являлось частнаго жалобщика—потерпѣвшаго, или которыя случайно ускользали отъ розыскной дѣятельности и администраціи и суда. Такимъ именно надобностямъ, выдвинутымъ жизнью, Петръ Великій, слѣдуя примѣру Западной Европы, нашелъ удовлетвореніе въ прокурорскомъ институтѣ. Въ отличіе отъ общаго и высшаго коллегіальнаго надзора, принадлежавшаго сенату, и мѣстнаго административнаго надзора областныхъ правителей, надзоръ прокурорскій явился спеціальнымъ подвижнымъ орудіемъ правительственнаго наблюденія и контроля, съ главою, генералъ-прокуроромъ, при сенатѣ и подчиненными органами при всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ въ центрѣ и въ мѣстномъ управленіи. Весь вышеназванный періодъ времени занятъ развитіемъ подробностей этого «ближайшаго» надзора, разработкою и видоизмѣненіемъ различныхъ сторонъ его, получившихъ въ Сводѣ Законовъ свое конечное, болѣе, впрочемъ, собирательное, чѣмъ систематическое опредѣленіе.

Личная организація прокурорскаго учрежденія была всегда іерархическая, въ общемъ составѣ чиновничества, съ его бюрократическими свойствами и направленіемъ. *Существо* прокурорскаго надзора мало измѣнилось съ его основанія; то было охраненіе законовъ въ обширномъ смыслѣ, наблюденіе за исполненіемъ ихъ преимущественно въ казенномъ, а также и въ общественномъ интересахъ. Собственно судебная, обвинительная или исковая дѣятельность въ этихъ интересахъ составляла лишь одно изъ частныхъ дополненій къ функціи надзора, едва намѣченное въ законѣ, слабое и незначительное на практикѣ. По *пространству* дѣйствія прокурорскій надзоръ былъ повсемѣстный и распространялся на всѣ дѣла, судебныя и административныя. Различіе между этими послѣдними, съ

теченіемъ времени становившееся все явственнѣе и глубже, мало коснулось прокурорскаго надзора, который хотя съ паденіемъ генералъ-прокурорской должности и вошелъ въ вѣдомство юстиціи, но все-таки продолжалъ сохранять свой связанный съ его первоначальнымъ значеніемъ обще-правительственный характеръ. При выборѣ *формы*, а вмѣстѣ съ нею *средствъ* и *пріемовъ* прокурорскаго надзора, законодательство, въ поискахъ за лучшимъ, прошло рядъ опытовъ и колебаній. Сначала правительство хотѣло наблюдать за нарушеніями законнаго порядка и обнаруживать ихъ посредствомъ тайнаго развѣдыванія и обвинительно—розыскнаго доноса. На этой инквизиціонной формѣ было основано учрежденіе *фискаловъ*, не соединенное съ присутственными мѣстами и дѣйствовавшее путемъ доношенія высшимъ установленіямъ на низшія. Затѣмъ, неудовлетворенный этой формой, законодатель перешелъ къ другой, контрольной формѣ надзора, которая заключалась въ постоянномъ оффиціальномъ наблюденіи особыхъ чиновниковъ при присутственныхъ мѣстахъ за каждымъ ихъ дѣйствіемъ, съ правомъ и обязанностью протеста противъ всякаго отступленія отъ закона. Таковъ былъ первоначальный типъ учрежденія *прокуроровъ*, замѣнившаго фискалатъ. Впослѣдствіи между различными чертами и признаками обѣихъ формъ допущены были разныя комбинаціи и компромиссы. Это была работа чисто механическая, въ которой общія руководящія начала или отсутствовали, или, выясненныя въ догмѣ, недостаточно послѣдовательно и строго проводились на дѣлѣ; законодательство очевидно не отдавало себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ въ дѣйствительности должна и можетъ сдѣлаться прокуратура. Въ результатѣ Сводъ Законовъ далъ пестрое собраніе разнообразнѣйшихъ постановленій о ней, относившихся къ различнымъ эпохамъ, изданныхъ по разнымъ отдѣльнымъ поводамъ и причинамъ. Отъ прокурорскаго надзора законы требовали почти невозможнаго, предоставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало средствъ къ исполненію. Въ этомъ и скрывалась его главнѣйшая практическая слабость, вслѣдствіе которой дѣятельность его всегда должна была стоять ниже поставленныхъ ему задачъ, теряясь въ ихъ дробной многочисленности, сбивчивости и противорѣчіяхъ.

Сообразно внутренней исторіи нашего до-реформеннаго прокурорскаго надзора сложились и отношенія къ нему *правительства*,

служилой среды, въ которой онъ дѣйствовалъ и *общества*, на которомъ такъ или иначе, прямо или косвенно, могла отражаться его дѣятельность. Правительство, за исключеніемъ двухъ моментовъ общей смуты, передъ воцареніемъ Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, всегда цѣнило учрежденіе прокурорскаго надзора, какъ важную силу для охраненія законнаго порядка, и стремилось сдѣлать изъ него свой проводникъ законности и блюстителя безличныхъ интересовъ государственнаго и общественнаго характера. Никогда прокуратора не была орудіемъ гнета или произвола; напротивъ, само правительство отчасти смотрѣло на нее, какъ на оплотъ противъ злоупотребленій и произвола собственныхъ своихъ чиновниковъ. Цѣль высокая, но трудно достижимая, потому что и прокуроры были тѣми же правительственными чиновниками, которые, въ свою очередь, также требовали за собой надзора. Эта система надзора за надзоромъ, повѣрка однихъ чиновниковъ другими, сочетаніе фискальнаго и контрольнаго началъ въ сферѣ правительственныхъ установленій—все это могло имѣть мѣсто только при ихъ несовершенствѣ, при значительномъ недовѣріи власти къ своимъ органамъ.—Историческое отношеніе служилой среды къ прокурорскому надзору, назначенному наблюдать за ней и ее контролировать, было до тѣхъ поръ несочувственное, даже враждебное, пока ей не удалось вовлечь и его въ свой кругъ, ассимилировать контролирующихъ и контролируемыхъ, что сдѣлать было не трудно, такъ какъ и происхожденіе, и личныя черты, и условія дѣятельности у тѣхъ и у другихъ были одинаковы. Тогда рутина и формализмъ скоро заволокли живую, по мысли законодателя, функцію прокуратуры, у которой не было ни органической способности, ни прямыхъ путей выбиться изъ этого состоянія.—Что же касается до общества, населенія, то по мѣрѣ того, какъ прокурорскій надзоръ все болѣе уходилъ въ глубь канцелярій и замыкался въ тайникахъ бумажнаго дѣлопроизводства, общественное значеніе этого учрежденія принимало самыя блѣдныя и смутныя очертанія. Прокуратура стала институтомъ малоизвѣстнымъ и мало понятнымъ обществу и народу, столь же далекимъ отъ нихъ и имъ чуждымъ, какъ и другія чиновничьи учрежденія, столкновенія съ которыми были для обывателя не столько помощью въ его дѣлахъ, сколько бременемъ, источникомъ хлопотъ и проволочекъ. Въ данномъ случаѣ подобныхъ личныхъ

столкновеній почти и не было—прокурорскій надзоръ въ глазахъ публики не отдѣлялся отъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ районѣ которыхъ онъ состоялъ и дѣйствовалъ. Только въ догматической теоріи законодательства осталось неизмѣннымъ представленіе о прокурорѣ и стряпчемъ, какъ «окѣ государевомъ», да порою, хотя бы въ видѣ исключенія, и въ дѣловомъ обиходѣ ясно ощущалось полезное присутствіе этого поборника законности и порядка.

Въ изложенномъ, исторически выработавшемся положеніи, находился прокурорскій надзоръ и наканунѣ судебной реформы Императора Александра II.

ГЛАВА IX.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПРИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II [1]).

I.—§ **52**. Предварительныя работы и узаконенія.—II.—Прокурорскій надзоръ по „Основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части“: – § **53**. „Основныя положенія“ вообще.—Гражданское судопроизводство.—§ **54**. Уголовное судопроизводство.—§ **55**. Судоустройство.—III.—§ **56**. Прокурорскій надзоръ по замѣчаніямъ юристовъ и практиковъ на „основныя положенія преобразованія судебной части“.—IV. Вопросы о прокурорскомъ надзорѣ при составленіи Судебныхъ Уставовъ.—§ **57**. Проектъ учрежденія судебныхъ установленій.—§ **58**. Проектъ устава гражданскаго судопроизводства.—§ **59**. Проектъ устава уголовнаго судопроизводства.—Общія начала прокурорской дѣятельности. § **60**. Предварительное изслѣдованіе преступленій.—**61**. Преданіе суду.—§ **62**. Судебное разсмотрѣніе и послѣдующія стадіи процесса.—§ **63**. Изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства.—Отзывъ западной науки.—V.—§ **64**. Введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ.—Прокурорскій надзоръ по переходнымъ узаконеніямъ.—VI.—§ **65**. Общая характеристика отношенія судебной реформы къ прокурорскому надзору.

I. Предварительныя работы и узаконенія.

§ **52**. Преобразованіе русскаго прокурорскаго надзора явилось дѣломъ общей реформы судебной части въ Россіи. Многія изъ давно начавшихся работъ по этой реформѣ касались въ томъ или другомъ отношеніи и прокурорскаго надзора, чины кото-

---

[1]) *Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи* 1862.—*Основныя положенія* преобразованія судебной части въ Россіи. 1862.—*Замѣчанія о развитіи основныхъ положеній* преобразованія судебной части въ Россіи. 1863, 6 т.—*Объяснительныя записки* къ проектамъ: 1) учрежденія судебныхъ мѣстъ, 2) устава уголовнаго судопроиз-

раго также неоднократно призывались къ участію въ предварительномъ обсужденіи предположеній о судебномъ и административномъ переустройствѣ. Еще въ 1826 г., т.-е. вскорѣ послѣ воцаренія Императора Николая I, по его повелѣнію былъ образованъ для указанной цѣли особый комитетъ, въ составъ котораго, наряду съ сенаторами изъ бывшихъ губернаторовъ, вошли и оберъ-прокуроры, бывшіе прежде губернскими прокурорами и потому практически знакомые съ ходомъ управленія и правосудія [1]). Послѣ изданія въ 1832 г. Свода Законовъ всѣ дальнѣйшіе труды по движенію и кодификаціи законодательства были сосредоточены во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Здѣсь непрерывно производились работы по улучшенію судебной части. Въ 1843 г. II Отдѣленіе потребовало, черезъ министерство юстиціи, замѣчанія всѣхъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ на дѣйствующіе гражданскіе законы и судопроизводства гражданское и уголовное. Долгое время подготовительныя работы къ реформы шли медленно, отрывочно и вяло, безъ общаго плана и сильной законодательной иниціативы; онѣ не выходили изъ области болѣе или менѣе отдаленныхъ предположеній и переписки между высшими установленіями.

По вступленіи на престолъ Императора Александра II, къ концу 50-хъ годовъ, работы эти разомъ оживились, войдя въ сферу общаго преобразовательнаго движенія, которое отразилось и въ дѣятельности вѣдомствъ, руководившихъ тѣсно связанными по Своду

водста и 3) устава гражданскаго судопроизводства.—*Замѣчанія министра юстиціи и сенаторовъ* на тѣ же проекты.—*Соображенія коммиссіи Высочайше утвержденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части.—Замѣчанія практиковъ на работы коммиссіи о введеніи въ дѣйствіе судебнаго преобразованія.—Судебные Уставы 20-го Ноября 1864 г.* съ изложеніемъ разсужденій на коихъ они основаны, изданные Государственною канцеляріею. 2 изд. 1867.—*Журналъ министерства юстиціи* 1860—1866.—*Филипповъ.* Судебная реформа въ Россіи 2 ч. 1871—1875.—*Головачевъ.* Десять лѣтъ реформъ. 1872.—*Джаншіевъ.* Страница изъ исторіи судебной реформы.—Д. Н. Замятнинъ. 1883.—*Фуксъ.* Наканунѣ судебной реформы 1864 (Русскій Вѣстникъ 1884, № 4).—*Стояновскій.* Рѣчи въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ 3 февраля 1880 г. и 14 февраля 1882 г. (Журналъ гражд. и уголов. права 1880 № 3 и 1882 № 8).—*Кучевскій.* Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и проч. ч. I 1866 г., стр. 20 и слѣд.—*Буцковскій.* О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. 1867 (и въ его же «Очеркахъ судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 Ноября 1864—1874»).—*Фойницкій.* Курсъ. §§ 50, 51 и 175.

[1]) *Фуксъ*, вышеуказ. статья стр. 541.

судомъ и администраціей. Мы отмѣтимъ въ этомъ направленіи только наиболѣе важные и крупные факты, прямо относящіеся до прокурорскаго надзора.

Такъ, въ коммиссіи Высочайше учрежденной для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета по министерству юстиціи за 1858 г. было обращено вниманіе на значительное число судебныхъ дѣлъ, останавливающихся за справками, и положено: «впредь «до имѣющихся въ виду коренныхъ преобразованій въ на«шемъ судопроизводствѣ поручить министерству юстиціи обра«тить особенное вниманіе и стараться отвратить это вредное для «тяжущихся и подсудимыхъ послѣдствіе черезъ подлежащія инстан«ціи оберъ-прокурорамъ, прокурорамъ и стряпчимъ». Въ исполненіе этого Высочайше одобреннаго заключенія коммиссіи, въ министерствѣ юстиціи были составлены, а въ 1860 г. разосланы всѣмъ прокурорскимъ чинамъ подробныя *инструкціи о предупрежденіи замедленія дѣлъ излишними справками.*

Въ этихъ инструкціяхъ министерство требуетъ отъ всѣхъ лицъ прокурорскаго надзора особой бдительности и ревности при наблюденіи за скорымъ и правильнымъ теченіемъ дѣлъ. Отличившимся на этомъ поприщѣ обѣщается особое вниманіе къ нимъ начальства, слабымъ же угрожаетъ строгое взысканіе. «Бдительность «и ревность въ исполненіи этихъ обязанностей»—гласитъ § 3 инструкціи губернскимъ прокурорамъ—«будетъ лучшимъ доказа«тельствомъ ихъ благонадежности и способности къ отправле«нію главной ихъ обязанности — повсемѣстнаго наблюденія за «законностью дѣйствій присутственныхъ мѣстъ». Тоже относится и до уѣздныхъ стряпчихъ (§ 10 инстр. губ. прок. и § 8 инстр. уѣздн. стряпч.), и министерство юстиціи проситъ губернаторовъ «не оставить своимъ вниманіемъ тѣхъ изъ нихъ, кото«рые покажутъ особую ревность въ дѣйствіяхъ своихъ согласно «данной имъ инструкціи» [1]). Въ этой принудительной мѣрѣ еще трудно видѣть какое-либо новое вѣяніе во взглядахъ на прокуратуру.

Дальше идетъ въ этомъ отношеніи другой, уже законодательный актъ того же времени—«*учрежденіе судебныхъ слѣдователей» 8 іюля 1860 г.*, съ двумя приложенными къ нему «*нака-*

[1]) Журналъ министер. юстиціи 1860, т. 6.

зами»: судебнымъ слѣдователямъ и полиціи (о производствѣ дознаній по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ). Результатъ совмѣстной работы министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, узаконеніе это есть первый существенный шагъ на пути къ судебной реформѣ, значительное, хотя еще частичное и палліативное улучшеніе дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства въ стадіи предварительнаго изслѣдованія т.-е. въ той именно части, которая имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу процесса. Мѣстный прокурорскій надзоръ получаетъ въ ней новыя права и обязанности. Впервые, власть судебная рѣзко отдѣляется отъ административной: производство уголовныхъ слѣдствій возлагается уже не на полицію, а на особыхъ членовъ уѣзднаго суда, подъ именемъ судебныхъ слѣдователей, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Но это отдѣленіе еще далеко неполное и нерѣшительное. Слѣдователи назначаются, перемѣщаются и увольняются по представленію начальника губерніи, который избираетъ кандидатовъ по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ (ст. 2 учрежд судеб. слѣдов.). Посредствомъ такого же соглашенія губернаторъ опредѣляетъ въ уголовныя палаты и уѣздные суды «способныхъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодыхъ людей» кандидатами на должность судебныхъ слѣдователей (примѣч. къ ст. 3)—первый опытъ образовательнаго ценза и предварительной подготовки къ судебной службѣ. По соглашенію съ прокуроромъ, губернаторъ назначаетъ слѣдователямъ ихъ слѣдственные участки (ст. 8). Въ особенно важныхъ случаяхъ судебныя мѣста могутъ назначать по своему усмотрѣнію, предписанію губернатора и предложенію губернскаго прокурора или уѣзднаго стряпчаго, слѣдственныя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ судебнаго слѣдователя (ст. 15). Въ отношеніи подчиненности и отвѣтственности слѣдователей, а также порядка ихъ сношеній, главенство надъ ними и наблюденіе за ихъ дѣйствіями довольно неопредѣленнымъ образомъ раздѣляется между судебными мѣстами губернскимъ прокуроромъ и губернскимъ начальствомъ. Прямо начальственныя права надъ слѣдователями принадлежатъ только судебнымъ мѣстамъ (ст. 23). Но и губернаторы даютъ имъ предписанія и получаютъ отъ нихъ рапорты и доношенія; отъ губернскихъ же не-судебныхъ мѣстъ и наравнѣ съ ними отъ губернскихъ прокуроровъ слѣдователи по-

лучаютъ предложенія и входятъ къ нимъ съ представленіями (ст. 30). Уѣздный стряпчій можетъ принимать, для предложенія суду, жалобы и доносы на слѣдователя, а также и отводы противъ него (ст. 24).

Надзоръ за слѣдователями и слѣдствіями ограниченъ тѣсными, но недостаточно ясно выраженными предѣлами. Судебныя мѣста и прокурорскіе чины имѣютъ право требовать отъ слѣдователей письменныхъ свѣдѣній о положеніи производимыхъ ими слѣдствій только по жалобѣ на неправильное задержаніе лица, привлеченнаго къ слѣдствію внѣ уѣзднаго города. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ судебныя мѣста черезъ одного изъ своихъ членовъ, а прокурорскіе чины лично могутъ разсматривать подлинныя слѣдствія на мѣстѣ у слѣдователя, для извлеченія нужныхъ имъ свѣдѣній (ст. 25). Затѣмъ по самому производству слѣдствій прокурорскому надзору не представлено ни непосредственнаго наблюденія, ни права преслѣдующей стороны. Законъ умалчиваетъ даже о правѣ прокуратуры присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и въ нихъ участвовать своими вопросами или предложеніями изъ закона; неизвѣстно также, вправѣ ли они предлагать слѣдователю о принятіи по начатому уже слѣдствію тѣхъ или другихъ мѣръ къ раскрытію преступленія и обнаруженію виновнаго. Все отношеніе прокурорскаго надзора къ слѣдствію исчерпывается слѣдующими правилами: 1) письменное требованіе его, наравнѣ съ таковыми же требованіями судебныхъ мѣстъ и чиновъ полиціи, есть законный и обязательный поводъ къ начатію слѣдствія (ст. 11); 2) о слѣдствіи, начатомъ по собственному усмотрѣнію слѣдователя, онъ обязанъ увѣдомить уѣзднаго стряпчаго, но при этомъ также и становаго пристава (ст. 5 наказа суд. слѣд.), и 3) объ отправленіи дѣла въ надлежащее судебное мѣсто, по окончаніи слѣдствія, слѣдователь также увѣдомляетъ стряпчаго (ст. 109 наказа). Что же касается до предшествующаго слѣдствію полицейскаго дознанія, то прокуроры и стряпчіе не принимаютъ въ немъ никакого ни руководящаго, ни наблюдательнаго участія.

Во всемъ этомъ нововведеніи по слѣдственной части видны большіе успѣхи преобразовательной мысли, но она все еще нерѣшительно колеблется между старыми и новыми началами, между отдѣльностью слѣдственно-судебной власти и зависимостью ея отъ власти административной, наконецъ, между исключительно розыскнымъ харак-

теромъ слѣдствія и обвинительно контрольнымъ отношеніемъ къ нему прокурорской власти. Элементъ обвинительный едва сквозитъ въ актѣ возбужденія слѣдствія; элементъ контрольный преобладаетъ, но уже не въ прежней, традиціонной формѣ личнаго присутствія, пропуска или протеста, о которыхъ при новомъ слѣдствіи нѣтъ и рѣчи. Новой же и опредѣленной формы прокурорскаго надзора за слѣдственною частью еще не сложилось, и болѣе сильное и явственное его проявленіе—участіе въ назначеніи и увольненіи слѣдователей—имѣетъ лишь совѣщательный характеръ въ кругѣ вѣдѣнія административнаго начальства. Словомъ законъ 8 іюля 1860 несомнѣнно нѣсколько приблизилъ прокурорскій надзоръ къ предварительному изслѣдованію преступленій, но однакоже не настолько, чтобы онъ могъ играть какъ въ немъ самомъ, такъ и въ оцѣнкѣ его результатовъ роль дѣятельную и полезную для правосудія. Подчиненіе слѣдователей министру юстиціи, ближайшимъ мѣстнымъ органомъ котораго былъ губернскій прокуроръ, вліяніе послѣдняго на служебное положеніе слѣдователей, зависѣвшее въ своихъ размѣрахъ отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ отношеній и условій, установившееся обыкновеніе поручать прокурорамъ ревизію слѣдственнаго дѣлопроизводства и другія подобныя же причины поставили слѣдователей въ полную фактическую зависимость отъ губернскихъ прокуроровъ, не участвовавшихъ, между тѣмъ, ни въ слѣдствіи, ни въ разрѣшающемъ его уголовномъ судѣ.

Помимо отдѣльныхъ мѣропріятій продолжались и работы по общему преобразованію судебной части. Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1857 по 1862 г., II Отдѣленіемъ внесены были въ Государственный Совѣтъ составленные подъ руководствомъ главноуправляющаго этимъ отдѣленіемъ *графа Блудова* [1]) 14 проектовъ уставовъ и узаконеній по различнымъ отдѣламъ судоустройства и судопроизводства, въ которыхъ по этимъ проектамъ предполагались не столько коренныя измѣненія, сколько исправленія и улучшенія существующаго. Первымъ изъ этихъ проектовъ разсмотрѣнъ былъ въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ гражданскаго судопроизводства. По докладѣ работъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ Государю Императору, 27 Октября 1859 г. послѣдовало Вы-

[1]) Графъ Блудовъ занималъ короткое время должность министра юстиціи, въ 1839 г., послѣ Д. В. Дашкова и передъ графомъ В. Н. Панинымъ.

сочайшее повелѣніе II-му Отдѣленію приступить къ составленію и проекта судоустройства, примѣняясь къ основаніямъ, принятымъ въ проектѣ устава судопроизводства. При этомъ было повелѣно обратить вниманіе и обсудить предположенія, между прочимъ, «о назначеніи особыхъ прокуроровъ и стряпчихъ при каждомъ судебномъ мѣстѣ». Было признано, что очевидное неудобство порядка судопроизводства по Своду 1857 г. состоитъ въ томъ, что губернскіе прокуроры, будучи обременены многочисленными обязанностями внѣ судебнаго вѣдомства, не въ состояніи слѣдить за ходомъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Для устраненія этого неудобства въ составленномъ вслѣдствіе этого проектѣ судоустройства графа Блудова сохранялись обязанности прокурорскихъ чиновъ по административному надзору, но учреждались также особые прокуроры при всѣхъ палатахъ и судахъ съ товарищами при каждомъ; освобожденные отъ несудебныхъ обязанностей, они должны были давать предварительныя заключенія по дѣламъ, производящимся въ судебныхъ мѣстахъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ по этому поводу тогдашній министръ юстиціи указалъ на крайнюю трудность найти для замѣщенія всѣхъ этихъ новыхъ должностей достаточное количество способныхъ и образованныхъ чиновниковъ. Графъ Панинъ полагалъ, что единственнымъ средствомъ къ осуществленію учрежденія проектированныхъ судебныхъ прокуроровъ могло быть съ одной стороны исключеніе изъ него товарищей прокуроровъ, а съ другой— упраздненіе губернскихъ стряпчихъ, уже осужденныхъ практикой за безполезность.

II. Прокурорской надзоръ по „Основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части".

§ 53. Основныя положенія вообще,—Гражданское судопроизводство.

Въ 1861 г. труды по судебной реформѣ вступили въ новый фазисъ, получивъ тотъ могучій, двигающій и объединяющій импульсъ, котораго еще имъ недоставало. 23 Октября 1861 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о предварительномъ обсужденіи и установленіи въ Государственномъ Совѣтѣ основныхъ началъ будущаго судоустройства и судопроизводства. Составленіе записокъ и предположеній по этому предмету было возложено на государственную

канцелярію въ усиленномъ составѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря *Буткова* и высшимъ наблюденіемъ назначеннаго предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта *графа Блудова*. Въ числѣ участвовавшихъ въ этой важной работѣ были и чины прокурорскаго надзора: оберъ-прокуроры общаго собранія московскихъ департаментовъ сената *Н. А. Буцковскій*, 8 департамента *К. П. Побѣдоносцевъ* и московскій губернскій прокуроръ *Д. А. Ровинскій*. Выработанныя такимъ образомъ предположенія объ основныхъ началахъ судебнаго преобразованія въ теченіе 1862 г. были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ при участіи министра юстиціи, *29 Сентября 1862 г.* получили Высочайшее утвержденіе и затѣмъ были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе подъ заглавіемъ «*Основныя положенія преобразованія судебной части*». Сводъ трудовъ по ихъ разработкѣ изложенъ въ «журналѣ соединенныхъ департаментовъ законовъ и «гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи «судебной части». Въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ судебной реформы приведены главнѣйшіе мотивы новаго учрежденія прокуратуры, почти не возбудившіе разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ. При формулированіи ихъ, принципы процессуальные, какъ и повсюду въ «журналѣ», предпосланы организаціоннымъ, въ виду того, «что судоустройство, т. е. образованіе судебныхъ мѣстъ «должно зависѣть отъ того порядка, какой будетъ установленъ «для судопроизводства». [1]) Поэтому излагаются сначала задачи, для исполненія которыхъ учреждается прокуратура, а затѣмъ уже и основанія ея устройства.

«Журналъ соединенныхъ департаментовъ» останавливается прежде всего на *гражданскомъ судопроизводствѣ* и, выставляя всѣ недостатки слѣдственнаго начала, положеннаго въ его основаніе по Своду Законовъ, въ томъ числѣ и роль прокурорскаго надзора, указываетъ преимущества и особенности вводимаго состязательнаго процесса: «Участіе прокурора въ дѣйствіяхъ «суда при слѣдственномъ процессѣ имѣетъ совершенно особое «значеніе. Прокуроръ, дѣйствуя по формамъ этого производ«ства, не можетъ способствовать своими предварительными за«ключеніями къ прямому уразумѣнію судомъ закона и къ от«крытію истины передъ постановленіемъ рѣшенія, но обнару-

[1]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 11.

«живаетъ свою дѣятельность лишь какъ ревизоръ письменныхъ «документовъ послѣ рѣшенія дѣла и переноситъ оное на ревизію «высшей инстанціи. Такимъ образомъ судъ утрачиваетъ своего «дѣятельнаго помощника въ необходимую минуту».[1]) Новая прокуратура дѣйствуетъ иначе: «Прокурорскій надзоръ долженъ быть «учрежденъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ на одинаковомъ основаніи «и распространяться на тѣ только дѣла, въ которыхъ нужно осо«бое правительственное попеченіе, потому что подчинить наблю«денію прокурора всѣ спорныя гражданскія дѣла было бы несо«гласно съ правилами состязательнаго процесса. Впрочемъ уча«стіе прокуроровъ въ предоставленныхъ ихъ наблюденію дѣлахъ «должно, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, ограничивать«ся представленіемъ суду предварительныхъ заключеній по симъ «дѣламъ. Только въ дѣлахъ, требующихъ въ видахъ государствен«ныхъ особеннаго попеченія, прокурорамъ, сверхъ означенной обя«занности, должно быть предоставлено право входить съ представ«леніемъ объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній, въ установленныхъ за«кономъ случаяхъ, въ кассаціонный судъ» [2])

При обсужденіи круга дѣйствій прокурорскаго надзора по гражданскимъ дѣламъ, министръ юстиціи, графъ Панинъ, предложилъ освободить прокурора отъ предварительныхъ заключеній по дѣламъ лицъ, состоящихъ подъ опекою и имѣющихъ опекуновъ, и по дѣламъ безвѣстно отсутствующихъ. Но большинство (10 членовъ) не приняло этого предложенія, основаннаго на соображеніяхъ, преимущественно практическихъ. Исходя изъ принципіальнаго взгляда на прокурора, какъ на «представителя точнаго разума дѣйствующихъ «узаконеній и защитника, *во имя закона*, тѣхъ лицъ юридическихъ «или физическихъ, кои по естественному порядку вещей не могутъ «лично предстоять передъ судомъ, а представители коихъ не мо«гутъ, по положенію своему, принимать непосредственнаго участія «въ дѣлѣ», Государственный Совѣтъ нашелъ, что при судѣ кромѣ судей долженъ дѣйствовать и прокуроръ по всѣмъ дѣламъ, требующимъ по вышеуказаннымъ причинамъ «особаго покровительства «закона». Участіе прокуратуры въ такихъ дѣлахъ, не нарушая правильнаго отношенія между судьями и тяжущимся и вытекающаго

[1]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 52.
[2]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 98.

отсюда безпристрастнаго воззрѣнія первыхъ на дѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ необходимое обезпеченіе въ достиженіи истины. По мнѣнію большинства, при опредѣленіи случаевъ участія прокурора въ гражданскихъ дѣлахъ« въ законѣ слѣдуетъ указать *не лица*, «право коихъ прокуроръ долженъ защищать, а *самыя дѣла*, уча«ствующіе въ коихъ, по естественному порядку вещей, не могутъ «имѣть того значенія, какъ сами тяжущіеся, и только въ этихъ «дѣлахъ слѣдуетъ вмѣнить прокурору въ обязанность *одинаково* «защищать не право лицъ или вѣдомствъ, а самую *силу закона* и «только въ томъ смыслѣ, въ коемъ судья, по своему значенію въ «состязательномъ процессѣ,не имѣлъ бы права сдѣлать непосред«ственно отъ себя какого-либо указанія. Если отстранить прокурора «отъ участія въ одномъ изъ указанныхъ родовъ дѣлъ, то въ та«комъ случаѣ правильнѣе было бы вовсе устранить его отъ уча«стія *по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ безъ изъятія*, оставивъ за нимъ «только обязанности по дѣламъ уголовнымъ; если же, напротивъ, «допустить его участіе въ одномъ изъ такого рода дѣлъ, то необхо«димо причислить къ нимъ всѣ безъ изъятія дѣла вышеупомянутаго «разряда. Иначе, если напр. оставить участіе прокурора только «въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, и устранить «всѣ другія, то прокуроръ, въ силу самаго закона, будетъ смотрѣть «на себя не какъ на хранителя силы и точнаго разума закона, а «какъ на защитника правъ казны, какъ на адвоката, для котора«го всегда важнѣе достигнуть рѣшенія дѣла въ пользу своего кли«ента, чѣмъ разъяснить силу закона и охранить правильное его «примѣненіе»[1]).

При окончательномъ обсужденіи этого вопроса, въ исключительно законоохранительную функцію прокурора по гражданскимъ дѣламъ внесена была нѣсколько видоизмѣняющая ее поправка: по каждому дѣлу, сопряженному съ интересомъ казны или другихъ вѣдомствъ, на казенномъ правѣ защищаемыхъ,предположено предоставить прокурору право кассаціоннаго обжалованія (ст. 98 Основн. полож. гражд. судопр.) На основаніи принятаго Государственнымъ Совѣтомъ ученія объ участіи прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ, сущность его новыхъ правъ и обязанностей по этимъ дѣламъ заключается: 1) въ предъявленіи суду предварительныхъ за-

[1]) «Журналъ» стр. 98—103.

ключеній по дѣламъ, сопряженнымъ съ интересомъ казны и несовершеннолѣтнихъ лицъ, какъ состоящихъ подъ опекою, такъ и тѣхъ, для коихъ опекуновъ не назначено, по дѣламъ безвѣстноотсутствующихъ и вообще лицъ, не пользующихся гражданскими правами, по вопросамъ о подсудности, объ уголовныхъ послѣдствіяхъ суда гражданскаго о правѣ бѣдности и по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній; 2) въ предъявленіи суду требованія о разсмотрѣніи дѣла при закрытыхъ дверяхъ, если, по особому свойству дѣла, публичность засѣданія при докладѣ того дѣла можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, равно какъ и въ другихъ, установленныхъ законамъ случаяхъ; 3) въ упомянутомъ уже кассаціонномъ обжалованіи рѣшеній по казеннымъ дѣламъ (ст. 54, 58, 98 и 138 Основн. полож. гражд. судопр).

54. Уголовное судопроизводство. Слѣдуя тому же порядку разсужденій и въ отношеніи *уголовнаго судопроизводства*, составители «основныхъ положеній» указываютъ на смѣшеніе уголовно-судебныхъ функцій по Своду Законовъ, который возлагалъ «какъ об«виненіе, такъ и защиту подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ сово«купно на слѣдователей и судебныя мѣста, на прокуроровъ и на «стряпчихъ». Приведя общеизвѣстныя соображенія о необходимости раздѣленія этихъ функцій и несовмѣстности ихъ съ обязанностями судьи и слѣдователя «журналъ соединенныхъ департаментовъ» говоритъ: «по нашимъ законамъ прокуроры и стряпчіе суть взы«скатели наказаній по преступленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ защит«ники невинности; но извѣстно, что сіи лица не имѣютъ возмож«ности исполнять этой двойной обязанности: надзоръ ихъ за слѣд«ствіями и вообще за производствомъ уголовныхъ дѣлъ весьма «неудовлетворителенъ и ограничивается только просмотромъ су«дебныхъ рѣшеній, т. е. наблюденіемъ несвоевременнымъ, а если «слѣдствіе произведено неправильно, то и совершенно безполез«нымъ, потому что въ большей части случаевъ, по истеченіи нѣ«котораго времени, исправленіе упущеній, сдѣланныхъ при слѣд«ствіи, невозможно. Возраженія противъ предоставленія обвини«тельной власти прокурорамъ и стряпчимъ основываются преи«мущественно на томъ, что они обременены множествомъ занятій «и что затруднительно найти достаточное число способныхъ и «образованныхъ людей, какъ для занятія должности обвинителей, «такъ и для званія судебныхъ защитниковъ, которые при особыхъ

«обвинителяхъ дѣлаются необходимыми. Принимая на видъ, что «при обсужденіи основныхъ началъ судоустройства и гражданска- «го судопроизводства предположено въ каждомъ судебномъ мѣстѣ «имѣть особаго прокурора и участіе его въ гражданскихъ дѣлахъ «ограничить защитою интересовъ казны и неполноправныхъ лицъ, «соединенные департаменты находятъ, что за симъ дѣятельность «прокурора суда можетъ быть преимущественно посвящена уго- «ловнымъ дѣламъ и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть до- «статочно времени на исполненіе обязанностей обвинителя. При- «веденіе въ дѣйствіе этой мысли устранитъ причины, по коимъ «непосредственное право возбуждать производство слѣдствія лежа- «ло на судебной власти. Право сіе должно быть передано проку- «рорамъ; на нихъ должна быть возложена обязанность преслѣдо- «вать нарушителей законовъ и наблюдать за успѣхомъ сего пре- «слѣдованія, Опасеніе, что трудно будетъ найти достаточное число «образованныхъ людей, способныхъ принять на себя званіе обви- «нителей, не должно останавливать преобразованіе прокурорскаго «надзора на раціональномъ основаніи. Почти всякое учрежденіе «сначала дѣйствуетъ не вполнѣ удовлетворительно; но если оно «соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, то вскорѣ привлекаетъ «къ себѣ нужныхъ ему дѣятелей, которыхъ прежде и въ виду не «было» [1]).

Въ силу этихъ соображеній, въ основу новаго уголовнаго процесса положена обвинительная форма, осуществляемая посредствомъ предоставленія прокуратурѣ обвинительной власти, отдѣльной отъ власти собственно судебной и независимой отъ власти административной. Это капитальное отличіе новаго порядка отъ стараго выражено въ трехъ положеніяхъ: 1) *власть обвинительная отдѣляется отъ судебной*; 2) *власть обвинительная*, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, *принадлежитъ прокурорамъ*, и 3) *власть судебная* т. е. разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ и постановленіе приговоровъ, *принадлежитъ судамъ* безъ всякаго участія властей административныхъ (ст. 3—5 основ. полож. угол. судопр.). Но, сообщая уголовному процессу обвинительную форму, законодатель не рѣшился прямо построить его на обвинительномъ началѣ и по особеннымъ условіямъ нашего отечества

---

[1]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 171—173.

призналь необходимымъ «сохранивъ въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдственное начало, на основаніи котораго уголовный процессъ долженъ имѣть цѣлью обнаруженіе истины независимо отъ воли и желанія частныхъ лицъ, ввести такія правила и формы обвинительнаго процесса, которыя, обезпечивая общество отъ безнаказанныхъ преступленій, представляли бы подсудимому надлежащее огражденіе отъ неправильнаго обвиненія» [1]).

Въ дальнѣйшемъ развитіи «основныхъ положеній» мысль эта проявилась еще сильнѣе и глубже; она выразилась 1) въ томъ, что новый процессъ получилъ характеръ смѣшанный, представляя компромиссъ между обоими началами обвинительнымъ и слѣдственнымъ, или розыскнымъ, точнѣе—обвинительную форму при розыскномъ содержаніи, и 2) въ такой комбинаціи обоихъ началъ или формъ, что одно, слѣдственное, господствуетъ въ предварительной стадіи процесса, а другое, обвинительное, преобладаетъ при самомъ судебномъ разсмотрѣніи. Этими двумя условіями опредѣляется положеніе и участіе прокуратуры въ уголовномъ дѣлѣ. Употребленный въ ст. 4 «основ. полож. угол. судопр.» терминъ «обнаруженіе преступленій» для обозначенія одной изъ сторонъ прокурорской задачи страдаетъ неточностью, такъ какъ право на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія прокуроръ раздѣляетъ съ другими должностными и частными лицами, а самое «обнаруженіе» или раскрытіе преступленія есть дѣло полиціи при дознаніи и слѣдователя при слѣдствіи, прокурору же принадлежитъ только руководство первымъ (ст. 36 осн. полож.) и постоянное наблюденіе за вторымъ (ст. 47 осн. полож.). Въ «журналѣ соединенныхъ д-товъ» особо мотивировано непредоставленіе прокурору монополіи въ возбужденіи уголовнаго дѣла: «предоставленіе ему подобнаго права не только стѣснило бы лица, которымъ законъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, даетъ право или не преслѣдовать виновныхъ (напр. по личнымъ оскорбленіямъ), но даже, при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и недостаточныхъ еще средствахъ сообщенія, повело бы во многихъ случаяхъ къ безнаказанности, потому что во время переписки о начатіи преслѣдованія, могли бы изгладиться или быть сокрыты слѣды и доказательства преступленія. Посему изъ общаго правила о начатіи слѣдствій не

[1]) «Журналъ» стр. 170.

«иначе какъ по распоряженію прокуроровъ должны быть сдѣланы «исключенія для такихъ случаевъ, въ которыхъ слѣдствіе возни-«каетъ по жалобѣ частнаго лица, или когда по закону слѣдова-«тель обязанъ приступать къ слѣдствію по сообщеніямъ мѣстныхъ «властей или даже по собственному усмотрѣнію» [1]). Такимъ образомъ «основныя положенія» признаютъ прокурора нормальнымъ и главнымъ органомъ уголовнаго преслѣдованія; только въ изъятіе изъ общаго правила, въ видѣ уступки условіямъ времени и мѣста, разрѣшается другимъ установленіямъ и лицамъ приводить уголовно-судебную власть въ движеніе. Затѣмъ, въ періодъ отъ возбужденія уголовнаго дѣла и до судебнаго его разсмотрѣнія, дѣятельность прокурора опредѣляется слѣдующими положеніями, «для полноты надзора прокуратуры за всѣмъ относящимся къ «производству слѣдствій» [2]): 1) по производству уголовныхъ дознаній полицейскіе чины состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ, т. е. прямо подчинены имъ (ст. 35 и 36 осн. пол.); 2) у прокурора стекаются свѣдѣнія обо всѣхъ начатыхъ слѣдствіяхъ (ст. 38 осн. полож.), а также о лицахъ, задержанныхъ при дознаніи и слѣдствіи (ст. 35 и 51); 3) прокурору исключительно принадлежитъ постоянный надзоръ за производствомъ слѣдствія (ст. 47 осн. полож.).—Для исполненія этой обязанности ему должна быть дана власть предлагать слѣдователю, а иногда и прямо требовать принятія мѣръ, необходимыхъ для раскрытія истины [3]).

Кромѣ того, прокуроръ можетъ: а) присутствовать по своему усмотрѣнію при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать подлинное слѣдствіе, не останавливая его теченія (ст. 49 осн. полож.), б) требовать освобожденія изъ-подъ стражи такого обвиняемаго, который не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, соединенномъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и в) наоборотъ, требовать въ противномъ случаѣ задержанія обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ (ст. 51 и 52). 4) Слѣдователь, какъ органъ судебной власти, не подчиненъ прокурору, но исполняетъ, однако, его требованія, относящіяся къ изслѣдованію преступленій и собранію доказательствъ [4]). Требованіе про-

[1]) «Журналъ» стр. 173.
[2]) «Журналъ» стр. 173—174.
[3]) «Журналъ» стр. 173.
[4]) «Журналъ» стр. 211—212.

курора объ освобожденіи арестованнаго обвиняемаго для слѣдователя обязательно; съ требованіемъ же объ арестованіи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ, онъ можетъ не согласиться и представить свое сомнѣніе на разрѣшеніе суда (ст. 50—52). 5) Всѣ вообще пререканія между прокуроромъ и слѣдователемъ разрѣшаются судомъ, который входитъ въ разсмотрѣніе порядка производства слѣдствій только по жалобамъ частныхъ лицъ, по представленіямъ слѣдователей и по предложеніямъ прокуроровъ («Журналъ» стр. 174 и ст. 48 основ. полож.).

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ основныхъ началъ предварительнаго слѣдствія, министръ юстиціи предлагалъ сохранить и въ новомъ порядкѣ установленное въ Сводѣ Законовъ учрежденіе присутствующихъ при слѣдствіи депутатовъ отъ сословій или вѣдомствъ, къ которымъ принадлежитъ обвиняемый. Графъ Панинъ считалъ необходимымъ «чтобы при началѣ слѣдствія ря«домъ съ обвинителемъ присутствовало такое лицо, которое имѣло «бы право и возможность требовать тщательнаго разслѣдованія тѣхъ «сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ,которыя,по его мнѣ«нію, могутъ служить въ пользу обвиняемаго,подобно тому,какъ обви«нителю-прокурору предоставлено право надзора за производствомъ «слѣдствія». По мнѣнію генералъ-прокурора «при такихъ только «условіяхъ обвиняемый и обвинитель будутъ имѣть совершенно «равныя права, а правосудіе будетъ обезпечено». Предложеніе это большинствомъ принято не было (ст. 42 основ. полож.) въ виду доказанной на практикѣ безполезности учрежденія депутатовъ, могущихъ произойти отъ нихъ задержекъ и препятствій успѣшному изслѣдованію и повѣркѣ его на устномъ и гласномъ судѣ [1]). 6) По окончаніи слѣдствія, оно представляется слѣдователемъ прокурору. (ст. 53 осн. полож.) Здѣсь наступаетъ другой фазисъ обязанностей новаго прокурора, по участію его въ преданіи суду или прекращеніи слѣдствія. «Дѣятельность прокурора не можетъ ограничиваться однимъ возбуж«деніемъ уголовныхъ слѣдствій и надзоромъ за правильнымъ производ«ствомъ оныхъ. Если изъ собранныхъ при первоначальномъ слѣдствіи «свѣдѣній прокуроръ удостовѣрится, что привлеченное къ слѣдствію «лицо основательно подозрѣвается въ преступленіи, то онъ долженъ, «въ качествѣ защитника интересовъ правительства и всего обще-

[1]) «Журналъ» стр. 212—215.

«ства продолжать преслѣдованіе этого лица, обвинять его предъ са-«мимъ судомъ, объяснять послѣднему основанія, по коимъ при-«знаетъ сіе лицо виновнымъ, и стараться изобличить вину его «при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Такое обвиненіе подозрѣваемаго «предъ судомъ равно полезно и необходимо какъ для разъясненія «дѣла суду, такъ и для облегченія самому подсудимому способовъ «защиты. Если подсудимый не знаетъ благовременно и положи-«тельно, въ какихъ дѣйствіяхъ онъ обвиняется и на основаніи «какихъ доказательствъ и уликъ, то ему трудно приготовиться къ «основательному опроверженію обвиненія, даже несправедливаго.... «По предоставленіи прокурорамъ обвинительной власти, заключе-«ніе о томъ, есть ли основаніе подвергать обвиняемаго суду или «должно прекратить слѣдствіе за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ «и доказательствъ, не можетъ быть дѣлаемо ни слѣдователемъ и «судомъ безъ участія прокурора, ни прокуроромъ безъ участія «суда. Въ первомъ случаѣ обвинительная власть не имѣла бы «должнаго значенія, а въ послѣднемъ, прокуроръ имѣлъ бы «возможность безотчетно, по одноличному своему усмотрѣнію и «безъ достаточнаго основанія, возбуждать и прекращать слѣд-«ствіе». Поэтому 7) «слѣдствія, по которымъ кто-либо заподозрѣнъ «въ преступленіи или проступкѣ, могутъ быть прекращаемы не «иначе какъ по разсмотрѣніи судомъ заключенія о семъ про-«курора, а преданіе обвиняемаго суду, можетъ послѣдовать не «иначе, какъ на основаніи составленнаго прокуроромъ обвинитель-«наго акта, который сообщается обвиняемому» [1]). Положеніе это развивается дальнѣйшими правилами, по которымъ 8) преданіе суду и прекращеніе слѣдствій распредѣляется между обвинитель-ною властью прокурора и судебною властью окружнаго суда или судебной палаты, смотря потому а) обвиняется ли лицо, подверг-шееся преслѣдованію, въ преступленіи, подвергающемъ лишенію или ограниченію правъ состоянія, и б) полагаетъ ли прокуроръ предать обвиняемаго суду, или же прекратить дѣло о немъ (ст. 54, 55, 57, 58). Наконецъ 9) въ обвинительномъ актѣ, или какъ его называютъ «Основныя Положенія» въ актѣ обвиненія, означается: существо дѣла, основанія обвиненія, родъ и видъ преступленія или проступка (ст. 56).

---

[1]) «Журналъ» стр. 174—175.

На судебномъ разсмотрѣніи уголовнаго дѣла обвинительное начало беретъ перевѣсъ надъ слѣдственнымъ, и прокуроръ вступаетъ въ положеніе процессуальной стороны, совершенно равноправной съ противною стороною, защитой. «Прокурору, какъ «обвинителю»—гласитъ ст. 68 Основ. Полож., «противопоставляется «защитникъ подсудимаго. Для полнаго, по возможности, разъясне«нія объстоятельствъ, служащихъ къ оправданію или обвиненію «подсудимаго, предоставляется принимать участіе въ допросахъ и «преніяхъ на судѣ, какъ прокурору, такъ и подсудимымъ, ихъ «защитникамъ и лицу потерпѣвшему отъ преступленія» Уравненіе сторонъ простирается даже до нѣкотораго преимущества подсудимаго, въ видахъ предоставленія ему всѣхъ средствъ къ оправданію. Такъ, ему или его защитѣ всегда принадлежитъ право послѣдняго слова. Отводъ присяжныхъ засѣдателей для прокурора ограниченъ шестью лицами, подсудимый же, кромѣ того же количества лицъ, можетъ еще отвести всѣхъ неотведенныхъ прокуроромъ изъ представленнаго ему числа (ст. 83 и 84 Осн. Полож.)

Прокуроръ, такимъ образомъ является на уголовномъ судѣ дѣятельною обвинительною стороной, необходимымъ участникомъ разъясненія истины, въ интересахъ закона и общества, на немъ лежитъ представленіе и развитіе доказательствъ обвиненія и борьба съ опровергающею ихъ защитою. А такъ какъ все это совершается путемъ устнымъ, въ обстановкѣ гласности и по важнѣйшимъ дѣламъ передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей, которые считаются представителями общественной совѣсти, то и понятно, какое глубокое и коренное преобразованіе предрѣшалось для прокурорскаго надзора, какую важную, трудную, отвѣтственною, а главное совершенно новую задачу по уголовнымъ дѣламъ возлагали на него «Основныя Положенія» судебной реформы.

Въ порядкѣ обжалованія они строго проводятъ публично-обвинительный характеръ прокуратуры. «Прокуроры могутъ подавать про«тесты лишь на приговоры, несогласные съ ихъ заключеніями, и «лишь по тѣмъ дѣламъ, въ коихъ преслѣдованіе преступника про«изводится независимо отъ жалобы частныхъ лицъ» (Ст. 98 Осн. полож. угол. суд.). Сенатъ въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда постановляетъ рѣшеніе по кассаціоннымъ протестамъ и жалобамъ какъ уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, по

выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, (Ст. 108 Осн. полож. угол. суд. и ст. 77 Осн. пол. гражд. суд.).

Въ отношеніи изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, допущенныхъ «Основными Положеніями», слѣдуетъ отмѣтить: 1) что по преступленіямъ государственнымъ предварительное слѣдствіе производится «при личномъ присутствіи прокурора судебной палаты» (ст. 121) и 2), что по преступленіямъ должности «судебное производство можетъ быть начато не иначе, «какъ вслѣдствіе постановленія надлежащаго начальства о пре«даніи суду обвиняемаго»; постановленіе это сообщается прокурору того судебнаго мѣста, рѣшенію котораго подлежитъ дѣло (ст. 132). По этому послѣднему поводу мотивы «Основныхъ Положеній», заботливо проводя принципъ отдѣльности и взаимной независимости властей судебной и административной, стараются, по возможности, согласить его и по должностнымъ преступленіямъ съ общимъ обвинительнымъ назначеніемъ прокуратуры. «Преслѣдованіе должностныхъ лицъ за такія нарушенія должно«сти, которыя подвергаютъ наказаніямъ лишь по суду»—читаемъ въ «журналѣ соединенныхъ департаментовъ»—«не можетъ про«исходить порядкомъ, установленнымъ для преслѣдованія престу«пленій и проступковъ вообще. Отдѣленіе административной вла«сти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы «административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но «также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣ«ла административныя. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы «прокуроръ, получивъ свѣдѣніе о преступленіи по должности адми«нистративнаго чиновника, оставлялъ это свѣдѣніе въ безгласно«сти. Но обязанности прокурора въ этомъ случаѣ должны огра«ничиваться сообщеніемъ полученнаго имъ свѣдѣнія начальству «обвиняемаго чиновника, а въ важныхъ случаяхъ, и донесеніемъ «о томъ непосредственно или въ порядкѣ подчиненности мини«стру юстиціи» [1]).

§ **55. Судоустройство.** Согласно принятымъ основнымъ началамъ судопроизводства, въ отдѣленіи «*судоустройства*» слѣдуетъ опредѣленіе Государственнымъ Совѣтомъ общаго значенія, задачъ и устройства преобразуемаго прокурорскаго надзора. Въ составъ судебнаго

---

[1]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 239.

вѣдомства, между судьями и судебными мѣстами съ одной стороны и вспомогательными лицами съ другой (каковы нотаріусы, присяжные повѣренные, секретари и судебные пристава), входятъ *прокуроры*, назначеніе которыхъ формулировано въ «журналѣ соединенныхъ департаментовъ» съ замѣчательною точностью и полнотою, обнимающею всѣ установленные догматикою этого учрежденія существенные его черты и признаки. *Прокуроры призваны*: а) *ограждать передъ судомъ*, б) *отъ имени правительства*, в) *подъ высшимъ надзоромъ министра юстиціи*: 1) *пользы государства*, 2) *требованія общественнаго порядка и* 3) *неприкосновенность закона*. Если присоединить сюда дальнѣйшія указанія о томъ, что а) *прокуроры состоятъ при судѣ и* б) *занятія ихъ ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства* (ст. 9 п. 1 Основ. Полож. судоустр.), то получится краткое обобщеніе всѣхъ постановленій о реформированной прокуратурѣ [1]). Въ послѣдующемъ изложеніи «журнала» оно развивается въ ближайшемъ опредѣленіи задачъ прокурорскаго института и его организаціи.

«Прокуроры суть органы правительства для охраненія силы «законовъ, и на этомъ основаніи сущность ихъ обязанностей за«ключается: 1) въ обнаруженіи и преслѣдованіи всякаго наруше«нія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его воз«становленію; 2) въ предложеніи суду предварительныхъ заключе«ній по судебнымъ дѣламъ, подчиненнымъ особому ихъ наблюде«нію уставами гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; 3) въ «наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона «и 4) въ представленіи о поясненіи законовъ, если о томъ возник«нутъ недоразумѣнія или вопросы по судебному вѣдомству», въ сферѣ котораго — не нужно забывать — и замыкается исполненіе прокурорами ихъ перечисленныхъ выше функцій. «Соединеніе въ ли«цѣ прокурора» — продолжаетъ журналъ Государственнаго Совѣта — «столь важныхъ обязанностей, для исполненія коихъ нужны «не только основательное знаніе законовъ, но и особенная дѣя«тельность и добросовѣстность, указываетъ на необходимость: «1) назначать на эти мѣста людей юридически образованныхъ или «доказавшихъ свои познанія по судебной части и вполнѣ благо-

[1]) «Журналъ» стр. 285—286.

«надежныхъ; 2) имѣть при каждомъ судѣ особаго прокурора; 3) дать «прокурорамъ надлежащую степень власти по надзору за про«изводствомъ уголовныхъ слѣдствій и въ особенности подчинить «имъ непосредственно всѣ полицейскіе чины по предмету произво«димыхъ послѣдними дознаній о преступленіяхъ и проступкахъ. Мно«гочисленность и разнообразіе занятій, особенно по надзору за «уголовными слѣдствіями, а иногда и по личному участію въ про«изводствѣ оныхъ, требуетъ назначенія имъ товарищей по мѣрѣ «встрѣчающейся въ томъ необходимости. Для доставленія проку«рорскому надзору надлежащаго единства оказывается нужнымъ «постановить, чтобы въ семъ надзорѣ низшіе чины дѣйствовали «подъ руководствомъ высшихъ и чтобы верховный надзоръ за всѣ«ми прокурорами сосредоточивался въ лицѣ министра юстиціи, «какъ генералъ-прокурора. Вслѣдствіе сего, если прокуроръ окруж«наго суда усмотритъ, что при рѣшеніи дѣла обнаружена непол«нота закона и признаетъ необходимымъ, въ предупрежденіе по«добныхъ случаевъ на будущее время, возбудить законодательный «вопросъ, то онъ обязанъ донести объ этомъ прокурору судебной «палаты, отъ котораго зависитъ представить о семъ министру «юстиціи. Прокуроры окружныхъ судовъ утверждаются министромъ «юстиціи по представленію прокурора судебной палаты; проку«роры судебныхъ палатъ и ихъ товарищи назначаются Высочай«шею властью, по представленію министра юстиціи. При общемъ «собраніи кассаціоннаго суда и при каждомъ департаментѣ сего «суда состоятъ оберъ-прокуроры, назначаемые, по представленію «министра юстиціи, именными Высочайшими указами» [1]) (Ст. 47—52 Осн. полож. судоуст.).

По изданіи «Основныхъ положеній преобразованія судебной части» дѣло его быстро подвинулось впередъ. Согласно Высочайше утвержденному 29 сентября 1862 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта начертаніе въ развитіи «Основныхъ Положеній» самыхъ проектовъ новыхъ законовъ о судоустройствѣ было возложено на особую коммиссію, образованную въ составѣ государственной канцеляріи, подъ непосредственымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственнаго секретаря *В. П. Буткова*. Въ коммиссію эту

[1]) Журналъ Соед. Д-товъ стр. 328—329.

должны были войти чиновники государственной канцеляріи и другія лица, преимущественно юристы, по избранію государственнаго секретаря, а также назначенные по соглашенію его съ надлежащими начальствами, чиновники отъ II Отдѣленія Собств. Е. И. Величества канцеляріи и министерства юстиціи. Въ такомъ порядкѣ изъ лицъ прокурорскаго надзора были назначены въ редакціонную коммиссію судебной реформы три оберъ-прокурора: гг. *Буцковскій*, *Побѣдоносцевъ* и *Ковалевскій* и три губернскихъ прокурора: Московскій—*Ровинскій*, Могилевскій—*Поповъ* и Симбирскій—*Принтицъ*. Коммиссія раздѣлялась на три отдѣленія, изъ которыхъ одно, уголовнаго судопроизводства, находилось подъ предсѣдательствомъ Н. А. Буцковскаго, а названные выше члены изъ числа чиновъ прокуратуры были распредѣлены по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ.

Въ октябрѣ 1862 г. произошла важная для судебной реформы перемѣна въ высшемъ управленіи министерства юстиціи: вмѣсто графа Панина министромъ юстиціи былъ назначенъ состоявшій до того товарищемъ министра *Д. Н. Замятнинъ*, а товарищемъ его статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта *Н. И. Стояновскій*, оба глубоко и горячо сочувствовавшіе преобразованію [1]). При ихъ участіи и содѣйствіи оно совершилось со скоростью, которая не повредила основательности. Гигантскій трудъ, исполненный коммиссіею по составленію проектовъ судебныхъ уставовъ, есть историческій фактъ, не требующій здѣсь комментаріевъ. При дружныхъ усиліяхъ лучшихъ русскихъ юристовъ, съ помощью выводовъ науки и указаній практическаго опыта, въ годъ съ небольшимъ были составлены и въ концѣ 1863 г. внесены въ Государственный Совѣтъ проекты учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Для общаго представленія объ этой работѣ, съ точки зрѣнія вызвавшаго ее законодательнаго направленія, умѣстно привести проникнутое достоинствомъ и трезвою умѣренностью взглядовъ оффиціальное сужденіе о ней самихъ ея исполнителей. «Коммиссія употребляла всѣ старанія къ удовлетворительному

---

[1]) *Д. Н. Замятнинъ* и *Н. И. Стояновскій* были оба въ прежней службѣ своей оберъ-прокурорами сената.

«окончанію порученнаго ей дѣла. Руководствуясь въ точности «Высочайше утвержденными основными положеніями преобразо- «ванія судебной части, коммиссія, при развитіи ихъ, принимала «въ соображеніе и законы, нынѣ у насъ дѣйствующіе, и начала, «выработанныя какъ наукою, такъ и опытомъ другихъ государствъ, «гдѣ давно уже существуетъ вводимая нынѣ у насъ система су- «допроизводства, и замѣчанія людей свѣдущихъ и опытныхъ, и «наконецъ, свѣдѣнія, собранныя по разнымъ мѣстностямъ имперіи. «Тѣмъ не менѣе трудъ коммиссіи, не взирая на всѣ ея старанія «и усилія, далекъ отъ совершенства. Преобразованіе судебной «части на началахъ, «Основными Положеніями» указанныхъ, есть «дѣло совершенно новое — а наша судебная практика, сложив- «шаяся при нынѣшнемъ порядкѣ, не представляетъ достаточныхъ «данныхъ для разрѣшенія многихъ возникавшихъ при этой работѣ «вопросовъ. Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла, «и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ су- «допроизводствъ и учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, «по указаніямъ опыта, исправленіи со временемъ сихъ уставовъ «и учрежденія будутъ тщательно охраняемы начала, преподанныя «Основными Положеніями, и если при томъ судебная власть будетъ «поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти «административной, какъ это указано Его Императорскимъ Вели- «чествомъ въ первой статьѣ Высочайше утвержденныхъ Основныхъ «Положеній, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы «едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Въ настоящее «время коммиссія убѣждена вполнѣ только въ одномъ, что пре- «образованіе судебной части на основаніяхъ, указанныхъ Его Ве- «личествомъ и развитыхъ коммиссіею въ составленныхъ ею про- «ектахъ, не терпитъ отлагательства и что посему оно, сколь «возможно скорѣе, должно быть введено повсемѣстно» [1]). Таковы были заключительныя слова представленія, при которомъ государственный секретарь внесъ въ Государственный Совѣтъ проекты новаго судоустройства и судопроизводства, содержавшіе въ себѣ и коренную реорганизацію прокурорскаго надзора.

---

[1]) Представленіе госуд. секретаря въ Госуд. Совѣтъ отъ 24 Декабря 1864 г., стр. 26 и 27.

III.

§ 56. Прокурорскій надзоръ по замѣчаніямъ юристовъ и практиковъ на „Основныя положенія преобразованія судебной части". Въ числѣ пріемовъ изслѣдованія и собиранія законодательныхъ матеріаловъ, которыми воспользовалось правительство въ дѣлѣ судебной реформы, нельзя не указать на широкое обращеніе его къ началу гласности. Принципы новаго суда были подвергнуты всестороннему обсужденію въ печати со стороны теоретиковъ и практиковъ, къ которымъ адресовалась коммиссія по этому поводу, и вообще всѣхъ лицъ, интересующихся дѣломъ и пожелавшихъ высказать свои замѣчанія [1]). Не безъинтересно прослѣдить характеръ и содержаніе такихъ отзывовъ въ отношеніи прокурорскаго надзора; въ нихъ сказался отголосокъ общественнаго и профессіональнаго мнѣнія въ Россіи, какъ объ этомъ учрежденіи вообще, такъ и о предстоявшемъ его преобразованіи. Во всемъ этомъ матеріалѣ, конечно, не мало личнаго и случайнаго, но много и оригинальныхъ, мѣткихъ мыслей, основанныхъ на серьезномъ знакомствѣ съ нашей дѣйствительностью и потому до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ статьяхъ гг. *Маркова* и *Лакіера*, помѣщенныхъ въ «Журналѣ министерства юстиціи» такъ называемую положительную критику началъ прокурорскаго надзора по «Основнымъ Положеніямъ» [2]). Воспроизводя истинный

---

[1]) Вслѣдствіе сообщенія государственнаго секретаря, товарищъ министра юстиціи циркуляромъ отъ 8 Октября 1862 г. пригласилъ всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства присылать въ коммиссію для составленія судебныхъ уставовъ свѣдѣнія, замѣчанія и соображенія о развитіи «Основныхъ Положеній». Всего такихъ отзывовъ поступило *448*, изъ которыхъ 321 принадлежали лицамъ судебнаго вѣдомства, преимущественно губернскимъ прокурорамъ, стряпчимъ и судебнымъ слѣдователямъ. Отзывы эти напечатаны въ 6 томахъ, а въ 7-мъ сдѣланъ изъ нихъ общій сводъ. Кромѣ того въ газетахъ и журналахъ того времени (1862—1864) не только русскихъ, но и иностранныхъ, помѣщались статьи и замѣтки о томъ же предметѣ. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ матеріалѣ можно найти въ тогдашнемъ «Журналѣ министерства юстиціи».

[2]) *Лакіеръ*. Учрежденіе прокурорскаго надзора въ связи съ различными формами уголовнаго судопроизводства (Ж. М. Ю. 1863, т. 15).—*Марковъ*. О прокурорскомъ надзорѣ въ гражданскихъ дѣлахъ (Ж. М. Ю. 1864, т. 20).

смыслъ этихъ началъ въ томъ видѣ, въ какомъ это было возможно сдѣлать до развитія ихъ въ самыхъ проектахъ, оба автора, г. Марковъ по гражданскому, а г. Лакіеръ по уголовному судопроизводству, указываютъ отличія вновь учрежденной прокуратуры отъ прежняго прокурорскаго надзора по Своду Законовъ и отъ французскаго *ministère public*. Почти всѣ другіе отзывы посвящены критикѣ отрицательной, указанію недостатковъ въ проектированномъ прокурорскомъ институтѣ, преимущественно, впрочемъ, частныхъ, и предположенію объ ихъ устраненіи.

Практики, въ особенности изъ рядовъ доживающаго свои дни мѣстнаго надзора, даютъ совѣты, нерѣдко весьма цѣлесообразные и полезные, о томъ, какъ поставить его будущее внутреннее устройство и организовать отдѣльныя стороны дѣятельности. Раздается единичный голосъ и противъ всего учрежденія вообще: прокуроры безполезны, они всегда все пропускали, при нихъ жалобы не прекращались, дѣла не уменьшались; безъ нихъ прекрасно обходится лучшій типъ судовъ—уѣздные мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. «Въ новой орга-«низаціи»—не безъ пафоса восклицаетъ принципіальный противникъ прокуратуры—«можно ожидать совершенной правды безъ проку-«роровъ и даже безъ министерства юстиціи; иначе на дверяхъ «каждаго суда придется надписать: здѣсь нельзя ждать правды «безъ прокурора!»[1]) Не заходя такъ далеко въ отрицаніи прокуратуры, извѣстный русскій криминалистъ возстаетъ противъ присвоенія ей функціи надзора за судомъ: «прокуроръ не можетъ «быть въ одно и тоже время и стражемъ закона, надзирающимъ «за судами, и истцомъ, представителемъ общественныхъ интере-«совъ. Онъ не можетъ надзирать за судомъ потому, что надзира-«ніе предполагаетъ такое отношеніе между двумя властями, при «которомъ одна надзирающая стоитъ выше, а другая надзираемая «стоитъ ниже. Такъ какъ прокуроръ только административный «чиновникъ, подвластный министру юстиціи, то поручать ему над-«зоръ за судами значитъ тоже, что дѣлать суды, установленные «для охраненія закона отъ нарушеній, какъ со стороны частныхъ «лицъ, такъ и со стороны администраціи, подначальными той же «администраціи. Общество не нуждается ни въ какихъ другихъ

[1]) Колл. секр. *Сердюковъ*.—Замѣчанія т. V, стр 74, 74.

«стражахъ кромѣ судовъ, ни отъ кого не зависящихъ и стоя-«щихъ подъ нравственнымъ контролемъ одного только обществен-«наго мнѣнія. За судами могутъ только надзирать судьи, высшіе «надъ низшими; если къ этимъ стражамъ закона приставлены бу-«дутъ присматривающіе за ними надзорщики, то кто-же будетъ въ «свою очередь присматривать за этими надзорщиками? Почему и «надъ ними не учредить контроля? Такимъ образомъ можно ос-«таться при нынѣшней системѣ безчисленныхъ, взаимно повѣряю-«щихъ надзоровъ»[1]).

Наоборотъ одинъ изъ практиковъ предлагаетъ «по причинѣ «отдаленности уѣздовъ отъ высшаго начальства сохранить про-«курорское наблюденіе за дѣятельностью всѣхъ уѣздныхъ, какъ «судебныхъ, такъ и административныхъ присутственныхъ мѣстъ и «должностныхъ лицъ»[2]). По мнѣнію другихъ, власть самихъ про-куроровъ необходимо контролировать во всевозможныхъ видахъ и съ этою цѣлью, для защиты общества отъ прокурорскаго само-властія и произвола, нужно дать гражданамъ право сообщать объ упущеніяхъ ихъ «судебному начальству»[3]), и вообще ввести все-возможныя ограниченія прокурорской власти и гарантіи противъ злоупотребленій ею. Третій, для огражденія прокуроровъ отъ произвола со стороны ихъ начальства, давленія административной власти и членовъ судебныхъ мѣстъ, и отъ преслѣдованія недоволь-ныхъ прокуратурой сильныхъ лицъ, требуетъ распространенія и на нее судейской несмѣняемости, въ которой видитъ единствен-ное средство сдѣлать изъ прокурорскихъ чиновъ самостоятельныхъ и неуклонныхъ блюстителей закона и общественныхъ обвини-телей[4]). Четвертый, наконецъ, не усматриваетъ достаточнаго осно-ванія къ процессуальной зависимости низшаго прокурора отъ вы-шаго и къ тому, чтобы послѣдній, можетъ быть менѣе перваго компетентный и свѣдущій въ данномъ дѣлѣ, контролировалъ дѣй-ствія прокурора низшей инстанціи; іерархическую подчиненность чиновъ прокуратуры этотъ взглядъ низводитъ, при направленіи уголовныхъ дѣлъ, до простаго обращенія низшаго къ высшему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ[5]).

[1]) Проф. *Спасовичъ*. Судебная реформа (С.-Петербургскія Вѣдомости 1863, №№ 1—3).
[2]) *Замѣчанія* т. I, стр. 59.
[3]) *Замѣчанія* т. II, стр. 462; т. IV, стр. 17.
[4]) *Замѣчанія* т. III, стр. 550; т. I, стр. 145.
[5]) *Замѣчанія* т. I, стр. 730.

Многіе изъ отзывовъ съ особенною подробностью настаиваютъ на правильномъ и соразмѣрномъ распредѣленіи обязанностей между прокуроромъ и его товарищами, видимо находясь еще подъ впечатлѣніемъ ненормальныхъ отношеній между губернскимъ прокуроромъ и губернскими стряпчими: «Извѣстно»—говоритъ одинъ изъ дѣятелей надзора—«какъ часто бываютъ безполезны всѣ «должности такъ называемыхъ помощниковъ, товарищей и т. д., «если имъ не предоставлено отдѣльныхъ, самостоятельныхъ заня«тій. Люди служащіе въ этихъ должностяхъ обыкновенно или ни«чего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ все, но не своимъ именемъ» [1]).

Для такого разграниченія рекомендуются различныя основанія, но всѣ они сводятся къ тому, чтобы у товарищей прокурора былъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія и даже своя степень власти, подъ руководствомъ и наблюденіемъ прокурора, но подъ собственною своею отвѣтственностью [2]). Одинъ изъ губернскихъ прокуроровъ предлагаетъ при этомъ исходить изъ внутреннихъ свойствъ прокурорскихъ обязанностей и тѣхъ спеціальныхъ качествъ ума и воли, которыя необходимы для успѣшнаго исполненія тѣхъ или другихъ. Такъ, обязанности болѣе отвлеченныя и общія, наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ закона, опредѣленіе необходимости преслѣдовать нарушенія законнаго порядка и возбужденіе законодательныхъ вопросовъ, нужно предоставить прокурору и требовать, поэтому, отъ лица, назначаемаго на эту должность, «ума систематическаго, способнаго при разсмотрѣніи каждаго ча«стнаго вопроса оцѣнивать отношеніе его къ цѣлому ряду пред«метовъ и склоннаго къ занятіямъ, сопряженнымъ съ продолжи«тельной сосредоточенностью на предметахъ обширныхъ и слож«ныхъ». На товарищей же прокурора должно быть возложено предъявленіе предварительныхъ заключеній и вообще дѣйствія по отдѣльнымъ дѣламъ, какъ требующія болѣе всего «ума живаго «и быстраго, находчиваго при отрывочныхъ занятіяхъ, наклоннаго «къ подвижности и внѣшней дѣятельности. Эти два отдѣльныхъ рода «способностей и наклонностей»—замѣчаетъ авторъ—«несовмѣстимы «въ одномъ и томъ же человѣкѣ» [3]).

[1]) *Замѣчанія* т. I, стр. 397.

[2]) *Замѣчанія* т. I, стр. 332, 397, 618; II, 521; III 356, 463, 469; IV 306, 380; V 179 и друг.

[3]) *Замѣчанія* т. I, 319. Тотъ же дѣятель (Ярославскій губернскій прокуроръ *Вешняковъ*) предлагаетъ возложить на прокуроровъ постоянное веденіе судебно-статистическихъ

Всего цѣльнѣе и обстоятельнѣе указанія практиковъ по уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора. Здѣсь мнѣнія, хотя иногда расходятся, но уже не такъ дробятся, какъ въ вопросахъ организаціонныхъ, и нерѣдко отличаются глубокимъ и вѣрнымъ пониманіемъ задачъ уголовной юстиціи. Въ мнѣніяхъ этихъ сказались главнѣйшія направленія по тому же предмету европейской науки, законодательства и практики, съ видимымъ предпочтеніемъ англійскихъ институтовъ передъ французскими, безъ слѣпаго однако подражанія тому, что непримѣнимо къ нашимъ условіямъ. Есть совершенно одинокій голосъ за расширеніе обязанностей прокурора по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ и по судебной администраціи согласно французскому образцу; [1]) есть болѣе подробно мотивированный взглядъ, устраняющій прокурора отъ всякаго непосредственнаго участія въ преслѣдованіи и слѣдствіи, но за то расширяющій его надзоръ за предварительнымъ изслѣдованіемъ преступленій. [2]) Большинство авторовъ замѣчаній озабочено установленіемъ правильныхъ и практически осуществимыхъ отношеній прокурора къ полиціи и, слѣдовательно, къ дознанію и слѣдствію, на основаніяхъ, соединяющихъ обвиненіе съ надзоромъ. Въ періодической печати, впрочемъ, было высказано и категорическое предложеніе о послѣдовательномъ и исключительномъ проведеніи въ слѣдствіи обвинительнаго начала, съ вполнѣ самостоятельнымъ слѣдственнымъ судьею и противопоставленіемъ защитника прокурору, какъ государственному адвокату преслѣдованія [3]). Мысль о защитѣ при слѣдствіи не чужда отзывамъ практиковъ, [4]) но разработана въ нихъ вообще довольно слабо и не обстоятельно. Въ будущихъ отношеніяхъ прокурора къ полиціи, подчиняемой ему по производству дознаній, предсказывается неизбѣжность конфликтовъ и предлагается или ограничить эту зависимость, или учредить особую судебную розыскную полицію въ

изслѣдованій о способахъ, условіяхъ и послѣдствіяхъ примѣненія въ дѣйствительности законовъ и наказовъ, относящихся до дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ.

[1]) *Замѣчанія* т. I, стр. 73—77.

[2]) *Замѣчанія* т. V стр. 139, 161—167 чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ кн. Мещерскаго.

[3]) *Унковскій.* Новыя основанія судопроизводства («Современникъ» 1863).

[4]) *Сводъ замѣчаній и предположеній*, т. VII, стр. 65 (къ ст. 50 Основ. полож. судоустр. и стр. 161, 162 къ ст. 42 Основ. полож. угол. судопр.).

вѣдѣніи прокурорскаго надзора [1]). Отношенія прокурора къ слѣдствію понимаются разно, то въ видѣ правъ обвиняющей стороны, то въ формѣ надзора, но почти всѣмъ замѣчаніямъ свойственно общее стремленіе оградить независимость слѣдователя и слѣдствія, а прокурора поставить въ положеніе органа, руководящаго полицейскимъ дознаніемъ и способствующаго успѣху слѣдовательскаго изслѣдованія [2]). Съ большою тщательностью и нерѣдко съ интересною самостоятельностію воззрѣній разсматриваютъ «замѣчанія» участіе прокуратуры въ преданіи суду и въ обвиненіи на судѣ. Многіе высказываются за предоставленіе какъ прекращенія дѣлъ, такъ и преданія суду, при наличности извѣстныхъ гарантій, самой прокуратурѣ во всѣхъ дѣлахъ непосредственно или подъ контролемъ судебной власти окружнаго суда, а не судебной палаты, обвинительную функцію которой практики находятъ источникомъ медленности и излишнимъ усложненіемъ процесса [3]).

По этому поводу представляется особенно характернымъ прекрасно изложенное мнѣніе одного изъ губернскихъ прокуроровъ: «прокуроръ не только представитель обвиненія, но и представитель «закона; ни права наши, ни полуторастолѣтнее учрежденіе на«шего губернскаго надзора не дозволяютъ давать ему въ насто«ящее время одностороннее направленіе французскихъ прокуро«ровъ; желательно было бы, напротивъ, сохранить теперь то до«вѣріе, которое имѣютъ теперь обвиняемые къ хорошему проку«рору, и не изобрѣтать искусственной обстановки, которая свела «бы его съ широкаго пути правосудія на узкую тропинку обви«ненія во чтобы то ни стало. Такой исключительный характеръ «прокурорской обязанности не имѣетъ сочувствія общества и «всегда вызываетъ противодѣйствіе въ лицѣ рьяныхъ защитни«ковъ, которые считаютъ долгомъ довести защиту до крайностей, «непонятныхъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ не суще«ствуетъ публичныхъ обвинителей. Прокуроръ, составляя актъ «обвиненія, долженъ быть поставленъ въ обязанность ограничи«ваться лишь точнымъ изложеніемъ фактовъ, на которыхъ опи«рается обвиненіе, не дѣлая никакихъ одностороннихъ предполо-

---

[1]) Ib. стр. 148—155.

[2]) *Замѣчанія* т. I, 605, 633; II, 179—182, III 174—189; IV 97, 110 и друг.

[3]) *Сводъ замѣчаній и предположеній* стр. 170—174.

«женій. Указывая на обстоятельства, собранныя предварительнымъ «слѣдствіемъ, онъ не долженъ придавать имъ положительную до- «стовѣрность, такъ какъ они подлежатъ еще повѣркѣ и разъясне- «нію передъ судомъ; онъ не долженъ также касаться прежней «жизни подсудимаго, ибо предшествовавшія преступленію обсто- «ятельства могутъ имѣть вліяніе на мѣру наказанія, но не дол- «жны ни увеличивать, ни уменьшать преступность самого дѣя- «нія, подлежащаго разсмотрѣнію суда. Эта умѣренность въ обвине- «ніи сдѣлаетъ умѣренною и защиту, и подсудимый, видя въ про- «курорѣ не столько лицо, изыскивающее всѣ способы къ его обви- «ненію, сколько органъ правосудія, стремящагося раскрыть исти- «ну, получитъ къ нему довѣріе и часто найдетъ возможнымъ не «приглашать особаго защитника въ увѣренности, что личныя его «объясненія достаточны передъ судомъ и что ему не придется бо- «роться съ хитросплетеніями враждебнаго къ нему и искуснаго «обвинителя. Такое значеніе обвинительной власти тѣмъ болѣе «важно, что простой народъ, всего чаще подвергающійся суду, «не скоро освоится съ новою системою защиты, да и приглаше- «ніе защитника обходится не дешево. Наконецъ, это безпристра- «стіе въ обвиненіи, налагаемое самимъ закономъ, сдѣлаетъ воз- «можнымъ предоставленіе прокурорамъ права дѣлать, безъ уча- «стія судебной власти, заключеніе о преданіи подозрѣваемаго суду «или о прекращеніи слѣдствій. Преданіе суду не есть еще осуж- «деніе и при тѣхъ гарантіяхъ, которыми обставленъ подсудимый «въ судѣ, не составляетъ неисправимаго бѣдствія; притомъ публич- «ность всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, контроль общественнаго «мнѣнія, отвѣтственность передъ начальствомъ всегда удержитъ «прокуроровъ отъ неосновательныхъ стремленій къ обвиненію». На основаніи этихъ соображеній, въ которыхъ заключается разумная и вѣрная оцѣнка прокурорскаго призванія, авторъ предлагалъ поручить разрѣшеніе вопроса о преданіи суду или прекращеніи дѣла совѣту прокурора окружнаго суда съ его наличными товарищами, подъ наблюденіемъ и контролемъ прокурора судебной палаты [1]).

---

[1]) *Замѣчанія* т. III, 189—191, Воронежскаго губернскаго прокурора *Шахматова*. Близкое къ этому мнѣніе было высказано и Казанскимъ губернскимъ прокуроромъ *Жиневскимъ*, т. I, стр. 77, 781.

Затѣмъ, что касается до обвинительной дѣятельности прокурора на судѣ, то были высказаны и крайнія, вовсе отрицающія ее мнѣнія. По нимъ, для соблюденія равновѣсія между сторонами и проведенія единственно справедливаго состязательнаго начала, прокуроръ, возбуждающій преслѣдованіе, долженъ быть лишенъ права еще устно поддерживать его передъ судомъ, который можетъ быть стѣсненъ въ пользу обвиненія такимъ преимуществомъ его передъ защитою, появляющеюся только въ концѣ дѣла, при провѣркѣ слѣдствія. Прокурору, поэтому, предоставляется только составить обвинительный актъ и участвовать, въ интересахъ обвиненія, въ разработкѣ доказательствъ на судебномъ слѣдствіи, но обвинительной рѣчи онъ не произноситъ [1]). Другіе отзывы, не увлекаясь желаніемъ превзойти въ этомъ духѣ даже англійскіе порядки, полагаютъ возможнымъ достичь тѣхъ же цѣлей сообщеніемъ судебно-обвинительной дѣятельности прокуроровъ характера строгаго безпристрастія, достоинства и спокойствія, а также обезпеченіемъ равенства ея съ защитою. «На «сколько обвинительной власти принадлежитъ самостоятельность «до поступленія слѣдствія въ судъ, на столько она должна быть «сдержанна съ началомъ преній; здѣсь права ея должны быть урав«нены съ правами защиты. Прокурору не слѣдуетъ предоставлять «преобладающаго вліянія въ судѣ; достаточно, если дозволено будетъ «прокурору, во время преній, дѣлать замѣчанія и предлагать во«просы свидѣтелямъ безъ посредства предсѣдателя, по мѣрѣ при«знаваемой имъ для разъясненія дѣла и подкрѣпленія обвиненія «надобности. Прокуроръ и защитникъ, одинъ излагая обвиненіе, «а другой представляя опровергающіе его доводы, не должны «выступать изъ предѣловъ умѣренности и приличія и могутъ, «какъ тотъ, такъ и другой, быть останавливаемы предсѣдателемъ, «а въ крайнемъ случаѣ получать отъ суда напоминанія и выра«женіе неодобренія. Само собою разумѣется, что подобнымъ «правомъ судъ можетъ пользоваться только во время судебныхъ «преній; но затѣмъ, когда прокуроръ излагаетъ свое заключеніе «о примѣненіи или разъясненіи законовъ, то судъ обязанъ вы-

---

[1]) *Замѣчанія.* Т. I, стр. 38 (С.-Петерб. уѣзднаго стряпчаго *Свѣчина*) и стр. 450 (предсѣдателя Рязанской уголовной палаты *Бурцова*).

«слушивать прокурора со всѣмъ должнымъ къ представителю за«кона уваженіемъ» [1]).

Авторитетные практики стараго прокурорскаго надзора предостерегаютъ будущихъ прокуроровъ отъ всякаго увлеченія эффектами ораторскаго искусства и рекомендуютъ обвинителямъ и защитникамъ краснорѣчіе, достойное ихъ призванія — содѣйствовать суду въ открытіи истины: «Для вѣрнѣйшаго ея изображенія же«лательно, чтобы въ инструкціяхъ, которыя будутъ составлены для «прокуроровъ и присяжныхъ повѣренныхъ, имъ было вмѣнено въ «непремѣнную обязанность, разъяснять обстоятельства дѣла, каж«дый съ своей точки зрѣнія, но просто, ясно, спокойно, безъ «пристрастнаго увлеченія, безъ уклоненій отъ сущности; однимъ «словомъ, чтобы они помнили всегда, что они органы правосудія, «а не гладіаторы, вышедшіе на бой одинъ противъ другого съ «непремѣнной рѣшимостью умереть или побѣдить, и что способ«ствовать суду достигнуть правды должно быть ихъ единственною «цѣлью. Въ случаѣ уклоненія отъ сего правила, предсѣдателю «суда должно быть предоставлено право останавливать ихъ и «дѣлать напоминанія» [2]). Мы съ намѣреніемъ привели эти сами за себя говорящія цитаты; онѣ показываютъ, какія здравыя и трезвыя понятія о предстоящей новой дѣятельности прокурорскаго надзора были распространены среди практическихъ судебныхъ дѣятелей эпохи преобразованія и до какой степени не ошибался законодатель, считая почву и людей достаточно къ нему подготовленными по этому вопросу.

Всего менѣе замѣчаній вызвали ограниченныя и по «Основнымъ Положеніямъ» обязанности прокуроровъ въ области гражданскихъ дѣлъ. Укажемъ лишь на два противоположныя другъ другу мнѣнія. По одному, очевидно сложившемуся подъ вліяніемъ французскаго учрежденія и его нѣмецкихъ снимковъ, власть прокурора должна быть одинакова, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, въ кругѣ которыхъ ему слѣдуетъ предоставить наблюденіе за адвокатами, нотаріусами и судебными приставами [3]). По другому, нужно сократить даже и проектированный довольно

[1]) *Замѣчанія* т. III, стр. 191 (губ. прок. *Шахматова*).

[2]) *Замѣчанія* т. IV. стр. 309 (Харьковскаго губернскаго прокурора *Флуки*).

[3]) *Замѣчанія* т. IV, стр. 178.

но узкій кругъ дѣйствія прокуратуры по гражданскимъ дѣламъ. Излишне поручать ей защиту казенныхъ интересовъ, имѣющихъ и безъ того достаточно ходатаевъ въ лицѣ казенныхъ чиновниковъ; свойственные такой дѣятельности односторонность и матеріальный характеръ могутъ повредить независимости и безпристрастію учрежденія съ его безличными общественными задачами [1]).

Замѣчанія, сдѣланныя на «Основныя положенія преобразованія судебной части», во всякомъ случаѣ не остались безъ результата: какъ выводы практики и указанія опыта, они были приняты въ серьезное вниманіе при составленіи и обсужденіи Судебныхъ Уставовъ, а нѣкоторыя оказали вліяніе и на постановку цѣлыхъ институтовъ, и на текстъ отдѣльныхъ статей.

IV. Вопросы о прокурорскомъ надзорѣ при составленіи судебныхъ уставовъ.

§ 57. Проектъ учрежденія судебныхъ установленій. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о прокурорскомъ надзорѣ по внесеннымъ въ Государственный Совѣтъ проектамъ судоустройства и судопроизводства, мы остановимся только на тѣхъ болѣе важныхъ предметахъ, по которымъ или возникло разногласіе въ составлявшей ихъ коммиссіи, или же послѣдовали существенныя измѣненія въ Государственномъ Совѣтѣ проектированныхъ ею постановленій.

По *проекту учрежденія судебныхъ установленій* (или какъ оно было первоначально названо «учрежденія судебныхъ мѣстъ)» независимость слова и дѣйствія прокурорскаго надзора отъ предписаній начальства было признано нужнымъ выразить, для огражденія его самостоятельности [2]), въ такой общей и рѣзкой формѣ, которая въ сущности исключала всякое ихъ подчиненіе по производству дѣлъ. «Въ заявленіи своихъ мнѣній по дѣламъ лица прокурорскаго надзора не стѣсняются ни чьими предписаніями» (ст. 82); это правило очевидно только путемъ сложнаго толкованія можно было согласить съ предъидущимъ постановленіемъ о дѣйствіи товарищей прокуроровъ подъ *руководствомъ* своихъ прокуроровъ и *подчиненіи*

[1]) Ib. т. II, 107.

[2]) *Объяснительная записка* къ проекту учрежд. судеб. мѣстъ, стр. 56.

этихъ послѣднихъ министру юстиціи (ст. 81). Такой неудачной редакціи столь важнаго для прокуратуры постановленія генералъ-прокуроръ, конечно, не могъ пропустить безъ возраженія. Въ замѣчаніяхъ своихъ на проектъ Д. Н. Замятнинъ указалъ, что «полная независимость судей необходима, она нужна для поддержанія «достоинства судебной власти, для устраненія всякаго подозрѣнія «въ пристрастіи и угодливости; но начало независимости лицъ «прокурорскаго надзора не можетъ быть согласовано ни съ принципомъ строгаго единства прокурорскаго надзора, ни съ правиломъ подчиненія младшихъ лицъ сего надзора старшимъ». Государственный Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра юстиціи, и правило о зависимости «судебныхъ заключеній» прокурора «единственно отъ его убѣжденія и существующихъ законовъ» явилось въ Уставахъ въ своей настоящей формѣ (ст. 129 учр. суд. устан.), болѣе соотвѣтствующей іерархическому устройству и правительственному значенію прокурорскаго надзора [1]),

При разсмотрѣніи посвященной ему главы проекта, въ коммиссіи возникъ вопросъ, кѣмъ могутъ быть замѣнены прокуроры въ отправленіи несудебныхъ ихъ обязанностей? Имѣя въ виду, что за силою п. 1 ст. 9 «Основн. полож. судоустр.» занятія прокуроровъ и ихъ товарищей ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства, коммиссія нашла, что вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ въ учрежденіи судебныхъ мѣстъ. Если же будетъ признано необходимымъ установить прокурорскій надзоръ за производствомъ нѣкоторыхъ дѣлъ въ административномъ вѣдомствѣ, то о принятіи нужныхъ для того мѣръ слѣдуетъ предоставить соображенію подлежащихъ административныхъ властей [2]). Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ это заключеніе коммиссіи, предоставилъ министру юстиціи войти по этому поводу въ сношеніе съ надлежащими вѣдомствами. Подобныхъ мѣръ въ законодательномъ порядкѣ принято не было, и особой прокуратуры ни при какихъ административныхъ присутственныхъ мѣстахъ не учреждено.

Ограждая единство прокурорскаго надзора, проектъ установлялъ правило о правѣ высшаго прокурора по каждому уголовному дѣлу замѣнять низшаго, съ принятіемъ этого дѣла на свою

---

[1]) *Журналъ Госуд. Совѣта* 1864. № 48, стр. 17 и 18.

[2]) *Объяснит. записка* стр. 59.

отвѣтственность (ст. 83). По мнѣнію коммиссіи безъ такого правила высшіе чины прокурорскаго надзора, долженствующіе служить руководствомъ для низшихъ, не могли бы, даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ и по самымъ важнымъ дѣламъ, охранять силу законовъ по крайнему своему разумѣнію. Но Государственный Совѣтъ призналъ неудобнымъ, а отчасти и вреднымъ для дѣла допускать, чтобы оберъ-прокуроръ сената могъ произвольно замѣнять прокурора судебной палаты, а послѣдній прокурора окружнаго суда [1]). Поэтому право замѣны предоставлено только каждому прокурору въ отношеніи своего товарища (ст. 131 учрежд. суд. уст. изд. 1864).

Коммиссія предполагала постановить, что въ случаѣ болѣзни или отсутствія товарища прокурора окружнаго суда, имѣющаго постоянное пребываніе въ уѣздномъ городѣ, должность товарища прокурора исправляетъ мѣстный судебный слѣдователь, если не будетъ командировано для этого другое лицо прокурорскаго установленія (ст. 85). Государственный Совѣтъ отвергъ это предположеніе, потому что «при ограниченномъ числѣ судебныхъ слѣдователей нельзя ихъ отвлекать отъ ихъ обязанностей безъ явнаго вреда для службы» [2]). Къ этому мотиву можно было бы прибавить еще и то принципіальное соображеніе, что и вообще исполненіе прокурорскихъ обязанностей—органа надзора и процессуальной стороны—совершенно не соотвѣтствуетъ судейскому характеру должности судебнаго слѣдователя (ст. 41 проекта).

При опредѣленіи условій для занятія судебныхъ должностей коммиссія проектировала, одинаково какъ для судей, такъ и для чиновъ прокурорскаго надзора, допустить въ законѣ назначеніе на должности по судебному вѣдомству, въ томъ числѣ и прокурорскія, только лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе (ст. 162). Въ видѣ же временной мѣры, въ теченіе первыхъ 6-ти лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, могутъ быть замѣщаемы должности прокуроровъ палатъ и ихъ товарищей и прокуроровъ окружныхъ судовъ только изъ юристовъ, служащихъ или служившихъ по министерству юстиціи, а должности товарищей прокуроровъ—также и изъ лицъ, хотя не получившихъ юридиче-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 56.—*Журналъ Госуд. Совѣта* 1864, № 48, стр. 18.

[2]) *Журналъ Госуд. Совѣта* 1864, № 48, стр. 18.

скаго образованія, но «доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части» (ст. 7 и 8 проекта врем. правилъ замѣщенія судебн. должностей). Но въ виду буквальнаго смысла ст. 66 въ «Осн. полож. судоустр.», которая этимъ послѣднимъ условіемъ разширяла постоянный контингентъ лицъ, могущихъ занимать судебныя должности, опасеніе не найти для нихъ достаточнаго количества юридически образованныхъ людей взяло верхъ надъ послѣдовательностью принципа образовательнаго ценза. На одинъ уровень съ высшимъ юридическимъ образованіемъ было поставлено весьма эластичное понятіе о лицахъ, доказавшихъ на службѣ свои судебныя познанія. Этотъ широкій признакъ облегчалъ выборъ людей и назначенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ доступъ въ новую прокуратуру диллетантамъ юриспруденціи и лицамъ, имѣвшимъ мало общаго съ серьезною юридическою подготовкою [1]).

При опредѣленіи самаго порядка назначенія на судейскія и прокурорскія должности, въ коммиссіи произошло извѣстное разномысліе по вопросу о конкурсномъ испытаніи при судебной палатѣ, какъ способѣ провѣрить способности и подготовку кандидата и предоставить выдержавшему такое испытаніе формальное право на назначеніе. Предполагалось что министръ юстиціи будетъ назначать на прокурорскія должности только лицъ, получившихъ это право. Большинствомъ 25 членовъ коммиссіи въ ея полномъ составѣ противъ мнѣнія 3-хъ, предложеніе о конкурсномъ испытаніи принято не было, главнымъ образомъ на основаніи аргументаціи чисто утилитарнаго характера [2]).

Распредѣляя для занятія различныхъ прокурорскихъ должностей минимальные сроки судебной практики, коммиссія назначила для должности товарища прокурора окружнаго суда три года, подобно сроку для должности слѣдователя (ст. 164 и 169). Государственный Совѣтъ, въ виду важности отвѣтственныхъ обязанностей тѣхъ и другихъ, возвысилъ оба эти срока до 4-хъ лѣтъ.

По поводу условій для назначенія кандидатовъ на должности судебныхъ слѣдователей и порядка этого назначенія въ коммиссіи двукратно и съ различныхъ точекъ зрѣнія возбуждался крайне важный для практики вопросъ о свойствѣ общаго отношенія про-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 77—80.—*Журналъ Госуд. Совѣта* 1864, № 48, стр. 25.

[2]) *Объяснит. зап.* стр. 96—107.

курорскаго надзора къ слѣдователямъ и въ частности о правѣ перваго вліять на избраніе и назначеніе послѣднихъ. Оживленное обсужденіе этого вопроса и вызванное имъ разномысліе представляютъ много данныхъ и соображеній, отразившихся въ послѣдующемъ совмѣстномъ существованіи обоихъ учрежденій. Въ проектѣ постановлялось, что необходимое для назначенія кандидатовъ на судебныя должности судебными слѣдователями удостовѣреніе о томъ, что они пріобрѣли достаточныя познанія по слѣдственной части, должно исходить не только отъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, но и отъ прокуроровъ (ст. 164). Не соглашаясь съ этимъ послѣднимъ правиломъ, 9 членовъ нашли, что оно не вяжется съ самостоятельнымъ положеніемъ слѣдовательской должности, судейскимъ ея характеромъ и независимымъ кругомъ дѣйствія. По мнѣнію ихъ, прокуроръ, какъ оффиціальный обвинитель на судѣ, не можетъ и безъ ущерба для правосудія не долженъ вмѣшиваться въ производство слѣдствія, вполнѣ предоставленнаго судебному слѣдователю. А чтобы слѣдователь могъ при исполненіи этихъ обязанностей вполнѣ самостоятельно относиться къ прокурору, крайне желательно и самое назначеніе къ должностямъ судебныхъ слѣдователей не подчинять вполнѣ и во всѣхъ случаяхъ удостовѣренію прокурора и не дѣлать изъ этого удостовѣренія conditio sine qua non для полученія мѣста судебнаго слѣдователя. Не нужно также забывать, что прокуроръ при новой организаціи судебныхъ мѣстъ не можетъ быть тѣмъ блюстителемъ законнаго въ нихъ порядка, какимъ онъ былъ доселѣ. Эта роль вполнѣ будетъ принадлежать самимъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ. Всякое возвышеніе этой роли въ прокурорахъ, въ чемъ бы оно ни заключалось—хотя бы въ аттестаціи лицъ, способныхъ занять судебную должность,—неминуемо извратитъ тѣ отношенія, которыя должны существовать между судебными мѣстами и прокуроромъ, т.-е. административнымъ чиновникомъ, не пользующимся несмѣняемостью, ни тою независимостью, которыя, въ интересѣ правосудія, предоставлены членамъ судебныхъ мѣстъ. Къ чему ведетъ преобладаніе прокурорской власти, это всего лучше видно во Франціи, которая, сдѣлавши изъ членовъ ministère public органы централизаціи, внесенной въ самое святилище суда, представляетъ собою одинъ только отрицательный примѣръ, т.-е. такой, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя слѣдовать. Поэтому, 9 членовъ полагали, что удостовѣренія прокуроровъ о способности

кандидатовъ быть слѣдователями справедливо требовать только въ томъ случаѣ, когда эти кандидаты занимались при прокурорахъ. Но большинство 18-ти членовъ осталось при первоначальной редакціи упомянутаго выше правила. По мнѣнію ихъ, прокуроръ, по обязанности наблюденія за производствомъ слѣдствія, прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы на мѣста судебныхъ слѣдователей не были назначаемы люди съ несоотвѣтствующими этому призванію способностями; сверхъ того, удостовѣреніе двухъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ предсѣдатель и прокуроръ, доставитъ болѣе ручательствъ въ хорошемъ выборѣ. Другое разногласіе по тому же общему вопросу возникло и разрѣшилось въ обратномъ направленіи, свидѣтельствуя о безпристрастіи и осторожности составителей проекта. На основаніи 174 ст. его, назначеніе судебныхъ слѣдователей предоставлялось министру юстиціи, по представленіямъ окружныхъ судовъ. Одинъ изъ членовъ коммиссіи полагалъ, въ дополненіе къ этому постановленію, предоставить и прокурорскому надзору представлять, въ порядкѣ подчиненности, своихъ кандидатовъ на должность слѣдователя. По этому мнѣнію, характеръ установленныхъ проектомъ отношеній прокуроровъ къ лицамъ, производящимъ слѣдствія и подчиняемымъ, по этой своей обязанности, наблюденію прокурора, обусловливаетъ для него полную возможность близко познакомиться съ этими лицами и узнать степень какъ ихъ образованія и дарованій вообще, такъ и спеціальныхъ способностей къ производству слѣдствій. Собственный интересъ прокурора долженъ побуждать его къ указанію на способныхъ кандидатовъ, такъ какъ замѣщеніе слѣдовательскихъ вакансій лицами опытными и знающими свое дѣло можетъ нѣсколько облегчить лежащую на прокурорѣ тяжелую обязанность неослабно слѣдить за производствомъ слѣдствій. При постоянныхъ столкновеніяхъ съ лицами, производящими слѣдствія, и при близкомъ знакомствѣ ихъ съ слѣдственною частью, можно съ увѣренностью ожидать отъ нихъ правильной оцѣнки способностей кандидатовъ на должность слѣдователя. Но такъ какъ этотъ послѣдній считается членомъ суда, то представленіе на должность слѣдователя должно быть дѣлаемо какъ окружнымъ судомъ, такъ съ своей стороны и прокурорскимъ надзоромъ. Большинство 24 членовъ коммиссіи не приняло этого предложенія. Оно нашло, что предоставленіе прокурорамъ иниціативы въ избраніи слѣдователей, имѣло бы послѣд-

ствіемъ личное вліяніе прокуроровъ на слѣдователей, назначаемыхъ по ихъ ходатайству, нѣкоторый родъ подчиненія послѣднихъ первымъ, что могло бы заставить слѣдователей дѣйствовать согласно съ видами покровительствующихъ имъ прокуроровъ. Это воспрепятствовало бы предписанному основными положеніями отдѣленію власти обвинительной отъ судебной, ибо на судебнаго слѣдователя должно смотрѣть прежде всего, какъ на члена суда, дѣйствующаго отъ имени судебной власти, и могло бы самымъ вреднымъ образомъ отразиться въ направленіи уголовныхъ слѣдствій по личному воззрѣнію органовъ обвинительной власти. Несомнѣнно, что для прокуроровъ весьма важно, чтобы на мѣста слѣдователей были назначаемы люди, знающіе слѣдственную часть и вполнѣ благонадежные. Для этого именно и постановлено въ ст. 175 проекта, что совѣщанія общихъ собраній окружныхъ судовъ о кандидатахъ на должности слѣдователей происходятъ при участіи прокурора, который поэтому будетъ имѣть полную возможность обратить вниманіе суда на неудовлетворительность того или другого изъ избираемыхъ судомъ кандидатовъ и даже предложить суду какого-либо иного, и такимъ образомъ цѣль будетъ достигнута [1]). Государственный Совѣтъ согласился съ приведеннымъ заключеніемъ большинства, вошедшимъ и въ окончательную редакцію закона (ст. 213 учрежд. суд. установ.).

Проектъ предоставлялъ назначеніе всѣхъ чиновъ окружной прокуратуры, какъ прокурора, такъ и его товарищей власти министра юстиціи, по представленіямъ прокурора судебной палаты (ст. 180). Государственный совѣтъ возвысилъ положеніе прокуроровъ окружныхъ судовъ, опредѣливъ назначеніе ихъ Высочайшею властью, по представленіямъ министра юстиціи (ст. 221 учр. суд. уст.).

При обсужденіи правъ и преимуществъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ коммиссіи раздѣлились мнѣнія по вопросу о томъ, можно ли разрѣшить судьямъ и чинамъ прокурорскаго надзора заниматься торговлею? Семь членовъ, на основаніи столько же вѣской, сколько блестящей аргументаціи, разрѣшили этотъ вопросъ отрицательно, предлагая постановить, что судьи (исключая мировыхъ) и чины прокурорскаго надзора не могутъ заниматься торговлею или какими-либо торговыми дѣйствіями, а также ремеслами и промы-

---

[1]) *Объяснит. записка* стр. 83—86, 107—110.

слами, кромѣ хозяйственныхъ предпріятій, соединенныхъ съ владѣніемъ недвижимыми имѣніями. Большинство 21 члена не нашло возможнымъ принять этого запрещенія, признавъ однакоже, что «если судья или прокуроръ увлекутся коммерческими дѣлами, въ «ущербъ своимъ прямымъ служебнымъ обязанностямъ, то конечно, «общественное мнѣніе заклеймитъ ихъ позоромъ, а правительство «не станетъ терпѣть ихъ на службѣ» [1]).

По предмету надзора со стороны прокуроровъ за дѣйствіями судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства въ замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ юристовъ на «Основныя Положенія» были сдѣланы возраженія противъ самой мысли о такомъ надзорѣ на томъ основаніи, что права надзора можетъ имѣть только высшій надъ низшимъ и такимъ образомъ допущеніе прокурорскаго надзора за судебными мѣстами поставило бы прокуроровъ выше суда. Въ отвѣтъ на это составители проекта судопроизводства признали нужнымъ указать, что приведенное возраженіе возникло собственно по недоразумѣнію, возбужденному неопредѣлительностью употребляемыхъ у насъ въ видѣ техническаго термина словъ: *прокурорскій надзоръ*. Этому термину «Основными Положеніями» вовсе не присваивается понятіе о надзорѣ въ обширномъ смыслѣ этого слова; онъ употребленъ въ смыслѣ общей обязанности прокуроровъ наблюдать, чтобы законъ не былъ никѣмъ нарушенъ и, въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній, принимать мѣры къ ихъ возстановленію. Въ силу этой обязанности, прокуроры не могутъ оставлять безъ вниманія замѣченныхъ ими по судебному вѣдомству отступленій отъ законнаго порядка и уполномочиваются сообщать о нихъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ, или же доносить въ порядкѣ подчиненности своему начальству (ст. 222 проекта, ст. 253 учр. суд. уст.) [2]).

Наконецъ при опредѣленіи отвѣтственности лицъ прокурорскаго надзора коммиссія стремилась, соблюдая условія ихъ служебнаго положенія, гарантировать и имъ извѣстную долю независимости. По мнѣнію ея, лица эти, какъ не пользующіяся несмѣняемостью и вполнѣ зависящія отъ министра юстиціи, должны подлежать дисциплинарнымъ взысканіямъ, по собственному его усмотрѣнію, съ

[1]) *Объяснит. записка* стр. 149—155.
[2]) *Объяснит. зап.* стр. 178, 179.

тѣмъ, что на увольненіе тѣхъ изъ нихъ, которые утверждаются Высочайшею властью, министръ юстиціи испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе. Впрочемъ министру принадлежитъ право, если онъ признаетъ нужнымъ, вмѣсто наложенія на чиновъ прокурорскаго надзора дисциплинарныхъ взысканій, по личному своему усмотрѣнію, предлагать подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ о разсмотрѣніи ихъ вины въ общемъ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Что касается временнаго устраненія лицъ прокурорскаго надзора отъ должности, а также удаленія отъ нея тѣхъ, которыхъ назначеніе зависитъ непосредственно отъ министра юстиціи, то хотя наложеніе этихъ взысканій и должно быть предоставлено личному усмотрѣнію министра юстиціи, однакоже для огражденія этихъ лицъ въ преданіи ихъ столь чувствительной отвѣтственности, коммиссія признала полезнымъ постановить, что министръ юстиціи, удаляя или временно устраняя кого-либо изъ нихъ отъ должности, обязанъ объяснять о причинѣ этого, и что подвергнутые такимъ взысканіямъ имѣютъ право требовать преданія ихъ слѣдствію и суду [1]). Въ этомъ смыслѣ и были изложены ст. 236—238 проекта, измѣненныя впослѣдствіи въ Государственномъ Совѣтѣ въ теперешнюю ст. 266 учр. суд. устан., по которой наложеніе дисциплинарныхъ взысканій на лицъ прокурорскаго надзора предоставлено непосредственному усмотрѣнію министра юстиціи, съ ограниченіемъ лишь размѣра этихъ взысканій для высшихъ прокурорскихъ чиновъ.

§ **58. Проектъ гражданскаго судопроизводства.** При составленіи *проекта гражданскаго сдопроизводства* возникъ только одинъ вопросъ, касающійся прокурорскаго надзора, но обсужденіе и рѣшеніе его имѣетъ большое и принципіальное значеніе для правильнаго пониманія прокурорской дѣятельности. 11 членовъ коммиссіи возражали противъ обязательно устнаго изложенія прокуроромъ своего заключенія по гражданскому дѣлу, въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе это требуется закономъ. Они находили, что прокуроры не могутъ быть лишены права изложить свое заключеніе въ публичномъ засѣданіи суда на словахъ, но безусловное правило о томъ, что прокуроръ непремѣнно долженъ давать словесное, а не письменное заключеніе не только крайне затруднитъ пріисканіе спо-

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 199.

собныхъ людей на мѣста прокуроровъ, но и вообще можетъ встрѣтить на практикѣ значительныя неудобства. Заключеніе прокурора должно быть обдуманно и точно, а этого можно достигнуть только тогда, когда прокуроры будутъ обязаны изложить его на письмѣ. Заключенія прокурора почти всегда касаются самыхъ трудныхъ юридическихъ вопросовъ и потому не всегда могутъ быть поняты судьями, если прокуроръ не изложитъ ихъ на письмѣ. Наконецъ, заключенія эти имѣютъ важность не для одного дѣла, а вообще для направленія судебныхъ мѣстъ къ единству въ примѣненіи закона, и потому они должны быть изложены на письмѣ. Если прокуроры будутъ обязаны писать свои заключенія, которыя должны входить въ число существенныхъ актовъ дѣла и подвергаться внимательному обсужденію и изученію судей, то прокуроры будутъ употреблять всевозможныя усилія для полной и правильной разработки дѣла. Эта система будетъ способствовать развитію обдуманныхъ работъ, разъясняющихъ самые трудные юридическіе вопросы. Письменныя заключенія прокуроровъ гораздо болѣе способствуютъ установленію правильнаго воззрѣнія судей на дѣло, чѣмъ импровизированныя рѣчи. Напротивъ, словесныя заключенія не только затрудняютъ, но сдѣлаютъ невозможными подробныя изслѣдованія прокуроровъ, которыя могутъ привести къ установленію правильной судебной доктрины. Пріучая самихъ прокуроровъ къ импровизаціямъ, они лишаютъ ихъ возможности вникнуть глубоко въ истину того, что они хотятъ доказать, и способствуютъ развитію поверхностнаго взгляда на дѣло. Будучи менѣе полезны и для судей, словесныя заключенія въ большей части случаевъ не достигаютъ своей цѣли. Они, сверхъ того, утрачиваются навсегда для науки и для судебной практики, письменныя же заключенія могутъ быть собираемы въ особые сборники, для руководства къ правильному и единообразному примѣненію закона. Слову во всѣхъ важныхъ случаяхъ необходимо придать точность, опредѣлительность и неизмѣнность, т. е. дать *слову* значеніе *акта*, а таковымъ и должно быть слово прокурора. Поэтому предлагалось постановить, что въ обыкновенномъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства прокуроры даютъ заранѣе письменныя заключенія, а въ сокращенномъ словесныя въ самомъ засѣданіи суда.

Предложеніе это принято не было. Большинство 22 членовъ нашло, что въ пользу его можно привести только одинъ доводъ, а именно мо-

гутъ встрѣтиться такіе прокуроры, которые не въ состояніи дать словесное заключеніе, а могутъ только изложить его на письмѣ. Но едва ли возможно такихъ лицъ и назначать на прокурорскія мѣста. Для изложенія на словахъ своихъ мыслей не требуется ораторскаго искусства. Всякій, кто составилъ себѣ ясное понятіе о предметѣ, можетъ и на словахъ передать свои мысли. Если кто-либо выражается неясно, сбивчиво и вообще такимъ образомъ, что его невозможно понять, то это показываетъ, что онъ лишенъ даже посредственныхъ способностей, или что онъ не составилъ себѣ яснаго понятія о томъ, о чемъ говоритъ. Но неспособные прокуроры, также какъ и неспособные судьи, или прокуроры, недостаточно обдумывающіе свои заключенія, гибельны для правильнаго отправленія правосудія. Правда, у насъ вообще не много людей, привыкшихъ говорить. Но никто и не будетъ требовать отъ нашихъ будущихъ прокуроровъ тѣхъ блестящихъ рѣчей, которыя мы встрѣчаемъ во Франціи. Достаточно, если они будутъ выражаться такъ, что судьи и вообще лица, получившія юридическое образованіе, поймутъ ихъ. Впослѣдствіи же вѣроятно явится и навыкъ къ устному слову и даже краснорѣчіе. Письменное заключеніе прокурора неудобно и въ виду установляемаго проектомъ словеснаго состязанія сторонъ. Въ запутанныхъ многосложныхъ дѣлахъ никто не запрещаетъ прокурору составить на письмѣ конспектъ своего заключенія или даже написать его вполнѣ. Отъ него требуется только, чтобы въ судѣ онъ изложилъ его на словахъ. Противная этому система представляетъ слѣдующія невыгоды: 1) она даетъ возможность назначать на прокурорскія мѣста и оставлять на нихъ людей неспособныхъ; 2) она не предотвращаетъ возможности для прокуроровъ предоставлять составленіе заключенія кому-либо другому, быть можетъ даже самому тяжущемуся; 3) она будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ, что судьи вовсе не будутъ слушать чтеніе письменнаго прокурорскаго заключенія, но затѣмъ воспользуются имъ въ совѣщательной комнатѣ [1]). По приведеннымъ соображеніямъ въ уставѣ граждан. судопр. постановлено, что послѣ доклада дѣла и словеснаго состязанія тяжущихся прокуроръ излагаетъ свое заключеніе на словахъ (ст. 345 уст. гражд. суд.).

---

[1]) Объяснит. записка къ проекту устава гражд. судопр. I, стр. 245—249.

§ 59. Проектъ уголовнаго судопроизводства.—Общія начала прокурорской дѣятельности. По *проекту устава уголовнаго судопроизводства* возникли и были предметомъ подробнаго и всесторонняго обсужденія многочисленные вопросы судебно-уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора. Мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, разсмотрѣніе которыхъ рисуетъ отношеніе составителей судебныхъ уставовъ къ прокуратурѣ и взгляды, положенные ими въ ея основаніе.

Уголовныя дѣла — разсуждала коммиссія — могутъ заключать въ себѣ или нарушеніе главнѣйшимъ образомъ правъ только извѣстнаго лица, безъ особеннаго посягательства на безопасность общества, или преимущественное посягательство этого именно рода, болѣе опасное и вредное. Въ первомъ случаѣ уголовныя дѣла могутъ быть вчинаемы не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія вредъ, обиду или убытки, и прекращаются примиреніемъ, а во второмъ они начинаются безъ всякой со стороны частнаго лица жалобы, по силѣ самого закона (1 ч. XV т. Св. Зак. изд. 1857 г. улож. о нак. ст. 170) и ни въ какомъ случаѣ примиреніемъ не оканчиваются.

Въ дѣлахъ перваго рода является истцомъ частное лицо, въ дѣлахъ втораго рода—истцомъ представляется власть обвинительная, преслѣдующая преступленія *во имя закона*, и по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, врученная прокурорскому надзору. Отсюда различіе между порядкомъ преслѣдованія публичнаго, оффиціальнаго и частнаго обвиненія. Устанавливается еще третій, средній порядокъ, такъ сказать, публично-частнаго обвиненія, въ которомъ возбужденіе дѣла, хотя и не прекращаемаго примиреніемъ, всецѣло предоставлено потерпѣвшему, а дальнѣйшее веденіе преслѣдованія [1]) прокурору. Для общаго обозначенія обвинительной функціи прокурорскаго надзора въ проектѣ употребляются совмѣстно термины: преслѣдованіе и обличеніе (ст. 3 проекта); въ окончательной же редакціи они примѣняются отдѣльно, одинъ вмѣсто другого и видимо не различаются (ст. 2—5 уст. уг. суд.).

Затѣмъ, въ «общихъ положеніяхъ» проекта особою статьею вмѣнялось въ обязанность уголовнымъ судамъ и лицамъ прокурорскаго

---

[1]) Объяснит. записка къ проекту устава уголов. судопр. стр. 8, 9.

надзора наблюдать за правильностью арестованія и содержанія подъ стражей вообще (ст. 9 проекта). Постановленіе это развивалось далѣе въ особыхъ правилахъ освобожденія изъ-подъ стражи неправильно задержаннаго или водворенія нарушеннаго порядка его содержанія, съ предоставленіемъ принятія мѣръ по этому поводу каждому судьѣ и каждому прокурору въ предѣлахъ его участка или округа (ст. 387 и 389 проекта). 7 членовъ коммиссіи возражали противъ этихъ постановленій, находя, что они будутъ излишними при правахъ защиты и обжалованія, принадлежащихъ обвиняемому, и могутъ сдѣлаться источникомъ безпрерывныхъ пререканій властей. Но большинство 12 членовъ признало необходимымъ сохранить эти правила, которыя и вошли въ уставъ угол. судопр. (ст. 10 и 11), безъ общаго, однакоже, указанія на обязанность судовъ и прокурорскаго надзора вообще наблюдать за исполненіемъ законнаго порядка при задержаніи и самомъ содержаніи подъ стражей. По смыслу соображеній, на которыхъ основаны эти постановленія, полномочія судей и прокуроровъ контролировать правильность ареста распространяется не только на судебныя дѣла, но и на распоряженія административныхъ мѣстъ и лицъ. Это единственное проявленіе надзора въ административной дѣятельности, оставленное Судебными Уставами за новой прокуратурой [1]).

По вопросу объ участіи прокурора въ дѣлахъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, коммиссія единогласно признала пользу и необходимость для всесторонняго и правильнаго разсмотрѣнія этихъ дѣлъ предъявленія товарищемъ прокурора заключенія, при разрѣшеніи ихъ во второй инстанціи мироваго суда, въ съѣздѣ мировыхъ судей. Но 12 членовъ полагали, что кругъ подобныхъ дѣлъ слѣдуетъ ограничить производящимися въ порядкѣ оффиціальнаго обвиненія; по дѣламъ же частнымъ не нужно давать мировымъ судьямъ еще особаго руководителя въ лицѣ товарища прокурора и кромѣ того, при его участіи въ съѣздѣ, противъ обвиняемаго будутъ два обвинителя, частный и публичный. Большинство (21 членъ) не убѣдилось этими соображеніями. Если мировые судьи по большей части не будутъ и не могутъ быть юристами, то желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы всякій недовольный приговоромъ мироваго судьи могъ приносить отзывъ

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 199—203.

такому собранію, которое въ средѣ своей имѣло бы хотя одно лицо, свѣдующее въ законахъ. Даже англійскіе мировые съѣзды, послужившіе для нашихъ первообразомъ, всегда имѣютъ юриста-предсѣдателя (*chairman*) и кромѣ того юриста-секретаря (*clerk of the peace*), обязанность котораго заключается главнымъ образомъ въ разъясненіи съѣзду встрѣчающихся спорныхъ юридическихъ вопросовъ. Заключеніе товарища прокурора для съѣзда нисколько не обязательно, но важно въ томъ отношеніи, что мировые судьи, рѣшающіе дѣло, будутъ имѣть въ виду объясненія лица, знакомаго съ законами и судейской практикой. Далѣе, товарищъ прокурора вовсе не долженъ быть обвинителемъ въ съѣздѣ мировыхъ судей. Обвиненіе не есть вовсе исключительное призваніе товарища прокурора и даже не поставляется на первомъ планѣ его обязанностей. При развитіи этой мысли въ проектѣ и для избѣжанія зла, столь часто встрѣчаемаго во Франціи, единогласно признано необходимымъ, чтобы прокуроръ, даже являющійся въ качествѣ обвинителя, не былъ имъ во чтобы то ни стало и имѣлъ не только право, но и обязанность отказаться отъ обвиненія, когда оно противно его убѣжденію или опровергается представленными на судѣ доказательствами. Если возможность подобнаго безпристрастія допускается въ прокурорѣ, начавшемъ дѣло и преслѣдующемъ его передъ судомъ, то почему же предполагать, что лицо постороннее обвиненію и котораго самолюбіе вовсе не затронуто, непремѣнно будетъ настаивать на томъ, чтобы не заслужившій наказанія подсудимый былъ наказанъ по всей строгости закона? Напротивъ, слѣдуетъ полагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинителемъ явится на съѣздѣ лицо вліятельное или имѣющее ловкаго и свѣдующаго повѣреннаго, а подсудимый не въ состояніи будетъ представить удовлетворительной защиты, товарищъ прокурора всегда сочтетъ долгомъ обратить вниманіе съѣзда на всѣ обстоятельства, оправдывающія подсудимаго или уменьшающія его вину. Въ виду всего этого заключеніе товарища прокурора въ съѣздѣ мировыхъ судей было предписано для всѣхъ вообще уголовныхъ дѣлъ (ст. 129 проекта и ст. 166 уст. уг. суд.) [1]).

§ **60. Проектъ уголовнаго судопроизводства.—Предварительное изслѣдованіе преступленій.** Опредѣленіе правъ и обязанностей про-

[1]) *Объяснит. записка* стр. 84—90.

курора по предварительному изслѣдованію преступленій вызвало въ коммиссіи особенно оживленный и пространный обмѣнъ мнѣній. Три члена ея, озабочиваясь возможно болѣе послѣдовательнымъ проведеніемъ отдѣленія обвинительной власти отъ судебной и вообще обвинительнаго начала процесса, находили, что по общему правилу всѣ свѣдѣнія полиціи о происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, должны поступать къ прокурору, который, разсмотрѣвъ ихъ, обязанъ опредѣлить, есть ли поводъ къ возбужденію дѣла и привлеченію кого-либо къ слѣдствію, и затѣмъ уже передать слѣдователю свои соображенія по этому предмету. Только въ видѣ исключенія при нашихъ разстояніяхъ и сообщеніяхъ, когда прокурора нѣтъ на мѣстѣ, полиція можетъ передавать свои свѣдѣнія и дознанія непосредственно судебному слѣдователю.

Большинство (17 членовъ), не принимая этого порядка, указали, что «Основными Положеніями» обвинительная власть отдѣлена отъ судебной только при разсмотрѣніи дѣла на судѣ, а не при слѣдствіи, къ которому слѣдователь приступаетъ не только по требованію прокурора, но и по другимъ поводамъ. По «Основнымъ Положеніямъ» судебные слѣдователи имѣютъ своеобразный характеръ и составляютъ какъ бы среднее звено между обвинительною и судебною властью. Поэтому, а также и по цѣлому ряду соображеній практическаго удобства, полиція должна передавать свои свѣдѣнія и дознанія прямо слѣдователю, лишь извѣщая объ этомъ прокурора (ст. 217 проекта, ст. 255 уст. уголов. суд. [1]).

Въ противоположность отдаленному и на практикѣ случайному и фиктивному надзору прокуроровъ и стряпчихъ, надзоръ новой прокуратуры за производствомъ слѣдствія долженъ быть, по мысли составителей Уставовъ, постоянный и дѣйствительный. Для этого онъ снабжается всѣми возможными при нашихъ условіяхъ средствами, въ число которыхъ не признано возможнымъ включить истребованіе къ себѣ прокуратурой слѣдственнаго производства. Кромѣ замедленія въ ходѣ его, это повело бы къ превращенію прокурорскаго наблюденія за слѣдствіемъ въ чисто канцелярское. Поэтому допущено лишь разсмотрѣніе прокуроромъ слѣдственна-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 131—133.

го производства во всякое время на мѣстѣ у слѣдователя и присутствіе прокурора при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ [1]).

По важному общему вопросу объ отношеніяхъ слѣдователя къ прокурору мѣриломъ разрѣшенія служатъ два частныхъ вопроса о томъ: 1) насколько обязательны для слѣдователя прокурорскія предложенія о производствѣ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій? и 2) какъ долженъ поступать слѣдователь, если онъ находитъ такое предложеніе не подлежащимъ исполненію? Первый изъ этихъ вопросовъ не возбудилъ сомнѣній и былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что слѣдователь обязанъ исполнять только законныя требованія прокурора, т. е. предложенія, основанныя на законѣ или съ нимъ согласныя (ст. 240 проекта и ст. 281 уст. уг. суд.). Но по второму вопросу возникло весьма существенное разногласіе.

Согласно съ мнѣніемъ большинства коммиссіи (14 членовъ), въ проектъ вошло постановленіе о томъ, что «если судебный слѣдо-«ватель признаетъ требованіе прокурора неимѣющимъ надлежащаго «основанія, то, не исполняя его, представляетъ о томъ на усмотрѣ-«ніе суда» (ст. 241 проекта). Рядъ аргументовъ, приведенныхъ въ пользу этого правила, носитъ не только положительный, но и отрицательный характеръ, въ видѣ отвѣтовъ на сдѣланныя противъ нихъ возраженія. Редакторы Уставовъ какъ бы предвидѣли, какое жгучее значеніе будетъ имѣть впослѣдствіи этотъ вопросъ для практики и сосуществованія обоихъ институтовъ, слѣдователей и прокуроровъ. Какъ органъ *судебной* власти, слѣдователь долженъ быть независимъ отъ прокурора, органа отдѣльной *обвинительной* власти. Слѣдователь долженъ имѣть право взвѣшивать необходимость дѣйствій, требуемыхъ отъ него прокуроромъ; все слѣдствіе поручено ему и отъ него должно зависѣть, какъ избраніе средствъ, нужныхъ для открытія истины, такъ и представленіе суду объ отклоненіи тѣхъ изъ нихъ, которыя, по мнѣнію его, притѣснительны и безполезны. Иначе произойдетъ смѣшеніе слѣдственно-судебной функціи съ обвинительною и превращеніе слѣдователей въ слѣпое орудіе органовъ этой послѣдней. Возражаютъ, что при системѣ проекта прокуроръ подчиняется слѣдователю. Нисколько, каждый изъ нихъ сохраняетъ свою независимость, но разногласія между ними разрѣшаются судомъ. Опасаются ихъ пререканій, но разрѣшать ихъ подчиненіемъ

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 150.

слѣдователя прокурору значитъ не распутывать, а разсѣкать гордіевъ узелъ. Да и всякія пререканія устраняются отвѣтственностью слѣдователя за своевольное неисполненіе правильныхъ прокурорскихъ требованій. Проектированное правило не есть заимствованіе изъ одной Франціи, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, а имѣется и во всѣхъ извѣстныхъ законодательствахъ, устанавливающихъ особую обвинительную власть. Слѣпое подражаніе другимъ государствамъ, безъ соображенія съ потребностями нашего отечества, было бы конечно вредно. Но, заимствуя у народовъ болѣе образованныхъ общія формы суда, возможно ли отступать отъ принятаго всюду кореннаго начала независимости судебной власти отъ обвинительной, и, несмотря на всеобщій голосъ противъ огромнаго значенія послѣдней въ нѣкоторыхъ странахъ, создать у насъ прокуратуру съ большими даже правами, нежели французскій *ministère public?* Если даже наши судебные слѣдователи и не могутъ быть приравниваемы къ французскимъ слѣдователямъ—судьямъ, то во всякомъ случаѣ практической опытности можно скорѣе ожидать отъ лица, постоянно производящаго слѣдствія, чѣмъ отъ прокурора, только возбуждающаго и производящаго преслѣдованіе передъ судомъ. При обращеніи слѣдователей въ подчиненныхъ прокурорамъ чиновниковъ у насъ никогда не будетъ настоящихъ судебныхъ слѣдователей. Наконецъ, еще неизвѣстно, каковы будутъ у насъ прокуроры и въ особенности низшее звено обвинительной власти,—состоящіе въ уѣздахъ товарищи прокуроровъ, съ которыми слѣдователи и будутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Приведенные доводы не поколебали иного мнѣнія меньшинства (6 членовъ). Чтобы обвинительная власть, ввѣренная прокурорамъ, имѣла надлежащее значеніе—доказывали оппоненты—необходимо, чтобы требованія ея пользовались должнымъ уваженіемъ. Если предоставить слѣдователю, въ каждомъ случаѣ несогласія его съ прокуроромъ, оставлять предложенія его безъ исполненія, сообщая только о томъ на усмотрѣніе суда, то въ существѣ предоставленный прокурорамъ надзоръ за производствомъ слѣдствій превратится въ надзоръ слѣдователей за дѣйствіями обвинительной власти, несовмѣстимый ни съ обязанностями первыхъ, ни съ достоинствомъ послѣдней. Подкрѣпивъ свою мысль примѣрами, меньшинство находило, что, если предоставить слѣдователю, по собственному усмотрѣнію, отказывать въ исполненіи требованій прокурора, то нельзя не опасаться

возникновенія между этими лицами частыхъ пререканій и столкновеній, которыя расплодятъ переписку, безъ всякой пользы для правосудія, усложнятъ производство и затруднятъ всѣхъ: слѣдователя, прокурора и судъ, а главное—будутъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ несвоевременность слѣдственныхъ дѣйствій и утрату слѣдовъ преступленія. Французскіе порядки не могутъ въ этомъ отношеніи служить образцомъ уже по одному тому, что съ одной стороны во Франціи прокуроры имѣютъ непредоставляемое нашимъ право въ извѣстныхъ случаяхъ непосредственно производить слѣдственныя дѣйствія, а съ другой—что французскіе слѣдственные судьи назначаются на срокъ изъ старшихъ членовъ суда, имѣющихъ долголѣтнюю судебную опытность и не перестающихъ оставаться въ составѣ суда, у насъ же ничего подобнаго не предполагается и—можно было бы прибавить—еще неизвѣстно, каковы будутъ наши слѣдователи при огромныхъ пространствахъ, въ глуши и въ фактическомъ разобщеніи отъ судовъ, которыхъ они лишь номинально считаются младшими членами. У насъ—заключало меньшинство—между слѣдователемъ и прокуроромъ должны быть болѣе простыя и сообразныя съ мѣстными условіями Россіи отношенія, которыя установятся весьма легко, если обязать слѣдователя о встрѣченныхъ имъ препятствіяхъ къ выполненію требованій прокурора поставлять его въ извѣстность и ожидать его разрѣшенія, а при дальнѣйшемъ настояніи прокурора приступить къ исполненію его требованія, съ правомъ представить случай, подавшій поводъ къ разномыслію, на усмотрѣніе суда. Впрочемъ и это послѣднее право, по точному смыслу «Основныхъ Положеній» (ст. 50—52) принадлежитъ слѣдователю только относительно предложеній прокурора о взятіи подъ стражу. Какъ бы то ни было, при опредѣленіи въ указанномъ смыслѣ отношеній прокурора къ слѣдователю, обвинительной власти будутъ даны необходимые способы къ ея дѣйствію, слѣдователь и прокуроръ не будутъ поставлены во взаимно-враждебное положеніе, и возможность пререканій устранится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они происходятъ не изъ различныхъ взглядовъ на предметъ изслѣдованія, а изъ недоразумѣнія. Наконецъ, судъ освободится отъ обсужденія большей части этихъ вопросовъ и тѣмъ будетъ поставленъ въ возможность посвятить болѣе времени прямому отправленію правосудія [1]).

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 150—156.

Съ такими соображеніями меньшинства согласился и Государственный Совѣтъ, ограничившій право слѣдователя, встрѣчающаго препятствіе въ исполненіи прокурорскаго требованія, весьма тѣсными предѣлами: увѣдомленіемъ о препятствіи прокурора, предъявившаго требованія, съ выжиданіемъ его разрѣшенія и представленіемъ разномыслія на усмотрѣніе суда только по вопросу о заарестованіи [1]) (ст. 282 и 285 уст. уг. суд.).

Опредѣляя отношенія прокурора къ полиціи по производству дознаній и вообще исполненію требованій судебной власти, коммиссія остановилась на вопросѣ о томъ, чѣмъ именно должна быть охраняема установленная «Основными Положеніями» непосредственная зависимость чиновъ полиціи отъ прокурорскаго надзора (ст. 36 Осн. полож. уголов. судопр.)? При этомъ коммиссія нашла, что главная причина множества жалобъ, которыя полиція возбуждаетъ своими дѣйствіями по судебной части, заключается преимущественно въ ея безотвѣтственности; послѣдняя же въ свою очередь происходитъ отъ того, что взысканіямъ за проступки полицейскіе чины подвергаются не иначе, какъ по усмотрѣнію той административной власти, которой они непосредственно подчинены. При дѣйствіи постановленій Свода 1857 г. предписанія и требованія судебныхъ мѣстъ и лицъ исполнялись полицейскими чинами съ крайнею небрежностью, а когда судьи и слѣдователи обращались за понужденіями или съ требованіями взысканія къ прямому начальству полиціи, то въ большей части случаевъ, такія требованія оставались безъ удовлетворенія, потому что прямое начальство полиціи, мало интересовавшееся ходомъ дѣла, ему посторонняго, заботилось лишь о томъ, чтобы его административныя распоряженія приводились въ исполненіе. Понимая это, чины полиціи дѣлали только то, что интересовало ихъ начальство, которое, находя въ нихъ быстрыхъ и точныхъ исполнителей своихъ велѣній, не только не заботилось о томъ, чтобы понуждать ихъ къ исполненію судебно-полицейскихъ обязанностей, но часто какого-нибудь полицейскаго чиновника, особенно распорядительнаго по части административной, покрывало своимъ расположеніемъ, несмотря на совершенное запущеніе имъ слѣдственнаго дѣла. Успѣхъ же этого послѣдняго почти всегда обусловливается большимъ или

---

[1]) *Суд. Уст. изд. госуд. канц.* т. II, стр. 123 къ ст. 282.

меньшимъ содѣйствіемъ полиціи, которая первая приступаетъ къ крозыску и изслѣдованію, и если она останется въ прежнихъ отношеніяхъ къ судебной власти, то сколько бы ни были ясно начертаны ея права и обязанности по производству слѣдствій, содѣйствіе ея слѣдственному дѣлу будетъ отмѣчено тѣмъ же произволомъ и сопровождаться тѣми же пререканіями между властями. Устранить это ненормальное и вредное положеніе, по мнѣнію коммиссіи, возможно лишь тогда, когда наложеніе дисциплинарныхъ взысканій на полицейскихъ чиновъ и преданіе ихъ суду за слѣдственныя упущенія будетъ зависѣть непосредственно отъ судебной власти. Противъ этого возражаютъ, и не безъ нѣкотораго основанія, что, состоя подъ двумя начальствами, полиція всегда будетъ исполнять предпочтительно распоряженія того изъ нихъ, которое имѣетъ болѣе надъ нею власти, потому что неисполнительность ея обусловливается прежде всего невозможностью сдѣлать все то, что налагаетъ на нее законъ. Но когда отъ полиціи отойдетъ производство слѣдствій, судъ по маловажнымъ проступкамъ и исполненіе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, она уже не будетъ такъ обременена занятіями, и остающіяся за нею судебно-полицейскія обязанности должны стать на первомъ планѣ ея служебной дѣятельности [1]). Въ этихъ видахъ коммиссія полагала постановить, что если полицейскіе чины, по производству дознаній или возложенныхъ на нихъ порученій, допустятъ безпорядки или сдѣлаютъ упущенія, то прокуроръ, смотря по важности таковыхъ, или только предостерегаетъ неисправныя лица, или предлагаетъ суду о наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, или же даетъ предложеніе о преданіи ихъ суду. Если въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ обвиняются не нижніе чины, а чиновники полиціи, то о преданіи ихъ суду мѣстный прокуроръ окружнаго суда представляетъ на усмотрѣніе прокурора судебной палаты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ какъ дисциплинарное взысканіе, такъ и преданіе суду полицейскихъ чиновъ исходитъ отъ судебной власти, безъ всякаго участія административнаго начальства, которое лишь извѣщается о принятыхъ мѣрахъ (ст. 431—434 проекта).

Приведенныя предположенія встрѣтили рѣшительное возраженіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ своихъ за-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 221—223.

мѣчаніяхъ на проектъ, министръ указалъ, что проектируемый порядокъ равносиленъ не зависимости, а полному подчиненію полиціи не только прокурору, но и вообще всему судебному вѣдомству. Такое подчиненіе полиціи, нарушая коренной законъ, по которому опредѣленіе дисциплинарной или судебно-уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ предоставлено назначающей ихъ власти, легко можетъ поставить полицейскіе чины въ безвыходное положеніе между исполненіемъ приказаній непосредственнаго начальства и требованіями судебныхъ мѣстъ. На практикѣ можетъ случиться, что полиція въ одно и тоже время получитъ срочныя порученія и отъ судебной, и отъ административной власти. Если она не исполнитъ одного, то ее предаетъ суду прокуроръ, если же не исполнитъ другого, то съ нея взыщетъ губернаторъ. Это можетъ до такой степени затруднить полицейскую службу, что отъ нея станутъ уклоняться всѣ лучшіе и сколько-нибудь уважающіе себя чиновники изъ опасенія подчинить себя разностороннимъ взглядамъ и подвергаться взысканіямъ по усмотрѣнію каждаго вѣдомства. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ необходимымъ постановить, что прокуроры имѣютъ лишь право дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, дальнѣйшая же и болѣе строгая ихъ отвѣтственность можетъ состояться не иначе, какъ по предварительномъ о томъ сношеніи прокурора съ подлежащимъ административнымъ начальствомъ [1]). Государственный Совѣтъ, стараясь примирить оба крайнія воззрѣнія коммиссіи и министерства внутреннихъ дѣлъ, склонился къ тому среднему порядку, который и опредѣленъ уставомъ уголови. судопр. и по которому полицейскіе чины, за упущенія и безпорядки по слѣдственной части, подвергаются предостереженіямъ непосредственно со стороны прокуроровъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ въ ограниченныхъ предѣлахъ—со стороны суда, по предложенію прокурора, а преданію уголовному суду—исключительно по распоряженію своего начальства, по сношенію съ нимъ прокурорскаго надзора (ст. 485—488 уст. угол. судопр.).

По проекту, при предварительномъ слѣдствіи допускались въ извѣстныхъ границахъ защита обвиняемаго и гласность производства (ст. 252—259 проекта). При обсужденіи проекта въ Госу-

[1]) Замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ, стр. 23 и 24.

дарственномъ Совѣтѣ оба эти предположенія отвергнуты. Къ отклоненію перваго изъ нихъ послужили, между прочимъ, слѣдующія два основанія: 1) на судѣ, гдѣ дѣйствуетъ особый обвинитель, ему противопоставляется защитникъ обвиняемаго, но при предварительномъ слѣдствіи весьма трудно поставить такого защитника въ надлежащія границы и нельзя не опасаться, что онъ сочтетъ своею обязанностію противодѣйствовать собранію обличительныхъ доказательствъ и способствовать обвиняемому въ сокрытіи слѣдовъ преступленія; 2) прокуроръ при слѣдствіи не является исключительно обвинителемъ, а есть прежде всего и больше всего представитель закона, который требуетъ всесторонняго и безпристрастнаго разъясненія дѣла, какъ съ точки зрѣнія предполагаемаго преступленія или виновности, такъ и со стороны всѣхъ могущихъ быть представленными доказательствъ невинности. Если бы прокуроръ впалъ при исполненіи своихъ обязанностей по слѣдствію въ односторонне-обвинительное направленіе, то достаточнымъ отпоромъ противъ его увлеченія можетъ служить власть слѣдователя, которому вмѣняется въ непремѣнный долгъ чисто-судейское безпристрастіе при изслѣдованіи (ст. 227 проекта и 265 уст. уг. суд.) [1]).

§ 61. Проектъ уголовнаго судопроизводства. — Преданіе суду. Періодъ движенія и направленія слѣдствія, отъ его окончанія и до внесенія въ надлежащее судебное мѣсто къ разсмотрѣнію по существу, а также и относящійся къ этому періоду особый обрядъ преданія суду вызвали сужденія по цѣлому ряду основныхъ вопросовъ о дѣйствіяхъ прокуратуры.

Предварительное слѣдствіе, по его окончаніи, поступаетъ на разсмотрѣніе прокурора. Но, будучи государственнымъ обвинителемъ, долженъ ли онъ разсматривать слѣдствіе только съ исключительною цѣлью обвиненія? По этому вопросу коммиссія нашла, что по точному смыслу «Основныхъ Положеній» на прокурорѣ лежитъ не одна обязанность быть обвинителемъ, но также и другая—быть блюстителемъ закона. Обѣ эти обязанности онъ одновременно осуществляетъ во всей своей дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ. Опредѣляя власть и образъ дѣйствія прокурора при разсмотрѣніи слѣдствій, коммиссія старалась сохранить этотъ двой-

[1]) *Журналъ Госуд. Совѣта* 1864 г. № 47 стр. 32 и друг.

ственный характеръ его дѣятельности и притомъ такъ, чтобы обѣ обязанности, обвинителя и блюстителя закона, шли рука объ руку [1]).

Опредѣленіе порядка преданія суду и участія прокурора въ этомъ обрядѣ послужило предметомъ крупнаго разномыслія между членами коммиссіи. Въ составѣ ея образовалось три различныхъ мнѣнія, которыя не могли быть соглашены. По одному изъ нихъ (3 члена), въ видахъ возможнаго соединенія гарантій личной свободы и правъ обвиняемаго съ быстротою и удобствомъ въ разсмотрѣніи и движеніи дѣлъ, обвинительные акты, составленные прокуроромъ по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, объявляются обвиняемымъ, которые въ теченіе 7 дней по врученіи имъ копіи съ актовъ могутъ обжаловать ихъ передъ судебною палатою. Такія жалобы могутъ относиться только къ одному изъ слѣдующихъ трехъ предметовъ: 1) къ неточному изложенію въ актѣ обстоятельствъ дѣла, 2) къ неучиненію при слѣдствіи по указаніямъ обвиняемаго надлежащихъ изысканій и 3) къ непринятію во вниманіе законныхъ причинъ, по которымъ дѣло должно быть прекращено, пріостановлено или соединено съ другимъ дѣломъ. Въ случаѣ необжалованія обвинительнаго акта, дѣло вносится непосредственно въ окружный судъ для судебнаго разсмотрѣнія.

Возражая противъ изложеннаго предположенія, другое мнѣніе (14 членовъ) останавливается на важности акта преданія суду и на необходимости для огражденія его отъ ошибокъ, увлеченія или злоупотребленій, поставить его внѣ зависимости, какъ отъ усмотрѣнія прокурора-обвинителя, такъ и отъ воли и желанія отдѣльной личности обвиняемаго. Представители этого мнѣнія исходятъ изъ того, что по «Основнымъ Положеніямъ» обвиняемый становится на судъ не прежде, какъ по удостовѣреніи въ установленномъ порядкѣ, что обвиненіе, на него взводимое, не лишено основанія. Подобное удостовѣреніе предоставляется въ силу самого закона по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, судебной палатѣ и лишь какъ исключеніе, по дѣламъ менѣе важнымъ, прокуроръ можетъ своею властью призвать обвиняемаго въ судъ безъ участія присяжныхъ. Исключеніе это, вызванное соображеніями, основанными на большей успѣшности и быстротѣ дѣлопроизводства, оправдывается только тѣмъ, что касается ма-

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 229, 230.

ловажныхъ дѣлъ. Распространенное на болѣе важныя дѣла, касающіяся чести и свободы гражданъ, оно дало бы прокурорамъ право безотчетно, по одноличному своему усмотрѣнію, возбуждать и прекращать самыя тяжкія обвиненія, а общество лишило бы по этимъ обвиненіямъ существенной, въ формѣ обряда преданія суду, гарантіи отъ легкомысленнаго привлеченія къ судебной отвѣтственности. Подобное расширеніе предѣловъ власти прокурора было бы противно и тому началу, по которому предоставляется прокурору власть возбужденія и преслѣдованія преступленій, безъ уполномочія его на произвольное распоряженіе этимъ преслѣдованіемъ, безъ отдачи ему уголовнаго иска въ полную собственность, и тому соображенію, что по болѣе важнымъ дѣламъ рѣшеніе вопроса, есть ли достаточныя улики, чтобы посадить человѣка на позорную скамью обвиняемыхъ, общество можетъ и должно ожидать не отъ обвинителя и стороны, но отъ безпристрастной камеры обвиненія. Наконецъ, подобное расширеніе прокурорской власти было бы опасно, потому что какъ бы ни хорошъ былъ выборъ прокуроровъ, но онъ палъ бы на людей; ложный стыдъ, самолюбіе людское помѣшаютъ сознаться въ сдѣланной ошибкѣ, не дозволятъ обвинителю прекратить легкомысленно начатое преслѣдованіе, побудятъ его продолжать неосновательное обвиненіе. По этимъ соображеніямъ и придерживаясь точнаго смысла «Основныхъ Положеній», 14 членовъ коммиссіи полагали, сохранивъ право прокурора на непосредственное внесеніе въ судъ обвинительныхъ актовъ по дѣламъ, не подлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ, разсмотрѣніе обвинительныхъ актовъ и преданіе суду по всѣмъ остальнымъ дѣламъ возложить на такъ называемую обвинительную камеру судебной палаты. Третье мнѣніе, большинства 15 членовъ, принятое и въ проектѣ (ст. 470—473 проекта), также находило, что преданіе суду составляетъ одно изъ существенныхъ обезпеченій для подсудимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавало, что оно особенно важно лишь въ такихъ случаяхъ, когда улики, собранныя противъ подсудимаго, неясны и недостаточны. Въ этихъ случаяхъ обсужденіе данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ, преданіе обвиняемаго суду или освобожденіе его отъ онаго не можетъ быть отдано въ руки одного прокурора, который, несмотря на все стараніе придать себѣ спокойный и безстрастный характеръ, уже по самому существу своей обязанности,

долженъ склоняться скорѣе къ обвиненію подсудимаго, нежели къ его оправданію. Поэтому, по мнѣнію большинства, необходимо, чтобы въ такихъ самостоятельныхъ случаяхъ слѣдствіе и обвинительный актъ прокурора разсматривались въ судебной палатѣ, какъ мѣстѣ, совершенно стороннемъ дѣлу и потому болѣе безпристрастномъ къ подсудимому. Но въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ противъ обвиняемаго есть положительныя и явныя улики, при которыхъ преданіе его суду сомнѣнію подлежать не можетъ, передача каждаго дѣла на разсмотрѣніе палаты составляли бы совершенно не нужную и замедляющую дѣло формальность, отяготительную для подсудимаго и обременительную для общества и самого суда. Во избѣжаніе этого предполагалось предоставить прокурору вносить прямо въ судъ, наравнѣ съ обвинительными актами по дѣламъ, неподлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ, и акты по тѣмъ изъ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, по которымъ есть явныя доказательства противъ подсудимаго, какъ то: свидѣтельскія показанія, письменныя доказательства или собственное его сознаніе (ст. 470 проекта). За исключеніемъ же этихъ случаевъ, обвинительный актъ вносится прокуроромъ на разсмотрѣніе и утвержденіе палаты, и одновременно съ этимъ копія съ акта сообщается обвиняемому, который можетъ представить палатѣ свои возраженія по содержанію обвиненія [1]) (ст. 472 и 473 проекта). Государственный Совѣтъ согласился съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ 14 членовъ коммиссіи, которое и вошло въ уставъ угол. судопр. (ст. 523 уст. уг. суд.).

При перечисленіи предметовъ обязательнаго содержанія обвинительнаго акта, коммиссія предполагала постановить, что предметы эти означаются въ немъ «подъ условіемъ его недѣйствительности». (ст. 467 проекта). Въ окончательной редакціи закона эта оговорка подверглась исключенію (ст. 520 у. у. с.). 11 членовъ коммиссіи предлагали въ число такихъ предметовъ, формально обязательныхъ для обвинительнаго акта, включить и указаніе причинъ невмѣняемости, если онѣ имѣются въ виду, но не такого рода, что могли бы обусловить прекращеніе дѣла, безъ судебнаго его разсмотрѣнія, а по опредѣленію обвинительной камеры (напр. припадка умоизступленія, непреодолимой силы принужденія, необходимой обороны и проч.). По

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 231—241.

мотивамъ этого мнѣнія, желательно было бы такимъ правиломъ поставить прокурора не въ положеніе обвинителя, обязаннаго преслѣдовать во чтобы то ни стало, но сохранить за нимъ характеръ безпристрастнаго блюстителя правосудія. Отвергая упомянутое предложеніе, большинство (20 членовъ) коммиссіи нашло, что обязать прокурора означать въ обвинительномъ актѣ причины невмѣняемости значило бы возложить на прокурора такую обязанность, которой онъ не имѣлъ бы способа исполнить, и которая была бы несовмѣстна съ его положеніемъ, ставя его въ необходимость приводить въ пользу подсудимаго такія средства защиты, которыми самъ онъ можетъ быть и не воспользовался бы на судѣ [1]).

Затѣмъ, по вопросу о томъ, стѣсняются ли судебныя мѣста предложеніями прокуроровъ о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія, коммиссія признала, что обвинительные акты, вносимые прокуроромъ непосредственно въ судъ, этотъ послѣдній обязанъ принять, опредѣляя только порядокъ дальнѣйшаго производства и не имѣя права возбудить преслѣдованія противъ лицъ, не привлеченныхъ къ отвѣтственности. Противный этому образъ дѣйствій былъ бы присвоеніемъ суду непринадлежащей ему обвинительной власти; окружному суду не можетъ быть дано право заставить прокурора обвинять лицо, которое онъ считаетъ невиннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и дозволить составленіе обвинительнаго акта тому самому суду, на разсмотрѣніе котораго этотъ актъ поступаетъ. Въ совершенно иномъ положеніи находится обвинительная камера судебной палаты, въ которой сосредоточивается «верховная «власть по преслѣдованію преступленій». Прямымъ послѣдствіемъ такого ея положенія является право ея поручать прокурорамъ распространять обвиненіе на такія лица или дѣйствія, которыя прокуроромъ оставлены безъ преслѣдованія. Такимъ образомъ палата, въ качествѣ камеры обвиненія, будетъ имѣть косвенный и небезполезный надзоръ за дѣйствіями обвинительной власти прокуроровъ по возбужденію и веденію уголовныхъ исковъ. Но само собою разумѣется, что если прокуроры и обязаны исполнять такія порученія судебной палаты, то въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ по преслѣдованію они вовсе не стѣснены, т. е. нисколько не обязаны

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 242—245.

поддерживать на судѣ обвиненіе и вообще отступать отъ собственнаго по дѣлу убѣжденія [1]).

По проекту исправленіе обвинительныхъ актовъ или составленіе новыхъ по опредѣленію и указаніямъ судебной палаты возлагались на состоящаго при ней прокурора, со внесеніемъ такихъ исправленныхъ или вновь составленныхъ актовъ снова на утвержденіе палаты (ст. 485 и 487 проекта). Постановленіе это, какъ усложнявшее безъ надобности дѣло преданія суду вообще и обязанность прокурора палаты въ частности, встрѣтило возраженіе со стороны министра юстиціи и было замѣнено въ редакціи закона правиломъ о составленіи палатою въ подобныхъ случаяхъ собственныхъ опредѣленій взамѣнъ обвинительнаго акта (ст. 537 у. у. с.).

По вопросу о преданіи судебною палатою суду такихъ лицъ, которыхъ прокуроръ полагалъ освободить отъ преслѣдованія, коммиссія вошла въ разсужденіе о томъ, какъ совмѣстить въ лицахъ прокурорскаго надзора начало іерархическаго подчиненія съ началомъ свободы дѣйствій по совѣсти и убѣжденію. Вся сила прокурорскаго учрежденія заключается въ его единствѣ, а единство его должно состоять въ томъ, чтобы всѣ органы прокурорскаго надзора дѣйствовали согласно между собою и нераздѣльно. Изъ этого принципа можно вывести заключеніе, что низшіе органы надзора должны дѣйствовать по указаніямъ и руководству высшихъ, такъ, чтобы все учрежденіе представлялось какъ нѣчто цѣлое и единое, но не слѣдуетъ заключать, чтобы эти низшія органы обязаны были слѣпымъ повиновеніемъ не только въ отношеніи къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ по возбужденію уголовныхъ исковъ или же ихъ преслѣдованію, но даже и въ отношеніи предъявленія заключеній своихъ къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ, т. е. въ отношеніи къ такимъ ихъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ должно быть предоставлено вполнѣ ихъ личному убѣжденію. Только съ сохраненіемъ за представителями прокурорскаго надзора свободы дѣйствія по совѣсти и убѣжденію, можно ожидать, что учрежденіе это будетъ сильнымъ и удовлетворитъ своему двоякому призванію быть и обвинителемъ и блюстителемъ закона. Съ этой точки зрѣнія и постановлено, что прокуроръ палаты не можетъ принудить мѣстнаго прокурора поддерживать обви-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 248—249.

неніе противъ такого подсудимаго, преданнаго палатою суду, о которомъ прокуроръ окружнаго суда полагалъ прекратить дѣло, а долженъ или принять это обвиненіе на себя или поручить его кому-либо изъ другихъ прокурорскихъ чиновъ [1]) (ст. 488 проекта и ст. 539 у. у. с.).

§ 62. **Проектъ уголовнаго судопроизводства.—Судебное разсмотрѣніе и послѣдующія стадіи процесса.** Періодъ судебнаго разсмотрѣнія уголовнаго дѣла по существу въ общихъ судебныхъ установленіяхъ вызвалъ принципіальныя разсужденія главнымъ образомъ по тремъ вопросамъ прокурорской дѣятельности: 1) о вызовѣ въ судъ свидѣтелей по требованію прокурора; 2) о правѣ прокурора отводить судей и присяжныхъ, и 3) о содержаніи и характерѣ обвинительной рѣчи прокурора.

По *первому* изъ этихъ вопросовъ коммиссія нашла, что безусловное уравненіе правъ прокурора и подсудимаго на вызовъ свидѣтелей невозможно по той причинѣ, что отношенія ихъ къ дѣлу не во всемъ между собою сходны. Прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго осужденіе невиннаго еще болѣе противно, чѣмъ оправданіе виновнаго. Поэтому цѣлью всѣхъ дѣйствій прокурора должно быть не обвиненіе, но исключительно раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла, въ виновности или невинности подсудимаго. Правда, прокуроръ является на судъ какъ обвинитель, но онъ составляетъ обвинительный актъ и поддерживаетъ во время судебнаго слѣдствія обвиненіе не для того, чтобы добиться во что бы то ни стало осужденія обвиняемаго, но единственно для того, чтобы опредѣлительнымъ указаніемъ всѣхъ представляющихся въ дѣлѣ поводовъ и основаній къ обвиненію дать возможность объяснить ихъ съ точки зрѣнія защиты и даже вовсе устранить, если они могутъ быть опровергнуты. Чѣмъ неопредѣлительнѣе обвиненіе, тѣмъ затруднительнѣе оправданіе; чѣмъ менѣе полноты въ обвинительныхъ доводахъ прокурора, тѣмъ болѣе останется неразъясненныхъ судебнымъ состязаніемъ данныхъ къ обвиненію, которыя могутъ подѣйствовать на судей во вредъ подсудимому. Вслѣдствіе этого прокуроръ обязанъ выставить всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ противъ подсудимаго доказательства и улики, но, имѣя въ виду, что ко-

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 250, 251.

нечная цѣль его дѣйствій есть раскрытіе истины, онъ не долженъ представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, дабы при защитѣ, неравносильной съ обвиненіемъ, не ввести судей въ заблужденіе. Онъ обязанъ требовать къ судебному слѣдователю всѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ могутъ служить къ раскрытію истины, а не только тѣхъ, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе. При этомъ, конечно, подразумѣвается, что прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, не станетъ требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія, чтобы не запутать въ дѣло и не обременять никого излишнимъ вызовомъ въ судъ. При такомъ обязательномъ характерѣ обвинительной дѣятельности прокурора, ему вообще не можетъ быть отказано въ его требованіяхъ о вызовѣ свидѣтелей, когда бы эти требованія ни были предъявлены, между тѣмъ какъ домогательства о томъ же подсудимаго или его защиты должны быть оцѣниваемы судомъ со стороны соблюденія извѣстныхъ формальныхъ условій и основательности повода къ ихъ удовлетворенію. (ст. 517—521 проекта, ст. 573—578 у. у. с.) [1]).

По *второму* вопросу 8 членовъ коммиссіи предлагали для уравновѣшенія правъ сторонъ предоставить и прокурору то право отвода судей, которое принадлежитъ подсудимому. Они находили это необходимымъ въ интересѣ истины и закона и не усматривали основаній стѣсняться въ этомъ вопросѣ тѣмъ соображеніемъ, что въ подобномъ случаѣ прокуроръ станетъ въ щекотливое положеніе въ отношеніи къ судьѣ, который, зная за собою основательный поводъ къ отводу, самъ не устранилъ себя отъ участія въ дѣлѣ. Весьма желательно, чтобы прокуроръ обнаружилъ столь недобросовѣстный поступокъ судьи и преслѣдовалъ по установленнымъ порядкамъ. Но большинство 18 членовъ, не приняло этого предложенія, считая упомянутое право прокурора неудобнымъ и излишнимъ его обремененіемъ и не видя въ этомъ отношеніи никакой аналогіи между положеніемъ подсудимаго и прокурора. Прокуроръ долженъ будетъ разыскивать отношенія каждаго судьи ко всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и собирать доказательства существованія такихъ отношеній; кромѣ того, такъ какъ отводъ есть право, а не обязанность, то подсудимый, даже и при налич-

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 286—288.

ности повода къ отводу, можетъ не предъявлять его, если по личнымъ качествамъ судьи вполнѣ вѣритъ его безпристрастію. Но прокуроръ не можетъ руководствоваться подобнымъ соображеніемъ; въ его глазахъ всѣ вообще члены суда заслуживаютъ довѣріе, и частныя причины къ отводу одного изъ нихъ могутъ имѣть только формальное значеніе, что поведетъ къ умноженію безъ надобности числа отводовъ и, иногда, къ затрудненію составить присутствіе. Затѣмъ, предъявленіе отвода однимъ должностнымъ лицомъ противъ другаго, стоящаго въ служебной іерархіи въ уровень съ нимъ, если еще не выше его, есть дѣйствіе весьма щекотливое для достоинства судьи. Предъявленіемъ отводовъ прокуроръ неминуемо навлечетъ на себя непріязнь судей, и между ними возникнутъ личности, всегда вредныя для пользы службы [1]). Что же касается до отвода присяжныхъ, то однимъ изъ членовъ коммиссіи было заявлено мнѣніе о возможности дать прокурору право только мотивированнаго отвода, съ предоставленіемъ права отвода немотивированнаго одному подсудимому, который, по исключительности своего положенія, не всегда въ состояніи облечь свой отводъ въ законныя формы. Безъ этого правила прокуроръ—защитникъ общественныхъ интересовъ, лицо, поставленное правительствомъ для охраненія закона,—потеряетъ тотъ спокойный и правдивый характеръ, который желалъ придать ему составитель проекта, и обратиться во французскаго прокурора-преслѣдователя и обвинителя во что бы то ни стало. Но большинство (25 членовъ) не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, находя, что въ случаѣ его принятія составъ присяжныхъ представлялъ бы только одностороннія гарантіи въ пользу подсудимаго и его оправданія; кромѣ того самую важность для прокурора, какъ безпристрастнаго блюстителя закона и общественныхъ интересовъ, исключить изъ числа присяжныхъ лицъ, о неблагонадежности которыхъ у него имѣются точныя свѣдѣнія, нельзя не признать одною изъ существенныхъ гарантій правильной организаціи суда присяжныхъ [2]).

По *третьему* вопросу коммиссія признала, что содержаніе обвинительной рѣчи прокурора опредѣляется предметами, подлежащими обсужденію присяжныхъ, или одного суда безъ ихъ участія. Въ

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 290—294.

[2]) *Объяснит. зап.* стр. 316—319.

первомъ случаѣ прокуроръ, изложивъ передъ присяжными существенныя обстоятельства обвиненія и заключеніе свое о свойствѣ и степени вины подсудимаго, не касается соображеній о наказаніи, которому подсудимый подлежитъ. Прежде рѣшенія присяжныхъ о винѣ подсудимаго, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи его, потому что опредѣленіе вины или невинности подсудимаго не слѣдуетъ поставлять въ зависимость отъ большей или меньшей строгости наказанія, ему угрожающаго. Во второмъ же случаѣ, по дѣламъ рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ, въ которыхъ опредѣленіе о винѣ и наказаніи постановляется въ одномъ рѣшеніи и одною и тою же властью, прокуроръ обязанъ изложить въ своей рѣчи заключеніе не только о винѣ подсудимаго, но также и о слѣдующемъ ему наказаніи. Прокуроръ долженъ указать въ обвинительной рѣчи всѣ обстоятельства, навлекающія подозрѣніе на подсудимаго, но онъ не обязанъ поддерживать обвинительный актъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ, и если не убѣждается въ виновности подсудимаго, то можетъ и долженъ заявить о томъ суду по совѣсти [1]) (ст. 671—674 проекта; ст. 737—740). Согласно этимъ соображеніямъ и былъ очерченъ въ законѣ тотъ типъ спокойнаго и безпристрастнаго обвиненія, который составители Судебныхъ Уставовъ желали сдѣлать принадлежностью русской прокуратуры. Заботливость объ этомъ была настолько велика, что въ проектѣ, въ числѣ условій, требуемыхъ отъ содержанія и характера обвинительной рѣчи, было указано «не возбуждать непріязненныхъ къ подсудимому чувствъ» (ст. 673 проекта)—ограниченіе, не вошедшее, впрочемъ, въ текстъ самого закона (ст. 739. у. у. с.).

При обсужденіи порядка кассаціоннаго производства, по поводу опредѣленія того, когда долженъ давать свое заключеніе оберъ-прокуроръ сената, до или послѣ постановленія вопросовъ, коммиссія вошла въ разсужденія объ общемъ характерѣ оберъ-прокурорской обязанности въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. 6 членовъ настаивали на томъ, что оберъ-прокуроръ отнюдь не обвинитель, а исключительно истолкователь законовъ, почему и слѣдуетъ устранить все могущее вовлечь его въ состязаніе или пренія съ защитою, что можетъ имѣть мѣсто, если заключеніе его будетъ предшествовать ея объясненіямъ. Напротивъ

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 350.

того, онъ долженъ говорить послѣднимъ, передъ постановкою вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію сената. Мнѣніе это, однако же, не было принято большинствомъ (20 членовъ), которое не нашло никакихъ основаній изъять сенатское производство отъ дѣйствія общаго и кореннаго состязательнаго начала. Обвинительная власть—обвинительная во имя закона, а не во что бы то ни стало, должна имѣть и въ сенатѣ своего представителя, которымъ только и можетъ быть оберъ-прокуроръ. Поэтому, какъ его заключеніе, такъ и слѣдующія за нимъ объясненія защиты должны предшествовать постановкѣ вопросовъ (ст. 861 проекта и ст. 920 у. у. с.) [1]).

Наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ рѣшено было изъять изъ вѣдѣнія административной власти и передать прокурорскому надзору. Коммиссія нашла, что изъ всѣхъ указанныхъ въ законахъ средствъ наблюденія, только одно прокурорское наблюденіе слѣдуетъ признать соотвѣтствующимъ и въ этомъ отношеніи началамъ судебнаго преобразованія. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ прокурорское учрежденіе, наблюденіе за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ возлагается именно на прокуроровъ на томъ основаніи, что власть, преслѣдующая во имя закона преступниковъ, должна наблюдать и за тѣмъ, чтобы осужденіе ихъ не оставалось безъ послѣдствій, но чтобы они подвергались опредѣленной имъ законной карѣ безотлагательно и согласно съ точнымъ смысломъ состоявшихся о нихъ приговоровъ. При ограниченіи занятій прокуроровъ только дѣлами судебнаго вѣдомства и преимущественно дѣлами уголовными, такое наблюденіе со стороны прокуроровъ и ихъ товарищей представляется вполнѣ возможнымъ и устраняетъ необходимость значительной и тягостной переписки между судомъ и полицейскими мѣстами. Вслѣдствіе распредѣленія лицъ прокурорскаго надзора по уѣздамъ, гдѣ также находятся осужденные, ожидающіе исполненія надъ ними приговоровъ, наблюденіе за этимъ послѣднимъ и на мѣстахъ будетъ ввѣрено лицамъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться [2]).

§ 63 Проектъ уголовнаго судопроизводства.—Изъятія изъ общаго порядка.—Отзывъ западной науки. Въ отдѣлѣ изъятій изъ общаго

---

[1]) *Объяснит. зап.* стр. 450—455.

[2]) *Объяснит. зап.* стр. 469—470.

порядка судопроизводства нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ предположеніяхъ и разсужденіяхъ о дѣятельности прокурорскаго надзора по преступленіямъ государственнымъ и служебнымъ.

По проекту коммиссіи, принятому и Государственнымъ Совѣтомъ, судебное преслѣдованіе государственныхъ преступленій возлагается на прокуроровъ судебныхъ палатъ, къ которымъ поступаютъ и всѣ первоначальныя свѣдѣнія объ этихъ преступленіяхъ. Отъ него зависитъ для провѣрки этихъ свѣдѣній поручить прокурору окружнаго суда или его товарищу произвести надлежащее дознаніе—единственный допущенный закономъ случай непосредственнаго производства дознанія лицомъ прокурорскаго надзора. Если же прокуроръ палаты находитъ достаточныя основанія для возбужденія предварительнаго слѣдствія, то испрашиваетъ распоряженія объ этомъ старшаго предсѣдателя палаты, который и назначаетъ для этой цѣли одного изъ членовъ палаты. Слѣдствіе производится при обязательно личномъ присутствіи прокурора палаты или его товарища (ст. 34—37 проекта, ст. 1034—1037 уст. уг. суд. изд. 1864).

Въ виду этого послѣдняго правила, для уравновѣшенія защиты съ обвиненіемъ, въ проектѣ предполагалось постановить объ обязательномъ назначеніи отъ суда защитника при слѣдствіи всякому обвиняемому въ государственномъ преступленіи (ст. 47 проекта). Предположеніе это вызвало въ коммиссіи разногласіе. 15 членовъ находили, что въ этомъ нѣтъ и существенной надобности. Прокуроръ—не частный обвинитель, увлекающійся страстями, но обвинитель во имя закона, обязанный наблюдать за точнымъ его примѣненіемъ. Прокуроръ можетъ и долженъ требовать только законныхъ мѣръ изслѣдованія, которыми одинаково ограждается раскрытіе истины, послужитъ ли оно къ обличенію или къ оправданію обвиняемаго. Еслибы прокуроръ предъявилъ требованіе, не имѣющее надлежащаго основанія, то членъ палаты, производящій слѣдствіе, можетъ представить о томъ на усмотрѣніе палаты, согласно съ общимъ порядкомъ судопроизводства. Опровергая это возраженіе, большинство коммиссіи (21 членъ) высказало интересныя принципіальныя сужденія о прокуратурѣ. По мнѣнію большинства, нельзя согласиться съ мыслью, будто прокуроръ, какъ представитель закона, не можетъ быть сравниваемъ съ увлекающимся страстями частнымъ обвинителемъ. Вездѣ, гдѣ только принята система оффиціальнаго обвиненія, тамъ существуютъ и пышныя,

громкія правила о безпристрастіи прокуроровъ, объ одинаковомъ розысканіи ими доказательствъ какъ вины, такъ и невинности, объ охраненіи интересовъ не только всего общества, но и каждаго привлекаемаго къ суду. Однако мы видимъ, къ сожалѣнію, что эти благодѣтельныя по цѣли своей правила остаются только въ словахъ закона; на дѣлѣ же они не примѣняются, да и примѣняемы быть не могутъ, потому что законъ, какъ бы благонамѣренъ онъ ни былъ, всегда будетъ безсиленъ къ измѣненію самой природы человѣческой: человѣкъ постоянно обвиняющій, постоянно преслѣдующій преступленія, поневолѣ становится односторонникъ, поневолѣ увлекается своею обязанностью обвинителя. Вотъ почему, несмотря на важныя преимущества системы оффиціальнаго обвиненія, оно имѣетъ и до сихъ поръ весьма многихъ противниковъ. Въ Англіи министерство неоднократно представляло объ учрежденіи прокуратуры, но палаты постоянно отказывали въ этомъ изъ опасенія видѣть у себя далеко не привлекательныхъ французскихъ прокуроровъ. Если же оффиціальные обвинители признаются необходимыми, то единственное средство къ огражденію частныхъ лицъ отъ напрасныхъ стѣсненій заключается въ представленіи обвиняемымъ полнаго права защиты. [1]) Предположеніе объ обязательной защитѣ по государственнымъ преступленіямъ было оставлено вмѣстѣ съ общимъ предположеніемъ о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи.

По производству дѣлъ о преступленіяхъ должности, коммиссія, предполагая предоставить прокурору наблюденіе за предварительными слѣдствіями о нихъ и извѣстное участіе въ дальнѣйшемъ ихъ направленіи, признало нужнымъ особо мотивировать эти постановленія въ отношеніи дѣлъ о лицахъ административныхъ вѣдомствъ. Участіе прокурорскаго надзора въ этихъ дѣлахъ, будучи весьма ограниченнымъ, ни мало не нарушаетъ достоинства администраціи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо вмѣшательствомъ судебныхъ чиновъ въ дѣла административныя въ виду того, что прокурорскому надзору подчиняются только тѣ дѣла, которыя касаются какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ, или по которымъ должностныя лица обвиняются въ тяжкихъ преступленіяхъ. Къ этому тѣмъ менѣе встрѣчается препятствій,

---

[1]) *Объяснит. зап.* ч. 2, ст. 30—35.

что подобное правило существуетъ—только въ гораздо большихъ еще размѣрахъ—въ законахъ о дѣятельности прежняго прокурорскаго надзора, чины котораго просматриваютъ всѣ безъ изъятія журналы присутственныхъ мѣстъ. Проектируемое правило о томъ, что составленіе обвинительныхъ актовъ по преступленіямъ должности, на основаніи постановленія начальства о преданіи суду, лежитъ на обязанности прокуроровъ, объясняется тѣмъ соображеніемъ, что отъ прокурора можно скорѣе ожидать вѣрнаго и законнаго опредѣленія преступленія, составляющаго предметъ обвиненія, нежели отъ административнаго начальства, которое весьма часто не имѣетъ необходимыхъ для этого спеціально юридическихъ свѣдѣній и опытности. Притомъ, какъ указалъ въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ одобрившій ихъ Государственный Совѣтъ, кому же ближе формулировать обвинительный актъ, какъ не тому лицу, которое будетъ поддерживать обвиненіе на судѣ? [1]).

Таковы были взгляды, положенные въ основаніе преобразованія русскаго уголовнаго судопроизводства въ отношеніи участія въ немъ прокурорскаго надзора. Между отзывами, которые вызвали эти взгляды, заслуживаетъ особеннаго вниманія авторитетное мнѣніе *Миттермайера* въ статьѣ его, посвященной разбору проекта устава уголовнаго судопроизводства; изъ нея можно видѣть, какъ смотрѣла тогдашняя европейская наука, въ лицѣ одного изъ крупнѣйшихъ своихъ представителей, на предположенія составителей Судебныхъ Уставовъ о проведеніи обвинительнаго начала въ процессѣ. Мы не придаемъ, конечно, такому отзыву значеніе аттестаціи, въ которой вовсе не нуждается русская законодательная работа, вызванная нашими правовыми и бытовыми условіями; но для насъ не лишенъ интереса серьезный голосъ науки и практики, гораздо ранѣе, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ, провѣрившихъ и испытавшихъ дѣйствіе того самаго построенія уголовной юстиціи, которое введено и у насъ судебной реформой. Знаменитый германскій процессуалистъ находитъ, что въ цѣломъ русскій проектъ уголовнаго судопроизводства представляетъ новый шагъ впередъ сравнительно съ другими европейскими законодательствами, а по послѣдовательности проведенія обвинительнаго начала и устности онъ стоитъ выше многихъ новѣйшихъ законодательныхъ трудовъ

---

[1]) *Объяснит. зап.* ч. 2, стр. 59—60; Журналъ Госуд. Сов. 1864, № 47, стр. 113.

того времени. Въ немъ несравненно менѣе замѣтна подражательность предписаніямъ французскаго законодательства; напротивъ того, онъ гораздо больше держится англійскаго образца, хотя и съ этой стороны далекъ отъ слѣпаго подражанія. Въ его предписаніяхъ есть стремленіе къ возможной простотѣ учрежденій и къ устраненію всего того, что можетъ привести присяжныхъ къ ложнымъ выводамъ. Въ постановленіяхъ о предварительномъ слѣдствіи онъ старается оградить подсудимаго противъ злоупотребленій и вообще опасности инквизиціоннаго начала, такъ какъ нерѣдко излишнее чиновничье усердіе можетъ увлечь лицъ, вполнѣ добросовѣстныхъ; въ самомъ судѣ онъ старается, по возможности, обезпечить интересы защиты и оградить ее отъ судебныхъ чиновниковъ, признавая основнымъ началомъ равенство оружія обвиненія и защиты и придавая предсѣдателю такое положеніе, которое гарантируетъ его полную безпристрастность. Отдавая такимъ образомъ полную справедливость общимъ достоинствамъ проекта, Миттермайеръ, однакоже, указываетъ и на нѣкоторые отдѣльные его недостатки. Такъ желательна была бы большая опредѣленность отношеній прокурора къ слѣдователю. Было бы цѣлесообразнѣе, если только особенности русскаго быта это дозволяютъ, поставить начатіе всякаго слѣдствія въ зависимость отъ предложенія прокурора, съ тѣмъ чтобы частный жалобщикъ, получившій отъ него отказъ, могъ обратиться непосредственно къ слѣдователю. Далѣе необходимо было бы, при опредѣленіи правъ прокурора, дать ему возможность лично предпринимать дѣйствія, нужныя для собраніе первоначальныхъ свѣдѣній о преступленіи. Вообще, по мнѣнію Миттермайера, взаимныя отношенія прокурора, слѣдователя и полиціи требуютъ такого болѣе яснаго и подробнаго опредѣленія, которое предотвратило бы недоразумѣнія и неудобства, могущія возникнуть изъ столкновенія этихъ властей. Наконецъ, Миттермайеръ, высказывая полное сочувствіе строгому проведенію равенства на судѣ между обвиненіемъ и защитою, даетъ совѣтъ опредѣлительно указать въ самомъ законѣ, что въ судебномъ засѣданіи прокуроръ наравнѣ съ защитникомъ подчиняется дисциплинарной власти предсѣдателя суда [1]).

---

[1]) *Миттермайеръ.* Новый проектъ русскаго уголовнаго судопроизводства (Журналъ минист. юстиціи 1864 г. Октябрь).

V.

§ 64. Введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ.—Прокурорскій надзоръ по переходнымъ узаконеніямъ. *20 Ноября 1864 г.* проекты новаго судоустройства и судопроизводства, по разсмотрѣніи и исправленіи ихъ Государственнымъ Совѣтомъ удостоившіеся Высочайшаго утвержденія, стали дѣйствующимъ для Имперіи закономъ. Оцѣнка ихъ сдѣлана съ высоты Престола, въ историческомъ указѣ правительствующему сенату объ утвержденіи и обнародованіи Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г.

«*Разсмотрѣвъ сіи проекты*» — изображено въ этомъ указѣ — «*Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный «для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать «ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ на«родѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно обще«ственное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ «руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низ«шаго*». Съ благоговѣйной бережливостью обязанъ русскій судебный дѣятель—въ томъ числѣ и прокуроръ — чтить эти достопамятные завѣты, глубоко запечатлѣвая ихъ въ своемъ сознаніи; онъ исполняетъ долгъ свой лишь тогда, когда всѣ свои нравственныя и умственныя силы посвящаетъ тому, чтобы превратить ихъ въ дѣло.

Послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ продолжались сложныя подготовительныя работы по введенію ихъ въ дѣйствіе, слѣдовавшія тому же порядку собиранія и изслѣдованія матеріала, который былъ примѣненъ и къ самому составленію Уставовъ. За невозможностью сразу распространить ихъ дѣйствіе на всю Россію, представлялось необходимымъ выработать какъ порядокъ ихъ постепеннаго введенія, такъ и рядъ переходныхъ къ нему мѣръ и такъ называемыхъ «облегчительныхъ правилъ» въ прежнемъ судопроизводствѣ старыхъ судебныхъ мѣстъ. Трудъ этотъ былъ возложенъ на ту же коммиссію въ составѣ государственной канцеляріи, которая составила проекты Судебныхъ Уставовъ. Подъ именемъ «коммиссіи Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части», она работала надъ этимъ

дѣломъ въ теченіи 1864 и 1865 гг. при дѣятельномъ содѣйствіи министерства юстиціи и участіи практиковъ, изъ которыхъ многіе, между прочимъ оберъ-прокуроры сената и губернскіе прокуроры, доставили въ коммиссію весьма цѣнныя замѣчанія по предмету ея занятій [1]).

Еще до утвержденія Судебныхъ Уставовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія члены коммиссіи по ихъ составленію оберъ-прокуроръ *Ковалевскій* и губернскій прокуроръ *Ровинскій* были командированы въ губерніи, имѣющія войти въ составъ округовъ будущихъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ для собранія самыхъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимы для введенія судебнаго преобразованія въ этихъ губерніяхъ.

При разсмотрѣніи въ окончательной коммиссіи порядка введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ было, между прочимъ, заявлено предположеніе объ открытіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя окажется невозможнымъ распространить Уставы въ полномъ объемѣ, однихъ мировыхъ судебныхъ установленій, отдѣльно отъ общихъ, съ временнымъ учрежденіемъ при съѣздахъ мировыхъ судей особыхъ товарищей прокурора въ вѣдѣніи губернскихъ прокуроровъ. Не принятое въ то время, это предположеніе послужило впослѣдствіи къ введенію въ разныхъ мѣстностяхъ, впредь до полнаго примѣненія къ нимъ судебной реформы, переходныхъ установленій, съ товарищами губернскихъ прокуроровъ, вмѣсто губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ, и съ возложеніемъ на этихъ временныхъ чиновъ мѣстнаго надзора нѣкоторыхъ обязанностей новой прокуратуры.

Независимо отъ этого, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, изданнымъ при утвержденіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., какъ уже упомянуто выше, министру юстиціи было предоставлено, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, внести предположенія о томъ, на какомъ основаніи слѣдуетъ устроить надзоръ за тѣми несудебными дѣлами, которыя по Своду Законовъ подчинены прокурорскому и стряпческому над-

---

[1]) *Соображенія* коммиссіи Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части.—*Замѣчанія* министра юстиціи на эти соображенія.—*Замѣчанія практиковъ* на работы коммиссіи о введеніи въ дѣйствіе судебнаго преобразованія. 2 части.

зору, и объ ограниченіи прокурорскаго надзора исключительно дѣлами судебнаго вѣдомства. Во исполненіе этого въ министерствѣ юстиціи производились обширныя работы, по первой части которыхъ, о надзорѣ по административнымъ дѣламъ, не послѣдовало особаго законодательнаго осуществленія, вторая же, объ освобожденіи губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ, впредь до ихъ упраздненія, отъ возложенныхъ на нихъ по Своду обязанностей, подверглась обсужденію въ названной выше коммиссіи [1]) и, пройдя чрезъ Государственный Совѣтъ, явилась предметомъ особаго узаконенія. Представленіе по этому поводу министра юстиціи въ Государственный Совѣтъ (отъ 27 ноября 1865 г. за № 10569) есть замѣчательный документъ въ исторіи нашего прокурорскаго надзора. На рубежѣ двухъ формъ его, старой и новой, генералъ-прокуроръ, подводя итоги прошлому учрежденія, дѣлаетъ яркій очеркъ его затруднительнаго положенія по наблюденію за всѣми присутственными мѣстами. Это окончательный приговоръ надъ практически неосуществимой системой общаго непрерывнаго и повсемѣстнаго контроля прокуроровъ въ судѣ и управленіи и категорическій отвѣтъ рѣдкимъ ея сторонникамъ. «Если разсмотрѣть въ подробности каждый родъ обязанностей стряпчихъ «и по преимуществу прокуроровъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что отчетливое, добросовѣстное и своевременное исполненіе «всего, что возложено на каждаго прокурора, превышаетъ силы «одного человѣка и требуетъ времени болѣе, чѣмъ каждый самый «усердный чиновникъ можетъ посвятить службѣ. Между тѣмъ «прокурорскій надзоръ по всѣмъ дѣламъ, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ, далеко не столь необходимымъ, такъ какъ «правильное теченіе и разрѣшеніе этихъ дѣлъ обезпечивается занятіями членовъ и вообще служащихъ каждаго установленія и «сверхъ того наблюденіемъ непосредственнаго начальства, а по «дѣламъ, касающимся интересовъ частныхъ лицъ,—надзоромъ этихъ «послѣднихъ и правомъ ихъ обжаловать каждое отдѣльное дѣйствіе «или постановленіе. Но есть другія дѣла, оставленіе которыхъ въ «безгласности и безъ наблюденія со стороны какого-либо прави-

---

[1]) *Соображенія* коммиссіи Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части по проектамъ облегчительныхъ правилъ, стр. 10—13, 16, 17, 61—65.

«тельственнаго органа можетъ потрясти общественное спокойствіе. «Сюда относится обнаруженіе преступленій, надзоръ за производ- «ствомъ слѣдствій, попеченіе объ арестантахъ, участіе въ такихъ «дѣлахъ, по которымъ нѣтъ истца или по которымъ заинтересо- «ванныя лица не пользуются полною гражданскою правоспособностію. «По этимъ дѣламъ лицо прокурорскаго надзора является единствен- «нымъ защитникомъ и ходатаемъ за тѣхъ, кто самъ не можетъ «воспользоваться правомъ иска. Поэтому добросовѣстное исполне- «ніе прокурорами этихъ обязанностей въ высшей степени важно «для государства и общества и требуетъ много знанія, труда и «времени отъ лицъ, которымъ онѣ ввѣрены. Съ введеніемъ судеб- «наго преобразованія прокуроръ долженъ являться публичнымъ «обвинителемъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ и вести ихъ во всѣхъ «инстанціяхъ, въ качествѣ представителя правительства и закона. «Такая обвинительная дѣятельность прокуроровъ, сдѣлавшись глав- «нымъ предметомъ ихъ занятій, лишитъ ихъ всякой возможности «исполнять другія лежащія на прокурорскомъ надзорѣ обязанности «по наблюденію за правильнымъ движеніемъ и разрѣшеніемъ дѣлъ «въ административныхъ установленіяхъ. Вслѣдствіе этого, для «успѣшнаго достиженія того, что основными началами судебной «реформы поставлено главною цѣлью прокурорской дѣятельности, «необходимо дать прокурорамъ средства и возможность исполнять «ихъ новыя обязанности по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, «а это можетъ быть достигнуто только освобожденіемъ прокурорскаго «надзора отъ другихъ занятій, не имѣющихъ соотношенія съ этою «ихъ дѣятельностью».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ законодательныхъ работъ были изданы два узаконенія, существенно касавшіяся правъ и обязанностей прокурорскаго надзора.

Первое изъ нихъ, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи и дополненіи статей Свода Законовъ о судопроизводствѣ и дѣлопроизводствѣ въ нынѣшнихъ (т.-е. до-реформенныхъ) судебныхъ мѣстахъ, болѣе извѣстно подъ названіемъ *облегчительныхъ правилъ 11 Октября 1865 года*. Они представляютъ рядъ разъясненій, улучшеній и упрощеній стараго процесса, которыя должны были служить болѣе послѣдовательнымъ переходомъ къ новому. Такъ, они вводили нѣкоторыя проявленія устности и гласности въ разсмотрѣніе дѣлъ, большую простоту

и ясность въ ихъ движеніи, нѣкоторыя болѣе дѣйствительныя гарантіи его быстроты и правильности. Самыми существенными и новыми постановленіями ихъ въ отношеніи прокурорскаго надзора были: 1) о передачѣ дознаній о происшествіяхъ изъ полицейскихъ мѣстъ слѣдователямъ, въ случаѣ когда мѣста эти не усмотрятъ въ происшествіяхъ признаковъ преступленія, прокурорскій же надзоръ въ лицѣ стряпчаго не согласится съ такимъ постановленіемъ о зачисленіи дѣла конченнымъ (ст. 6 и 7), и 2) о направленіи изъ низшихъ въ высшія инстанціи уголовныхъ дѣлъ непосредственно по протестамъ стряпчихъ и прокуроровъ и въ силу именно ихъ несогласія съ приговоромъ (ст. 21, 22, 39, 41 и 45).

Гораздо болѣе значенія для прокурорскаго надзора имѣетъ второе изъ названныхъ узаконеній, Высочайше утвержденное *7 марта 1866 г.* мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ объ обязанностяхъ лицъ этого вѣдомства [1]). Предметы этого закона—а) пересмотръ всѣхъ постановленій Свода 1857 г. о прокурорской дѣятельности, съ уничтоженіемъ однѣхъ ея функцій и сохраненіемъ другихъ, и б) опредѣленіе отношеній стараго прокурорскаго надзора къ новому при постепенномъ введеніи въ Имперіи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г. Такимъ образомъ одни изъ правилъ 7 Марта 1866 г. относятся до губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ, другія—уже до чиновъ новой прокуратуры, образуемой по Судебнымъ Уставамъ.

Не вдаваясь въ подробности, мы отмѣтимъ лишь болѣе общіе и важные пункты этого переходнаго законоположенія, которое и до сихъ поръ имѣетъ примѣненіе во многихъ мѣстностяхъ Россіи: 1) губернскіе прокуроры и стряпчіе освобождаются отъ просмотра цѣлаго ряда постановленій различныхъ губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ административныхъ установленій (ст. 1, 4, 5, 6); но за этими лицами мѣстнаго надзора остается просмотръ нѣкоторыхъ постановленій губернскаго правленія (ст. 3), полицейскихъ управленій по дѣламъ судебнаго свойства (ст. 8) и всѣхъ вообще присутственныхъ мѣстъ о назначеніи слѣдствія, преданіи суду, наложеніи административныхъ взысканій и проч. (ст. 9); 2) изъ постановленій судебныхъ мѣстъ прежняго устройства на просмотръ

[1]) *Судебные Уставы* 20 Ноября 1864 г., изд. госуд. канцеляріи ч. V, стр. 127—150.

прокурорскаго надзора поступаютъ только состоявшіяся по уголовнымъ дѣламъ и тѣ изъ гражданскихъ, которыя по роду своему подлежатъ заключенію новой прокуратуры по Судебнымъ Уставамъ 20 Ноября 1864 г. (ст. 2, 7); 3) губернскіе прокуроры и уѣздные стряпчіе имѣютъ или точнѣе сохраняютъ право: а) входить во всѣ присутственныя мѣста и требовать къ своему разсмотрѣнію производящіяся въ нихъ дѣла (ст. 13); б) требовать во всякое время внезапнаго свидѣтельствованія казначейства, общественныхъ суммъ и имущества (ст. 11); в) давать всѣмъ установленіямъ предложенія о возстановленіи надлежащей подсудности или предѣловъ власти (ст. 14); г) предлагать надлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ о назначеніи слѣдствія, преданіи суду или наложеніи административныхъ взысканій, когда по дошедшимъ до прокурорскаго надзора свѣдѣніямъ это окажется нужнымъ (ст. 10); 4) по мѣрѣ упраздненія должностей губернскаго прокурора, губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ, съ введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, существующій надзоръ со стороны должностныхъ лицъ вѣдомства министерства юстиціи за губернскими, уѣздными и городскими установленіями прекращается (ст. 17, 18, 19), и 5) изъ числа административныхъ обязанностей губернскаго и уѣзднаго прокурорскаго надзора къ чинамъ новой прокуратуры, по Судебнымъ Уставамъ, переходятъ: а) нѣкоторыя обязанности по тюремной части (ст. 21 и 22) и в) участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (ст. 23).

Въ то время какъ старыя судебныя установленія, а съ ними и мѣстный прокурорскій надзоръ обрекались на постепенное уничтоженіе, новые суды съ состоящимъ при нихъ новымъ судебнымъ прокурорскимъ надзоромъ вступали въ жизнь. *19 Октября 1865 г.* состоялся указъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 Ноября 1864 г. въ полномъ ихъ объемѣ, въ теченіи 1866 г., въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ, т.-е. въ десяти губерніяхъ, на основаніи особаго объ этомъ «Положенія», опубликованнаго при указѣ. *14 Апрѣля 1866 г.* въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II посѣтилъ зданіе петербургскихъ судебныхъ установленій. Принявъ представленныхъ министромъ юстиціи вновь назначенныхъ чиновъ этихъ установленій, въ томъ числѣ и прокурорскаго надзора, Государь сказалъ имъ: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и

«будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по «долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно «и тоже. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло»!

17 Апрѣля 1866 года были открыты министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ С.-Петербурская судебная палата и окружный судъ, а *23 того же Апрѣля* министръ открылъ тѣ же установленія въ Москвѣ. Въ 1866 году новый прокурорскій надзоръ началъ дѣйствовать при кассаціонномъ департаментѣ сената, двухъ столичныхъ судебныхъ палатахъ и 16 окружныхъ судахъ [1]).

VI.

§ 65. Общая характеристика отношенія судебной реформы къ прокурорскому надзору. Сдѣланное выше обозрѣніе общаго хода и отдѣльныхъ сторонъ вопроса о прокурорскомъ учрежденіи при судебной реформѣ показываетъ, что по пріемамъ, употребленнымъ составителями Судебныхъ Уставовъ, методъ разработки и разрѣшенія этого вопроса былъ больше всего эклектическій или, если можно такъ выразиться, сравнительно-выборный. Законодатель имѣлъ передъ собою нѣсколько типовъ и образцовъ и въ нихъ нѣсколько главныхъ факторовъ, которые могли повліять на его творчество. То были прокурорскій надзоръ по Своду Законовъ съ его практикой, французская прокуратура, съ критикой ея въ германской наукѣ и попытками улучшеній въ нѣмецкихъ законодательствахъ послѣ 1848 г., затѣмъ англійская система уголовнаго преслѣдованія и процесса.

Изъ всѣхъ этихъ институтовъ редакторы Уставовъ стремились извлечь лучшее, провѣренное опытомъ, и притомъ по возможности

---

[1]) Приводимъ имена лицъ, стоявшихъ во главѣ новаго прокурорскаго надзора при первомъ введеніи въ 1866 году въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г. *Кассаціонные Департаменты Сената:* Оберъ-прокуроры: уголовнаго—*Ковалевскій*, гражданскаго—*фонъ-Дервизъ.*—*Округъ С.-Петербургской судебной палаты:* прокуроръ палаты *Чемадуровъ*, прокуроры окружныхъ судовъ: С.-Петербургскаго—*Шрейберъ*; Новгородскаго—*Раевскій*; Псковскаго—*Александровъ*; Устюжскаго—*Золотницкій*; Бѣлозерскаго—*Касперовичъ*; Великолуцкаго—*Андреевъ.*—*Округъ Московской судебной палаты:* прокуроръ палаты—*Ровинскій*; прокуроры окружныхъ судовъ: Московскаго—*Ланге*; Ярославскаго—*Васильевъ*; Тверскаго—*Стадольскій*; Тульскаго—*Фуксъ*; Калужскаго—*Манасеинъ*; Рязанскаго—*Деппъ*; Владимірскаго—*Крахтъ*; Ржевскаго—*Шереметевскій*; Кашинскаго—*Квачевскій*; Рыбинскаго—*Окуловъ*.

не только согласное съ нашими условіями, но и не противорѣчащее традиціямъ русскаго права послѣ Петра Великаго. Послѣднее направленіе сказалось, какъ увидимъ ниже, и въ дальнѣйшемъ существованіи новаго прокурорскаго надзора, такъ что русская прокуратура и при судебной реформѣ не разорвала всѣхъ связей съ своимъ прошедшимъ. Въ сохранившемся ея наименованіи «прокурорскимъ надзоромъ», въ его законоохранительной функціи, хотя и ограниченной судебнымъ вѣдомствомъ, въ ея отношеніяхъ къ министерству юстиціи нельзя не видѣть извѣстнаго преемства юридической идеи. Все же, что было внесено въ учрежденіе новаго и своеобразнаго, рельефно выступаетъ при сопоставленіи нашей преобразованной прокуратуры съ до-реформеннымъ надзоромъ во первыхъ и съ французскимъ «публичнымъ министерствомъ» во вторыхъ. Такой пріемъ имѣетъ свое значеніе. Сравненіе со старымъ выставляетъ главнѣйшія отличительныя особенности и преимущества новаго порядка; сравненіе же нашего учрежденія съ французскимъ типомъ его даетъ внушительный отвѣтъ на упрекъ, нерѣдко посылаемый Судебнымъ Уставамъ, въ слѣпой подражательности чуждымъ образцамъ, въ механическомъ перенесеніи на русскую почву будто бы несвойственныхъ ей институтовъ.

Между тѣмъ какъ прежній прокурорскій надзоръ, не выдѣляясь ничѣмъ изъ общей сферы гражданскаго чиновничества, хотя и подвѣдомственной министерству юстиціи, въ сущности принадлежалъ: оберъ-прокурорскій—къ высшему составу канцеляріи сената, а мѣстный губернскій и уѣздный—къ общему строю мѣстнаго управленія, съ нѣкоторою даже зависимостью отъ губернскаго начальства, новая прокуратура поставлена совершенно иначе. Какъ неотъемлемая часть судебной магистратуры, она раздѣляетъ всѣ строгія, положительныя и отрицательныя условія личнаго состава этой послѣдней, подчинена однимъ съ нею правиламъ образовательнаго и подготовительнаго ценза и точно опредѣленному, особому порядку прохожденія судебной службы. Находясь въ полной и исключительной зависимости отъ одного лишь министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора, она состоитъ при судахъ, въ качествѣ спеціальнаго органа закона и согласныхъ съ нимъ видовъ правительства.

Внутренняя организація прежняго прокурорскаго надзора была лишена какъ однородности и единообразія, такъ и яснаго, и по-

слѣдовательнаго опредѣленія служебныхъ отношеній стряпчихъ къ прокурорамъ. Въ новой прокуратурѣ всѣ чины размѣщены въ стройной іерархической постепенности, восходящей къ генералъ-прокурору, по системѣ, основанной на началахъ единства и подчиненія, которое, однако же, не исключаетъ въ извѣстныхъ границахъ свободы убѣжденія и слова.

Главною функціей прежнихъ прокуроровъ былъ повсемѣстный надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, какъ судебными, такъ и административными; онъ проявлялся въ просмотрѣ ихъ журналовъ и въ противодѣйствіи тому, что въ послѣднихъ оказывалось несогласнымъ съ формальными требованіями закона. Исковая же дѣятельность, въ интересахъ закона, правительства и общества, была лишь незначительнымъ и почти фиктивнымъ придаткомъ къ обязанностямъ по надзору. Въ новой прокуратурѣ вся дѣятельность и наблюдательная, и исковая, ограничена дѣлами только судебнаго вѣдомства. Въ его предѣлахъ, вмѣсто собственно надзора, на первомъ планѣ явилось сложное производство уголовнаго иска или преслѣдованія, проникнутое, впрочемъ, тѣмъ же началомъ, какъ и понятіе надзора, т. е. безпристрастнымъ охраненіемъ закона и стремленіемъ къ раскрытію истины. Оставаясь «стражемъ закона», прокуроръ сдѣлался, прежде всего, изъ слабаго «истца о дѣлахъ безгласныхъ»—сильнымъ государственнымъ обвинителемъ.

Съ перемѣщеніемъ центра тяжести прокурорской дѣятельности, перемѣстились и главнѣйшіе ея моменты. Прежде, участіе прокурорскаго надзора въ дѣлѣ, почти незамѣтное при предварительномъ производствѣ, наступало лишь послѣ постановленія приговора или рѣшенія, въ формѣ просмотра или пропуска журналовъ или протеста на нихъ. Теперь же это участіе всегда предшествуетъ разрѣшенію дѣла, по гражданскимъ дѣламъ—въ видѣ предъявленія заключенія, по уголовнымъ—въ видѣ дѣятельнаго наблюденія и непосредственнаго производства уголовнаго преслѣдованія, отъ самаго его возникновенія и до конца. Прежній прокуроръ былъ для суда только пассивнымъ надсмотрщикомъ и контролеромъ окончательныхъ судебныхъ дѣйствій, теперешній сталъ дѣятельнымъ помощникомъ суду, активнымъ представителемъ передъ нимъ тѣхъ высшихъ публичныхъ интересовъ, справедливое удовлетвореніе которыхъ лежитъ прежде всего на обязанности суда. Прежде дознаніе и слѣдствіе, фактически сливаясь, производились лицами, не-

достаточно къ тому компетентными, и внѣ ближайшаго вѣдѣнія прокурорскаго надзора; теперь же то и другое поручено его непосредственному и постоянному наблюденію, какъ блюстителя закона и спеціальнаго органа государственнаго обвиненія. Прежде судъ самъ долженъ былъ розыскивать и собирать среди фактовъ существенные элементы обвиненія, невольно предрѣшая его конечную судьбу и легко впадая въ односторонность взгляда и предвзятость мнѣнія; теперь же органъ правосудія можетъ оставаться спокойнымъ и безпристрастнымъ судьею обвиненія, которое прокуроръ подготовляетъ, разработываетъ и формулируетъ, открывая тѣмъ самымъ и подсудимому путь къ твердымъ основаніямъ его защиты.

Старому прокурорскому надзору была присвоена безформенная обязанность охраненія законовъ посредствомъ истолкованія ихъ смысла, по требованію различныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нѣкоторыхъ растяжимо обозначенныхъ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. Новый прокуроръ является настоящимъ правительственнымъ юрисконсультомъ въ точно опредѣленныхъ случаяхъ особой и дѣйствительной въ томъ надобности, какъ-то: въ съѣздахъ мировыхъ судей и въ гражданскихъ дѣлахъ, подлежащихъ по роду своему прокурорскому заключенію, и отчасти въ административныхъ губернскихъ присутствіяхъ.

Вообще старый прокурорскій надзоръ поневолѣ разбрасывался въ своей дѣятельности, состоявшей изъ множества разнохарактернѣйшихъ проявленій. Новая прокуратура можетъ сосредоточить свои усилія и труды на немногихъ ясно очерченныхъ, хотя и весьма сложныхъ пунктахъ: на уголовномъ преслѣдованіи и охраненіи законовъ, главнымъ образомъ по дѣламъ судебнаго вѣдомства.

До-реформенный прокурорскій надзоръ дѣйствовалъ всегда письменно, въ чисто бюрократической обстановкѣ, вдали отъ общества и гражданъ, внѣ всякаго контроля гласности и общественнаго мнѣнія. Напротивъ того, прокурорскій надзоръ по Судебнымъ Уставамъ, дѣйствующій преимущественно устно и на виду у всѣхъ, долженъ находиться въ непрестанномъ столкновеніи съ живыми людьми, со вседневной жизнью общества, въ которой его дѣйствія, всегда открытыя для критики, имѣютъ большое и личное для обывателя и бытовое, и юридически воспитательное значеніе. Старый прокуроръ, по практическимъ условіямъ своей должности, былъ въ

значительной степени безсиленъ одинаково для принесенія пользы и для вреда. Наоборотъ, новый прокуроръ и для того и для другого располагаетъ достаточнымъ оружіемъ, обоюдо-острый характеръ котораго и вызываетъ законодателя на рядъ гарантій противъ неправильнаго пользованія или злоупотребленія прокурорской властью.

Наконецъ, такъ какъ прежняя теорія прокурорскаго всевидѣнія и всевѣдѣнія была и могла быть на дѣлѣ только одною фикціей, то правительство имѣло въ старомъ прокурорѣ чиновника, который, будучи поставленъ для того, чтобы *никогда* не пропускать ни одного беззаконія, въ лучшемъ случаѣ обладалъ лишь возможностью *иногда* остановить нарушеніе закона, слишкомъ уже явное или неприкрытое внѣшними формами легальности. Не стремясь къ недостижимой цѣли, въ новой прокуратурѣ законодатель предоставилъ правительству живую, дѣятельную силу, снабженную всѣмъ необходимымъ для энергическаго воздѣйствія въ отведенной ей не столь обширной, но вполнѣ опредѣленной и весьма важной области. Къ подобной силѣ и требованія могутъ быть предъявляемы гораздо болѣе, чѣмъ прежде, строгія, и въ качественномъ отношеніи высокія.

Уже въ мотивахъ, принятыхъ въ соображеніе при составленіи Судебныхъ Уставовъ, обращаетъ на себя вниманіе та тщательность, съ которою законодатель, при каждомъ къ тому поводѣ, старался избѣгать въ построеніи новаго прокурорскаго учрежденія крайностей и недостатковъ французскаго его первообраза, очевидныхъ изъ самаго текста законовъ, и въ особенности выяснившихся при ихъ практическомъ примѣненіи.

Отдавая справедливость общепризнаннымъ достоинствамъ института, который во Франціи впервые сложился въ крѣпкое и сильное цѣлое, незамѣнимое въ судебной организаціи современныхъ государствъ, редакторы нашихъ Уставовъ въ то же время смотрѣли на многія стороны французскаго «паркета», какъ на убѣдительный и яркій примѣръ того, чему ни въ какомъ случаѣ подражать не слѣдуетъ. Въ выработанныхъ ими правилахъ устройства и дѣятельности новой русской прокуратуры можно указать черты, рѣзко и выгодно отличающія ее отъ французской. Такъ, прежде всего въ нашемъ учрежденіи нѣтъ и тѣни вмѣшательства прокурора во внутреннюю жизнь судовъ, первенства надъ судьями, по-

ползновенія стѣснять ихъ самостоятельность, начальственнаго надзора надъ цѣлымъ рядомъ лицъ судебнаго вѣдомства. Іерархическія отношенія самихъ прокурорскихъ чиновъ другъ къ другу и связывающая ихъ дисциплина у насъ не страдаютъ тою недосказанностью и тѣмъ отсутствіемъ постановленій, гарантирующихъ личную независимость совѣсти и убѣжденія, на которое постоянно жалуются французскіе юристы.

Въ уголовныхъ дѣлахъ нашей прокуратурѣ отнюдь не принадлежитъ, подобно французской, ни монополіи преслѣдованія, ни настоящихъ слѣдственно-судебныхъ полномочій въ довольно обширномъ кругѣ случаевъ. При слѣдствіи она не призвана премировать надъ слѣдователемъ и не можетъ подавлять своею властью противопоставляемаго ей беззащитнаго подсудимаго. На судѣ не нарушается на каждомъ шагу въ ея пользу равенство сторонъ и ихъ оружія. Государственное обвиненіе не пользуется преимуществами передъ защитой. Противъ односторонне-обвинительнаго направленія, страстности и увлеченій, свойственныхъ французской прокуратурѣ, нашимъ законодательствомъ принимаются усиленныя мѣры. Кромѣ поставленія всѣхъ обвинительныхъ дѣйствій прокурора подъ контроль судебной власти, нашей прокуратурѣ настойчиво вмѣняется въ непремѣнную обязанность спокойствіе, умѣренность, безпристрастіе, свободный отказъ отъ неподтвердившагося или опровергнутаго обвиненія.

Въ дѣлахъ гражданскихъ у насъ прокуратурѣ не предоставлено вовсе того излишне сложнаго и крайне широкаго участія, которое присвоено ей во Франціи. Наша прокуратура не имѣетъ ни правъ стороны въ гражданскомъ процессѣ (*partie principale*), ни правъ обжалованія «въ интересахъ закона»; она выступаетъ лишь съ своими заключеніями (какъ *partie jointe*) для охраненія законовъ, въ опредѣленныхъ дѣлахъ, касающихся казны, общества или лицъ, юридически безпомощныхъ.

По строю нашей государственной жизни и мѣсту, отведенному прокуратурѣ въ составѣ другихъ правительственныхъ властей, нашъ прокурорскій надзоръ не имѣетъ никакого политическаго характера и вовсе не можетъ, поэтому, сдѣлаться тѣмъ орудіемъ политическихъ и во всякомъ случаѣ несудебныхъ цѣлей, какимъ нерѣдко служитъ французская прокуратура. Независимость судовъ вполнѣ ограждена отъ прокурорскаго вліянія, и задачи русскаго

прокурора по закону не выходятъ изъ тѣсныхъ предѣловъ судебнаго преслѣдованія нарушеній законнаго порядка.

Такимъ образомъ учрежденіе прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г., нельзя не признать созданнымъ въ достаточной степени самостоятельно и обдуманно, съ единственнымъ попеченіемъ о томъ, чтобы на основаніи соединенныхъ уроковъ науки и опыта ввести въ Россіи прокурорскій институтъ, наиболѣе соотвѣтствующій началамъ и потребностямъ ея преобразованной юстиціи.

ГЛАВА X.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ПОСЛѢ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ (1866—1888).

§ **66.** Законодательство.—§ **67.** Руководящая практика.—§ **68.** Литература.

Со времени судебной реформы истекаетъ первое 25-лѣтіе существованія прокурорскаго надзора, преобразованнаго по ея началамъ. Періодъ этотъ еще не представляетъ собою какого-либо цѣльнаго и законченнаго фазиса въ исторіи прокурорскаго учрежденія. Это скорѣе всего періодъ практическаго испытанія, приспособленія новыхъ принциповъ къ дѣйствительности, усиленнаго взаимодѣйствія между ея явленіями и органическими свойствами института. Выраженныя въ законѣ основанія его подвергаются дальнѣйшему практическому развитію и истолкованію. Судебная и жизненная практика еще слагается, вся находясь въ состояніи броженія различныхъ взглядовъ и теченій, въ зависимости отъ фактовъ, истинное значеніе которыхъ еще не установилось и не получило окончательной оцѣнки. Въ этомъ переходномъ состояніи можно, однакоже, отмѣтить нѣкоторые выдающіеся пункты и до извѣстной степени обрисовавшіяся направленія. При обозрѣніи въ такомъ смыслѣ этой послѣдней, нами еще переживаемой эпохи въ жизни русской прокуратуры, необходимо остановиться на трехъ существенныхъ моментахъ: постановленіяхъ *законодательства*, разъясненіяхъ *руководящей практики* и взглядахъ *юридической литературы*.

§ **66. Законодательство.** Послѣ введенія въ 1866 и 1867 гг. новыхъ судебныхъ установленій въ округахъ С.-Петербургской, Московской и Харьковской судебныхъ палатъ, предположенное

первоначально быстрое распространеніе судебной реформы на всю Имперію нѣсколько замедлилось какъ по финансовымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе необходимости въ сложныхъ подготовительныхъ работахъ. При этомъ съ 1868 г. [1]) былъ принятъ порядокъ примѣненія Судебныхъ Уставовъ къ извѣстному району не въ полномъ объемѣ, а посредствомъ введенія мировыхъ судебныхъ установленій отдѣльно отъ общихъ, которыя открывались впослѣдствіи, по наступленіи къ тому возможности. Для исполненія въ этихъ мѣстностяхъ прокурорскихъ обязанностей при съѣздахъ мировыхъ судей учреждались въ вѣдѣніи губернскихъ прокуроровъ должности ихъ товарищей, на которыхъ возлагались и нѣкоторыя сохранившіяся еще обязанности губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ, совершенно упраздненныхъ подобной мѣрой. Этотъ переходный типъ прокуратуры окончательно сформировался съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ правилъ *10 Марта 1869 г.* о порядкѣ производства дѣлъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ. Въ связи съ упомянутыми выше правилами *11 Октября 1865 г.* они образовали особый родъ переходнаго судоустройства и процесса, въ которомъ положеніе прокуратуры составилось изъ соединенія стараго съ новымъ. Функціи закрытыхъ уѣздныхъ и другихъ равныхъ имъ судовъ распредѣлились между мировыми судами и соединенными палатами уголовнаго и гражданскаго суда. По отношенію къ мировымъ установленіямъ и къ производству слѣдствій губернскій прокуроръ и его товарищи облечены всѣми правами и обязанностями прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ. Уголовныя дѣла вносятся въ соединенные палаты не иначе, какъ съ заключеніемъ прокурорскаго надзора, чины котораго лично поддерживаютъ обвиненіе въ публичномъ засѣданіи палаты по дѣламъ о преступленіяхъ, подвергающихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, т.-е. устно формулируютъ обвиненіе послѣ доклада дѣла и могутъ состязаться съ допущенною и въ эти прежніе суды защитою. Такая губернская прокуратура, подобно старому мѣстному надзору, находилась въ непосредственномъ подчиненіи министру юстиціи и не стояла ни въ какихъ зависимыхъ отношеніяхъ къ новой прокуратурѣ уже открытыхъ су-

---

[1]) Высочайшій указъ 30 Іюня 1868 г. о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій отдѣльно отъ общихъ въ губерніяхъ: Вятской, Казанской, Костромской, Смоленской, Черниговской и друг.

дебныхъ палатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ служебныхъ условій, въ которыя законъ поставилъ товарищей губернскихъ прокуроровъ, вытекала и была, сверхъ того, разъяснена сенатомъ [1]) полная независимость ихъ отъ губернскаго административнаго начальства, что весьма существенно отличало ихъ отъ прежнихъ стряпчихъ. Установленіе и дѣйствіе этого временнаго прокурорскаго института предшествовало введенію Судебныхъ Уставовъ въ округахъ Казанской, Саратовской, Кіевской и Виленской судебныхъ палатъ, а также въ губерніяхъ, включенныхъ при реформѣ въ открытые уже судебные округа (напр. Костромской, Смоленской, Вологодской Черниговской и друг.). Теперь онъ существуетъ съ тѣмъ же значеніемъ въ губерніяхъ остзейскихъ, сѣверныхъ (Архангельской и Олонецкой) юговосточныхъ (Оренбургской, Уфимской и Астраханской) и во всей Сибири.

Примѣненіе указанной мѣры оказалось очень практичнымъ и полезнымъ. Не отмѣняя сразу всѣхъ функцій прежняго надзора, связаннаго съ прежнимъ устройствомъ суда и управленія, она дала возможность, не дожидаясь повсемѣстнаго введенія судебной реформы, распространить повсюду дѣятельное участіе прокуратуры въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, облегчавшее отправленіе суда и возлагавшее преслѣдованіе на самостоятельный и спеціальный органъ. Затѣмъ составъ переходнаго надзора доставилъ хорошую школу прокурорской службы и обильный контингентъ основательно подготовленныхъ чиновъ для новой прокуратуры, ряды которой неоднократно и съ успѣхомъ пополнялись губернскими прокурорами и ихъ товарищами.

Въ *1866 г.*, почти одновременно съ открытіемъ первыхъ новыхъ судовъ, были изданы касавшіяся и прокурорскаго надзора правила внутренняго въ нихъ распорядка [2]). Дополнявшіяся послѣдующими узаконеніями, эти правила опредѣляли нѣкоторыя подробности внутренняго устройства и порядка дѣйствій прокуратуры, въ томъ

---

[1]) Опредѣленія 1-го Департамента отъ 20 января 1872 и 3 января, 3 и 7 марта 1874 г.

[2]) Высочайше утвержд. 15 марта 1866 г. врем. правила внут. распорядка въ судебныхъ установленіяхъ, учрежденныхъ по Суд. Уставамъ 20 ноября 1864 г. Къ такимъ же правиламъ внут. распорядка относятся: ст. 4 закона 4 Іюля 1866 г. о мѣстахъ заключенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и законъ 5 декабря 1866 г. о штатной суммѣ на разъѣзды и канцелярскіе расходы столичныхъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ.

числѣ средства надзора ея за всѣми вообще арестантскими дѣлами и за слѣдственнымъ дѣлопроизводствомъ. Всѣмъ установленіямъ и должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства предписано сообщать прокурорскимъ чинамъ какъ о положеніи тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ арестанты содержаться болѣе 4 мѣсяцевъ, такъ и о причинахъ, останавливающихъ окончаніе такихъ дѣлъ (ст. 13). Въ отношеніи судебныхъ слѣдователей это требованіе предъявлено еще шире: они представляютъ товарищу прокурора по третямъ года именныя вѣдомости всѣмъ слѣдствіямъ, производящимся долѣе мѣсяца, съ указаніемъ причинъ замедленія и, сверхъ того, ежемѣсячно краткія свѣдѣнія о положеніи неоконченныхъ арестантскихъ слѣдствій (ст. 23). По арестантской части закономъ *7 Марта 1866 г.* прокурорскому надзору присвоено не только наблюденіе за правильностью содержанія подъ стражей и удовлетвореніе законныхъ просьбъ и надобностей арестантовъ, но и прямое участіе въ самомъ управленіи тюрьмами. На прокуроровъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищей возлагаются пріемъ, разсмотрѣніе и направленіе по принадлежности написанныхъ арестантами бумагъ. Лицамъ прокурорскаго надзора, независимо отъ обязанностей собственно по этой должности, присваиваются еще обязанности и званія: прокурорамъ судебныхъ палатъ вице-президентовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, входящихъ въ районъ округа, а прочимъ прокурорскимъ чинамъ—директоровъ этихъ комитетовъ и ихъ отдѣленій (дополненіе къ ст. 136 учр. суд. установ., извлеченное изъ закона 7 Марта 1866 г.).

Въ томъ же законѣ 7 Марта 1866 г. положено начало новой формѣ дѣятельности прокурорскаго надзора по административнымъ дѣламъ—участію прокурора въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ на правахъ члена съ голосомъ въ присутствіи. Въ этомъ качествѣ представитель прокуратуры былъ сначала введенъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, а затѣмъ, по мѣрѣ учрежденія другихъ присутствій, и во всѣ эти коллегіально-административныя установленія, вѣдающія, въ составѣ начальниковъ отдѣльныхъ губернскихъ частей, спорныя и болѣе важныя распорядительныя дѣла по разнымъ отраслямъ управленія. Такъ на прокурора было возложено участіе въ губернскихъ присутствіяхъ по воинской повинности, по городскимъ дѣламъ, для освидѣтельствованія лицъ въ состояніи умственныхъ способностей и

по фабричнымъ дѣламъ. Вслѣдствіе этого основное начало новаго прокурорскаго надзора—ограниченіе его занятій дѣлами судебнаго вѣдомства (ст. 135 учр. суд. устан.), выраженное въ первомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ безусловно, въ послѣднемъ ихъ изданіи, 1883 г., снабжено оговоркою о томъ, что предметы занятій лицъ прокурорскаго надзора *вообще* ограничиваются этими дѣлами, «нѣ-«которыя же другія обязанности, сверхъ того, возлагаемыя на сіи «лица, опредѣлены въ особыхъ уставахъ и положеніяхъ по при-«надлежности» [1]).

Ни по одному изъ этихъ присутствій прокурору не предоставлено правъ надзора или протеста, но уже включеніе члена отъ прокуратуры въ составъ этихъ губернскихъ коллегій достаточно свидѣтельствуетъ о намѣренія законодателя не придерживаться буквально и неизмѣнно принципа обособленности прокурорскаго надзора въ судебной сферѣ, а напротивъ дѣлать его, какъ свѣдущаго и компетентнаго органа правительства, участникомъ нѣкоторыхъ сторонъ мѣстнаго управленія. На тотъ же взглядъ указываетъ и присвоеніе прокурору извѣстныхъ правъ и обязанностей по отдѣльнымъ дѣламъ административнаго характера. Тѣмъ не менѣе изъ совокупности подобныхъ узаконеній слѣдуетъ заключить, что прокуроръ участвуетъ въ административныхъ присутствіяхъ и дѣлахъ въ качествѣ скорѣе юрисконсульта и представителя вообще судебнаго вѣдомства, нежели блюстителя законнаго порядка [2]).

Изъ задачъ надзора за формальною правильностью личнаго задержанія вытекаетъ и предписаніе примѣчанія къ ст. 21 положенія *14 августа 1881* о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія о препровожденіи къ прокурорскому надзору копій со всѣхъ постановленій объ арестѣ, состоявшихся на основаніи этого закона.

---

[1]) Законы: 1869 г. Апрѣля 15 (№ 46971) и Мая 26 (47136); 1870 г. Іюня 16 (48498) ст. 11; 1872 Февраля 3 (№ 50504); 1874 Января 1 (52983) ст. 8; Іюня 27 (53678) ст. 26; 1875 Января 28 (54330) ст. 3; 1879 Марта 9 (59399) отд. I, ст. 5; Апрѣля 24 (59548) I, ст. 9.

[2]) Это можно видѣть, между прочимъ, и изъ того, что законодатель отводитъ подобное участіе не исключительно одному прокурору, но и судьямъ; такъ въ губернскихъ лѣсоохранительныхъ комитетахъ, учрежденныхъ по закону 1888 г., присутствуетъ уже не прокуроръ, а предсѣдатель окружнаго суда.

Былъ расширенъ и снабженъ новыми средствами собствено судебный надзоръ прокуратуры. Закономъ *21 мая 1872* (доп. къ ст. 256 учр. суд. уст.) первоначальное право министра юстиціи ревизовать судебныя мѣста лично, черезъ своего товарища или членовъ судебныхъ палатъ, дополнено предоставленіемъ ему права поручать высшимъ чинамъ прокурорскаго надзора, до товарищей прокуроровъ палаты включительно, обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій, «съ цѣлью» — какъ сказано въ законѣ—«извлеченія необходимыхъ для министерства свѣдѣній». Эта новая форма изслѣдованія—«обозрѣніе»—отличается отъ «ревизіи» только по своей вышеуказанной цѣли, но такъ какъ добываемыя обозрѣніемъ свѣдѣнія поступаютъ въ распоряженіе того же министерства, которое направляетъ и собранный имъ ревизіонный матеріалъ и, кромѣ того, способы производства обоихъ изслѣдованій въ сущности одинаковы, то на практикѣ обозрѣніе отождествляется съ ревизіей, и высшіе чины прокуратуры сдѣлались ревизіонными органами министерства юстиціи.

Затѣмъ въ недавнее время, по закону *20 мая 1885 г.*, послѣдовало еще болѣе значительное усиленіе генералъ-прокурорскаго надзора за судебными мѣстами. По этому поводу въ мотивахъ названнаго закона выражено: «находясь во главѣ судебнаго вѣдомства и неся отвѣтственность передъ верховною властью за правильный ходъ правосудія въ Имперіи, министръ юстиціи, очевидно, долженъ располагать вполнѣ достаточными способами къ устраненію разсматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка. Въ силу этого признано необходимымъ, не ограничиваясь постановленіемъ въ законѣ о правѣ министра юстиціи требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства нужныхъ свѣдѣній и объясненій, представляемыхъ письменно или лично, и указывать на допущенныя нарушенія—устранить, сверхъ того, излишнія стѣсненія, которыми обставлено осуществленіе министромъ юстиціи принадлежащаго ему общаго по судебному вѣдомству надзора» [1]). Согласно этимъ соображеніямъ министру юстиціи предоставлены новыя права: 1) требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства письменныхъ или личныхъ объясненій (нов. ред. ст. 254 учр. суд. уст.); 2) дѣлать этимъ чинамъ соотвѣтственныя напоминанія и указанія

[1]) Журналъ соед. д-товъ Госуд. Совѣта 1885 г. № 26, стр. 21.

(нов. ред. ст. 255 учр. суд. уст.) и 3) передавать на разсмотрѣніе высшаго дисциплинарнаго присутствія сената о такихъ служебныхъ упущеніяхъ или частныхъ неблаговидныхъ поступкахъ судьи, которые вызываютъ необходимость въ удаленіи его отъ должности или въ перемѣщеніи въ другую мѣстность (нов. ред. ст. 295 учр. суд. уст.) [1]). Конечно, однимъ изъ главныхъ источниковъ для пользованія этими правами должно служить генералъ-прокурору наблюденіе подвѣдомственныхъ ему прокурорскихъ чиновъ. Прежде выраженное въ факультативномъ смыслѣ, оно сдѣлано теперь обязательнымъ. Въ ст. 253 учр. суд. уст., на основаніи которой чины прокурорскаго надзора представляютъ по начальству о всѣхъ замѣченныхъ ими упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, слова «*по праву*» замѣнены словами «*по обязанности*» и такимъ образомъ наблюдательная функція прокуратуры получила прямо повелительное значеніе.

Въ *1872 г.* въ развитіе единства прокуратуры расширено право высшаго лица замѣнять низшее, прежде ограниченное предѣлами одной и той же юрисдикціи. По закону *22 февраля 1872 г.* прокуроры судебныхъ палатъ пріобрѣли возможность, какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по распоряженію министра юстиціи, принимать на себя или возлагать на своихъ товарищей исполненіе всякой обязанности подчиненныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора (2 ч. ст. 131 учреж. суд. уст.).

Въ *1877* и *1885 г.* произошли измѣненія въ организаціи и дѣятельности сенатской оберъ-прокуратуры. По закону *10 іюня 1877 г.* предметы высшаго надзора были сосредоточены въ соединенномъ присутствіи сената, образуемомъ изъ сенаторовъ 1-го и кассац. департаментовъ. Исполненіе прокурорскихъ обязанностей при этомъ присутствіи возложено на одного изъ кассаціонныхъ оберъ-прокуроровъ съ особымъ при немъ товарищемъ. Далѣе министру предоставлено предлагать на обсужденіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ черезъ оберъ-прокурора доходящія до свѣдѣнія министерства вопросы, разрѣшаемые не однообразно въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ или же возбуждающіе на практикѣ сомнѣнія. По закону *20 мая 1885* въ составѣ сената образовано еще высшее дисциплинарное присутствіе, для разрѣшенія

[1]) Ст. XIV и XX п. 3 закона 20 Мая 1885 г.

подвѣдомственныхъ сенату дисциплинарныхъ дѣлъ о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства. Для исполненія прокурорскихъ обязанностей при всѣхъ этихъ особыхъ сенатскихъ установленіяхъ (какъ-то: общемъ собраніи кассац. департаментовъ, соединенномъ присутствіи 1-го и кассац. департам. и высшемъ дисциплинарномъ присутствіи) опредѣленъ особый оберъ-прокуроръ. У него сосредоточиваются случаи, требующіе устраненія встрѣчаемыхъ въ судебной практикѣ уклоненій отъ законнаго порядка и привлеченія къ отвѣтственности судебныхъ чиновъ. Съ цѣлью единообразнаго рѣшенія подобныхъ случаевъ и тогда, когда они возникаютъ изъ дѣлъ, вступающихъ на разсмотрѣніе сената въ общемъ инстанціонномъ порядкѣ, министръ можетъ поручить названному оберъ-прокурору отправленіе прокурорскихъ обязанностей и по дѣламъ, разсматриваемымъ въ кассаціонныхъ департаментахъ.

Закономъ *25 мая 1874 г.* (ст. 14) прокурорамъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ предоставлено право своими предложеніями возбуждать въ судебныхъ мѣстахъ дисциплинарныя производства о частныхъ повѣренныхъ за неправильныя или предосудительныя ихъ дѣйствія.

Закономъ *12 іюля 1884 г.* въ число членовъ коммиссіи по составленію очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей по каждому уѣзду введенъ мѣстный товарищъ прокурора, чѣмъ прокуратура призвана къ участію въ образованіи суда присяжныхъ, очевидно въ интересахъ отнюдь не обвиненія, а правосудія.

Дополненія и измѣненія въ узаконеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ прокурорскому надзору, не ограничиваясь организаціонными постановленіями, коснулись также и нѣкоторыхъ процессуальныхъ институтовъ. Въ особенности слѣдственная часть, вмѣстѣ съ участіемъ въ ней прокурорскаго надзора, не переставала обращать на себя вниманіе правительства. Недостатки ея обнаруживались тѣмъ быстрѣе и сильнѣе, что по системѣ, принятой Судебными Уставами, предварительное слѣдствіе съ его преобладаніемъ инквизиціонныхъ элементовъ, является въ дѣйствительности фундаментомъ всего зданія уголовнаго процесса; судебное разсмотрѣніе служитъ лишь повѣркою слѣдствія и то, что было при немъ испорчено или недодѣлано, рѣзкими и часто неправильными чертами отражается на судѣ. Поэтому практика новыхъ судовъ не замедлила указать на многія несовершенства даже и преобразованнаго слѣд-

ствія и уже въ первые годы послѣ судебной реформы вызвала вопросъ о пересмотрѣ его законовъ и учрежденій Въ маѣ *1869 г.*, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи подъ предсѣдательствомъ сенатора *Петерса*, изъ чиновниковъ министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, особой коммиссіи, которой было поручено отправиться въ губерніи уже открытыхъ судебныхъ округовъ для изслѣдованія на мѣстахъ недостатковъ слѣдственной части, съ тѣмъ чтобы потомъ внести въ министерство юстиціи соображенія о необходимыхъ по этой части преобразованіяхъ. Результаты работъ этой коммиссіи изложены въ изданномъ въ *1870 г.* ея отчетѣ [1]).

Въ этомъ интересномъ документѣ помѣщены выводы изъ фактическаго матеріала, характеризующіе слѣдственную дѣятельность и причины, по которымъ она въ значительной степени не осуществляетъ идеальныхъ намѣреній законодателя. Коммиссія нашла, что прокуратура весьма рѣдко и въ слабой степени пользуется своимъ правомъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, имѣетъ лишь незначительное вліяніе на розыскную дѣятельность полиціи и недостаточно наблюдаетъ за производствомъ предварительныхъ слѣдствій. Причины этого лежатъ въ общемъ устройствѣ слѣдственной части, а въ частности и въ положеніи, которое законъ и практика отвели прокурорскому надзору въ области преслѣдованія. Въ общемъ выводѣ «отсутствіе такихъ формъ, въ которыхъ прокурорское наблюденіе могло бы дѣйствительно проявляться, малочисленность состава прокурорскаго надзора, порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія и, наконецъ вмѣшательство административныхъ инстанцій въ распоряженія по слѣдственной части составляютъ, по мнѣнію коммиссіи, тѣ коренныя причины, которыя лишаютъ прокуратуру возможности осуществлять права, принадлежащія ей какъ органу власти, преслѣдующей преступленія» [2]). Нельзя при этомъ не замѣтить, что составленный коммиссіею проектъ мѣръ къ устраненію всѣхъ этихъ недостатковъ лишенъ всякой оригинальности и въ точности воспроизводитъ французскій порядокъ уголовнаго преслѣдованія и предваритель-

[1]) Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій. Изданіе министерства юстиціи 1882, ч. 2.

[2]) Отчетъ коммиссіи сенатора Петерса, стр. 145.

наго слѣдствія. Это таже система чиновъ и дѣйствій «судебной полиціи», съ прокуратурой во главѣ, монополія послѣдней въ обвиненіи, слѣдственныя ея полномочія при «застигнутомъ преступленіи» и, въ заключеніе, почти буквальный списокъ съ отношеній французскаго прокурора къ слѣдственному судьѣ и его слѣдствію, даже съ тою же зависимостью слѣдователя отъ прокурора судебной палаты, какъ начальника судебной полиціи [1]).

Такой совершенно несамостоятельный проектъ, къ тому же довольно слабо обоснованный, не могъ имѣть шансовъ на успѣхъ, отчасти уже и потому, что трудно было бы рѣшиться на столь важное и значительное новое преобразованіе порядка, реформированнаго всего 3 — 4 года тому назадъ и, слѣдовательно, даже не испытаннаго достаточною практикой.

Но работы по изученію этого вопроса въ министерствѣ юстиціи не прекращались и результатомъ ихъ было изданіе *въ 1882 г.* чрезвычайно цѣннаго сборника подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій*». Въ это изданіе вошли обстоятельные очерки главнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ по слѣдственной части, отзывы и замѣчанія по тому же предмету высшихъ лицъ судебнаго вѣдомства, а также сводъ предположеній, заявленныхъ мѣстными представителями судебной власти относительно мѣръ, необходимыхъ для улучшенія слѣдственной части. Сборникъ даетъ полную картину современнаго положенія вопроса въ Западной Европѣ и Россіи и при этомъ ясно обрисовываетъ въ постановкѣ у насъ слѣдственнаго дѣла два теченія, которыя сходятся между собою лишь въ признаніи нынѣшней его неудовлетворительности. Одно, консервативное, къ которому примыкаетъ большинство нашихъ практиковъ, стремится упорядочить и улучшить существующее, устранить препятствія къ его правильному дѣйствію согласно съ мыслью законодателя, ограничиться поправками, не расходящимися съ началами нынѣшнихъ учрежденій. Напротивъ другое, прогрессивное направленіе, выразившееся въ мнѣніи и проектѣ чиновъ оберъ-прокуратуры уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, требуетъ глубокой и радикальной реформы, доказывая, что только новымъ построе-

[1]) Тамъ же, стр. 167—170.

ніемъ уголовнаго преслѣдованія и слѣдствія на строго проведенномъ обвинительномъ началѣ, можно достигнуть существеннаго улучшенія слѣдственной части. Относящіеся сюда взгляды и предположенія разработаны съ большой послѣдовательностью, но тѣсно связаны съ трудно-осуществимымъ полнымъ переустройствомъ всей слѣдственно-полицейской части и съ такими рѣшительными мѣропріятіями, какъ, напримѣръ, введеніе защиты въ предварительное слѣдствіе. Оба направленія имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія и посредствующіе оттѣнки. Въ нихъ прокурорскій надзоръ является въ разнообразныхъ положеніяхъ, съ различнымъ значеніемъ и степенью власти, отъ исключительнаго блюстителя закона, безъ правъ стороны, до единственнаго и прямаго начальника розыскной полиціи и руководителя розыска, при равноправности съ защитою въ состязаніи передъ безпристрастнымъ, исзависимо поставленнымъ слѣдственнымъ судьею. Въ большинство мнѣній входитъ мысль усилить обвинительную дѣятельность прокурора и поставить его въ такія условія, чтобы онъ могъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только или въ теоріи, постоянно руководить дознаніемъ и наблюдать за слѣдствіемъ. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ отзывовъ практическихъ дѣятелей и изъ свойства предлагаемыхъ ими мѣръ нельзя не заключить, что слѣдственная часть представляетъ одну изъ слабѣйшихъ сторонъ прокурорской службы, которая здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нуждается въ облегченіи и оживленіи.

Въ *1884* и *1885 гг.* сдѣланъ былъ еще опытъ мѣстнаго изслѣдованія слѣдственной части — ревизія этой части въ Петербургѣ, произведенная по Высочайшему повелѣнію сенаторомъ *Окуловымъ*. Результаты ея, изложенные въ изданномъ о ней отчетѣ [1]) во многомъ сходны съ выводами коммиссіи сенатора Петерса и не представляютъ ничего новаго сравнительно со взглядами, высказанными въ упомянутыхъ «Матеріалахъ». Ревизія констатируетъ ту же недостаточность прокурорскаго наблюденія за производствомъ слѣдствій и ту же неправильность въ постановкѣ розыскной и вспомогательной дѣятельности полиціи, которыя стали уже общимъ мѣстомъ этого вопроса.

---

[1]) Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, 1886, кн. VIII юридическая хроника, стр. 117—140.

То и другое объясняется прежде всего организаціонными недостатками, количественною слабостью силъ, ненормальностью отношеній и тому подобными причинами. Мѣры, предлагаемыя сенаторомъ Окуловымъ въ отношеніи прокурорскаго надзора, сводятся къ большей регламентаціи порядка его дѣйствій, къ поставленію направленія всѣхъ дознаній и вчинанія по нимъ слѣдствій въ непремѣнную зависимость отъ его предложеній и, наконецъ, въ подчиненіи его руководству всѣхъ дѣйствій сыскной полиціи по уголовнымъ дѣламъ. Какъ бы то ни было, еще далеко не выясненъ и остается смутнымъ капитальный вопросъ о томъ, что именно въ неудовлетворительномъ положеніи слѣдственной дѣятельности нашей прокуратуры слѣдуетъ приписать органическимъ недостаткамъ законодательства, и что приходится на долю чисто бытовыхъ причинъ? Только яснымъ и практически правильнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ и можетъ, очевидно, опредѣлиться дальнѣйшее направленіе законодательныхъ предначертаній. До сихъ поръ они отличались большою осторожностью и какъ бы выжиданіемъ указаній болѣе обширнаго и продолжительнаго опыта. Тѣмъ временемъ въ порядокъ уголовнаго преслѣдованія вносились лишь частичныя измѣненія и дополненія, не требующія ни дорого стоющихъ новыхъ учрежденій, къ тому же трудно согласимыхъ съ общимъ административнымъ устройствомъ — какъ напримѣръ особая судебная полиція, — ни принципіальной ломки всего существующаго слѣдственнаго строя, неизбѣжной при установленіи состязательнаго слѣдствія.

Въ *1870 г.* при окружныхъ судахъ были учреждены по одной должности судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ; эти слѣдователи приступаютъ къ слѣдствію исключительно по предложенію прокурора окружнаго суда (законъ 11 мая 1870 г.).

Въ *1871 г.* по совмѣстному представленію министра юстиціи и шефа жандармовъ, состоялось изданіе закона, который предоставилъ судебной власти или, точнѣе, прокурорскому надзору, содѣйствіе по уголовному преслѣдованію чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ; на нихъ же было возложено при этомъ исполненіе судебно-полицейскихъ обязанностей въ районѣ желѣзныхъ дорогъ и производство формальныхъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ. Таково въ краткихъ словахъ значеніе *Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1871 г. правилъ о порядкѣ*

дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Участіе этихъ чиновъ въ общемъ уголовномъ преслѣдованіи имѣетъ характеръ вспомогательный и обусловливается преимущественно возможностью исполненія ими этихъ новыхъ своихъ обязанностей, безъ ущерба для остальныхъ. Поэтому, общеуголовная дѣятельность жандармскихъ чиновъ ограничивается: а) сообщеніемъ прокурорскому надзору и полиціи о всякомъ замѣченномъ ими преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, съ принятіемъ неотложныхъ мѣръ розыска и изслѣдованія (ст. 1—2) и б) производствомъ дознаній на правахъ полиціи въ случаяхъ, когда обязанность эта будетъ возложена на нихъ прокуроромъ (ст. 3—8). При этомъ жандармскіе чины дѣйствуютъ, хотя и не въ той зависимости отъ прокуратуры, которая установлена для судебно-уголовной дѣятельности общей полиціи, но все же подъ наблюденіемъ и даже руководствомъ прокурора. Чины желѣзнодорожныхъ жандармскихъ полицейскихъ управленій, находясь въ тѣхъ же отношеніяхъ къ прокурорскому надзору, въ своемъ раіонѣ вполнѣ замѣняютъ общую полицію.

Что же касается до дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, то полномочія и дѣйствія жандармскихъ чиновъ по производству дознаній объ этихъ преступленіяхъ носятъ совершенно слѣдственный характеръ, сообразно чему и отношенія къ нимъ прокурорскаго надзора опредѣлены закономъ въ смыслѣ участія въ возбужденіи дѣлъ и постояннаго наблюденія за ихъ изслѣдованіемъ. Расширивъ кругъ дѣйствія прокурорскаго надзора и открывъ ему доступъ къ новымъ розыскнымъ органамъ, это узаконеніе не измѣнило ни существа его власти, ни положенія его въ процессѣ.

Слѣдующимъ по времени нововведеніемъ въ правахъ и обязанностяхъ прокурорскаго надзора по предварительному уголовному производству было постановленіе закона *18 декабря 1879 г.*, которымъ на прокуратуру возложено привлеченіе къ отвѣтственности чиновъ полиціи, по сообщеніямъ мировыхъ судей, за упущенія по подвѣдомственнымъ имъ дѣламъ. Этимъ закономъ отмѣнено прежнее право судьи дѣлать полицейскимъ чинамъ непосредственно отъ себя предостереженіе, предоставленное нынѣ всегда прокурорскому надзору, независимо отъ подсудности дѣлъ (нов. ред. ст. 53 уст. уг. суд.).

Наконецъ послѣднею новеллой по прокурорско-слѣдственной части является *законъ 1 мая 1884 года* о дополненіи ст. 253 уст. уг. суд., на основаніи которой, по первоначальной ея редакціи и въ связи съ соотвѣтствовавшими постановленіями т. II ч. I Св. Зак. общ. губ. учр., дознанія о происшествіяхъ сомнительныхъ или предполагавшихся преступными, но по выясненіи оказавшихся безразличными, не передавались вовсе судебнымъ органамъ и, безъ всякой ихъ провѣрки, прекращались постановленіемъ полицейскаго управленія. По новому же закону всѣ такія дознанія обязательно представляются полиціей на разсмотрѣніе прокурорскаго надзора, отъ котораго и зависитъ прекратить ихъ, потребовать ихъ дополненія или возбудить по нимъ судебное преслѣдованіе. Такимъ образомъ, если для полиціи не все было ясно въ происшествіи и возникало хотя самое отдаленное сомнѣніе или предположеніе о возможной наличности въ немъ признаковъ преступленія, словомъ, разъ для выясненія происшествія съ этой стороны производилось дознаніе, оно уже не можетъ миновать прокуратуры. Эта послѣдняя, направляя или разрѣшая дознаніе, получаетъ въ свое вѣдѣніе еще одну категорію поводовъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія и способъ контролировать дѣйствія полиціи по невозбужденію его. Тѣмъ же закономъ категорически признано право прокурора возбуждать черезъ полицію судебное преслѣдованіе въ мировыхъ установленіяхъ.

Измѣненія въ узаконеніяхъ, касающихся прокурорской дѣятельности въ послѣдующихъ стадіяхъ процесса, не многочисленны и для нея не особенно существенны. Это 1) законъ *3 мая 1883 г.* о новомъ порядкѣ прекращенія слѣдствій, по которому прокуроръ всякое свое заключеніе о прекращеніи дѣла, независимо отъ рода его, вноситъ въ окружный судъ и только въ случаѣ несогласія суда съ мнѣніемъ прокурора дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе судебной палаты, и 2) законъ *12 іюня 1884 г.*, по которому право сторонъ на судѣ, въ томъ числѣ и прокурора, на отводъ присяжныхъ засѣдателей, во избѣжаніе частыхъ отсрочекъ засѣданій за недостаточностью числа присяжныхъ, сокращено съ 6-ти на 3 лица.

По гражданскому судопроизводству единственнымъ дополненіемъ законовъ объ участіи прокурорскаго надзора въ этихъ дѣлахъ было порученіе чинамъ этого надзора, по закону 12 іюня 1885 г.,

давать заключенія въ съѣздахъ мировыхъ судей, кромѣ дѣлъ казеннаго и общественнаго характера, первоначально перечисленныхъ въ законѣ (ст. 179 уст. гражд. суд.), также и по дѣламъ, въ которыхъ истцами или отвѣтчиками являются желѣзныя дороги, т.-е. юридическія лица большаго публичнаго значенія.

Хотя все вышесказанное не даетъ еще достаточно твердаго основанія формулировать опредѣленный и конечный выводъ о ходѣ нашего законодательства по предметамъ прокурорской службы со времени судебной реформы, тѣмъ не менѣе въ общемъ характерѣ и послѣдовательности приведенныхъ узаконеній можно замѣтить нѣкоторую, осторожно проявляемую наклонность къ усиленію прокурорскаго надзора, къ распространенію его участія, какъ въ судебно-уголовныхъ, такъ и административныхъ дѣлахъ. Обѣ его функціи, законоохранительная и обвинительная, нѣсколько расширяются, причемъ первая выходитъ даже за предѣлы судебныхъ дѣлъ, сообщая прокурору значеніе какъ бы правительственнаго юрисконсульта, а вторая стремится усвоить себѣ характеръ болѣе дѣятельный и рѣшающій по вопросамъ уголовнаго преслѣдованія. Въ этомъ медленномъ движеніи видоизмѣнилось лишь одно изъ началъ прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 г.,—ограниченіе его занятій дѣлами судебнаго вѣдомства, всѣ же другіе основные его принципы остаются неприкосновенными и въ этомъ видѣ воспроизведены въ послѣднемъ изданіи (*1883 г.*) нашего судебнаго кодекса, Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

Со включеніемъ статей по продолженію 1886 года это главнѣйшій законодательный источникъ для прокурорской службы. Въ первой части его, *учрежденіи судебныхъ установленій*, спеціально прокурорскому надзору посвященъ раздѣлъ 3-й книги I, озаглавленный «о лицахъ прокурорскаго надзора» и состоящій изъ 14 статей (отъ 124 до 136). Но ими предметъ этотъ еще вовсе не исчерпывается и какъ устройство, такъ и дѣятельность прокуратуры опредѣляются многими другими статьями того же учрежденія и *уставовъ: гражданскаго* и въ особенности *уголовнаго судопроизводствъ*. Затѣмъ слѣдуютъ не вошедшіе въ Судебные Уставы и упоминаемые въ нихъ *отдѣльные уставы и положенія*, въ которыхъ на прокурорскій надзоръ возлагаются особыя обязанности, сверхъ судебныхъ. Далѣе, уже съ болѣе косвеннымъ значені-

емъ, относятся до прокурорскаго надзора нѣкоторыя указанія, помѣщенныя въ *Сводѣ Законовъ*: въ т. I ч. 2 учрежд. правит. сената и минист. юстиціи, т. II ч. 1 общ. губ. учрежд. т. III уст. о службѣ гражд. по опредѣл. отъ правительства, т. XIV уст. о содерж. подъ страж. и проч.

§ 67. **Руководящая практика.** Прокурорскій надзоръ дѣйствуетъ подъ двойнымъ наблюденіемъ и руководствомъ: правительствующаго сената, какъ верховнаго кассаціоннаго суда, и министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора. Вслѣдствіе этого разъясненія перваго и циркулярныя распоряженія втораго служатъ источникомъ руководящей практики для прокуратуры. Свойство ея въ той и другой отрасли различное. Сенатъ наставляетъ и указываетъ, и толкованія его по вопросамъ пониманія и примѣненія закона обязательны для прокуроровъ наравнѣ съ другими установленіями. Министръ юстиціи предписываетъ прокуратурѣ и предъявляетъ къ ней извѣстныя общія требованія, въ качествѣ ея главнаго и высшаго начальника. Есть и предметное различіе: сенатскіе указы и рѣшенія касаются преимущественно процессуальныхъ казусовъ, министерскіе же циркуляры—вопросовъ внутренняго распорядка и дѣлопроизводства. Но какъ тѣ, такъ и другіе намѣчаютъ подробности устройства и пріемы дѣятельности прокурорскаго надзора, почему и практическое ихъ усвоеніе немыслимо безъ основательнаго ознакомленія съ этимъ обширнымъ матеріаломъ.

Существуетъ еще одинъ, болѣе второстепенный источникъ руководящей прокурорской практики: это инструкціи, издаваемыя прокурорами судебныхъ палатъ для подвѣдомственныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора и чиновъ полиціи. Первыя опредѣляютъ порядокъ пользованія правами и исполненія обязанностей прокуратуры, вторыя разъясняютъ порядокъ производства полиціей дознаній и слѣдственныхъ дѣйствій и вообще ея права и обязанности по обнаруженію и преслѣдованію преступленій Такія инструкціи нынѣ составлены и изданы уже почти по всѣмъ судебнымъ округамъ. По самому назначенію этихъ наказовъ, они сообразуются съ мѣстными условіями, а въ содержаніи своемъ носятъ извѣстный отпечатокъ взглядовъ и личной иниціативы составителей. Въ предѣлахъ закона, сенатскихъ толкованій и генералъ-прокурорскихъ требованій нельзя и не желать простора этимъ двумъ факто-

рамъ. Прокурорская служба, имѣя дѣло съ людьми, съ ихъ безконечно измѣняющимися отношеніями и всѣмъ широкимъ разнообразіемъ бытовыхъ явленій, не можетъ допускать застоя или рутины. Только при свободномъ самоопредѣленіи ближайшихъ формъ и пріемовъ практики возможны ея гибкость и способность не отставать отъ жизни, слѣдуя урокамъ опыта. Притомъ наша молодая практика еще далеко не установилась и не выработала такихъ окончательныхъ и прочныхъ основаній, которыя уже заслуживали бы оффиціальнаго признанія ихъ цѣлою руководящей системою. Поэтому можно лишь сочувствовать тому, что до сихъ поръ не дѣлается безплодной и стѣснительной попытки урегулировать какою-либо общею инструкціей изъ центра подвижную область прокурорской службы на мѣстахъ. Для направленія ея достаточно сепаратныхъ указаній сената и генералъ-прокурора по частнымъ случаямъ и вопросамъ. Изданныя понынѣ, впрочемъ, уже доводятъ до крайности этотъ казуальный характеръ; въ нихъ рѣдко встрѣчаются сколько-нибудь принципіальныя разъясненія и только изъ общаго ихъ обозрѣнія съ этой послѣдней точки зрѣнія возможно сдѣлать заключеніе о правительственныхъ взглядахъ на нѣкоторые пункты устройства и дѣятельности прокурорскаго надзора.

Большинство циркуляровъ министерства юстиціи касается *внутренняго распорядка* прокурорскаго надзора и различныхъ отраслей его дѣлопроизводства. Сюда относятся: веденіе реестровъ и вообще регистрація, статистическая и контрольная отчетность, денежная часть, служебные разъѣзды, мѣстопребываніе, вступленіе въ должность и сдача ея, переписка о личномъ составѣ, порядокъ сношеній и переписка съ разными мѣстами и лицами, представленіе по начальству срочныхъ и экстренныхъ донесеній, передача по принадлежности различныхъ свѣдѣній и документовъ, порядокъ направленія и храненія дѣлъ и вещественныхъ доказательствъ и проч. Вообще, сверхъ опредѣленія собственно прокурорскаго дѣлопроизводства, циркулярныя распоряженія еще создаютъ прокурорскому надзору положеніе органа, черезъ который министерство юстиціи требуетъ и получаетъ всѣ нужныя ему данныя по судебной и судебно-административной части. Такой порядокъ регулируется многочисленными и подробными правилами и предписаніями, а отчасти и установившимся обыкновеніемъ, заимствованнымъ изъ указаній вседневнаго опыта. Все это образуетъ довольно сложный дѣловой и кан-

целярскій механизмъ, поглощающій не мало времени и труда, требующій много вниманія и техническаго навыка [1]).

Въ числѣ *организаціонныхъ* вопросовъ, особенно ясно и категорично разрѣшенныхъ авторитетной практикой, слѣдуетъ упомянуть о внѣшнемъ отношеніи прокуратуры къ суду, возбуждавшемъ недоразумѣнія и столкновенія, въ которыхъ личныя и случайныя побужденія нерѣдко заслоняли собою совершенно очевидный принципъ уваженія взаимнаго достоинства и соблюденія взаимныхъ правъ и преимуществъ, при строгомъ разграниченіи обязанностей. Такъ, по вопросу о формѣ обращенія прокурора къ суду министерство разъяснило, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроръ обращается въ публичномъ судебномъ засѣданіи ко всему присутствію суда (какого бы то ни было ранга) онъ долженъ вставать съ своего мѣста и говорить стоя [2]). Почти повсемѣстная практика послѣдняго времени, правильно руководствуясь соображеніями судебнаго приличія, пошла дальше и отдаетъ этотъ знакъ почтенія со стороны единоличнаго прокурора къ коллегіальному суду при всякомъ, безъ изъятія, обращеніи прокурора къ предсѣдательствующему судьѣ. Далѣе, по разъясненію сената, прокуроръ безусловно подчиняется всѣмъ распоряженіямъ предсѣдателя по охраненію порядка въ засѣданіи, оставляя за собою право опротестовать впослѣдствіи тѣ изъ нихъ, которыя прокурорскій надзоръ признаетъ неправильными. Въ случаѣ возраженій прокурора на распоряженія предсѣдателя, послѣдній можетъ и долженъ остановить прокурора, а въ случаѣ дальнѣйшихъ съ нимъ пререканій засѣданіе даже можетъ быть и вовсе пріостановлено или прервано, съ доведеніемъ о поступкахъ прокурора до свѣдѣ-

---

[1]) О количественныхъ размѣрахъ этого механизма можно судить потому, что по среднимъ и примѣрнымъ цифрамъ, дѣлопроизводство прокурорскаго надзора окружнаго суда въ центральной полосѣ Имперіи даетъ ежегодно, смотря по пространству и значенію округа, *въ столицѣ:* у прокурора до *30 т.* входящихъ, до *40 т.* исходящихъ бумагъ и до *4,500* уголовныхъ и *1800* гражданскихъ дѣлъ; у каждаго товарища прокурора по *1.500* бумагъ входящихъ и исходящихъ, до *300* уголовныхъ дѣлъ и до *300* заключеній въ съѣздахъ мировыхъ судей, а *въ провинціи*: у прокурора—отъ *4* до *12 т.* входящихъ и отъ *4* до *17 т.* исходящихъ бумагъ, отъ *450* до *2 т.* уголовныхъ дѣлъ, отъ *80* до *1800* гражданскихъ и у каждаго товарища прокурора—отъ *1000* до *1700* бумагъ входящихъ, отъ *900* до *1200* исходящихъ, отъ *200* до *300* уголовныхъ дѣлъ и отъ *180* до *400* заключеній въ съѣздахъ.

[2]) Циркул. министерства юстиціи 17 Мая 1870 г. (сб. № 218); 27 Декабря 1880 г. (сб. № 82).

нія его начальства. Но на лицо прокурорскаго надзора ни въ какомъ случаѣ не распространяется дискреціонное право предсѣдателя удалять изъ засѣданія участвующихъ или постороннихъ лицъ, нарушающихъ порядокъ [1]).

Прокуроръ ни въ какомъ случаѣ не долженъ находиться при совѣщаніи судей. Нарушеніе этого положенія по дѣламъ уголовнымъ сенатъ считаетъ существеннымъ поводомъ къ кассаціи [2]).

Низшіе чины прокурорскаго надзора безусловно подчинены прокурорамъ судебныхъ палатъ, черезъ которыхъ только и могутъ восходить въ министерство юстиціи всѣ представленія окружныхъ прокуроровъ [3]). Низшее лицо прокурорскаго надзора не вправѣ протестовать противъ такого опредѣленія судебнаго мѣста, которое не опротестовано высшимъ лицомъ этого надзора [4]) Но въ предъявляемыхъ ими заключеніяхъ всѣ прокурорскіе чины вполнѣ самостоятельны, причемъ вопросъ о правильности ихъ заключеній не подлежитъ и повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ [5]). Высшій прокуроръ можетъ опротестовать опредѣленіе или дѣйствіе, несогласное съ заключеніемъ низшаго; но начальствующій прокуроръ не вправѣ оставить безъ послѣдствій протестъ, принесенный подчиненнымъ [6]).

Еще задолго до изданія упомянутаго выше закона 20 мая 1885 года сенатомъ была признана обязательность принятія прокуроромъ соотвѣтствующихъ мѣръ по надзору за дѣйствіями судебныхъ мѣстъ, въ случаѣ замѣченныхъ со стороны послѣднихъ неправильностей [7]). Но такъ какъ мѣры эти ограничены предложеніемъ въ надлежащія судебныя мѣста или донесеніемъ по начальству, то въ ряду другихъ формъ и способовъ судебнаго надзора собственно прокурорскій надзоръ представляетъ не главный, а лишь вспомогательный [8]).

---

[1]) Указъ угол. кассац. д-та 24 Ноября 1886 г.

[2]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1872 № 159; 1875 №№ 132, 357. Рѣш. гражд. кассац. д-та 1871 № 825; 1873 № 1598.

[3]) Циркуляръ министерства юстиціи 1866, 14 Ноября (сб. № 34) 1880, 9 Января (сб. 566).

[4]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1869 № 41.

[5]) Рѣш. гражд. кассац. д-та 1875, № 1091; 1868 № 653; 1869 № 389.

[6]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1867 № 471, 1869 № 575, 1870 № 635, 1873 № 573.

[7]) Опред. общ. собр. 1870 № 31.

[8]) Опред. общ. собр. 1880 № 25.

Говоря о руководящихъ указаніяхъ по устройству прокурорскаго надзора, нельзя пройти молчаніемъ послѣдовавшее въ 1879 г. распоряженіе министерства о томъ, чтобы товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ имѣли жительство въ районѣ завѣдуемыхъ ими участковъ, т.-е. по большей части въ уѣздныхъ городахъ, и чтобы при этомъ участки, болѣе отдаленные отъ мѣстопребыванія прокуроровъ, ввѣрялись наиболѣе опытнымъ ихъ товарищамъ, вполнѣ подготовленнымъ и способнымъ къ самостоятельной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство объявило, что завѣдываніе такими участками и пребываніе въ нихъ товарищей прокуроровъ будетъ «принимаемо въ особое уваженіе для предоставленія имъ повы-«шенія по службѣ» [1]).

По *мировымъ судебнымъ установленіямъ* на прокурорскій надзоръ возлагается особое наблюденіе 1) за открытіемъ въ назначенные дни засѣданій съѣздовъ мировыхъ судей и разсмотрѣніемъ всѣхъ назначенныхъ къ тому дѣлъ, съ донесеніемъ по начальству о всѣхъ несостоявшихся съѣздахъ и неразсмотрѣнныхъ дѣлахъ, съ указаніемъ причинъ отсрочки [2]) и 2) за точнымъ соблюденіемъ мировыми судьями требованій закона о постоянномъ пребываніи въ избранномъ мѣстожительствѣ [3]).

На основаніи изданныхъ въ 1871 г. министерствомъ юстиціи и распубликованныхъ при сенатскомъ указѣ «правилъ счетоводства «въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ» прокуроръ окружнаго суда имѣетъ право вызвать своимъ предложеніемъ внезапную ревизію денежныхъ суммъ, документовъ и книгъ, какъ у мировыхъ судей, такъ и въ ихъ съѣздѣ. Въ коммиссіи, производящей подобныя ревизіи, участвуетъ товарищъ прокурора [4]).

Прокурорскій надзоръ обязанъ наблюдать за надлежащею подсудностью уголовныхъ дѣлъ въ мировомъ судѣ и при нарушеніи ея принимать, не стѣсняясь сроками обжалованія, мѣры къ ея возстановленію [5]).

По толкованію сената, лицо прокурорскаго надзора, присутствуя въ съѣздѣ мировыхъ судей, представляетъ собою не обвини-

---

[1]) Циркуляръ министерства юстиціи 14 Августа 1879 г. сб. № 557.

[2]) Цирк. мин. юст. 4 Ноября 1872 (сб. № 319); 19 Ноября 1881 № 16311. Цирк. мин. юст. 12 Февраля 1886 г. № 4692. Ст. 22—24 правилъ счетоводства.

[3]) Рѣш. угол. д-та 1867 № 358. Цирк. мин. юст. 13 Сентября 1872 (сб. № 13).

теля или вообще сторону въ процессѣ, а лишь блюстителя закона по всѣмъ дѣламъ, независимо отъ ихъ рода [1]). Поэтому лицо прокурорскаго надзора даетъ заключеніе въ съѣздѣ: а) по дѣламъ не только о публичныхъ проступкахъ, но и о проступкахъ частныхъ, погашаемыхъ примиреніемъ [2]) и б) по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ кассаціонномъ порядкѣ, хотя бы они и не подходили подъ общія условія, при которыхъ требуется прокурорское заключеніе въ гражданскомъ процессѣ [3]).

Поручая вообще дѣятельность мировыхъ установленій особому надзору прокуратуры, министерство возлагаетъ на прокуроровъ судебныхъ палатъ періодическое доставленіе свѣдѣній о тѣхъ мировыхъ участкахъ или округахъ, въ которыхъ, по ходу и состоянію дѣлопроизводства, необходимо обревизованіе его по распоряженію министерства.

По *дѣламъ гражданскимъ* практика сената признаетъ заключеніе прокурора, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предписано закономъ, настолько существеннымъ въ процессѣ моментомъ, что отсутствіе его ведетъ къ кассаціи рѣшенія [4]). Исключеніе изъ этого начала допускается лишь по такому вопросу о подсудности, который правильно разрѣшенъ судомъ, хотя и безъ выслушанія обязательнаго заключенія прокурора [5]). Если судъ не потребуетъ въ надлежащемъ случаѣ заключенія прокурора, то послѣдній имѣетъ основаніе возбудить переписку и производство по надзору объ этомъ отступленіи отъ законнаго порядка [6]).

Въ своихъ заключеніяхъ по гражданскимъ дѣламъ чины прокурорскаго надзора являются только безпристрастными блюстителями закона, а отнюдь не ходатаями за тѣхъ юридическихъ или частныхъ лицъ, особенное положеніе которыхъ обусловливаетъ участіе въ дѣлѣ прокурора.

Такъ, въ дѣлахъ несовершеннолѣтнихъ, обществъ, учрежденій, казеннаго управленія и проч., прокуроръ, руководствуясь един-

---

[1]) Рѣш. угол. д-та 1871 № 285.

[2]) Рѣш. угол. д-та 1871 г. № 840.

[3]) Цирк. указъ гражд. д-та 1880, 31 Января.

[4]) Рѣш. гражд. д-та 1870, № 630; 1874 № 560, 697, 239; 1875 № 533; 1876 № 109. 1879 № 201 и другіе.

[5]) Рѣшеніе гражд. д-та 1868 № 613, 1873 № 913, 1874 № 153, 1875 №№ 534, 380; 1878 №№ 202, 253 и друг.

[6]) Рѣш. гражд. д-та 1868 №№ 658, 893 и друг.

ственно своимъ убѣжденіемъ и существующими законами, вовсе не обязанъ защищать интересы этихъ тяжущихся и говорить въ ихъ пользу, если находитъ требованія или возраженія ихъ несогласными съ закономъ и справедливостью [1]).

Внѣ круга дѣлъ брачныхъ и казеннаго управленія прокуроръ не можетъ приносить въ сенатъ кассаціонныхъ протестовъ [2]). Но и представленія прокурорскаго надзора объ отмѣнѣ рѣшеній по этимъ дѣламъ дѣлаются исключительно въ интересахъ закона.

Всего обильнѣе руководящія разъясненія по *уголовнымъ дѣламъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и всего менѣе выдѣляются изъ круга частныхъ случаевъ.

По распоряженію министерства, чины прокурорскаго надзора обязаны доносить по начальству, въ порядкѣ подчиненія до министра юстиціи включительно, о всѣхъ происшествіяхъ, которыя по своему характеру или по сопровождающимъ ихъ обстоятельствамъ обращаютъ на себя особое вниманіе прокурорской власти или вызываютъ съ ея стороны принятіе чрезвычайныхъ мѣръ [3]).

Затѣмъ разновременными распоряженіями извѣстныя категоріи дѣлъ поручены особому вниманію и заботливости прокурорскаго надзора, которому вмѣнено въ обязанность прилагать всѣ старанія и принимать всѣ зависящія мѣры къ успѣшному изслѣдованію и быстрому движенію этихъ дѣлъ. Таковы дѣла: о поврежденіи желѣзнодорожныхъ путей [4]) и вообще о происшествіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ [5]), о распространеніи нѣкоторыхъ видовъ раскола (напр. штундизма) [6]) и вообще о преступленіяхъ противъ вѣры [7]), о безпорядкахъ въ мѣстахъ заключенія [8]), о поджогахъ [9]), о сопротивленіяхъ властямъ [10]) и нѣкоторыя другія.

Подтверждая непосредственную зависимость чиновъ полиціи отъ прокурорскаго надзора по обнаруженію и изслѣдованію преступле-

---

[1]) Рѣш. гражд. д-та 1875 № 1091.
[2]) Рѣш. гражд. д-та 1868 №№ 127, 658, 893; 1869 № 297 и друг.
[3]) Цирк. мин. юст. 15 Марта 1870 № 4739 (сб. № 212).
[4]) Цирк. мин. юст. 25 Ноября 1871 (сб. № 276).
[5]) Цирк. мин. юст. 26 Мая 1879 (сб. № 40).
[6]) Цирк. мин. юст. 28 Февраля 1887 (№ 5837).
[7]) Цирк. мин. юст. 27 Марта 1886 № 8987.
[8]) Цирк. мин. юст. 8 Октября 1885 (сб. № 195).
[9]) Цирк. мин. юст. 8 Ноября 1878 (сб. № 523).
[10]) Цирк. мин. юст. 28 Февраля 1888 № 6369.

ній, сенатъ и министерство указали, что право разъясненія полицейскимъ чинамъ порядка производства уголовныхъ дознаній принадлежитъ не непосредственному губернскому начальству этихъ чиновъ, а прокурорскому надзору, причемъ такія общія циркулярныя разъясненія или инструкціи должны исходить отъ прокуроровъ судебныхъ палатъ [1]). Обязательность этихъ инструкцій распространяется и на жандармскихъ чиновъ, когда они, при обнаруженіи и изслѣдованіи общихъ преступленій, дѣйствуютъ на правахъ общей полиціи [2]).

По вопросу объ отношеніяхъ прокуратуры къ полиціи по уголовному преслѣдованію сенатъ разъяснилъ: 1) что законная форма сношеній прокурорскаго надзора съ полицейскими чинами по этому поводу есть предъявленіе обязательныхъ къ исполненію *предложеній* [3]), 2) что при этомъ, однакоже, прокуроръ не имѣетъ права возлагать исполненіе дѣйствій по дознанію лично и непосредственно на мѣстныхъ начальниковъ полиціи (исправниковъ и полицеймейстеровъ), а долженъ сноситься объ этомъ съ губернскимъ начальствомъ [4]) и 3) что прокурорскій надзоръ можетъ дѣлать чинамъ полиціи предостереженія и вообще привлекать ихъ къ отвѣтственности, въ особо установленномъ для этого порядкѣ, за всѣ упущенія и неправильности, учиненныя до окончанія предварительнаго слѣдствія, и не имѣетъ этого права по дѣйствіямъ полиціи во исполненіе распоряженій суда по дѣлу, уже поступившему къ судебному разсмотрѣнію [5]).

По разъясненіямъ сената дѣйствія прокурорскаго надзора по возбужденію и дальнѣйшему веденію уголовнаго преслѣдованія не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ и, слѣдовательно, могутъ быть обжалованы частными лицами только въ порядкѣ іерархической подчиненности [6]).

Отношенія прокурора къ слѣдователю и слѣдствію было предметомъ неоднократныхъ указаній оффиціальной интерпретаціи, но

---

[1]) Опред. общ. собр. 1 и кассац. д-товъ 25 Мая 1871 (Указъ угол. кассац. д-та 13 Іюля 1872 г.). Цирк. мин. юст. 22 Іюня 1872 г. сб. № 301 и 31 Января 1881 № 2735.

[2]) Опред. общ. собр. 1 и кассац. д-товъ 7 Марта 1883 г.

[3]) Опред. сената по 1 д-ту 1 Іюня 1871 г. (вошло въ текстъ ст. 1343 Общ. Губ. Учр. изд. 1876).

[4]) Опред. общ. собр. 1877, № 2.

[5]) Опред. общ. собр. 22 Ноября 1882 и 28 Марта 1883.

[6]) Рѣш. угол. касс. д-та 1871 № 1754; 1873 № 265 и друг.

важный вопросъ этотъ и до нынѣ не разъясненъ достаточно и во всякомъ случаѣ далеко не исчерпанъ. Сенатъ и министерство требуютъ отъ прокуратуры постояннаго и неусыпнаго наблюденія за производствомъ слѣдствій. Оно должно проявляться не только въ своевременномъ пользованіи правами, предоставленными прокурору при слѣдствіи, но и въ томъ, что онъ обязанъ тщательно слѣдить съ одной стороны за юридическою правильностью слѣдствія, а съ другой и за фактическою его полнотою. При упущеніяхъ первой категоріи прокуроръ, смотря по обстоятельствамъ, или предлагаетъ суду, или доноситъ по начальству, т. е. дѣйствуетъ въ порядкѣ надзора. Что же касается до второй цѣли, то она достигается наблюдательною дѣятельностью и предложеніями при самомъ производствѣ слѣдствія, а не возвращеніемъ дѣлъ къ дослѣдованію, котораго прокуратурѣ рекомендуется избѣгать всѣми зависящими отъ нея средствами [1]). Впрочемъ, циркулярныя распоряженія въ большинствѣ случаевъ не указываютъ выхода изъ серьезныхъ практическихъ затрудненій на пути къ осуществленію этихъ столько же необходимыхъ, сколько трудныхъ для исполненія задачъ. Нѣкоторыя рѣшенія сената пытались, но безуспѣшно, разрѣшить или по крайней мѣрѣ дать критерій для разрѣшенія контроверсъ по жгучему вопросу о предѣлахъ и степени обязательности для слѣдователя предложеній прокурора [2]), и вопросъ этотъ до сихъ поръ остается на практикѣ спорнымъ и открытымъ.

Начиная съ періода разсмотрѣнія оконченнаго слѣдствія прокуроромъ для разрѣшенія вопроса о преданіи суду и до послѣдняго фазиса уголовнаго процеса, исполненія приговора, руководящія разъясненія по предметамъ прокурорской дѣятельности становятся обильнѣе по количеству и значительнѣе по содержанію. Сливаясь съ общими толкованіями узаконеній, касающихся различныхъ процессуальныхъ моментовъ, они составляютъ необходимую принадлежность общаго ученія объ участіи прокуратуры въ дѣйствующемъ у насъ уголовномъ судопроизводствѣ и будутъ изложены въ подробности во II томѣ настоящаго сочиненія. Здѣсь

---

[1]) Опред. общ. собр. 1870 № 31 и друг. Цирк. мин. юст. 17 Мая 1873 (сб. № 332) 16 Января 1887 № 1563 и друг.

[2]) Опред. общ. собр. 23 Октября 1873, 1875 № 61. Рѣш. угол. кассац. д-та 1868 № 829, 1881 № 2. Цирк. мин. юст. 28 Февраля 1874 (сб. № 362) и друг.

же умѣстно лишь привести нѣкоторыя изъ этихъ разъясненій, преимущественно сената, болѣе рельефно характеризующія общее направленіе оффиціальной практики по вопросамъ уголовной службы прокурорскаго надзора.

Такъ, по относящимся сюда толкованіямъ для составленія обвинительнаго акта необходима вѣроятность вины, т. е. совокупность уже выясненныхъ фактовъ, позволяющихъ разумно предполагать виновность, а не одни только предположенія о возможности выясненія такихъ фактовъ на судѣ. Въ обвинительный актъ вносятся только факты, имѣющіе болѣе или менѣе прямое отношеніе къ предмету обвиненія и подлежащіе повѣркѣ на судебномъ слѣдствіи. Обвинительный актъ долженъ быть ясенъ, точенъ, кратокъ и строго дѣловитъ, безъ излишнихъ подробностей и субъективнаго элемента въ формѣ разсужденій или отзывовъ составителя. Юридическая квалификація преступнаго дѣянія означается въ немъ лишь въ общихъ чертахъ, безъ предрѣшенія всѣхъ видовыхъ частей обвиненія. Но неточное или неправильное составленіе обвинительнаго акта вообще не признается существеннымъ поводомъ къ кассаціи, такъ какъ документъ этотъ вообще есть только какъ бы программа развитія обвиненія на судебномъ слѣдствіи, при которомъ прокуроръ не стѣсненъ въ исправленіи недостатковъ обвинительнаго акта посредствомъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ обвиненіи также, какъ и судъ при рѣшеніи дѣла не связанъ выводами обвиненія [1]).

Прокурорскому надзору вмѣняется въ обязанность тщательно избѣгать вызова къ суду ненужныхъ свидѣтелей и помѣщать въ списокъ, прилагаемый къ обвинительному акту, только тѣхъ изъ нихъ, показанія которыхъ дѣйствительно имѣютъ болѣе или менѣе существенное для дѣла значеніе [2]). Затѣмъ на основаніи ст. 573 уст. угол. суд. прокурору до открытія судебнаго засѣданія принадлежитъ, необусловленное никакими сроками, право требовать вызова дополнительныхъ свидѣтелей; право это дискреціонное и подобное требованіе прокурора подлежитъ безусловному удовлетво-

---

[1]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1866 № 78; 1867 №№ 178, 135, 263; 1868 №№ 191, 160; 102, 47, 829; 1869 №№ 877, 120, 486; 1870 №№ 164, 505, 709, 453, 1584; 1871 № 1818; 1872 № 817; 1874 № 626 и друг.

[2]) Цирк. мин. юст. 11 Декабря 1876, 10 Января 1877 (сб. № 486) и 16 Января 1887 № 1563.

ренію, безъ всякой оцѣнки судомъ поводовъ къ вызову [1]). Для сохраненія же въ этомъ отношеніи извѣстнаго равновѣсія между сторонами подсудимому или его защитнику обязательно объявляется о вызовѣ прокуроромъ новыхъ свидѣтелей [2]).

Всѣ прекращенныя слѣдственныя производства хранятся въ вѣдѣніи прокурорскаго надзора [3]).

Характеръ участія прокурора въ судебномъ засѣданіи различается по разъясненіямъ сената, смотря потому, дѣйствуетъ ли онъ въ качествѣ блюстителя закона, или же въ качествѣ стороны. Прокуроръ становится стороною только съ момента открытія засѣданія, а потому во время приготовительныхъ къ суду распоряженій о равноправности прокурора съ защитою не можетъ быть и рѣчи [4]). Въ засѣданіи прокуроръ даетъ суду заключенія по вопросамъ, касающимся порядка производства дѣлъ, хотя неисполненіе этого обряда не ведетъ еще вообще къ кассаціи приговора, и прокуроръ обязанъ самъ своевременно озаботиться предъявленіемъ заключеній по этимъ вопросамъ. По вопросамъ же, относящимся до существа дѣла и затрогивающимъ интересы прокурора, какъ обвинительной стороны, заключеній отъ него не требуется, но онъ можетъ по этимъ поводамъ дѣлать суду заявленія и предъявлять ходатайство на одинаковыхъ правахъ съ защитою [5]).

Указанія относительно участія прокурора въ заключительныхъ преніяхъ имѣютъ, главнымъ образомъ, отрицательное значеніе, разъясняя, чего не слѣдуетъ говорить. Такъ, въ особенности запрещается въ обвинительной рѣчи приводить обстоятельства, постороннія дѣлу или не провѣренныя на судебномъ слѣдствіи, всякія рѣзкія выраженія или укоризны, разсужденія объ угрожающемъ подсудимому наказаніи (по дѣламъ разрѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей) и проч. [6]). Нарушеніе этихъ и подобныхъ имъ запретовъ не влечетъ, однакоже, кассаціи приговора,

---

[1]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1868 № 943; 1869 №№ 25, 852, 734; 1875 № 175 и др.

[2]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1871 №№ 1250, 1271; 1873 № 124; 1879, № 1 и друг.

[3]) Цирк. мин. юст. 2 Октября 1869 (сб. № 192).

[4]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1868 № 943.

[5]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1869 №№ 973, 974; 1868 №№ 353, 489; 1874 №№ 505, 44; 1876 № 13; 1877 № 95 и друг.

[6]) Рѣш. уголов. кассац. д-та 1868 №№ 254, 520; 1869 № 51; 1870 №№ 436, 519, 1272; 1871 №№ 304, 1266, 1375, 1339, 388; 1872 № 499, 647; 1874 № 311; 1875 №№ 164, 320; 1876 №№ 107, 163 и друг.

въ виду права подсудимаго или его защиты опровергать доводы и выводы обвинителя [1]).

Но никакихъ указаній на какую-либо положительную теорію, даже просто схему обвинительной рѣчи въ руководящихъ разъясненіяхъ не содержится. Праву прокурора отказаться отъ обвиненія дана также отрицательная интерпретація. Прокуроръ можетъ отказаться отъ обвиненія не ранѣе, какъ во время заключительныхъ преній и притомъ только въ случаѣ, если доказательства и улики, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, опровергнуты судебнымъ слѣдствіемъ. Но отказъ этотъ не освобождаетъ судъ отъ обязанности продолжать судебное разсмотрѣніе и, не стѣсняясь прокурорскимъ мнѣніемъ, разрѣшить дѣло по существу [2]).

Изъ области дальнѣйшаго процессуальнаго теченія уголовныхъ дѣлъ отмѣтимъ еще существенное для силы приговора предъявленіе прокуроромъ заключенія о наказаніи, которое слѣдуетъ подсудимому по закону [3]), и право прокурорскаго надзора приносить протесты на неправильные, по его мнѣнію, приговоры, не только въ видахъ усиленія, но и законнаго смягченія наказанія [4]).

Пріемы и способъ дѣйствій прокурорскаго надзора по исполненію приговоровъ разъясняются рядомъ министерскихъ распоряженій, которыя касаются, впрочемъ, только частностей этой процедуры административнаго характера, не подлежащей вовсе повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ [5]).

Изъ особыхъ видовъ уголовнаго судопроизводства наибольшее количество руководящихъ разъясненій дѣятельности прокурорскаго надзора выпадаетъ на долю производства по преступленіямъ должности. Такъ какъ сущность этого производства заключается въ довольно сложной комбинаціи одновременнаго участія въ возбужденіи и направленіи дѣла судебной или, точнѣе, судебно-обвинительной власти прокурорскаго надзора и начальства обвиняемаго

---

[1]) Рѣш. уголов. кассац. д-та 1867 №№ 324, 405, 490; 1868 №№ 269, 111, 112, 298, 522, 717, 939, 944; 1869 №№ 11, 412; 1870 № 291; 1871 № 1178; 1872 №№ 285, 131; 1875 №№ 220, 317; 1884 № 29.

[2]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1866 № 78; 1870 №№ 206, 225; 1876 № 237.

[3]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1867 № 320; 1868 №№ 275, 575; 1872 № 796; 1873 № 563 и др.

[4]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1870 № 682; 1871 №№ 637, 1145; 1872 № 187.

[5]) Рѣш. угол. кассац. д-та 1874 № 218.

должностнаго лица, то коллизіи и спорные казусы неизбѣжны, возникаютъ часто и во множествѣ и требуютъ толкованія за толкованіемъ. Тѣмъ не менѣе изъ относящихся сюда весьма многочисленныхъ и пространныхъ разъясненій общаго собранія, соединеннаго присутствія 1 и уголовнаго кассаціоннаго департаметовъ сената и министерства юстиціи еще не образовалось цѣльной доктрины и не выработалось такихъ общихъ началъ, которыя сообщили бы практикѣ надлежащую ясность и устойчивость. Примѣромъ существующихъ въ ней колебаній можетъ служить капитальный вопросъ о томъ, вправѣ ли прокурорскій надзоръ, въ качествѣ спеціально обвинительной власти, возбуждать въ особенно важныхъ и спѣшныхъ случаяхъ предварительное слѣдствіе по обвиненію должностнаго лица въ преступленіи по службѣ, помимо распоряженія о томъ его непосредственнаго начальства, которому вообще по закону принадлежитъ право возбужденія преслѣдованія и преданія суду по подобнымъ дѣламъ? Сначала вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ сенатомъ утвердительно [1]), что внесло въ практику глубокое измѣненіе и, усиливъ значеніе прокуратуры, въ тоже время крайне затруднило ея положеніе въ отношеніи постороннихъ вѣдомствъ. Затѣмъ, послѣ продолжительной сбивчивости въ судебной практикѣ, сенатъ категорически отказался отъ такого разъясненія этого вопроса и въ цѣломъ рядѣ опредѣленій разрѣшилъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, вполнѣ согласно и съ точнымъ смысломъ закона [2]).

Въ общемъ направленіи разъясненій по вопросамъ уголовнаго преслѣдованія служебныхъ преступленій во всякомъ случаѣ сказывается стремленіе соблюсти гарантіи государственной и общественной службы и права отдѣльныхъ вѣдомствъ на оцѣнку дѣйствій своихъ служащихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставить прокурорскому надзору, въ предѣлахъ этихъ правъ и гарантій, возможность дѣятельно участвовать въ судебномъ изслѣдованіи должностныхъ нарушеній уголовнаго характера и отстаивать передъ высшими установленіями свое мнѣніе о нихъ. Насколько такое стремленіе осуществимо, покажетъ ближайшее разсмотрѣніе во

---

[1]) Опред. соед. прис. 9 Декабря 1871 г. по дѣлу Перескпкина.

[2]) Опред. соед. прис. 27 Апрѣля 1884 г. и друг.

II томѣ привходящихъ сюда явленій дѣйствительности и практики закона въ его толкованіяхъ и примѣненіи.

Нельзя не упомянуть также и объ обширномъ кругѣ руководящихъ разъясненій, относящихся до дѣятельности прокурорскаго надзора по тюремной части, куда принадлежитъ длинный рядъ циркулярныхъ распоряженій министерства юстиціи. Центромъ ихъ и исходной точкой въ настоящее время служитъ Высочайше утвержденное 8 декабря 1878 г. положеніе комитета министровъ, которымъ опредѣляются, между прочимъ, предметы вѣдомства прокурорскаго надзора въ порядкѣ мѣстнаго управленія тюрьмами. Содержаніе всѣхъ этихъ указаній сводится къ тому, что на обязанности лицъ прокурорскаго надзора лежитъ: принятіе надлежащихъ мѣръ по наблюденію за правильностью основаній къ задержанію каждаго изъ заключенныхъ и порядка содержанія ихъ въ установленномъ мѣстѣ заключенія, просмотръ и отправленіе бумагъ, писанныхъ арестантами, посѣщеніе тюремъ, разрѣшеніе свиданій съ подслѣдственными арестантами и надзоръ за содержаніемъ ихъ въ отдѣльной камерѣ, когда это по ходу слѣдствія оказывается необходимымъ. Затѣмъ въ отношеніи собственно администраціи тюремъ, наблюденія за матеріальными условіями содержанія арестантовъ и вообще по части тюремнаго хозяйства, права прокурорскихъ чиновъ, какъ таковыхъ, а не въ качествѣ членовъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій (вѣдающихъ также и административно-хозяйственную часть), ограничиваются сообщеніемъ обо всѣхъ обнаруженныхъ ими въ этомъ отношеніи злоупотребленіяхъ или безпорядкахъ, губернскому и уѣздному начальству [1]). Но полезность вообще наблюденія прокуроровъ за тюрьмами засвидѣтельствована непосредственно Верховною властью по поводу одного частнаго случая. Въ 1872 г. начальникъ караула въ одной изъ губернскихъ тюремъ, ссылаясь на инструкцію караула, не допускалъ прокурора окружнаго суда къ осмотру тюрьмы безъ билета. По докладѣ объ этомъ министра юстиціи, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II Всемилостивѣйше выразилъ, что прокуроръ имѣетъ и долженъ имѣть безпрепятственный входъ во всѣ мѣста заключенія и что Его Величество, при личномъ осмотрѣ

---

[1]) Цирк. мин. юст. 16 Іюня 1879 № 11353, 23 Іюня 1879 №№ 11890 и 11891, 18 Іюня 1882 № 12519 и др.

тюремъ убѣдился въ необходимости частаго присутствія въ мѣстахъ заключенія лицъ прокурорскаго надзора. Поэтому Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ разъяснить, что прокурорскіе чины имѣютъ во всякое время безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства [1]).

§ 68 **Литература.** Было бы напрасно и преждевременно искать полнаго и всесторонняго отраженія нашей судебной жизни, глубоко преобразованной реформою 1864 г., въ нашей юридической литературѣ. При нѣкоторыхъ капитальныхъ трудахъ, она еще не богата ни качествомъ, ни количествомъ, и какъ въ догматическомъ изложеніи законодательства, такъ и въ самостоятельномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ институтовъ представляетъ весьма значительные пробѣлы. Ихъ обусловливаютъ главнымъ образомъ отсутствіе общихъ, опредѣленныхъ направленій и недостатокъ систематической разработки, если не цѣлыхъ отраслей такъ называемаго судебнаго права, то хотя бы важнѣйшихъ его учрежденій. Журнальныя статьи еще преобладаютъ у насъ надъ книгами, случайныя и отрывочныя замѣтки—надъ монографіями, публицистическій тонъ и полемическій оттѣнокъ—надъ спокойнымъ и основательнымъ юридическимъ изученіемъ. Быстрому движенію и не вполнѣ установившемуся состоянію законодательства соотвѣтствуетъ обиліе литературныхъ предположеній *de lege ferenda* и господство легкой отрицательной критики, въ ущербъ солиднымъ работамъ по болѣе трудной критикѣ положительной и по вопросамъ *de lege lata*. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что вообще наши практическіе юристы читаютъ немного и неохотно, какъ бы не совсѣмъ еще отрѣшившись отъ бюрократической рутины стараго времени и довольствуясь ограниченнымъ кругомъ дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ разъясненій. Неудивительно, поэтому, что у насъ сравнительно такъ мало пишутъ и издаютъ въ той именно области юридическаго знанія, которая, не служа цѣлямъ единственно утилитарнымъ, въ тоже время близко соприкасается съ практикой. Вслѣдствіе этого и послѣдняя въ Россіи болѣе, чѣмъ на Западѣ, отдалена отъ теоріи, и наше «право юристовъ» движется туго,

---

[1]) Сборникъ цирк. распоряженій и инструкцій по тюремной части, изд. министерствомъ внутр. дѣлъ. 1880 № 211, стр. 426.

давая блѣдные и слабые результаты единичнаго и второстепеннаго значенія. Оживленіе первыхъ годовъ послѣ реформы скоро смѣнилось апатичной вялостью умственной жизни въ судебномъ мірѣ. Прогрессъ нашей юстиціи на этомъ пути есть, очевидно, дѣло будущаго, успѣхъ котораго, однако же, не мыслимъ безъ широкаго развитія и дружнаго единенія различныхъ сторонъ правовѣдѣнія. И какъ наука, и какъ искусство, оно одинаково нуждается въ могучей силѣ серьезнаго печатнаго слова. Во что бы то ни стало долженъ быть раздвинутъ дѣловой кругозоръ чиновника, призваннаго сдѣлаться настоящимъ юристомъ, т.-е. просвѣщеннымъ дѣятелемъ въ одной изъ величайшихъ сферъ общественнаго труда [1]).

Впрочемъ, не смотря на относительную бѣдность нашей юридической литературы, между прочимъ и по предмету прокурорскаго надзора, она является все же немаловажнымъ источникомъ для обстоятельнаго съ нимъ ознакомленія, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія къ нему русской юридической мысли. Въ разбросанномъ и разрозненномъ матеріалѣ этой литературы заслуживаютъ вниманія труды ученыхъ, взгляды образованныхъ спеціалистовъ, основательно изучившихъ прокурорскую службу, и даже отзывы критиковъ-диллетантовъ, воспроизводящіе до извѣстной степени нѣкоторыя мнѣнія общества, среди котораго дѣйствуетъ прокуратура. Само собою разумѣется, что въ нашемъ бѣгломъ обозрѣніи, мы можемъ отмѣтить только немногія наиболѣе выдающіяся произведенія и затѣмъ нѣсколько общихъ группъ, къ которымъ пріурочиваются остальныя.

Вопросъ о самомъ существованіи прокуратуры, о ея необходимости и полезности не возбуждался въ нашей печати. Даже среди нѣкотораго увлеченія англійскими порядками сторонники ихъ не рѣшались рекомендовать для Россіи англійской системы частнаго обвиненія или доказывать полное излишество особаго органа судебнаго надзора. Періодическія изданія встрѣтили съ большимъ сочувствіемъ прокурорское учрежденіе въ томъ видѣ,

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что весь обширный, за 25 лѣтъ (1864—1889) накопившійся матеріалъ законодательства и его разъясненій по вопросамъ прокурорской службы еще не обработанъ даже внѣшнимъ образомъ въ видѣ систематическаго свода; исполненіе такого крайне полезнаго труда можно было бы рекомендовать тѣмъ изъ чиновъ прокуратуры, которые съ одной стороны располагаютъ нѣкоторымъ служебнымъ досугомъ, а съ другой интересуются своимъ дѣломъ, его потребностями и успѣхами.

въ какомъ образовали его Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. Не разъ нападая впослѣдствіи на тѣ или другіе пріемы прокурорской дѣятельности, русская печать никогда не возставала противъ прокуратуры вообще, даже въ эпохи наиболѣе критическаго отношенія къ новымъ судебнымъ установленіямъ, подъ вліяніемъ теченій, почти имъ враждебныхъ. Напротивъ, публицистикѣ строго охранительнаго направленія приходилось даже открыто выступать на защиту института прокурорскаго надзора противъ поползновеній, въ которыхъ ясно чувствовалась стародавняя привычка къ произволу и смѣшенію правительственныхъ функцій. Такъ въ одной изъ первыхъ передовыхъ статей 1868 г. «Московскія Вѣдомости» горячо отстаивали полную самостоятельность прокуратуры, ея отдѣльность и независимость отъ административной власти, которая должна, по мнѣнію газеты, видѣть и уважать въ прокурорѣ правительственнаго представителя законности и правосудія [1]).

Болѣе разнообразія и интересную критику существующаго института представляютъ сужденія по вопросамъ объ организаціи и задачахъ русской прокуратуры. Здѣсь высказались два крайніе взгляда на то, чѣмъ она должна быть: теорія исключительно *надзора* и теорія *публичнаго уголовнаго преслѣдованія*, какъ единственнаго призванія прокурора. Первая основывалась на исторической традиціи и опытѣ прошедшаго, вторая исходила изъ логическаго, но до крайностей доведеннаго и весьма абстрактнаго ученія.

Въ появившихся вскорѣ послѣ судебной реформы статьяхъ г. *Головачева* «Десять лѣтъ реформъ» (вышедшихъ въ 1872 г. отдѣльной книгой подъ этимъ заглавіемъ) доказывалось, что прокуратурѣ должна быть присвоена одна только обвинительная власть и что, поэтому, она есть не болѣе какъ полиція высшаго порядка, призванная преслѣдовать преступленія, вслѣдствіе чего и мѣсто ея отнюдь не въ министерствѣ юстиціи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Преимущества такой прокурорской организаціи авторъ видитъ 1) въ возвышеніи самостоятельности собственно судебной власти и въ огражденіи ея отъ всякаго посторонняго давленія въ лицѣ прокурора, надзирающаго за судебнымъ вѣдомствомъ и участвующаго въ назначеніяхъ на судейскія должности; 2) въ устраненіи неизбѣжнаго столкновенія по изслѣдованію преступленій между прокура-

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1868 г. № 4.

турой и полиціей, дѣлающихся высшей и низшей ступенью одной власти и одного вѣдомства, и 3) во введеніи въ администрацію образованныхъ юристовъ, могущихъ поднять ея уровень и благотворно повліять на ея дѣятельность [1]).

Взглядъ г. Головачева, подрывавшій въ самомъ корнѣ существо и постановку учрежденія прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ, оказался не единичнымъ. Въ 1880 г. одинъ изъ членовъ коллегіальнаго судебнаго установленія новаго устройства представилъ бывшему главному начальнику верховной распорядительной коммиссіи графу Лорисъ-Меликову записку, въ которой, между прочимъ, проводилъ ту же мысль о необходимости лишить прокуратуру ея судебнаго характера и, сдѣлавъ ее высшимъ полицейскимъ органомъ, отнести къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ [2]). Аргументація этого предложенія приблизительно та же, что и въ мнѣніи г. Головачева—теоретическое отождествленіе обязанности прокуратуры преслѣдовать преступленія съ обязанностью полиціи ихъ обнаруживать и стремленіе устранить изъ судебнаго вѣдомства всякій административный элементъ, хотя бы и судебнаго характера. Сюда же присоединяется и желаніе избавить независимые суды и несмѣняемыхъ судей отъ всякаго вліянія зависимыхъ отъ правительства прокуроровъ, на самомъ же дѣлѣ болѣе всего отъ участія лицъ прокурорскаго надзора въ судейской карьерѣ.

Въ этихъ взглядахъ трудно разобрать, что именно вытекаетъ изъ добросовѣстнаго, но безпочвеннаго и узкаго доктринерства, и что, подъ видомъ заботливости о поднятіи значенія суда и усиленія обвинительной власти, въ сущности клонится къ невозможному обособленію суда и судей отъ правительства. Какъ и слѣдовало ожидать, подобныя мысли объ организаціи прокурорскаго надзора не только не имѣли никакого успѣха въ законодательномъ смыслѣ, но и въ самой юридической печати вызвали горячія и убѣдительныя возраженія. Въ статьѣ «Прокурорскій надзоръ и его отношенія къ магистратурѣ» напечатанной въ 1882 г. въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», г. *Саранчовъ*, становясь даже на точку зрѣнія сторонниковъ приведеннаго мнѣнія, выстав-

---

[1]) *Головачовъ*. «Десять лѣтъ реформъ», стр. 306—312.

[2]) Журналъ гражд. и угол. права. 1882, кн. 1, статья NN: «*о нѣкоторыхъ сторонахъ нынѣшняго общественнаго быта русскихъ коллегіальныхъ судовъ и судей*».

ляетъ всю его несостоятельность и опасность и, разбивая одинъ за другимъ всѣ его доводы, доказываетъ что ни теоретическія соображенія, какъ бы логичны и красивы они не казались, ни неудобства, вытекающія изъ современнаго положенія нашего прокурорскаго надзора, не могутъ служить сколько-нибудь достаточнымъ основаніемъ къ произвольному нарушенію той неразрывной органической связи, которая по дѣйствующимъ законамъ соединяетъ власть судебную и власть обвинительную [1]). И въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стороны ни разсматривался этотъ вопросъ, въ видахъ ли справедливаго и стройнаго разчлененія судебной функціи, въ отношеніи ли судоустройства въ составѣ общей системы государственныхъ властей, или въ интересахъ вѣковаго и испытаннаго учрежденія прокурорскаго надзора, едва ли можно представить себѣ доктрину, при всей ея замаскированности, болѣе разрушительную и зловредную для русской юстиціи, какъ это намѣреніе оторвать прокуратуру отъ суда и слить охраненіе законности отъ имени правительства и государственное преслѣдованіе преступленій во имя закона съ полицейскимъ охраненіемъ общественной безопасности. Въ тотъ день, когда это совершится, однимъ полицейскимъ органомъ у насъ будетъ больше, но прокуроръ, созданный Петромъ Великимъ, его «стряпчій о дѣлахъ государственныхъ», «око государево», видоизмѣненный Александромъ II въ блюстителя законности и государственнаго обвинителя перестанетъ существовать.

Преобразованіе, внесенное Судебными Уставами въ старую прокуратуру, также не избѣжало довольно рѣзкой литературной критики. Средоточіемъ ея явился вопросъ о повсемѣстномъ надзорѣ прокуроровъ, какъ полезнѣйшемъ и важнѣйшемъ элементѣ ихъ учрежденія. Въ весьма недавнее время послышались голоса, выставлявшіе преимущества прежняго прокурорскаго надзора и требовавшіе его возстановленія въ томъ или другомъ видѣ. Конечно, этому обращенію вспять всегда предшествуетъ болѣе или менѣе рѣшительное осужденіе новой прокуратуры не только въ проявленіяхъ ея дѣятельности, но и въ органическихъ ея основаніяхъ. Къ сожалѣнію, критическіе пріемы сторонниковъ до-реформеннаго института страдаютъ недостаточнымъ знакомствомъ съ предметомъ

---

[1]) Журналъ гражд. и уголов. права. 1882, кн. 4.

и предвзято невѣрною или преувеличенною, тенденціозною его окраской. Эти свойства сильно умаляютъ значеніе отрицательныхъ выводовъ противниковъ судебной реформы и мѣшаютъ дѣйствію и впечатлѣнію даже тѣхъ важныхъ замѣчаній, которыя иногда встрѣчаются въ произведеніяхъ еще длящейся литературной борьбы съ новымъ судомъ.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ направленіи принадлежитъ цѣлому циклу статей *В. Я. Фукса*, печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ 1884 по 1887 гг. и въ недавнее время вышедшихъ отдѣльной книгой [1]). При одностороннемъ освѣщеніи и нерѣдко искусственномъ подборѣ фактовъ, при нѣкоторой запальчивости разбора, часто впадающаго въ тонъ памфлета или журнальной полемики, названнымъ статьямъ нельзя отказать въ содержательности и кабинетномъ изученіи того матеріала, который былъ доступенъ автору, видимо убѣжденному антагонисту Судебныхъ Уставовъ и ихъ учрежденій. Тѣмъ интереснѣе его взгляды для безпристрастнаго ознакомленія съ литературой нашего предмета. Г. Фуксъ останавливается прежде всего на до-реформенномъ прокурорскомъ надзорѣ и дѣлаетъ ему слѣдующую благопріятную оцѣнку: «Прежній судъ былъ наглядно «объединенъ, какъ часть одного цѣлаго, въ неразрывный съ прочими вѣдомства«ми государственный механизмъ посредствомъ прокурорскаго над«зора и подчиненія правительствующему сенату. Особеннаго вни«манія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи прежній прокурорскій «надзоръ, который, не входя въ составъ распорядительныхъ и су«дебныхъ инстанцій, обязанъ былъ главнымъ образомъ наблюдать «за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ. Объединительный ха«рактеръ этого замѣчательнаго института заключался въ томъ, «что вѣдѣнію прокурорскаго надзора подлежали нераздѣльно всѣ «безъ различія присутственныя мѣста какъ судебныя, такъ и «административныя. И порядокъ этотъ былъ не мертвой буквой, такъ «какъ губернскіе прокуроры съ подчиненными имъ стряпчими со«ставляли въ мѣстномъ управленіи самостоятельное вѣдомство, ко«торое въ лицѣ генералъ-прокурора непосредственно примыкало «къ верховной власти. При такомъ порядкѣ вещей даже непра«вильныя дѣйствія высшихъ судебныхъ мѣстъ не могли быть по-

[1]) *Фуксъ.* Судъ и полиція. 1889.

«слѣднимъ словомъ для тяжущихся и подсудимыхъ» [1]). По мнѣнію г. Фукса, старый прокурорскій надзоръ «успѣлъ пустить глубокіе «корни и выработать свои полезныя традиціи, такъ что у насъ «былъ почти готовый персоналъ, который требовалось только «пріурочить къ новымъ судебнымъ задачамъ. Но вышло совершен- «но иначе: теоретики судебной реформы 1864 г. создали у насъ «такой типъ судебной прокуратуры, котораго мы не встрѣчаемъ «на западѣ (?), который всего менѣе соотвѣтствуетъ основнымъ «понятіямъ о необходимости гармоніи между органами суда и «администраціи и далеко не всегда обусловливаетъ правильный «исходъ обвинительной процедуры». Не оспаривая, что «прежнія «обязанности прокурорскаго надзора было крайне трудно совмѣ- «стить съ обязанностями вновь учреждаемаго у насъ публичнаго «обвиненія» авторъ замѣчаетъ, однако же, что «составители Су- «дебныхъ Уставовъ сразу отмѣнили такимъ образомъ, по поводу «судебной реформы, учрежденіе, которое, сверхъ судебнаго, имѣло «и общее въ государствѣ назначеніе. Между тѣмъ въ столь об- «ширномъ государствѣ какъ Россія прежній прокурорскій надзоръ «представлялъ самую надежную гарантію для правильнаго, едино- «образнаго и повсемѣстнаго исполненія законовъ всѣми тѣми мно- «гочисленными учрежденіями, которыя не примыкали къ судебному «механизму» [2]).

Выводъ болѣе чѣмъ смѣлый для всякаго, кто знакомъ съ дѣя- тельностью старыхъ прокуроровъ и стряпчихъ, хотя бы только по безпристрастному свидѣтельству современниковъ, участниковъ и очевидцевъ, выводъ, невольно напоминающій восклицаніе, вырвав- шееся у И. С. Аксакова по поводу восхваленій стараго суда въ ущербъ новому—«да, коротка наша память»! [3]).

Затѣмъ слѣдуетъ собственно критика нынѣшней русской про- куратуры. Основываясь на одномъ неудачномъ выраженіи моти- вовъ къ судебнымъ уставамъ о томъ, что для цѣлей уголовнаго преслѣдованія прокурорамъ «надлежитъ открыть доступъ къ дѣ- «ламъ всякаго присутственнаго мѣста», г. Фуксъ видитъ въ этомъ

---

[1]) *Фуксъ.* Наканунѣ судебной реформы 1864 г. («Русскій Вѣстникъ» 1884, Апрѣль, стр. 523, 524).

Фуксъ. Слѣдователи, обвинители и защитники («Русскій Вѣстникъ» 1886, Январь стр. 118, 119).

«Русь» 1884 № 5.

явное противорѣчіе двухъ положеній: исключительно судебнаго характера прокурорскихъ занятій и права вмѣшательства въ административныя дѣла. При этомъ онъ совершенно упускаетъ изъ вида, что этотъ неточно выраженный мотивъ вовсе не вошелъ въ текстъ закона и даже по своей редакціи выражаетъ лишь несомнѣнное право прокурора получать изъ всѣхъ оффиціальныхъ источниковъ свѣдѣнія, нужныя ему для производства публичнаго преслѣдованія по общимъ, а вовсе не по должностнымъ преступленіямъ, по которымъ прокуроръ, по уставу угол. судопр. (раздѣлъ 3-й кн. III), не можетъ ни возбудить преслѣдованія, ни вызвать преданія суду безъ согласія и постановленія начальства обвиняемыхъ.

Далѣе идутъ общеизвѣстныя сѣтованія на зависимость полиціи отъ прокуратуры по производству уголовныхъ дознаній, какъ будто возложенное на послѣднюю производство преслѣдованія и наблюденіе за судебнымъ изслѣдованіемъ преступленій мыслимо безъ властнаго руководства ихъ первоначальнымъ обнаруженіемъ. Критика заканчивается прямо неправильнымъ и произвольнымъ толкованіемъ постановленія ст. 130 учр. суд. уст. о томъ, что при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ заключеній, лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ. Вопреки яснымъ мотивамъ этого узаконенія и его точному смыслу, который ограничиваетъ прокурорскую независимость только моментомъ *заключенія въ судѣ* о примѣненіи закона къ фактамъ, г. Фуксъ усматриваетъ здѣсь санкцію самовластія прокуроровъ и говоритъ: «слѣдовательно по«слѣдняя, рѣшительная и безапелляціонная инстанція въ опредѣ«леніи законности предписанія надлежащихъ властей есть самъ «получающій предписаніе прокуроръ, взгляды на законъ и убѣж«денія коего при столь естественномъ разнообразіи личныхъ мнѣ«ній могутъ легко не сходиться съ толкованіями и поясненіями «установленнаго надъ нимъ начальства» [1]). Авторъ, очевидно, совершенно смѣшиваетъ различные моменты и понятія: распоряженія внѣ и до суда, въ которыхъ прокуроръ зависимъ, и заключенія на судѣ, въ которыхъ онъ свободенъ; оффиціальныя разъясненія закона *in abstracto*, вполнѣ обязательныя для прокурора и на судѣ,

[1]) Ib. стр. 122, 123.

и примѣненіе закона съ его разъясненіями *in concreto*, гдѣ всякое стѣсненіе сдѣлало бы изъ прокурора механическое, пассивное орудіе, лишенное самостоятельности и авторитета. Юридическая несостоятельность подобнаго вывода, не нуждающаяся въ доказательствахъ, достаточно обрисовываетъ способы нападенія. Гораздо ближе къ дѣйствительности сдѣланная тѣмъ же авторомъ характеристика положенія, которое создано для прокуратуры различными бытовыми условіями. Указывая на трудности, съ которыми ей приходится бороться, авторъ все-таки вынужденъ отдать ей справедливость и признать, «что этотъ институтъ, несмотря на нѣкоторую «неправильность въ его организаціи, все же представляетъ со«бою наиболѣе состоятельное учрежденіе во всей судебной ре«формѣ 1864 года. Онъ опирается, съ одной стороны, на традиціи «нашей прежней прокуратуры, а съ другой, организованъ по на«чаламъ іерархической дисциплины. Поэтому, болѣе чѣмъ другія «части судебной реформы, прокуратура отличается нѣкоторою «стройностью и если не настоящимъ единствомъ, то по крайней «мѣрѣ способностью къ усвоенію въ извѣстной степени этого един«ства, столь не достающаго прочимъ судебнымъ органамъ» [1]). Вслѣдъ затѣмъ авторъ отмѣчаетъ рядъ болѣе или менѣе существенныхъ недостатковъ, препятствующихъ, по его мнѣнію, успѣшному дѣйствію нашей прокуратуры, въ томъ числѣ причины, чисто временнаго и преходящаго характера, какъ напр. неудовлетворительность личнаго состава, слабость центральнаго руководства, ненормальность отношеній къ публикѣ, другимъ вѣдомствамъ и проч. Наконецъ г. Фуксъ требуетъ присвоенія министру юстиціи и генералъ-прокурору значенія полноправнаго главы магистратуры и предсѣдательствованія въ высшемъ дисциплинарномъ судѣ надъ ея членами [2]).

Въ еще болѣе отрицательномъ и невыгодномъ для новой прокуратуры духѣ высказывается о прокуратурѣ *Н. П. Семеновъ* въ своей полемической статьѣ противъ реформъ Императора Александра II, помѣщенной въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» «Прокуратура по ино«странному, французскому образцу»—говоритъ авторъ—«замѣни-

---

[1]) *Фуксъ.* Судебныя доктрины 1861—1864 г. на практикѣ («Русскій Вѣстникъ» 1887, Январь, стр. 86—95).

[2]) Тамъ же («Русскій Вѣстникъ» 1887, Февраль, стр. 695).

«ла у насъ прежній, разумный и полезный прокурорскій надзоръ, «дѣйствовавшій не только по судебнымъ дѣламъ, но и по всему «административному управленію... Нынѣшніе прокуроры суть соб- «ственно адвокаты правительства по уголовнымъ дѣламъ и наблю- «датели за производствомъ слѣдствій; въ кассаціонномъ же судѣ «они ничто иное, какъ чиновники, приготовляющіе дѣла присут- «ствію и дающіе по нимъ предварительно свое заключеніе, подобно «начальникамъ отдѣленій въ департаментахъ министерствъ (?). Такъ «какъ теперь у прокуроровъ отнято право останавливать своимъ «протестомъ исполненіе судебныхъ рѣшеній, то тутъ о судебномъ «ихъ надзорѣ не можетъ быть уже и рѣчи. Положеніе ихъ, какъ «коронныхъ адвокатовъ въ судебныхъ дѣлахъ, такъ связано съ «учрежденіемъ адвокатуры, что еслибы оно не было введено въ наше «судоустройство, то эта сторона дѣятельности и не могла бы ра- «зумѣется, входить въ обязанность прокуроровъ» [1]).

Взглядъ г. Семенова на современное прокурорское учрежденіе выясняется изъ того, что онъ настаиваетъ на передачѣ слѣдствія въ вѣдѣніе полиціи и требуетъ полнаго ограниченія устности и состязательности процесса, а также совершеннаго уничтоженія защиты и адвокатуры. На долю неохотно допускаемыхъ имъ «судебныхъ прокуроровъ» такимъ образомъ почти не остается предметовъ дѣятельности, кромѣ прежней обязанности надзора. За то авторъ предлагаетъ учредить при всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ «блюстителей закона и вмѣстѣ охранителей интере- «совъ государства, которые завѣдывали бы ихъ канцеляріями, по- «добно оберъ-прокурорамъ при департаментахъ сената». Такіе гу- бернскіе и уѣздные прокуроры, отдѣльные отъ судебныхъ, должны имѣть право «дѣйствительнаго надзора», т. е. протеста противъ всѣхъ распоряженій и постановленій присутственныхъ мѣстъ, съ правомъ пріостановленія исполненія этихъ актовъ [2]).

Приведенныя мнѣнія получили довольно широкій публицистическій отголосокъ, и возвращеніе къ старому порядку стало темой для многихъ, уже совсѣмъ диллетантскихъ разсужденій по этому вопросу. Такъ г. *Аверкіевъ* въ своемъ «*Дневникѣ Писателя*» за 1886, со-

---

[1]) *Семеновъ.* Наши реформы («Русскій Вѣстникъ» 1884. Январь, стр. 300).

[2]) Ib. стр. 322, 326.

жалѣя объ ослабленіи у насъ правительственнаго надзора, утверждаетъ, что въ «въ пылу увлеченія реформами прошлаго царство-«ванія» мы и не замѣтили, какъ были уничтожены послѣдніе слѣ-ды этого надзора вмѣстѣ съ должностью губернскаго прокурора. «Званіе прокурора»—говоритъ г. Аверкіевъ—«существуетъ до-«селѣ и даже нерѣдко говорится и пишется о прокурорскомъ над-«зорѣ, хотя, говоря правду, никто, не выключая самихъ прокуро-«ровъ, не знаетъ надъ чѣмъ собственно совершается этотъ над-«зоръ. Нынѣшніе прокуроры—только судебные прокуроры и при-«томъ ничего общаго со старыми не имѣющіе; ихъ зовутъ также «представителями обвинительной власти, неизвѣстно кѣмъ осущест-«вляемой (?). Во имя кого или чего они совершаютъ обвиненіе? «И это покрыто тайною. На Западѣ прокуроръ зовется прокуро-«ромъ короля или республики, и этимъ названіемъ ясно указы-«вается отъ чьего имени онъ дѣйствуетъ, чью сторону представ-«ляетъ на судѣ». Едва-ли нужно разъяснять всю странность этого недоразумѣнія; развѣ сущность и задачи учрежденія зависятъ отъ его названія и неужели при самомъ элементарномъ знакомствѣ съ правовыми институтами не очевидно всякому, что прокуратура у насъ, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ въ интересахъ государства и отъ имени правительства?! Нѣсколько серьезнѣе дальнѣйшія замѣчанія о важности пробѣла, оставленнаго упраздненіемъ мѣстнаго надзора не только за судомъ, но и за администраціей. «Поспѣшно пре-«образовывая наши суды по французскому манеру (?) мы про-«глядѣли существенное и необходимое въ самодержавномъ государ-«ствѣ значеніе старой прокуратуры. Могла ли отъ этого усилиться «законность какъ въ судахъ, такъ и въ другихъ присутственныхъ «мѣстахъ? и не пора ли подумать о возстановленіи истиннаго про-«курорскаго надзора, объ учрежденіи должности сенатскаго гу-«бернскаго прокурора и его уѣздныхъ товарищей, именовавшихся «стряпчими? Существуй доселѣ старая прокуратура, иначе шли бы «дѣла въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ и въ нашихъ «земствахъ и думахъ. Сколько жгучихъ и праздныхъ вопро-«совъ не увидѣли бы вовсе свѣта Божьяго! Дѣло обходилось бы «проще. Губернскій прокуроръ, присутствуя въ думѣ и земствѣ, «какъ онъ присутствовалъ въ дворянскомъ собраніи, и усмотрѣвъ «несогласіе тѣхъ или иныхъ постановленій съ закономъ, заявлялъ «бы свой протестъ. И то, что нынче громко именуется борьбою

«со властью, называлось бы по просту отступленіемъ отъ закона» [1]). Всѣ названные поборники прежнихъ учрежденій ограничиваются ихъ восхваленіемъ и порицаніемъ новыхъ, но ни одинъ не даетъ себѣ труда разсмотрѣть вопросъ поближе и поподробнѣе, никто не показываетъ, какъ возстановить немногія полезныя черты стараго института, не возвращаясь вмѣстѣ съ тѣмъ ко всей системѣ отжившихъ порядковъ и не подрывая въ корнѣ недавнихъ преобразованій. А между тѣмъ это единственная точка зрѣнія, съ которой можно было бы придавать нѣкоторое значеніе приведеннымъ мыслямъ, составляющимъ внѣ ея одинъ сплошной и тенденціозный анахронизмъ. Забывается весь долгій опытъ минувшаго, игнорируется совокупность многочисленныхъ, оффиціально засвидѣтельствованныхъ данныхъ, неоспоримо доказывающихъ всю непригодность старыхъ формъ надзора для новыхъ условій государственной и общественной жизни, наконецъ преувеличенно ярко окрашиваются слабыя стороны новой прокуратуры только для того, чтобы и ее сдѣлать орудіемъ похода противъ реформъ.

Мы съ намѣреніемъ, безпристрастія ради, пространно привели аргументацію оппонентовъ нашего нынѣшняго прокурорскаго учрежденія. Если очистить ее отъ явно тенденціозныхъ примѣсей и невѣрныхъ выводовъ, плода недоразумѣнія или незнанія, то въ ней все таки останется часть, достойная вниманія, потому что она взята изъ жизни и отвѣчаетъ многимъ дѣйствительнымъ ея явленіямъ. Аргументъ этотъ—указаніе на отсутствіе спеціальныхъ органовъ, которые удовлетворяли бы потребности въ закономѣрномъ правительственномъ надзорѣ за различными отраслями управленія, если такая потребность дѣйствительно существуетъ. Трудно, однакоже, думать, чтобы удовлетвореніе ея могло быть возложено на одну судебную прокуратуру, въ ея теперешнемъ составѣ и организаціи едва справляющуюся съ своими прямыми служебными обязанностями.

Отъ критики отрицательной перейдемъ къ положительнымъ изслѣдованіямъ вопроса. Первые же годы послѣ реформы дали и наиболѣе замѣчательные въ этомъ смыслѣ труды. Въ 1867 г. сенаторъ *Н. А. Буцковскій*, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по составленію Судебныхъ Уставовъ (предсѣдатель уголовнаго отдѣленія

[1]) *Аверкіевъ*. Дневникъ писателя. 1886, Апрѣль, стр. 114—116.

редакціонной коммиссіи, издалъ небольшое сочиненіе о новой русской прокуратурѣ, подъ заглавіемъ «*О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной*» [1]).

Трудъ этотъ, при всей его краткости, есть все-таки лучшій и до сихъ поръ незамѣнимый комментарій законовъ объ уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ, раскрывающій догматическій смыслъ этихъ узаконеній, ихъ связь между собою и отношеніе къ другимъ институтамъ новаго уголовнаго суда. Послѣ прекраснаго введенія, въ которомъ выясняется значеніе новой прокуратуры, слѣдуетъ 8 отдѣловъ, обнимающихъ существенные вопросы обвинительной дѣятельности. Первый трактуетъ о лицахъ прокурорскаго надзора, какъ органахъ обвинительной власти, и объ основномъ правилѣ ихъ дѣятельности. Послѣднее формулируется слѣдующимъ образомъ: «обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, т.-е. при«нятіе мѣръ къ обличенію ихъ передъ судомъ, возлагаются на «лицъ прокурорскаго надзора, которыя въ этомъ отношеніи дѣй«ствуютъ подъ руководствомъ своихъ начальниковъ, но, при «заявленіи судебнымъ мѣстамъ заключеній по дѣламъ, руковод«ствуются единственно своимъ убѣжденіемъ и существующими «законами» [2]). Это опредѣленіе, впрочемъ, не отличается точностью и полнотою, такъ какъ обнаруженіе преступленій есть также и задача полиціи, не всѣ преступленія преслѣдуются прокурорскою властью (напр. частныя и подсудныя мировому суду) и кромѣ подчиненія и независимости есть еще другое основное правило прокурорскаго дѣйствія—его единство. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе или менѣе подробное разсмотрѣніе вопросовъ: о мѣрѣ участія прокурорскаго надзора въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, о свойствѣ отношеній этого учрежденія къ предварительному и судебному слѣдствіямъ, о значеніи обвинительнаго акта и о вліяніи его на окончательное прокурорское обвиненіе какъ въ первой, такъ и во второй степени суда, о вліяніи требованія обвинительной власти на уголовный приговоръ или объ отношеніи обвиненія къ осужденію или оправданію, о при-

---

[1]) Трудъ этотъ (80 стр.) вошелъ въ посмертное изданіе статей Н. А. Буцковскаго подъ заглавіемъ: «*Очерки судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 Ноября 1864 г.* 1874 г.

[2]) *Буцковскій*, стр. 11.

мѣненіи основнаго правила дѣятельности прокурорскаго надзора, въ его іерархическомъ составѣ, къ способамъ обжалованія уголовныхъ приговоровъ, о столкновеніи въ одномъ и томъ же дѣлѣ оффиціальнаго порядка обвиненія съ частнымъ и, въ заключеніе, о свойствѣ и степени участія прокурорскаго надзора въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Всѣ эти вопросы разработаны съ тою обстоятельностью, которую допускало ограниченіе ихъ догматическими предѣлами и невозможность пользоваться указаніями едва начавшейся практики. Хотя въ сочиненіи Н. А. Буцковскаго, замѣчательномъ по своей юридической ясности, предметы прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ и далеко еще не исчерпаны, оно во всякомъ случаѣ должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для элементарнаго изученія основаній прокурорскаго учрежденія и его уголовныхъ задачъ.

Къ тому же періоду времени относится появленіе обширнаго (болѣе 80 печатныхъ листовъ) и въ высшей степени солиднаго произведенія г. *Квачевскаго* (бывшаго прокурора окружнаго суда): «*Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по Судебнымъ Уставамъ 1864 г.*» 1866—1869.

Это мало оцѣненное [1]) и теперь, къ сожалѣнію, даже нѣсколько забытое «*теоретическое и практическое руководство*» въ европейской литературѣ давно заняло бы прочное и почетное мѣсто, а у насъ ему слѣдуетъ быть настольной книгой для каждаго посвящающаго себя уголовно-судебной дѣятельности или просто интересующагося ея областью. Въ трехъ частяхъ своего труда, авторъ подвергаетъ всестороннему разсмотрѣнію уголовное дознаніе вмѣстѣ съ гражданскимъ искомъ, полицейское дознаніе и предварительное слѣдствіе, отводя по всѣмъ этимъ процессуальнымъ стадіямъ подобающее вниманіе участію въ нихъ прокурорскаго надзора. Во введеніи и въ первой части (особенно §§ 3—5, 13—22) г. Квачевскій даетъ и весьма толково изложенныя общія свѣдѣнія о прокуратурѣ на Западѣ и въ Россіи. Все сочиненіе, свидѣтельствующее о выдающейся эрудиціи автора, написано по сравнительно-догматическому методу, съ необходимыми историческими указаніями; немаловажную часть его составляютъ выводы

---

[1]) Въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ не разошлось и *одного* изданія.

опыта и практическія наблюденія, видимо вынесенныя изъ личной судебно-слѣдственной дѣятельности. Въ упрекъ автору можно поставить развѣ только нѣкоторое многословіе и нѣсколько мелочную дробность изслѣдованія, что, впрочемъ, въ нѣмецкомъ напр. сочиненіи того же характера было бы признано даже достоинствомъ. Въ общемъ нельзя не выразить пожеланія, чтобы въ средѣ лицъ прокурорскаго надзора книга г. Квачевскаго имѣла возможно большую извѣстность и распространеніе.

Въ 1868 г. было издано въ Россіи, но на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненіе «о дѣятельности русскаго прокурорскаго надзора по гражданскимъ дѣламъ. Это магистерская диссертація *Адольфа Осипова* (Adolph Ossipow), представленная въ дерптскій университетъ, подъ заглавіемъ: *Die Thätigkeit der Staatsanwaltschaft im russischen Civilverfahren* (Дѣятельность прокуратуры въ русскомъ гражданскомъ процессѣ). Оно открывается слѣдующимъ вполнѣ научнымъ опредѣленіемъ: «прокуратура есть такой состоящій при судахъ «органъ правосудія, которому ввѣрено попеченіе о соблюденіи «законовъ, о правильномъ и единообразномъ ихъ примѣненіи, а «также и объ охраненіи интересовъ государства (т.-е. публич«ныхъ)». Трудъ г. Осипова представляетъ добросовѣстную разработку догмы русскаго законодательства объ участіи прокурорскаго надзора въ гражданскихъ дѣлахъ, въ связи съ общимъ ученіемъ европейской науки объ этомъ предметѣ. Русскіе юристы и понынѣ еще не могутъ похвалиться какимъ-либо другимъ сочиненіемъ на ту же тему и поневслѣ должны цѣнить эту нѣмецкую монографію по русскому праву.

Сверхъ названныхъ работъ, наша юридическая литература не имѣетъ другихъ произведеній, спеціально или преимущественно трактующихъ о прокуратурѣ, почему и дальнѣйшія указанія настоящаго обозрѣнія должны быть по необходимости безсвязны и отрывочны. Все, что въ печати касается прокурорскаго надзора, разсѣяно по общимъ руководствамъ и сочиненіямъ о предметахъ, близкихъ къ этому учрежденію, а также и въ статьяхъ періодическихъ изданій. Матеріалъ въ нихъ заключается довольно обильный, но по большей части сырой, а въ отношеніи прокуратуры еще малообработанный и лишенный цѣльности. Счастливое исключеніе составляетъ изъ категоріи *руководствъ* важнѣйшее— I томъ «*Курса уголовнаго судопроизводства*» *И. Я. Фойницкаго*,

(профессора С.-Петербургскаго университета и товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго д—та сената), вышедшій въ 1884. г. При сжатости содержанія, обусловленной его дидактическимъ назначеніемъ и широкимъ планомъ, это несомнѣнно на русскомъ языкѣ самое лучшее, полное и полезное изложеніе теоретическаго ученія о прокуратурѣ вообще и русскомъ прокурорскомъ надзорѣ въ особенности. Въ §§ 12—29 II-й главы «Введенія», посвященной «историческимъ различіямъ въ уголовномъ судопроизводствѣ», сопоставляются процессы состязательный и розыскной и разсматриваются различія въ построеніи уголовнаго обвиненія. Здѣсь, въ сравнительно-историческомъ обзорѣ приводятся общія научныя положенія, на которыхъ основано прокурорское учрежденіе. Затѣмъ вся V-я глава I части («прокуратура» §§ 171—180) представляетъ очеркъ его исторіи, теоріи, современнаго положенія на Западѣ, а также устройства и дѣятельности его въ Россіи. Это прекрасный конспектъ всего того, что можно сказать о прокуратурѣ при академическомъ изученіи уголовнаго процесса. Взглядъ на нее нашего извѣстнаго криминалиста усматривается изъ его заключительныхъ словъ: «прокуратура стоитъ на рубежѣ «между властями правительственною и судебною. Ея успѣхъ и «сила зависятъ отъ правильнаго отношенія ея къ той и другой. «Въ отношеніи къ правительственной власти, она есть членъ ея, «стражъ законности дѣйствій ея органовъ, ея юрисконсультъ и «представитель ея законныхъ интересовъ передъ судомъ, распо«лагающій для своей дѣятельности силами правительства. Въ от«ношеніи къ суду прокуратура можетъ и должна быть ничѣмъ «инымъ, какъ стороною въ дѣлѣ, равноправною съ другою сто«роною и, подобно ей, не вторгающеюся въ сферу судебной не«зависимости, не принимающею участія въ судебномъ управленіи «и не берущею на себя задачи охраны закона противъ суда»[1]. Въ послѣднихъ словахъ этой научной характеристики очевидно критическое отношеніе автора къ нѣкоторымъ сторонамъ нашего современнаго прокурорскаго надзора.

Дѣятельность прокуратуры по отдѣльнымъ предметамъ разсматривается также въ нѣсколькихъ руководствахъ и пособіяхъ комментаторскаго характера.

---

[1]) *Фойницкій.* Курсъ I, стр. 624.

Таковы для уголовнаго процесса вообще—«*Русское уголовное судопроизводство*» профессора *Чебышева-Дмитріева* (1875); для предварительнаго изслѣдованія уголовныхъ дѣлъ—«*Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей*» *Макалинскаго* (изд. 2 1879—81 г.); для производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ—«*Руководство для мировыхъ судей*» (ч. I. 1872) *Н. А. Неклюдова* (нынѣ оберъ-прокурора общаго собранія кассаціонныхъ д-товъ), по гражданскому процессу «*Курсъ гражданскаго судопроизводства*» *Малышева* (1876) и «*Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства*» *Анненкова* (1884—1887).

Изъ числа изданій Судебныхъ Уставовъ съ оффиціальными постатейными разъясненіями (тезисами изъ рѣшеній сената и проч.) наиболѣе значенія для прокурорскаго надзора имѣетъ превосходное изданіе г. *С. Щегловитова* (Учрежденіе суд. установленій и Уставъ уголовнаго судопр.) и *Рошковскаго* (Уст. гражд. судопр.). Можно упомянуть также и объ изданіи г. *Тимановскаго* «Судебные Уставы Императора Александра II съ толкованіями, извлеченными изъ отечественной юридической литературы» (1885) и его же «Сокращенномъ сборникѣ» (1881), содержащемъ тезисы изъ циркулярныхъ указовъ сената, циркуляровъ министерства юстиціи и проч.

Немногочисленны и монографическія сочиненія, имѣющія прямое отношеніе къ предметамъ прокурорской службы. Здѣсь можно лишь назвать классическія, но сдѣлавшіяся теперь уже библіографическою рѣдкостью изслѣдованія г. *Арсеньева* «*Преданіе суду*» и «*Судебное слѣдствіе*» и недавній почтенный трудъ г. *Хрулева* (прокурора окружнаго суда) «*Судъ присяжныхъ*» (1886), дающій весьма интересный критическій и бытовой «очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ», въ томъ числѣ, конечно, и по прокурорской части. Въ этихъ трехъ произведеніяхъ читатель найдетъ довольно полную, а главное самостоятельную и правдивую разработку центральнаго отдѣла судебно-уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора, отъ заключенія предварительнаго слѣдствія до окончанія засѣданія съ участіемъ присяжныхъ [1]).

---

[1]) Ограниченные размѣры нашей литературы о прокурорскомъ надзорѣ заставляютъ не обходить молчаніемъ и небольшія сочиненія спеціальнаго значенія, имѣющія извѣстное отношеніе къ прокуратурѣ. Таковы напр.: «*О началѣ государственнаго обвиненія*» 1887—вступительная лекція прив.-доц. *Зачинскаго* въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, представляющая попытку научнаго обоснованія этого начала; «*Кандидаты на судебныя*

Наконецъ, что касается до образцовъ судебно-обвинительнаго краснорѣчія, то до послѣдняго времени наша юридическая литература ничего не могла представить въ этомъ отношеніи, кромѣ давно забытыхъ стенографическихъ отчетовъ въ газетахъ по выдающимся процессамъ. Въ первые годы послѣ судебной реформы, когда не ослабѣвалъ еще интересъ къ новому суду, рѣчи сторонъ, обвинительныя и защитительныя, печатались in extenso, читались публикой и приносили пользу начинающимъ дѣятелямъ. Съ теченіемъ времени, приблизительно съ конца 70-хъ годовъ, этотъ обычай постепенно вышелъ изъ употребленія и, при отсутствіи спеціально-юридическихъ газетъ, полные отчеты о судебныхъ преніяхъ сдѣлались большою рѣдкостью. Тѣмъ больше значенія должно было имѣть изданіе въ 1888 г. нынѣшнимъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассац. д-та сената *А. Ф. Кони* сборника его «*Судебныхъ рѣчей*», въ который вошли по прокурорской дѣятельности оратора 17 обвинительныхъ рѣчей, произнесенныхъ съ 1867 по 1875 гг. въ Харьковскомъ, Казанскомъ и С.-Петербургскомъ окружныхъ судахъ, и 7 оберъ-прокурорскихъ заключеній, произнесенныхъ въ 1885-1887 гг. Литературная оцѣнка этихъ художественныхъ и вмѣстѣ содержательныхъ рѣчей общеизвѣстна и въ новыхъ похвалахъ онѣ не нуждаются; имъ трудно, почти невозможно подражать, но по нимъ слѣдуетъ учиться.

Весь остальной матеріалъ нашей литературы по вопросамъ прокурорской службы заключается въ статьяхъ, печатавшихся въ юридическихъ журналахъ, въ разное время за двадцать слишкомъ лѣтъ по разнымъ поводамъ, самаго разнообразнаго характера и оттѣнковъ. Таковы многія работы въ прекратившихся «*Журналѣ министерства юстиціи*», «*Судебномъ Вѣстникѣ*», «*Судебномъ Журналѣ*» (приложеніе къ «*Судебному Вѣстнику*»), «*Криминалистѣ*» (издававшемся въ Новгородѣ) и «*Юридическомъ Обозрѣніи*» (издававшемся въ Тифлисѣ) и въ существующихъ: «*Юридическомъ Вѣстникѣ*» (изданіе Московскаго Юридическаго Общества), «*Журналѣ*

должности» 1886, автора настоящаго труда—содержащее въ себѣ свѣдѣнія объ устройствѣ и дѣятельности кандидатовъ при прокуратурѣ; *Вульфертъ—Реформа предварительнаго слѣдствія* 1881 г.» и *Пушкинъ.—По поводу предстоящей реформы слѣдственной части* 1882—двѣ весьма дѣльныя брошюры, принадлежащія перу бывшихъ лицъ прокурорскаго надзора и съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя и не въ одинаковомъ направленіи, трактующія объ участіи прокурора въ слѣдствіи.

гражданскаго и уголовнаго права» (изданіе Спб. Юридическаго Общества) и въ «*Судебной газетѣ*».

Изъ перечисленныхъ изданій, въ прежнемъ «*Судебномъ Вѣстникѣ*» и новѣйшихъ «*Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права*» и «*Юридическомъ Вѣстникѣ*» можно найти и капитальныя статьи и мелкія, но интересныя замѣтки по различнымъ отдѣламъ судоустройства и процесса, имѣющимъ прямое или близкое отношеніе къ прокурорскому надзору, а иногда и по спеціальнымъ вопросамъ прокурорской службы. Большею частью эти статьи и замѣтки принадлежатъ авторамъ, извѣдавшимъ прокурорскую дѣятельность на личномъ опытѣ, и потому написаны съ большимъ практическимъ знаніемъ дѣла и съ искреннимъ желаніемъ расширить для нея запасъ научныхъ свѣдѣній. Авторы, не ограничиваясь одной догматикой, отводятъ не мало мѣста разсмотрѣнію бытовыхъ фактовъ, вліяющихъ на прокурорскую дѣятельность, и отмѣчаютъ причины, которыми она затрудняется или по которымъ она получаетъ нежелательную окраску. Отношенія прокуратуры къ суду и слѣдователямъ, къ административной власти и въ частности къ полиціи, порядки въ средѣ самого учрежденія, неправильность усваиваемаго имъ направленія, недостатки, неудобства его практики, способы облегчить и упорядочить его дѣйствіе—все это находитъ себѣ разборъ или, по крайней мѣрѣ, отголосокъ во многихъ статьяхъ по судоустройству, судопроизводству и судебной политикѣ. Въ числѣ такихъ журнальныхъ трудовъ изрѣдка встрѣчаются и настоящія монографіи, почти исчерпывающія данные вопросы. Какъ на образецъ подобнаго труда нельзя не указать на прекрасную статью г. *Жуковскаго* «*Содержаніе и назначеніе обвинительнаго акта*» [1])—весьма цѣнный вкладъ въ литературное изученіе прокурорскаго надзора. Назовемъ также имена гг. *Фойницкаго*, *Закревскаго*, *Н. Т.*, *Анциферова*, *Обнинскаго*, *Кесселя*, *Змирлова*, *Волжина*, *Городысскаго*, и *Щегловитова*, потрудившихся на этомъ или близкомъ поприщѣ [2]).

[1]) Журналъ гражд. и угол. права. 1876, кн. 5.

[2]) Въ той же области автору настоящаго сочиненія принадлежатъ двѣ статьи: «*Задачи прокурорскаго надзора*» въ сентябрской книжкѣ «Журнала гражд. и угол. права» за 1884 г. и на французскомъ языкѣ: «*Le ministère public en Russie*» въ спеціальномъ органѣ французской прокуратуры «*Journal des Parquets*» 1887 № 2; эта послѣдняя статья имѣла цѣлью познакомить съ русскимъ институтомъ французскую юридическую публику, высказывающую значительный интересъ къ нашимъ судебнымъ учрежденіямъ

Общій выводъ изъ сказаннаго всетаки долженъ быть скорѣе утѣшительный. Еще скудная количествомъ, литература русскаго прокурорскаго надзора въ качественномъ отношеніи уже обладаетъ солидными работами и, какъ по содержанію ихъ, такъ и потому, что появленіе ихъ, хотя и съ промежутками, не прекращается, подаетъ надежды и на дальнѣйшую разработку этого предмета. Не чуждая оживляющаго элемента спора и разногласія, залога всесторонняго изслѣдованія, наша литература обнаруживаетъ правильное и симпатичное направленіе. Она видимо стремится поддержать прокурорское учрежденіе на пути, который начертанъ для него законодателемъ, и, улучшая существующее по указаніямъ опыта, сохранить все то, что въ немъ есть неоспоримо-хорошаго, разъяснять истинное призваніе нашей прокуратуры и предостерегать ее отъ уклоненій въ сторону, словомъ, посильно помогать одному изъ главнѣйшихъ оплотовъ правительственнаго строя въ его дѣятельности на государственную и общественную пользу.

ГЛАВА XI.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННАГО ПРОКУРОРСКАГО НАДЗОРА.

§ **69.** Общее значеніе прокурорскаго надзора. — § **70.** Отношенія прокурорскаго надзора къ обществу и сопредѣльнымъ учрежденіямъ. — § **71.** Практическая постановка современной прокурорской службы.

§ **69. Общее значеніе** современнаго русскаго прокурорскаго надзора выясняется изъ сопоставленія общихъ и основныхъ для него узаконеній по судоустройству и судопроизводству. По ст. 8 учр. суд. устан. «для прокурорскаго надзора при судебныхъ мѣстахъ состоятъ оберъ-прокуроры, прокуроры и ихъ товарищи»; по ст. 124 того же учрежденія «прокурорскій надзоръ ввѣряется «оберъ-прокурорамъ, прокурорамъ и ихъ товарищамъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора». Подъ «прокурорскимъ надзоромъ» здѣсь разумѣется все прокурорское учрежденіе, съ его сложною и многостороннею функціей, которая затѣмъ ближайшимъ образомъ опредѣляется въ другихъ постановленіяхъ. По ст. 9 учр. суд. уст. «предметы вѣдомства и «порядокъ дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора опредѣляются въ «уставахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и въ настоящемъ учрежденіи», а по 135 того же учрежденія «предметы «занятій лицъ, коимъ ввѣренъ прокурорскій надзоръ, вообще ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства; нѣкоторыя же другія обязанности, сверхъ того возложенныя на сіи лица, опредѣлены въ «особыхъ уставахъ и положеніяхъ по принадлежности». Эти «нѣкоторыя другія обязанности», очевидно, касаются дѣлъ административныхъ, такъ какъ на основаніи ст. 9—11 т. II ч. 1 общ.

губ. учр., соотвѣтственно дѣленію властей, и всѣ дѣла, ими производимыя, раздѣляются на *судебныя* (уголовныя и гражданскія) и *административныя* (перечисленныя въ ст. 10 общ. губ. учр.).

Еще слѣдующія пять главныхъ постановленій имѣютъ характеръ исходныхъ положеній для прокурорскаго надзора: 1) «Товарищи прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ дѣйствуютъ подъ руководствомъ тѣхъ прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ, при которыхъ они состоятъ. Прокуроры окружныхъ судовъ подчинены прокурорамъ судебныхъ палатъ, а сіи послѣдніе, равно какъ оберъ-прокуроры состоятъ въ непосредственной зависимости отъ министра юстиціи» (ст. 129 учр. суд. уст.). 2) «При заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ по дѣламъ заключеній лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ» (ст. 130 учр. суд. уст.). 3) «По всякому дѣлу, производящемуся въ судѣ гражданскомъ или уголовномъ, каждый прокуроръ можетъ замѣнить своего товарища, принявъ это дѣло на свою отвѣтственность» (1 ч. ст. 131 учр. суд. уст.). 4) Чины прокурорскаго надзора въ отношеніи собственно надзора за судебною дѣятельностью несутъ «обязанность наблюденія за охраненіемъ законовъ» (ст. 253 учр. суд. уст.), и 5) «по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ возлагается на прокуроровъ и ихъ товарищей» (ст. 4 уст. угол. суд.).

Опредѣляемое въ законѣ вышеприведенными чертами, прокурорское установленіе можно разсматривать со стороны его *устройства*, какъ бы въ состояніи неподвижности или покоя, и со стороны его *дѣятельности*, какъ бы въ состояніи движенія, на пути къ цѣлямъ ему поставленнымъ. Это своего рода статика и динамика учрежденія, причемъ обѣ стороны его находятся между собою въ тѣсной органической связи. Ученіе объ устройствѣ заключаетъ въ себѣ: внѣшнее положеніе прокуратуры въ ряду другихъ государственныхъ властей, внутреннее строеніе ея частей, ихъ взаимныя соотношенія, всѣ вопросы личнаго состава и внутренняго въ немъ распорядка. Устройство должно быть прежде всего цѣлесообразно; вслѣдствіе этого оно зависитъ отъ требованій, предъявляемыхъ къ прокурорской дѣятельности. Ученіе объ этой послѣдней, слѣдя за прокуратурой при прохожденіи ею различныхъ фазисовъ или стадій указаннаго ей законнаго пути, излагаетъ содержаніе и

значеніе всѣхъ функцій, лежащихъ на прокурорѣ по разнымъ отраслямъ его службы. Въ свою очередь эта дѣятельность можетъ достигать своихъ задачъ лишь настолько, насколько это допускается и обусловливается началами, положенными въ основаніе прокурорскаго института и въ его устройство. Такое взаимодѣйствіе, съ достаточной послѣдовательностью проведенное въ нашей прокуратурѣ, сообщаетъ ей цѣльность и стройность силы, предусмотрительно организованной для успѣшнаго исполненія ея призванія.

По своему *устройству* современный прокурорскій надзоръ есть правительственное установленіе, принадлежащее къ министерству юстиціи и въ частности къ судебному вѣдомству, въ составѣ котораго оно образуетъ особое іерархическое цѣлое, пріуроченное къ судебнымъ мѣстамъ, но съ ними не сливающееся. Существуя отдѣльно отъ судовъ, прокурорскій надзоръ, однакоже, неразрывно связанъ съ ними общностью занятій и взаимною другъ въ другѣ необходимостью для цѣлей правосудія. Кромѣ того, будучи неотъемлемою частью магистратуры (понятіе о которой у насъ невполнѣ точно передается терминомъ «судебное вѣдомство»), прокурорскій надзоръ въ то же время подчиняется и общимъ правиламъ гражданской службы, насколько они не измѣнены особыми правилами службы судебной (ст. 235 учр. суд. уст.). Въ этомъ смыслѣ прокурорскіе чины значительно отличаются отъ судей, которыхъ несмѣняемость, порядокъ назначенія и служебнаго движенія выдѣляютъ изъ остальной среды должностныхъ лицъ. Прокуратура, напротивъ, ближе примыкаетъ къ ней и какъ по своей юридической природѣ, такъ и по служебному положенію своихъ органовъ занимаетъ среднее мѣсто между судьями и чинами административныхъ вѣдомствъ. Правительственный характеръ прокурорскаго учрежденія всего рѣзче выражается прямымъ и полнымъ подчиненіемъ его министру юстиціи, какъ генералъ прокурору (ст. 124, 129, 221, 222 и 266 учр. суд. уст.). Лица прокурорскаго надзора непосредственно зависятъ отъ министра по всѣмъ вопросамъ службы и по большей части предметовъ процессуальной дѣятельности. Министръ юстиціи, главный начальникъ прокурорскаго надзора, стоитъ на вершинѣ его іерархической лѣстницы, ступени котораго соотвѣтствуютъ общимъ судебнымъ установленіямъ (ст. 124, 125 и 127 учр. суд. уст.). Прокурорскія же обязанности по дѣ-

ламъ мировыхъ судебныхъ установленій, при которыхъ, въ отличіе нашихъ судебныхъ порядковъ отъ западно-европейскихъ, особой прокуратуры не существуетъ, лежатъ на прокурорскомъ надзорѣ окружнаго суда.

Вся система прокурорскихъ чиновъ представляетъ двѣ отрасли: *сенатскую оберъ-прокуратуру* и *мѣстный прокурорскій надзоръ*, состоящій изъ двухъ іерархическихъ степеней, при *судебной палатѣ* и *окружномъ судѣ*. Обѣ отрасли прокуратуры дѣйствуютъ каждая отдѣльно, другъ отъ друга не зависятъ и объединяются только общимъ подчиненіемъ министру. Внутри каждаго изъ прокурорскихъ ранговъ есть также двѣ степени, высшая и низшая, *прокуроръ* и его *товарищи*, въ числѣ опредѣляемомъ штатами. При всякой прокурорской инстанціи состоятъ или могутъ состоять два учрежденія, одно вспомогательное для дѣлопроизводства—*секретари* и *канцеляріи*, другое подготовительное къ судебной службѣ и для занятій при лицахъ прокурорскаго надзора—*кандидаты на судебныя должности* (ст. 134, 408 и 413 учр. суд. уст.).

Внутренняя организація прокуратуры построена на цѣломъ рядѣ правилъ и началъ, вытекающихъ изъ ея существа и основныхъ задачъ. Таковы: *общія условія службы* въ прокурорскомъ надзорѣ и въ частности *подготовка* къ ней, обезпечивающія ей личный составъ достойныхъ и способныхъ дѣятелей; правила о *внѣшнихъ служебныхъ правахъ и обязанностяхъ* прокурорскихъ чиновъ, опредѣляющія ихъ профессіональное положеніе, тѣмъ самымъ ограждаемое отъ случайностей и произвола; *іерархическая дисциплина*, какъ коренной принципъ института, въ которомъ строгая *подчиненность* низшихъ высшимъ умѣряется извѣстной степенью разумной *независимости* слова и убѣжденія, а правила о *надзорѣ* за прокуратурой и объ *отвѣтственности* ея чиновъ гарантируютъ общество и гражданъ отъ злоупотребленій или бездѣйствія прокурорской власти; наконецъ *единство*, сообщающее лицамъ прокурорскаго надзора дѣловую солидарность, а дѣятельности ихъ—единообразіе. Сюда же можно причислить и *распредѣленіе занятій* между чинами прокурорскаго надзора—одно изъ главныхъ практическихъ основаній внутренняго въ немъ порядка.

Значеніе и задачи каждой изъ названныхъ выше единицъ прокурорскаго надзора отмѣчены особыми характеристическими чертами.

Въ вѣдѣніи *прокуратуры окружнаго суда* стекается почти вся сумма прокурорскихъ функцій, непосредственное исполненіе по всѣмъ наиболѣе важнымъ отраслямъ прокурорской дѣятельности. Приходя въ непрестанное столкновеніе съ жизнью и взаимными юридическими отношеніями людей, чины окружной прокуратуры имѣютъ дѣло съ тѣмъ еще по большей части сырымъ матеріаломъ, въ которомъ нужно тщательно разобраться для правильнаго примѣненія къ нему закона. Уже изъ того, что они возбуждаютъ уголовное преслѣдованіе, направляютъ его съ начала и до конца, формулируютъ передъ судомъ обвиненіе, которое затѣмъ поддерживаютъ публично, между прочимъ и на судѣ общественной совѣсти, т.-е. передъ присяжными, причемъ, кромѣ того, являются блюстителями закона въ выборномъ мировомъ судѣ, наиболѣе близкомъ къ населенію, — уже изъ этого перечня очевидно все огромное значеніе первой прокурорской инстанціи. Передовые труженики учрежденія, они выносятъ на своихъ плечахъ всю борьбу съ преступленіемъ, всю тяжесть той черной, будничной работы, которая вмѣстѣ съ работой слѣдователя образуетъ фундаментъ уголовнаго правосудія. Нѣкоторыя части этой работы являются такъ сказать казовыми концами прокурорской дѣятельности, по которымъ судитъ о ней общество и выказывается сила или безсиліе прокуратуры; таковы напр. публичное обвиненіе вообще и веденіе преслѣдованія по крупнымъ, выдающимся дѣламъ въ частности. Поэтому служба прокурорскаго надзора окружнаго суда требуетъ много знанія дѣла, опытности, энергіи и добросовѣстнаго трудолюбія. Все это касается одинаково и прокурора окружнаго суда и его товарищей; послѣдніе даже чаще и больше своего ближайшаго начальника проходятъ черезъ весь циклъ обычной прокурорской дѣятельности. Лучшая и наиболѣе полезная постановка ихъ положенія заключается въ предоставленіи имъ всей возможной самостоятельности въ завѣдуемомъ каждомъ изъ нихъ участкѣ. Но на *прокурорѣ окружнаго суда* лично лежитъ исполненіе въ районѣ иногда обширной мѣстности, ввѣренной его надзору, чрезвычайно важной задачи. Направляя своихъ товарищей, наблюдая за состояніемъ судебной части и ходомъ судебнаго дѣла въ округѣ, онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы высоко и прочно поставить прокуратуру въ данной мѣстности и побудить гражданъ не избѣгать ея, а видѣть въ ней всегда доступную и

вѣрную опору нарушеннаго права. Прокуроръ суда отвѣчаетъ столько же передъ начальствомъ, сколько передъ своею совѣстью и обществомъ за степень авторитетности и уваженія, пріобрѣтенныхъ подвѣдомственной ему прокуратурой, за все, что происходить въ ея средѣ, за мѣстные практическіе результаты ея дѣятельности, которые не всегда укладываются въ статистическія цифры разсмотрѣнныхъ дѣлъ и предъявленныхъ заключеній и лучше всего выражаются въ характеристическихъ конкретныхъ фактахъ, служащихъ пробнымъ камнемъ для дѣятелей и ихъ достоинствъ. Выражаясь фигурально, въ рукахъ прокурора окружнаго суда бьется весь пульсъ прокурорскаго учрежденія и по тому, какъ ведетъ его дѣло прокуроръ суда, можно безошибочно судить о состояніи этого дѣла въ округѣ. Прокурорамъ окружныхъ судовъ слѣдуетъ глубоко проникнуться этой истиной; тамъ же, гдѣ вмѣсто живаго ея сознанія ими усвоенъ шаблонный взглядъ на службу выгодно поставленнаго губернскаго чиновника, исполнительнаго съ внѣшней стороны, но пассивнаго и равнодушнаго въ дѣйствительности, тамъ прокурорское дѣло находится въ застоѣ или, погружаясь въ канцелярскую рутину, падаетъ быстро и неизбѣжно.

Прокуратура судебной палаты, занимаясь въ той или другой формѣ повѣркой дѣйствій и работъ окружной прокуратуры и участвуя въ таковой же повѣркѣ высшею судебною инстанціею низшей (обвинительная камера, апелляціонное разсмотрѣніе), очевидно должна обладать особенною опытностью и зрѣлостью юридическаго сужденія, которыя пріобрѣтаются, при помощи основательнаго образованія, лишь продолжительною практикой. Палатская прокуратура обязана служить примѣромъ для подчиненныхъ ей прокурорскихъ чиновъ и этого дидактическаго оттѣнка своей дѣятельности не терять изъ виду при всѣхъ своихъ занятіяхъ, носящихъ, впрочемъ, скорѣе кабинетный характеръ и далеко не столь живыхъ и разнообразныхъ, какъ занятія окружной прокуратуры. Но эти руководящія обязанности прокурорскаго надзора второй инстанціи совмѣщаютъ въ себѣ ближайшій фактическій контроль надъ дѣятельностью прокурорскаго надзора первой инстанціи; дѣйствіе такого контроля можетъ быть полезно только подъ условіемъ самаго внимательнаго и добросовѣстнаго выполненія его безразлично по всѣмъ дѣламъ, крупнымъ или заурядъ-

нымъ. Въ лицѣ *прокурора судебной палаты* сосредоточивается все управленіе прокуратурой нѣсколькихъ округовъ, которая получаетъ отъ него и общія руководящія указанія, и распорядительныя разрѣшенія, и предписанія по всѣмъ восходящимъ къ нему отдѣльнымъ случаямъ. Непосредственный органъ министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора, прямой начальникъ прокурорскаго надзора цѣлой территоріи, прокуроръ палаты объединяетъ всѣ отрасли и всѣ стороны ея обвинительной и законоохранительной дѣятельности. Дѣйствуя самостоятельно, онъ даетъ ту или другую окраску ея отдѣльнымъ проявленіямъ и держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити мѣстной дисциплины, этого могучаго рычага прокурорской службы. Прокуроромъ палаты устанавливается, въ общихъ очертаніяхъ, и положеніе прокуратуры въ отношеніи суда и администраціи; онъ высшій представитель правъ и интересовъ своего вѣдомства въ данной мѣстности, онъ же и отвѣтчикъ какъ за всякое ихъ умаленіе, такъ и за всякое произвольное и неправильное ихъ расширеніе. Если прибавить къ этому, что въ качествѣ органа министра юстиціи, прокуроръ палаты является проводникомъ въ прокурорское учрежденіе видовъ и намѣреній высшаго правительства, то будетъ ясно все вліятельное значеніе этой должности, требующей сложныхъ комбинацій такта и твердости, осторожности и энергіи, рѣшимости и спокойствія. Генералъ-прокуроръ, будучи въ тоже время однимъ изъ высшихъ государственныхъ дѣятелей и не имѣя никакой физической возможности, даже при посредствѣ департамента и канцеляріи министерства юстиціи, лично входить во всѣ стороны своего обширнаго вѣдомства, вынужденъ опираться на прокуроровъ палатъ, какъ на ближайшихъ своихъ агентовъ, дѣйствовать черезъ нихъ, и, слѣдовательно, довѣрять имъ; они же дожны быть безусловно достойны этого довѣрія и тщательно поддерживать живую связь центральныхъ правительственныхъ установленій съ судебнымъ вѣдомствомъ.

Что же, наконецъ, касается до *оберъ-прокуратуры кассаціоннаго сената*, то необходимо лишь отмѣтить вліяніе этой высшей и отдѣльной отрасли прокурорскаго надзора на прокуратуру, такъ сказать, дѣйствующую, «боевую»—главный предметъ нашего изложенія. Въ интересахъ этой послѣдней, для правильнаго ея направленія, слѣдуетъ желать, чтобы оберъ-прокуратура, исполняя свои первостепенно важныя обязанности государственнаго юрис-

консульта передъ высшимъ судилищемъ Имперіи, тщательно соединяла начала теоріи права съ потребностями практики, доктрину съ жизнью. Обильный матеріалъ для уразумѣнія этихъ потребностей ежедневно собираетъ дѣятельность окружной и палатской прокуратуры и, только вполнѣ владѣя ея опытомъ, принимая въ соображеніе всѣ его жизненные выводы и наблюденія, возможно быть вѣрнымъ истолкователемъ закона съ авторитетной высоты кассаціонной прокуратуры.

Дѣятельность прокурорскаго надзора представляетъ систему дѣйствій, направленныхъ въ предѣлахъ вѣдомства къ исполненію задачъ этого учрежденія, на основаніи руководящихъ его началъ и въ свойственныхъ ему формахъ проявленія.

Въ прокурорской дѣятельности вообще нужно отличать собственно *процессуальную дѣятельность* и *дѣлопроизводство*. Первая обнимаетъ собою участіе прокурора во всѣхъ тѣхъ моментахъ судопроизводства, въ которыхъ онъ по закону является необходимымъ дѣятелемъ, въ томъ числѣ и дѣйствія посредствомъ устнаго слова и личнаго присутствія. Второе же, дѣлопроизводство, есть совокупность техническихъ пріемовъ письменной прокурорской дѣятельности. За исключеніемъ устныхъ и личныхъ ея проявленій, она относится къ дѣлопроизводству, какъ внутреннее содержаніе къ внѣшней оболочкѣ, откуда ясно все практическое содержаніе канцелярской техники.

По своимъ предметамъ дѣятельность прокурорскаго надзора раздѣляется на двѣ отрасли, неравныя по важности и по объему; одна, нормальная и главная, занимается *судебными* дѣлами, которыя распадаются на три группы (дѣла уголовныя, гражданскія, по судебному надзору и управленію), другая, второстепенная и допущенная закономъ лишь въ видѣ исключенія, касается нѣкоторымъ *административныхъ* дѣлъ. Вотъ краткій систематическій перечень главнѣйшихъ отправленій прокурорской службы, съ указаніемъ сущности или преобладающаго характера каждой изъ нихъ:

I. *По уголовнымъ дѣламъ*: 1) обличеніе или преслѣдованіе обвиняемыхъ передъ уголовнымъ судомъ, за публичныя и публично-частныя преступленія и проступки, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, до исполненія приговоровъ включительно (ст. 4 и 5 уст. уг. суд.); 2) охраненіе законнаго порядка производства по тѣмъ же дѣламъ посредствомъ принятія установленныхъ мѣръ и предва-

рительныхъ заключеній (ст. 141 учр. суд. уст., ст. 274, 278, 510, 619, 853, 906, 920, 934, 949 и друг. уст. уг. суд.); 3) охраненіе разума и силы законовъ, а отчасти и интересовъ публичнаго преслѣдованія въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, преимущественно во второй ихъ инстанціи, въ съѣздѣ мировыхъ судей (ст. 146, 166 и 173 уст. уг. суд.), и 4) наблюденіе за охраненіемъ законнаго порядка при лишеніи свободы и содержаніи подъ стражей (ст. 10 и 11 уст. уг. суд.).

II. *По гражданскимъ дѣламъ*: 5) охраненіе, посредствомъ предварительныхъ заключеній, разума и силы законовъ по извѣстнымъ гражданскимъ дѣламъ казеннаго и общественнаго характера въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, производящимся въ кассаціонномъ порядкѣ (ст. 141 учр. суд. уст., ст. 173, 343, 804 уст. гражд. суд.); 6) исковыя полномочія, въ казенныхъ и общественныхъ, интересахъ по нѣкоторымъ изъ такихъ дѣлъ (ст. 1294, 1344, 1345, 1402 и 1451 уст. гражд. суд.).

III. *По участію въ судебномъ надзорѣ и управленіи судебной частью*: 7) принятіе установленныхъ мѣръ противъ замѣченныхъ упущеній судебныхъ мѣстъ или лицъ судебнаго вѣдомства и участіе въ производствѣ о таковыхъ упущеніяхъ (ст. 253, 282, 287, 363, 370, 376 и 406 учр. суд. уст.); 8) представленія о возбужденіи законодательныхъ вопросовъ по поводу обнаруженныхъ на практикѣ пробѣловъ въ законѣ (ст. 136 учр. суд. устан.); 9) исполненіе различныхъ порученій министерства юстиціи и доставленіе ему нужныхъ свѣдѣній по судебной администраціи.

IV. *По дѣламъ административнымъ*: 10) исполненіе установленныхъ закономъ обязанностей въ отношеніи мѣстъ заключенія и содержащихся подъ стражей и 11) участіе въ различныхъ административныхъ присутствіяхъ, коммиссіяхъ и комитетахъ.

При опредѣленіи законныхъ *задачъ* прокурорскаго учрежденія возможно недоразумѣніе по поводу оффиціальнаго, техническаго его названія—«надзоръ». Какъ уже было замѣчено во введеніи [1]), являясь историческимъ и традиціоннымъ, оно уже не вполнѣ точно выражаетъ нынѣшнюю сущность института, который далеко не исчерпывается однимъ понятіемъ о надзорѣ. «Этому термину»—

[1]) стр. 25, 26.

сказано въ мотивахъ къ ст. 253 учреж. суд. уст.—«вовсе не при-«свaивается понятіе о надзорѣ въ обширномъ смыслѣ сего слова; онъ «употребленъ въ смыслѣ общей обязанности прокуроровъ наблю-«дать, чтобы законъ не былъ никѣмъ нарушаемъ и, въ случаѣ «замѣченныхъ нарушеній, принимать мѣры къ возстановленію «онаго». Въ этомъ значеніи надзора, къ нему можетъ быть от-несено и преслѣдованіе преступленій, и предъявленіе заключеній по гражданскимъ дѣламъ, и вообще всякое воздѣйствіе прокурора, направленное къ возстановленію законнаго порядка. Ближайшія про-явленія прокурорской дѣятельности свидѣтельствуютъ, что наша прокуратура имѣетъ одновременно двѣ главныя задачи—обвини-тельную и наблюдательную или законоохранительную, идетъ по двумъ путямъ, обличая виновнаго въ преступленіи (ст. 4 уст. уг. суд.) и наблюдая за охраненіемъ законовъ въ предѣлахъ отведен-наго ей вѣдомства (ст. 8, 124 и 253 учр. суд. уст.); сюда же присоединяется и третья задача—представительство въ извѣстныхъ случаяхъ правительственныхъ, казенныхъ интересовъ. Взаимное соотношеніе всѣхъ этихъ задачъ между собою не выясняется съ положительною ясностью изъ самаго текста закона и должно быть выведено въ общихъ чертахъ съ одной стороны изъ характера отдѣльныхъ прокурорскихъ функцій, а съ другой изъ всей ихъ совокупности. Въ отдѣльныхъ функціяхъ можетъ господствовать тотъ или другой изъ названныхъ трехъ элементовъ, но въ прин-ципѣ они почти не разлучны и проходятъ черезъ всѣ отрасли прокурорской дѣятельности. Еще наблюдательная задача въ нѣ-которыхъ случаяхъ можетъ быть выполняема независимо отъ обвинительной, уголовное же преслѣдованіе и представительство интересовъ правительства или казны всегда сопровождается охра-неніемъ законовъ. Другими словами, прокуроръ бываетъ иногда только блюстителемъ закона, безъ всякой иной примѣси, но про-куроръ, какъ обвинитель и какъ правительственный агентъ, всегда обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоять на стражѣ закона и ставить его предписанія впереди и выше всѣхъ прочихъ интересовъ и элементовъ своей дѣятельности. Вообще, преобладаніе въ ней одной какой-нибудь задачи не устраняетъ остальныхъ, а лишь характе-ризуетъ собою извѣстный родъ дѣятельности, окрашивая всѣ его отправленія особыми, свойственными ей оттѣнками. Такъ, въ уго-ловныхъ дѣлахъ, конечно, стоитъ на первомъ планѣ обвинительное

призваніе органа публичнаго преслѣдованія. Но, являясь обвинителемъ, прокуроръ не перестаетъ быть въ то же время и блюстителемъ процессуальной законности, требованіями которой уравновѣшиваются и умѣряются всѣ его обвинительныя стремленія. А такъ какъ законъ требуетъ осужденія и наказанія только несомнѣнно виновнаго, то обвиненіе во что бы то ни стало совершенно чуждо и противорѣчить законнымъ задачамъ прокурора. Преслѣдуя предполагаемаго виновнаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ ограждать невиннаго отъ неправильнаго преслѣдованія и осужденія, и даже самого виновнаго — отъ мѣръ неправильныхъ или напрасныхъ. Интересы обвиненія важны и обязательны для прокурора лишь при соотвѣтствіи ихъ указаніямъ закона. Наконецъ, добиваясь прежде всего истины, онъ обвиняетъ и преслѣдуетъ лишь тогда, когда убѣжденъ въ виновности и въ необходимости законной кары; въ противномъ случаѣ онъ самъ не только можетъ, но и долженъ высказаться и дѣйствовать противъ обвиненія (ст. 518, 534, 682, 739, 740, 858 уст. уг. суд.). Въ нѣкоторые моменты уголовнаго судопроизводства законоохранительное наблюденіе даже прямо заслоняетъ и отодвигаетъ обвинительную задачу: при слѣдствіи напр. прокуроръ наблюдаетъ за правильностью изслѣдованія, безотносительно къ интересамъ обвиненія и хотя бы даже въ пользу обвиняемаго (ст. 279 и 283 уст. уг. суд.). На судѣ, во время заключительныхъ преній, безпристрастіе и умѣренность составляютъ первѣйшія законныя обязанности прокурора, хотя бы и противъ обвиненія (ст. 739 и 740 уст. уг. суд). Словомъ, по смыслу всѣхъ постановленій Судебныхъ Уставовъ въ нашемъ прокурорѣ государственный обвинитель и блюститель закона должны всегда и вездѣ идти рука объ руку, другъ друга сдерживая и дополняя. Въ этомъ сочетаніи и практически нѣтъ ничего неисполнимаго; оно требуетъ только, чтобы каждый шагъ прокурорскаго преслѣдованія былъ основанъ на законѣ, который и придаетъ ему отпечатокъ справедливости и спокойнаго достоинства.

Въ дѣлахъ гражданскихъ и по предметамъ судебнаго надзора и управленія въ дѣйствіяхъ прокуратуры преобладаетъ охраненіе закона и защищаемыхъ ею публичныхъ интересовъ. Но и здѣсь при всякомъ наказуемомъ отступленіи отъ законовъ, при всякомъ безпорядкѣ по судебной части, въ публичномъ юрисконсультѣ и

агентѣ правительства немедленно сказывается обвинитель, заявляющій о себѣ требованіями законнаго возмездія.

По дѣламъ административнымъ, несмотря на молчаніе закона о сущности задачи прокурора, весь смыслъ его участія въ этихъ дѣлахъ заставляетъ полагать, что онъ призывается къ нимъ именно въ качествѣ такого органа правительства, который обладаетъ спеціальнымъ знаніемъ законовъ и, имѣя навыкъ къ дѣятельному ихъ охраненію, по самой должности своей не пропуститъ безъ вниманія никакого злоупотребленія или безпорядка.

Если затѣмъ взглянуть на распредѣленіе задачъ прокурорскаго надзора съ житейской стороны, въ томъ видѣ, какъ оно представляется въ повседневной дѣйствительности, то нельзя не замѣтить, что уголовная отрасль и обвинительная задача и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніяхъ рѣшительно первенствуютъ надъ всѣми остальными. Уголовное преслѣдованіе, обвиненіе, участіе въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ — самая важная, трудная, выдающаяся и отвѣтственная часть этой дѣятельности, сообщающая ей тотъ общій тонъ, который часто прямо обусловливаетъ и общую оцѣнку учрежденія. Въ представленіяхъ общества и народа передъ уголовною задачею прокурора отступаютъ на второй планъ всѣ другія его обязанности, и для русскихъ людей онъ является прежде всего органомъ государственнаго возмездія за преступленіе и вмѣстѣ блюстителемъ уголовнаго правосудія. У насъ общественнаго зла, въ формѣ преступленій, не больше, конечно, чѣмъ въ другихъ странахъ, но у насъ есть нѣкоторыя свои особыя, домашнія условія, которыя обставляютъ борьбу съ этимъ зломъ особенными трудностями и придаютъ ей особенную важность. По многимъ историческимъ причинамъ, и несмотря на все колоссальное законодательное движеніе послѣднихъ десятилѣтій, сила и сознаніе законности или, точнѣе, привычка къ ней еще очень слабо развиты въ нашемъ отечествѣ; о растяжимости этого понятія народъ издавна сложилъ много характерныхъ, добродушно-ироническихъ изрѣченій, которыя до сихъ поръ не потеряли значенія въ его глазахъ. Непривычка къ законности, недостатокъ вѣры въ могущество и святость закона выражается и въ обще-извѣстномъ фактѣ неохотнаго обращенія частныхъ лицъ къ защитѣ закона и его исполнителей, въ традиціонной нелюбви «ходить по судамъ», чѣмъ бы ни вызывалось это «хожденіе». Наученный горькимъ опытомъ

прошедшаго, русскій человѣкъ и теперь еще предпочитаетъ примириться съ причиненнымъ лично ему вредомъ или смолчать о совершившемся передъ нимъ причиненіи вреда другому, нежели выступить въ качествѣ жалобщика, заявителя, свидѣтеля. Этому способствуетъ и малое распространеніе въ массѣ самыхъ элементарныхъ юридическихъ свѣдѣній и понятій, всеобщее незнакомство съ путями и способами законнаго воздѣйствія. Будучи предоставлено самому себѣ, такое положеніе вещей повело бы къ полной безнаказанности преступленій; можно съ вѣроятностью предположить, что если бы въ Россіи, подобно Англіи, господствовала система частнаго обвиненія, то упразднились бы гарантіи общественной и личной безопасности, но за то открылся бы широкій просторъ частному ябедничеству, не имѣющему ничего общаго съ публичными интересами правосудія. Уголовная дѣятельность прокурорскаго надзора должна пополнить этотъ важный пробѣлъ нашего общежитія, сознанный еще старымъ законодательствомъ, которое возлагало на нашу до-реформенную прокуратуру особенное попеченіе «о дѣлахъ гласа по себѣ неимѣющихъ». Именно въ томъ и заключается высокое призваніе прокурора, чтобы взять въ свои руки уголовное преслѣдованіе изъ немощныхъ и неумѣлыхъ рукъ потерпѣвшаго и, представляя передъ судомъ интересы общества, фактически стать и поборникомъ отдѣльныхъ интересовъ того множества пострадавшихъ отъ преступленія его членовъ, которые, безъ защиты ихъ государствомъ, были бы безпомощно отданы въ жертву преступнымъ нарушеніямъ законнаго порядка. Эта точка зрѣнія близка и понятна русскому народу, и въ поддержаніи и укрѣпленіи ея прокуратурѣ слѣдуетъ видѣть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ своего успѣха.

Таково же значеніе и обязательной для прокурора охраны, если не интересовъ, то законныхъ правъ обвиняемаго въ теченіи всего предварительнаго и предшествующаго суду производства, а нерѣдко и на судѣ, при отсутствіи надлежащей защиты. Охрана эта отрицательная, даже пассивная, все таки существенна и незамѣнима. Что бы ни говорила теорія раздѣленія уголовно-судебныхъ властей и состязательнаго начала процесса, русская практика предъявляетъ къ прокуратурѣ свои житейскія, насущныя требованія. На всемъ огромномъ пространствѣ Россіи сотни неграмотныхъ или малограмотныхъ арестантовъ смотрятъ на прокурорскій

надзоръ, какъ на прямаго своего заступника, тысячи обвиняемыхъ и подсудимыхъ изъ простонародья твердо увѣрены, что прокуроръ вмѣстѣ съ судьями будетъ «судить» ихъ «по закону», т. е. не только преслѣдовать виновнаго, но и ограждать невиннаго, «темнаго человѣка». Въ этомъ смыслѣ и новый прокуроръ, подобно старому, продолжаетъ быть «взыскателемъ наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ защитникомъ невинности».

Наконецъ, говоря объ общественномъ призваніи русской прокуратуры нельзя не упомянуть и о бытовыхъ особенностяхъ нашей обвинительной практики. Современная жизнь представляетъ такое обиліе крупныхъ преступленій и корыстной неправды, что сама Верховная власть признала нужнымъ указать на борьбу съ *«хищеніями»*, какъ на одну изъ главнѣйшихъ гражданскихъ обязанностей. Уголовное преслѣдованіе составляетъ одинъ изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ способовъ этой борьбы. Встрѣчая передъ собою, во всѣхъ сферахъ жизни и быта, сильныхъ и до дерзости смѣлыхъ враговъ законнаго порядка, въ разныхъ его проявленіяхъ, русскій прокурорскій надзоръ невольно становится въ отвѣтственное положеніе передоваго бойца, наносящаго первые удары именно той внѣшней, выпуклой сторонѣ явленія, на которой болѣе всего сосредоточено общественное вниманіе. Для того, чтобы эти удары попадали въ цѣль, они должны быть обдуманы, мѣтки и вѣрны; для направленія ихъ нужно не мало мужества и энергіи, много вѣры въ свое дѣло, въ его святость и правоту. Это тяжелое, подчасъ скользкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственно-почетное поприще; на немъ прокурорскій надзоръ, держась твердой почвы закона, движимый чувствомъ правильно понятаго долга и совѣсти, можетъ сослужить русскому обществу большую службу.

Выше [1]) уже было указано, что въ теоріи дѣятельность прокуратуры можетъ быть управляема или началомъ закономѣрности, или началомъ умѣстности, или обоими вмѣстѣ въ извѣстной комбинаціи. Вопросъ о томъ, какимъ изъ этихъ *началъ* и въ какой мѣрѣ управляется дѣятельность нашего прокурорскаго надзора не разрѣшается прямо ни законодательствомъ, ни оффиціальными его истолкованіями. Но изъ текста ст. 130 учр. суд.

[1]) Введеніе, стр. 16—20.

уст. можно сдѣлать довольно опредѣленный выводъ по этому вопросу. Она подчиняетъ дѣятельность прокурора передъ судомъ единственно двумъ совмѣстнымъ и нераздѣльнымъ факторамъ, личному его убѣжденію и силѣ дѣйствующихъ законовъ. Первый критерій относится, очевидно, къ фактической сторонѣ дѣла, къ доказанности его данныхъ, въ оцѣнкѣ которыхъ разумное убѣжденіе свободно и не допускаетъ принужденія. Но убѣжденіе не тождественно съ усмотрѣніемъ, и свобода логическаго мышленія не есть произволъ въ распоряженіи фактами. Основанныя на нихъ дѣйствія имѣютъ второй критерій—законъ, понимаемый согласно прямому его смыслу и обязательнымъ руководящимъ толкованіямъ; этотъ критерій исчерпываетъ сторону юридическую, квалификацію фактовъ, признанныхъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ основаніи нѣтъ мѣста началу цѣлесообразности, соображеніямъ удобства или полезности. Къ установленнымъ фактамъ должны быть примѣняемы подходящіе къ нимъ законы, безъ всякихъ посторонніхъ мыслей и заботъ о томъ, каковы могутъ быть и будутъ практическіе результаты. Начальственныя указанія и даже приказанія непримѣнимы въ этой стадіи дѣятельности прокурорскаго надзора, выражающейся въ заключеніяхъ по существу дѣла или по инцидентамъ производства; очевидно, она проникнута началомъ законномѣрности.

Въ иныхъ условіяхъ находится прокурорская дѣятельность до и внѣ суда, ея наблюдательная и распорядительная область, уголовное преслѣдованіе, еще не вошедшее въ соприкосновеніе съ коллегіальнымъ судомъ, которому предъявляются заключенія. На этотъ предварительный періодъ процесса и прокурорской службы не распространяется сила ст. 130, изъ чего слѣдуетъ, что по упомянутымъ предметамъ прокуроръ безусловно подвластенъ приказаніямъ начальства, которыя могутъ быть всецѣло основаны на соображеніяхъ удобства и умѣстности, въ особенности въ отрицательномъ отношеніи, напр. при оставленіи безъ примѣненія въ данномъ случаѣ обвинительной прокурорской власти. Возбуждать или не возбуждать преслѣдованіе, какъ вести его при дознаніи и слѣдствіи, какія и когда дѣлать распоряженія по раскрытію преступленія и обнаруженію виновнаго, какія принимать предварительныя мѣры по судебному надзору, какъ поступать въ сношеніяхъ съ несудебными властями—все это, не говоря уже о дѣло-

производствѣ, разрѣшается по принципу цѣлесообразности, смотря по тому, что по серьезнымъ и разумнымъ основаніямъ является наиболѣе нужнымъ, полезнымъ и удобнымъ.

Подробное разграниченіе этихъ двухъ фазисовъ прокурорской дѣятельности, по степени ихъ зависимости отъ іерархическаго подчиненія, будетъ приведено впослѣдствіи, теперь же мы отмѣчаемъ только значеніе въ этомъ же направленіи тѣхъ началъ дѣйствія, противоположеніе которыхъ западная доктрина считаетъ капитальнѣйшимъ вопросомъ прокуратуры.

Что касается до основныхъ *формъ* прокурорской дѣятельности, то ихъ собственно только четыре, такъ какъ всѣ другія представляютъ лишь развѣтвленія и разновидности. Это во 1-хъ *заключенія*, письменныя и словесныя, во 2-хъ таковыя же *предложенія*, въ 3-хъ *личное присутствіе* и *участіе* въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, помимо заключеній и предложеній и въ 4-хъ *канцелярское производство* разнаго рода и по разнымъ поводамъ.

Заключенія письменныя и словесныя, въ смыслѣ искусства и юридическаго значенія, составляютъ высшее выраженіе прокурорской дѣятельности. Чего бы они ни касались, какого бы объема или важности они ни были, содержаніе ихъ всегда одно и тоже. Это правильно построенный силлогизмъ, т. е. логическій выводъ изъ одной или нѣсколькихъ посылокъ, совмѣщающихъ фактическія и юридическія данныя дѣла, расположенныя такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ можно было извлечь доводы въ пользу вывода. Заключенія бываютъ общія и частныя, предварительныя и окончательныя; въ нихъ прокуроръ разсматриваетъ дѣло съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и высказываетъ свое мнѣніе о разныхъ его сторонахъ или моментахъ, чаще же всего: 1) о направленіи или о разрѣшеніи дѣла по существу, или 2) о частныхъ казусахъ и вопросахъ, возникшихъ во время производства. Заключенія даются или въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, или по приглашенію суда, и такимъ образомъ предъявленіе ихъ не зависитъ отъ усмотрѣнія прокурора. Сюда принадлежатъ: а) письменныя заключенія по уголовнымъ дѣламъ и въ томъ числѣ обвинительные акты, б) словесныя заключенія по дѣламъ уголовнымъ, въ томъ числѣ обвинительныя рѣчи, а также и заключенія по дѣламъ гражданскимъ, дисциплинарнымъ и распорядительнымъ.

Существенный признакъ заключенія—обращеніе его къ судебному мѣсту или къ установленію его замѣняющему (напр. административное начальство по дѣламъ о преступленіяхъ должности, министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ), которое должно обсудить и разрѣшить, но не обязано принять его; заключеніе обязательно не формально, а по степени его правильности и убѣдительности.

Предложенія, письменныя или словесныя, предъявляются тѣмъ мѣстамъ или лицамъ, напр. суду, слѣдователямъ, полиціи, отъ которыхъ прокурорскій надзоръ имѣетъ право требовать чего-либо съ большей или меньшей обязательностью. Сущность всякаго предложенія состоитъ въ требованіи или приглашеніи совершить тѣ или другія дѣйствія. Предъявленіе предложеній, относящихся обыкновенно до внѣ-судебныхъ фазисовъ уголовнаго или дисциплинарнаго производства, зависитъ отъ прокурора и, въ противоположность заключенію, не можетъ быть вызвано мѣстами или лицами, къ которымъ предложеніе обращается. Таковы предложенія по дознанію, предварительному слѣдствію, о разсмотрѣніи дѣлъ или вопросовъ, о постановленіи и исполненіи опредѣленій или приговоровъ и проч.

Личное воздѣйствіе прокурора можетъ быть сопряжено съ предъявленіемъ заключенія или предложенія, но можетъ и, не сопровождаясь ничѣмъ подобнымъ, проявиться въ иныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ. Таковы: по уголовнымъ дѣламъ—наблюдательное присутствіе прокурора при розыскныхъ и слѣдственныхъ мѣропріятіяхъ, участіе въ допросахъ; по судебному надзору—участіе въ ревизіяхъ; по административнымъ дѣламъ—участіе въ присутствіяхъ, посѣщеніе тюремъ; наконецъ по всѣмъ вообще дѣламъ—личныя объясненія съ должностными и частными лицами, съ публикой и просителями. Эта форма, устная и живая, играетъ важную роль въ обиходѣ прокурорской дѣятельности, которую она отвлекаетъ отъ бумагъ и приближаетъ къ людямъ, населенію.

Канцелярское производство образуетъ какъ бы матеріальную часть, вещество сложнаго механизма, приводимаго въ процессуальное движеніе прокурорскимъ надзоромъ и въ свою очередь сообщающаго это движеніе другимъ властямъ, дѣйствующимъ при его участіи. Въ кругъ канцелярскаго оборота прокуратуры входитъ множество предметовъ: общая организація дѣлопроизводства

и снабженіе прокурорскаго надзора необходимыми въ его дѣятельности пособіями и принадлежностями, веденіе книгъ, нарядовъ и вообще регистрація, отчетность, донесенія по начальству, переписка и сношенія съ разными мѣстами и лицами, направленіе дѣлъ, арестантская часть и проч.

Всѣ вышеприведенныя формы прокурорской дѣятельности, въ ихъ видовыхъ проявленіяхъ и практическомъ примѣненіи, будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ при послѣдовательномъ разсмотрѣніи правъ и обязанностей прокурорскаго надзора по исполненію возложенныхъ на него задачъ.

§ 70. Отношеніе къ обществу и сопредѣльнымъ учрежденіямъ. Задачи прокурорскаго надзора такъ или иначе отражаются на обстановкѣ и условіяхъ, среди которыхъ ему приходится существовать и дѣйствовать. Въ силу своего призванія и положенія по свойству своихъ обязанностей онъ находится въ извѣстныхъ болѣе или менѣе постоянныхъ отношеніяхъ къ сферамъ, его охватывающимъ, и учрежденіямъ, ему сопредѣльнымъ. Отъ характера этихъ отношеній измѣняются къ лучшему или къ худшему свобода, правильность и успѣшность всей прокурорской дѣятельности; въ свою очередь онѣ всецѣло зависятъ отъ того, *къ чему* стремится прокуратура и *какъ* она старается достигнуть своихъ цѣлей.

Учреждаемый въ государственно-общественномъ интересѣ и, слѣдовательно, существуя и для *общества,* прокурорскій надзоръ практически дѣйствуетъ среди той внѣшней, реальной его оболочки, которая носитъ обыденное названіе *публики.* Будучи, далѣе, въ своей дѣятельности однимъ изъ органовъ судебной власти, построенной на началѣ раздѣленія процессуальнаго труда, прокуратура состоитъ при *судѣ,* даже входитъ въ составъ его и принимаетъ необходимое участіе въ большинствѣ его дѣйствій, причемъ одною изъ главнѣйшихъ функцій своихъ, по уголовнымъ дѣламъ, тѣсно соприкасается съ дѣятельностью другого важнаго органа той же власти, *судебнаго слѣдователя,* а при исполненіи этой функціи уголовнаго преслѣдованія дѣйствуетъ черезъ руководимую ею *полицію,* вслѣдствіе чего, а также и вслѣдствіе участія своего въ нѣкоторыхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, она постоянно встрѣчается на своемъ пути и съ дѣятельностью вообще *административной власти.*

Отсюда возникаютъ и, какъ показываетъ опытъ, особенно рѣзко подчеркиваются жизнью вопросы объ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ обществу и къ публикѣ, къ суду и судебнымъ слѣдователямъ, къ администраціи и въ частности къ полиціи. Общій критерій для нормированія этихъ отношеній дается началомъ закономѣрности, примѣненіе котораго облегчается началомъ цѣлесообразности, двумя уже указанными выше коренными основаніями всякой прокурорской дѣятельности.

Вопросъ о положеніи, которое прокурорскій надзоръ долженъ создать себѣ въ *общественномъ сознаніи*, представляется столько же серьезнымъ, сколько затруднительнымъ и щекотливымъ. Намѣчая на практикѣ двѣ противоположныя крайности, онъ ставитъ передъ прокуратурой не легко разрѣшимую дилемму. Она уже была отчасти затронута во введеніи, но здѣсь намъ кажется умѣстнымъ высказаться подробнѣе и рѣшительнѣе на основаніи наблюденій надъ нашей бытовой дѣйствительностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что безъ общественнаго уваженія и довѣрія крайне трудно вести успѣшно и энергически дѣло уголовнаго преслѣдованія; оно будетъ на каждомъ шагу встрѣчать равнодушіе и даже антипатію, глухое противодѣйствіе со стороны тѣхъ именно лицъ, въ совокупныхъ интересахъ которыхъ оно производится. Частные толки и слухи, иногда складывающіеся въ такъ называемое общественное мнѣніе, печать, въ которой за это мнѣніе могутъ быть выдаваемы и принимаемы личные взгляды, приговоры присяжныхъ, болѣе или менѣе служащіе отголоскомъ общественной совѣсти,—все это достаточно сильныя средства, посредствомъ которыхъ общество или публика заявляютъ о своемъ отношеніи къ прокурорскому надзору и его дѣятельности. Она затрудняется или облегчается, смотря потому, напр., прибѣгаютъ ли граждане охотно и довѣрчиво къ защитѣ прокуратуры, оказываютъ ли частныя и должностныя лица содѣйствіе ей не на словахъ только или на бумагѣ, а и на самомъ дѣлѣ, относятся ли присяжные къ ея утвержденіямъ и требованіямъ довѣрчиво и безъ всякаго заранѣе составленнаго предубѣжденія, наконецъ, наводитъ ли перспектива ея вмѣшательства нѣкоторый спасительный страхъ на болѣе распространенные преступные элементы, вродѣ крупнаго хищничества и проч.? Пренебрегать этими признаками общественнаго сужденія немыслимо и считаться съ ними необходимо, иначе прокурорскій надзоръ ри-

скуетъ сдѣлаться оторванной отъ общества, чуждой и даже враждебной ему силой, дѣйствія которой, лишенныя поддержки и сочувствія, не будутъ достигать своей конечной цѣли—огражденія общества отъ беззаконія. Но тутъ же рядомъ рельефно выступаетъ противоположная, не менѣе, если еще не болѣе важная опасность. Преувеличенная заботливость объ измѣнчивомъ и шаткомъ общественномъ сочувствіи можетъ впасть въ такъ называемое «популярничанье», при которомъ общественный дѣятель думаетъ уже не о долгѣ и своемъ призваніи, а о томъ, чтобы его хвалили въ массѣ и въ печати, для чего нужно отвѣчать преобладающимъ вліяніямъ и вѣяніямъ минуты. Положеніе это глубоко извращаетъ истинную сущность прокурорскаго учрежденія и, конечно, каждый его дѣятель, сколько-нибудь уважающій себя и свое дѣло, всегда съ негодованіемъ отвергнетъ всякую тѣнь чего-либо подобнаго, всякую мысль о заискиваніи передъ случайностями и прихотями общественнаго мнѣнія. Прокуроръ, ищущій популярности,—явленіе вполнѣ ненормальное, уродливое, заслуживающее безпощаднаго осужденія. Изъ строгаго блюстителя закона и вѣрнаго органа, примѣняющаго законъ правительства, превратиться въ прислужника минутныхъ вкусовъ и влеченій публики или толпы—это почти то же, что при исполненіи служебныхъ обязанностей стать слугою личныхъ интересовъ, вопреки долгу справедливости и безпристрастія. Положеніе прокурорскаго надзора между двумя указанными крайностями усложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по самому свойству своей дѣятельности, онъ лишь весьма условно можетъ разсчитывать на общественное сочувствіе, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ его выраженіи и, наоборотъ, всегда долженъ быть готовъ ко всевозможнымъ нареканіямъ, личному нерасположенію и даже мести, въ самой разнообразной формѣ жалобъ, сплетенъ, печатныхъ нападокъ и инсинуацій. Съ этимъ прокуратурѣ нужно мужественно мириться; таково естественное послѣдствіе ея обвинительной задачи, которая осуществляется мѣрами, хотя легальнаго, но все же принудительнаго и слишкомъ многимъ непріятнаго воздѣйствія. Преслѣдуя лицъ, виновныхъ или основательно заподозрѣнныхъ, не позволяя злу совершиться безнаказанно или спокойно пользоваться плодами зла, уже сдѣланнаго, прокуратура какъ бы вноситъ суровое *memento mori* уголовнаго закона въ круговоротъ преступныхъ страстей и поползновеній и

на каждомъ шагу создаетъ себѣ, поэтому, многочисленныхъ враговъ или по крайней мѣрѣ недоброжелателей. Явные или тайные, рѣдко добросовѣстные, чаще злонамѣренные, иногда весьма сильные и вліятельные, они легко могутъ быть неразборчивы на средства для того, чтобы помѣшать мѣропріятіямъ прокурорскаго надзора, или, когда это уже невозможно, то хоть отплатить ему. Однимъ изъ легкихъ и удобныхъ средствъ такого рода служитъ муссированіе въ публикѣ неблагопріятныхъ слуховъ и сужденій, вмѣстѣ съ искуснымъ проведеніемъ ихъ въ печати подъ прикрытіемъ публицистическихъ, будто бы, цѣлей, за которыми часто скрывается простое сведеніе личныхъ счетовъ или тенденціозная вражда къ новымъ учрежденіямъ. Подтасовка фактовъ или ложное ихъ освѣщеніе не остаются безъ послѣдствій среди легковѣрной массы, въ которой чувство долга и понятіе о законности развиты слабо, а отношеніе къ преступности отличается излишней мягкостью, граничащей съ распущенностью. Эксплуатируемое заинтересованною стороною, это настроеніе можетъ временно образовать вокругъ прокурорскаго надзора неопредѣленную, но тяжелую атмосферу подозрительности и недовольства, подъ давленіемъ котораго всякій односторонне или невѣрно изображаемый единичный случай немедленно переносится на все учрежденіе, въ видѣ мнимаго на немъ пятна и общаго уклоненія его отъ истиннаго пути. А между тѣмъ должностные дѣятели, безсильные передъ сплетней и огульнымъ порицаніемъ, столько же рѣзкимъ, сколько голословнымъ, должны хранить спокойное молчаніе, которое обязательно уже въ силу ихъ профессіональнаго достоинства, несовмѣстнаго съ какой бы то ни было полемикой. Правильный и честный выходъ для прокуратуры изъ этой житейской дилеммы только одинъ: нужно изъ двухъ опасностей выбирать меньшую, не забывая принциповъ, управляющихъ прокурорскимъ установленіемъ и его дѣятельностью. Руководствуясь единственно закономъ и примѣняя его по внутреннему убѣжденію своей совѣсти, прокуроръ въ то же время не долженъ игнорировать общественнаго мнѣнія, но не для того, чтобы во что бы то ни стало добиваться его немедленнаго одобренія, а лишь съ тѣмъ, чтобы черпать изъ него полезные для себя уроки и судить по немъ объ общественныхъ теченіяхъ и взглядахъ. Присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ общественной жизни, прокуроръ можетъ достигнуть вѣрнаго

и глубокаго пониманія преступныхъ ея явленій и отдавать себѣ ясный отчетъ въ цѣлесообразности того или иного направленія, тѣхъ или иныхъ мѣръ къ уголовному преслѣдованію, которое, подобно всякой другой отрасли государственной дѣятельности, должно имѣть свою политику. Таковъ желательный предѣлъ вниманія прокурорскаго надзора къ общественному мнѣнію; затѣмъ вліяніе этого послѣдняго можетъ отражаться исключительно въ особенной строгости чиновъ надзора къ себѣ и своимъ служебнымъ дѣйствіямъ, въ искреннемъ стремленіи не давать пищи основательнымъ укорамъ. Сосредоточивъ всю свою заботливость, вмѣсто взглядовъ публики и даже отзывовъ печати, на соблюденіе въ своей дѣятельности полной правильности и добросовѣстности, чины прокуратуры пріобрѣтаютъ то драгоцѣнное сознаніе своей правоты передъ закономъ и совѣстью, которое даетъ неотъемлемое право оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ при всевозможныхъ рекриминаціяхъ. Пусть они громко раздаются вокругъ прокурорскаго надзора, поднимая цѣлую бурю нареканій каждый разъ, какъ уголовное преслѣдованіе касается крупныхъ личныхъ, матеріальныхъ или тенденціозныхъ интересовъ, пусть эти нареканія несправедливы, незаслужены, способны вызвать невольное негодованіе, а рядомъ съ ними такъ или иначе доставшіяся восхваленія соблазнительны для самолюбія—это не должно ни смущать его чиновъ, ни вліять на нихъ въ ту или другую сторону. Все зданіе такой общественной оцѣнки построено на основаніи настолько шаткомъ и двусмысленномъ, иногда прямо ложномъ, что никакой серьезный правительственный дѣятель не вправѣ придавать ему личное для себя значеніе. Равно хладнокровный къ похваламъ и порицаніямъ, прокуроръ долженъ неуклонно дѣлать свое дѣло и въ его трудно дающихся, безшумныхъ, но честно одержанныхъ побѣдахъ надъ беззаконіемъ находить себѣ скромное удовлетвореніе. Если же этого ему мало, и по личнымъ вкусамъ, или по темпераменту онъ не можетъ справиться съ указанными свойствами своего общественнаго положенія, то ему лучше поскорѣе промѣнять службу въ прокуратурѣ на другую дѣятельность, болѣе благодарную въ смыслѣ лавровъ, популярности и спокойствія. Не слѣдуетъ ему опасаться и вещественныхъ, практическихъ послѣдствій, даже самыхъ настойчивыхъ и ловко разсчитанныхъ нападокъ; не зная за собой вины, онъ можетъ возложить свои

надежды на законныя гарантіи отвѣтственности и проницательную твердость своего іерархическаго начальства, которое въ свою очередь несетъ большую нравственную обязанность тщательно отличать клевету отъ истины и, недопуская послабленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ нужды, подчиненнаго, исполнившаго свой долгъ, заслонить собою и своей отвѣтственностью.

Затѣмъ отношенія прокуратуры къ публикѣ проявляются между прочимъ въ частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ частными лицами, участвующими въ уголовныхъ дѣлахъ и вообще имѣющими надобность до прокурорскаго надзора. Потерпѣвшіе и обвиняемые, настоящіе и будущіе, дѣйствительные и предполагаемые, вмѣстѣ съ своими родственниками или представителями постоянно обращаются къ нему въ качествѣ просителей и за свѣдѣніями по интересующимъ ихъ дѣламъ. Кромѣ того и лица, никакихъ дѣлъ еще не имѣющія, но съ различными юридическими надобностями, иногда только косвенно и отдаленно касающимися прокуратуры, нерѣдко прибѣгаютъ къ ней за разъясненіями и совѣтами. Особенно часто это бываетъ въ провинціи, гдѣ до сихъ поръ привыкли смотрѣть на прокурора, какъ на казеннаго юрисконсульта, спеціально поставленнаго для огражденія неимущихъ и несвѣдущихъ во всевозможныхъ ихъ юридическихъ невзгодахъ. Несмотря на то, что служеніе этой несомнѣнной, изъ жизни вытекающей потребности не входитъ прямо въ кругъ теперешнихъ обязанностей прокурорскаго надзора, отказывать въ этомъ совсѣмъ было бы съ его стороны крайне неблагоразумно. Посильная юридическая помощь такимъ дѣйствительно нуждающимся въ ней лицамъ, дѣловое участіе къ нимъ нисколько не противорѣчитъ духу прокурорскихъ полномочій, какъ скоро частныя надобности имѣютъ съ ними хотя какое-либо соприкосновеніе, а между тѣмъ практическая польза отъ подобнаго образа дѣйствій прокуратуры весьма существенная уже потому, что онъ благотворно отзывается прежде всего на бѣдномъ и юридически темномъ людѣ. Ничто такъ не способствуетъ прочному утвержденію мѣстнаго значенія прокурорскаго надзора и возбужденію довѣрія къ нему, какъ именно этотъ широкій и чуждый узкой и сухой рутины взглядъ ея на свое общественное призваніе. Въ общемъ, отношенія прокурорскаго надзора къ публикѣ должны представлять соединеніе: ровной и терпѣливой вѣжливости, равной ко всѣмъ внимательности и возможнаго по-

печенія объ интересахъ имѣющихъ съ ней дѣло частныхъ лицъ, насколько, конечно, это согласно съ ея достоинствомъ и исполненіемъ прямыхъ ея обязанностей. Тщательно сохраняя должностное свое значеніе и никогда не измѣняя спокойствію и безпристрастію, прокурорскій надзоръ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ упускать изъ виду, что учрежденія существуютъ для общества, а не наоборотъ, и что изъ множества частныхъ дѣлъ и интересовъ слагается великое общественное дѣло и общіе интересы правосудія, которому служатъ судебныя установленія и составляющіе ихъ дѣятели.

Указанному выше характеру отношеній прокурорскаго надзора къ общественному мнѣнію должна соотвѣтствовать также и извѣстная, нормальная степень вниманія къ одному изъ главныхъ ея факторовъ, къ печати. Вниманіе къ ней далеко не безполезно для каждаго общественнаго дѣятеля, для прокуратуры же въ частности, необходимость въ немъ, подъ условіемъ приведенныхъ выше ограниченій, опредѣляется тѣми прямыми практическими выгодами, которыя гласность можетъ принести прокурорской дѣятельности. Относясь къ печати спокойно, широко и объективно, прокуратура всегда съумѣетъ отдѣлить все тенденціозное и личное отъ истиннаго и затѣмъ извлечь изъ сообщаемыхъ ею данныхъ указанія на дѣйствительныя свои тактическія и техническія ошибки, съ тѣмъ, чтобы не повторять ихъ въ будущемъ. Принятыя къ свѣдѣнію, серьезныя указанія печати существенно увеличиваютъ запасъ бытоваго и жизненнаго опыта, которымъ должно располагать правильно поставленное дѣло уголовнаго преслѣдованія. Кромѣ того, прокуратура можетъ почерпнуть изъ матеріала, ежедневно собираемаго періодической прессой, важныя, а иногда и драгоцѣнныя данныя о преступленіяхъ или обстоятельствахъ, которыя иначе оставались бы безгласными. Наша уголовная практика послѣ судебной реформы уже насчитываетъ не мало выдающихся дѣлъ, возбужденію и раскрытію которыхъ много способствовали энергическія усилія печати, почему и прокурорскому надзору необходимо внимательно слѣдить за ней.

Основанія, опредѣляющія необходимый характеръ отношеній прокурорскаго надзора къ *суду*, заключаются прежде всего въ самомъ законѣ. Если строго и добросовѣстно придерживаться этихъ основаній, то отношенія всегда будутъ вполнѣ нормальными и

не окажется даже почвы для какихъ-либо недоразумѣній или столкновеній непріязненнаго свойства. Правда, отъ прокуратуры не зависитъ, чтобы судьи и слѣдователи сами всегда соблюдали такой образъ дѣйствій, но она можетъ и обязана старательно устранять съ своей стороны даже всѣ предлоги къ измѣненію его, дѣлать все, что только въ ея власти для сохраненія мира и единодушія. По закону, въ служебномъ и іерархическомъ смыслѣ судъ и прокурорскій надзоръ взаимно совершенно независимы и считаться или дѣлить имъ другъ съ другомъ нечего. Судъ не вправѣ критически относиться къ прокуратурѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ замѣчанія свои объ упущеніяхъ или неправильностяхъ ея можетъ лишь передать на усмотрѣніе прокурорскаго начальства (ст. 252 учр. суд. уст.). Въ свою очередь прокурорскій надзоръ, какъ таковой, будучи обязанъ наблюдать за охраненіемъ законовъ въ судебномъ вѣдомствѣ, свои замѣчанія объ упущеніяхъ судей передаетъ на разсмотрѣніе судейской же коллегіи или представляетъ на распоряженіе министра юстиціи (ст. 253 учр. суд. уст.). Все это настолько опредѣленно, ясно и точно, что само по себѣ не представляетъ повода къ конфликтамъ. А такъ какъ при этомъ члены обоихъ учрежденій входятъ въ составъ одного и того же судебнаго сословія, служатъ одному и тому же дѣлу правосудія, то и рознь между ними можетъ исходить исключительно изъ мелкихъ личныхъ побужденій, недостойныхъ честнаго и здравомыслящаго дѣятеля магистратуры. Чины прокурорскаго надзора должны тщательно остерегаться этого и въ особенности избѣгать даже повода заподозрить ихъ въ желаніи премировать передъ судомъ, къ чему, обыкновенно, и сводятся всѣ опасенія. Нельзя однакоже, не упомянуть и о столь же не желательной обратной крайности, обезличенія прокуратуры, которая можетъ быть прямо парализована въ своемъ авторитетѣ и въ силѣ своего воздѣйствія, если огражденіе судейской независимости переходитъ въ обидчивую щепетильность, а эта послѣдняя въ подозрительность, усматривающую давленіе или вторженіе тамъ, гдѣ есть только ревностное исполненіе долга прокурорской службы. И здѣсь, какъ и въ другихъ трудныхъ ея вопросахъ, руководящее мѣрило дѣйствій заключается въ началѣ законности, при примѣненіи котораго не упускается изъ виду и начало цѣлесообразности. Процессуальныя отношенія суда и прокуратуры представляютъ всѣ данныя для

практическаго ихъ урегулированія. Прокуроръ состоитъ при судѣ, какъ судебный единоличный органъ правительства при государственномъ коллегіальномъ установленіи, изрекающемъ свои приговоры и рѣшенія «по указу», т.-е. какъ бы отъ имени Императорскаго Величества. Прокуроръ дѣйствуетъ передъ судомъ, какъ блюститель закона и сторона, но сторона, представляющая публичные, правительственные интересы, и потому онъ занимаетъ мѣсто въ составѣ должностнаго присутствія суда. По уголовнымъ дѣламъ прокуроръ предварительно разработываетъ и затѣмъ вноситъ въ судъ весь подлежащій его разсмотрѣнію главный матеріалъ, который другимъ путемъ, помимо прокурора, дойти до суда не можетъ, но разъ дойдя до него, уже поступаетъ въ полное его распоряженіе, обязательное и для прокурора. Затѣмъ прокуроръ предлагаетъ суду свое мнѣніе или требованіе, судъ же принимаетъ или отвергаетъ его по своему свободному разумѣнію, вліять на которое прокуроръ можетъ только законною основательностію и внутреннею убѣдительностію доводовъ, *non ratione imperii, sed imperio rationis.*

Отсюда, по указаніямъ опыта, вытекаютъ слѣдующія общія правила, усвоеніе которыхъ обязательно или, по меньшей мѣрѣ, полезно для прокуратуры: 1) Во всѣхъ ея обращеніяхъ къ суду какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, въ общемъ характерѣ пріемовъ и въ неуловимой, но весьма существенной внѣшней манерѣ себя держать должно быть строго соблюдаемо полное достоинство, облеченное въ наружную форму почтительной вѣжливости. Этимъ, между прочимъ, устраняется и всякое сомнѣніе въ томъ, что въ судебныхъ засѣданіяхъ прокурорскимъ чинамъ слѣдуетъ, простаго приличія ради, обращаться къ суду всегда стоя и тѣмъ предать скорѣйшему забвенію этотъ когда то обострившійся, праздный и ничтожный споръ о судебномъ этикетѣ. 2) Имѣя въ виду одни лишь интересы и пользу дѣла, чины прокурорскаго надзора должны жертвовать личнымъ самолюбіемъ, легко разгарающимся въ борьбѣ, и по возможности оставить всякую притязательность и щекотливость; поэтому непринятіе судомъ мнѣнія прокуратуры или отказъ въ ея требованіи отнюдь не должны вызывать въ чинахъ ея никакого раздраженія, а могутъ только побудить къ опротестованію, въ установленномъ порядкѣ, нераздѣляемыхъ ею судебныхъ дѣйствій. 3) Поступая

передъ судомъ всегда послѣдовательно, обдуманно и спокойно, съ осторожностью и тактомъ, прокурорскій надзоръ пріобрѣтаетъ у суда довѣріе къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ и становится въ его глазахъ надежнымъ руководителемъ уголовнаго преслѣдованія, каждый актъ котораго получаетъ особый вѣсъ; въ существующемъ у насъ смѣшанномъ процессѣ прокуратура, только идя рука объ руку съ судомъ, можетъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно, увѣренная въ твердой поддержкѣ судебной власти при трудныхъ обстоятельствахъ, которыми иногда сопровождается ея общественная дѣятельность. 4) Убѣдившись въ безусловной необходимости установить и старательно сохранять добрыя отношенія прокуратуры къ суду и судьямъ, уже не трудно добиться ихъ исправленія и тамъ, гдѣ они, вслѣдствіе мѣстныхъ и временныхъ условій, сдѣлались натянутыми; для этого прокуратурѣ нужно только умно и правильно поставить и вести себя, не требуя ненадлежащаго, но и не поступаясь неотъемлемымъ; практика убѣждаетъ, что причины такихъ ненормальныхъ отношеній, отъ которыхъ прежде всего страдаетъ дѣло, а потомъ и лица, вездѣ преходящи и случайны, а потому безслѣдно уступаютъ умѣлымъ, а главное искреннимъ стараніямъ измѣнить ихъ къ лучшему. 5) Крѣпкое единеніе и разумное согласіе между судомъ и прокуратурой необходимы и для того, чтобы преобразованная юстиція могла своимъ примѣромъ и достоинствомъ дружно противодѣйствовать направленію, принципіально враждебному судебной реформѣ; напротивъ того, всякій признакъ внутренняго судебнаго разлада есть вѣскій аргументъ противъ ея началъ.

Тѣже приблизительно соображенія приложимы и къ *судебнымъ слѣдователямъ*, которыхъ иногда неосновательно противополагаютъ чинамъ прокурорскаго надзора, тогда какъ въ дѣйствительности при нынѣшней постановкѣ нашего слѣдственнаго дѣла тѣ и другіе—естественные сотрудники, товарищи по оружію, обязанные дружно и сообща, хотя различными путями, идти къ одной и той же цѣли. Было время, когда вопросъ объ отношеніяхъ прокуратуры къ слѣдователямъ усложнялся и обострялся упрекомъ въ давленіи надъ несамостоятельными слѣдователями, которое приписывалось прокурорскому надзору, хотя вообще и нѣсколько преувеличенно, но въ отдѣльныхъ случаяхъ не безъ основанія. Теперь упрекъ этотъ, по всей справедливости, пора сдать въ архивъ; многіе слѣдователи,

утвержденные въ должностяхъ, пользуются несмѣняемостью, слѣдовательскія вакансіи замѣщаются не иначе, какъ по представленіямъ судовъ, безъ всякаго косвеннаго вліянія, и прокурорскій надзоръ лишенъ возможности оказывать слѣдователямъ какое-либо экстралегальное покровительство или притѣсненія, если бы даже въ его составѣ нашлись охотники до такого предосудительнаго образа дѣйствій. Пресловутый «прокурорскій гнетъ» сталъ уже давно легендой, которой могутъ вѣрить лишь несвѣдующіе и которая выдвигается или какъ общее мѣсто, для шаблонныхъ возгласовъ о реформѣ судебной реформы, или какъ прикрытіе личнаго элемента въ сужденіяхъ о служебныхъ отношеніяхъ. Но законная и практическая отвѣтственность за ходъ слѣдственнаго дѣла съ прокуратуры не снята и спрашивается съ нея по этому предмету нынѣ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ эпоху ея значительнаго участія въ замѣщеніи слѣдовательскихъ должностей. Во всякомъ случаѣ отношенія въ настоящее время вдвинуты въ законные предѣлы, внутри которыхъ они должны быть устроены сообразно съ надобностями прокурорскаго и слѣдственнаго дѣла. А надобности эти, вполнѣ совмѣстимыя съ совершенною личною и дѣловою независимостью слѣдователя отъ прокурора, безусловно требуютъ согласія между ними, разумной солидарности во взглядахъ на пріемы уголовнаго преслѣдованія, взаимнаго содѣйствія для раскрытія истины, въ чемъ бы она ни заключалась, въ обнаруженіи ли виновности или въ выясненіи невинности. Слѣдствія, производимыя при такихъ условіяхъ, конечно руками способными и достойными, даютъ прекрасные результаты, какъ въ смыслѣ изобличенія виновнаго, не смотря на всѣ трудности и препятствія, такъ и въ смыслѣ огражденія личной свободы и частныхъ правъ. По Судебнымъ Уставамъ прокуроръ во время слѣдствія есть гораздо болѣе блюститель его законности, нежели органъ преслѣдованія, каковымъ онъ является лишь въ качествѣ руководителя подчиненной ему розыскно-слѣдственной полиціи. Конечныя задачи его и слѣдователя въ сущности тождественны, хотя и подходятъ къ предмету съ различныхъ его сторонъ, что также способствуетъ ихъ соглашенію, такъ какъ для каждаго изъ нихъ отведена своя отдѣльная сфера дѣйствій и стремленій. Исполняя свою обязанность наблюденія за слѣдствіемъ, прокурорскій надзоръ долженъ: 1) уважать свободное внутреннее

убѣжденіе слѣдователя и считаться съ этимъ убѣжденіемъ, какъ съ такимъ проявленіемъ судейской самостоятельности, которому прокуроръ можетъ противопоставить свое мнѣніе лишь въ законномъ порядкѣ и на законномъ основаніи; 2) помогать слѣдователю возможно болѣе дѣятельнымъ участіемъ въ слѣдствіи, совмѣстнымъ обсужденіемъ его данныхъ, разработкою плана будущихъ дѣйствій, постояннымъ понужденіемъ полиціи и объединяющимъ направленіемъ ея розыскныхъ мѣропріятій, и 3) отнюдь не обременять слѣдователя излишними предложеніями и требованіями и, между прочимъ, избѣгать введенія въ слѣдствіе всего, что безъ особой для дѣла пользы можетъ затруднить или замедлить его ходъ. При этомъ, по характеру нашей служебно-бытовой обстановки, товарищеская безпритязательность, довѣрчивость и даже близость—такова форма, наиболѣе приличествующая взаимнымъ личнымъ отношеніямъ слѣдователя и прокурора.

Нѣсколько словъ и объ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ *адвокатурѣ*. Отдѣленная отъ послѣдней своимъ правительственнымъ и должностнымъ характеромъ, прокуратура съ одной стороны все-таки принадлежитъ къ одному съ ней судебному сословію, а съ другой является ея постояннымъ процессуальнымъ противникомъ на уголовномъ судѣ съ участіемъ прокурора. Законные и справедливые интересы адвокатуры, какъ необходимаго судебнаго института, должны находить себѣ у прокурорскаго надзора признаніе и опору во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ призванъ высказаться или дѣйствовать. Всякое общее недоброжелательство прокуратуры къ адвокатурѣ неумѣстно, предосудительно и не оправдывается никакими отдѣльными случаями нарушеній адвокатскаго долга, которыя, какъ бы рѣзки они ни были, не могутъ быть распространяемы на все учрежденіе *in corpore*, составляющее существенную и незамѣнимую часть судебнаго устройства. Въ самомъ же процессѣ, для прокурора, съ его общественнымъ призваніемъ и правительственнымъ значеніемъ, болѣе чѣмъ для кого-либо должны быть обязательны и святы всѣ правила честнаго боя: прямота, отвращеніе отъ средствъ двусмысленныхъ или сомнительныхъ, открытое и смѣлое благородство во всѣхъ пріемахъ, вѣжливость внѣшней формы, а главное полнѣйшее уваженіе къ личности противника. Если же эти правила нарушаются самой защитой—тѣмъ хуже для нея, но тѣмъ нужнѣе сдержанность для обвиненія, чтобы не

увлечься въ пылу борьбы далеко за предѣлы его задачи и не превратить суда въ арену личныхъ препирательствъ. Такое пользованіе судебнымъ оружіемъ, единственно достойное публичнаго представителя въ судѣ, производя хорошее впечатлѣніе на судей, невольно внушаетъ и адвокату, что прокуроръ не врагъ его, а оба они—сотрудники въ дѣлѣ раскрытія уголовной истины.

Отношенія прокурорскаго надзора къ *административной власти* и въ частности къ *полиціи* долгое время составляли одинъ изъ камней преткновенія прокурорской дѣятельности, да и теперь еще не совсѣмъ утратили это значеніе. Прокурорскій надзоръ попеременно упрекали то въ систематической розни съ администраціей и въ томъ, что стремясь проявить свои начальственныя права надъ розыскными дѣйствіями полиціи, онъ мѣшаетъ административной дѣятельности, съ которою не хочетъ согласовать свою, то, напротивъ въ чрезмѣрной податливости органамъ управленія и въ томъ, что онъ смотритъ легко и равнодушно на нарушенія закона должностными лицами административныхъ вѣдомствъ, произволъ которыхъ не находитъ въ прокуратурѣ противодѣйствія. Въ свою очередь, въ средѣ самой прокуратуры слышались жалобы на недостаточность активнаго содѣйствія администраціи, на неудовлетворительное исполненіе полиціей ея обязанностей по судебной части, наконецъ на безплодность или крайнюю трудность прокурорскаго воздѣйствія противъ должностныхъ неправильностей и злоупотребленій. Этими нареканіями намѣчаются тѣ болѣе выдающіяся и вредныя уклоненія отъ нормальнаго порядка, которыхъ прокурорскому надзору слѣдуетъ опасаться и избѣгать. Онъ долженъ проникнуться сознаніемъ, что ни взаимно раздражающею бумажною войной, ни пассивнымъ безразличіемъ нельзя добиться полезныхъ для дѣла послѣдствій и обезпечить себѣ энергическую помощь административной власти, безъ чего, однако же, прокуратура обойтись не въ состояніи. Ей нужно, поэтому, найти иной, средній выходъ, предохраняющій отъ обѣихъ крайностей. Въ этихъ видахъ прежде всего необходимо строжайшее соблюденіе законности во всѣхъ сношеніяхъ съ администраціей. Если же послѣдняя убѣждается въ возможности не безъ успѣха спорить о юридической правильности порученій или настояній прокурорскаго надзора, авторитетъ его, какъ блюстителя закона, падаетъ въ другихъ вѣдомствахъ безвозвратно и, надо признаться, вполнѣ за-

служенно. Далѣе, всѣ требованія прокуратуры должны быть не только законны, но и практически исполнимы, а для цѣлей преслѣдованія или надзора производительны. Административные органы, весьма близко стоящіе къ жизни, никакъ нельзя разсматривать, какъ простое механическое орудіе исполненія, и невозможно заставить охотно, съ толкомъ и энергіей исполнять какія нибудь кабинетныя измышленія или требованія, обнаруживающія незнакомство съ бытомъ, мѣстностью, обывателями. Можно пожелать затѣмъ, чтобы сообщенія и указанія, обращаемыя прокуратурой къ администраціи, были чужды мелочной придирчивости и педантизма, не говоря уже о какой-либо тенденціозности, совершенно неумѣстной и неприличной въ отношеніяхъ правительственныхъ органовъ между собой. Въ справедливыхъ требованіяхъ своихъ прокурорскій надзоръ долженъ быть послѣдователенъ и настойчивъ до крайнихъ предѣловъ своихъ правъ и полномочій; излишняго требовать не слѣдуетъ, но основательное, серьезное настояніе, разъ заявленное, должно быть доведено до конца, безъ отступленія. Пререканія по неразрѣшеннымъ еще спорнымъ вопросамъ общаго и руководящаго значенія полезны и потому желательны; пререканія же по вопросамъ частнымъ—только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны есть основательная надежда на благопріятное ихъ разрѣшеніе, а съ другой, когда это послѣднее видимо будетъ имѣть прямыя и ощутительныя практическія послѣдствія. Къ сказанному едва ли нужно прибавлять, что прокурорскій надзоръ обязанъ уважать и соблюдать всѣ безъ исключенія, въ томъ числѣ и чисто внѣшніе прерогативы и аттрибуты административной власти, отнюдь не допуская, чтобы изъ-за нарушенія правилъ оффиціальной учтивости или манкированія какими нибудь ея оттѣнками ухудшались и обострялись дѣловыя отношенія. Поставленный между судомъ и администраціей, прокурорскій надзоръ можетъ и долженъ энергически способствовать предупрежденію всякаго антагонизма между этими отраслями одного и того же великаго цѣлаго, государственнаго управленія въ широкомъ смыслѣ. Онъ располагаетъ всѣми нужными для того средствами и находится въ особенно благопріятномъ положеніи для противодѣйствія этому глубоко вредному явленію, которое не имѣетъ рѣшительно никакихъ серьезныхъ основаній въ государственной жизни, но, тѣмъ не менѣе, каждымъ случайнымъ признакомъ своимъ вноситъ въ

правительственный организмъ задерживающее и разлагающее начало. Такъ смотритъ на прокуратуру и текущая практика судебно-административныхъ отношеній; посредничество прокурорскаго надзора между обѣими властями можетъ быть въ высшей степени плодотворно, сглаживая шероховатости и предубѣжденія, разрѣшая недоразумѣнія и приводя къ взаимному согласію и довѣрію. Достиженіе подобныхъ результатовъ не легко, но, какъ доказываетъ та-же практика, не невозможно и всегда составляетъ крупную заслугу прокурорскаго учрежденія передъ обществомъ.

§ 71. **Практическая постановка современной прокурорской службы.** Мы прослѣдили историко-догматическое развитіе русской прокуратуры среди извѣстныхъ условій времени и мѣста, подъ вліяніемъ которыхъ сложились органическія свойства и обрисовались ближайшія ея задачи. Мы видѣли, чѣмъ нашъ прокурорскій надзоръ былъ прежде, какъ образовалось его теперешнее построеніе, какія главныя требованія предъявляетъ къ нему наша дѣйствительность. Остается бѣгло отмѣтить въ настоящемъ его состояніи нѣкоторые характеристическіе вопросы выдвинутые жизнію, съ указаніемъ и направленія, въ которомъ можетъ разрѣшить ихъ будущее. Работая изо дня въ день, прокурорскій надзоръ, конечно, не застрахованъ и отъ погрѣшностей; дѣйствуя на широкомъ поприщѣ, онъ встрѣчается съ препятствіями, передъ которыми порою отступаетъ или слабѣетъ его энергія. Это неизбѣжно при всякой сложной, трудной дѣятельности, въ особенности сравнительно столь новой, какою представляется дѣятельность прокурорская по Судебнымъ Уставамъ. Но желательно, чтобы и самыя ошибки, какъ поучительные уроки опыта, послужили нашему учрежденію на пользу, чтобы препятствія могли быть удалены по тщательномъ и безпристрастномъ ихъ изслѣдованіи. Мы твердо вѣримъ, что то и другое вполнѣ доступно дружнымъ усиліямъ добросовѣстныхъ членовъ магистратуры. Составителями Уставовъ былъ задуманъ симпатичный и живой типъ новаго русскаго прокурора при преобразованномъ судѣ, историческая традиція укрѣпила почву подъ этимъ типомъ, а практика указала необходимыя къ нему поправки; теперь отъ исполнителей зависитъ посильное его осуществленіе.

Въ современной организаціи нашего прокурорскаго надзора обращаетъ на себя прежде всего вниманіе сторона количествен-

ная, числовые размѣры силъ, которыми онъ располагаетъ. При нашихъ огромныхъ пространствахъ и разстояніяхъ, такъ часто подавляющихъ матеріальныя и личныя средства учрежденій, это вопросъ первостепенной важности. Нельзя сказать, чтобы существующая постановка его для прокуратуры была благопріятна. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ [1]), къ 1 Января 1887 г. во всей Россіи состояло слѣдующее число лицъ прокурорскаго надзора:

1) При кассац. департаментахъ сената и образованныхъ при нихъ установленіяхъ.....	26	чел. [2])
2) При 10 судебныхъ палатахъ.....	42	« [3])
3) При 80 окружныхъ судахъ.....	590	« [4])
4) При установленіяхъ прежняго устройства.....	78	« [5])
а всего	736	лицъ.

Это количество составляетъ $^1/_{10}$ часть всѣхъ судей и около $^1/_2$ числа судей общихъ судебныхъ установленій. По отношенію же къ пространству и населенію приходится по одному лицу прокурорскаго надзора на 65 т. квадр. верстъ и на 118 т. человѣкъ обывателей. Если же взять данныя того же рода въ примѣненіи, напр., къ наибольшему изъ судебныхъ округовъ—округу Московской судебной палаты, занимающему 13 центральныхъ губерній со скученнымъ населеніемъ и довольно большимъ напряженіемъ преступности, то (при пространствѣ въ 500 т. квадр. верстъ, населеніи въ 16 милліоновъ и населенности въ 30 слишкомъ человѣкъ на 1 кв. версту) изъ 122 лицъ прокурорскаго надзора въ округѣ приходится по одному лицу на 40 т. квадр. верстъ и на 130 т. человѣкъ обывателей. Въ томъ же округѣ, средняя цифра однихъ общихъ уголовныхъ дѣлъ, направляемыхъ и рѣшаемыхъ при участіи прокурорскаго надзора, какъ примѣрный показатель количественныхъ размѣровъ его труда, колеблется между 400 и 500 дѣлъ въ годъ, не считая дѣлъ съѣздовъ мировыхъ судей,

---

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній министерства юстиціи. Вып. 2. Свѣдѣнія о личномъ составѣ судебн. установленій и проч. за 1886 г. Спб. 1887 г.

[2]) 3 оберъ-прокурора, 23 товарища оберъ-прокуроровъ.

[3]) 10 прокуроровъ и 32 ихъ товарища.

[4]) 80 прокуроровъ и 510 ихъ товарищей.

[5]) 15 лицъ оберъ-прокурорскаго надзора, 9 губернскихъ прокуроровъ и 54 товарища губернскихъ прокуроровъ.

переписки, служебныхъ разъѣздовъ и проч. Приведенныя цифры, могущія дать нѣкоторое понятіе о тѣхъ вещественныхъ условіяхъ, среди которыхъ дѣйствуетъ наша прокуратура, говорятъ сами за себя уже тѣмъ, что ничего даже приблизительно подобнаго не представляютъ западно-европейскія страны, съ ихъ небольшими разстояніями и малымъ количествомъ дѣлъ сравнительно съ численностью тамошней магистратуры. Рамки этой книги не позволяютъ входить въ подробности, но общій выводъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Громадность пространствъ, малочисленность состава, многочисленность дѣлъ—вотъ главныя, иногда почти непреодолимыя трудности и препятствія, воздвигаемыя на законномъ пути русскаго прокурорскаго надзора. Пока наши финансовыя средства и скромный бюджетъ нашего правосудія запрещаютъ и помышлять о сколько-нибудь значительномъ увеличеніи прокурорскаго персонала, до тѣхъ поръ вся обстановка его дѣятельности вынуждаетъ предъявлять къ нему строгія требованія лишь съ большими -ого ворками. Для прокурора, который имѣетъ въ своемъ наблюдательномъ завѣдываніи территорію, равную по пространству, населенію и численности дѣлъ любому изъ европейскихъ государствъ, для товарища прокурора, проводящаго половину или треть каждаго мѣсяца въ поѣздкахъ на съѣзды и на сессіи, при чрезвычайномъ утомленіи и отсутствіи элементарныхъ человѣческихъ удобствъ, многое, въ принципѣ вполнѣ необходимое, становится на практикѣ лишь желательнымъ, по мѣрѣ возможности и обстоятельствъ. Особенно ярко это отражается на отправленіи уголовнаго преслѣдованія и на участіи прокурорскаго надзора въ предварительномъ слѣдствіи. По мысли законодателя, прокуроръ обязанъ лично руководить полицейскимъ дознаніемъ и неотступно наблюдать за всѣми вообще слѣдственными дѣйствіями. Въ дѣйствительности же это безусловно, физически немыслимо и можетъ быть осуществимо лишь въ самыхъ общихъ чертахъ или, развѣ только въ видѣ исключенія, по одному, много двумъ-тремъ выдающимся дѣламъ за цѣлый большой промежутокъ времени. Происходитъ крупный компромиссъ закона съ жизнью, теоріи съ практикой: руководство розысками и дознаніемъ является руководствомъ издали, посредствомъ авторитетности общихъ совѣтовъ и отрывочныхъ, отдѣльныхъ указаній; наблюденіе за слѣдствіями проявляется въ разсмотрѣніи дѣлъ, въ бесѣдахъ со слѣдователемъ и предложеніяхъ ему только при періоди-

ческихъ наѣздахъ. И никого въ этомъ винить нельзя, ни учрежденія, ни исполнителей: у прокурора палаты 10—15 округовъ, съ тысячью полицейскихъ чиновъ и сотнями слѣдственныхъ участковъ, у прокурора суда средней величины 5—7 товарищей, сотни чиновъ полиціи, десятки слѣдователей, раскинутыхъ по цѣлой губерніи, наконецъ у товарища прокурора суда цѣлый городъ или два уѣзда, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ въ одинъ, а иногда и въ оба, можно поспѣть не чаще раза въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ практикѣ приходится удовлетворяться лишь возможнымъ, при полномъ и добросовѣстномъ сознаніи, что это далеко не все, чего желалъ законодатель. Наблюденіе за слѣдствіями только тогда можетъ быть исполнено согласно съ его намѣреніемъ, когда при каждомъ слѣдственномъ участкѣ будетъ состоять особое лицо прокурорскаго надзора, т.-е. когда ихъ будетъ столько же, сколько и слѣдователей, а не впятеро меньше, какъ теперь. Но констатированіе физическихъ затрудненій, конечно, не есть оправданіе бездѣятельности и равнодушія. Приспособляясь къ жизненнымъ условіямъ, практика выработываетъ такія формы прокурорской дѣятельности, которыя, оставаясь въ предѣлахъ этихъ условій, приближаются къ требованіямъ закона по степени сознательнаго усердія и ревностныхъ стараній всѣхъ дѣятелей вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности.

Тѣсно, органически связанный съ судомъ, прокурорскій надзоръ раздѣляетъ съ нимъ все темное и свѣтлое въ дѣлѣ правосудія и всѣ превратности общественныхъ теченій. Вмѣстѣ съ судомъ прокуратура пережила эпоху увлеченія новымъ судебнымъ вѣдомствомъ и полнаго, почти неограниченнаго къ нему довѣрія; съ судомъ же вмѣстѣ она подверглась и подвергается наплыву нареканій, въ которыхъ много незаслуженнаго, но есть и указанія, требующія вниманія. Прокуратура даже, какъ болѣе дѣятельная и замѣтная для публики часть юстиціи, бываетъ вынуждена принимать на себя неподлежащую долю отвѣтственности за такія упущенія, дѣйствительныя или мнимыя, которыхъ она ни предупредить, ни устранить не въ состояніи. Все охотно и легко именно ей приписывается: и долговременное необнаруженіе должностныхъ злоупотребленій, и нераскрытіе преступленій общихъ, и судебные приговоры, почему-либо вызывающіе въ данную минуту неодобреніе, и строгость, и мягкость преслѣдованія, кажущіяся чрезмѣрными.

Сплошь и рядомъ публика и частныя лица какъ бы игнорируютъ, что прокурорскій надзоръ, о юридической и фактической силѣ котораго вообще существуетъ преувеличенное представленіе, дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а передъ судомъ и отчасти передъ административными начальствами, совмѣстно со слѣдователями, черезъ посредство чиновъ полиціи; что онъ связанъ законными правилами и обрядами производства и долженъ считаться съ многочисленными естественными препятствіями и обстоятельствами, которыя и даютъ его дѣятельности то или другое направленіе. Но не взирая на это, прокуратурѣ подобаетъ крѣпко придерживаться единенія съ судомъ на всѣхъ путяхъ его. Ни судъ безъ нея, ни она безъ суда дѣйствовать не могутъ и всюду, гдѣ они искренно оказываютъ другъ другу взаимную поддержку, судебное дѣло идетъ ровнѣе и успѣшнѣе. Будущность его, при нынѣшнемъ судоустройствѣ, во многомъ обусловливается прочнымъ соединеніемъ судей и прокуроровъ въ одну профессіональную и корпоративную семью. Чрезмѣрная замкнутость вовсе не въ нашихъ нравахъ, и образованія судебной касты намъ опасаться нечего, но преданія служебной чести и разумная дѣловая солидарность развиваются и крѣпнутъ только въ сплоченной средѣ работниковъ, связанныхъ общимъ трудомъ, общими принципами и цѣлями.

Иногда чиновъ прокуратуры упрекали въ карьеристическихъ стремленіяхъ, выражавшихся въ томъ, что, находясь ближе къ источнику служебнаго движенія, министерству юстиціи, они будто бы пользовались этой близостью для того, чтобы опережать судей на чиновномъ поприщѣ. Всякій, кому знакомъ теперешній обиходъ судебной службы, знаетъ, до какой степени въ настоящее время этотъ упрекъ лишенъ основанія. Судебная карьера давно уже вошла въ нормальную колею, періодъ быстрыхъ повышеній миновалъ для всѣхъ безъ исключенія членовъ магистратуры, и наравнѣ съ судьями вполнѣ достойные чины прокурорскаго надзора по 10—15 лѣтъ спокойно занимаютъ однѣ и тѣ же должности, часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Это совершенно въ порядкѣ вещей и не препятствуетъ природной даровитости находить случаи для заявленія о себѣ въ живой и дѣятельной прокурорской работѣ. Нужно, впрочемъ, и здѣсь имѣть въ виду, что въ обыденной жизни учрежденій всегда гораздо больше спроса на

рядовую добросовѣстность и трудолюбіе, чѣмъ на особую талантливость. Тѣмъ не менѣе, прокурорская служба, разсчитанная, подобно всякой другой, на средній уровень, доступный многимъ, въ то же время имѣетъ и нѣкоторыя свои спеціальныя требованія и качества, безъ которыхъ она обращается въ рутинное исполненіе формальностей, тягостное для самого дѣятеля, мало полезное для дѣла. Кромѣ общеобязательныхъ свойствъ судебной профессіи, прокурору необходимы энергія, подвижность, находчивость, твердая сдержанность въ борьбѣ, умѣнье ясно и свободно владѣть какъ письменнымъ, такъ и устнымъ словомъ и неослабѣвающій интересъ къ своему дѣлу, если ужъ слишкомъ идеально пожеланіе величайшаго изъ двигателей—любви къ нему. Противоположныя свойства и въ особенности усталость и апатія такъ скоро и такъ неблагопріятно сказываются въ прокурорской дѣятельности, что для ея успѣха личные силы, вкусы, взгляды, темпераментъ, самый возрастъ дѣятелей должны быть соразмѣрены съ ея задачами. Лучше всего подходитъ къ ней состояніе зрѣлости, умудренной житейскимъ опытомъ, но еще не потерявшей бодрости и свѣжести и потому способной сохранить равновѣсіе въ работѣ: оно предохраняетъ отъ многихъ крайностей. Прокурору не слѣдуетъ увлекаться ролью цензора законности и, какъ говорится, «священнодѣйствовать» по этому поводу, т. е. впадать въ педантическій культъ буквы предписаній и запретовъ. Онъ не долженъ также и преувеличивать своего обвинительнаго призванія и воображать себя карателемъ порока и безнравственности. Не вправѣ онъ, равнымъ образомъ, отдѣлять себя и свои дѣйствія отъ другихъ правительственныхъ органовъ, какъ нѣчто обособленное и съ общимъ ходомъ дѣлъ несвязанное. Наконецъ, онъ долженъ всегда помнить, что власть, ему данная, есть орудіе обоюдоострое, которымъ нужно пользоваться бережливо и осторожно, потому что малѣйшее злоупотребленіе имъ несравненно опаснѣе и вреднѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой дѣятельности, не дающей дѣятелю столько правъ надъ личностью и значенія въ общественномъ быту.

Въ числѣ неблагопріятныхъ сторонъ того направленія, которое прокурорская дѣятельность можетъ принимать на практикѣ, прокуратуру нерѣдко предостерегаютъ отъ преувеличеннаго стремленія къ обвиненію или излишняго обвинительнаго усердія. Подъ

этимъ разумѣется рядъ крайне неодобрительныхъ явленій: недостаточно основательное и обдуманное возбужденіе и веденіе преслѣдованія, притязательный образъ дѣйствій при слѣдствіи какъ предварительномъ, такъ и судебномъ, страстность и неумѣренность въ судебныхъ преніяхъ, въ особенности же рѣзкое и неосторожное отношеніе къ подсудимому, запальчивость въ судебномъ состязаніи и вообще слишкомъ ревнивое отстаиваніе своихъ обвинительныхъ требованій. Все это черты и свойства, дѣйствительно вполнѣ противныя очерченному выше призванію прокурора и потому заслуживающія безусловнаго осужденія; онѣ вызываютъ необходимость въ рѣшительномъ имъ противодѣйствіи. Прокуроръ, дозволяющій себѣ что-либо подобное, прямо нарушаетъ свой служебный долгъ и все достоинство врученной ему власти. Въ насущныхъ интересахъ самого прокурорскаго учрежденія нельзя не обращать серьезнаго вниманія на такое уклоненіе прокуратуры отъ обязательныхъ для нея спокойствія и безпристрастія, нельзя не принимать съ признательностію всякія относящіяся сюда фактически вѣрныя указанія частныхъ лицъ, публики и печати.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей справедливости, при близкомъ знакомствѣ съ дѣятельностью нашего прокурорскаго надзора, едва ли такой упрекъ можетъ быть сдѣланъ ея общему направленію и характеру. Прежде всего страстное одностороннее усердіе вообще не въ нашихъ служебныхъ нравахъ и не согласно съ привычками и взглядами нашихъ дѣятелей; они даже скорѣе грѣшатъ обратнымъ, равнодушіемъ, инертностью. Къ тому же всѣ дѣлаемые порою намеки и предположенія о карьеристической будто бы подкладкѣ упомянутыхъ дѣйствій, о заключающейся въ нихъ «игрѣ на повышеніе» лишены дѣйствительнаго основанія; это не болѣе какъ общее мѣсто, выдвигаемое для посторонних надобностей, результатъ недоразумѣнія или умышленнаго извращенія фактовъ. Всякій, служившій въ прокурорскомъ надзорѣ, хорошо знаетъ, что никогда правительство и въ частности прокурорское начальство не требовало и не поощряло черезъ-чуръ обвинительныхъ стремленій, никогда не ставились они въ заслугу и никому еще не сдѣлали карьеры. Никто и никогда не рекомендовалъ прокурорскимъ чинамъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ подлинный текстъ и точный смыслъ всѣхъ руководящихъ для него распоряженій—стараться объ увеличеніи количества обвинительныхъ приговоровъ, посиль-

ная же забота о томъ, чтобы не были оправдываемы явно виновные, преступники, уличенные или сознавшіеся, всегда была и будетъ одною изъ коренныхъ обязанностей прокуратуры. Напротивъ, изъ практическаго опыта возможно заключить, что, по свойству нашего общественнаго быта, особая энергія въ преслѣдованіи нерѣдко создаетъ массу затрудненій и непріятностей и можетъ даже не безъ вреда отозваться на тѣхъ, кто проявляетъ ее въ сильной степени. Мы не боимся утверждать, что всѣ основательныя критическія указанія въ вышеприведенномъ духѣ должны быть приписаны лишь единичнымъ случаямъ, настолько рѣдкимъ и исключительнымъ, что изъ нихъ не слагается никакой общей для прокурорскаго надзора характеристики. А между тѣмъ преувеличенное подчеркиваніе и выставленіе ихъ представляетъ свою опасность: и безъ того ужь обвинительная дѣятельность у насъ часто страдаетъ излишне формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу и въ смыслѣ иниціативы и интенсивности оставляетъ желать очень многаго. Муссированная аргументація противъ несвойственнаго ей напряженія, возведеніе частныхъ увлеченій или ошибокъ въ общее правило, возбужденіе по этому поводу недовѣрія и предубѣжденій могутъ еще болѣе ослабить репрессивную энергію. Прокуроръ поставленъ не для того, чтобы писать судебныя бумаги, подъискивать, какъ въ старину, «приличествующія дѣлу» статьи закона, и подходить къ беззаконію съ робкою оглядкой, чуть не съ извиненіями. Онъ долженъ строго соблюдать законность, но не до формализма, сковывающаго преслѣдованіе, гуманность, но не до сентиментальности, послабляющей преступленію; безпристрастіе но не до апатіи, спокойствіе, но не до вялости, всегда проигрывающихъ передъ противникомъ. Обществу нужна въ прокуратурѣ активная сила для успѣшной борьбы съ внутренними врагами, сила дѣйствующая законно, разумно, осторожно, но при этомъ бодро и рѣшительно, не взирая на препятствія, не смущаясь нареканіями.

Прокуратуру желательно предохранить еще отъ одной внутренней опасности. Проникновеніе рутины въ учрежденія, съ ея разъ заведеннымъ шаблоннымъ механизмомъ, легко приводитъ ихъ къ бюрократическому духу и образу дѣйствій. Это то специфическое, глубоко укореняющееся настроеніе, тотъ особый трудно отвратимый уголъ зрѣнія, когда бумага, номеръ, канцелярское испол-

неніе, внѣшняя правильность заслоняютъ, а иногда и прямо замѣняютъ всѣ прочія явленія общественнаго и даже нравственнаго міра. Прокурорскому надзору, въ его всегдашнемъ положеніи бойца среди кипящей вокругъ «битвы жизни», довольно трудно поддаться этому затягивающему элементу, который все и всѣхъ подводитъ подъ одно сухое и мертвое мѣрило, трудно, но возможно, особенно въ той внѣ-судебной стадіи прокурорской службы, которая протекаетъ въ тиши кабинета и канцеляріи, осуществляясь посредствомъ разнородной и обширной переписки. Чѣмъ меньше для прокурора возможности или необходимыхъ поводовъ личнаго живаго дѣйствія, тѣмъ болѣе можетъ развиваться въ его дѣятельности эта чиновничья ея черта, наклонность преувеличивать важность и расширять область канцелярскихъ ея формъ и способовъ. Не будемъ отрицать, что нѣчто подобное порою замѣчается въ прокуратурѣ, находя себѣ объясненіе, между прочимъ, въ фактической постановкѣ слѣдственнаго дѣла вдали отъ прокурорскаго надзора, и въ сложности и разнообразіи возлагаемыхъ на него многочисленныхъ письменныхъ обязанностей. Усовершенствованіе канцелярской части имѣетъ свои выгоды, а для извѣстнаго склада привычекъ и умовъ даже и свою заманчивость: въ правильномъ дѣлопроизводствѣ все точно, ясно, опредѣленно, всегда готово для отчета и потому успокоительно. Но бѣда въ томъ, что бумажной техникѣ свойственно развиваться въ ущербъ другимъ сторонамъ судебнаго дѣла. Предавшись ей всецѣло или даже преимущественно, новый прокуроръ, не смотря на новые законы и установленія, также далеко уходитъ отъ идеаловъ и задачъ живаго правосудія, какъ былъ далекъ отъ нихъ оберъ-прокуроръ стараго сената, погруженный въ казуистику формальныхъ производствъ, или до-реформенный губернскій прокуроръ, заваленный журналами. Увлеченіе этой техникой тѣмъ вреднѣе, что, подкравшись незамѣтно, она быстро пускаетъ корни, безраздѣльно отнимаетъ трудъ и время, овладѣваетъ прочно судебнымъ дѣятелемъ и нивеллируетъ все въ его глазахъ, отводя ихъ отъ жизни и людей къ бумагѣ, которая все стерпитъ и прикроетъ. Разумѣется, и прокурорскому надзору не обойтись безъ канцелярскаго порядка и даже весьма сложнаго, но цѣнность его въ прокурорской практикѣ пусть не превышаетъ его истиннаго значенія—совокупности

простыхъ и механическихъ средствъ, съ помощью которыхъ достигаются внѣ ихъ лежащія, высокія и живыя цѣли.

Многое можно было бы еще сказать о разныхъ текущихъ вопросахъ современной прокурорской службы, но это отвлекло бы насъ отъ нашего ближайшаго намѣренія — дать въ настоящемъ изложеніи лишь общій обзоръ ея главнѣйшихъ фазисовъ и проявленій. Изслѣдованіе отдѣльныхъ отраслей этой службы, въ ихъ юридическомъ содержаніи и бытовой обстановкѣ, составитъ предметъ нашего дальнѣйшаго труда, который вообще имѣетъ въ виду не столько критику, сколько объективное изученіе устройства и дѣятельности прокуратуры.

Русскій прокурорскій надзоръ, выработанный судебною реформой, уже прошелъ черезъ почти 25-ти лѣтній опытъ и можетъ ждать его итоговъ. Но безпристрастное ихъ подведеніе значительно затруднено причинами внѣшними—переходнымъ временемъ для законодательства и практики, и внутренними — двойственною структурой самого института. Время безусловно подтвердило его историческія, національныя и бытовыя права на прочное существованіе, но при переходѣ отъ стараго къ новому еще остаются открытыми многіе важные вопросы, касающіеся новаго прокурорскаго надзора; еще не завершился процессъ его приспособленія къ необъятно многосторонней и неизмѣримо разнообразной русской жизни. Такъ, она еще не высказала выразителю нуждъ своихъ, законодателю, отвѣчаетъ ли имъ вполнѣ тотъ двуликій складъ, который законъ далъ прокурору, сдѣлавъ его государственнымъ обвинителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ блюстителемъ законнаго порядка и, сверхъ того, участникомъ административной дѣятельности въ области, еще не установившейся и способной къ расширенію. Въ пользу обѣихъ задачъ несомнѣнно говорятъ существенныя потребности общежитія, но идеальное ихъ совмѣщеніе въ одномъ установленіи, въ лицѣ его единичныхъ членовъ, не ослабляетъ ли практическаго дѣйствія каждой изъ этихъ функцій? Не слабѣетъ ли въ прокурорѣ одно изъ двухъ качествъ его должности, смотря потому, гдѣ и какъ онъ дѣйствуетъ, и не мѣшаютъ ли они другъ другу, не позволяя сосредоточиться ни на одномъ? Быть можетъ было бы полезнѣе раздѣлить ихъ рѣзче, категоричнѣе, хотя бы даже между различными органами одного и того же учрежденія, такъ чтобы, объединенные сверху, они были спеціализированы

внизу, одни, какъ государственные обвинители, другіе, какъ орудія правительственнаго надзора. При этомъ не представляется ли настоятельной необходимости въ такомъ усиленіи и очищеніи собственно государственнаго уголовнаго преслѣдованія, чтобы оно было единымъ, болѣе сильнымъ, но и болѣе состязательнымъ, чѣмъ нынѣ, чтобы прокуратура, владѣя всѣмъ нужнымъ для него оружіемъ и всею полнотою обвинительной власти, была противопоставлена еще большимъ гарантіямъ личной свободы и частныхъ правъ? Все это вопросы будущаго, задачи *de lege ferenda*, которыя здѣсь, въ *пособіи* для прокурорской службы, могутъ быть только слегка намѣчены. Въ настоящихъ очеркахъ, посвященныхъ прокурорскому надзору, какъ существующему установленію положительнаго права, онъ изображается тѣмъ, чѣмъ онъ есть и чѣмъ долженъ быть, но лишь при данныхъ общественныхъ условіяхъ, въ предѣлахъ даннаго законодательства.

Съ этой совершенно опредѣленной и практичной точки зрѣнія, въ историческихъ судьбахъ русскаго прокурорскаго надзора мы найдемъ и такую конечную общую его формулу, которая вкратцѣ выражаетъ важнѣйшее начало и главное призваніе нашей прокуратуры. Слова ея великаго основателя о первомъ русскомъ прокурорѣ могутъ и теперь быть лучшимъ эпиграфомъ или девизомъ учрежденія, созданнаго Петромъ I-мъ и преобразованнаго Александромъ II-мъ:

«*Сей чинъ якобы око Наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ*».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ [1]).

I. На латинскомъ языкѣ.

1) *Hendriksen.* De accusatore publico. 1804.
2) *Siccama.* De ministerio publico. 1824.
3) *Van Diggellen.* De ministerio publico. 1836.
4) *Ram.* De ministerii publici origine in criminum causis. 1840.

№№ 1—4: университетскія диссертаціи компилятивнаго характера, съ изложеніемъ французской догмы и историческихъ свѣдѣній (особенно у *Ram*).

5) *Binding.* De natura inquisitionis processus criminalis Romanorum praesertim ex eo tempore quo ordo judiciorum publicorum in usu esse desit. 1864.

Изслѣдованіе происхожденія и развитія розыскнаго начала въ Римѣ и въ средніе вѣка; подробныя свѣдѣнія о всѣхъ зачаткахъ должностнаго обвиненія.

---

[1]) Предлагаемый указатель представляетъ систематическій списокъ сочиненій о прокуратурѣ иностранныхъ и русскихъ, съ начала печатной ея разработки и до нашихъ дней. Въ этотъ списокъ вошли во 1-хъ руководства, монографіи и брошюры, спеціально посвященныя прокурорскому учрежденію, и во 2-хъ общія руководства и изслѣдованія, въ которыхъ ученія о немъ излагаются съ большею или меньшею подробностью и обстоятельностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій указатель не имѣетъ притязанія исчерпать всю огромную литературу этого предмета, и въ частности почти не касается многочисленныхъ журнальныхъ статей, ограничиваясь ссылкою на сочиненія, заключающія въ себѣ ихъ перечень. Едва ли было бы нужно и даже умѣстно перечислять весь обширный матеріалъ періодической печати въ простомъ пособіи для прокурорской службы. Согласно цѣли этого труда, казалось полезнымъ собрать и расположить по возможности въ хронологическомъ порядкѣ лишь все, важнѣйшее по объему, существенное по содержанію, вообще все сколько-нибудь значительное по исторіи, догмѣ и научной критикѣ прокуратуры. Какъ на западѣ, такъ и у насъ это первый опытъ подобной библіографической работы, чѣмъ, между прочимъ, и объясняются неизбѣжныя ея несовершенства.

II. На французскомъ языкѣ.

A) Спеціальныя изслѣдованія и руководства.

6) *Lacretelle.* Dissertation sur le ministère public (Oeuvres judiciaires. 1810).

7) *Schenk.* Traité sur le ministère public. 2 vol. 1813.

№№ 6 и 7: догматическое изложеніе наполеоновскаго законодательства.

8) *Delpon.* Essai sur l'histoire du ministère public et de l'action publique. 2 vol. 1830.

Пространная и многорѣчивая исторія прокуратуры во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; множество фактовъ, но съ произвольнымъ освѣщеніемъ и натянутыми сближеніями, при обиліи отступленій.

9) *Ortolan et Ledeau.* Le ministère public en France. 2 vol. 1830.

Серьезное и до сихъ поръ не потерявшее значенія догматическое изслѣдованіе, съ историческимъ очеркомъ и критическими замѣчаніями къ положительному законодательству.

10) *Kirsch.* Des fonctions du ministère public près les tribunaux de simple police. 1851.

11) *De-Molenes.* Traité pratique des fonctions du procureur du roi. 2 vol. 1848.

12) *Faure.* Répertoire administratif des parquets. 1844.—Supplements. 1855.

13) *Desmaze.* Formulaire des magistrats du ministère public en première instance. 1867.

14) *Dutruc.* Memorial du ministère public. 1871.

№№ 10—14: практическія руководства къ прокурорской службѣ и дѣлопроизводству. При этомъ у *De-Molenes* (№ 11) теоретическія и критическія замѣчанія, но безъ общихъ началъ и внутренней системы, №№ 12—14: словари прокурорской дѣятельности.

15) *Massabiau.* Manuel du ministère public. 9 vol. 4 ed. 1876.

Лучшее и наиболѣе полное, хотя уже нѣсколько устарѣлое, практическое руководство, замѣчательное точностью и ясностью изложенія, при чрезвычайной его подробности.

16) *Le-Poitevin.* Dictionnaire-formulaire des Parquets et de la police judiciaire. 3 vol. 1884—85.

Новѣйшее практическое руководство, въ формѣ словаря, весьма подробное и обстоятельное, но безъ всякой принципіальной разработки, болѣе всего пригодное для справокъ.

17) *Berriat-Saint-Prix.* Manuel de police judiciaire. 4 ed. 1863.
Лучшее руководство по судебной полиціи.

18) *Mangin.* Traité de l'action publique et de l'action civile. 3 vol. 3 ed. 1876.

19) *Le-Sellyer.* Traité des action publiques et privées 2 vol. 1874.

20) *Fabre.* De l'accusation publique chez les anciens peuples, à Rome et dans le droit français. 1875.

№№ 18—20: изслѣдованія о публичномъ обвиненіи и гражданскомъ искѣ, по преимуществу догматическаго содержанія. *Mangin* (№ 18)—трудъ до сихъ поръ классическій, *Fabre* (№ 20) представляетъ большой историческій матеріалъ, при нѣсколько сбивчивомъ и тяжеломъ изложеніи.

21) *Debacq.* De l'action du ministère public en matière civile. 1867.

Лучшее догматическое руководство для дѣятельности прокуратуры по гражданскимъ дѣламъ.

22) *Alglave.* Action du ministère public et theorie de l'ordre public en matière civile. 2 vol. 1874.

Обширное научное и догматическое изслѣдованіе прокурорской дѣятельности по гражданскимъ дѣламъ въ связи съ общей теоріей „общественнаго порядка“ въ гражданскомъ правѣ и процессѣ.

23) *Merlin.* Répertoire universel et raisonné de jurisprudence. 5 ed. 1827—1828 XX (art. «ministère public» par *Garat*).

24) *Dalloz.* Jurisprudence générale ou répertoire méthodique et alphabétique etc. 1846—1869. XXXII. (art. «action publique» et «ministère public»).

25) *Morin.* Répertoire général et raisonné du droit criminel (art. „action publique“ et „ministère public“).

№№ 23—25: общій очеркъ исторіи, устройства и дѣятельности прокуратуры, у *Garat* (№ 23) съ публицистическимъ оттѣнкомъ, у *Dalloz* и *Morin* (№№ 24 и 25)—строго догматическаго содержанія.

Б) Спеціальныя брошюры и диссертаціи (theses).

26) *Robillard.* Considérations sur l'institution du ministère public. 1821.

27) *De-Vaulx.* De l'indépendance du ministère public. 1830.

28) *Villefort.* Du privilège, qui éxempte le ministère public de la juridiction locale 1848.

29) *Berryer* (avec préface de). Le ministère public et le barreau, leurs droits et leurs rapports. 1860.

30) *Crepon.* Le ministère public a-t-il qualité pour poursuivre dans l'intérêt général, la rectification de l'état civil? 1860.
31) *Paringault.* De l'établissement du ministère public près les tribunaux de commerce. 1860.
32) *Lafontaine.* De l'action du ministère public en matière civile. 1862.
33) *Debled.* De l'action du ministère public en matière civile. 1863.
34) *Lebon.* Des principaux magistrats du parquet aux parlements. 1865.
35) *Thézard.* Le ministère public. 1867.
36) *Frerejouan du Saint.* Le ministère public, aperçu historique, son droit d'action en matière civile. 1875.
37) *Casteron.* Notice historique, sur le ministère public. 1877.
38) *Cambuzat.* Du ministère public près les tribunaux de simple police. 1879.
39) *Dubuc.* Quelques considerations sur l'origine du ministère public. 1888.
40) *Robinet de Cléry.* Des droits et obligations du parquet, agent gouvernement. 1888.

Изъ **№№ 26—40** особеннаго вниманія заслуживаютъ, по содержательности и интересному изложенію анонимная брошюра съ предисловіемъ *Berryer* (№ 29) и книги *Thézard* (№ 35), *Cambuzat* (№ 38) и *Robinet de Cléry* (№ 40).

В) Спеціальныя періодическія изданія.

41) Journal du ministère public, redigé par *Dutruc.*
42) Journal des parquets, redigé par *Le-Poitevin* (ed. *Rousseau*).

№ 41—ежемѣсячное изданіе выходившее съ 1858 г., теперь прекратилось и замѣнено таковымъ же **№ 42**, выходящимъ съ 1886. Оба журнала—собраніе небольшихъ практическихъ статей и замѣтокъ, а главнымъ образомъ руководящихъ рѣшеній, циркуляровъ и т. п. разъясненій не только по непосредственнымъ вопросамъ прокурорской службы, но и по всевозможнымъ предметамъ права, встрѣчающимся въ практикѣ прокуратуры.

Г) Общія руководства и изслѣдованія.

(Исторія судебнаго права, судоустройство, уголовный процессъ).

43) *Meyer.* Esprit, origine et progrés des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe, 5 vol. 1823.

44) *Pastoret.* Histoire de la législation. 11 vol. 1817—1837.

45) *Duboys.* 1) Histoire du droit criminel des peuples anciens. 1845;—2) Histoire du droit criminel des peuples modernes 3 vol. 1854—1860.—3) Histoire du droit criminel de la France depuis le XVI siècle jusqu'au XIX siècle comparé avec celui de l'Italie, de l'Angleterre et de l'Allemagne 2 vol. 1874.

46) *Pardessus.* Essai historique sur l'organisation judiciaire et l'administration de la justice depuis Hugues Capet jusqu'à Louis XII. 1851.

47) *Henrion de Pansey.* De l'autorité judiciaire daus les gouvernements monarchiques. 1827 (тоже въ его „Oeuvres judiciaires" 1843).

48) *Bécot.* De l'organisation de la justice reppressive aux principales époques historiques. 1860.

49) *Esmein.* Histoire de la procédure criminelle en France. 1882.

Въ **№№ 43—49**: подробныя историческія свѣдѣнія о происхожденіи прокуратуры у европейскихъ народовъ, особенно у *Meyer* (№ 43) *Pastoret* (№ 44) и *Duboys* (№ 45); тамъ-же, а также у *Pardessus* (№ 46) и *Henrion de Pansey* (№ 47) подробная исторія французской прокуратуры.

50) *Berenger.* De la justice criminelle en France. 1818.

51) *Rey.* Des institutions judiciaires en Angleterre comparées avec celles de la France. 2 v. 1836.

52) *Morin.* De la discipline des cours et tribunaux etc. 2 vol. 1868.

53) *Le-Sellyer.* Traité de la compétence et de l'organisation des tribunaux chargés de la reppression, etc. 2 v. 1875.

№№ 50 — 53: сочиненія по судоустройству, въ которыхъ подробно разсматривается учрежденіе прокуратуры.

54) *Faustin Hélie.* Traité de l'instruction criminelle ed. Nypels. 3 vol. 1863—1865.

Знаменитое фундаментальное сочиненіе по исторіи, теоріи, догмѣ уголовнаго судоустройства и судопроизводства, заключающее въ себѣ, въ предѣлахъ судебно-уголовнаго права, всестороннее изслѣдованіе французской прокуратуры.

55) а) *Locré, Carnot, Bourguignon, Rolland de Villargues, Rogron, Sirey* и друг. — комментаріи къ французскому кодексу уголовнаго судопроизводства; б) *Boitard, Ortolan, Berriat — St-Prix, Rauter, Trebutien, Haus, Legraverend, Lacuisine* и

друг.—общія догматическія руководства по отправленію уголовнаго правосудія и в) сочиненія по отдѣльнымъ предметамъ, касающимся и прокурорской дѣятельности: *Hoffmann* Traité théorique et pratique des questions préjudicielles. 3 vol. 1865. — *Dayre.* Traité de la procédure des tribunaux de simple police. 1882. — *Duverger.* Manuel des juges d'instruction. 3 ed. 3 vol. 1863. — *Cubain.* Traité de la procédure devant les cours d'assises. 1857. — *Delpech.* La procédure en cour d'assise. 1886 и др.

Д) Сочиненія о реформѣ судоустройства и уголовнаго судопроизводства.

56) *Prins et Pergameni.* Réforme de l'instruction préparatoire. 1871.
57) *Rondeau.* Réforme de la procédure criminelle en France. 1872.
58) *Odillon Barrot.* De l'organisation judiciaire en France. 1872.
59) *Jacques.* Examen critique des differents projets de réorganisation judiciaire. 1872.
60) *Prins.* Etude comparative sur la procédure pénale á Londres et en Belgique. 1875.
61) *Favre,* Jules. De la réforme judiciaire. 1877.
62) *Munier-Jolain.* L'instruction criminelle, inquisitoriale et secrète. 1880.
63) *Guillot.* Des principes du nouveau Code d'instruction criminelle. 1884.
64) *Projet de loi adopté par le Sénat sur l'instruction criminelle* (exposé des motifs). 1886.

Въ №№ **56 — 64** содержатся важнѣйшіе взгляды французскихъ юристовъ на необходимыя преобразованія въ устройствѣ и дѣятельности прокуратуры.

Е) Судебно-обвинительное краснорѣчіе.

65) *Berryer.* Leçons et modèles d'éloquence judiciaire du XIVe au XIVe siècle. 1838.
66) *Vallée.* Oscar de. De l'éloquence judiciaire au XVII siècle. 1858.

67) *Arrighi, Clair et Clapier, Henry, Phélippes de Tronjolly, Boinvilliers, Delamalle, Falconnet, Lacretelle, Poiret,* — исторія, теорія и образцы судебнаго краснорѣчія.

68) *Dupin* (ainé), *Chaix d' Est-Ange, Oscar de Vallée, Grandperret* и друг. — прокурорскія рѣчи и заключенія.

III. На итальянскомъ и испанскомъ языкахъ.

69) *Dolce.* Origine ed attribuzioni del publico ministerio nel regno d'Jtalia. 1813.

70) *Carmignani.* Cenni storici giuridici sul publico ministerio. (Annali di giurisprudenza. 1841).

71) *Carcano.* Jl publico ministerv'o. 1868—1869.

72) *La-Francesca.* Del publico ministerio nell ordine giudiziario. 1880.

73) *Taranto.* Delle persone necessarie nel giudizio penale («accusatore»). 1882.

74) *Pessina, Carrara, Niccolini, Madia, Perrotta, Cesarini, Bosari* и *Casorati, Saluto* и друг. — изслѣдованія, руководства и комментаріи къ уголовному судопроизводству, относящіяся и до прокуратуры.

75) *Ferrer-y-Minguet.* Essai théorique et pratique sur les devoirs et les attributions du Ministère fiscal. Madrid. 2 vol. 1875 (*по испански*).

VI. На нѣмецкомъ языкѣ.

А) Спеціальныя монографіи и брошюры.

а) До судебнаго преобразованія 70-хъ годовъ въ Австріи и Германіи.

76) *Artois.* Das öffentlich e Ministerium in den königlichen Preussischen Rheinprovinzen. 1817.

77) *Müller.* Das Jnstitut der Staatsanwaltschaft nach seinen Hauptmomenten. 1823.

№ 77—первое въ Германіи обстоятельное изслѣдованіе теоріи прокуратуры и догмы ея во французскомъ правѣ, съ подробнымъ историческимъ очеркомъ.

78) *Thesmar.* Die Staatsanwaltschaft, ihr Werth im Civil- und Criminalrecht. 1844.

79) *Weismann.* Das öffentliche Ministerium 1849.

80) *Frey.* Die Staatsawaltschaft in Deutschland und Frankreich. 1850.

81) *Twele.* Die Staatsanwaltschaft. 1853.

82) *Müller.* Ueber die Unabhängigkeit der Justizbehörden und der Stellung der Staatsanwaltschaft. 1853.

83) *Hasenbalg.* Zur Strafprocessordnung. Von der Erhebung der öffentlichen Klage. 1854.

84) *Mittermaier.* 1) «Staatsanwaltschaft» (статья въ «*Bluntschli's* Staatswörterbuch» XIII); 2) статьи въ «Gerichtsaal». 1858.

85) *Schwarze.* 1) «Staatsanwaltschaft» (статья въ «*Weiske's* Rechtslexicon» X. 1856) 2) (статьи въ «Gerichtsaal». 1860—1864).

86) *Puffendorf.* Die öffentliche Klage der Staatsanwaltschaft bei Verbrechen und Polizeiübertretungen. 1857.

87) *Sundelin.* Die Staatsanwaltschaft in Deutschland. 1860.

88) *Berninger.* Das Institut der Staatsanwaltschaft im Verfahren über bürgerliche Rechtsstreitigkeiten. 1861.

89) *Hauschtek.* Die Organe für die Rechtspflege in ihrer gegenseitigen Ergänzung. 1862.

90) *Seelig.* Die Staatsbehörde bei den Strafgerichten. 1864.

91) *Seuffert.* Ein Wort in der Staatsanwaltschaftfrage. 1865.

92. *Holtzendorf.* 1) Die Reform der Staatsanwaltschaft in Deutschland. 1864. 2) Die Umgestaltung der Staatsanwaltschaft vom Standpunkte unabhängiger Strafjustiz etc. 1865.—3) «Opportunitätsprincip» и «Staatsanwaltschaft» (статьи въ «Rechtslexicon» vol. II и III).

93) *Keller.* Die Staatsanwaltschaft in Deutschland. 1866.

94) *Stelling.* Ueber Anklagebesserung. 1868.

95) *Glaser.* Das Prinzip der Strafverfolgung. («Gesammelte kleinere Schriften» vol. I. 1868).

№№ 56 и **95** представляютъ всестороннюю разработку прокуратуры; наиболѣе полныя изслѣдованія—*Frey*, *Sundelin*, *Keller*, а также статьи *Mittermaier'*а и *Schwarze*, критика дѣйствующихъ учрежденій—у *Holtzendorf'*а, теорія государственнаго уголовнаго преслѣдованія—у *Glaser'*а.

б) Послѣ судебнаго преобразованія 70-хъ годовъ въ Австріи и Германіи.

96) *Schütze.* Das staatsbürgerliche Anklagerecht in Strafsachen. 1877.

97) *Yanka.* Staatliches Klagmonopol oder subsidiäres Strafklagerecht. 1879.

№№ 96 и **97:** теорія публичнаго уголовнаго преслѣдованія и его ученій.

98) *Glaser.* Erlass an sämmtliche K. K. Oberstaatsanwälte betreffend der Handhabung der Strafprocessordnung vom 23 Mai 1875.

№ 98: руководящій циркуляръ австрійскаго министра юстиціи Dr. *Glaser'a* о началахъ дѣятельности прокуратуры по новому уст. уг. судопр.

99) *Tinsch.* Die Staasanwaltschaft im deutschen Strafprocessrecht 1883.

100) *Ortloff.* Lehrbuch der Kriminalpolizei 1881.

101) *Höfling.* Die Polizeibehörden in ihrer Thätigkeit als Hülfsbeamte der Staatsanwaltschaft. 1881.

102) *Chuchul.* 1) Die gerichtliche Polizei. 1880. 2) Die Amtsanwaltschaft. 1880; 3) Das Bureauwesen der Staatsanwaltschaft bei den Landgerichten. 1884.

103) *Genzmer.* Die Verfahren des Amtsanwalts. 1879.

104) *Koenig.* Die Geschäftsverwaltung der Staatsanwaltschaft in Preussen. 1882.

105) *Marck.* Die Staatsanwaltschaft bei den Land-und Amtsgerichten in Preussen. 1884.

106) *Borchert.* Die Geschäftsanweisung für die Amtsanwälte. 1884.

107) *Dugend.* Geschäftskreis und Thätigkeit der Staatsanwaltchaft bei den Landsgerichten. 1884.

108) *Stachow.* Einführung zu der Thätigkeit des Staatsanwalts 1888.

№№ 96—108 имѣютъ предметомъ преобразованную австрійскую и германскую прокуратуру. Критика и теорія—*Tinsch*, подробныя практическія руководства—*Koenig* и *Marck*, руководства для прокуратуры при участковомъ судѣ—*Genzmer*, *Chuchul* и особенно *Borchert.* Систематическое изложеніе судебно-полицейской дѣятельности прокуратуры—*Ortloff*, *Höffling*, *Chuchul.*

Б) Изъ критической литературы по судебному преобразованію 70-хъ годовъ.

109) *Hünten.* Zur neuen Gesetzgebung. Geschwornengerichte und Staatsanwaltchaft. 1870.
110) *Meyer* Hugo. Die Mitwirkung der Parteien im Strafprocess. 1873.
111) *Wahlberg.* Kritik des Entwurfes einer Strafprocessordnung für das deutsche Reich. 1873.
112) *Bar.* Kritik der Prinzipien des Entwurfs der deutschen Strafprocessordnung. 1873.
113) *Gneist.* Vier Fragen zu der Strafprocessorduung. 1874.
114) *Heinze.* 1) Strafprocessuale Erörterungen. 1875. 2) Zur Phisiologie des Strafprocesses. 1876.
115) *Fuchs.* Anklage und Antragsdelikte. 1872.
116) *Binding.* Die drei Grundfragen der Organisation des Strafgerichts. 1876.
117) 1) *Entwurf eines Gerichtsverfassungsgesetzes* für das deutsche Reich nebst Motiven und Anlagen. 2) *Entwurf einer Strafprocessordnung* für das deutsche Reich nebst Motiven und Anlagen—изд. *Kortkampf.* 1874.

В) Общія изслѣдованія и руководства по судебно-уголовному праву.

а) До судебнаго преобразованія 70-хъ годовъ.

118) *Maurer.* Geschichte des altgermanischen Gerichtsverfahrens. 1824.
119) *Biener.* Beiträge zur Geschichte des Inquisitionsprocesses. 1827.
120. *Ortloff.* Der fiskalishe Strafprocess. 1859.

№№ 117—119: свѣдѣнія объ историческихъ зачаткахъ прокуратуры въ Германіи и въ частности о фискалатѣ.

121) *Savigny.* Die Prinzipien-fragen in Beziehung auf eine Strafprocessordnung. 1845. s. 35—47.
122) *Mittermaier.* 1) Das deutsche Strafverfahren 1845. § 45. 2) Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren etc. 1856. s. 106, 123, 153, 144, 155 (русскій переводъ изд. 1864).

123) *Planck.* Systematiche Darstellung des deutschen Strafverfahrens. 1857. §§ 11—16.

124) *Zachariae.* Handbuch des deutchen Strafprocesses. I. §§ 62—64.

№№ 120—123: лучшія руководства по уголовному процессу 40—60-хъ годовъ, съ подробными свѣдѣніями о прокуратурѣ того же періода. Сюда же относятся руководства:

125) *Löwe, Stemann, Rönne* (Staatsrecht)—для Пруссіи, *Walther, Dallmann* для Баваріи, *Schwarze* – для Саксоніи, *Würth, Hue-Glüneck, Rulf, Herbst*—для Австріи.

б) Послѣ судебнаго преобразованія 70-хъ годовъ.

126) *Geyer.* Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts 1880. §§ 95—98.

127) *Binding.* Grundriss des gemeinen deutschen Strafprocesses. 1881. §§ 52—55.

№№ 126 и 127: основныя понятія о прокуратурѣ по нѣмецкому праву вообще.

128) *Holtzendorf* (herausgegeben von). Handbuch des deutschen Strafprocessrechts in Einzelnbeiträgen. 1877—1879. vol. I, № II статья *Fuchs*'a s. 425—457, vol. II № 16 статья *Dochow*'a; статья *Schwarze*, s. 582—599.

129) *Kayser, Iohn, Bar, Dochow, Lueder* и друг. руководства по германскому имперскому судоустройству и уголовному процессу; одно изъ послѣднихъ: *Stenglein.* Lehrbuch des deutschen Strafprocessrechts. 1887. § 28.

130) *Löwe, Schwarze, Puchelt, Voitus, Bomhard und Koller, Meves*—комментаріи къ новымъ германскимъ учрежденію судебныхъ установленій и уставу уголовнаго судопроизводства.

131) *Mayer*, Salomon. Handbuch des österreichischen Strafprocessrechts. 1876—1881 v. II s. 97 etc.

132) *Ullmann.* Lehrbuch des österreichischen Strafprocessrechts 2 Aufl. 1882. §§ 55—58.

133) *Vargha.* Das Strafprocessrecht. 1885. §§ 66—69.

134) *S. Mayer, Rulf, Kaserer, Mitterbacher und Neumayer*—комментаріи къ новому австрійскому уголовному судоустройству и судопроизводству.

№№ 128—134: руководства и комментаріи къ новѣйшимъ судебнымъ законодательствамъ Австріи (1873) и Германіи (1877—78).

135) *Glaser.* Handbuch des Strafprocesses. vol I 1888, § 16 и 20, vol II 1885 §§ 71, 72.—Подробныя указанія на литературу прокурорскаго учрежденія, со включеніемъ нѣмецкихъ журнальныхъ статей: I § 17 примѣч. 12, s. 178, 179 и II § 71 примѣч. 1, s. 132, 133. (Въ русскомъ переводѣ г. *Лихачева*, печатавшемся въ приложеніи къ «Журналу гражд. и угол. права»; вышло три выпуска 1886—1887).

Лучшее во всѣхъ отношеніяхъ изъ новѣйшихъ произведеній этого рода; содержитъ сжатую, но весьма полную научную разработку вопроса о прокуратурѣ въ его историческомъ развитіи и современномъ положеніи.

136) *Ortloff.* Die Gerichtliche Redekunst. 2 vol. 1887 и 1888.

Обстоятельное теоретическое руководство къ судебному слову, съ практическими замѣчаніями, въ примѣненіи и къ обвинительной устной дѣятельности.

Г) Изслѣдованія по иноземному праву.

137) *Daniels.* Grundsätze des rheinischen und französischen Strafverfahrens. 1849. s. 37—49.

138) *Warnkönig und Stein.* Französische Staats und Rechtsgeschichte. 2 Aufl. 3 vol. 1875 VIII: s. 481 etc.

№№ 136—137: изложеніе историческаго развитія и догмы французской прокуратуры.

139) *Glaser.* 1) Das englisch-schottische Strafverfahren. 1850. 2) Anklage, Wahrspruch und Rechtsmittel im englischen Schwurgerichtsverfahren. 1866.

140) *Mittermaier.* Das englische, schottiche und nordamerikanische Strafverfahren. 1851 (русскій переводъ *Унковскаго* 1864).

141) *Biener.* Das englische Geschwornengericht. 1852—1855.

142) *Gneist.* Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung. 1863.

№№ 138—142: свѣдѣнія объ организаціи публичнаго обвиненія въ Англіи, Шотландіи и Сѣв. Америкѣ.

143) *Ossipow.* Die Thätigkeit der Staatsanwaltschaft im russischen Civilverfahren. 1868.

№ 143.—общее ученіе и догма русскаго положительнаго права по вопросу объ участіи прокуратуры въ гражданскомъ процессѣ.

V. На англійскомъ языкѣ.

144) *Archbold.* 1) Practice of the Crown office 1844.—2) Pleading and evidence in criminal cases. 1875.
145) *Stephen.* A general view of the criminal law of England 1865 (русскій переводъ *Спасовича* 1865).
146) *Bentham.* A Draugth of a Code for the organisation of the judicials establischments in France. 1790. (The Works of J. Bentham. 1843. v. IV); (русскій переводъ *Книрима* 1860 стр. 75, 80—97).
147) *Brougham.* The Britisch Constitution. 2 ed. 1861. chap. XI.
148) *Elliot.* Criminal procedure in England and Scotland. 1878.
149) *Conkling.* A Treatise on the organisation, jurisdiction and practice of the courts of the United States; ed. 1871.
150) *Report from the select committee on public prosecution. 1855.*
151) *Fifth Report* of Judicature Commission. 1874.
152) *Committee on office of public prosecution. 1884.*
153) *Maitland.* Justice and police. 1885. chap. XII.
154) *Rumsay.* The prosecution of offences act (‹Law Magazine and Review› 1883).
155) ‹*Have we a public prosecutor*?› (Saturday Review, 28 Iuly. 1888).

VI. На русскомъ языкѣ.

А) До судебной реформы.

156) *Линовскій.* Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. 1849.
157) *Кавелинъ.* Собраніе сочиненій изд. 1859 т. I. Основныя начала русскаго судоустройства отъ уложенія до учрежденія о губ.
158) *Дмитріевъ.* Исторія судебныхъ инстанцій. 1859.
159) *Ивановъ.* Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. 1863.
160) *Градовскій.* Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры. 1866.

161) *Градовскій.* Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. 1868.

162) *Петровскій.* О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. 1875.

163) *Полежаевъ.* О губернскомъ надзорѣ («Журналъ министерства юстиціи» 1859. Ноябрь).

164) *Степановъ.* О формахъ правительственнаго надзора въ Россіи въ XVIII столѣтіи.

165) *Стояновскій.* Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству. Изд. 2. 1858.

166) *Филипповъ.* Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство («Современникъ» 1859).

167) *Богородскій.* Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII вѣка. 1862.

168) *Гартунгъ.* Исторія уголовнаго судопроизводства и судоустройства Франціи, Англіи, Германіи и Россіи. 1868.

169) *Орловъ.* О состояніи государственной прокуратуры въ Западной Европѣ. («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» 1866. кн. 4).

170) *Лакіеръ.* Учрежденіе прокурорскаго надзора въ связи съ различными формами уголовнаго судопроизводства («Журналъ министерства юстиціи». 1863. т. 15).

171) *Марковъ.* О прокурорскомъ надзорѣ въ гражданскихъ дѣлахъ («Журналъ министерства юстиціи» 1864 т. 20).

Б) Послѣ судебной реформы.

172) *Буцковскій.* О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. 1867. («Очерки судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г.» 1874).

173) *Квачевскій.* Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по Судебнымъ Уставамъ 1864 г. 2 т. 1866, 1869.

174) *Чебышевъ-Дмитріевъ.* Русское уголовное судопроизводство. 1875.

175) *Фойницкій.* Курсъ уголовнаго судопроизводства т. 1. 1884.

176) *Малышевъ.* Курсъ гражданскаго судопроизводства 2 изд. 1876.

177) *Неклюдовъ.* Руководство для мировыхъ судей т. I. Уставъ уголовнаго судопроизводства. 1872.

178) *Гисси и Соколовскій.* Дознаніе, его цѣли и способы производства. 1879.

179) *Макалинскій.* Руководство для судебныхъ слѣдователей. 2 изд. 1870, 1871.

180) *Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій.* Изд. министерства юстиціи. 1882.

181) *Арсеньевъ.* 1) Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія 1870. — 2) Судебное слѣдствіе. 1871.

182) *Спасскій.* О производствѣ уголовныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ. 1882.

183) *Хрулевъ.* Судъ присяжныхъ. Очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ. 1886.

184) *Кони.* Судебныя рѣчи. 1888.

185) *Шмаковъ.* Судебные ораторы во Франціи. 1888.

186) *Головачевъ.* Десять лѣтъ реформы. 1872.

187) *Фуксъ.* Судъ и полиція. 1888.

188) Комментаторскія изданія *Утина, Попова, Трахтенберга, Бѣлова, Попова* и *Красовскаго, Тимановскаго, С. Щегловитова.*

189) *Зачинскій.* О началѣ государственнаго обвиненія. 1887.

190) *Вульфертъ.* 1) Реформа предварительнаго слѣдствія. 1881; 2) Новый англійскій законъ о государственныхъ обвинителяхъ («Журн. гражд. и угол. права» 1880. кн. I).

191) *Пушкинъ.* По поводу предстоящей реформы слѣдственной части. 1882.

192) *Н. Т.* Судебный слѣдователь по судебнымъ уставамъ и въ дѣйствительности. («Журн. гражд. и угол. права» 1881. кн. 3 и 4).

193) *Фойницкій.* Предварительное слѣдствіе и его реформа («Журналъ гражд. и уголов. права» 1882 кн. 1).

194) *К. А.* 1) Наблюденія и замѣтки объ условіяхъ слѣдственной дѣятельности въ провинціи («Судебный журналъ». 1873. №№ 5 и 6). 2) Наблюденія и замѣтки объ условіяхъ дѣятельности прокурорскаго надзора въ провинціи. (Тамъ-же).

195) *Жуковскій.* Содержаніе и назначеніе обвинительнаго акта («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права» 1876 кн. 5).

196) *Серпьевскій.* 1) Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ («Журналъ гражд. и угол. права» 1878 кн. 1); 2) Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ германскомъ процессѣ. («Журн. гражд. и угол. права». 1878 кн. 2).

197) *Анциферовъ.* Обвинительное начало и англійскій процессъ («Юридическій Вѣстникъ» 1879. № 3).

198) *Щегловитовъ Ив.* 1) Прокуратура на предварительномъ слѣдствіи («Юридическій Вѣстникъ»1887. № 9); 2) Участіе потерпѣвшаго отъ преступленія въ уголовномъ преслѣдованіи («Юрид. Вѣстн.» 1868 № 9).

199) *Селивановъ.* Судебно-полицейскій розыскъ у насъ и во Франціи (Юрид. Вѣстникъ. 1884. № 2 и 7).

200) *Красовскій.* Полиція и прокуратура въ Закавказскомъ краѣ (Журн. гражд. и угол. права, 1886, кн. 8).

201) *Обнинскій.* Судебная рѣчь («Юридич. Вѣстн.» 1887 кн. 8).

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
25	16 сн.	*language*	*langage*
51	16 „	*conservatore*	*conservatore*
70	1 „	*j'emprèche*	*j'empèche*
76	9 св.	и прокуратуры	о прокуратурѣ
77	9 „	нововведеній	нововведеній
153	9 сн.	тоть	тотъ
165	11 св.	обезпеченіе	обезпеченія
171	10 сн.	интезивности	интензивности
173	17 „	передачи	передачѣ
174	2 „	заключается	заключаются
198	5 „	различныхъ	различныхъ
200	1 св,	кассаціонныя	кассаціонные
201	17 сн.	достиженіе	въ достиженіи
213	2 „	affences	offences
—	1 „	*Fith*	*Fifth*
215	7 св.	точѣе	точнѣе
234	14 сн.	одѣнянін	одѣяніи
237	7 св	шрифа	шерифа
256	13 „	всемъ	всѣмъ
282	11 „	непосредственнаго	непосредственно
296	9 сн.	другію	другую
302	3 „	повидидому	повидимому
303	6 „	части	чести
310	2 св.	нарушенія	нарушеніи
311	16 „	исполненіе	исполненія
313	1 „	послѣдовательнаго	послѣдовательности
—	6 сн.	присужденію	присужденіи
321	15 св.	повѣленій	повелѣній
—	17 сн.	сенататоровъ	сенаторовъ
322	6 „	подлежащими	подлежащимъ
324	1 св.	фундатентомъ	фундаментомъ
—	17 „	закона опредѣленія	опредѣленія
—	9 сн.	правительственнаго	правительствующаго
325	10 св.	и и настаивать	и настаивать

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
325	15 св.	приступленіе	преступленіе
335	17 „	подробрости	подробности
336	20 „	дожностей	должностей
346	14 „	его	ея
351	18 „	соблюденія	соблюденіе
—	13 сн.	опрѣделенія	опредѣленія
364	17 св.	реформы	реформѣ
369	10 сн.	Прокурорской	Прокурорскій
376	18 св.	слѣдвіяхъ	слѣдствіяхъ
377	2 „	обязятельно	обязательно
—	4 „	разрѣшеніе	разрѣшеніе
379	11 сн.	отвѣтственною	отвѣтственную
382	3 „	непосредствеонымъ	непосредственнымъ
388	1 св.	338	388
—	20 „	примѣніемъ	примѣненіемъ
413	2 „	крозыску	розыску
423	14 „	касатся	касается
—	15 сн.	обратиться	обратится
432	11 „	необходимымъ	необходимъ
437	16 „	подвѣдомственной	подвѣдомственный
453	15 св.	пезависимо	независимо
465	10 сн.	было	были
474	17 „	основывалась	основывалась
481	13 св.	учрожденіемъ	учрежденіемъ
497	5 „	происходить	происходитъ
502	7 „	противорѣчить	противорѣчитъ
511	18 „	органа, примѣняющаго	органа примѣняющаго
—	19 „	законъ правительства	законъ правительства
513	11 „	на соблюденіе	на соблюденіи

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Кандидаты на судебныя должности.—Вопросъ судоустройства и судебной политики. Москва. 1885. Цѣна 1 р. 50 к.

Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Изд. 7-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р.

Краткій наказъ волостнымъ и сельскимъ начальникамъ по раскрытію преступленій и поимкѣ преступниковъ. Изд. 7-е. Москва. 1886. Цѣна 10 к.

Инструкція чинамъ прокурорскаго надзора округа С.-Петербургской Судебной Палаты. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1884.

Инструкція чинамъ прокурорскаго надзора округа Московской Судебной Палаты. Москва. 1886.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. — Пособіе для прокурорской службы. — **Томъ второй: Прокурорскій надзоръ по дѣйствующему русскому праву и практикѣ.**